

1873 — 1935

В. А. БЕДНОВ

ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ
В ПОЛЬШЕ И ЛИТВЕ
(no VOLUMINA LEGUM)

Минск
«Лучи Софии»
2002

УДК 281.93:235.3(091)(438+474.5+476)

ББК 86.372г

Б 38

Печатается по изданию: В.А.Беднов. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). - Екатеринослав, 1908.

Беднов В.А.

Б 38 Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum)/ В.А.Беднов. — Мн.: Лучи Софии, 2002. — 432 с.

ISBN 985-6171-47-4

Предлагаемое вниманию читателей переиздание монографического исследования профессора богословия Варшавского университета В.А.Беднова «Православная церковь Литвы и Польши» относится к числу раритетных изданий, давно ставших библиографической редкостью. Исследование было опубликовано в Екатеринославе (1908 г.) тиражом менее 100 экземпляров. Книга В.А.Беднова посвящена истории Православия на Беларуси и Украине (Западной и Южной Руси) в XIV-XVIII вв. В исторических судьбах населения этих земель указанный период связан с существованием Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Особая ценность публикуемой работы заключается в том, что история Православной Церкви Беларуси и Украины рассматривается автором параллельно с анализом источника официального происхождения — сводом законов Речи Посполитой «Volumine legum».

Сложные политические события, происходившие в XIV-XVIII вв. на территории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, поставили Православную Церковь на грань выживания. Потерявшая в конце XIV в. статус государственной, Православная Церковь разделила трудную судьбу своих народов и не утратила своей этно- и культурообразующей роли.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей вузов и школ, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также всех тех, кто интересуется культурой и церковной историей Беларуси, Литвы и Украины.

УДК 281.93:235.3(091)(438+474.5+476)

ББК 86.372г

ISBN 985-6171-47-4

© Лучи Софии, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Под заглавием *Volumina Legum* известно собрание законов бывшей Речи Посполитой от XIV ст. до четырехлетнего сейма включительно. Собрание это дело частных рук. В XVIII в. над составлением его трудились ксендзы-пиары, как, например, известный ревнитель народного просвещения в Польше Станислав Конарский (1700-1773 гг.) и горячий патриот епископ Иосиф Залуский. Пиары выпустили восемь томов, из которых первый издан (с посвящением Августу II) в 1733 г., а последний — в 1782 г.¹). В 1859 и 60 годах эти восемь томов были вновь изданы в Петербурге Иосафатом Огрызком. Это второе издание памятников польского законодательства представляет собой в отношении содержания и порядка перепечатку пиарского издания с устранением из него очевидных типографских погрешностей. В 1889 г. юридическая комиссия (*comisyja prawnicza*) академии наук в Кракове выпустила еще один, девятый, том *Volumina Legum*, в состав которого вошли конституции сеймов 1782, 1784, 1786 и 1788—1792 годов. Несмотря на то, что это собрание законов, статутов, конституций и привилегий Польско-Литовского государства сделано и обнародовано частными лицами, а не правительством, оно имело большое значение в Польше не только при ее существовании (в последние десятилетия существования Польши), но и после раздела ее в тех областях, которые были присоединены к России² и Австрии. Что касается содержания *Volumin'ов*, то в них включены только те памятники польского законодательства, которые постановлены не единолично королем, а с ведома и согласия духовенства, панов и представителей шляхты, сначала на съездах, а с XVI в. — на сеймах³. В первом томе содержатся законы от 1347 года, когда был издан Казимиром Великим знаменитый Вислицкий статут, до 1547 года (до смерти Сигизмунда Старого). В начале этого тома помещается посвящение королю Августу II и обращение к читателю (*ad lectorem*) на латинском языке (I—XXI), в котором излагается краткая история польского законодательства и опытов собирания его памятников и гимн Богородице из статута Лаского. Во втором томе заключаются сеймовые постановления со времени вступления на польский

¹ Szujski IV, 369.

² Русское правительство неоднократно подтверждало польские конституции; см Полн Собр. Зак Росс Имп (пер. соб.), т XXV, № 18135, с. 727—733.

³ Казимир Великий, в своем Вислицком статуте говорит: *Nos Casimirus. . una cum praelatis, baronibus caeterisque nobilibus et subditis nostris Volum Legum. I, p 1* На сеймах вообще требовалось согласие короля, сената и кола рыцарского; без этого ни одно постановление не могло приобрести значения обязательного для всех закона. *Volum. Legum I, Ad lectoret, p XV, conf II, 252, § 4*

престол Сигизмунда Августа (в 1548 г.) до 1609 года; в третьем — с 1611 г. по 1640 г. (в нем, кроме конституций, много поборовых универсалов); в четвертом — с 1641 г. по 1668 г., до бескоролья, наступившего после отречения от престола Яна III Казимира. Том пятый содержит в себе постановления сеймов с 1669 г. до 1697 г., до времени избрания в короли саксонского курфюрста Августа II; шестой — все постановленное при Августе II с присоединением к нему конституций так называемого пацификационного (примирительного) сейма, бывшего в 1736 г., когда Август III был признан польским королем и приверженцами Станислава Лещинского; в начале его помещено посвящение Фридерiku Августу и Ксаверию, детям второго короля из Саксонской династии. В седьмом томе, посвященном последнему польскому королю Станиславу Понятовскому, содержатся акты бескоролья 1764 г. и постановления сеймов коронационного 1764 г. и бывших в 1766 и 1768 годах. В восьмом томе заключаются памятники законодательной деятельности сеймов с 1773 по 1780 год. Наконец, в состав девятого тома вошли постановления последующих сеймов с 1782 по 1792 год. Содержание первого тома изложено, за самыми небольшими исключениями, на латинском языке, а следующих — на польском. На латинском языке излагаются везде, во всех томах, королевские присяги, так называемые денунциации (провозглашения, объявления) о новоизбранных королях, генеральные конфирмации прав, обнародованные королями при своих коронациях, и некоторые другие государственные документы (напр., акты договора Польши со Швецией в 1609—12 гг., статей Оливского договора 1660 г., законодательства относительно Пруссии и условий подчинения Курляндии)¹. В седьмом томе есть акты, написанные по-русски (латинским алфавитом) и по-польски (вечный трактат с Россией в 1768 г.), по-польски и по-латыни (первый сепаратный акт 1768 г., такой же акт второй), а в восьмом — по-польски и по-французски (напр., трактаты 1775 г. с Австрией, Россией и Пруссией). К изданию присоединен предметный указатель (*inventarz*) всего содержимого в первых восьми томах *Volumin'ов*, в двух частях, из которых одна относится к первым шести томам, а вторая — к седьмому и восьмому.

Значение *Volumina Legum* как юридического памятника весьма велико: хотя это собрание польских законов частного происхождения, но в последние десятилетия существования Речи Посполитой на него смотрели как на собрание правительственное. Это во-первых, а во-вторых, до самого последнего времени ученые в своих научных исследованиях ссылались на них, нисколько не сомневаясь как относительно количества помещенного в

¹ *Volum. Legum*, III, 44—80; IV, 344—354; VI, 254 и 270

Volumin'ax юридического материала, так и текста приводимых в них юридических документов. Только в 1903 г. профессор Освальд Бальцер в своем труде "Przyczynki do historyi zrodel prawa polskiego" подрывает традиционное значение первого тома Volumin'ов как собрания памятников законодательства. Проф. Бальцер ставит в вину издателям первого тома то, что они: 1) при составлении его пользовались не оригиналами памятников, а существовавшими еще с XV в. юридическими сборниками Лаского, Пржилуского, Гербурта, Сарницкого, Янушковского и др.; 2) допустили ошибки в изложении текста и вместо оригинального польского текста приводят его в латинском переводе (конституции 1544—45 гг.); и 3) не внесли на страницы сборника многие важные постановления, хотя некоторые однородные с ними внесены (помещены эдикты — Ягелла велюнский 1432 г. против гуситов и Януша Мазовецкого против лютеран, а эдикты Сигизмунда I против лютеран не вошли в сборник)¹. Подобного рода недостатки могут быть и в прочих томах², но это существенно не умаляет значения Volumina Legum как источника для истории правового положения православной церкви в Польше и Литве.

Из всей массы постановлений, содержащихся в Volumin'ax, к положению православной церкви в Польше и Литве относится сравнительно немного. До времен Сигизмунда III законоположений, трактующих о правах сторонников восточно-православного исповедания, очень мало, и то, что встречается в Volumin'ax до Люблинской унии (1569 г.), имеет отношение только к русским областям, входившим в состав Польши, Литвы же (за исключением акта Городельской унии 1413 г.) совсем не касается. Акты Люблинской унии 1569 г. впервые распространяются на обе составные части (на Польшу и Литву) Речи Посполитой, так как заключают в себе уравнение обеих частей ее в правовом отношении. Поэтому для того, чтобы составить представление о том правовом положении, какое занимало православие в Литве до упомянутой политической унии, приходится обращаться к тем многочисленным привилеям и грамотам великих князей литовских, которые содержатся по разным собраниям исторических документов, имеющим отношение к прошлому Литвы, юго-западной и северо-западной Руси, а также — к Литовскому статуту. Самое раннее постановление о православии в Volumin'ax встречается под 1413 г. в акте Городельской унии³, который содержит в себе ограничения гражданских прав высших классов русско-ли-

Rozprawy Akademii Umiejetnosci, wydział historyczno-filozoficzny, ser II, t. XXI (ogól. zbioru XLVI), Kraków, 1903 гг., с 64—65, 84—85; 88—91 и 102—103.

² Не вошли многие конституции (до 1661 г.), относящиеся к Вел. Кн. Литовскому. Ф.И. Леонтович. Спорные вопросы по истории русско-литовского права, СПб., 1903, с 18—19

³ Volum legum, I, 29—32.

товского общества, исповедующих православие. Затем в течение XV и XVI вв. встречается еще несколько таких постановлений, но их, как сказано выше, немного. Число их, в виде сеймовых конституций, начинает увеличиваться с наступлением XVII в., когда возникла ожесточенная борьба между православными и униатами. На протяжении всего семнадцатого века, когда православные шляхта, братства и казачество энергично отстаивали свои религиозные права, постановлений касательно православия, притом в большинстве своем благоприятных для него, встречается много; но с наступлением XVIII в., когда православные в пределах Речи Посполитой лишились возможности отстаивать свои права, сеймовые постановления относительно православия опять уменьшаются количественно и по своему содержанию являются стеснительными для дизунитов. Шестидесятые годы XVIII в. изобилуют сеймовыми постановлениями касательно православных. Эти постановления, выпущенные под давлением русского правительства, восстанавливают все те гражданские и церковные права, которые были отняты у православных при королях Саксонской династии, и уравнивают их во многом с католическими подданными Речи Посполитой.

Содержащиеся в *Volumin'ax* постановления относительно положения православной церкви в Польше и Литве не всегда были одинаковы. В одно время они не отличали членов ее от католиков, предоставляли первым то, чем владели и вторые (XVI в. и некоторые постановления 50-х годов XVII ст.), в другое — сильно ограничивали права “схизматиков” и стесняли их религиозную свободу, а с ней вместе и гражданскую (конституции в правление Яна Собеского и в XVIII в.). Поэтому на всем протяжении четырех столетий, охватываемых содержанием *Volumin'ov*, историю юридического положения православной церкви в Польско-Литовском государстве можно разделить на пять периодов, из которых каждый имеет свои отличительные особенности.

Первый период начинается со времен Ягелла (от 1386 г., когда он принял католичество) и тянется до правления Стефана Батория включительно. В начале его права православной церкви несколько ограничиваются (Городельская уния 1413 г.), но при преемниках Ягелла эти ограничения постепенно ослабляются, в 60-х годах XVI в. православные почти уравниваются с католиками, а во время первых двух бескоролевий равенство православия (равно как и других вероисповеданий) с католичеством снова торжественно подтверждается конвокационными и избирательными сеймами. Невзгоды, переживаемые в этот период православием, происходили большей частью от злоупотреблений, допускаемых королями при раздаче церковных должностей (злоупотребления правом подаванья, так называемым *jus patronatus*). Но такие злоупотребления польско-литовские правители позволяли себе и

по отношению к католическим церковным должностям (примеры: торговля бискупскими кафедрами при Сигизмунде I)¹. В общем православные в этот период и в гражданском, и в церковном отношении юридически (а тем более фактически) немногим отличались от католиков: имели свою высшую иерархию, строили церкви и монастыри, приобретали церковные имения, занимали высшие государственные и общественные должности; об общих ограничениях православных не встречается в Volumin'ах никаких упоминаний.

Второй период обнимает правление Сигизмунда III (1587—1632 г.). Отличительная его особенность — появление церковной унии, которая была взята королем под его особое покровительство, и ожесточенная борьба между православными и униатами. Правительство теперь долгое время совершенно игнорирует существование православия, считая его последователей отщепенцами от “греческой религии” русского народа, якобы изначально бывшего в единении с Римом; оно лишило православных высшей иерархии, перенесло все издавна принадлежавшие им права на униатов и направило все свои средства на распространение среди них унии. Православные (сначала только шляхта и братства, а потом, особенно с 20-х годов XVII в., и казачество) энергично отстаивают свои религиозные и политические права, требуют у правительства признания существования своей самостоятельной, отдельной от униатской церкви, но восстановления высшей иерархии, несмотря на все свои усилия, они все-таки не получают. Правительство обещало дать им самостоятельных владык (конституция 1607 г.), но не приводило своего обещания в исполнение, все требования православных откладывало от одного сейма до другого.

Период третий начинается с бескоролья после Сигизмунда III (1632 г.); он характеризуется успехами православных в борьбе с унией, результатом которых являются благоприятные для них конституции. Они получают высшую иерархию с митрополитом во главе, многие из отнятых у них монастырей и церквей и, под влиянием успехов казачества в кровавой борьбе с польским правительством, *de jure* достигают того, чего не имели даже в первый период: православные митрополит (Зборовский договор) и владыки (Гадячские статьи), подобно католическим иерархам, приобретают сенаторские кресла. Вечный мир с Московским государством в 1686 г. положил конец этому периоду. Начало его было благоприятно для православных, но конец напоминает времена Сигизмунда III. С конца 60-х годов XVII в. православие лишается своих защитников: шляхта в большинстве своем католичится и ополячивается, казачество ослабевает и утрачивает свое

¹ Жукович. Кардинал Гозий . с 36—40

прежнее значение, православные братства, лишившись поддержки шляхты и казачества, вынуждены прекратить свою прежнюю широкую и благотворную деятельность. Католичество и уния, не встречая энергичного отпора, начинают все больше и больше торжествовать над православием, а правительство — поддерживать их и теснить православие. Религиозный фанатизм и политические соображения вызывают в нем намерение истребить православие и навязать русскому народу ненавистную для него унию.

Четвертый период — с 1686 г. до 1786 г. Начинается он совсем неблагоприятно для православия. К концу XVII в. совершенно прекращается деятельность шляхты в пользу православия; православные кафедры одна за другой переходят в руки униатов; правительство лишает православных доступа к государственным и общественным должностям и начинает отождествлять их с протестантами. Положение их делается крайне печальным. Только русское правительство, приобретя большое влияние на дела в Польше, время от времени заступалось за дизунитов и делало в их пользу сильные представления перед польским правительством. Но эти представления мало изменяли положение угнетаемых православных. Так дело шло до вступления на русский престол императрицы Екатерины II, которая приложила много стараний для улучшения положения гонимого православия. В 1768 г. православным были восстановлены все их прежние гражданские и церковные права и они сделались почти равноправными с католиками Речи Посполитой.

Пятый период обнимает эпоху четырехлетнего, или иначе великого, сейма (1788—1792 гг.). Четыре года — небольшой срок, но так как этот сейм резко отличается от всех прочих своей деятельностью вообще и отношением к православию в частности, то их приходится выделить в особый период. Сейм действительно занимался выработкой средств возрождения Польши. По отношению к православию, под влиянием переживаемых Речью Посполитой в 1788—1792 гг. политических событий, с одной стороны, и распространения в Польше идей французского просвещения, с другой, — четырехлетний сейм проявил благосклонное отношение к православию и без всякого давления извне провозгласил религиозную свободу, распространил правительственное покровительство и на православных и узаконил новое церковное устройство последних, в силу которого православная церковь в Польше порывала связь с церковью российской и подчинялась константинопольскому патриарху.

Каждому из этих периодов в предлагаемом сочинении посвящается особая глава. При обозрении каждого постановления относительно православия обращалось внимание на те обстоятельства политической и общественной жизни, которые способствовали его возникновению. Так как православ-

ная шляхта, как наиболее полноправное сословие русского народа, имела большое влияние на возникновение того или другого сеймового постановления (особенно в XVII в.), то в сочинении обращено особенное внимание на те инструкции сеймовым послам, которые обычно составляла для них шляхта, собиравшаяся на так называемые предсеймовые сеймики, где высказывала свои требования к предстоящему сейму. Точно так же не оставлены без внимания казацкие движения и представления русского правительства в тех случаях, когда они вызывали те или иные конституции относительно православных. Многие события церковно-общественной жизни юго-западной Руси, несмотря на всю их важность в истории православной церкви, обойдены молчанием; о многих из них сделаны только краткие замечания, а вообще в сочинении говорится только о тех обстоятельствах и явлениях церковно-исторической жизни русских областей, входивших в состав Речи Посполитой, которые оказывали влияние на юридическое положение православной церкви в пределах Польши и Литвы.

ГЛАВА I

От Казимира Великого до Сигизмунда III

Начавшееся с конца XII столетия обособление северо-восточной Руси от юго-западной со времени Татарского погрома еще более усиливается и дает совершенно новое направление течению исторической жизни южнорусских земель. Соседние с ними народы — венгры, поляки и вновь вступающие на историческую арену литовцы — делают попытки завладеть частями юго-западной Руси. Наибольший успех в этом отношении имели со времени Миндовга (ум. в 1263 г.) литовские князья, присоединявшие к своим владениям одну землю за другой, попытки же венгров и поляков, претендовавших на Червоную, или Галицкую, Русь, оставались безуспешными до тех пор, пока со смертью князя Юрия II Андреевича в 1335 г. не прекратилась здесь династия русских князей из дома Рюриковых. В XIV веке вся юго-западная Русь, занимавшая огромный район по рекам Днепру с его притоками, по Западной Двине, Днестру и Южному Бугу, уже совершенно порывает связь с начавшими группироваться вокруг Москвы северо-восточными областями, вступает в тесное соприкосновение с литовцами и поляками и свою последующую судьбу соединяет с судьбой упоминаемых народов. Полоцк, Витебск, Смоленск, так называемая Черная Русь, Северная земля, Волынь, Подолия и Киев входят в состав могущественного Великого Княжества Литовского, а Червонная Русь в 1340 г., при Казимире Великом, присоединяется к Польше. Таким образом, православие встречается здесь с двумя верованиями: католическим, исповедуемым поляками, и язычеством, которого придерживались литовцы. Как и можно было ожидать, положение православной церкви в этих двух соседних государствах оказалось далеко не одинаковым.

Ко времени соединения в 1385 г. Великого Княжества Литовского с Польшей первое занимало огромное пространство от Балтийского до Черного моря, с одной стороны, и от Угры, Оки и истоков Сейма до Западного Буга, с другой. Но на таком пространстве преобладала не литовская народность, а подразделявшаяся на разные ветви русская¹. Среди массы русского населения, вошедшего в состав Литовского государства, литовское племя было ничтожно в количественном отношении. Но русские превосходили литовцев не только в количественном и территориальном отно-

---

¹ Территория, населенная литовцами, занимала менее 1/10 доли всего Литовско-русского государства. Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., март, с. 80 (статья проф. Леонтовича Ф. — Очерк истории Литовско-русского права)

шениях, но и в культурном. Неудивительно поэтому, что они начинают оказывать цивилизующее влияние на литовцев, можно сказать, с момента присоединения к Литве первых русских земель (Полоцкой, Пинско-Туровской и др.), и это влияние возрастало по мере присоединения к Литве новых русских областей. Литовские князья сознавали преимущество русских перед литовцами, признавали пользу культурного воздействия русского населения на последних и старались всячески поддерживать его. Литовцы перенимали от русских ремесла и искусства, их обычаи и нравы, христианскую религию, право и даже язык. Конечно, не обходилось и без протестов со стороны литовской народности, что видим, например, по смерти Миндовга (в 1263 г.) в борьбе Жмудского князя Стройната с Полоцким-Товтивилом (православным) или в правление Тройдена (1270—1282 гг.)¹, но эти протесты подавлялись сочувствующими русской народности и ее культуре. Со вступлением на Литовский великокняжеский престол Витеня (1293—1315 гг.) русский элемент окончательно получает перевес над литовским и обрушение литовцев прогрессирует быстрыми шагами². Для успешнейшего сближения литовцев с русскими литовские князья, сочувствующие русским началам, вступали в брак с русскими княжнами, а эти последние прилагали старания к распространению православия не только в своей семье, среди своих детей, но и в среде подданных. Так, Гедимин и Ольгерд были женаты на русских княжнях (у первого — Ольга и Ева, у второго — Мария Витебская и Иулиания Тверская); из семи сыновей Гедимины (1316—1341 гг.) четыре (Наримонт, Любарт, Кориат и Евнут) были крещены в православие; православными были и все двенадцать сыновей Ольгерда (1345—1377 гг.)³. Примеры принятия христианства в форме православия литовскими князьями встречаются еще в XIII в.⁴

Брачные союзы литовских князей с русскими княжнами и распространение среди литовцев православия доставляли русской народности все большее и большее преобладание в Литовском государстве; высшей степени это преобладание русских народных начал, русской культуры достигло при ве-

¹ Антонович, Монография, т. 1, с. 30—31 и 34

² Ibid., с. 40

³ И Чистович, ч. 1, 16—17, Макарий, т. IV, 129; ср. Антонович, Монографии т. I, с. 84—85.

⁴ Сын Миндовга Воишелг, бывший монахом; братья упомянутого выше, по выражению летописи, окаянного, беззаконного, проклятого и немилостивого Тройдена — Сурьпутий, Лесий и Свелкений “держаше правую веру крестьяньскую. преизлиха любяще веру и нищая”; потом, сын того же Тройдена Римонт не только принял православие, но даже монашество и под именем Елисея подвизался в Лавришевском монастыре, в XIV же веке стремление литовских князей к православию, как видно из сказанного выше, усиливается. Полное собрание русских летописей, т. II, с. 204 и 345

ликом князе Ольгерде (1345—1377), который все свое внимание и все свои симпатии сосредоточивал на интересах русского населения¹. По примеру своих правителей литовское население усваивало русскую культуру. В этом отношении победители (литовцы) стали на решительный путь усвоения национальных особенностей побежденных (русских) и быстро перенимали их веру, обычаи и язык. Обрусение литовцев, высокую степень и значение которого для Литвы признают и польские историки², достигло того, что русский язык получил решительный перевес над литовским при дворах князей и между литовским боярством и сделался исключительно официальным языком администрации и суда на пространстве всего Великого Княжества Литовского; на нем писались все государственные акты и официальные документы³. Помимо явного превосходства православно-русской культуры над языческой, литовской, к доставлению преимущества первой над последней литовских князей XIV века побуждали прямые политические расчеты и соображения. Одновременно с собиранием русских земель литовскими князьями в северо-восточной Руси шло собирание их и великими князьями московскими. В XIV столетии между Литвой и Москвой начинаются столкновения; чтобы успешно бороться с последней и удерживать за собой занятые русские земли, Литве надлежало доставить господство и преобладание в своих пределах всему русскому, в том числе русскому языку и православию, ибо в противном случае русские, подданные Литовского государя, охотно переходили бы на сторону единой веры и родственной им Москвы⁴. Ввиду указанных обстоятельств русский элемент приобрел среди литовцев огромное значение и влияние. При последующем ходе исторических событий в таком же направлении, как они шли при Гедимине и Ольгерде, Литовское государство с течением времени сделалось бы православным западно-русским великим княжеством (как Москва восточнорусским), если бы брак великого князя Литовского Ягелла в 1386 г. с польской королевой Ядвигой, дочерью Людовика Венгерского, и, как следствие этой женитьбы, политическое соединение Литвы с Польшей не изменили резко течения истории и не направили его по совершенно иному руслу; Литва должна была сделаться католическим государством и воспринять польскую культуру.

В то время как в Литве православие до 1385 г. делало успехи, в присоединенной к Польше Червоной Руси оно встретило неблагоприятные для

¹ Антонович, Монографии. . т I, с 84. 86

² Бобржинский, т. I, 210.

³ Е. Голубинский Истор рус церкви, период второй (Московский), т II, первая половина тома, Москва 1900 г., с 334—335

⁴ Бобржинский, т I, 210

себя условия. В 1340 г. польский король Казимир Великий, воспользовавшись смертью правившего с 1336 г. Червоной Русью князя Болеслава Мазовецкого (родственника последнего Галицкого Рюриковича Юрия II), занял своими войсками эту русскую область и приобщил ее к короне польской. По отзывам польских историков, соединение Червоной Руси с Польшей носило форму династической унии¹, что явилось результатом той польской политики, которая со времен Владислава Локетка (1306—1333) применялась по отношению к отдельным польским землям. Локеток, желая объединить под своей властью разрозненные польские дельницы, объединение это делал в форме личной унии: каждой земле он оставлял полную автономию, полную обособленность, сохранял существовавшую дотоле в каждой из них организацию и иерархию должностных лиц². Сохранением полной автономности каждой земли имелось в виду крепче привязать ее к королю. То же самое было сделано и по отношению к Червоной Руси: Казимир Великий, подчиняя себе эту страну, оставил ей полное самоуправление, удержал в ней все прежние законы и учреждения, весь выработанный здесь веками общественный строй³ и полную свободу исповедания по обряду восточной церкви⁴.

Несмотря на дарованные Казимиром Великим Червоной Руси привилегии, положение православия здесь не могло считаться надежным и безопасным. Прежде всего папа не мог равнодушно смотреть на то, что в католическом государстве живут схизматики, и желал их обращения в католичество. Папа Бенедикт XII, узнав от самого Казимира Великого о подчинении Руси и о том, что король клятвенно обещал русскому населению во всем защищать его и хранить при его обрядах (*in eorum ritibus*), правах и обычаях, пишет (29 июня 1341 г.) Краковскому епископу, чтобы тот освободил Казимира от данной им клятвы⁵ и тем самым дал ему возможность действовать свободно по отношению к православному населению Галицкой Руси.

¹ Бобржинский, т. I, 183

² Ibid. I, 167—168, сравн Кареев “Истор. очерк Польск. Сейма”, с. 52.

³ Бобржинский, т. I, 167, 183 и 188

⁴ Шмитт, I, 163, Bulinski, I, 180 По словам Длугоша, Львов не сдавался Казимиру до тех пор, пока король не дал обещания, что не будет делать ни насилий, ни перемен по отношению к православной вере (*dummodo rex ritum fidei eorum non se violaturum aut mutaturum geromittat*), присоединивши навсегда (*perpetuo applicat, incorporat, unit et annectit*) к Польше всю русскую землю, он оставил ее при ее вере, полной неприкосновенности и благочестия. (Dlugosz . III р р 197, 198) В Густинской летописи под 6848 (1340 г.) говорится, что жители Львова сдались Казимиру Великому, “варуючи собе, абы в старожитной вере никто им николи ничего не чинил, еже Казимер обеща им . А потом сей Казимер крол, собрав сейм, на нем же рускую землю на поветы и воеводства раздели, и шляхту рускую единою волностю з полскими волностями совокупи и утверди” (Полное собрание русских летописей, т. II, 349)

⁵ Theiner т. I, № 566, р. 434.

Затем и сами поляки, дорожа этим богатым краем, прилагали все старания к тому, чтобы обособить его от остальной Руси и покрепче привязать к Польше. С этой целью они деятельно принялись за колонизацию Галицкой Руси и наводнили ее массой католиков — поляков и немцев¹. Интересам православия и русской народности, видимо, грозила опасность: в 1343 году, по свидетельству русских летописей, Перемышльский староста Дашко и Даниил Острожский, “боячися, абы ляхи не чинили им якого насилия в вере, понеже многих уже прелстиша на свою веру”, возмутились и пригласили к себе на помощь татар: но их попытка оказалась безуспешной, так как Казимир одержал верх над татарами². В 1349 г. он окончательно подчинил всю Галицкую Русь и энергично принялся за колонизацию края. Считая одним из главных средств для этого распространение здесь католицизма, он предпринимал меры для насаждения последнего во вновь присоединенных к Польше русских областях. Как видно из буллы папы Климента VI (от 14 марта 1351 г.), Казимир Великий, сообщая ему о подчинении русских областей, предлагал открыть здесь латинскую митрополию с семью епископскими кафедрами³. Кафедры эти, действительно, основываются в Перемышле, Галиче, Холме и Владимире, но, за отсутствием в русских областях католиков, назначаемые на них епископы являлись только поминальными, епископами без паствы — *in partibus* и проживали в звании суффраганов при других, иногда в Германии и даже в Англии, кафедрах⁴. Политические соображения заставляли Казимира Великого быть очень осторожным в деле насаждения в Галицкой Руси католицизма: высшие классы оставались еще православными и пользовались большим значением, и с этим, ввиду почти непрерывной борьбы из-за русских областей с Любартом, князем Волынским, Казимиру приходилось считаться. Фактически католические кафедры в Галицкой Руси появляются только при преемнике Казимира Великого Людовике Венгерском, Галицкий наместник которого Владислав Опольский особенно энергично принялся за насаждение здесь католичества. По свидетельству одного францисканца, в 1372 г. в Галицкой Руси не было ни кафедральных, ни приходских церквей, не было даже священников (католических), и среди массы неверных и схизматиков можно было найти лишь немного католиков. Но в 70-х годах XIV в., благодаря деятельности Владислава Опольского, правившего Русью с 1372 по 1379 г., католичество получает здесь прочную организацию⁵. Деятельность его в этом отноше-

¹ Бобржинский, I, 183.

² Полное собрание русских летописей, т II, 349—350

³ Theiner, т. I, № 702, р. 531—533.

⁴ Грушевський М, Історія України-Руси, т 5, с 423.

⁵ М. Грушевський, Історія України, т. V, с 426—427

нии была настолько энергичной и полезной для католичества, что папа Григорий XI отзывался о нем с большой похвалой и в своей булле от 3 марта 1375 г. называет его *dux zelo christianae religionis inductus*¹.

Для уловления в католичество русских схизматиков и неверных при Людовике Венгерском в Галицкую Русь были вызваны *fratres minores* (францисканцы), которые должны были заниматься здесь миссионерством. 19 ноября 1371 г. папа Григорий XI просил Гнезненского архиепископа и вообще польских епископов, чтобы они оказывали свое покровительство и защиту этим монахам². Затем буллой своей *Debitum pastoralis officii* (13 февраля 1375 г.) тот же папа Григорий XI вторично объявляет об открытии в Галиче, Перемышле, Владимире и Холме католических кафедр, причем Галич называется архиепископией, а епископы трех остальных городов объявлялись суффраганами Галицкого архиепископа³. Названные кафедры открывались постепенно, и при их открытии не обходилось без притеснений православия. Так, при открытии архиепископии в Галиче у православных была отнята соборная церковь и обращена в костел, вместе с тем католическое арцибискупство было снабжено имениями и селами, отнятыми у православной кафедры⁴. Таким образом, православная церковь в Червоной Руси со времени польской оккупации последней перешла из положения государственной и господствующей на степень церкви второстепенной, только терпимой, а с 70-х годов XIV в. прямо-таки теснимой. Да и как могло быть иначе там, где государем был католик, ряды местной администрации пополнялись католиками и где католикам предоставлялось больше прав, свобод и преимуществ, чем православным? Ничего поэтому нет удивительного в том, что к началу XV в. полонизация и католичество пустили здесь корни, и польско-католический элемент в Галицкой Руси занимает господствующее положение, так что эта Русь по своей внутренней организации и обычаям значительно отличалась от других русских земель.

Но одного политического обособления Галицкой Руси от последних для поляков было мало: они постарались обособить ее и в церковном отношении. Под конец своей жизни Казимир Великий пришел к мысли дать оккупированной им Руси особое, вполне самостоятельное церковное устрой-

¹ Theiner... т. I, № 967, p. 719.

² Theiner... т. I, № 900, p. 668 -669

³ Ibid т. I, № 964, 713—714 В этой булле между прочим говорится, что со времени присоединения Руси к Польше она была подчинена Любушскому епископу, а теперь она выделяется из его епархии, потому что за дальностью расстояния он “на протяжении многих лет редко” посещал ее. Это служит доказательством того, что до издания этой буллы, т. е. до 1375 г., фактически в Червоной Руси католических кафедр не существовало. См. М. Грушевський, *Історія України*, т. V, с. 423, 424 и 426, 427

⁴ А. З. Р., т. II № 198, с. 359, Dlugosz т. III, p. 360, Buliński, I, 181-182

ство, освободив ее от зависимости Киевскому митрополиту. В 1370 г. он потребовал от константинопольского патриарха Филофея, чтобы тот дал для Галича особого митрополита на том основании, что Галич якобы “был престолом митрополии от века веков”. Кандидатом в галицкие митрополиты польский король выставил какого-то южнорусского епископа Антония; в случае неисполнения патриархом его требования, король грозил “крестить русских в латинскую веру”. Филофей исполнил требование Казимира и, назначив Антония Галицким митрополитом, временно подчинил его ведению и епархии: Холмскую, Туровскую, Перемышльскую, Владимирскую¹.

Таким образом, православная церковь в Галицкой Руси встречает сильного врага в лице польского правительства и покровительствуемого последним католичества. Православие, пользующееся юридически свободой и неприкосновенностью, фактически подвергается притеснениям и ограничениям не только в сфере политических отношений, но и религиозных. В пределах Великого Княжества Литовского оно пользуется при Витене, Гедимине и Ольгерде, как сказано выше, положением религии покровительствуемой. Но со времени Кревской унии, связавшей династически Польшу и Великое Княжество Литовское, положение изменяется к худшему и в литовских областях. 14 августа 1385 г. в литовском городе Креве Ягелло подтвердил те условия политической унии Польши и Великого Княжества Литовского, которые были выработаны послами великого князя Литовского и польскими панами, в то время, за малолетством Ядвиги, правившими Польшей. За руку Ядвиги и признание себя королем Польским Ягелло обещает: 1) принять римско-католическую веру вместе со всеми своими некрещеными братьями и со всеми своими боярами и землянами (*nobilibus, terrigenis*), со всеми знатными и простыми; 2) употребить все средства к возвращению утраченных Польшею и Литвою земель; 3) уплатить 200 тысяч флоринов неустойки Вильгельму Австрийскому, каковая сумма обозначена в брачном его контракте с Ядвигой; 4) своими средствами возвратить Польше все отнятые когда-либо у нее земли; 5) отпустить на свободу всех пленников, захваченных в Польше литовцами; и 6) навсегда присоединить (*perpetuo applicare*) к Польскому королевству свои Литовские и Русские земли². Эта уния не обещала ничего хорошего православию: можно было ожи-

¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Комиссиею, т. VI, приложения, NN 22-23, col 125-133, сравни Макарий т. IV, 56-57 Четыре названные епархии отдавались во временное ведение Антония, ввиду того, что там не было тогда епископов (Рус. Истор. библ., т. VI, прилож. N 23, col, 132) У преосв. Макария не сказано, что эти епархии подчинялись Антонию временно, “пока не прекратятся там происходящие теперь брани и не настанет мир и конец соблазнам” Ibid., прилож. № 23)

² Monumenta medii aevi т. II, № 3, р. 3-4, Danilowicz, Scarbiec .. т. I, № 507, р. 254-255; Długosz . т. III, р. 451, Бобржинский, I, 204.

дать, что его положение ухудшится и в Литве. Так и вышло в действительности. Ягелло сам отказался от исповедуемого им православия за несколько дней до бракосочетания с Ядвигой; его примеру последовали прибывшие вместе с ним в Краков четыре его брата и вся свита. В Литву он возвратился в 1387 году, окруженный многочисленными представителями католического духовенства, и деятельно принялся за обращение литовцев в католичество, при этом действовал не только словом убеждения, но и путем насилия. Эта проповедь прежде всего была обращена к язычникам, которых в пределах Литвы было еще много. Все внешние знаки язычества были уничтожены: во многих местах были сооружены костелы, а в Вильне открыта епископская кафедра¹. В Жмуди, где литовские национальные традиции держались очень крепко, католическая пропаганда долгое время не имела успеха²; безуспешной она была и среди православного населения Литовско-русского государства, хотя Ягелло и старался ограничить его права сравнительно с правами исповедующих католичество. Были с его стороны попытки привлекать к католичеству православных и насильем. Сохранилось известие о мученической смерти двух знатных литовцев, которые не пожелали переменить православие на латинство³.

Миссионерской деятельности Ягелло в Литве предшествовало в начале 1387 г. собрание, по приглашению великого князя, в Вильне князей и бояр⁴, сочувствовавших делу унии и католичеству; на нем было постановлено: "всех природных литовцев обоюга пола и всякого звания к вере католической и к послушанию святой римской церкви привлечь и даже приневолить, к какому бы вероисповеданию они прежде ни принадлежали"⁵. Отсюда видно, что решительные меры для обращения в католичество применялись сперва лишь к литовцам, число которых по сравнению с русскими было невелико, последние же как бы оставлялись в покое и получали право свободно, без всяких стеснений и ограничений своего положения, исповедовать веру своих отцов. Но создатели политической унии Польши и Литвы (исключительно польские магнаты-можновлады) не могли мириться со свободой православия и его равноправием с католичеством. Уния для своего фактического осуществления требовала полного уравнивания обоих государств в политическом, религиозном, общественном и во всех вообще отношениях. Конечно, полное уравнивание не могло совершиться вдруг; для этого нужны время

¹ Бобржинский, I, 210, Чистович I, 50.

² A. Lewicki, *Dzieje narodu Polskiego w zarysie*, Warszawa, 1899, p. 142, Чистович I, 51, Смирнов, I, 183

³ Смирнов I, 185 (выдержка из летописи, изданной Даниловичем)

⁴ Шмитт I, 210, Смирнов I, 183

⁵ Смирнов I, 183

и люди, которые бы сделали это. И Ягелло, и польские паны начали думать о создании в Литве элемента, который бы стоял за унию. Таким элементом явилось литовское боярство.

Общественный строй Литвы ко времени соединения ее с Польшей резко отличался от польского. Шляхта вообще и особенно так называемое можновладство к концу XIV века приобрели громаднейшее значение в Польше; они являлись фактическими правителями государства, чему во многом способствовали волнения, наступившие после смерти Казимира Великого. Тенденция шляхты усиливать свои сословные права и привилегии в ущерб королевской власти проявляется при всяком удобном случае. К давним правам самоуправления шляхты в 1374 году на съезде в Кошицах добилась от короля Людовика Венгерского не только подтверждения своих прежних привилегий (*litteras*), прав и вольностей, дарованных его предшественниками, но еще и новых льгот в виде свободы от всяких податей и повинностей, за исключением: 1) двух грошей от лана (так называемое поплужное), которые должны быть платимы всеми; 2) военной службы для отражения неприятельских нашествий, причем служба эта должна отправляться шляхтою за собственный счет, в случае же войны вне пределов Польского государства, король вознаграждает шляхту за все личные и имущественные потери; и 3) постройки и исправления замков крепостными шляхты. Этим же привилегией Людовик подтверждал автономию отдельных польских земель, так как обещал все должности воевод, каштелянов, судей, подкомориев и т.п., обыкновенно предоставляемые пожизненно, в известной области предоставлять не сторонним, а землянам лишь этой области, лишь тем, *qui sint regnicolae terrarum ejusdem Regni, in quibus hujusmodi dignitates vel honores consistunt*¹. Приглашая на престол Ягелла и выдавая его за Ядвигу, польское можновладство не забывало как своих, так и общешляхетских выгод. 13 февраля 1386 г., в день своего бракосочетания с Ядвигой, Ягелло еще более расширяет права и привилегии шляхты и ограничивает королевскую власть: шляхте предоставлено право замещать своими членами все почетные и выгодные места (должности), получать денежное вознаграждение за понесенные ею во время походов убытки, безразлично, где бы ни пришлось совершать их, внутри ли государства или вне его, за границей; шляхта освобождалась от королевских судей и получала в свои руки все замки; но подать в размере двух грошей с лана все-таки еще оставалась на шляхте². Таким образом, свобода и права польской шляхты были очень обширны.

¹ Volum legum I, 24-25, Бобржинский I, 201, A Lewicki, Dzieje. 132-133

² Bandtkie, jus Polon, 189; Смирнов, I, 175-177

Совершенно иное видим в Литве. Там великий князь, или, как его называли, господарь, пользуясь неограниченной властью, являлся полноправным господином страны. Он распоряжался землей, раздавая ее подчиненным ему князьям и боярам, которые должны были за это нести известные повинности в виде военной службы. Этой повинностью была обложена всякая земельная собственность. Те свободы и привилегии, коими пользовалась польская шляхта, были незнакомы литовскому боярству. В то время как шляхта пользовалась землей на правах полной собственности, боярство получало ее в ленное владение и за известные подати и повинности передавало мелкому рыцарству, которое имело неограниченную власть над сельским населением. В общем, в Литве все классы несут повинности, никто не свободен от них, и все они зависят от господаря. Даже боярство было настолько ограничено в своих правах, что не могло распоряжаться по собственному усмотрению ни данными им поместьями, ни судьбой членов своих семейств (не могло, например, по собственному усмотрению выдавать замуж своих дочерей)¹. Польские паны и Ягелло, желая скрепить унию, сочли нужным расширить права литовского боярства, предоставить ему некоторые свободы и привилегии, которыми владела польская шляхта; но в то же время эти привилегии распространялись только на тех бояр, которые принимали католичество. В 1387 г., 20 февраля, Ягелло издал привилей, в котором исчисляет права, предоставляемые боярам-католикам². В начале этого привилея говорится: “Для распространения (*ad augmentum*) святой веры и упрочения (*firmitatem*) католической религии мы даем и уступаем (*concedimus*) крестившимся и желающим креститься³ подданным следующие свободы (*libertates*) и права”.

Далее, “всякий боярин (*armiger sive bojarin*), принимающий католичество (*fidem catholicam*), равно как и его наследники и преемники, получают полную свободу иметь, держать, владеть, продавать, уступать, менять, давать, жертвовать и передавать по собственному их усмотрению (*beneplacitos*) и желанию (*voluntarios*) замки (*castra*), округа (*districtus*), поместья (*villas*), дома и вообще все, чем по преемству от отца каждый владеет, чтобы, во избежание правового неравенства тех, которых уния сделала подданными одной и той же короны, они пользовались и наслаждались правами, подобными тем, которыми владеют прочие наши подданные в землях нашего (речь идет от имени Ягелло) Польского королевства; желаем, чтобы во всякой каштелянии (*in castellanea*) и округе или территории был один судья, кото-

¹ Грушевський, Історія України-Руси, т V, 43, Бобржинський I, 207, A. Lewicki, Dzieje..., 138.

² Права эти составляли часть того, чем уже владела польская шляхта (Шмигт I, 210)

³ В латино-польских документах того времени слова *baptizatus* и *christianus* являются синонимами слова “католик”. *schismaticus* всегда прилагается к православным

рый разбирает бы тяжбы (*causas quaeruntium audiat*) и определял бы наказания (*poenas*) по обычаю и праву подобных же судей, находящихся (*praesidentium*) в землях, округах и судах нашего Польского королевства, равно как и один исполнитель судебных постановлений... Боярам предоставляется право свободно выдавать замуж своих дочерей, внучек (*neptes*) и вообще женщин, не исключая и вдов, лишь бы в таких случаях соблюдали католический обряд (*ritum catholicum*). Если же дочь, внучка или родственница (*cognatum*) у кого-либо из тех бояр останется по смерти своего мужа вдовою, то она может остаться в имениях или владениях (*in bonis seu possessionibus*) своего мужа (владеть ими), пока разумеется, пребудет во вдовстве (*in toro viduali*); если же она пожелает вступить во второй брак, пусть передает мужу, которого она изберет, *dotandum*, а имения и владения эти передает детям покойника, если они будут; в случае же отсутствия детей — ближайшим родственникам своего первого супруга, как делают вдовы в Польше. Боярство освобождается от всяких натуральных повинностей по отношению к господарю, за исключением постройки новых и починки старых замков в том случае, если к этому будет привлечена вся Литва. “Военные походы, по давнему обычаю, бояре совершают на собственные средства и, в случае погони за неприятелем, не только боярин, но и каждый способный носить оружие мужчина должен принимать участие. Всякий, принявший католическую веру и отступивший от нее, равно как и не принявший католической веры не будет пользоваться этими правами”. Привилей дан в Вильне 29-го февраля 1387 года в присутствии князей: Скиргелла Троцкого, Витовта Гродненского, Корибута Новгородского и т.д.¹ Цель издания этого привилея — поднять значение католичества и сделать его привлекательным в глазах православной знати и унижить ее перед католиками. Та же самая тенденция замечается и в грамоте Ягелла, данной им в том же 1387 году (22 февраля) первому Виленскому бискупу Андрею Василию (герба Ястрембец). В ней Ягелло заявляет о своем обете и клятве предать, привлечь, призвать, наконец, принудить (*immo compellere*) к католической вере и повиновению римской церкви всех литовцев (в Литве и на Руси) всякого пола (*sexus*) и всякого звания и состояния, к какой бы вере или секте они не принадлежали. Чтобы новообращенные не отвлекались от повиновения католической церкви и от ее обряда и чтобы устранить все препятствия для католической веры, литовцам обою пола запрещается вступать в брак с русскими, если последние не примут католического исповедания. В том случае, если кто-либо (мужчина или женщина), вопреки этому запрещению

¹ Dzialynski, Zbior praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529, Poznan, 1841. p.1-2; сравн А.Левский, Dzieje... 142, и М Грушевський, Історія України-Руси, т. V, 47.

вступит в брак с католиком (или католичкою), то брак не расторгается, но один из супругов — не католик — обязан присоединиться к католической церкви, к чему такового должно принуждать даже телесными наказаниями¹. Оба приведенные документа говорят о том, что католичество с 1387 года становится религией привилегированной и господствующей в Литве, православие же занимает второстепенное положение и считается чем-то низшим по сравнению с католичеством.

Но Ягелла не останавливается на этом: он задался целью упрочить католицизм, сломить схизму (православие) и подчинить русский народ Риму, и эту цель он преследовал с поразительной неосмотрительностью², стараясь, где только возможно, поднять значение католичества и унижить православие и тем самым увеличить в своих владениях число латинян. Утверждение латинства в Великом Княжестве Литовском важно было для обеспечения политической унии Литовского государства с Польшей, так как дело этой унии было непрочным. Ставший (со времени Островского соглашения в 1392 году) во главе литовцев энергичный Витовт настойчиво стремился к поддержанию полной обособленности Литвы от короны. Полякам не нравились такого рода устремления Витовта, почему они и думали ради упрочения унии парализовать их. Воспользовавшись политическими обстоятельствами, наступившими после поражения литовских войск татарами на р. Ворскле в 1399 году и смерти королевы Ядвиги (новый выбор Ягелла в польские короли и предоставление Великого Княжества Литовского в пожизненное владение Витовту), они поспешили вторично оформить унию двух государств, но на этот раз к признанию ее привлекаются и представители литовской знати. На Рождественских праздниках в 1400 году был устроен в Вильне съезд, куда явился Витовт с наиболее влиятельными по своему официальному положению лицами (с высшим духовенством, князьями, боярами, панями и землянами всей Литвы и Руси), в числе которых первое место занимал Виленский епископ (католический) Яков. В постановлении этого съезда (от 18 января 1401 года) после перечисления явившихся³, из коих многие не названы поименно (... *quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa*), объявляется, что этот съезд есть *tota universitas omnium et singulorum Nobilium et terrigenarum praedictarum Lithuaniae et Russiae*

¹ Документы, объясняющие истор. западно-русского края, прилож. стр. 2; сравн. Собрание древних грамот и актов Вильны, Ковны. ч. I. Вильно, 1843 г. т. XLV-XLVI; сравн. А. Lewicki, *Powstanie Świdrygiełły (ustęp z dziejow unii Litwy z Koroną)*, Kraków 1892, p. 4.

² А. Lewicki, *Powstanie Świdrygiełły*. 27

³ Указать число всех присутствовавших на съезде литовских вельмож невозможно, так как здесь читаем нередко после имени какого-нибудь лица выражения. *cum filiis suis* или *cum fratre et caeteris, cum fratribus*, или *cum suis caeteris fratribus germanis* (Volum. Legum, I, 27)

Terrarum. Собравшиеся заявляют, что все они (как еще при избрании Владислава, т.е. Ягелла, на польский престол и при принятии святой католической веры обещали, так и теперь) обещают всеми силами и средствами стоять за Ягелла и корону против врагов их и ни под каким предлогом не отстанут от них, но всегда без хитрости и обмана будут в нужде помогать королю и короне, польскому государству и его населению и пополнять искренним и несомненным расположением их совершенства, интересы, выгоды и общее, как свое собственное, благо, что и они, т.е. король и Польша, равным образом, в свою очередь, постараются делать литовцам.

Ввиду того, что король Владислав (т.е. Ягелло) по особенному доверию передал (*debit et contulit*) верховное управление над литовскими и прочими землями из своих княжеских владений в руки Александра, иначе Витовта, до его смерти (*ad vitae ejusdem Domini Ducis Vitovdi terminum ultimum et extremum*), то съезд *firma sponsione et irrevocabili promisso sibi* обещает, что по смерти Витовта верховное управление (*supremus principatus*) Литвою и всеми областями княжества вместе с его, Витовта, имениями и наследием (*bonis et caeteris patrimonialibus*), со всеми замками, крепостями, округами, территориями и их жителями (*cum omnibus castris, fortalitiis, districtibus, territoriis et eorum incolis*) вполне и всецело передать и возвратить, согласно с выданной Витовтом Владиславу грамотою (*juxta tenorem literarum*), королю Владиславу и короне польской¹.

За себя и свое потомство присутствующие обещают по смерти Витовта зависеть, подчиняться, повиноваться и служить (*adhaerere, subjici, obsequi et servire*) без хитрости и обмана королю Владиславу и Короне и кроме него не избирать другого государя. “Если же упоминаемый король Владислав (что да отвратит Бог!) умрет без потомства, то без ведома и согласия князя Витовта, а равно и нашего (членов съезда), князья, прелаты, паны, *nobiles et communitas terrarum Poloniae* (польские) не должны избирать или назначать (*locare*) себе короля, так как, храня с ними твердое, неизменное и постоянное общение в сладости веры и недрах (*in visceribus*) Иисуса Христа, будем держаться вечного и неразрывного единения (*unionem*)”². Привелей этот не

¹ В тот же день, 18 января 1401 г. Витовт дал грамоту Ягеллу, в которой обещает быть верным королю и короне польской, и владеть Великим Княжеством Литовским только до своей смерти, по его кончине все земли возвращаются Ягеллу или его наследникам, за исключением только некоторых земель, которые с ведома короля будут предоставлены в пожизненное владение брату Витовта Сигизмунду и жене Анне *Monum. medii aevi. t. VI, № 233, p. 71-72*

² *Volum. legum I, 27-28* Приведенный акт унии 1401 г. носит такое заглавие: *Privilegium praelatorum Lithvaniae, tempore Vladislai Jagellonis ad regnum de ducatu assumptorum ad communia auxilia inscribentium. Item quod nullum alium quam Vladislaum regem pro domino habituri sunt, post mortem Vitowdi Item quod communi consensu de utroque domino rex sit eligendus* В конце *actum et datum in Vilno ipso die Sanctae Priscaе Virginis et Martyris, anno Domini millesimo quadringentesimo primo*

обещал ничего хорошего для православных: о православии здесь ничего не говорится, между тем как о высоком значении католичества и обязанностях к нему собравшихся постановление съезда распространяется в довольно сильных выражениях. Вместе с избрание в польские короли Ягелла высшее польское духовенство, паны и шляхта (читаем в акте) “и нас (разумеется, литовцев), последовавших, по благодати св. Духа, примеру его (Ягелла), приняли в свое католическое сообщество, воззвав из мрака старого заблуждения (язычества) чрез восприятие святой православной (orthodoxae) веры; сделавшись их единомышленниками и сообщниками в вере, мы кстати и уместно обязываемся всегда путем согласия споспешествовать развитию католического дела (ad perfectionem catholicorum operum)”¹.

Чтобы расположить литовскую знать к унии и католичеству, Ягелло еще до Виленского съезда 1400-1401 года, особым привилеем (1400 г.), как видно из заглавия Городельского акта 1413 г.², лишал православных своих подданных права гербов, шляхетства и чиновной службы; все эти преимущества предоставлялись одним только католикам по вере³. Приведенные нами привилеи 1387 и 1400 га. ярко характеризуют отношения Ягелла к православной церкви со времени его вступления на польский престол; он хотел стеснить свободу православия и расширить права католичества с тем, чтобы исповедники первого имели побуждение принимать второе. В данном случае он действовал как неограниченный повелитель в своем наследственном Великом Княжестве Литовском, по своему личному усмотрению, и его привилеи 1387 г. не попали в *Volumina legum*. Они не были подтверждены сеймом, составленным из обеих половин федеративного государства, и *Volumina legum*, этот кодекс законов Польско-Литовского государства, ведущий свое начало от Казимира Великого (начинается известным Вислицким статутом 1347 года — “фундаментом” всего польского законодательства) до 1413 года не содержит в себе никаких прямых законоположений касательно православной церкви.

Уния Польши и Великого Княжества Литовского явилась результатом глубоких политических соображений. Политики обоих этих государств считали ее положительно необходимою для дальнейшего существования и про-

¹ *Volum. Legum*, I, 27

² *Volum Legum*, I, 29

³ Макарий, V, 335 Митрополит Макарий высказывает предположение (т. V, 335, 336), что этот стеснительный для православных привилеем Ягелла относился лишь к Галиции, принадлежавшей Короне, на Великое Княжество Литовское не распространялся, но в заглавии акта Городельской унии 1413 г. прямо говорится, что перечисленные в нем свободы уступлены “Литовской знати, за исключением русских. в лето Господне 1400-е” (*Volum Legum*, I, 29) Следовательно, привилей 1400 г относился к Великому Княжеству Литовскому

цветания каждого из них. Интересы их сталкивались; каждому из них необходимо было усилиться, расширить свои владения, и они это делали за счет русских земель, из-за которых (особенно из-за Волыни) между Польшей и Литвой шли продолжительные войны. Вспомним Казимира Великого, ведшего войну с Литвой (с князем Любартом) более двадцати пяти лет¹. Помимо того, Польша и Литва имели общего врага в лице могущественного Тевтонского ордена, с которым каждое в отдельности из этих государств не могло справиться. Сверх того, у Литвы был свой враг — Московское государство. Татары были опасны и для Литвы, и для Польши (Червоная Русь подвергалась их нападениям). Выгода от унии для Польши была в том, что значительно увеличивались ее силы, она избавлялась от опустошительных набегов литовцев, открывала обширные края для польской колонизации (Волынь, Подолия, Киевщина) и возможность польского влияния на Востоке².

Литве уния давала надежду на подкрепление ее в борьбе с крестоносцами и Москвою. Ввиду важного значения унии для Польши польские паны прилагали всевозможные старания к тому, чтобы упрочить ее, чтобы раз совершившееся соединение Польши и Литвы сделать крепче, теснее. По мнению польского можновладства, для этого надо было прочнее связать интересы литовского боярства с интересами польской шляхты, так как через это в самой Литве приобретались сторонники политической унии Великого Княжества Литовского с Короною. Уравнение в правах литовского боярства с польскою шляхтою было одним из средств упрочения унии. В 1413 г., на вальном съезде в Городле, куда прибыли Ягелло с немалым количеством польских магнатов и Витовт с некоторыми (в количестве 47) литовскими боярами, принявшими католичество, было снова подтверждено соединение (в виде инкорпорации) государств новым договором, в котором провозглашался принцип полного уравнения литовских бояр-католиков с польскими панами. В Литве по этому договору вводились польские государственные учреждения, между прочим, и неизвестные прежде литовцам должности каштелянов и воевод³. Городельский съезд касается положения и исповедующих православие. Ввиду известного уже обета Ягелла привлечь к католичеству своих подданных и ввиду того, что на съезде присутствовали одни только католики, постановления его оказались неблагоприятными для православного населения Литовского государства: в юридическом отношении оно поставлено ниже католического. Высшие классы русской народности испытали немалые ограничения в своих правах; им преграждался

¹ Грушевский, Очерк истории Украинского народа (2-е изд.), 137-138

² A Lewicki, Dzieje 137

³ Volum Legum, I, 29-32, Бобржинский, I, 215; A. Lewicki. 152

доступ к высшим должностям воеводы и каштеляна; они не могли быть членами господарской рады и вообще лишались некоторых прав и привилегий, которые предоставлялись панам-католикам.

Акт Городельского постановления носит такое заглавие: “Соединение (*incorporatio*) земель Великого Княжества Литовского с Польским вместе с уступкою со стороны королевства литовцам гербов и прочих известных вольностей (*liberatis*), уступленных литовской (за исключением русских) знати в лето Господне 1400-е”¹. {

Заглавие акта показывает, что в нем повторяются и подтверждаются те права и преимущества, которые были даны литовскому боярству Ягеллом, привилегиям его 1400 г. Содержание его следующее. Ради распространения христианской религии и собственного благосостояния Великое Княжество Литовское соединяется с Польшей; все права латинской церкви в Литве уравниваются во всем с правами ее в пределах Короны, с сохранением привилегий и иммунитетов всех литовских церквей. Паны и бояре литовских земель, католики и преданные римской церкви, кому предоставлены гербы, могут пользоваться и иметь участие в предоставленных им великим князем пожалованиях (*donationibus*), привилегиях и концессиях, могут пользоваться и владеть ими так же, как пользуются и владеют своими польские паны и шляхта. Литовские паны и бояре могут владеть отчинными имениями на равных правах с польскою шляхтою: выданные им жалованные грамоты остаются в своей силе; по смерти отцов дети не должны быть лишены наследственных имений, но должны владеть ими вместе со своими потомками, а дочери и сестры их пользуются теми же правами, какие имеют и дочери польской шляхты. Но сделанная уступка свобод не увольняет бояр от обязанностей строить и починять замки, проводить военные (*expeditionales*) дороги и, по старому обычаю, давать великому князю дани (*tributa dare*). В Великом княжестве Литовском будут введены те же достоинства (*дигнитарства*), имения и должности, какие существуют в Польше: вводятся должности воевод и каштелянов на первых порах в Вильне и Троках, а затем и в других местах, где будет угодно великому князю. После этого излагаются обязанности боярства к королю Ягеллу и Витовту, равно как и законным их преемникам (бояре должны служить им верно); говорится, что литвины изберут на место Витовта, по смерти его, лишь того, кто будет выбран Ягеллом или его преемниками, с согласия (*cum consilio*) прелатов и панов Польши и литвы, и наоборот, в случае кончины Ягелла, польские прелаты, паны и шляхта не избирают ему преемника без ведома и согласия (*sine scitu et consilio*) Витовта и литовских панов и боярства; опре-

¹ У Działyńskiego стоит: “de anno 1413” — Zbiór praw... 7.

деляется право пользования со стороны литовцев гербами и клейнодами, поатверждаются все прежние грамоты, выданные Ягеллом Польше и Литве не только за семь или восемь лет раньше сего, но и около времени коронации; выразительно подчеркивается, что польские и литовские паны и шляхта в случае нужды, с согласия и воли короля, устраивают в Люблине или Парчове, или другом подходящем месте, съезды и совещания (*conventiones et parlamenta*) к вящей выгоде и пользе Польши и Литвы; наконец, перечисляются те литовские представители, кои приобщены к польским гербам и клейнодам. Акт скрепляется печатями присутствовавших на съезде. В числе последних встречаем имена католических епископов из русских земель: Николая Виленского, Иоанна — митрополита-электа Львовского, Матфея Перемышльского, Михаила Киевского, Григория Владимирского и Сбигнева Кременецкого (Дата: “2 декабря 1413 г., в Городле на Буге”)¹.

Ограничение правового положения последователей православия заключается в тех пунктах Городельского акта, где идет речь о правах и преимуществах боярства. Прежде всего, пожалованиями, привилегиями, концессиями и уступленными (со стороны польских панов) гербами могут пользоваться паны и бояре — лишь “католики и преданные римской церкви”²; на православных, значит, эти преимущества не распространяются. Далее, после того, как было сказано об учреждении должностей воевод и каштелянов в Вильне и Троках, говорится: “и в эти сановники не будут выбираемы те, которые не исповедывают католической веры и не подчиняются святой римской церкви; не допускаются они ни к каким постоянным земским должностям (*aliqua officia terrae perpetua*), как например, аостоинство каштеляна, если не соглашаются с исповедниками христианской веры, не допускаются к нашей раде (*ad consilia nostra*) и не присутствуют на ней они, когда там идет речь об общем благе”.

Этому решению дается надлежащая мотивировка: “Разница в религиозных воззрениях (точнее: разница в культе — *disparitas cultus*) часто приводит к различию в образе мыслей и способствует обнародованию таких решений, которые должны храниться в секрете”³. Конечно, не излишняя предосторожность для католиков, намеревающихся всеми средствами привлечь к костелу ненавистных схизматиков! В приведенных выдержках нет

---

¹ Volum Legum, I, 29-32 В названии месяца, видимо, опечатка. У Дзялынского (*Zbiór praw* р 16) “2 октября” В грамоте, которой на том же Городельском сейме литовская знать обязалась действовать заодно с польскою и которая выдана в одно время с актом Городельской унии. тоже указано 2 октября (*Volum Legum*, I, 130); поэтому, и считают более верной дату, указываемую Дзялынским

² Volum Legum, I, 30.

³ Volum Legum, I, 30-31

прямого упоминания о православных, не делается еще вполне точного указания на них (говорится лишь о не-католиках), но в Городельском акте есть одно место, откуда видно, что перечисленные ограничения направлены против сторонников восточного обряда. Тут читаем: “Упомянутыми вольностями, привилегиями и милостями должны пользоваться и владеть только те паны и бояре Литовской земли, коим предоставлены гербы и клейноды панов королевства Польского и которые исповедуют католическую веру и подчиняются римской церкви, но не схизматики или другие неверные” (*non schismatici vel alii infideles*)¹. Здесь православные становятся рядом с язычниками-литовцами (“неверные”) и, конечно, лишаются того, что предоставлено одним только католикам. Содержание Городельского акта наглядно свидетельствует о том отношении польско-католического правительства к православным подданным, какого оно держалось с самого первого момента соприкосновения с русскими областями. В нем ясно выражается политика Польши по отношению к ее православному населению. Что польское правительство со времени Казимира Великого проявляло на практике (стеснение православных), то с 1413 г. оно вносит в область права и заодно с фактическими ограничениями православно-русского населения начинает делать и юридические. Конечною целью для правительства было укрепление унии Польши и Литовского княжества. Католики-бояре получали большие права и привилегии, чем бояре православные. Бояре русской народности и веры, по сравнению со своими собратьями католиками, занимали полупривилегированное, низшее положение. Такое возвышение бояр-католиков, уравнение их с польскою шляхтою, с одной стороны, привязывало их к унии с Польшей, делало их защитниками польско-литовского единения, а с другой — соблазняло державшихся православия к переходу в латинство. Реализовать унию надо было во что бы то ни стало...

Последствия Городельской унии очень важны для соединенных государств и живших в ней народностей, польские историки в акте этой унии видят если не полное торжество польско-католической культуры над православно-русской, то, по крайней мере, начало его. Шуйский заявляет, что в данном акте обнаруживаются следы нравственного перевеса польской политики (созданной католическим духовенством, которое с началом XV в. значительно усиливается и приобретает огромное влияние на ход политических событий)², т.е. политики, которая на протяжении всей последующей истории польской тяжело отзывается на православных обывателях Речи Посполитой. Тот же историк в этом акте видит прекрасное доказательство

¹ Volum. Legum, I, 31.

² Szujski, II, 38.

того, что польская политика того времени была либеральной и просвещенной: им, (т.е. актом) устранялся прежний деспотизм литовских князей, служивший помехой для цивилизации¹. Другой польский историк Левицкий называет Городельскую унию дальнейшим шагом по пути уравнивания, сближения и братства Литвы с Польшей, равно как и утверждения католической веры в литовских землях; ей он придает значение исходной точки взаимоотношений двух соединившихся народов до самой Люблинской унии в 1569 году². Действительно, уния, отрывавшая литовско-русские земли от греко-восточной цивилизации и соединявшая их с западно-католическим миром, имеет огромное значение для обоих государств. Понятно, почему Ягелло и поляки были очень довольны ею; для русских же она сулила лишь одни неприятности, так как доказывала, что не только исполнительная власть, но и самое законодательство становится на путь притеснения православных. С этого времени польско-литовское правительство получало юридическое основание для оправдания своих несправедливостей к православно-русскому населению Литвы. Способствуя сближению обывателей обоих федеративных государств, акт Городейской унии пролагал пути к скорейшему торжеству католицизма над православием: высшие сословия русских земель могли склоняться к нему ради тех прав и преимуществ, какие предоставлялись шляхте католического вероисповедания. Низшие классы от этих ограничений непосредственно ничего не теряли, но потеря ими своих единоверцев привилегированного положения, при бесправии классов низших, могло иметь и для них немалое значение: с переходом в католичество русского боярства они теряли защитников и покровителей своих церковно-религиозных интересов.

Первое (*In Volumina' o legum*) ясно выраженное определение польско-литовского законодательства относительно православной церкви было неблагоприятно для нее: последователи православия в правовом отношении ставились ниже католиков. Но это определение фактически не простиралось на коренные русские области, а ограничивалось лишь землями собственно литовскими. На все русские земли сторонники польско-литовского единения не осмеливались распространять Городельское постановление, так как русское население, преобладая в количественном отношении над литовцами, могло оказать серьезное сопротивление. Подобное унижение не могло нравиться представителям высших классов русских земель, придерживавшимся православия. Возникает сильное недовольство даже унией Литвы с Польшей, недовольство, сдерживаемое до 30-х годов XIV столе-

¹ Szujski, II, 38-39

² A Lewicki, Dzieje 152

тия лишь благодаря энергии и способностям Витовта. Но и сам Витовт, преследовавший свои особые цели, старался действовать по отношению к православным крайне осторожно. Сочувствуя политической унии и делая многое для ее упрочения, он в то же время не соглашался на инкорпорацию Литвы с Польшей, а всеми силами старался отстоять самостоятельность Литвы и тем самым ставил помеху польским планам. Под конец своей жизни Витовт, чтобы более обособить Литву от Польши, начал хлопотать о принятии королевского титула, чего, впрочем, не удалось ему достигнуть.

Будучи совершенно индифферентным по отношению к религии¹, Витовт тем не менее оказывал деятельную поддержку и покровительство католичеству и делал это по политическим соображениям: он распространял его среди литовцев, особенно в Жмуди, где основал епископство в Медниках. Витовт, вопреки политике литовских князей, предшественников Ягелла, сочувствовал больше литовцам, чем русским, и видимо старался освободить их от культурного влияния последних. Католичество в его глазах — одно из самых сильных средств для этой цели. Если вспомнить, что Московское княжество постепенно усиливалось и через это привлекало к себе с течением времени взоры православно-русского населения Литовского государства, то будет понятно, почему Витовту желательно было навязать литовцам католичество: как сказано выше, вместе с православием шло к литовцам и обрусение. Витовту нужно было возможно больше усилить разницу между Литвою и Москвою. По тем же побуждениям Витовт поддерживал католичество и в чисто русских областях своих владений. Так, не без его поддержки открывались католические кафедры в русских землях (Владими́ро-Луцкая и Каменецкая), которые наделялись землями и угодьями²; он думал даже об основании особой церковной области — архидиоцезии Литовской³. В этом случае Витовт действовал в Литве так же, как и Ягелло в Польше⁴. Последний при наделении католических церквей и кафедр именьями не останавливался даже перед явными несправедливостями по отношению к православным церквям. В 1412 г. Ягелло отнял в Перемышле прекрасную кафедральную церковь св. Иоанна Крестителя, издавна принадле-

¹ Витовт четыре раза переменял веру: сначала был православным, в 1386 году перешел в латинство; затем возвратился в православие и опять сделался католиком Голубинский, Истор русск церкви, о II, перв пол., с. 371-72 (3 подстрочн прим).

² Луцкой кафедре, “вновь основанной среди схизматиков и последователей разных сект” в 1428 г Витовт дал в вечность 10 сел и одну мельницу (Говнар-Запольский, Акты Литов - русск государства, Москва, 1900, ? 5, с. 7-8). О его пожертвованиях Каменецкой католической кафедре см. Арх -Ю -З России, ч VIII, т. I, № 18, п 27-30

³ A Lewicki, Powstanie Świdryg., p 29

⁴ И польские историки говорят, что в этом отношении он поддерживал систему Ягелла Lewicki, Powstanie Świdryg., 29-30

жавшую православным, (построена еще Володаром Ростиславичем), и передал ее латискому епископу: при этом аыли выброшены имевшиеся при ней гробы православных¹. Политические же расчеты и соображения заставляли Витовта приискывать и для православных особого митрополита (отличного от жившего в северо-восточной Руси) в лице сначала Киприана, а потом Григория Цамблака и хлопотать о соединении восточной церкви с западной. Идея церковной унии настолько занимала Витовта, как и вообще католиков, что избрав в православные митрополиты названного выше Цамблака, он отправил его в 1418 г. на Констанцкий собор с целью завязать переговоры относительно соединения церквей². Но все попытки Витовта привлечь православных к католичеству не имели желательного для него успеха и вместе с чинимыми им православной церкви несправедливостями настолько раздражали православно-русское население Литовского государства, что оно еле сдерживало свое недовольство. Недовольство русских против него было настолько велико, что, по свидетельству Длугоша, смерть Витовта (1430 г.) их очень обрадовала³.

Воспользовавшись этим обстоятельством, русские заодно с литовцами, противниками политической унии, провозгласили великим князем Свидригелла и под его руководством начали домогаться обособления и полной самостоятельности Великого Княжества Литовского. Свидригелло, несмотря на то, что сам придерживался католичества, оказывал покровительство православию и русской народности, за что и пользовался необычайной популярностью среди русского боярства. Ягелло, называвший себя верховным князем (*supremus dux*) Литвы, должен был уступить русским и признал Свидригелла великим князем; но когда последний обнаружил намерение отложиться от Польши и начал требовать возвращения Литве захваченных поляками Подолии и западной части Волыни, поляки начали против него войну. Свидригелло привлек к союзу с собою германского императора Сигизмунда, меченосцев и молдавского воеводу и этим причинил Польше и Ягеллу много хлопот и неприятностей. Дела Польши начали поправляться лишь с 1432 г., когда полякам удалось отторгнуть от Свидригелла литовцев, не почувствовавших его русской политике. Эти литовцы избрали великим князем Сигизмунда Кейстуовича, князя Стародубского. Теперь Великое Княжество Литовское разделилось на два враждебных лагеря: литовцы-католи-

¹ Długosz .. IV, с. 149. Чистович, I, 47. Грушевский, V, 430

² Грушевский, Истор. Украины V, 512-516; A. Lewicki, Dzieje 155; Бобржинский, I, 231

³ XI, 566. Несправедливость отношения Витовта к православию особенно проявлялась при предоставлении им разным городам Магдебургского права на православных оно не распространялось. Только католики могли пользоваться им. Грушевский, Истор. Украины V, 238-39.

ки группировались вокруг Сигизмунда, а русские и вообще православные — вокруг Свидригелла. Между ними неминуемо должно было произойти столкновение, исход которого, ввиду количественного перевеса русских, мог быть благоприятен только для вторых; поэтому Сигизмунд со своими приверженцами, для упрочения своего положения, обращается к полякам с заявлением о своей готовности поддержать унию. Поляки, конечно, начали помогать Сигизмунду. Война тянулась несколько лет и окончилась битвой на р. Святой, под Вилькомиром, где Свидригелло и его сторонники понесли поражение¹.

События, наступившие по смерти Витовта, имели очень важное значение для православных Литовского княжества. Сторонники Польши и Сигизмунда понимали, почему русские поддерживали Свидригелла: он покровительствовал православию, последователи которого ограничивались в своих правах. Поэтому они пришли к мысли уравнивать русских (православных) с католиками. В октябре 1432 г. происходил в Гродне съезд польских представителей (уполномоченных Ягеллом) и литовцев, сторонников Сигизмунда. Здесь последний был утвержден пожизненным Великим князем Литовским, и, в свою очередь, признавал за это верховное первенство (*supremus principatus*) Ягелла над собою и Литовским княжеством, обещал всегда оказывать Ягеллу, Польше и ее населению посильную помощь, Подолию и спорные части Волыни, которых добивались поляки, передавал навсегда Польше; по смерти Сигизмунда великое княжество со всеми землями отходило к королю и польской короне². Этот съезд решил ослабить расположение русского народа к Свидригеллу и с этой целью выдал (15 октября 1432 г.) от имени Ягелла особый привилей, которым предоставляется русским князьям, боярам и шляхте утешаться (*gaudere*) и пользоваться теми же самыми милостями, свободами, привилегиями и выгодами, которыми владеют и пользуются и литовские князья, бояре и шляхта, причем литовцы могут приобщать к полученным от поляков гербам и русских. Иначе говоря, по этому привилею православная шляхта Великого Княжества Литовского получала теперь то же, что предоставлено было литовской шляхте католического исповедания предыдущими привилеями Ягелла.

Делалось это, как говорится и в самом привилее, с той целью, чтобы устранить в будущем возможность разделения между населяющими Русь и Литву народами и (возможность) какого-либо вреда для них, так как при наделении литовцев милостями и привилегиями, русские князья, бояре,

¹ A. Lewicki, *Dzieje* 158-161; Соловьев I, 1099-1101; Грушевский, *Истор. Украины-Руси*, IV, 156-195

² *Supplem. ad hist. Rus. monum.*, № 217, p. 514-517

шляхта и земляне, по-видимому (*videbantur*), были устранены от них¹. Но этот привилей, составленный семью уполномоченными Ягелла в Гродне (хотя в самом привилее сказано, что он составлен во Львове), не был подтвержден королевской печатью и потому не получил юридического значения².

Но, не согласившись на уравнение православной шляхты в Литве с католической, тот же самый Ягелло 30 октября 1432 г. распространил права и вольности польской шляхты на духовенство (*praelatis*), князей и панов и шляхту Луцкой земли (на Волыни) без различия вероисповедания как на католиков, так и православных. Луцкая земля навсегда должна была оставаться при польской короне: луцкие немцы, евреи и армяне получали те же права, какими они пользовались в Кракове и Львове, а крестьянство освобождалось от налогов и поборов, взимаемых старостами, но стации, в случае личного прибытия Ягелла или его наследников, оно должно было давать.³ Относительно православия в Луцком привилее говорилось, что русских церквей (церквей греческого обряда) король не будет ни разрушать, ни обращать в костелы и ни одного православного (*ritus graeci praedicti*) человека, какого бы пола или состояния он ни был, не будет насильственно принуждать к католической вере.⁴

Привилей, содержание которого сейчас рассмотрено, вызван был визитом к Ягеллу во Львов депутации от Луцкой земли с выражением готовности подчиниться королю и Короне, что объясняется временным торжеством (1431-1432 гг.) Ягелла и Сигизмунда Кейстутовича над Свидригеллом и русской партией. Луцкая земля — часть Волыни, той самой Волыни, которую заодно с Подолией поляки старались упорно вырвать из рук литовцев и присоединить к Польше. Добровольное стремление Луцкой шляхты к Короне, разумеется, было чрезвычайно приятно польскому правительству, ко-

¹ Monumenta medii aevi. . t. XIV, № 17, p. 523-24

² А Левицкий в своем исследовании "Powstanie Świdrygiełły", с 156, доказывает, что Ягелло скрепил Гродненский привилей своею печатью, и потому утверждает, что в 1432 г. православная шляхта в Литве действительно была уравнена в правах с литовско-католической. То же самое говорит он и в своей истории Польши-Dzieje narodu Polskiego, p 159-160. Но в Чермак, подвергнув тщательной критике основания, приводимые Левицким в пользу своего положения, приходит к заключению, что рассматриваемый привилей не был подтвержден Ягеллом. Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432-1563), p 14-29 (Отдельн. оттиск из 44-го тома Rozpraw Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie). Проф. Львовского университета М. Грушевский, оставляя открытым вопрос о том, был ли подтвержден Ягеллом этот привилей, видит в нем доказательство того, что польские законодательные сферы признали равноправие русской шляхты с литовской в области сословно-шляхетских преимуществ. История Украины, т V, с 49

³ Сохранялись в пользу короля еще и пошлины (*thelonea*)

⁴ Monum medii aevi... t. II, № 82, p 77-78; Арх.-Ю -З. России, ч V, т I, № 1, с 1-2

торое из-за удержания под своей властью Луцка решило даже изменить прежней своей религиозной политике и распространить вольности и привилегии польской шляхты на князей, панов, бояр и шляхту Луцкой земли.

Борьба Сигизмунда со Свидригеллом вынудила и первого сделать уступки русским высшим классам “с целью избежать на будущее время разделения или вообще какого-либо ущерба (*dispendium*)” в среде жителей подвластных ему областей и тем устранить опасность “для состояния этих земель”.

Так называемым Троцким привилеем (6 мая 1434 г.) Сигизмунд Кейстутович предоставляет князьям и боярам земель своих литовских и русских следующие права: а) наказывать их князь будет только тогда, когда виновность их ясно будет обнаружена на суде (а не по одному лишь доносу или подозрению); б) князья и бояре вполне свободно и самостоятельно распоряжаются своими имениями (наследственными и отчинными), могут их продавать, менять, дарить, отчуждать и пользоваться по своему усмотрению, доводя только об этом до сведения князя или его чиновников; в) вдова наследует отчинное имение своего мужа, но в случае вторичного своего замужества, она должна оставить его законным детям умершего мужа, а если их не будет, то его братьям; г) розданные Витовтом и самим Сигизмундом имения оставляются за их владельцами; д) кметы все вообще и каждый в отдельности, подчиненные князьям и боярам подвластных Сигизмунду земель, увольняются и освобождаются от всяких податей и налогов, так называемого дякла, издавна даваемого князьям; е) князья, бояре и их подданные по-прежнему обязаны строить замки, чинить их и совершать походы на свои средства, от прочих же работ на замки они освобождаются; ж) русские князья и бояре получают право иметь и пользоваться гербами или шляхетскими клейдонами, так же само, как и литовские, но чтобы литовцы допускали их до гербов с согласия польской шляхты соответствующего герба; з) наконец, подтверждаются все грамоты, привилеи и милости, предоставленные Витовтом церквям, князьям и боярам; они удерживают прежнюю силу и значение¹.

Хотя в данном привилее не упоминается о религии (а только о национальностях), но сравнение его с Городельским постановлением 1413 г. дает основание утверждать, что и православные получали по Троцкому привилею те же права, что и католики. Городельское постановление 1413 г. предоставляло известные права и преимущества только литвинам, русские утраивались от них²; но и литвины получили их не все, а только принявшие

¹ Monumenta medii aevi т XIV, № 22, p. 529-531

² Volum Legum, I, 29.

католичество, что ясно оговорено в тексте этого постановления¹. В Троцком привилее говорится, что права уступаются не только литовским князьям и боярам, но и русским, при чем о религии совсем не упоминается. В общем, Троцкий привилей предоставляет и русско-православной шляхте то, что дано было литовско-католической Ягеллом в Городле (1413 г.); но все-таки Сигизмунд не делает полного уравнивания православных с католиками: он совсем не упоминает о том, могут ли православные занимать заведенные в Литве с 1413 г. дигнитарства и земские уряды, доступ к которым закрыт для православных актом Городельской инкорпорации. Поэтому и после 1434 г. полного уравнивания в правах православных с католиками в Литве не было, и дальше православная шляхта в Литве не пользовалась *de jure* всеми теми правами, которые были предоставлены в Великом Княжестве Литовском католикам. Но все-таки Троцкий привилей значительно улучшал юридическое положение православных в пределах Великого Княжества Литовского и сглаживал ту резкую грань, которая была проведена постановлением 1413 г. между православными и католиками. Таким образом, жизнь и политические события, наступившие по смерти Витовта, заставили Литовское правительство в лице Сигизмунда ослабить юридические стеснения, какие ставились поборниками католицизма православному населению Литовского государства после политической унии Польши и Литвы.

Политические обстоятельства заставили правящие литовские сферы сделать уступки православному населению. Подобного же рода уступки и под влиянием тоже политических обстоятельств были сделаны русским областям и в пределах самой Короны. От последних годов правления ревностного распространителя католичества Ягелла сохранились в *Volumina*'х *legum* благоприятные для православных постановления. Их мы находим в так называемом Эдльнском статуте от 1433 г.², которым польской шляхте предо-

¹ *Volum Legum*, I, 30

² Он так озаглавляется *Vladislai Jagello statuta de liberatibus regnicolarum tam spiritualium, quam saecularium in Jedlna concessum privilegium, tamen datum erat Cracoviae, rege ex Jedlna illuc veniente; et sic in thesauro continetur scriptum (Volum Legum, I, 40)* В конце статута перед подписями высших сановников с архиепископом Гнезненским и примасом Альбертом во главе стоит: *Datum Cracoviae feria sexta intra octavam Epiphaniae Domino 1433 (Volum. legum I, 42)* Статут этот называют Краковским, потому что собственно Эдльнский издан еще 6 марта 1430 г., приводимый же в *Volumina*'х — 9 января 1433 г. (ср. *Monumenta aevi t XII*, № 177, р 228-234 и № 212 р 308-313) В общем содержание этих обоих статутов одно и то же, но есть и некоторая разница, как например 1) некоторые пункты Краковского статута пространнее соответствующих пунктов Эдльнского; 2) при перечислении местностей, когда речь идет о предоставлении дигнитарств (*dignitates*) известной земли шляхтичам-местным уроженцам и землевладельцам, в Краковском указано больше имен и местностей, чем в Эдльнском, и 3) неодинаковы имена подписавшихся под тем и другим статутом, а равно место и время издания их. Заслуживает внимания и то, что в пункте о распространении польского

ставлялось много новых преимуществ и льгот. Один из параграфов этого статута гласит: “Все права и привилегии на них, данные когда-либо при короновании нашем или при каких бы то ни было обстоятельствах нами или другими королями и князьями, истинными наследственными предшественниками нашими по польскому королевству, ... мы утверждаем (*ratificamus*), одобряем, возобновляем и подтверждаем”¹; затем, “кроме того, обещаем постоянно (*perpetuis temporibus*) хранить и держать крепко и непоколебимо (*inviolabiliter*) каждый в отдельности артикулы (*singulos articulos*) и заключения (*clausulas*) в неискаженных никакими повреждениями привилегиях (*in privilegiis nullo vitio falsitatis depravatis*) наияснейших государей (*principum*), господ Казимира и Людовика и всех других королей, князей по истинному преемству (*ex vera successione*) древних наследников Польского королевства, предоставленных церквам, землям (*terrigenis*) и общинам (*civitatibus*)”².

После такого обещания по отношению ко всему королевству говорится, что все льготы и преимущества, предоставляемые высшим классам Польского государства, простираются и на русские земли. В одном из последующих параграфов читаем: “Также обещаем, что все наши земли Польского нашего королевства, со включением и русских земель, приведем к одному праву и к одному общему для всех земель закону, сохранив однако дань овсом, которую до конца жизни нашей платить будет одна только Русь, — и приводим, присоединяем и соединяем (*unanimus et unimus*) *tenore praesentium mediante*”³. Последняя тирада содержит указание на то, что в 1433 г. Эдльнскими постановлениями и все русские обыватели Короны уравниваются в правах с католиками. По смыслу статута и на Русские земли (*terrarum Rusiae includendo*) распространяются общегосударственные законы Польши, а местные, областные, коими Русь отличалась от других областей Короны, отменяются. Так как в рассматриваемых постановлениях говорится не только о правах и преимуществах обывателей королевства, как светских, так и духовных, но и прямо упоминается Русская земля (Червонная Русь), и притом ничего не говорится о той религии, исповедникам которой предоставляются эти права, то, значит, общепольские законы, по прямому смыслу статута, приобретают силу и значение и по отношению к православно-русскому населению Галицкой Руси. В таком смысле упоминаемое постановление по-

---

права на русские земли Эдльнский статут имеет две редакции — в одной *Terrae Russiae et Podoliae*, в другой лишь *Russiae*; в Краковском стоит только *Russiae*

¹ *Volum Legum*, I, 40

² *Volum. Legum*, I, 41

³ *Etiam terrarum Rusiae includendo, salvis tamtn avenae contributionibus (in quibus Nobis ad tempora vitae nostrae sola Russia respondebit)* *Volum Legum*, I, 42

нимали впоследствии и русские. По крайней мере, архиепископ Георгий Конисский, приводя в своем сборнике: “Prawa i wolności obywatelom korony Polskiej у W.Х. Litewskiego”, извлеченные им из Volumin’ов отрывки Эдльнского статута, предпосылает им замечание, что Ягелло и русские земли уравнивал в правах с польскими (ziemie tez Ruskie w jedne prawo z Polskimi złączyl у zjednoczył)¹. Польские историки также видят здесь льготы для православной шляхты в Червонной Руси. Сошлемся на в. Чермака, который говорит, что в Эдльнском привилеее есть возведение важной для православной (schizmatyckiej) шляхты в Червонной Руси реформы в смысле расширения ее прав².

Чтобы понять, почему Ягелло, издавший в 1387 и 1413 годах стеснительные и обидные для православного населения своих государств постановления, в 1430 и 1433 годах решает уравнивать червонно-русскую шляхту в правах с подданными своими католического вероисповедания, надо обратить внимание на те политические события, которые пришлось переживать Польше и Литве 20-х годов XV столетия. Польская шляхта, добившись расширения своих прав и привилегий к концу XIV в., не довольствовалась полученным, но стремилась еще больше расширить свои сословные привилегии. Ради этого она готова пользоваться всяким удобным случаем, всякими как внешними, так и внутренними политическими событиями. Так, например, во время похода против крестоносцев в 1422 году шляхта в лагере под Червинском требовала у короля расширения своих прав, и тот вынужден был уступить ей (обещает не чеканить новой монеты без ведома и согласия прелатов и панов, не конфисковать наследственных имений панов и шляхты иначе, как после судебного решения лиц, назначенных для этого с ведома и согласия прелатов и панов; определяет достоинство монеты, собираемой с крестьян, подтверждает, что суды будут отбываться в сроки и таким именно порядком, которые определены Казимиром Великим)³.

Когда в 1424 году у Ягелла родился первый сын, король начинает заботиться о том, чтобы польский престол достался ему. Для этого надо было Ягеллу заручиться согласием панов и шляхты, которые, стоя на точке зрения своих сословных интересов, за согласие на занятие престола сыном Ягелла требуют от короля все новых и новых уступок. С 1425 года устраивается целый ряд съездов польской шляхты, на которых между королем и шляхтой происходит настоящий торг: Ягелло требует от шляхты признания после своей смерти королем сына его, а шляхта вымогает новых привилеев

¹ Рукопись Софийской библиотеки в Киеве, № 423, лис. 3 обор

² W. Czermak, Sprawa równoupr. Schiz. i katol. p. 57.

³ Volum Legum, I, 36-37.

и расширения прав и преимуществ. В результате мы видим три привилегии: Брестский 1425 г. и уже упоминаемые (собственно) Эдльнский 1430 г. и Краковский 1433 г. Шляхта русских земель в Короне, жившая по своим старым обычаям (*jus ruthenicum*), по сравнению с общепольскою, имела меньше льгот и преимуществ: она должна была жить обязательно в известной местности (земле), военная служба для нее была более тяжелой, чем вообще в Польше, ее крестьяне платили денежную дань (4 гроша с дыма вместо 2 грошей ланового), чем крестьяне польских земель. Поэтому и червоно-русская (заодно с Подольской) шляхта на съездах добивалась улучшения своего положения; она требовала распространения “польского права” на Русь, предоставления и русской шляхте того, чем пользовалась шляхта прочих польских областей¹. Ягелло, уступая всей шляхте, не мог игнорировать и требований Руси и ей он делал уступки. Еще на Брестском съезде в 1425 г. Ягелло обещал уравнивать в правах все польские земли, в том числе и Русскую, которая впрочем должна была давать при жизни Ягелла дань овсом². Это же самое обещание повторяется Ягеллом и в привилегиях Эдльнском 1430 г. и Краковском 1433 г. Таким образом, династические расчеты Ягелла заставили его, несмотря на его ревность к католичеству, под конец своей жизни сделаться более снисходительным к православным и уравнивать Русскую землю в правах с другими польскими землями, а русскую шляхту (только в Короне) со шляхтою польских областей.

Акт Городельского постановления и Эдльнский статут свидетельствуют о юридическом положении православной церкви в Польше и Литве при Ягелле. Сначала, как видно из Городельского акта, этот король проявил себя как горячий поборник католицизма. Дав обещание польским панам перед женитьбой на Ядвиге привести своих подданных к подчинению папе, он на первых порах ревностно принялся за обращение в католичество своих подчиненных всеми средствами, в число которых входили не только убеждения и награды, но и угрозы. Ограничение прав русского православного боярства, преграждение ему дороги к вновь вводимым в Литве польским должностям и гербам со всеми соединенными с этими знаками преимуществами должны были служить одним из побуждений для православных перемещать свои религиозные воззрения. Но жизнь совсем не благоприятствовала введению и поддержанию стеснительных и совершенно не заслуженных православными постановлений. Затруднительное положение Польши, ввиду частых войн с сильным Тевтонским орденом и продолжительных

¹ Шмитт, I, 247; Бобржинский I, 236; Грушевский М. история Украины V, 82.

² Monumenta medii aevi.. t XII, № 149, § 18

волнений в Литве, вызываемых борьбою сторонников унии с Польшей с противниками ее, — русской партии с католической и, наконец, политические и династические соображения принудили Ягелла изменить свое отношение к православному населению, и к концу своей жизни он делает некоторые уступки и ему (привилей 1432 г. Луцкой земле и грамота того же года городу Львову, освобождающая православных от всяких принуждений к принятию латинства и охраняющая их церкви от разорений и опустошений)¹, а в 1433 г. Эдльнским (вернее Краковским) статутом он распространил и на обитателей польско-русских земель общие для всей Польши законы. Но делая некоторые уступки православным коронных земель, Ягелло оставался верен Городельскому постановлению 1413 г. в отношении к русскому населению Великого Княжества Литовского; ему он не расширял прав даже и тогда, когда в 1432 г. уполномоченные Ягелла согласились предоставить и русским (православным) уступленные литовцам-католикам привилегии. Но он не препятствовал Сигизмунду Кейстутовичу издать 6 мая 1434 г. Троцкий привилей, в котором православная шляхта в Литве уравнивалась в правах (хотя и не вполне) с католической. И тут, конечно, действовали политические соображения: надо было отвлечь русскую шляхту от Свидригелла и расположить ее к стороннику Ягелла и политической унии с Польшей — Сигизмунду.

* * *

От десятилетнего правления старшего сына и преемника Ягелла по польскому престолу Владислава III (Варненчика) не осталось никаких законоположений относительно православной церкви, занесенных на страницы *Volumina legit.* Управлявшие Польшей за малолетством короля лица (во главе со Сбигневом Олесницким, епископом краковским, знаменитым политиком своего времени) все внимание обращали на внешние дела. Войны со Свидригеллом из-за Волыни и Подолии, с орденом Меченосцев и Молдавским господарем заставляли поляков отвлекаться от внутренних дел; а избрание в 1440 г. Владислава III и королем Венгрии повлекло Польшу к войне со страшными завоевателями — турками, готовившимися нанести последний удар старой Византийской империи и занявшими уже весь Балканский полуостров. Война эта заставила Владислава III забыть о том, что делалось в пределах Польши. Тем не менее и он делал кое-какие распоряжения касательно православного населения Короны. При нем в 1434 и 1435 гг. были подтверждены те обещания, какие Ягелло дал в Эдльнском

¹ Макарий, V, 325.

статуте русской земле. Обещание распространить польское право и законы и на русские земли, очевидно, не приводилось в исполнение при Ягелле. Во время коронации Владислава III шляхта русских земель (Галицкой Руси и Подолии) обратилась к королю с просьбой о проведении в жизнь данного его отцом обещания. Просьба была удовлетворена, и в русских землях Короны (Галиции и Подолии) было введено польское административное устройство, польские суды и, сверх того, местная шляхта (поляки и русские) освобождена была, по примеру коронной, от всех повинностей и податей¹. Известна грамота Владислава III (издана 22 марта 1443 г.), которой он уравнивал русское духовенство “в свободе веры и правах” с польско-католической. Всем православным церквям, епископам и всем вообще духовным лицам “набоженства греческого и руского” король предоставляет “тые вси права, волности, способы, звычайи и всякие свободы... такыи-ж, яковых в королевствах наших Полском и в Венгерском вси костелы и их арцибискупове, бискупове, преложеные и иные особы костелные, звычайю Римское церкви, заживають и з них веселяться”. Дигнитарам, старостам, чиновникам королевским и вообще всем обывателям польско-литовского государства воспрещается вмешиваться в епископские суды и бракоразводные дела православного населения. Чтобы православные епископы и вообще духовные особы “набоженства греческого и руского, маючи слушное поживенье, ко отправленью хвалы Божое тым способнейшие быти могли”, Владислав грамотою этою возвращает “на часы вечные и потомные” духовенству и церквям “вси села и державы... которы з стародавна до оных церквей належали и через якие ж колвек особы и кгде-колвек в панствах и поветех наших аж доселя держаны суть”². Такое внимание к православному духовенству со стороны короля объясняется его сильным желанием навязать русскому народу церковную унию. В 1439 г. на Ферраро-Флорентийском соборе была провозглашена уния церквей восточной и западной. Польское правительство, само мечтавшее о такой унии, вздумало поддерживать ее в Польше, и в результате явилась эта грамота Владислава III. Предоставляемые русской восточной церкви, в случае принятия ею унии, права должны были служить внешним побуждением к переходу православного духовенства в унию. Тут, значит, действует простой расчет, а не справедливость и беспристрастие. Так как русские не приняли Флорентийской унии, то эта грамота и не имела никакого практического значения; но она интересна в том отношении, что знакомит нас с фактическим положением православной церкви в Польше: в ней прямо говорится, что “церковь восточная” и ее духовенство, из-за раз-

¹ Długosz, IV, 548; Грушевский, Истор. Украины .. IV, 190 и V, 85-86.

² Акты Зап. России, I, № 42, с. 56-57

ности в вере и несогласия с католической, “первей... утисненье поносили” и иногда до такой степени, что у них даже отбирались разными лицами “села и державы” (имения)¹.

Владиславу III, погибшему под Варною в битве с турками (в 1444 г.), наследовал брат его Казимир Ягеллон (1447-1492 гг.), бывший с 1440 г. великим князем Литовским. Только в 1447 г., т.е. спустя почти три года после смерти своего брата, Казимир согласился принять предложенную ему польскими панам (еще в 1445 г.) польскую корону, и таким образом, снова соединил в своем лице Польшу и Литву, снова скрепил ту политическую унию этих двух государств, которой домогались польские политики с конца XIV века. Не будучи фанатиком, Казимир² старался быть справедливым в своих отношениях к православным, за что и получил в одном из наших исторических памятников (Супрасльской рукописи) название справедливого и доброго³. 2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, Казимир дал (в Вильне) привилей⁴ “литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам”. Этот привилей замечателен тем, что им предоставлялись “прелатом, княжатом, рытерем, шляхтичам, бояром, местичом” Литовско-русского государства все те права, вольности и “твердости”, какие имеют “прелати, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское”, т.е. население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель. В частности, что касается православной церкви, то привилей гласит, что “вся дарованя, привилиа, твердости (в лат. *immunitates*) церковей головных (столичных), зборных и кляштырных” как уже существующих, так и тех, которые со временем будут сооружены, король и великий князь будет “без порушения и без обид ховати, боронити и щитити, в подлуг все наше (королевско-княжеской) моци”. При “подаваньи” церковей (каких бы

¹ А.З.Р.И., № 42, 56-57 — Можно еще заметить, что в 1438 г., на съезде в Пиотркове, Владислав III подтвердил все те права, грамоты и привилеи, которые были уступлены Ягеллом Сигизмунду Кейстутовичу, и обещал придавать им преднюю силу и значение (*Volum Legum*, I, 63). Здесь можно видеть косвенное подтверждение Владиславом III Троцкого привилея Великого князя Сигизмунда в пользу православных.

² Польские историки упрекают его в религиозном равнодушии и ставят ему в вину то, что будто бы благодаря ему, при нем усилилось в Литве православие *Czermak* ., p. 36.

³ Макарий, IX, 79

⁴ А.З.Р.И., № 61, с. 73-77 Рассматриваемый нами привилей Казимира в Актах Зап. Рос. датирован “1457 мая 2”, но вернее признавать, что он издан десятью годами раньше, т.е. в 1447 г.; в пользу этого указывают на то, что в мае 1457 г. Казимир находился не в Вильне, где дан этот привилей, а в Пруссии. О времени издания этого привилея см. “Журнал Мин. нар. Просв.” 1903 г. № 4, ст. г. Якубовского И — “Земские привилеи Вел. Княж. Литовского”, с. 246-247. Привилей этот издан на латинском языке, — *ibid*, с. 245. Латинский текст в издании *Monumenta medii aevi* t. XIV, № 7

то ни было — столичных, соборных, монастырских), король будет предоставлять их лишь уроженцам Великого Княжества Литовского, людям достойным, и только лишь в случае отсутствия местных людей он обещает выбирать “иншого рожаю (иноземного происхождения) парсону ужиточную, почесливую, згодную, которая ж-бы могла рядить и вжиточна быти”. Затем, ни духовных, ни светских лиц Великий князь не станет наказывать по одному лишь тайному или явному доносу или подозрению, но лишь по подтверждении преступления на суде, причем виновные “в подлуг обычаа и права коруны Полское и мають быти казнены”¹.

Виленским привилеем 2 мая 1447 г. православные церкви и духовенство сохранялись (оставлялись) при том, что они имели раньше, нового им ничего не предоставлялось. Православие в пределах Великого Княжества Литовского по-прежнему занимало положение религии низшей, второстепенной, и по-прежнему оставалось религией только терпимой. Хотя при перечислении в привилее 1447 г. предоставляемых князьям и шляхте Литовского, Русского и Жмудского княжеств прав и преимуществ ничего не говорится о препятствиях к пользованию ими из-за религиозных различий, но все же православная шляхта *de jure* продолжала стоять ниже шляхты католической, ибо Городельское постановление 1413 г., устраняющее православных от дигнитарских званий и земских должностей, сохраняло свою силу и значение. Фактически оно могло не исполняться (и на самом деле, содержащиеся в нем ограничения православных не всегда применялись в жизни)², но оно все-таки имело обязательную силу закона, с которым должно было считаться.

Ввиду того, что в пределах Перемышльской епархии православное духовенство немало страдало от вмешательства в церковные дела лиц светских — королевских урядников и особенно могущественных и самовольных панов, Казимир Ягеллон в 1469 году дает упомянутому духовенству грамоту, чтобы “оно не было притесняемо, чтобы дворяне не судили духовных лиц, брачных дел себе не отнимали и не изгоняли приходских священ-

¹ В данном случае и на литовско-русскую шляхту распространяются пункты Эдльнского постановления, где Ягелло обещал каждого шляхтича не иначе подвергать какому бы то ни было наказанию, как только по суду — *nisi fuerit judicialiter per iudices competentes vel barones postros nobis condemnatus* Volum. Legum, I, 42. Встречается в этом привилее повторение того, что содержится, например, в Городельском постановлении 1413 г.: “Дочки, племянницы и удовы могут замуж давати, нас и наших наместников не докладываючи, нижли толко обычаи христианский у том заховаюче” А З.Р.И. № 61, с. 75.

² Например, в 1486-1490 гг. видим Троцким воеводою православного Богдана Саковича, а еще раньше, около 1460 г., на том же воеводстве встречаем тоже православного Ивана Ивашевича; князю Александру Гольшанскому православие не помешало быть Виленским каштеляном с 1492 по 1511 г. Грушевський М., Ист. Укр — Руси IV, 226.

ников”¹. Еще раньше этого, в 1456 г., на Корчинском съезде он подтвердил населению Галиции все его прежние права и привилегии и дал новые (о сенаторах, суде, пошлинах и крестьянах)². Для предупреждения несправедливостей по отношению к церкви и православному духовенству он не раз приказывал своим смоленским наместникам не вмешиваться в духовные дела местного православного епископа и не разбирать тех тяжб, которые подлежат ведению епископа (“слуг и людей церковных ни судили ни рядили”)³. Жителям Витебской области предоставил некоторые права и преимущества⁴, а обывателям земли Смоленской, за их “верную и справедливую службу”, обещал “христианства их греческого закону не рушити, налоги им на их веру не чинити, а в церковные земли и в воды не вступатися, також в монастыри и в отмерщины не вступатися”⁵.

Православному митрополиту и всем епископам дал, как видно из жалованной подтвердительной грамоты Сигизмунда I от 1511 г., грамоту о неприкосновенности их святительских прав и суда, церковного имущества и доходов⁶. Известны даже случаи пожалования со стороны Казимира Ягеллона земель и сел православным монастырям и церквям⁷. Но при всем том этот король причинял и стеснения для православных. Это обнаружилось в поддержании им митрополита Григория Болгарина, которого, как сторонника Флорентийской унии, назначил для юго-западной Руси папа после удаления отсюда митрополита Исидора. В 1448 г. Казимир в договоре с Московским князем Василием Васильевичем признал было митрополитом для своих областей, населенных православными, избранного в Москве Иону, ему посылал “жалованье и поминки”⁸. Своей грамотой от 31 января 1451 года он предоставил Ионе “столец митрополич Киевский и всея Руси”, т.е. управление православными епархиями Великого Княжества Литовского, а православное духовенство и все русское население убеждал повиноваться “в духовных правех” Ионе, как отцу митрополиту, который имеет “по старому править, как митрополиты первобывшие предком нашим и христианства своего добрыми обычаи правили”⁹. Но когда папа прислал в Литву

¹ Harasiewicz, *Annal. eccles. Ruth.* 51, подстрочное примечание

² *Supplem. ad his Rus. Monum.*, № 166, p. 455-57.

³ А З Р. I, № 118, с. 143

⁴ Видно из уставной грамоты Александра той же Витебской области — А З Р. I, № 204, 351-353

⁵ Подтвердительная жалованная грамота Александра Смоленскому владыке, панам, боярам и всем жителям. — А З Р. I, № 213, 359-363.

⁶ А З Р. II, № 65, 81-82.

⁷ Например, в 1489 г. Киевскому Пустынскому Николаевскому монастырю пожаловал “селище пустое” по имени Княжичи, а Смоленской Св. Николая Полетелого церкви подтвердил права на владение селом на Рogaже А З Р. I, № 93, 111 и № 95, 112

⁸ Акты Археогр. Экспедиции, т. I, № 49, с. 37

⁹ Рус. Ист. Библ., г. VI, № 67, кол. 563-566

Григория Болгарина с просьбой к Казимиру признать его киевским митрополитом вместо схизматика Ионы, король принял его и предоставил в его управление все девять епархий, находившихся во владениях Казимира¹, несмотря на то, что русские не хотели знать никакой унии с Римом. Как на стеснение Казимиром православных, можно указать на его указ 1480 г., коим православным воспрещалось не только строить новые храмы, но и починять и возобновлять уже существовавшие. Указ этот издан им, как свидетельствует иезуитский писатель Кулеш, по неотступным просьбам его второго сына Казимира, славившегося необыкновенной преданностью католицизму и причисленного впоследствии латинской церковью к лику святых².

Кроме сообщенных выше фактов, свидетельствующих об отношении Казимира Ягеллона к православным в *Volumina*'х содержится еще один акт, на основании которого можно судить об юридическом положении в Польше последователей восточного исповедания. Это акт присоединения Бельзской земли в 1462 г. к Польше (*Terra Belzensis regno adscribitur* — так озаглавивается он). Бельзская земля, занимавшая западную окраину Волыни (по соседству с Червоной Русью) в 1396 г. была отдана Ягеллом в ленное владение Земовиту, князю Мазовецкому, который когда-то соперничал с Ягеллом в получении руки Ядвиги. Земовит и его дети владели этой областью до 1462 года, когда умер бездетным представитель этого рода — князь Владислав II.

Казимир, по настоянию поляков, присоединил Бельзскую землю к Короне, а само присоединение подтвердил особым актом³, в котором точно обозначил те условия, на коих эта земля присоединялась к Польше. В начале этого акта от имени Казимира объявляется, что бароны, паны (*proceres*), рыцари, шляхта и земляне Бельзской земли “к нам (т.е. Казимиру), как своему природному государю, наследственному и законному, и несомненному их правителю (*successorem*) возвратились обратно и присоединились к нашей короне Польской, от которой они когда-то были отделены, и, как часть к своему целому, к королевству и короне себя внедрились, присоединили, приложили и присвоили (*invisceraverunt, univerunt, incorporaverunt et*

¹ Полн. Собр. Рус. Лет. VI, 167-169, Макарий IX, 21-22

² Макарий IX, 70, Чистович I, 57. М. Грушевский, указывая факты стеснения православных в сооружении новых церквей в Польше и Литве, утверждает, что подобные стеснения имели основания только в практике польского правительства. Ист. Украины V, 444-445. Косвенное подтверждение существования этого стеснительного для православия указа можно видеть в словах вел. князя Александра Московским послам в 1495 г. “И то в правех (литовских) записано, что церквей греческого закона больше не прибавлявати” Сбор. Импер. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, 187.

³ Происходило (на съезде) в Бресте во вторник на пасхальной неделе (*feria tertia festorum solennis Paschae*) в 1462 г. *Volum. Legum*, I, 92

appropriaverunt)”. Теперь Бельзская земля имеет отношение (*contignit et concernit*) только к Казимиру и ни к кому другому. Ввиду такого желания и расположения Бельзских обывателей, король принимает их под свое и преемников своих управление (*manutitionem*) и протекцию Короны, “принимает, присоединяет и присовокупляет навсегда и навеки”, обещаясь всех их “держат и хранить при всех их правах, вольностях, иммунитетах, милостях, прерогативах, достоинствах, почестях и учреждениях (*officiis*)”. После заявления о готовности защищать Бельзских обывателей, ввиду их покорности и преданности, от всех внешних врагов и внутренних нестроений, и обещания не отчуждать от Бельзской земли ни одного округа (*districtus*) или имения (*villas*), подтверждаются и апробируются все личные права обывателей Бельзской земли. “Сохраняем, подтверждаем и апробируем настоящим (актом) всем лицам, как духовным, так и светским, общинам и горожанам их привилегии, данные и предоставленные нашими предшественниками — королями и князьями, справедливые, законные и правомочные (*sufficientia*), правильно и разумно (*rite et rationaliter*) выданные, ни в одной части не искаженные и не возбуждающие подозрения. Если же у кого они истреблены огнем или утеряны вследствие какого-либо несчастного случая, и относительно этого будет представлено достаточное доказательство, то мы готовы и обещаем возобновить и дать прежде выданные.” После обещания не отягощать Бельзской земли денежными поборами в числе других привилегий указываются: предоставление должности старосты Бельзской земли только местным уроженцам, владеющим наследственными имениями (*possessionatum*); сохранение и удержание достоинств, почестей и должностей (*officia*), которые имелись здесь при предшествовавших королях и князьях, равно и раздача их, в случае освобождения, только местным уроженцам; обещание не вызывать никого из уроженцев Бельзской земли к суду в другие воеводства, чтобы и здесь пользовались своими правами и вольностями по обычаю прочих областей королевства; право устраивать съезды и участвовать в генеральных собраниях (*generalia colloquia*), иметь суды (*termini particulares et judicia*) по правилу и обычаю, наблюдаемым в таких случаях в прочих областях наших; арестование королем или старостой землянина, имеющего наследственное имение (*terrigena possessionatus*) может быть, сообразно с привилегиями и обычаями прочих областей королевства, только по суду; налог на крестьян, как церковных, так и светских владельцев подымного в размере двух грошей (около 30 к. на наши деньги), по обычаю Львовской и других земель Польского королевства, все же прочие поборы и повинности (хлебом, овсом, зерном, деньгами) уничтожаются и отменяются; освобождение, по примеру других земель королевства, обывателей Бельзской земли и их кметов от повинностей и оброков (*angariis*),

постройки замков, сооружения и починки мостов. Бельзская земля (паны и шляхта ее) будет выступать в походы по тому же праву и обычаю (eo tamen jure et modo), что и Львовская земля. Ряд предоставляемых Бельзской земле льгот заканчивается следующими словами: “Сверх того вообще и в частности все прочие артикулы, вольности и права, прочим землям королевства нашего данные и предоставленные и особенно нашей Львовской земле (если что здесь опущено будет, то все это желаем иметь и считаем за вписанное) — все это распространяем и относим и к земле Бельзской”¹.

Приведенный акт свидетельствует об отношении Казимира (и всего съезда) к небольшой области двух соединенных государств. Этим актом предоставляются известные права и привилегии всему населению Бельзской земли, без сомнения, католикам и православным. Так как в нем не упоминается ни о национальности, ни о религии населения Бельзской земли, то поэтому можно утверждать, как в XVIII ст. утверждал архиепископ Георгий Конисский², что содержание этого акта распространяется и на православных Бельзской земли. Но и в таком случае не может быть речи о полном уравнивании православных с католиками в политическом отношении, так как Городельское постановление 1413 г. продолжало существовать. Таким образом, правовое положение восточной церкви в коронных землях и при Казимире Ягеллоне оставалось тем же самым, каким оно было до него. Ввиду усилившейся в Галичине в XV ст. полонизации, можно было ожидать даже ухудшения ее положения, но появление в Польше при Казимире гуманизма и внутренние события, переживаемые Польшей, не благоприятствовали ревнителям католичества в деле ограничения православных в юридическом отношении. Гуманизм ослаблял религиозный фанатизм католиков, а переживаемые Польшей события сосредоточивали внимание польского общества на чисто политических вопросах. Известно, что Польша при Владиславе и Казимире Ягеллонах занята была борьбой шляхты с можновладством и выработкой того государственного строя, который гарантировал преобладание и выгоды одного только шляхетского сословия. Шляхта для расширения своих прав неоднократно заключала конфедерации и отказывала в повиновении королю. В 1454 г., например, во время сборов к походу на Пруссию, она на Нешавских полях сгруппировалась по воеводствам и, под угрозой разойтись по домам, добилась от короля подтверждения своих прежних прав и уступки новых вольностей и прерогатив³.

¹ Volum Legum, I, p 91-92

² Рукоп. Соф Соб, № 423, л 4

³ Volum Legum, I, 114-117; Бобржинский I, 271, Кареев, Истор очерк Польского сейма, с 33.

Король дает торжественное обещание не изменять существующих законов и не объявлять похода без ведома шляхты¹. Без сомнения, шляхта русских земель принимала активное участие в этом движении, ибо еще в 30-х годах, при Владиславе Варнском, она энергично добивалась расширения своих прав (что обещано было еще Ягеллом). В июле 1436 г. между Вишней и Радотычами шляхта всех русских земель Польской короны (Львовской, Подольской, Перемышльской, Саноцкой, Холмской, Галицкой и Бельзской земель) составляет конфедерацию с целью отстаивать свои права *in omnibus eorum punctis, articulis et clausulis*, причем все участники конфедерации обещали крепко стоять друг за друга и истреблять имущество (*bona*) того, кто не подчиняется конфедерации². В то время, когда расширяются свобода и права шляхты в Короне, конечно, невозможно стеснять *de jure* и последователей православия, ибо шляхетское равенство и свобода не мирятся с религиозными стеснениями.

Что касается Великого Княжества Литовского, то, как видно из указанных выше привилеев и грамот Казимира, юридическое положение православных церквей и населения здесь по сравнению с предыдущим немного улучшилось. Предоставляя известные права духовенству, панам, шляхте и боярам Литовско-Русского государства, Казимир в своем Виленском привилее 2 мая 1447 г. не делает никакого различия между католиками и православными, — они, по-видимому, уравниваются одни с другими; но тот факт, что содержащееся в Городельском акте 1413 г. запрещение занимать православным некоторые должности не было отменено, свидетельствует, что и при Казимире православие *de jure* продолжало занимать низшее, второстепенное по сравнению с католичеством положение и оставалось религией только терпимой с точки зрения польско-литовского законодательства.

Дети Казимира Ягеллона, непосредственно следовавшие друг за другом на польском престоле: Ян Альбрехт (1492-1501 гг.) и Александр (с 1492 года Великий князь Литовский, а с 1501 по 1506 г. — король польский) не изменяли юридического положения православных подданных своего государства: в *Volumina*'х не встречается ни одного законоположения относительно их. При этих королях Польско-Литовскому государству пришлось переживать тяжелые обстоятельства. Неприязненные отношения между Польшей и Литвой, скрывающиеся при Казимире, после его смерти обнаружили во всей своей силе. Литовские паны, недовольные теми уступками, которые делались полякам со стороны общих для Польши и Литвы государей (уступка Подолии, частей Волыни), решились в 1492 г. избрать себе отдельно-

¹ *Volum Legum*, I, 115; Бобржинский I, 272, Lewicki , 175

² *Monum. med aevi.* t. XIV, dodatek. № 39, p 550-551: Грушевський IV, 190.

го государя без ведома польских панов. Выбор их остановился на королевиче Александре, которому они и вручили великокняжеское достоинство. Поляки в это же время должны были остановить свой выбор на третьем сыне покойного короля Яне Альбрехте, который, явившись на Пиотровский съезд с отрядом войска, заставил признать себя королем¹. Факт единовременного избрания отдельного правителя для каждой из частей федеративного государства неминуемо должен был повлечь за собой разрыв персональной унии, связывавшей эти два государства. Теперь каждое из этих государств ведет свою особую политику отдельно и независимо друг от друга. Но оба они должны были противостоять сильным врагам, начавшим наступать на их пределы. С юга на Польшу напирали татары и турки, а с северо-востока — на Литву Московское государство, где в то время правил предприимчивый и осторожный Иоанн III. Альбрехт все внимание и силы свои направил против татар, причинявших своими частыми набегами страшные опустошения Подолии, Волыни, Галиции, а потом — турок, покровительствовавших Валашскому господарю Стефану IV. Нельзя сказать, чтобы дела его шли хорошо. Поход его в 1497 г. в Молдавию был крайне неудачен. Польское войско вынуждено было отступить с большими для себя потерями.

Почти непосредственно за этой неудачей последовали два больших нашествия турок на Польшу. Турки проникли вглубь Польши, дошли даже до Сандомира, произвели страшные опустошения и забрали в неволю десятки тысяч людей. Ввиду такого критического положения Альбрехт вступил в деятельные дипломатические сношения с европейскими государствами (Венгрией, Германией, Венецией, Францией и Римом), чтобы с помощью союзников предохранить свою страну от диких полчищ турецких; в 1500 году ему удалось заключить с султаном Баязетом II пятилетнее перемирие². В довершение опасности для Польши число врагов ее увеличилось еще одним — Тевтонским орденом. В 1466 году Казимир Ягеллон, после двенадцатилетней войны подчинил Польшу Тевтонский орден и заставил его признать вассальную зависимость от Польши. Избранный в магистры ордена Фридрих Саксонский не хотел принести королю вассальную присягу³. Альбрехту и с ним пришлось иметь дело. В то время как Польша переносила невзгоды от нападений турок и татар, Литва напрягала свои силы в борьбе с Московским князем Иоанном III. Собиратели юго-западной Руси, великие князья Литовские, вообще относились враждебно к Московским князьям, которые в XIV в. начинают действовать на северо-востоке Русской земли

¹ Бобржинский, II, 7.

² Бобржинский, т. II, 15-16; Szujski, t. II, 121-123.

³ Бобржинский, т. II, 16.

точно так же, как на юго-западе Литовские. Ольгерд, в союзе с Тверью, совершает несколько походов на Москву. Ягелло для ослабления той же Москвы заключает союз с противником Дмитрия Донского — Мамаем. Витовт, подчинив себе Смоленскую землю и владения мелких “верховских” князей (земли в северо-восточной Северщине, по верховьям Оки с ее притоками) и распространив свое влияние на Рязань и Тверь, трижды грозил Москве войной. Последней приходилось считаться с Литвой как с опасным врагом. Но наступившие в Литве после смерти Витовта междоусобия (борьба Свидригелла с Ягеллом и Сигизмундом Кейстутовичем, православно-русского элемента с литовско-католическим) остановили наступление Литвы на северо-восток. В то же самое время и Москва была занята борьбой племянника Василия Темного — с дядей — Юрием Дмитриевичем и его детьми за великокняжеский престол; поэтому соперничество между Литвой и Москвой на некоторое время прекратилось, но с конца 40-х годов XV в. снова возобновляется. Повод к недоразумениям между Москвой и Литвой дают некоторые из верховских князей, которые служили “на обе стороны”, несли одновременно известные обязанности по отношению к обоим из названных соседних государств¹. Правда, в договорной грамоте Василия Темного с Казимиром Ягеллоном (31 августа 1449 г.), подтверждающей “любовь и вечное dokonчанье” между ними, делается точное разграничение сферы влияния того и другого князя и указывается, что принадлежит каждому из этих государств². Но ни Литва, ни Москва не соблюдали условий этого договора, и у Казимира с Иоанном III неоднократно возникали недоразумения. Усилившаяся Москва во второй половине XV в. притягивает к себе многих верховских князей, которые переходят из литовского подданства в московское, удерживая при этом за собой свои уделы. Казимир и Иоанн III вступали в частые сношения по поводу этих переходов, но толку от этого было мало. Недоразумения усиливались, недовольство между Москвой и Литвой росло, и до открытой войны не доходило лишь потому, что Иоанн был очень осторожен и не любил предприятий, не обещающих верного успеха, а Казимир вынужден был заниматься делами на западе (в Пруссии и Венгрии) и не имел нужных для войны средств. Но зато они старались причинять друг другу вред иным путем: Иоанн насылал на Литву Крымского хана Менгли-Гирея, а Казимир восстанавливал против Москвы Ахмата, хана Золотой орды³. Смерть Казимира и последовавший за ней разрыв унии Литвы с Польшей придали Иоанну III больше смелости и реши-

¹ Леонтович, Очерк Ист Лит-рус права, — Жур Мин Нар Просв, 1893 г, декабрь, с 284-86.

² А 3 Рос I. № 50, с. 62-65

³ Соловьев, кн I, 1444

тельности по отношению к Великому Княжеству Литовскому. Подчинив себе Новгород и Тверь, Московский князь помышляет о подчинении Москве и Руси, входившей в состав Литовского государства, и в союзе с Менгли-Гиреем открывает военные действия против Литвы. Ввиду разрыва унии с Польшей, литовцы вынуждены были вести войну с Москвой без содействия со стороны поляков. Перевес был на стороне Московского князя, и Литва должна была просить мира. Но соглашаясь на заключение мира, Иоанн не отказывался от своих прав на Литовскую Русь как на свою вотчину, и в дипломатических сношениях с Александром называет себя “Божиею милостию, Государь всея Руси”¹. В 1494 году мир был заключен. При этом для упрочения мира литовские паны решили женить своего князя на Елене, дочери Иоанна III. Выдавая свою дочь (в 1495 г.) за католика, Московский князь поставил условием, чтобы ей предоставлена была полная свобода в соблюдении греческого закона; чтобы она имела для себя в Вильне православную церковь и православного священника; чтобы ее не только не принуждали к принятию латинства, но и не позволяли ей делать этого даже при ее собственном желании². Александр дал на это, как выражался потом великий князь Московский Иоанн III, “и грамоту свою утвержденную”³. Каждая сторона хотела извлечь для себя пользу из этого брака: Литва надеялась упрочить мир и дружбу с Москвой, а Иоанн III — иметь через свою дочь и ее детей влияние на Литовскую Русь⁴, но на деле эти расчеты не оправдались, и брак давал только новые поводы к вражде между соседними государствами. Между Иоанном III и его зятем возникало одно недоразумение за другим, и все из-за Елены. Александр, чтобы не раздражать католическое духовенство и литовских панов-католиков, не поставил для своей супруги особой церкви во дворце, удалил от нее русскую прислугу и окружил ее католиками. Тесть требовал, чтобы зять исполнил то, что обещал до брака. В ответ на требование Иоанна построить православную церковь подле хором Елены, Александр в 1495 г. ссылаясь на то, что князья, паны и вся земля литовская “мают... права” от предков Александра, в том числе и отца его Казимира; в силу этих “прав”, “церквей греческого закона больше не прибавлять”; и ему, Александру, этих прав “не годится рухати”⁵. Усилению недовольства Иоанна III против великого князя Литовского способствовали еще слухи о попытке Александра совратить “в проклятую латинскую

¹ Соловьев, кн. I, 1453

² Сборник Император Рус Истор. Общества, т. XXXV, с. 149, 161-162, срав. 377; Szujski, II, 124, Соловьев, кн. I, 1456.

³ Сбор. Импер. Рус Истор. Общ., т. XXXV, с. 377

⁴ Соловьев, кн. I, 1461

⁵ Сбор. Импер. Рус Истор. Общ., т. XXXV, с. 187

веру” свою жену. Попытки эти Александр делал через православного епископа Смоленского Иосифа Болгариновича, сторонника Флорентийской унии. Тот же Иосиф старался распространить унию среди православных Литовского государства. В то же время и Литовское правительство имело основание жаловаться на Москву, которая, вопреки договору 1494 г., продолжала принимать к себе на службу князей, состоявших прежде под властью Литвы. В 1500 году на сторону Москвы переходит значительное количество подчиненных Литве князей и бояр, православных по вере. Свой переход они оправдывали тем, “что на них пришла великая нужда о греческом законе”, и что их, как и всю православную Русь, “нудят... приступать к римскому закону”, т.е. они жаловались на притеснения, испытываемые православными в Литве со стороны католиков. Первый пример в этом отношении подал князь Семен Иванович Бельский; за ним последовали князь Василий Шемячич (внук Шемяки), князь Семен Иванович Стародубский (сын бывшего Можайского князя Ивана Андреевича), князья Мосальские, Хотетовские, Трубчевские, бояре Мценские, Серпейские и др. Все они оправдывают свой переход гонениями на веру. Иоанн III принимал их всех¹. Все это, вместе с непризнанием со стороны Литвы за московским князем нового титула “государь всея Руси”, портило отношения родственных государей: между ними непременно должен был произойти разрыв. Каждый из них готовился к этому. Иоанн располагал к себе своего давнего союзника — Крымского хана Менгли-Гирея; а Александр и Литва решили заблаговременно возобновить унию с Польшей, чего и удалось им достигнуть на Виленском сейме 24 июля 1499 года, где был подтвержден унионный акт, изданный в 1413 г., на съезде в Городле, от имени литовских панов. Акт этот приводится с буквальной точностью от начала до конца, а подтверждение его дается от имени литовско-католических прелатов, панов и всех земян (*universitas terrigenarum*) Великого Княжества Литовского². В 1500 г. Иоанн, под предлогом защиты притесняемых православных, объявил Литве войну. Литовцы терпели неудачи. При реке Ведроше, на Митькове поле (недалеко от Дорогобужа), в 1500 г. литовские войска, предводительствуемые гетманом, князем Константином Ивановичем Острожским, потерпели сильное поражение. Гетман вместе с некоторыми знатными панами попал в плен. Война продолжалась до 1503 года. В этом году, благодаря стараниям и посредничеству венгерского короля Владислава, старшего брата Александра, между враждующими сторонами заключено было перемирие на шесть лет. При

¹ Пол Соб Рус. Лет VIII, 238-39, Соловьев, кн I, 1466-67; Макарий IX, 97-98, Грушевський, Ист Укр, IV, 235

² *Volum Legum*, I, 129-130

этом Литва должна была уступить Москве Чернигов, Стародуб, Рыльск, Путивль и другие города, числом до 19¹.

Ян Альбрехт был занят внешними делами Польши. Ими же приходилось заниматься главным образом и брату его Александру, ставшему после смерти Альбрехта в 1501 г. польским королем. Ввиду опасного положения государства, неблагоприятно было делать какие бы то ни было стеснения православным, сокращать и отменять те права, которые были даны им прежде. Это могло произвести внутренние смуты, которые сделали бы положение государства еще более опасным. Православные могли бы силой требовать своих прав и этим причинять беспокойства и настроения, совсем не желательные для польско-литовского правительства. Вооружать против себя православное население польско-литовскому правительству нежелательно было еще и по той причине, что опасный для Литвы враг — московский князь выступал, как сказано выше, защитником православия и войну вел под знаменем того же православия. Поэтому стеснение и ограничение прав сторонников греческого исповедания могло способствовать росту среди них симпатий к Москве как защитнице их веры и возбуждать в них нерасположение к своему польско-литовскому государю. Этим, вероятно, и можно объяснить тот факт, что расположенный к католицизму Александр (припомним его благоволение к стороннику Флорентийской унии Иосифу, епископу Смоленскому) ограничивался лишь частными мерами для совращения в латинство православных, но не издавал общих стеснительных законоположений. Напротив, вынуждаемый внешними обстоятельствами, он издал несколько распоряжений в пользу православных. Прежде всего, после своего избрания литовскими панам на великокняжеский престол, он издал (6 августа 1492 г.) привилей, которым подтверждал права и вольности, данные его предшественниками духовенству, князьям, боярам и шляхте Литовско-Русского государства, без всякого различия по вероисповеданию; при этом в привилее определенно говорится, что содержание его распространяется и на Русь, и на русских панов, и шляхту. Вместе с подтверждением прежних вольностей Александр дает и новые, которыми уже владела польская шляхта². В 1499 г. нареченный митрополит Иосиф (Болгариневич) представил ему “свиток прав великого князя Ярослава Володимировича”, т.е. церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и доходы, так как “все тые дела духовные в моц митрополита Киевского” и подведомственных ему епископов. Представляя этот “свиток” князю, митрополит

¹ Szujski II, 125 и 127, Соловьев, кн I, 1476

² Daniłowicz, Scarbieć, t II, № 2044, p 226-228

жаловался на те стеснения, которые причиняли православной иерархии разные должностные лица и паны своими вмешательствами в подлежащие ведению митрополита и епископов дела, — жаловался на это и просил, чтобы князь подтвердил им Ярославов устав (по мнению преосв. Макария, составляющий позднейшую переделку подлинного устава Ярослава)¹. Александр, питавший расположение к названному митрополиту как стороннику Флорентийской унии, подтвердил особым привилеем этот свиток (20 марта 1499 г.). По этому привилею, “мает митрополит Иосиф и по нем будущие митрополиты” и все епископы Киевской митрополии “судити и рядити, и все дела духовные справовати, хрестиянство греческого закону, подле тех прав, выпису того свитка Ярославля, на вечные часы”. Все князья и паны “римского закона как духовные, так и светские”, воеводы, старосты, наместники “как римского, так и греческого закона”, все должностные лица городских управлений (в том числе и там, где есть или будет Магдебургское право) не должны чинить “кривды” церкви Божией, митрополиту и епископам, а равно и вмешиваться “в доходы церковные и во все sprawy и суды их духовные”, ибо заведование всеми ими, как и распоряжение людьми церковными, принадлежат митрополиту и епископам. Князья и паны, католики по вере, могут подавать православные церкви, находящиеся в их имениях, и то “с благословеньем митрополым”, по своему усмотрению только в том случае, если “церковь была в поданьи здавна державцы того имения” (т.е. если право подаванья издавна принадлежало державце-владельцу), если же эта церковь издавна была “поданье митрополье або владычне”, то и впредь право подаванья ее остается за митрополитом или епископом; но если священник будет назначен, то не имеет власти “того священника от той церкви рушити без осмотренья и воли митрополичое оный державца”. В случае оскорбления кем-либо — католиком или православным — русского священника, разбор этого дела подлежит суду митрополита или епископа, “ибо то есть суд духовный”². Таким образом, была поддержана неприкосновенность святительского суда и церковного имущества в пределах Великого Княжества Литовского.

Кроме этих двух подтверждений, принадлежащих православной церкви прав, известны еще и другие грамоты этого великого князя Литовского, данные им православным церквям, епископам, монастырям и целым областям. В 1494 г. он подтверждает грамоты своего отца архимандриту Филарету на настоятельство в Киево-Печерском монастыре и наместнику Смоленскому

¹ Макарий IX, 127.

² А. З. Р. I, № 166, с. 189-190

о невмешательстве его в епископские суды и имения¹. В 1497 г. пожаловал грамоту Киевскому Пустынско-Николаевскому монастырю на выморочную пашенную землю². В 1498 г. подтвердил грамоту Троицкому Рождество-Богородичному монастырю³; в 1499 г. — Брянско-Черниговскому владыке на пожалование им своему боярину церковного села; в 1500 г. уставной грамотой Полоцку определил, чтобы живущие там владычные и монастырские люди пользовались наряду с прочими мещанами Магдебургским право⁴. В 1498 г. Виленское духовенство получило княжескую грамоту, которой подтверждались его прежние права, нарушенные митрополитом Макарием (последний увеличил сборы с духовенства), а в 1499 г. — Полоцкое соборное, у которого епископ Лука отобрал три села и церковных людей. Великий князь предписывал епископу возвратить своим клирошанам (духовенству кафедрального собора) взятое у них⁵.

Следует еще упомянуть о грамотах Александра: одной уставной жителям Витебской области (1503 г.), которой подтверждались все права Витебской земли, предоставленные ей Казимиром Ягеллоном, в числе коих находилось обещание ни в чем не стеснять последователей православия, хотя бы его придерживались “литвин або лях”⁶, — и о двух епископу Полоцкому Луке (1503 г.); одной из них великий князь возвратил ему те три села, которые в 1499 г. отобрал у него в пользу полоцких крылошан, а другой подтвердил судебные и имущественные права православной церкви, данные в 1499 г. митрополиту Иосифу⁷; в 1504 г. епископу Холмскому подтвердил грамоту Владислава III от 1443 г., которой последний уравнивал русское духовенство в отношении “прав, вольностей, обычаев и иммунитетов” с духовенством римско-католическим⁸; в том же 1504 г. нареченному владыке Смоленскому Иосифу Солтану дал он грамоту на три имения в Бельзском уезде, а в 1505 г. всем жителям Смоленской земли подтвердил привилей великого князя Казимира о неприкосновенности их православной веры (“греческого закона”), прав и вольностей и некоторых других⁹. Нельзя не упомянуть также и о том, что, при возникавших часто недоразумениях, вследствие злоупотреблений правом патроната между епархиальными владыка-

¹ А З Р I, № 117 и 118, с 143-44.

² А З Р I, № 151, с 174.

³ Макарий IX, 121

⁴ А З Р I, № 168 и 185

⁵ А З Р I, № 152 и 174

⁶ А З Р I, № 204, с 351-353

⁷ Ibid, I, № 209, с 356-57; Сборник Муханова (2-е изд.), № 84, с 134-135; Макарий IX, с 153.

⁸ Арх Ю. З Р ч I, т I, № 105, с 443

⁹ Ар Сбор IX, № 3, А З Р т I, № 213, с 359-63

ми и богатыми помещиками — патронами, Александр принимал сторону епископов. Так, Пинские князья Иван и Федор Ивановичи Ярославичи начали “новины вводить”: самовольно, без согласия и благословения своего епископа, Туровско-Пинского владыки Вассиана, не только строили по городам и волостям церкви, но и назначали священников и распоряжались ими. Епископ жаловался на них князю, и последний запретил Ярославичам делать указания своеволия, а всем обывателям Туровской епархии предписал, чтобы впредь никто не осмеливался, под опасением штрафа в три тысячи литовских коп, без воли и благословения владыки “церквей и монастырей закладати и будовати”, и вмешиваться вообще в церковные дела¹. Но вместе с признаками расположения и терпимости к православной церкви Александр проявлял и вредную для нее деятельность. Под влиянием католического духовенства, имевшего большое значение в государстве, и сильных панов-католиков, он принимал меры к усилению католичества среди православных. В Городне поселил бернардинов (в 1494 г.) на плацу, где находился замок великих князей литовских²; в Вильне построил доминиканский монастырь, чтобы монахи его занимались совращением в латинство схизматиков и еретиков, и одарил этот монастырь угождями³. Бискупу Виленскому Альберту Войтеху предоставил по его просьбе право светского меча (*secularis gladii potestas*). Альберт Войтех жаловался на то, что в его епархии и смежных с ней областях живут татары, армяне и православные (*et alii sub ritibus Graecorum*), не подчиняющиеся католической церкви; они причиняют католическим клирикам, бискупу и костельным имуществам немалый вред; бискуп ничего не может предпринять против разорителей костельного имущества; они остаются безнаказанными, авторитет бискупа умаляется, а католическая вера поносится. Ввиду этого, великий князь Александр и дает Войтеху *gladii potestas secularis* для охранения церковной свободы от всех нападающих на нее и причиняющих несправедливости католической церкви. Папа Александр VI буллой своей от 23 июня 1501 г. подтвердил это право за Виленским бискупом⁴. Понятно, этим правом бискуп мог злоупотреблять по отношению к православным. Венчание Александра с Еленой, при котором не позволено было, вопреки условию с отцом ее, присутствовать православному (нареченному) митрополиту Макарию, и попытка, через Виленского бискупа и бернардинов, склонить ее к латинству также свидетельствуют об его отношении к православию. Из-за этого

¹ А. З Р II, № 109, с 134-35

² Макарий IX, 81.

³ Ibid IX, 108-109.

⁴ Theiner, t II, № 307, p 293-94, Buliński II, 175, прим 1-е.

брака ему пришлось перенести много неприятностей: польские паны были недовольны из-за православия его жены и даже не хотели признавать ее королевой; папа Александр VI пожелал, чтобы королева приняла латинство, и советовал употреблять всякие средства для перемены религиозных убеждений Елены (то же самое папа приказывал делать и епископу Виленскому)¹. И вот король очутился между двух огней: папа и католики требовали обращения Елены, Иоанн III настаивал на выполнении данных перед браком обещаний². Положение бедной Елены было незавидным. Только неудачная война Александра с Москвой изменила к лучшему ее положение. Король просил преемника Александра по римской кафедре — Юлия II о позволении Елене оставаться в православии, на что и последовало папское согласие. Этим Александр оградил себя от упреков со стороны латинского духовенства³. К попыткам Александра усилить католицизм в русских областях присоединилось еще одно зло — то самое, которое впоследствии особенно много причинило бед православной церкви. Разумеется, злоупотребление со стороны короля правом патроната. Король предоставлял церкви и монастыри, кому хотел, нисколько не сообразуясь с нравственными качествами того, кому делалось “подавань”. В 1496 году он взял в свое “подавань” монастырь св. Николая на Лучне, на который предъявлял свои права Полоцкий епископ Лука⁴; в том же году Киево-Михайловский монастырь он отдал какому-то Григорию Поповичу, просившему его об этом, с тем, чтобы тот, постригшись в монахи, владел им пожизненно⁵. Позволял себе Александр отдавать некоторые монастыри в пользование женщинам; напр., монастырь Пречистой отдал некоей Ленковой из Овруча, а монастырь св. Иоакима и Анны (в Овруче) — княгине Дашковой⁶; знаменитый Пересопницкий монастырь отдал сначала княгине Марии Черторыйской, а потом сыну ее и его потомкам⁷. Ко числу мер, направленных Александром против православных, надо отнести еще его попытку навязать русским Флорентийскую унию. Смоленский епископ Иосиф Болгариневич согласился принять ее. Им-то король и пожелал воспользоваться, как орудием для достижения единения восточной церкви с костелом. Для этого он провел его в митрополиты; но попытка Иосифа склонить православных к унии возбудила только недовольство православных, успеха же не имела: православные были на-

¹ Макарий IX, 107-108.

² Buliński t. II, 62.

³ Ibid. II, 63; Макарий IX, 150.

⁴ А. Ю. и З. Р. I, № 233, с. 297.

⁵ А. З. Р. I, № 141, 164-65.

⁶ А. З. Р. I, № 140, с. 164.

⁷ Ibid. I, № 212, с. 359; А. Ю. и З. Р. т. I, № 41, с. 31-32.

строены очень враждебно против нее, а чуть ли не единственный ее сторонник, митрополит Иосиф умер через несколько месяцев по отправлении к папе письменного заявления о готовности русской церкви подчиниться римскому первосвященнику. Наконец, для более полного представления о юридическом положении православных в Польше в правление Александра, следует еще упомянуть о формуле королевской присяги, находящейся в *Volumina*'х и произнесенной самим Александром. В ней читаем следующее: “Ego A. Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Litvaniae, Russiae, Prussiae et cet., dominus et haeres. Juro, spondeo et promitto ed haec sancta Dei Evangelia, quod omnia jura, libertates, privilegia, literas, immunitates regni mei Poloniae ecclesiasticas et saeculares, ecclesiis, regno quoque Poloniae ejusdemque praelatis, principibus, baronibus, nobiles, civibus, incolis et quibuslibet personis cujuscunque status ac conditionis existentibus per divos praedecessores meos principes, reges et quoscunque dominos et heredes regni Poloniae, praesertim vero divos Casimirum antiquum, Loysch, Vladislaum avum, Vladislaum patrum, Casimirum patrem et Ioannem Albertum germanum meos, reges Poloniae, justas et legitimas donatas, marutenebo, servabo, custodiam et attendam in omnibus conditionibus aut punctis et omnia illicite ab eodem regno alienata, aut distracta pro posse meo, ad proprietatem ejusdem regni mei aggregabo, terminos etiam regni mei Poloniae non minuam, sed pro posse meo defendam et dilatabo; sic me Deus adjuvet et haec sancta Dei Evangelia”¹.

Так как в приведенной клятвенной формуле содержится подтверждение прав и привилегий всех подданных Польши вообще, без обозначения национальности и вероисповедания, то можно утверждать, что и за православным населением Короны (в Червоной Руси) признаются те права и привилегии, какие даны ему Казимиром Великим и сыновьями Ягелла. Затем новое подтверждение всех прав польского народа (а следовательно, и православно-русского населения), дано было Александром на генеральном съезде (*in conventione generali*), происходившем в 1505 году в Радоме. Здесь им была издана генеральная конфирмация всех прав (*generalis confirmatio omnium jurium*). В этой конфирмации король заявляет, что, хотя уже он и обещал держать ненарушимо (*inviolabiliter tenere*) все привилегии, данные Польше и ее населению блаженной памяти королями, предшественниками его, Александра, равно как и самим Александром, но теперь, согласно об-

¹ *Volum Legum*, I, 152 Заглавие целого ряда формул присяги для короля и разных должностных лиц (*consiliariorum regni*, воевод, старост, державцев и т. д.) *Alexander rex inserit statuto Laski formas juramentorum* Над королевской формулой написано: *regis juramentum, quod etiam nos, Alexander, praestitimus* Формула эта произнесена им во время коронования. См *Volum Legum*, I, 161

щей просьбе и убеждениям собравшихся на съезде советников (сенаторов) и послов всего королевства, по особенной королевской доблести и щедрости (*ex speciali virtute et munificentia*), чтобы королевское обещание было более надежным и твердым (*solidiorem firmioremque*), Александр утверждает все привилегии, льготы, подтверждения (*indulta, munimenta*), постановления, пожалования (*donationes*), свободы, прерогативы, иммунитеты, какого бы пола, положения и чина лицам они ни были даны предшествовавшими правителями Польши. Все это будет он хранить твердо и ненарушимо во всех их видах (*modis*), употреблении, положениях, объяснениях (*descriptionibus*), членах, пунктах и условиях. “Если же мы, — говорит король в своем подтверждении всех прав, — сделаем нечто противное свободам, привилегиям, иммунитетам и указанным правам королевства, то желаем, чтобы оно все целиком было ничего не значащим, недействительным, пустым, как бы ничем; хотим и самим делом определяем и содержанием настоящего уничтожаем (*illud totum cassum, irritum, inane, nullumque volumus, ac decernimus ipso facto, atque irritamus, cassamus, tenore praesentium mediante*)”¹.

Подобного же рода общее подтверждение прав в пределах Короны сделано было и Сигизмундом I, или, иначе говоря, Старым (1506-1548). В 1507 году, вскоре после своего коронования, он издал привилей, которым подтверждались все прежние права. В этом привилее говорится, что Сигизмунд под влиянием прелатов, магнатов и панов (*baronum et procerum*), или, вернее, всего сената (*senatus*) и шляхты (*nobilitatis*), полномочные послы которой (от каждой в отдельности земли) собрались для обсуждения будущего положения государства, подтверждает “все права, все привилегии, все статуты и определения (*decreta*), все, наконец, владения (*denique dominationes*), свободы, иммунитеты и всякого рода запродажные и жалованные грамоты и записи (*et quascunque venditionum et donationum literas et singraphas*), для всех земель королевства вообще и каждой в отдельности, дарованные предшествовавшими королями и князьями польскими, а в особенности Казимиром Ягеллоном, Альбрехтом и Александром, людям и жителям всякого рода (*generis*), всякого состояния и всякого пола (*sexus*)”². Мало того. В 1530 г. на генеральном сейме в Кракове, где поляки избрали в преемники Сигизмунду I его сына Сигизмунда Августа, первый дает обещание, что и сын его, по достижении совершеннолетия (при жизни ли отца,

¹ Volum. Legum, I, 161-62.

² Volum. Legum, I, 162-63. Здесь не указано точно, когда именно дан этот привилей, так как в нем говорится, что недавно (*paucis ante diebus*) корона возложена на голову Сигизмунда, то на этом основании можно думать, что он издан вскоре после коронования Сигизмунда Старого.

или после его смерти), подтвердит “все права, свободы, привилегии, грамоты, иммунитеты нашего королевства Польского, церковные и светские, предоставленные предыдущими королями Польши, ее прелатам, баронам, панам, шляхте, мещанам (*civibus*), жителям (*incolis*) и всяким лицам всякого звания и состояния”¹.

Указанные выше акты Сигизмунда Старого отличаются слишком общим характером и имеют отношение к землям с православным населением (в пределах Польши) лишь настолько, насколько польское право (*jus polonicum*) имело силу и значение в них. Но за продолжительное время правления Сигизмунда I можно увидеть и более частные постановления сеймов, относящиеся непосредственно к русским землям. В постановлениях Краковско-го сейма 1507 г., приуроченного ко времени коронации этого короля, встречается одна конституция, имеющая отношение лишь к Русской земле (Галиции). Вот дословный ее текст. “Подтверждается постановление короля Альбрехта относительно беглых на Руси (*in Russia*) и относительно освобождения шляхты той же земли от уплаты таможенных и ярмарочных пошлин” (заглавие). — “По просьбе (*ad supplicationem*) русских желаем и определяем, чтобы относительно всех беглых соблюдалось постановление короля (Яна Альбрехта) и чтобы шляхта этих земель, как и в прочих местах (*terris*) королевства, была свободна и изъята от уплаты таможенных и ярмарочных пошлин (*theloneorum et foralium*), да и, впрочем, чтобы она утешалась (*gaudeat*) той же свободой”². По смыслу этой конституции шляхта русских земель (Галиции) уравнивалась во всем со шляхтой остальных земель Короны. Конечно, в начале XVI в. полонизация сделала громадные успехи и большинство русской по происхождению и православной по вероисповеданию здешней шляхты успело уже ополячиться и окатоличиться, но все-таки еще многие из русской шляхты придерживались православия и в это время³. Что касается упоминаемого постановления Яна Альбрехта относительно беглых, то здесь, очевидно, разумеются конституции 1496 г. — одна *de fugitivis kmethonibus* (по смыслу ее беглый крестьянин предавался земскому суду) и *de kmethone fugitivo repetendo tam de regalibus, quam non regalibus bonis*⁴. Значит, здесь идет речь об уравнивании православной Галицкой шляхты с католической и о предоставлении ей тех же прав, которыми

¹ Volum Legum, I, 245-46

² Volum. Legum, I, 166

³ Что среди Галицкой шляхты было в XVI в. много православных, это доказывается фактом успешной борьбы здесь православия с латинством при Сигизмунде I, результатом которой явилось восстановление в 1539 г. в Галиции православной епархии. Архиепископ Георгий Конисский эту конституцию тоже относил к православным (Соф. Рук., № 423, л. 6 об.)

⁴ Volum Legum, I, 119 и 126

пользовались обыватели Короны. Хотя еще Ягелло в своих Эдльнском и Краковском статутах (1430 г. и 1433 г.) обещал привести Русскую землю, как и все прочие области Польши, к одному праву и одному общему для всех их закону¹, но, видимо, это обещание не было приведено в исполнение, и шляхта русских земель несла больше повинностей, чем жившая в чисто польских землях. Как видно из приведенной конституции, первая должна была до сего времени платить *thelonea et foralia* и еще, вероятно, другие какие-либо налоги, так как в противном случае излишне было бы вставлять в ту же конституцию замечание о предоставлении шляхте русских земель возможности утешаться и впрочем такой же самой свободой (*in aliis eadem gaudeat libertate*), которой пользовалась шляхта остальных польских земель². Неисполнение обещания, подтвержденного государственным актом, характерное явление в Польше. Известно, что Владислав Ягеллон должен был давать те же самые права и льготы, которые были уже раз дарованы Ягеллом³. Другим документом, говорящим о положении православной церкви в Польско-Литовском государстве при Сигизмунде I, надо признать, на основании *Volumin'ов*, привилей Сигизмунда I Дорогичинской земле (дан в Вильне в 1516 г.)⁴. Привилей этот подтверждает то, что дано было Дорогичинскому округу королями Казимиром и Александром. Содержание его таково. Предшественники Сигизмунда Старого предоставили шляхте и землянам (*nobiles et terrigenae*) Дорогичинского округа возможность пользоваться земским польским правом (*juri terrestri polonico*), по обычаю шляхты-землян Короны. Представленные Дорогичинскими обывателями Сигизмунду грамоты и подтверждения (*litteras et munimenta*) Казимира Ягеллона и Александра доказывают, что в них *multa articulatum supervacane descripta*, между тем как в польских статутах (*in libris statutorum regni nostri Poloniae*) все содержится *specificum et per expressum*; кроме того, в этих грамотах и подтверждениях прибавлено нечто к отягощению обывателей Дорогичинской земли. Поэтому король снова (*de novo iterum*) дает и распространяет (*damus et conferimus*) польское право на Дорогичинский округ “во всех его пунктах, артикулах и положениях (*conditionibus*), как оно содержится *latius* (пространнее) в записях статутах Польского королевства”. С этого времени все земские и городские должностные лица (*officiales terrestres et castrenses*) упоминаемого Дорогичинского округа должны судить всех и шляхетных, и нешляхетных (*tam nobiles, quam ignobiles*), кто бы они ни были:

¹ *Volum Legum*, I, 42

² *Volum. Legum*, I, 166

³ Грушевський, *Ист Укр – Рус*, IV, 190 и V, 85-86

⁴ *Volum Legum*, I, 174-75 — *Terra Dorohiciensis juri polonico adscribitur*

русские, евреи, армяне, христиане, язычники — по польским законам (*secundum idem jus polonicum*) и с соблюдением порядка, установленного записями статуты Польского государства. Должности земские (*officiales terrestres*) будут замещаться свободно избранными на сеймах лицами с одобрения (*cum ratihabitione*) великого князя Литовского, а городские — по назначению великого князя (*pro arbitrio nostro duntaxat*) лицами из обывателей того же Дорогичинского округа, но все должностные лица должны быть католической веры (*dummodo uterque ipsorum officialum romanae religionis essent*)¹. В случае недовольства решением суда и старосты (*capitanei*), апелляция должна быть направляема к великому князю Литовскому. Но ко всякому преступлению и ко всякому судебному процессу, равно как и при всяких записях (*inscriptionibus*), каждым судьей и старостою в Дорогичинском округе должно применяться, как и во всей Польше, только польское право². Таким образом, православные и теперь ставились ниже католиков: Сигизмунд не допускал их, по крайней мере в пределах Дорогичинского округа, ни к выборным земским должностям, ни к городским, куда великий князь назначал по собственному усмотрению. Не без значения, очевидно, было Городельское постановление, проведшее резкую грань между католиками и православными! И мы видим при Сигизмунде I не один случай признания силы за Городельским постановлением 1413 г. В 1522 году, после смерти Виленского воеводы Николая II Радзивилла, Сигизмунд I назначил на его место Войцеха Мартина Гаштольда, бывшего воеводой в Троках, а вакантное Троцкое воеводство предоставил каштеляну Виленскому и наивысшему гетману Литовского войска, князю Константину Ивановичу Острожскому. Литовские магнаты протестовали против назначения на должность воеводы русского и православного князя и ссылались при этом на Городельское постановление. Сигизмунд, для оправдания своего распоряжения, издает 25 марта 1522 г. (во время Гродненского сейма) особый привилей, в котором заявляет, что, хотя Троцкого воеводства, по положению земского привилея Великого Княжества Литовского, данного Ягеллом и Витовтом (т.е. Городельского), и не должно предоставлять никому из русских и схизматиков (*nulli Rutheno atque schismatico*), а непременно на это воеводство, как и другие должности, надо назначать только католика, но, в виде исклю-

¹ Употребленные в привилее выражения *non nisi cum ratihabitione nostra ducali successorumque nostrorum magni ducatus Lithuaniae ducum per nos et successores nostros Lithuaniae duces* свидетельствуют о том, что Дорогичинская земля этим не присоединялась к Короне, на нее только распространялось польское право, но она оставалась при Великом Княжестве Литовском. В противном случае Сигизмунд I говорил бы *ne ducali . ducatus Lithuaniae, a regali regni Poloniae*.

² Volum Legum, I, 175-75

чения из общего правила, он (Сигизмунд) дает Троцкое воеводство князю Острожскому, бывшему перед этим Виленским каштеляном, во-первых, ввиду его многочисленных заслуг в войнах против Москвы и татар; во-вторых, ввиду настойчивых просьб панов рад обоих государств (*votis et intercessionibus consiliariorum utriusque domini nostri*). Как исключение, назначение князя Острожского сначала Виленским каштеляном, а затем троцким воеводой, нисколько не должно подрывать значения Городельского постановления; на будущее время и Сигизмунд, и его преемники, великие князья Литовские, обязаны не предоставлять подобного рода dignitarств и должностей никому из русских, но только литвинам, католикам по вере¹.

По заведенному в Литве обычаю, виленский воевода занимал в господарской ряде первое, непосредственно после епископов, место (*primum et immeditum locum*), по Гаштольд *ex speciali benevolentia et observantia* к князю Острожскому уступает последнему свое первенство; после смерти Острожского Гаштольд (или его преемник по Виленскому воеводству) снова будет сидеть выше троцкого воеводы. Король согласился на это². Другой пример ссылки на Городельское постановление видим в 1529 году. Как известно, в этом году был издан первый Статут Великого Княжества Литовского. По вопросу о раздаче урядов в Литве этот Статут (арт. 3-й в III разд.) гласит, что должности будут предоставляться только оседлым обывателям великого княжества, но о препятствиях к занятию их со стороны веры и национальности кандидатов ничего не сказано. Поэтому, в виде дополнения и пояснения к Статуту, Сигизмунд I в своем привилее от 18 октября 1529 г. в категорической форме и притом словами Городельского акта определяет порядок замещения достоинств и урядов Великого Княжества Литовского. В третьем пункте этого привилея читаем следующее. "Светские достоинства и уряды (*officia*) будем хранить ненарушимо и в надлежащем порядке (*in ordine suo*) так, как они издавна, по примеру Польши (*ad instar regni Poloniae*), установлены в пределах Великого Княжества Литовского нашими предшественниками, а именно, достоинства воеводы и каштеляна в Вильне и Троках, а равно и там, где они нами или преемниками нашими будут учреждены. Точно так же наш сын и наши преемники сохранят их навсегда. Эти достоинства воеводы и каштеляна, постоянные земские и наши придворные (*nostrae curiae*) уряды нами и нашими преемниками не должны быть предоставляемы никому другому, как только исповедникам католической веры и подчиненным Римской церкви. Те же самые достоинства и упо-

¹ *Collectanea ex archivo coleg. jur.*, t VII, p. 273-74; Грушевський, *Ист. Укр* V, 453-54, Czermak, 39-40.

² *Collectanea ex archivo coleg. jur.*, t VII, p. 274-275.

минаемые уряды точно также, как державы (*tenutae* — поместья) и наследственные имения (*bona haereditaria* — вотчины) в Великом Княжестве Литовском будут предоставляться несомненным уроженцам (*indigenis veris*) Великого Княжества Литовского, а не пришельцам (*advenis*) и иноуроженцам (*alienigenis*) или чужеземцам (*extraneis*). И в раду нашу (*ad consilia nostra*), когда там будут идти рассуждения о благе государства, будут допускаться одни только католики и уроженцы (*indigenae*) Великого Княжества Литовского, потому что разница в культе и национальное различие ведут часто к различию в мнении и обнаружению того, что должно быть хранимо в секрете”¹.

Таким образом, и при Сигизмунде I было подчеркнуто юридическое ограничение православных подданных Великого Княжества Литовского и преимущественное положение в его пределах католичества в сравнении с православием. Еще раз было объявлено, что православные не допускаются к высшим и наиболее почетным должностям воеводы и каштеляна, к постоянным земским и придворным урядам, а также и в государственную раду: только католики имели право занимать все эти должности и звания. Но и теперь эти ограничения православных не получали широкого практического применения и могли соблюдаться лишь в редких случаях. Шляхта Литовского государства стремилась сравняться во всем со шляхтою Коронных земель, которая к началу XVI ст. приобрела преобладающее влияние на государственные дела Польши. Еще в 1454 г. Нешавским статутом коронной шляхте было предоставлено право принимать участие в решении таких вопросов, как издание нового закона и объявление войны. Конечно, шляхта пользовалась этим правом и выражала свою волю и отношение к государственным делам на так называемых сеймиках и сеймах. Сеймики представляли не что иное, как собрание всей шляхты каждой отдельной земли, которая выбирала из своей среды уполномоченных или послов (*nuntii*) на вальные сеймы, где эти уполномоченные заодно с королевской радой, или сенатом², и занимались законодательной деятельностью. Такой порядок к началу XVI в. прочно устанавливается и в 1505 г., на Радомском сейме, получает юридическое подтверждение. В одной из конституций этого сейма (так называемой “*nihil novi*”) читаем следующее: “...определяем и постановля-

¹ *Collectanea ex archivo coleg. jur.*, t. VII, p. 280-281.

² Сеймики каждой отдельной земли назывались партикулярными; на них не только избирались послы на предстоящий сейм, но и обсуждались те вопросы, которые назначены были для рассмотрения на нем. Чтобы избираемые послы являлись на сейме действительными выразителями воли и мнения местной шляхты, сеймики давали им свои инструкции, отступать от которых послы не имели права. Кроме партикулярных сеймиков, были сеймики генеральные, на которые собирались все земские послы каждой польской провинции.

ем, что на будущее время нами и нашими преемниками, без общего согласия советников (т.е. сената) и земских послов, не должно быть постановляемо ничего такого, что может быть ко вреду и отягощению Речи Посполитой, к ущербу и невыгоде всякого частного лица, а также к нарушению общего права и общественной свободы”¹. По смыслу этой конституции польский король сам по себе, без согласия сената и посольской избы, не мог постановлять ничего нового и, следовательно, для издания всякого нового закона необходимо взаимное согласие короля, сената и земских послов². Это еще более усиливало значение польской шляхты и делало ее положение очень привлекательным в глазах шляхты Великого Княжества Литовского. Последняя без различия племени и вероисповедания добивалась от своих господрей расширения своих прав и большего влияния на государственные дела, следуя в данном случае примеру своей польской братии. Великие князья Литовские к началу XVI ст. делают большие уступки своей шляхте и издают целый ряд общеземских привилеев как подтверждающих раньше данные права и вольности, так и содержащих в себе новые уступки шляхте. Так как русский элемент в Литовском государстве, особенно в так называемых аннексах, т.е. в соединенных с Литвой русских областях, в XVI в. был еще очень силен, то эти княжеские уступки простирались и на русских, остававшихся верными православию. Из общеземских привилеев Сигизмунда I, гарантирующих права и вольности шляхты Литовского государства, можно указать на один привилей 1506 г. и два 1529 года. 7 декабря 1506 г., вскоре после своего избрания на великокняжеский и королевский престолы, Сигизмунд Старый издал в Гродно привилей, в котором наиболее интересными являются первые два пункта. В первом из них великий князь дает торжественное обещание прелатам, князьям, советникам своим (*consiliarios nostros*) Литвы, Самогитии, Руси и др. областей, баронам и шляхте — литвинам и русским (*Lithuanos et Ruthenos*) не умалять их в чинах и достоинствах (*in ipsorum honoribus et dignitatibus*), но жаловать и возвышать (*promovere et sublimare*) их сообразно с требованиями способности и заслуг. Вторым пунктом привилея 1506 г. подтверждаются все законы (*jura*), вольности, привилегии, грамоты, как на латинском, так и на русском языках (*litteras Latinas et Ruthenicis*), и иммунитеты Великого Княжества Литовского — церковные и гражданские, предоставленные кафедральным, коллегияльным, монастырским и приходским церквям, священным и чтимым местам, всему великому княжеству и его прелатам, князьям, баронам, шляхте, общинам (*civitatibus*), мещанам, жителям и всем вообще лицам всякого

¹ *Volum Legum*, I, 137

² Бобржинский, II, 20, Кареев, 61

сана и положения — все права, справедливо и законно данные предшественниками Сигизмунда I, особенно же королем Ягеллом и великими князьями Витовтом, Сигизмундом Кейстуовичем, Казимиром Ягеллоном и Александром. Общеземскому привилею Александра, данному им при избрании на великокняжеский престол (1492 г.), придается особенное значение, и его Сигизмунд I обещает держать, хранить, соблюдать и выполнять *in omnibus articulis, clausulis atque punctis*. В остальных пяти пунктах привилея 1506 года заключается обещание господаря: а) не уменьшать княжеских имений в Литве и стараться о возвращении неправильно отторгнутых; б) ни в чем не умалять, по занятии польского престола, литовских владений (*dominia*) и консилиариев (сенаторов), но сохранить все *ab omni levitate et depressione*; в) оставить наследственные имения (вотчины) за теми лицами, которые, утратив почему-либо документы на них, представят достоверное свидетельство о том, что они и их предшественники бесспорно владеют этими имениями еще со времени великих князей литовских Витовта, Сигизмунда и Казимира; г) строжайше наказывать тех, кто будет возводить на других тяжкие обвинения без серьезных и вполне убедительных доказательств; и, наконец, е) не издавать никаких новых постановлений и не отменять старых без совета и согласия панов рад Великого Княжества Литовского. Привилей заканчивается клятвенным обещанием Сигизмунда хранить свято все, что было дано населению Литовского государства предшествовавшими ему великими князьями¹.

Рассматриваемый привилей не дает шляхте ничего нового, но только подтверждает то, что было уступлено панам и боярам Казимиром Ягеллоном и Александром; поэтому он и называется подтвердительным привилеем². Подтвердительным же является и краткий привилей 1529 г., данный Сигизмундом I 18 октября, после того, как литовские прелаты, князья, паны, рыцари и бояре признали на Виленском сейме девятилетнего Сигизмунда Августа своим великим князем. Сигизмунд I этим привилеем снова подтверждает все прежние права и свободы и клятвенно уверяет своих подданных, что будет хранить и соблюдать все права, привилегии и грамоты — свои и предшественников своих — во всех их артикулах и пунктах крепко, ненарушимо, непоколебимо. В числе других прав и свобод упоминаются здесь свободы и иммунитеты церквей соборных, монастырских и приходских. Привилей свой Сигизмунд заканчивает уверенностью, что литовские прелаты, князья, паны и бояре навсегда останутся верными как ему самому, так и сыну его Сигизмунду Августу и его преемникам³.

¹ Coll ex archivo col jur t. VII, p. 270-73

² Жур. Мин. Нар. Прос 1903 г., апрель, с. 261 (статья г. Якубовского).

³ Coll ex archivo col. jur. t VII p. 275-277.

Что касается другого, пространного привилея, изданного одновременно с предыдущим (тоже 18 октября 1529 г.), по просьбе собравшихся на Виленском сейме прелатов, князей, баронов, панов, рыцарей и бояр Литвы, Руси и Жмуди, то он отличается от краткого привилея 18 октября 1529 г. тем, что в нем подробно и обстоятельно перечисляются те права и вольности, которые жаловал великий князь духовенству, панам и боярам. В нем 32 статьи, из коих большая часть содержит в себе подтверждение того, что было дано раньше; именно — сюда вошли 2 пункта Городельского постановления 1413 г., по несколько статей из привилеев 1447 г., 1492 г. и 1506 г., 2 статьи добавлены вновь. Больше всего говорится в нем о политических и имущественных правах духовенства, панов и бояр Литовско-Русского государства, причем, как уже выше сказано, православная знать, в силу Городельского постановления 1413 г., не допускается к занятиям дигнитарств, надворных и земских урядов и участию в господарской раде. По отношению к церквам всякого рода в Литве, Руси и Жмуди Сигизмунд I и теперь обещает хранить и соблюдать все их наданья (*dationes*), привилегии, пожалованья и иммунитеты; все это относится не только к сооруженным и уфундованным уже церквам, но и к тем, которые будут когда-либо строиться. Освобождающиеся при церквах кафедральных, соборных, монастырских и приходских, право подаванья (*jus patronatus*) которых принадлежит великому князю, места пастырей будут предоставляемы только уроженцам Великого Княжества Литовского, известным и пригодностью к тому, и честной нравственностью (*in idoneitate et morum probitate fuerit compertus*). Если же полезное, почтенное и пригодное для этого лицо будет другой нации, то оно будет назначаемо на подобного рода места только в случае нужды и при том с согласия и по совету панов — рад духовных и светских. Как и другие привилеи, и этот заканчивается общим заявлением господаря сохранять все вообще и в частности — права Великого Княжества Литовского — как общие (*publica*), так и частные, а именно, — все привилеи, грамоты, пожалования, вольности, изъятия (*exemptiones*) и иммунитеты, содержащие в себе всякого рода милости и уступки всему Великому Княжеству Литовскому вообще и в частности отдельным учреждениям и лицам, церквам кафедральным, монастырским и приходским, епископам, князьям, баронам, шляхте, боярам и всем жителям Литовского государства, милости и уступки, когда бы то ни было дарованные им королями и великими князьями, предками и предшественниками Сигизмунда I; мало того, — последний обещает, что все это будет хранимо не только им самим, но и сыном его Сигизмундом Августом¹.

¹ Coll ex archivo col jur . t VII, p 280-286

Хотя в приведенном выше пространном привилее 1529 г. ясно и определенно подтверждалось постановление Городельского съезда 1413 г., направленное к ограничению прав сторонников восточного обряда, но тем не менее станы сейма 1529 г. (в Вильне) просили Сигизмунда возобновить, снова подтвердить и подкрепить в новом, но буквально сходном со старым, списке Городельский привилей¹, чтобы вследствие утончения пергаментной кожи и обветшания привешенных к ней печатей не произошло какой-либо темноты и двусмысленности в правах, свободах и иммунитетах шляхты, которые содержались в этом привилее. И Сигизмунд, снисходя к этой просьбе, “как справедливой и разумной”, уважил ее и сделал так, как хотели собравшиеся на сейме прелаты, бароны и паны; но, по замечанию некоторых исследователей, текст этого привилея был утвержден в несколько измененном виде².

Таким образом, при Сигизмунде I неоднократно была подтверждаема обязательность в пределах Великого Княжества Литовского тех юридических ограничений и стеснений православных, какие содержались в Городельском привилее 1413 года. Православным ясно давалось чувствовать, что их религия и их церковь только терпимы в государстве и потому должны быть ниже латинства и костела, должны занимать второстепенное положение. Русский элемент оттеснялся на второй план и лишался политического значения. Магнаты-литовцы, католики по вере, боровшиеся с русско-православным элементом в течение XV в., теперь начинают брать перевес над последним (вспомним неудачное восстание в 1507-1508 гг. Михаила Глинского, считавшегося главою и вождем русской партии) и оттеснять его от почетных и важных в смысле общественно-политического влияния должностей. Этим и объясняют неоднократные ходатайства литовских сеймов перед Сигизмундом I о подтверждении закона, не допускающего русских и православных к высшим должностям, придворным и земским урядам и участию в господарской раде. Но сам факт неоднократных ходатайств о подтверждении Городельского привилея свидетельствует о том, что содержащиеся в нем ограничения православных нестрого проводились в жизнь, и отступления от него были не исключительным явлением. Как и в XV в., православные князья и паны и при Сигизмунде Старом продолжают занимать важные посты и видные уряды, конечно, главным образом в русских областях; занимали они места и в господарской раде. Наступательное движение Москвы, которая в своих войнах с Литвой заявляла себя защитницей

¹ Privilegiumque ipsum vetustum innovare, approbare iterum et confirmare atque nostris novis inserere literis

² Coll ex archivo col jur t VII, p 287-88, см Жур Мин Нар Прос 1903 г., апрель, 268-269

православия и для оправдания своей агрессивной политики выставляла религиозные мотивы, заставляло литовское правительство быть осторожным в отношении к своим православным подданным и, по возможности, не стеснять их, по крайней мере, привилегированного шляхетского сословия. Осторожность и сдержанность литовского правительства в отношении к православию будут особенно заметны, если сравним положение православия при Сигизмунде I в Литве с положением его в коронных областях: в последних православным жилось несравненно хуже, чем в Великом Княжестве Литовском. В общем, отношение Сигизмунда I к православным должно быть признано благоприятным и желательным для последних. При нем православным не навязывали никакой религиозной унии; латинское духовенство не предпринимало никаких особенных мер к распространению своего учения среди православных; сам король старался относиться справедливо и к католикам, и к православным, без предпочтения одних перед другими. В уставных грамотах, даваемых королем отдельным областям, предоставлялись одни и те же права всем подданным христианам; при введении в некоторых городах Магдебургского права, в магистрат допускались и православные наравне с католиками. Православное духовенство не было обижаемо, и ему король жаловал такие же грамоты, как и латинскому. Из всех русских областей на притеснения могла жаловаться одна только Галиция, где в XVI в. уже был силен латинско-польский элемент, дававший знать себя местному русскому населению¹. Но в общем Сигизмунд I оставил после себя хорошую память в русском народе. В 1589 г. на Варшавском сейме, в присутствии короля Сигизмунда III, смоленский каштелян Иван Мелешко говорил: “Дорога нам память Сигизмунда I: он немцев, как собак, не любил, ляхов с их хитростями весьма не жаловал, а Литву и нашу Русь страстно любил, и при нем нам было весьма хорошо”².

Из грамот Сигизмунда I в пользу православных прежде всего обращает на себя внимание его подтвердительный привилей 1511 г., выданный им на вальном сейме Великого Княжества Литовского в Берестье (Бресте Литовском). Православное высшее духовенство, с достопамятным митрополитом Иосифом Солтаном во главе, обратилось к нему с просьбой подтвердить все те духовные права, которые со времени принятия христианства Русью были предоставлены, на основании номоканона греко-восточной

¹ Макарий IX, 284-285.

² А Ю и З Р, II т., № 158, с 188-89 Профессор Сумцов видит в речи Мелешко не исторический документ, а чисто литературное произведение, он называет его историческим памфлетом и сатирой XVI в. “Киев Стар.”, 1894 г., май, 201 и 211, в отдел оттиске с 7 и 17. Содержание речи заставляло согласиться с г Сумцовым.

церкви, Киевскому митрополиту и подведомственным ему епископам, а именно: право судить, править и действовать по правилам соборной и восточной церкви (чтобы никто из светских лиц не смел судить “дел духовных”). Вместе с тем были представлены королю и привилеи Витовта, Казимира Ягеллона и Александра, которыми утверждались эти права восточного духовенства. Просьбу православной иерархии поддерживали староста Луцкий, Брацлавский и Винницкий, маршалок Волынской земли, гетман наивысший, князь Константин Иванович Острожский, пользовавшийся уважением короля, а с ним вместе и другие князья и паны греческого закона, присутствовавшие на этом сейме. Сигизмунд, по рассмотрении поданных ему привилеев и просьбы, издал свой привилей, которым предоставил митрополиту управление всеми церквами греческого закона, назначение епископов, архимандритов, игуменов, священников, диаконов, всего священнического чина греческого закона, суд над духовными и светскими лицами, исправление всех духовных дел и наказание виновных и непокорных, сообразно с правилами соборной и восточной церкви. Епископам, находившимся под ведением Киевского митрополита, подтверждалось их право суда и ведения (“судити и рядити, и справовати”) всех духовных дел в своих епархиях по давнему обычаю. Лицам римского исповедания как светского, так и духовного звания, воеводам, старостам, наместникам (безразлично, католики ли они, или православные), а равно и всем административным и должностным лицам, войтам, бургомистрам, радцам и пр. запрещалось чинить какие бы то ни было кривды митрополиту и епископам и не вмешиваться в церковные доходы и вообще в церковные дела и суды. Во всех замках и городах господарских всей княжеской отчины Великого Княжества Литовского и Русского право суда, управление духовными делами и заведование церковными крестьянами, по давнему обычаю, оставалось за митрополитом и епископами. Привилей заканчивается определением отношений к православным приходским церквам владельцев (помещиков), придерживающихся латинства. Если церковь в поместье пана-католика издавна находилась в подаваньи митрополита или местного епископа, то это право и теперь остается за ними; если же оно прежде принадлежало державце имения, то и на будущее время за ним оставляется право подавать эту церковь с благословения митрополита; но раз уже данного к его церкви священника он не может отстранить без воли митрополита. Вместе с тем король подтверждал и все статьи (“члонки”), находящиеся в списке прав русского духовенства¹. Из распоряжений Сигизмунда, направленных к поддержанию интересов православного духовенства и, в частности, власти митрополита,

¹ Соф. рук. № 423, л.л. 7-8; А. З. Р., т. II, № 65, с. 81-82

известны его грамоты: 1509 г. войтам, бургомистрам, радцам и всем жителям митрополичьей епархии, с предписанием повиноваться распоряжениям митрополита, касавшимся духовных дел¹; и 1512 г. Слонимскому уезду и его обывателям о послушании и подсудности их в духовных делах митрополиту и поставленному им лицу (“десятилнику”)².

Кроме общего подтверждения прав русского духовенства во всем Литовском княжестве, Сигизмунд издавал и подтверждал уставные грамоты отдельным областям, по просьбам местных князей, бояр и шляхты. Так, например, в 1511 г. на Берестейском вальном сейме он дал уставную подтвердительную грамоту Полоцкой земле³, а еще раньше, в 1507 г. (8 декабря), в Гродно — такую же грамоту земле Киевской⁴. В этих грамотах он предоставлял одни и те же права церковные и гражданские всем жителям этих земель без различия вероисповеданий. В городах, где введено было Магдебургское право (в Великом Княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от своих собратьев — католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая — православие, один бургомистр — католик, другой — православный. Грамоты Полоцку (в 1510 г.), Минску, Новгородку (в 1511 г.), Бресту (тоже в 1511 г.) и др. подтверждают это⁵.

Предоставляя привилегии православным вообще, Сигизмунд в то же время не лишал своего благоволения и отдельных лиц, особенно митрополита и представителей высшей иерархии. В 1518 г. он утвердил, по ходатайству князя Константина Ивановича Острожского, за митрополитом Иосифом село Прилепы со всеми его правами⁶. По просьбе Владимирско-Берестейского владыки Вассиана, утвердил (в 1508 г.) за Владимирской кафедрой несколько имений, доставшихся соборной церкви города Владимира по завещанию маршалка Федора Янушевича, а за Луцкой кафедрой, по просьбе тамошнего епископа, два имения — пожертвования того же маршалка⁷. Точно такие же подтверждения Сигизмунд делал и Пинским епископам Вассиану и Арсению на земли, принесенные в дар соборной церкви в Пинске княгиней Александрой Семеновной, и на город Туров с тремя селами, уступленный

¹ А З Р., т. II, № 51, с. 62-63.

² А З Р., т. II, № 77, с. 100-101.

³ А З Р., т. II, № 70, с. 86-89.

⁴ Ibid., т. II, № 30, с. 33-36.

⁵ Ibid., т. II, № 61, с. 75-79; № 71, с. 90-92; № 73, с. 93-95; Собр. Др. Акт и Грам Минской губ., с. 20-21, Макарий IX, 202, прим. 196.

⁶ А З Р., т. II, № 78, с. 101-103.

⁷ А В Ар К., II, № 2; А З Р., т. II, № 32, с. 37-38.

Пинско-Туровской кафедре не раз уже упомянутым князем Константином Ивановичем Острожским и его супругой¹. В случае возникновения каких-либо распрей и недоразумений среди православных иерархов, последние обращались за разрешением их к королю и потом подчинялись его решению. В 1511 году Полоцкий владыка Евфимий жаловался на митрополита Иосифа за то, что тот не называл его архиепископом (такой титул носили предшественники Евфимия по кафедре), и на Владимирского владыку Васиана из-за первенства, которое тот присваивал себе. Сигизмунд, по наведении справок, во всем удовлетворил жаловавшегося архиерея².

Но при всем том и в правление Сигизмунда I не обходилось без несправедливостей по отношению к православным и распоряжений, не согласных с канонами восточной церкви. Больше всего от них страдала Галиция, к началу XVI в. подвергшаяся сильной полонизации, последовавшей за усиленной колонизацией ее плодородных земель поляками во второй половине XV века³. Число поляков здесь чрезвычайно увеличилось; они приобрели здесь громадные имения и захватили в свои руки все должности. Русский элемент был совершенно устранен от влияния на местные общественные дела. Русская шляхта вместе с расширением своих прав утрачивала свою национальность и религию и в значительной степени олатинилась и ополячилась. Высшие слои русского общества утратили свою национальность и большую часть ополячились, оставшаяся же верной православию и своей народности шляхта не имела большого влияния на общественные дела. Православное городское население было ограничиваемо в правах и подвергалось всякого рода стеснениям: православных мещан не допускали к занятию должностей в магистратах, ограничивали их права в цехах, в некоторые из последних русские совсем не допускались и т.д. Все это делалось с явным намерением обессилить и ослабить русское мещанство. Сельское население было закрепощено за шляхтой и не имело никаких прав. Духовенство также было ограничено в своих правах и находилось в полном унижении. Одним словом, коренное русское и православное население Галицкой Руси в XV в. поставлено было ниже пришельцев — поляков и католиков: латиняне везде занимали преимущественное положение. Ограничения и стеснения к концу XV в. сделались настолько тяжелыми, что православным невмоготу было больше терпеть их, и они начинают упорную борьбу за свои права как гражданские, так и церковные. Борьба начинается львовскими мещанами; ее поддерживают мещане других городов и православ-

¹ А. З. Р., т II, №№ 101 и 105

² А. З. Р., т II, №№ 67-68, с. 84-85.

³ Бобржинский, т. II, 10

ная шляхта. Больше всего православным приходится терпеть из-за своей веры, которую католики называли сектой¹. Православные церкви даже в королевских официальных бумагах носят обидное для русского населения названия синагог². Православные епископы не называются иначе, как владыками³, а священники — *porones*⁴. Православные священники были облагаемы податями и налогами, а в частных имениях нередко обязаны были нести паншину наравне с крестьянами⁵. От православных требовали соблюдения католических праздников и хождения со всей семьей в костел (по крайней мере, это требовалось от православных купцов во Львове, купивших лавки у католиков⁶; от них не принимают свидетельств в судебных делах с католиками; в судах берут с русских пошлыны в увеличенном размере; заставляют русских приносить присягу не по русскому обычаю, а по особой формуле⁷; запрещают им публично отправлять свои обряды: не позволяют священникам ходить к больным по улицам и площадям города со св. Дарами при зажженных свечах, хоронить покойников публично и с церковными обрядами (*publice et in ornatu*)⁸. Чтобы облегчить свое положение, православные города Львова обратились к королю с жалобами на притеснения со стороны католиков, а последний, по ходатайству князя К.И. Острожского, назначил для рассмотрения этих жалоб особую комиссию и в 1521 г. издал привилей, в котором следующим образом определяются отношения между православными и католиками: 1) русские в делах большей или меньшей важности приносят присягу не в латинских костелах, а в православной церкви; 2) во всех делах могут быть свидетелями перед судом, к чему прежде не допускались; 3) священники их могут ходить в город к больным со св. Дарами в церковном облачении, но без свечей, а на русской улице — с зажженными свечами; 4) латинский магистрат хотя и имеет право ставить православным приходских священников, однако должен избирать для этого сведущих в деле веры мужей; 5) тела умерших православных священник может провожать через город в церковном облачении, но без свечей, пения и колокольного звона и только на русской улице можно петь, звонить и возжигать свечи⁹.

¹ Supplem. ad hist Rus mon, № 53, с. 140.

² Арх Ю. З. Р., ч. I, т. X, № 5, с. 12-13; Supplem. № 51, с. 138; № 55, с. 142.

³ Арх Ю. З. Р., ч. I, т. X, № 4.

⁴ Ibid ч. I, т. X, № 5, Suppl. ad his. Rus mon., № 50

⁵ Akta Grodzkie i Ziemskie III, № 87; XII, № 886, сравни Грушевский V, 443 и 281-282.

⁶ Зап. Наук. Тов. им. Шевченка 1907 г., кн. V, с. 8-9.

⁷ Арх Ю. З. Р., ч. I, т. X, № 4

⁸ Ibid ч. I, т. X, № 6, с. 13-16

⁹ Арх Ю. З. Р., ч. I, т. X, № 6, с. 13-16, Макарий IX, 205-206, Крыловский А. Львовское ставр братство. , с. 13

Привилей ясно свидетельствует о стремлении польского правительства принизить православие перед католичеством, подчеркнуть то, что оно только терпимо. Православным, видимо, нечего было рассчитывать на справедливое отношение к себе со стороны правительства, но они не прекращали борьбы за улучшение своего положения. Так как в землях Львовской и Галицкой (в Галицкой епархии) у православных еще с начала XV ст. не было епископа, то в религиозном отношении они терпели больше, чем православные Холмской и Перемышльской земли. Галицкая епархия после смерти епископа Иоанна, присвоившего с ведома Ягелла титул митрополита Галицкого¹, была подчинена Киевскому митрополиту, который, не назначая сюда епископов, правил ею посредством своих наместников, из которых один правил Галицким округом и находившимся в Галиче монастырем, известным под именем Крылоса, со всеми принадлежащими ему имениями. Сначала наместники эти назначались митрополитом, но в половине XV ст. право назначения их переходит в руки Львовского старосты Станислава из Ходча (de Chodecz), которому король передал *tutorium*, или иначе — *opiekalnictwo*, над монастырем Крылос². В 1458 г. Станислав из Ходча передает свое право на Крылос за 25 грошей Роману Осталовичу, что и подтверждает особой записью. Из этой записи видно, что староста-опекун получал с Крылоса и принадлежащих ему сел все доходы и все пошлыны, какие прежде платились в пользу митрополита всеми священниками Галицкого округа, и имел право суда и наказания над священниками, подведомственными Крылосу. Все эти права Станислав из Ходча переуступает Осталовичу до конца своей жизни (*ad extremam consummationem vitae suae*), если король даст свое согласие, а митрополит не воспрепятствует этому³. Из-за “опекальничества” над Крылосом в начале XVI ст. происходят недоразумения между сыном Станислава из Ходча, тоже Станиславом и тоже старостою Львовским, и латинским Львовским архиепископом Бернардином Вильчком: каждый из них претендует на право назначения наместников русского обряда во Львове, Крылосе и других местах. Дело дошло до Сигизмунда I, который в 1509 г. передает это право архиепископу. В изданном по этому поводу на имя старост Подолии и Галицко-русских земель декрете король заявляет: “Желая своим королевским авторитетом способ-

¹ Это тот Иоанн, епископ Луцкий, который в 1398 г. обещал Ягеллу дать за Галицкую митрополию “двести гривен русских” и “тридцать коний” А. З. Р., I, № 12, с. 27

² Грушевський М., Ист. Укр. ., V, 432-33

³ *Supplem ad hist. Rus. mon.* ., № 48, с. 134-35, сравни: Грушевський V, 432-33, и Крыловский, Львов. став бр., 14-15; Грушевський М, ссылаясь на *Akta Grod. i Ziem XII*, № 4286, относит составление записи Ст. Ходеча к 1458 г., а не к 1508 г., как помечено в *Supplem ad his. Rus.* ., № 48, с. 134-35

ствовать умножению в этой стране (Галицкой Руси) римско-католической веры и принимая во внимание буллы апостольской столицы, данные, согласно с обетами наших предков при эрекции Львовской церкви, а также желая, по долгу католического (*christiani*) государя, чтобы схизматики легче были приводимы или привлекаемы к католической вере, или, по меньшей мере, исправляемы в своих заблуждениях, — мы издали... такой декрет, чтобы нынешний архиепископ Львовский, а равно и его преемники, теперь и на будущее время, могли и должны избирать и поставлять русских наместников во Львове, Крылосе и иных местах своей Львовской епархии”¹. Таким образом, православные должны были подчиняться власти и юрисдикции католического архиепископа, который при назначении этих наместников думал не об интересах православия, а о привлечении схизматиков к католичеству². Не обходилось, конечно, и без насильственных мер со стороны архиепископа по отношению к православным вообще и православному духовенству в частности. По крайней мере, в 1538 г. православные Галичины и Подолии в своей челобитной митрополиту Макарию вспоминают о том, что “крылошан Галицких у поворозе ис Крылоса их вожено и чрез Днестр их плавлевано”³. Львовским старостам не нравилось то, что опекальничтво перешло из их рук к архиепископу; поэтому между старостою и архиепископом Вильчком происходит борьба, которою православные и воспользовались для улучшения своих церковных дел. В 1522 г. вместо многих наместников, по воле короля, которого просили об этом некоторые советники (*ad intercessionem quorundam consiliorum*), был назначен на всю епархию только один наместник. Это был шляхтич Яцко (Иоакиме) Гдашицкий; ему были подчинены церкви и духовенство округов: Львовского, Галицкого, Коломыйского, Каменецкого и Снятинского. Архиепископ считал его расположенным к католичеству и потому не только согласился на назначение Гдашицкого наместником, но и дал свое согласие на возведение его в сан архимандрита. В том же 1522 г. (1 сентября) Сигизмунд I, по воле и с согласия (*de voluntate et consensu*) Бернардина Вильчка, удостоил Гдашицкого сана архимандрита, подчинил ему, кроме указанных выше округов, еще

¹ *Supplem. ad hist. Rus. mon...*, № 50; Грушевський М., *Ист. Укр.* V, 433.

² В то же время и сам король не прочь был заниматься назначением церковных должностных лиц для православных. Так, 2 декабря 1516 г. он назначил визитатором русских церквей какого-то дьяка (официала) Грицка; ему он дает власть “церкви (*synagoga*) и священников (*popones*) названного обряда, по давнему обычаю, наблюдаемому подобного рода официалами, визитовать, исправлять проступки священников и других церковнослужителей и прочее вообще и в частности чинить и исполнять все, что относится к этой должности”; все священники, диаконы и церковнослужители должны ему подчиняться. *Арх. Ю. З. Р.*, ч. I, т. X, № 5, с. 12-13.

³ *А. З. Р. т. II*, № 198, с. 359.

и Жидачевский округ и предоставил ему вместе с правом суда над местным духовенством и все те права, которыми когда-то пользовался во всех этих округах владыка или митрополит Галицкий¹. В то же время король особыми грамотами известил местное население и должностных лиц о назначении Гдашицкого наместником и предписывал оказывать последнему содействие в исполнении им своих обязанностей². Гдашицкий не оправдал возлагаемых на него католиками надежд: он оказался ревностным поборником православия и начал действовать заодно с Львовскими мещанами, соединившимися в церковное братство и оказывавшими ему энергичную поддержку. Такую же поддержку он встречал и со стороны русской православной шляхты. Немало помогали Гдашицкому и польские паны Ходечи — воевода русский Оттон и великий маршал коронный и староста Львовский Станислав, не ладившие с Львовским архиепископом³. Опираясь на сочувствие православного населения Галиции, Гдашицкий действовал в пользу православия и не подчинялся католическому архиепископу. В 1526 г. он добился того, что Киевский митрополит признал его своим наместником в Галиции и Подолии.

Полезная для православия деятельность Гдашицкого возбуждает сильное недовольство против него со стороны католиков. Львовский архиепископ своими частыми жалобами добился того, что король отстранил Гдашицкого в 1535 г. от наместничества, под тем предлогом, что он будто бы вел себя “не совсем похвально” (*non satis laudabiliter*)⁴. На его место архиепископом был назначен Яцко Сикора, который своей враждебной по отношению к православию деятельностью вооружил против себя русских в Галиции; они обращались с жалобами на него к королю, но, видя бесполезность своих жалоб, начали просить митрополита Макария II об улучшении их положения. Митрополит прислал им “справцею” попа Гошовского, но последний оказался не лучше Сикоры, и потому русские⁵ избрали из своей среды львовского мещанина Макария Тучапского, известного своей ревностью к православию, и просили в 1535 году митрополита признать его своим наместником⁶. Митрополит согласился на это. В то же самое время и король, по ходатайству некоторых своих советников и по просьбе православного населения (*viris sectae Ruthenicae*) русских земель, утвердил (1-го

¹ Supplem. ad hist. Rus. mon. . . , №№ 51-52

² Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. X, №№ 7-8; Крыловский, Львов. став. брат, с. 17

³ Крыловский, Львов. став. брат, с. 18.

⁴ Supplem. ad hist. Rus. mon., № 53, p. 140.

⁵ “Духовные и шляхта, и мещане, так все посполство, от больших и до меньших, земель Русских и Подольских всих закону греческого” . А. З. Р., II, № 193, с. 349.

⁶ А. З. Р., I, № 193, с. 349-50, Макарий IX, 237-39.

августа 1535 г.) Макария Тучапского в звании митрополичьего наместника. К тому же Макарию должно было перейти по смерти Гдашицкого и архимандритство в монастыре св. Георгия в предместье Львова (*ante Leopolim*). Ввести в эту должность Макария Тучапского, по распоряжению Сигизмунда I, должны были православный Перемышльский епископ Лаврентий и шляхтич Андрей Рагозинский; при этом, в королевской грамоте говорилось ясно, что Тучапскому давалось Галицкое наместничество, “которое держал Яцко Сикора”¹.

Горячий сторонник православия, немало послуживший ему еще до своего наместничества, Макарий Тучапский был весьма полезным для православных и, по свидетельству православного Русско-Галицкого и Подольского духовенства и мирян, “много праце подъял” и “всуды был горазд почал рядити и нарядил”². Но своей энергичной деятельностью, встретившей полное сочувствие и поддержку со стороны православного населения Галицкой Руси, Макарий вооружил против себя Львовского архиепископа, который поддерживал назначенного им самим на должность наместника Яцка Сикору, того самого Сикору, которого православные терпеть не могли, как “проклятого человека”, нового еретика и презрителя их веры³. Началась тяжелая и опасная для Тучапского борьба его с латинским архиепископом. Последний ссылался на королевский привилей 1509 г., которым назначение православного наместника было предоставлено ему, Львовскому архиепископу. Назначена была королем для разбора этого дела комиссия. Православные обратились за поддержкой к покровительствовавшему Тучапскому Краковскому каштеляну Тарновскому, подняли для защиты своего наместника всю православную Галицкую и Подольскую шляхту, но, не надеясь выиграть дело в этой комиссии, перенесли его на Краковский сейм (1536 года). На этот сейм явилось много православных: митрополит Макарий выслал сюда своего боярина; но дело Тучапского было проиграно: король признал за архиепископом власть не только по отношению к наместнику, но и по отношению ко всем православным бывшей Галицкой епархии. Макарию Тучапскому грозила опасность подвергнуться пожизненному заключению в Тынецком монастыре, где бы он и “смерть мусел имети”. Тогда Тучапский и православные, при посредстве одного пана, нашли дорогу к королеве Боне и посулили ей двести волов, если она поможет им. По приказанию королевы один из ее приближенных, Анибал Строцци, отправился к канцлеру и там от приготовленного уже в пользу Львовского архиепископа

¹ *Supplem ad hist Rus mon*, № 53, с 140-41, А 3 Р, II, № 185, с 338

² А 3 Р, II, № 197, с 358

³ А 3 Р, II, № 197, с 358; № 198, с 359; *Supplem ad hist Rus mon*, № 54, p. 141

привилея “печать урвал и самого на штуку подрал”. Под влиянием Боны Сигизмунд I обещал дать православным привилей, а архиепископу велел написать, что дело его откладывается до тех пор, пока он не представит подлинного привилея 1509 года; Сикора был устранен, а наместничество оставлялось за Макарием¹. Но этим дело не кончилось. Архиепископ не отказывался от своих прав, русские старались освободиться от его власти и не жалели волов для корыстолюбивой королевы, пока, наконец, не добились преследуемой ими цели. После Пиотрковского сейма (1538 г.) Макарий Тучапский “з великою бедою и наклады, и працею”, пообещав Боне еще 140 волов, получил-таки желаемый “привилей и иншии листы” и, таким образом, “вытягнул и вырвал” православных из-под власти архиепископа и епископов римского закона. Архиепископ и слышать не хотел об освобождении из-под его власти православных, заявлял, что без его ведома король не мог дать того привилея, и требовал Тучапского на предстоявший в начале 1539 года в Кракове сейм к суду. Конечно, бискупы поддерживали своего львовского собрата. Тогда король посоветовал православным обратиться к митрополиту с просьбой рукоположить Тучапского во епископа Львовского, ибо, если он будет владыкою, то ни архиепископ, ни все латинский бискупы ничего не в состоянии будут сделать ему². Православные так и сделали. Митрополит (в 1539 г.) возвел Макария в сан епископа с тем условием, что он будет по-прежнему считаться наместником митрополита в Галиции и Подолии, его викарием (*episcopus curialis, ex brachio... mitropolitae Kijoviensis*), будет во всем подчиняться митрополиту³. Таким образом, православная Галицкая Русь приобрела себе православного епископа; но сопровождавшие это приобретение обстоятельства наглядно показывают, в каких тяжелых условиях находилось здесь православие. Эти условия мало изменились к лучшему и с возведением Тучапского в епископы. Хотя король и признал его епископом, но католическая шляхта не удерживалась от разного рода несправедливостей по отношению к владыке-схизматику: она препятствует ему отправлять богослужение, не позволяет судить священников, отнимает подданных с церковных имений. И Макарию стоило громадных усилий отстаивать свои права и интересы православия⁴.

Нарушение прав сторонников православного исповедания не ограничилось одной Галицией, но, при усилившемся с начала XVI ст. самоволии шляхты, сделалось повсеместным явлением в пределах Польско-Литовско-

¹ А З Р, II, № 198, с. 359-60; Грушевський, Ист Укр Руси V, 438-39, Крыловский, Львов ставр. брат, с. 22-24

² А З Р, II, № 198, с. 360-61, Макарий IX, 242-43, Грушевський V, с. 439-40

³ *Supplem. ad hist. Rus. mon.*, № 57, рр. 145-46; А З Р, II, № 201, с. 364-65.

⁴ Зап. Наук товар им Шевченка 1907 г., кн V, 37-38

го государства. Окончательно привившееся в XVI ст. право патроната давало очень много поводов к причинению вреда и несправедливостей православию со стороны тех лиц, которые держали в своих руках “подавань”. Всякий владелец села, или державца его, всякий староста в королевщинах считал себя полноправным распорядителем местной церкви или небольшого монастыря и проявлял большие злоупотребления при их подаваньи. И сам король, предоставивший своей супруге Боне громадное влияние на дела государства, показывал в этом отношении дурной пример своим подданным. Особенно это правонарушение замечалось при замещении вакантных церковных должностей. Вместо прежнего выбора кандидатов на эти должности, теперь все более и более входит в обычай непосредственное назначение их самим королем по рекомендации и ходатайству каких-нибудь влиятельных лиц. Духовные места король давал, кому хотел, нисколько не сообразуясь с нравственными достоинствами своего кандидата. Епископии, монастыри и церкви часто даются, как награды за какие-либо государственные или военные заслуги, причем не обращается никакого внимания на нравственные качества того, кому они давались. Многие сами добивались их, так как получение духовной должности давало им материальное обеспечение, и для получения желаемого не останавливались ни перед какими средствами. Часто места даются еще при жизни занимающих их лиц. Примеров тому немало. Около 1519 г. Сигизмунд дал грамоту пану Василию Евлашковичу, в которой обещал ему за заслуги отечеству его сына Михаила Копти предоставить какую-либо епископию — Владимирскую или Луцкую, — смотря по тому, какая из них раньше освободится¹. Епископ Владимирско-Брестский Пафнутий просил Сигизмунда I предоставить ему Луцкую кафедру после смерти престарелого владыки Кирилла, на что и последовало согласие короля (в 1526 году). Лаврашевскому архимандриту Алексию, по ходатайству князя К.И. Острожского и митрополита, обещал дать Троицкий монастырь в Вильне, после смерти немогущего архимандрита Тихона. В уплату долга из казны некоему Андрею Дягилевичу король предоставил в его пользование три Киевские церкви (Николаевско-Межигорскую, Николаевско-Иорданскую и Христо-Рождественскую) с тем, чтобы он сделался священником². Король не только сам подавал “хлебы духовные”, но и другим предоставлял пользоваться правом подаваньи. Так, своей супруге, жадной и корыстолюбивой Боне, он передал право подаваньи Туровско-Пин-

¹ А. Ю. и З. Р., II, № 105, с. 129-30. Михаил Коптя был посылаем в Перекопскую Орду и на обратном пути провожал татарских послов; во время этой поездки он издержал на себя и на этих послов “немало своих пенязей”. В возмещение своих расходов он просил у короля епископской кафедры для своего отца.

² А. З. Р., II, №№ 146 и 125, А. Ю. и З. Р., II, № 110, с. 133-34.

ской кафедры, и она пользовалась этим. В 1552 году, уже по смерти Сигизмунда I, она предоставила эту кафедру просившему ее архимандриту Лещинского монастыря (в Пинске) Макарию, которого местный староста Станислав Фальчевский признал “на тое местце и уряд духовный годным и цнотливым человеком”¹. Жидичинский монастырь отдан был королем (1507 г.) К.И. Острожскому с правом подавать туда архимандрита и распоряжаться его имениями, а Городенскому старосте Юрию Радзивиллу (в 1520 г.) в такое же подаванье отдана была находившаяся в его имении Котре — Спасская церковь, со всеми ее землями². Многие монастыри и церкви переходили преемственно от отца к сыну, и это, как видно из наказа Бона своему державцу Пинскому (1520 г.), сделалось обычным на Руси явлением³. Впрочем, такой произвол в делах церковных нисколько не должен удивлять нас, так как Сигизмунд и Бона допускали подобного рода злоупотребления при раздаче и католических церковных должностей. Со времени Казимира Ягеллона короли начинают проявлять особенную самостоятельность в назначении католических епископов и в утверждении монастырских аббатов⁴. Сигизмунд I задался целью поставить в зависимость от себя раздачу всех церковных (католических) бенефиций⁵. Назначение того или другого лица на должность бискупа или архиепискупа зависело от короля; он избирал кандидатов на кафедры, папе же предоставлено было только право апробации указанного королем лица. Кроме епископов, король сам назначал первых в каждой капитуле прелатов, некоторых каноников и значительное количество приходских священников⁶. При этом допускались злоупотребления и по отношению к католической церкви. Бона, несмотря на то, что была усердной католичкой, самым бесцеремонным образом торговала епископскими кафедрами и продавала их за хорошую плату явным сторонникам реформации⁷. Если такой произвол должна была терпеть господствующая в Польше церковь, то что же говорить о терпимом только православии?

Обозрение истории правления Сигизмунда I показывает, что при нем православная церковь в правовом отношении ничего не потеряла в сравнении с предыдущим правлением Александра. Католичество, в лице своей иерархии, относилось неприязненно к православным и не прочь было подчинить их папскому престолу, уничтожить ненавистную для католиков схиз-

¹ А. Ю. и З. Р., т. I, № 126, с. 134-35

² А. З. Р., т. II, № 29, II, с. 31, № 106, с. 129

³ Макарий IX, с. 201

⁴ Любович, с. 14-16

⁵ Ibid, с. 18.

⁶ Жукович, Кардинал Гозий ., с. 21-23.

⁷ Ibid, с. 36-37, 39-40; Buliński, II, p. 87

му (примером чего может служить отношение Львовского архиепископа к митрополичьему наместнику Галиции Макарию Тучапскому), но ничего не могло сделать для ограничения ее прав. Сторонники православия не только не испытывали новых юридических стеснений, но даже, как видно из сеймовой конституции 1507 года, уравнивались в правах с католиками, по крайней мере, в пределах Короны. В Литве православные постепенно уравнивались в правах с католиками привилегиями Казимира Ягеллона, Александра и самого Сигизмунда I. Неблагоприятное для русских Городельское постановление 1413 года, ввиду неоднократного его подтверждения Сигизмундом I, юридически оставалось в силе, но фактически утратило свое значение даже в пределах собственной Литвы, и мы видим примеры занятия православными высших должностей и участия их в господарской раде¹. Ввиду громадного количества русских, опасно было бы проводить в жизнь старые ограничения их прав. Политические события, которые пришлось переживать Польско-Литовскому государству в правление Сигизмунда Старого, были неблагоприятны для него. Пришлось вести продолжительные и разорительные войны с Москвой (1507-1508 г., 1512-1522 г. и 1534-1537 г.). Частые набеги хищных татарских орд на южные области принуждали Польшу и Литву быть всегда настороже, чтобы отражать варваров. Войны с молдавским господарем, с прусским герцогом, война в Чехии, внутренние волнения в Польше (так называемая куриная война в 1536-1538 гг.) требовали напряжения сил государства, денежных расходов, особенного внимания. Эти обстоятельства и побуждали правительство быть терпимым по отношению к православным. Племенное родство обывателей русских земель Великого Княжества Литовского с Москвой, близость языка, общность религии и общее нерасположение к католичеству и полякам давали основание полякам и литовцам-католикам опасаться того, чтобы православные, при столкновении Польско-Литовского государства с Московским князем, не перешли на сторону последнего, что стало особенно возможным после перехода к Василию III князя Михаила Глинского. Опасение измены русских разделялось в Польше очень многими. Литовское правительство желало привязать к себе русское население, а потому принимало в расчет его настроение, считалось с его желаниями и старалось удовлетворять их. Ограничение прав русских не входило в планы правящих классов, так как это могло ожесточить сторонников восточной церкви и усилить их симпатии к

¹ Князь К.И. Острожский был Троцким воеводой, гетманом и членом рады или сенатором, — А. З. Р., I, № 174, т. II, №№ 64, 78. Иван Богданович Сапега — воеводой Подляшским около 1529 г. — А. З. Р., II, № 164, с. 211; Иван Горностай — воеводой Троцким около 1540 г. — А. З. Р., II, № 201; князь Иван Глинский был до 1507 г. воеводой Киевским, а затем Новгородским и членом рады, — А. З. Р., II, № 7 и др.

единоверному Московскому государству. Таким образом, невыгодные для Польско-Литовского государства политические события, и особенно военные успехи Москвы, сильно влияли на улучшение положения русской народности в пределах Ягеллоновских владений¹. Опасения эти не лишены были оснований, так как русские земли, при своей обширности и многолюдстве, представляли собой не какую-либо разрозненную народную массу, но ряд крупных и сплоченных обществ (областей), имевших своих местных вождей и руководителей, которые были в состоянии постоять за свои права и интересы. Этими вождями являлись крупные и влиятельные землевладельцы — областная аристократия, которые принимали активное участие в местном управлении, были руководителями на областных сеймах, выступали представителями русской народности и защитниками ее особенностей. Они оказывали на сеймах сильное сопротивление домогательствам латинско-польской политики и добивались улучшения в положении русской народности в Польско-Литовском государстве².

К началу XVI века, как сказано выше, в Польше прежнее схоластическое образование, проникнутое духом католицизма, уступает место гуманистическому, которое постепенно переходило сюда с запада. Многие богачи и аристократы отправляли своих детей в заграничные университеты, где они знакомились с новыми веяниями в науке и увлекались ими. В Польше начинают интересоваться классической литературой и античным искусством, изучают их и, чтобы сделать свои теоретические воззрения принципами практической деятельности, приобретенные сведения пытаются проводить в жизнь. Общество проникается этическими и социально-политическими взглядами древних. Последствием этого увлечения гуманизмом, которому и Польша принесла посильную дань, было ослабление католического фанатизма среди поляков и замена его религиозным индифферентизмом. Это обстоятельство также надо принимать в соображение для объяснения духа терпимости к православным, усилившегося при Сигизмунде I. Не надо, наконец, забывать, для объяснения этой терпимости, и личного характера Сигизмунда I. Как человек любивший свое государство, он старался устранить все, что могло повести к его расстройству и внутренним смутам, а религиозная нетерпимость в Польско-Литовском государстве больше всего вела к раздорам и гибельным нестроениям. Добрый и справедливый, он не мог быть сторонником несправедливых ограничений своих подданных, всецело ему преданных, но не согласных с ним в вопросах веры. Будучи тверд в своих убеждениях и выдержан, он не подчинялся влиянию католической

¹ Любавский, Лит-рус сейм, с 302.

² Любавский, Лит-рус сейм, с 151 и 153

иерархии и держал себя независимо по отношению к ней, а так как в рядах ее стояли лица, ищущие прежде всего материальные блага и руководящиеся корыстными расчетами, а не соображениями высшего порядка, то она и не могла оказывать на него никакого давления¹.

Из сказанного выше видно, что положение исповедывающих православие в правление Сигизмунда I значительно улучшилось. Три условия способствовали этому улучшению: а) прежде всего неудачные для Польши и Литвы столкновения с единоверным их русскому населению Московским государством и вызываемые ими в среде католиков опасения массового перехода этого населения на сторону Москвы; б) перемена воззрений в польском обществе, произошедшая под влиянием распространившихся в Польше идей гуманизма, ослабивших здесь религиозный интерес; в) личный характер короля, склонного все примирять и не любившего прибегать к решительным мерам, поэтому, в общем, его правление и можно признать веротерпимым.

* * *

При сыне и преемнике Сигизмунда Старого, Сигизмунде II Августе, положение православных в юридическом отношении значительно улучшается. Те ограничения, какие наложены были на них при Ягелле известным Городельским постановлением 1413 года, отменяются, вероисповедное различие нисколько не стесняет их, и они совершенно уравниваются в правах и преимуществах с католиками. В Польско-Литовском государстве в дни последнего Ягеллона господствовала религиозная свобода. Общество было настроено в пользу веротерпимости. Одно только католическое духовенство, в лице некоторых представителей высшей иерархии, не разделяло такого общественного настроения. Сильное влияние на развитие среди поляков при Сигизмунде Августе духа терпимости оказывали протестантизм в разнообразных своих формах и расширение прав шляхты, требовавшей себе во всем свободы и не допускавшей по отношению к себе никаких ограничений.

Идеи реформации, пущенные в Германии Лютером, очень быстро перенеслись в Польшу и здесь были встречены очень горячо и сочувственно. Попытки правительства и духовенства остановить их движение и распространение оставались напрасными. Эти попытки были проявлены очень рано. Еще в 1520 году католическое духовенство, собравшееся на Пиотрковском синоде под председательством примаса Яна Ласского, строго воспретило католикам чтение книг, содержащих в себе идеи лютеранства. Запрещение

¹ Szujski II, p 250

это потом несколько раз подтверждалось последующими соборами. В том же 1520 году Сигизмунд I издал распоряжение (эдикт), которым, под угрозой конфискации имущества и изгнания из отечества, воспрещалось ввозить в Польшу и продавать сочинения Мартина Лютера¹. Строгие распоряжения против распространения реформации потом повторялись несколько раз как со стороны духовенства, так и со стороны светского правительства. В 1522 году (22 февраля) Сигизмунд I издал второй эдикт против лютеран; видя бесполезность их обоих, король 7 марта 1523 года в Кракове издает третий, наиболее суровый, в котором запрещалось привозить, читать и распространять сочинения Лютера и исповедовать смертоносные догматы протестантизма под страхом смертной казни (сожжение на костре) и конфискации имущества². Но это ничуть не препятствовало тому, чтобы число сторонников “религиозных новшеств”, по выражению польских историков, быстро возрастало. Сначала протестантизм распространялся в форме лютеранства, но потом появились и другие его виды: цвинглианство, кальвинизм, социнианство. Все виды и разветвления протестантизма нашли себе радушный приют в Польше и Литве и привлекали к себе многочисленных последователей. Польша стала “убежищем (otworem) для всех иностранных новаторов, которые могли здесь безнаказанно проживать”³. Скоро во всем соединенном государстве не было ни одного угла, где бы реформация не имела своих сторонников. Высшие классы в деле отпадения от отцовской религии шли впереди. Многие знатные фамилия обоих государств приняли протестантизм преимущественно в форме кальвинизма. При Сигизмунде I, как уже замечено, новым религиозным веяниям ставились преграды в виде враждебных им королевских эдиктов и соборных постановлений. Сигизмунд же Август в этом случае предоставил полную свободу в деле религии. Сам он с детства был окружен людьми, разделявшими протестантские воззрения. Например, духовник его матери, королевы Боны, Франциск Лисманини был пропитан духом кальвинизма; после женитьбы на Варваре Радзивилл вошел он в близкие сношения с Николаем Радзивиллом Черным, горячим сторонником и покровителем кальвинизма; в своей библиотеке он имел сочинения Лютера и Кальвина, которые и давал для прочтения желающим. Это не могло пройти для него бесследно; он сам проникся идеями протестантизма и питал расположение к широкой веротерпимости. Католики говорят, что чтение протестантских книг и беседы со сторонниками протестантских исповеданий развили в его сердце если не что-

¹ Макарий IX, 312, Buliński II, 73.

² Жукович, Кардинал Гозий. , с 70-71

³ Buliński II, 107.

либо большее, то, по крайней мере, равнодушие к вере своих предков¹. Иезуитский писатель Коялович сообщает, будто бы король, по убеждению Николая Радзивилла Черного, готов был открыто объявить себя кальвинистом и однажды, в бытность свою в Вильне, направился уже было с этой целью к реформатскому збору (так назывались молитвенные дома кальвинистов), но виленский бискуп преградил ему дорогу, схватил за узды коня и сказал: “Это не та дорога, по которой предки вашей королевской милости привыкли отправляться к богослужению, но вот эта”, — и направил его к костелу². Но несмотря на свое равнодушие к католицизму, Сигизмунд Август с первых же пор своего правления является его защитником. 13 декабря 1550 года он дает привилей католическому духовенству, в котором обещал охранять и защищать его права, вольности и привилегии, преследовать и изгонять из государства еретиков, не допускать последних в сенат и вообще к государственным должностям и исполнять все изданные против еретиков постановления. Расположение короля к католическому духовенству объясняют тем, что оно поддержало Сигизмунда Августа в его столкновении со шляхтою из-за Варвары Радзивилл, которую шляхта не хотела признавать королевой³.

Высшее сословие и шляхта в Польше легко и быстро меняли свои религиозные воззрения и оставляли католичество. Число диссидентов было велико. Приобретя в XVI в. важное политическое значение, шляхта начала добиваться ограничения прав и преимуществ, издавна принадлежавших католической иерархии. Последняя совсем не склонна была отказываться от того, чем она владела, и оказывала шляхте упорное сопротивление. С 1550 года шляхта выставляет на сеймах требования введения во всем государстве однообразного устройства, одних законов, одного суда для всех подданных, одних государственных повинностей для всех, что ослабляло сословные привилегии духовенства. В свои домогательства шляхта включила и требование религиозной свободы, что также являлось посягательством на умаление привилегий католического духовенства, так как последнее, в силу старых порядков и законов Польши, имело право судить всех, кто обнаруживал уклонение от католичества. Борьба шляхты с католическим духовенством выгодна была для православных Польши, так как она объединяла всю шляхту, дорожившую своими сословными вольностями и привилегиями. В деле расширения своих преимуществ литовско-русская шляхта не отставала от польской, и в правление Сигизмунда Августа она добивается того же, что уже было отвоевано поляками.

¹ Buliński II, 106.

² Buliński II, 106.

³ Жукович, Кардинал Гозий. . . , 158

В 1529 году, как известно, литовцы избрали юного Сигизмунда Августа своим великим князем. Поляки, опасавшиеся, что с избранием особого князя Литва не захочет поддерживать и той призрачной унии с Польшей, какая существовала при Сигизмунде I, решили последовать примеру литовцев и в 1530 году провозгласили его своим королем, и для большей прочности своего дела еще при жизни Сигизмунда I совершили над ним обряд коронации. Все это шло навстречу желаниям Сигизмунда-отца, преследовавшего свои династические интересы; поэтому нет ничего удивительного, что за такое расположение и привязанность польских панов к королевскому дому Сигизмунд Старый решил, как он выражается в своем особом обещании, позаботиться о сохранении за польской шляхтой всех ее уже одобренных прав, привилегий, вольностей и обычаев и потому обещает¹, что его сын Сигизмунд Август, достигши совершеннолетия, т.е. пятнадцатилетнего возраста, безразлично, будет ли жив он, отец, или уже окажется умершим, клятвою подтвердить все, что предоставлено их предшественниками, “особенно же Казимиром Древним, Людовиком, Ягеллом, Владиславом III, Казимиром Ягеллоном, Яном Альбрехтом и Александром”, церквам, прелатам, панам, шляхте, мещанам, жителям и вообще лицам всякого звания и состояния. Если же Сигизмунд Август не даст этой клятвы, то его подданные освобождаются от данной ими присяги на верность и повиновение ему².

В начале 1537 года Сигизмунд Август достиг пятнадцатилетнего возраста и 4 февраля этого же года в главной церкви (*in summo templo*) краковского замка действительно дал клятву хранить все права, привилегии, свободы (*libertates*), иммунитеты — церковные и светские — каким бы станам и людям (без всякого исключения) они ни принадлежали; все это по отношению ко всем своим подданным, жителям Польского государства всякого стана и положения, — обещал без всякого противоречия хранить, защищать и во всем этом следовать (*exsequi*)³. Таким образом, Сигизмунд Август, еще до своего вступления на королевский престол⁴, подтвердил все то, что было приобретено шляхтой в течение XIV и XV веков. На вальном коронном сейме в Пиотркове, в субботу, в день св. Анны, 1550 года, Сигизмунд Август издал привилей, в котором подтверждал все коронные права и привилегии, как в силу данных его отцом обязательств, что он по достижении совершеннолетия даст клятвенное обещание хранить все, что было

¹ На генеральном сейме в Кракове в 1530 г.

² *Volum. legum*, I, 245-46.

³ *Volum. legum*, I, 253-254

⁴ Хотя поляки и признали его своим королем еще в 1530 г., но тогда же было обусловлено, что фактическим королем он будет лишь после смерти своего отца. См. *Volum. legum*, I, 253-254 и 245.

предоставлено шляхте и вообще населению Польши и принадлежащих ей областей по отношению к его правовому положению, так и в силу своего собственного обещания и просьбы всех станом коронных, бывших на сейме, подтвердить все те права и постановления, какие издавались от Казимира Великого до Сигизмунда Старого включительно. Сигизмунд Август обещает своим королевским словом, с принесением присяги, крепко и ненарушимо хранить все права, статуты, иммунитеты, вольности (*swobody*), пожалования (*daniny*), привилеи и грамоты, выданные его предшественниками и всегда, сообразно с ними, управлять своими подданными; чего-либо другого, противного названным актам не только сам король не станет чинить, но и других не допустит до этого. “Если, — заявляет король, — нами или кем-либо другим будет допущено нечто противное этим правам, статутам, пожалованиям, привилеям, грамотам, свободам и вольностям или если мы захотим их нарушать (*derogowac*) или отменять (*abrogowac*) в чем-либо, то все то не будет иметь значения и силы, как и настоящим нашим листом на вечные времена мы уничтожаем, отменяем и объявляем ничего не значащим”¹. Литовское княжество тоже не хотело отставать от Короны; и литовско-русские привилегированные классы хотели, чтобы Сигизмунд Август повторил и подтвердил те права и привилегии, какие даны были Великому Княжеству Литовскому его предшественниками. На первом же в годы его правления вальном сейме в Вильне (1548 г.) прелаты, князья, паны и бояре обратились к нему с просьбой подтвердить все эти права и вольности новым господарским своим привилеем². Сигизмунд Август уступил просьбам своих подданных и как бы в виде благодарности, с одной стороны, за то, что они избрали его единодушно великим князем своим, когда он еще пребывал “в нежном возрасте”, а с другой, за то, что они чрезвычайно мужественно (*animose et viriliter*) сражались с врагами, с огромными издержками, трудами и опасностями для жизни (*discriminibus*) защищая владения Литовского княжества, — за все это он и дал им новый привилей, в котором повторялось, большей частью с буквальной точностью, то, что содержится в привилее Сигизмунда I от 1529 года³. На вальном сейме 1551 года в Вильне Сигизмунд Август опять подтверждает все права и привилегии Великого Княжества Литовского; для этого он издает новый подтвердительный привилей на том основании, что “и литеры, и хартии, на коих они написаны, и печати, от которых они заимствуют (*obtinent*) свое значение (*auctoritatem*) обычно ветшают и портятся”, и отсюда является необходи-

¹ Volum. legum, II, 5-6

² Collect ex arch. col. jur. VII, 289; Любавский, Литов.-рус сейм, 518.

³ Collect ex arch. col. jur VII, 288-296; сравни. с 279-286

мость обновлять старые привилеи¹. Этот привилей 1551 года замечателен тем, что в нем заключается не простое подтверждение прежних привилеев, но самый текст последних, они приводятся все целиком. На первом месте поставлен акт Городельской унии 1413 года, в той редакции, какая приводится Длугошем в его истории Польши (t. V, с. 153; издатель не приводит его целиком, а ограничивается ссылкой на польского историка). За Городельским актом следует привилей великого князя Литовского Сигизмунда Кейстутовича, изданный им в 1434 году (издатель тоже не приводит его, а указывает, где он уже напечатан — ссылается на *Monumenta mædii ævi...*, XIV, *dođatek*, № 22, р. 529-531)², а затем идут привилеи: Казимира Ягеллона от 1447 года (изданный в Вильне в день св. Сигизмунда)³, великого князя Александра 1492 года (дан в Вильне в день Преображения)⁴, Сигизмунда Старого — Гродненский 1506 года⁵, два Гродненских 1522 года (по поводу назначения князя Константина Острожского Троцким воеводою — один, а другой — по поводу предоставления тому же Острожскому первого места в господарской раде⁶, один Виленский привилей 1529 года⁷, один Виленский 1522 г. (дан в день св. Николая)⁸, большой подтвердительный привилей 1529 года⁹ и привилей того же 1529 года, которым возобновляется и подтверждается Городельский привилей 1413 года¹⁰, и, наконец, подтвердительный привилей Сигизмунда Августа 1547 года¹¹. По изложению всех указанных актов привилей 1551 года заключается королевским обещанием хранить целиком и ненарушимо (*plene ac inviolabiliter*) и на самом деле исполнять во всех артикулах, заключениях (*clausulis*) и пунктах все прежние привилеи; относительно же предоставления должности воеводы “людям греческого обряда, удаляющимся (*sciunctis*) от общения с католической религией”, Сигизмунд Август, *ne reipublicae aliquid detrimenti afferatur*, — обещает и своим королевским словом и клятвою за себя и своих преемников подтверждает, что в будущем и он, и они, его преемники, “ни одному человеку греческого, или русского, обряда, чуждого по отношению к католичес-

¹ *Ibid*, VII, 261.

² *Collect. ex arch. col jur.* VII, 261

³ *Ibid.*, 261-264

⁴ *Ibid.*, 264-270.

⁵ *Collect ex arch. col jur.* VII, 270-273

⁶ *Ibid*, 273-275 (273-74 и 274-75)

⁷ *Ibid.*, 275-277

⁸ *Ibid*, 277-279 Привилей 1529 г поставлен раньше этого привилея 1522 г.

⁹ *Ibid*, 279-287

¹⁰ *Ibid*, 287-288

¹¹ *Ibid*. 288-296

кой вере и церкви, не будут ни предоставлять никаких достоинств и преимуществ (*ullas dignitates, praeeminentias*), ни допускать их в тайные совещания (*ad consilia secre tiora — раду*)”, и в этом отношении он будет свято выполнять все, что утверждено привилеями его предков и его самого¹.

Великий Виленский привилей 1551 года был последним подтвержденным привилеем, которым подтверждалось постановление Городельского сейма 1413 года, запрещавшее православным занимать высшие государственные и земские должности и участвовать в господарской раде. Как говорилось уже, тягость этого постановления для православных была невелика, ибо нередко оно *de facto* не имело значения, и православные, по выражению Сигизмунда Августа, попадали “в лавицы рады” великокняжеской и занимали “иные все станы, на разных службах... бываючи”². Но существование такого ограничения не могло мириться с теми свободами и преимуществами, какие были добыты литовско-русской шляхтой: оно противоречило понятию религиозной свободы, фактически царившей при Сигизмунде Августе в Польше и Литве. Набеги татар на Литовские владения, успехи Москвы в начавшейся с 1561 года войне (особенно взятие Полоцка) пугали короля, и он с началом 60-х годов делается уступчивым по отношению к требованиям шляхты, для которой война с Москвой оказалась крайне разорительной и утомительной. Необходимость заставляла Сигизмунда Августа уступать, потому что шляхта была очень недовольна вследствие увеличения военных поборов и частых походов. На Виленском сейме 1563 г. было сделано много уступок в пользу шляхты; к числу их относится и уничтожение обидных для православных пунктов Городельского постановления 1413 года. Собравшаяся в Вильне на сейме 1563 года шляхта просила Сигизмунда Августа, чтобы все прежние земские привилеи были внесены в особый статут точно так же, как в Польше вписаны в сборник (*volumen*) “привилеи и вольности шляхетские”. Король дал на это свое согласие. Тогда шляхта просит, чтобы он исправил или объяснил некоторые артикулы Городельского постановления, где права и вольности шляхетские утверждаются только за теми, которые исповедуют католичество и имеют польские гербы, и где только последним предоставляется доступ к достоинствам и урядам, почетным званиям и участию в господарской раде. Сигизмунд Август уравнивает во всем с католиками и всех прочих “стану рыцарского и шляхетского, как Литовского, так и Русского народу, одно бы были веры христианской”. Так как отменяемое постановление сделано было Ягеллом и Витовтом на

¹ Привилей дан на Виленском вальном сейме в ближайший после праздника всех святых вторник, т.е. 3 ноября 1551 года. *Coll. ex arch. col. jur.* VII, 297

² А З Р., т. III, № 32, с. 119

Польско-Литовском сейме, а здесь, при издании привилея, присутствовала только литовско-русская шляхта, то король обещал на ближайшем Польско-Литовском сейме, с общего согласия панов рад и всех станов обоих государств, обновить это уравнение, в случае нужды, другим своим листом с присоединением к нему новых вольностей¹.

В 1563 году Сигизмунд Август своим привилеем уничтожил Городельское постановление, и, таким образом, православные были вполне уравнены с католиками. Но православная церковь в юридическом отношении все-таки не была сравнена с римско-католической, высшая иерархия которой пользовалась громадным влиянием в Польше и Литве. Подтверждая (1 июля 1564 года в Бельске) Литовский статут второй редакции и обещая “всем обывателям Великого Княжества Литовского словом господарским” и “под присягою” его “держати, ховати, ведля того их радити, судити, справовати, и от каждого насилья, моцы, квалту и наимнейшее образы в том статуте боронити и недопушати ни в чем никому” — Сигизмунд Август касается и церкви — латинской и греческой, собственно ее прав и суда, и гарантирует их неприкосновенность, сообразно со старыми обычаями и привилеями. “Што ся дочыть прав и судов духовных, костелов Божих римского и греческого закону належачих, которые подле стародавнего обычаю и наданья привилеев предков наших и наших господарских князем, бискупом, архиепископу и владыкам и их² милости судьям в том паньстве нашем великом князьстве прислушать, то при моцы зоставуем и заховываем теж вечными часы”³. В 1568 году на Городельском сейме станы опять просили короля, чтобы им “некоторые речи и члонки в оном привилею (т.е. привилее 1563 г.) поправивши и ведлуг потребы объяснивши, достаточной еще (первей и чого там не доставает наказавши приписати) знову им на то привилей наш дали”. В привилее 1563 года ничего не говорилось о князьях, которые в это время несли одинаковые повинности с прочей шляхтой и пользовались одинаковыми с ними правами. Поэтому сейм просил короля распространить права, содержащиеся в этом привилее, и на князей, а затем — подтверждения его не переносить на общий Польско-Литовский сейм, но скрепить его собственной великокняжеской властью. Сигизмунд II уважил просьбу станов, распространил права и на князей и новым привилеем санкционировал предыдущий (1563 г.), обещаясь за себя и за своих преемников, польско-литов-

¹ А. З. Р., т. III, № 32, с. 118-121, Любавский, Лит.-рус. сейм, 651-652, сравни Collect ex arch col. jur. VII, 298-300

² “Их”, т.е. бискупов, архиепископов и владык, так видно из латинского перевода — Collese. ex arch. VII, LXIX

³ Любавский, Лит.-рус. сейм, прилож № 48, с. 137-138

ских королей, “не одменяючи и не порушаючи, вечно держати” его.¹ Таким образом, литовско-русская православная шляхта добилась того, что за ней были признаны и *de jure* те права и преимущества, которыми она владела *de facto*, вопреки прямому закону, лишавшему ее этих выгод и ставившему православных ниже католиков. Православная религия уравнивается в правах с католической, хотя и не совсем еще, так как высшее православное духовенство не пользовалось правом заседать в господарской лавице (раде) и на сеймах наряду с латинскими бискупами. Политическое равенство обоих вероисповеданий требовало, чтобы это право было предоставлено и православному митрополиту с епископами. Неудивительно поэтому, что на том же Городенском сейме 1568 года митрополит Иона III Протасович обратился к королю с ходатайством предоставить и ему с епископами греческого закона постоянное место и голос в королевской раде в такой же мере, как это предоставлено высшей католической иерархии. Просьба эта была отклонена; на нее последовал ответ: “То его королевская милость на инший час откладати рачит”.² Факт отклонения митрополичьего ходатайства о предоставлении высшей русской иерархии места и голоса в господарской раде и на сеймах свидетельствует о том, что, несмотря на все уступки, делаемые, в силу необходимости, православному населению Литвы, католики ни за что не хотели признавать православия равным своему вероисповеданию, но считали его только терпимым. В противном случае непонятно, почему просьба духовного представителя православия, просьба вполне естественная, являющаяся логическим следствием того положения православной церкви, какое она и *de jure*, и *de facto* заняла при Сигизмунде II, — отклоняется в то время, как все, по-видимому благоприятствовало ее удовлетворению: король веротерпим, протестантизм привлек на свою сторону значительную часть литовской аристократии и тем ослабил ряды католиков, православная шляхта уравнивалась в правах с католической. Вероятно, католическая партия употребила все свои средства, чтобы помешать такому торжеству презираемой ею схизмы.

На том же сейме 1568 года митрополит Иона ходатайствовал еще об освобождении православной церкви от внутренних нестроений и об утверждении некоторых имущественных и сословных прав русского духовенства. И при Сигизмунде II, как и при его предшественниках, много вреда причинял православной церкви обычай делать подаванье духовных хлебов светским лицам, не принимавшим духовного сана иногда в течение всей своей жизни. Митрополит просил, чтобы духовные должности не раздавались

¹ А. Ю. и З. Р., т. II, № 146, с. 161 и 163; Любавский, Лит.-рус. сейм, 795-96.

² А. З. Р., т. III, № 43, с. 145; Любавский, Лит.-рус. сейм, 811-12; Макарий IX, 376-377.

светским лицам, чтобы последние, по получении какого бы то ни было духовного уряда, оставались в звании мирян не более трех месяцев. Если кто не исполнит этого, то епископ данной епархии лишает его достоинства и хлебов духовных и отдает их людям духовным. Король согласился с этим, но оставил за собой право отбирать такое достоинство и передавать его другим, “подлуг воли своее господарской”, по донесении епархиальным (местным) владыкою. Затем, митрополит просил короля: а) оградить грамотою духовенство от вмешательства светских лиц в его sprawy и суды; б) освободить владык и вообще владельцев церковных имений от судов замковых (гродских) и земских и подчинить их своему господарскому суду, так как эти имения, как “поданья” короля, подлежат его опеке и обороне; в) возвратить королевской властью все те церковные поданья, которые захвачены несправедливо и силою у церкви многими лицами; г) для прекращения на будущее время подобных захватов, отрядить известных лиц для описи и обмежевания церковных имений; д) отобрать у виленских мещан различные документы, принадлежащие митрополии, жалованные грамоты и фондуши, которые те присвоили себе; е) вознаградить из господарских имений убытки десяти церквей в Новогрудке, причиненные отобранием принадлежащих им издавна земель и людей, при производившемся уволочном измерении земель; и, наконец, ж) соединить “по старовечному обычаю” Галицкое архиепископство с Киевской митрополией.¹ Некоторые из этих просьб королем были удовлетворены.

Привилеями 1563 и 1568 гг. православие было уравнено в правах с латинством, и сторонники восточного исповедания делались такими же полноправными гражданами Великого Княжества Литовского, как и приверженцы костела; но фактически и теперь католичество занимало более привилегированное положение, чем “греческий закон”. Положение Киевского митрополита и православных епископов нисколько не изменилось к лучшему в смысле усиления их привилегированного положения и уравнения их с латинскими бискупами. Последние были постоянными членами господарской рады и участвовали в литовских сеймах. Православный же митрополит и епископы никогда не имели места и вотума “в раде его милости господарской”. Хотя в 1568 г., как говорилось выше, митрополит Иона и ссылался на то, что православные иерархи заседали в раде (“водле обычаю звыклого” — выражение митрополита), но, за отсутствием других более ясных и точных документальных указаний, трудно согласиться с мнением преосвященного Макария (Булгакова), утверждающего (в виде предполо-

¹ А. З. Р., т III, № 43, 144-46; Любавский, 811-12; Макарий IX, 377-379.

жения), что некоторые митрополиты иногда заседали в раде.¹ Более правдоподобными следует признавать утверждения М.С. Грушевского и Ф.И. Леонтовича, что православные иерархи в деятельности господарской рады непосредственного участия не принимали.² Не принимали такого участия православные иерархи и в сеймах литовских; в XVI в. великие князья приглашали на сейм в качестве членов представителей православного духовенства (митрополита и епископов) только иногда, главным образом, когда поднимались вопросы, касавшиеся местного духовенства. Митрополит и епископы не были постоянными участниками сейма *ex officio*, а только приглашались на него *ad hoc*, когда были нужны; иногда они являлись и без приглашения господаря, но только затем, чтобы ходатайствовать перед ним о своих нуждах³. С отменой Городельского постановления 1413 г. можно было ожидать, что и православная высшая иерархия получит те же политические права, которыми обладала католическая. Но попытка митрополита Ионы в этом направлении оказалась неудачной⁴. Очевидно, католичество ставилось выше православия, последнему придавали меньшее значение, чем латинству, не хотели признавать его привилегированным вероисповеданием. Что правительство Сигизмунда Августа так именно смотрело на православие, в этом, кроме “отказа” короля митрополиту Ионе, убеждает нас и обозрение распоряжений Сигизмунда II относительно сбора налогов: православное духовенство несет больше тягостей, чем латинское, платившее обычно только добровольный взнос (*subsidium charitativum*). В этом отношении заслуживает внимания постановление 1552 г. (на Пиотрковском сейме), которым определялся размер налогов, взимаемых со всего населения государства, ввиду опасности со стороны турок, татар и волохов. “Русские священники, называемые попами (наравне с посполитыми, мещанами и евреями), должны платить от каждой церкви (*ex singulis sinagogis*) по злоту”, а протопопы, иначе наместники, по гривне (*per unam sexagenam*); так как все (католическое) духовенство ради защиты отечества согласилось на известную подать, то и русские (заодно с армянскими) епископы, архимандриты и другие прелаты этого обряда должны вносить по два гроша от каждой гривны своих доходов⁵. За этим постановлением последовали поборовые универсалы 1564, 1567 и 1569 гг., в силу которых имения духовных лиц

¹ Макарий IX, 377, см. А. З. Р., т III, № 43, с 145, 4

² Грушевський, Ист. Укр.-Руси, V, 457, Ф. Леонтович, Рада великих князей Литовских — Жур. Мин. Нар. Просв. 1907, сентябрь, с. 137

³ Леонтович, Рада Вел. Княж. Литов., с. 137 (в Жур. Мин. Народ. Просв. 1907, сентябрь), Грушевський, Ист. Укр., V, 457

⁴ А. З. Р., т III, № 43, с. 145, 4

⁵ Volum legum, II, 10-11

облагались наравне с именными светских владельцев, и само православное духовенство должно было платить налоги. По универсалу 1564 г. священники должны были платить по копе, наместники по четыре злотых, а владыки по *polsiodnu grosza* от каждой гривны своих доходов¹. По универсалу 1567 г. священники должны платить по 24 гроша, а владыки столько же, сколько и в 1564 г.²

До сих пор правовое положение православной церкви в Польше и Литве определялось неодинаково. В Польше оно определялось постановлениями королей, которые делали их сообща (с половины XV ст.) с польским высшим сословием и вообще со шляхтою, собиравшимися на сеймы. Постановления эти (*statuta*) с XV в. собираются частными лицами в особые сборники, впоследствии вошедшие в "*Volumina legum*", и пускаются в обращение как свод действующих законов государства (Короны)³. В Литве дело обстояло несколько иначе. Господарь, или великий князь Литовский, он же почти всегда и Польский король, имел здесь больше самостоятельности, а потому больше руководился своими личными усмотрениями. Но политические обстоятельства и личные соображения понуждали его делать все большие и большие уступки боярам и рыцарству, почему значение последних в XVI в. быстро возрастало. Государственные законы и права здесь содержались в привилеях, издававшихся верховной властью в разное время, вмещаться в один сборник они начинают только со времени Сигизмунда I, при котором, по просьбе и одобрению панов рады и сеймовых послов, был издан в 1529 году первый Литовский Статут. Последний-то и содержал в себе те законы, которыми должны были руководствоваться обыватели Великого Княжества Литовского. В 1566 году Литовский статут был издан во второй редакции. Статут 1529 года, или иначе старый, начинается привилеем Сигизмунда I, которым он подтверждает все права и привилегии церковные, как латинского закона, так и греческого, а равно и гражданские⁴. Вторая редакция его начинается известным уже Виленским привилеем Сигизмунда Августа 1563 года об уравнении православных с католиками в гражданском отношении⁵. Но в обеих редакциях о православии говорится очень мало, или, точнее, — ничего⁶, поэтому о правовом положении русско-православного населения в Литве до времени Люблинской унии

¹ *Volum. legum*, II, 39

² *Volum legum*, II, 73 См еще *Volum legum*, II, 62 (универсал 1562 г.).

³ Для примера можно указать на сборники Яна Ласского, Пржилуского, Гербурта и другие. См *Volum legum*, I, *Ad lectorem*, p VI

⁴ *Временник Импер Моск общ истор. и древн Российск*, кн XVIII, материалы, с. 1

⁵ *Ibid.*, кн XVIII, материалы, с. 1-4

⁶ *Ibid*, кн XVIII, материалы, разд III, артик 32, с 70-73

1569 г. можно судить по привилеям, время от времени издававшимся великими князьями Литовскими. В Volumina'х же legum, кроме Городельского постановления, мы не находим ни одного законодательного акта о положении русско-православного исповедания, который бы распространялся на всю территорию Великого Княжества Литовского, все же (далеко не многочисленные) акты относятся только к отдельным небольшим районам соединенных государств — именно к Червонной Руси, или Галиции, к Бельзской земле, присоединенной к Короне в 1462 году, и к земле Дрогичинской, которая с 1516 года была подчинена во всем польскому праву.

Только упомянутая Люблинская уния расширила ту область, где Volumina являлись юридической нормой, считались действующим законодательным кодексом. В 1569 г. совершилось давнее желание поляков и последнего Ягеллона окончательно соединить Польшу и Великое Княжество Литовское в единую и нерасторжимую Речь Посполитую. При этой унии от Великого Княжества Литовского были отторгнуты, или, как говорили поляки, возвращены Короне, Волынь, Подолия, Киевская земля и Подляшье, будто бы *de jure* всегда принадлежавшие Польше и потому несправедливо захваченные Литвой. Каждая из названных областей присоединена отдельно и каждой из них предоставлен особый привилей, определяющий ее отношение к Короне Польской и правовое положение ее обывателей. В общем, все эти земли в правовом отношении уравнивались с коронными. Что касается положения русско-православного населения “возвращаемых” Короне земель, то ему обещаны: свободное исповедание веры, употребление русского языка в официальных документах, все права и вольности, которыми пользовались и последователи католицизма. Частное обозрение каждого из привилеев этих земель показывает следующее. Подляшская земля присоединяется к Короне на том основании, что она будто бы еще до времен Ягелла вполне законно (*prawem doskonałym*) принадлежала Польше и только королем Казимиром Ягеллоном оторвана от Мазовии и присоединена к Литве. Обывателям ее даются права, одинаковые с правами прочих коронных обывателей. О православии и правах его сторонников прямо ничего не говорится, но есть места, которыми русские могли пользоваться для поддержания своей религиозной свободы. Таковы: конец § 2, весь § 9 и § 13-й. После заявления о том, что Подляшская земля возвращается Короне “в неразрывное единение и, как собственный и несомненный член, к первому и собственному телу и главе, со всеми вообще и каждым в отдельности крепостями, замками, городами, местечками, селами, землями, поветами” и со всем относящимся к ней, возвращается раз и навсегда и уже никогда и никем не может быть отторгнута от Польши, привилей гласит: “Все обыватели этой Подляшской земли (которых — всех вообще и каждого в отдельности навеки освобож-

даем и увольняем от юрисдикции Великого Княжества Литовского), как и прочие коронные обыватели, они будут иметь права, сообразно с условиями их положения (*stanu*) и достоинства, сообразно с условиями всех привилеев, прав и прерогатив королевства Польского, ими, как и прочие обыватели Короны, и впредь всегда (*wiecznemi czasy*) утешаться будут (*sie weselic*)”; они освобождаются от всяких налогов, пошлин и повинностей с сохранением лишь 2-х грошей с оседлой или вспахиваемой крестьянином волоки, согласно с привилеями Польского королевства. Параграф 9 содержит в себе обещание короля и Речи Посполитой не уменьшать числа урядов и дигнитарств в Подляшской земле и предоставлять их только местным уроженцам, имеющим здесь свою оседлость (*possesya*). “Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам — местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение”¹. Все пункты привилея подтверждаются такого рода заявлением: “желаем, чтобы эти пункты (*rzeczy*) все в совокупности и каждый в отдельности имели силу вечного закона и вековечную крепость, *tak żeby pospolitości osobności, ani osobność pospolitosci w rzeczach wyższej opisanych nie mogła derogować*”².

Волынь (или точнее — воеводства Волынское и Брацлавское) тоже возвращается Короне и на том же основании, что и Подляшье: она также издавна *calem a zupełnym u niewatpliwym prawem* принадлежала Польше. Литовцы получили ее только при Казимире Ягеллоне и незаконно владели ею, невзирая на частые протесты коронных сеймов. Жители этих воеводств освобождаются навсегда от подчинения и послушания Великому Княжеству Литовскому и прилучаются к Польскому королевству, “как равные люди к равным и вольные к вольным и как собственный и истинный член к собственному первому телу и голове, в общности, в часть, в собственность и титул Короны”, со всеми своими правами, обычаями и собственностью всякого рода, соединяются на все последующие времена так, что уже не могут быть отняты ни в целом, ни в частях. Обыватели обоих воеводств, наравне со всеми прочими коронными обывателями, будут пользоваться “каждый сообразно с условиями своего положения, чина и состояния (*podle powołania swego, stanu, dostoiensstwa u obescia*) всеми привилеями, правами и вольностями королевства Польского, как ими пользуются все обыватели короны Польской; всем этим сообща с ними будут вечно пользоваться и утешаться они и их потомки”. Из того, что относится к положению православия, в

¹ Volum legum, II, 79, § 9.

² Volum legum, II, 80, § 13 Привилей дан 5 марта 1569 года

привилее Волынской земле можно отметить следующее: “§ 5. А чтобы обыватели сей выше названной земли, т.е. воеводств Волынского и Брацлавского, рады наши, духовные и светские, князья, паны, шляхта, рыцарство, а равно и станы духовные римского и греческого закона, познали обильную нашу милость, постановляем, чтобы их крепости, замки, города, поместья (*osiadlosci*), местечки, села со всеми вообще и каждым в отдельности выше упомянутыми подданными их в этой земле делаем свободными от всех податей, которые лежали на них доселе, от уплаты всяких поборов, мыт или ввозных пошлин (*cel*) и от сооружения и починков наших замков и мостов, сообразно с привилеями и правами Короны; их мы сравнили и сравниваем в одинаковой мере с прочими обывателями Короны и сделали их участниками всех прав, вольностей и привилегий (*zawolania*) короны Польской”. Но при этом все-таки удерживалась за ними подать в виде двух грошей обычной польской монеты с каждой оседлой волоки, где они одномерны, а где нет волок, там по одному грошу с оседлого же дыма, что удерживается за ними “для признания верховенства (*zwierchnosci naszej*) королевского над ними. Бояре их путные, несущие военную службу (*którzy woynę słuza*), платят по грошу подымного, а загородники (*zagrodnicy*) совсем освобождаются от него”. “Сверх того особенно обуславливаем, что паны рады наши, духовные и светские, князья, паны, вся шляхта вообще и каждый (шляхтич) в отдельности, обыватели Волынской земли, т.е. воеводств Волынского и Брацлавского, какого бы они ни были стана, достоинства и положения, не подлежат и не должны подлежать экзекуции относительно имений, начавши от всех наших предков, королей польских и великих князей литовских, предшествовавших Александру, а равно и в статуте польского короля и великого князя литовского Александра, дяди нашего, который в 1504 г. на вальном сейме в Пиотркове (в среду перед неделей средопоклонной), дан относительно порядка (*około obuszaiu*) записывания королевских имений¹, да и в других статутах и постановлениях времен Александра и Сигизмунда, отца нашего, и в наши часы, относительно экзекуции этого статута (*około ehekucyi tego statutu*) в Пиотркове, Варшаве и Люблине до сих пор постановленных. Их мы обязаны хранить так, как и храним сообразно с написанным в при-

¹ Вот этот статут: “*De modo bonorum regalium inscribendorum: ... bona regalia dum exementur vel si quopiam modo devolventur ad regiam majestatem amplius non impignorabuntur, neque donabuntur per regiam majestatem, nisi in generali conventione pro Reipublicae necessitate, consilarii consentirent obliganda, donanda vel inscribenda propter quod regia majestas nemini amplius ad summas priores in bonis regalibus adscribet quidquam et si inscripcionem fieri contingat, etiam in generali conventione dominis consiliariis consentientibus, uihilominus perpetuo observandum decretum sit, quod nemini aliqua bona mensae regalis majestas regia deberet inscribere absque conditione extenuationis, qui vero contra praesens statutum pecuniam super bona regalia dederit, ille perdet et honorem et pecuniam, quam habet inscriptam.*” Volum legum I, 136

вилеях, нами ли, или предками нашими, королями польскими и великими князьями литовскими, данными под печатями коронными или литовскими. Обусловливаем им под присягою нашею королевскою и с согласия (*z rozwoleńiem*) всех рад наших, духовных и светских, и послов земских коронных, и уверяем их в том, что эта экзекуция (т.е. отбирание имений и городов, замков, дворов, сел, земель, грунтов, *zamian, wysług*, всех пожалований нашими предками и нами — их предкам и им самим данных), на них не распространяется, ибо они, будучи при Великом Княжестве Литовском в те часы, когда при Александре устанавливалась в Короне экзекуция, не были подвластны Короне и, когда коронные станы добровольно установили для себя экзекуцию, они не принимали ее заодно с ними и не признавали”¹. Литовский статут, действовавший здесь до Люблинской унии, целиком удерживает свое значение; и король с панами своей рады, в случае апелляций в королевский суд, должен судить по статуту Литовскому. Только военный раздел о земской обороне, как несогласный с коронными законами, настоящим привилеем совершенно уничтожается. На своих поветовых сеймиках обыватели волынские могут исправлять его в отдельных артикулах и эти поправки представлять на вальный сейм коронный. Все акты гродских и земских судов, позвы, вписывание в книги, акты, декреты и грамоты, выходящие из королевской канцелярии, и вообще все официальные документы должны быть “в виде просьбы всех станов Волынской земли писаны русским языком”, исключение составляют только мещанские дела Магдебургского права, которые, по обычаю польскому, при направлении их коронными и дворными урядниками к королю, должны писаться на польском языке. Далее, дается гарантия того, что “всех вышеупомянутых князей земли Волынской, обывателей и потомков их как в римском, так и в греческом законе состоящих, будут держать в их стародавней чести и достоинстве, как от предков своих и до сего времени они были, и их, по доблести и пригодности каждого и по нашей воле (*upodobania*), без помехи (*zawady*) со стороны артикулов коронного статута, составленных относительно князей, представлять к замковым, державным и дворовым нашим урядам и допускать в лавицу рад наших, как и прочих людей шляхетского народа Волынских земель”. Те же паны рады — духовные и светские, князья и шляхта подлежат юрисдикции местных гродских и земских судов. Должности, уряды и дигнитарства, как духовные, так и светские, как великие, так и малые, безразлично, римского ли то закона они будут, или греческого, не уменьшаются и не сокращаются, но целиком сохраняются. При освобождении уряда или дигнитарства вакансия будет предоставляться обывателям Волынской зем-

¹ Volum legum, II, 82, § 6.

ли шляхетского рода, имеющим здесь свои поместья (*osiadłym*). Ввиду соединения Волыни с Коронаю, паны рады, духовные и светские, т.е. сенаторы, Волынской земли получают по принесении присяги место среди коронных сенаторов, а местные земские послы — среди коронных земских послов. Обывателям Волыни предоставляется право собираться на поветовые сеймики для выбора сеймовых послов, и эти последние перед отправлением на сейм должны собираться, по польскому обычаю, во Владимире. Избранные и отправленные на сейм получают такое же содержание, как и послы земель Русского воеводства. В знак принадлежности Волыни к Короне постановлено изображать на военных хоругвях Волынских земель вместе с давними гербами и польский коронный (орел). Привилей заканчивается обещанием, скрепленным королевской присягой, хранить его во все времена нерушимым. “Всему вышеизложенному — артикулам, правам и вольностям, которые с согласия всех рад наших как духовных, так и светских и коронных земских послов, написаны здесь в этом привилее, не должны и не могут ни в чем противоречить (*szkodzić* — препятствовать, мешать) ни никакие измышления, ни никакие привилеи земские или какие-либо иные, ни никакие статуты, ни даже сеймовые коронные конституции не могут вредить и в чем-либо ослаблять их, а мы сами обещаем, под нашей присягой, Польскому королевству старательно соблюдать их и держать ни в чем не нарушаемыми; обещаем сим привилеем, что и преемники наши, польские короли, будут блюсти и держать их, ни в чем не нарушая”¹.

Киевское княжество по желанию поляков также было “возвращено” Польше, как будто бы еще задолго до времен Ягелла принадлежавшее короне Польской. “Киев был и есть, — говорили поляки, — глава и столица (*głównie miasto*) Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей”. От Польши, “как от собственного тела”, она была отторгнута и присоединена к Литовскому княжеству Владиславом Ягеллом, который сделал это ввиду того, что правил одновременно и Польшей, и Литвой. В привилее, выданном этому княжеству, по случаю присоединения его к Польше, обывателям его предоставляются те же самые права и преимущества, которые перечисляются и в рассмотренном выше привилее Волынской земли. Так как в этом привилее встречаются места, буквально сходные с приведенными уже выдержками из Волынского привилея, то здесь будут повторены только те места привилея Киевской земли, где встречается пря-

¹ Volum legum, t II, 80-84; дан 26 мая 1569 г.

мое указание на права русско-православного населения Киевской земли. Обыватели ее присоединяются к королевству Польскому, “как равные к равным и вольные люди — к вольным”, со всем тем, что они приобрели и имеют издавна по обычаю, установившемуся порядку и какому бы то ни было праву. О лицах православного исповедания в привилее говорится в двух параграфах его: во втором и пятом, и в обоих случаях они уравниваются с католиками. Во втором параграфе здесь говорится то же самое, что и в пятом Волынского привилея. “А чтобы обыватели этой Киевской земли, рады наши духовные и светские, князья, паны, шляхта, рыцарство, также и духовные станы римского и греческого законов, познали нашу обильную милость, постановляем” и т.д. перечисляются те же привилегии относительно налогов и поборов, которые уступлены волынянам. И здесь, как и на Волыни, оставлены только два гроша с оседлой волоки (где они одномерны) и грош с дыма, где нет волок. На путных бояр также налагается подымное в размере одного гроша, а загородники (*zagrodnicy*) освобождаются от этого налога. Пятый параграф Киевского напоминает собою 8-й из привилея Волынской земле. “Обещаем и обязуемся всех обывателей Киевской земли и их потомков, как в римском, так и в греческом законе пребывающих, держать в их старинной чести и достоинстве, как они до сего времени от предков своих были, и их, по доблести и пригодности каждого и по нашей воле, представлять, без помехи со стороны артикулов в польском статуте (написанных о князьях), к замковым, державным и дворовым нашим урядам и допускать в лавицу рад наших... Обещаем и обязуемся не уменьшать и не сокращать должностей, дигнитарств и урядов в земле нашей Киевской как духовных, так и светских, великих и малых, как в римском, так и в греческом законе состоящих”, и т.д., как и в предыдущем привилее. Оканчивается он, подобно предыдущему же, обещанием короля за себя и своих преемников вечно и неизменно хранить все изложенное в привилее. Обещание это подкрепляется королевской присягой и многочисленными подписями сенаторов¹.

Вместе с привилеями Подляшской, Волынской и Киевской землям 1 июля 1569 года был составлен особый привилей по поводу унии Великого Княжества Литовского с короною Польской². В нем после заявления о давнем желании установить унию обоих государств, излагается общий ход переговоров по этому поводу между литовскими и польскими панами со времени Сигизмунда I и заявляется, что на собравшемся 23 декабря 1568 года Люблинском сейме пришли-таки, с Божьей помощью, к этой цели, за что Богу

¹ Volum legum II, 84-87 Дан 5 июня 1569 года

² Volum Legum, II, 87-92

Единому в Троице — хвала, королю Сигизмунду Августу — вечная благодарность (*dzięka nieśmiertelna*), а Польше и Великому Княжеству Литовскому на вечные часы — слава и честь (*ozdoba*).

Как видно из акта унии, Великое Княжество Литовское, потеряв свои богатые и при том лучшие области, вместе с ними теряло и прежнюю свою самостоятельность: прежняя династическая уния заменялась унией реальной, неразрывным на вечные времена соединением Литвы и Польши в одно государственное тело, в одну Речь Посполитую, с “одной головой и одним государем”. Литва утратила многие свои особенности: она лишилась права иметь своего отдельного великого князя, место которого с этого времени занял избираемый сообща поляками и литовцами король с великокняжеским титулом; взамен собственно литовских отдельных сейма и сената (рады) вводился один общий сейм и сенат; монета и дипломатические сношения с соседними государствами делались общими; Литва сохраняла за собой только свои чины и статуты. Те права, земские вольности и преимущества, которые были получены обывателями Литовского княжества от своих князей, были удержаны в полной силе и значении на все последующие времена. Параграф 7 привилея, данного Великому Княжеству Литовскому, вменяет в неперемнную обязанность всякому королю, вновь избираемому с общего согласия Литвы и Польши, при коронации скреплять присягой написанные “на одном листе и одними словами, на вечные времена, все права, привилегии и вольности всех подданных обоих соединенных народов и государств”¹. Всякий король по девятому параграфу того же привилея должен хранить всегда ненарушимо и твердо “все права и привилеи всех земель и народов Польши и Литвы со всеми относящимися к ним землями — права и привилеи, на каком бы языке они ни были писаны предшественниками Сигизмунда Августа, а равно и самим им, с давнего времени и с начала унии каким бы то ни было образом предоставленные грамотами всем вообще и каждому в отдельности, — права, вольности, дигнитарства, прерогативы, все уряды обоих народов — хранить в целости и ненарушимости”. Король должен сохранять “твердо и без нарушения для всякого сословия (*stanu*) все законы, суды, *wysady*, княжеское звание и шляхетские фамилии вышеназванных народов, постановления судов, все бывшее до сего времени”². В конце привилея все присутствовавшие на сейме дают обещание, что все постановленное здесь и содержащееся в нем никогда не будет отменяемо и изменяемо ни панами рады, ни земскими послами, “но навеки целиком и крепко будет хранимо”. Для вящего подтверждения привилей был скреплен

¹ Volum Legum, II, 90.

² Volum Legum, II, 90

печатями высших духовных лиц (прелатов), сенаторов и всех земских послов Короны, а равно и присягой представителей обоих государств¹. Каждый из упомянутых привилеев был еще раз подтвержден членами сейма, причем решено было вписать их в канцелярские акты (и польские, и литовские), а копии с них, за королевской печатью, выдать каждому воеводству. В этом вторичном подтверждении опять заявляется, что земля Подляшская, Волынская и Киевская отторгнуты от Литвы и присоединены к Короне со всеми их принадлежностями и имениями, как к собственному телу его собственные члены. Всем им дается право быть причастными, сообразно со званием и состоянием каждого, законам, правам и вольностям народа польского, пользоваться ими подобно прочим обывателям Короны и находиться под управлением и урядом польскими². Таким образом, по смыслу актов Люблинской унии, Великое Княжество Литовское и соединенные с ним русские земли уравниваются во всем со всеми землями и областями Короны. О каких бы то ни было ограничениях и религиозных стеснениях нет ни одного слова. Те права и преимущества, которыми до сего времени владела православная церковь и которых добилось для себя русское население, сохраняются ненаружимыми. Мало того, уравненным с Польшей областям дается торжественное обещание никогда не делать никаких изменений в том, что предоставлено им в выданных Люблинским сеймом привилеях.

Акты Люблинского сейма 1569 года являются первыми, можно сказать, законодательными постановлениями Польско-Литовского государства, или Речи Посполитой, действие которых простирается в одинаковой мере и степени на обе половины соединенных государств. Они, с одной стороны, подтверждают всем областям Великого Княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эту эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польшей богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной, сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к

¹ Volum Legum, II, 87-92.

² Акт подтверждения унии Сигизмундом Августом дан 11 августа 1569 г., Volum. Legum, II, 92-93

религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло повести к страшным расстройством и опасным для государства замешательствам. Правительству желательно было поддержание наружного мира и согласия между неприязненными друг другу вероисповеданиями. Католицизм, которому реформация нанесла страшный удар и из рядов его последователей вырвала много наиболее знатных и влиятельных польско-литовских панов, перед Люблинской унией начинал только собирать свои силы, чтобы открыть наступательное движение против своего противника. Быстрые успехи реформации в Польше и Литве с шестидесятых годов XVI в. приостановились. Папы через своих легатов употребили много усилий на то, чтобы остановить их. Из среды польских епископов нашелся ревностный поборник католицизма, епископ Вармийский, кардинал Станислав Гозий. Благодаря деятельности его и легатов апостольского престола, католическая иерархия начала несколько приходить в себя и проявлять попытки к сохранению господствующей церкви и ее давнего положения. Начинается реакция против религиозных новшеств. Появляются в Польше (1564 г.), а потом и в Литве (1568 г.) иезуиты, которые ускоряют эту реакцию; они захватывают в свои руки школьное воспитание подрастающего поколения, занимаются делами благотворительности и пользуются всеми средствами для усиления католичества. И усилия их не пропадали даром: католичество усиливалось все более и более, в народе начала обнаруживаться большая привязанность к отечественной вере. Вместе с усилением католичества росла среди сторонников его и нетерпимость к несогласным с ними. Диссиденты (так назывались последователи протестантских вероучений) понимали, какая опасность грозит им и их религиозным верованиям при усилении стоявшей близко ко двору католической партии, а потому и сознавали настоятельную необходимость упрочить юридически свое положение, гарантировать законодательными постановлениями свои гражданские права и религиозную свободу. Православные в этом отношении находились в более благоприятном положении, чем диссиденты, потому что они издавна имели известные политические права, а в 60-х годах XVI в., как говорилось раньше, были уравнены в правах с католиками. Поэтому и понятно, почему протестанты, главным образом, хлопочут об установлении в пределах Речи Посполитой свободы совести и преимущественно они становятся защитниками прав и свободы всякого гражданина, к какой бы религии он ни принадлежал. Но так как католики никоим образом не могли согласиться на обеспечение законодательным путем религиозной свободы диссидентов, то

между католиками и диссидентами неминуемо должна была произойти борьба. Пока был жив Сигизмунд Август, терпимо относившийся ко всяким религиозным учениям и своим авторитетом сдерживавший проявления вероисповедной вражды, обе стороны не проявляли ее активно. Но как только 7 июля 1572 года не стало последнего Ягеллона, вражда эта обнаружилась в полной силе. Католическая партия, имевшая во главе высшую иерархию, которой руководил папский нунций Коммендони, стремилась подавить протестантов, отнять у них всякое значение и уничтожить их. Протестанты задались целью отстоять то, что фактически имели, и обеспечить себе религиозную свободу на будущее время и юридически. Небывалое положение, в котором очутилось Польско-Литовское государство после смерти последнего Ягеллона, дало повод к широкому проявлению в среде шляхты разнообразия интересов вероисповедных, племенных, провинциальных и личных, что было опасно для единства и спокойствия Речи Посполитой. Ввиду этого благоразумные элементы считали нужным выдвинуть на первый план идеи единения и согласия и ради них жертвовать интересами более частного характера. Повсеместно во всех воеводствах Польши были организованы областные (частные) конфедерации, а в конце 1572 года в Кракове был издан “каптур”, представлявший повторение Корчинской конфедерации 1438 года. В нем извещалось о том, что шляхта, по примеру своих славных предков, заключила союз “против неповинующихся закону, против бунтовщиков, еретиков и их доброжелателей”, и выражалась угроза — сообща восстать на того, “кто отважится чинить своеволие, насилия, наезды, опустошения имений духовных и светских владельцев или церквей и какие-либо другие своеволия”¹. Для прекращения всякого рода своеволий в каждом отдельном воеводстве на время бескоролья были установлены каптуровые суды. Члены этих судов избирались сеймиками, и приговоры их были безапелляционны². Такие меры поддержали порядок и дали возможность шляхте более или менее спокойно готовиться к конвокационному сейму, который был назначен примасом Уханским на 6 января 1573 года. На этом сейме решались вопросы о месте и времени избрания нового короля, созыв избирательного сейма, а равно и о сохранении в государстве мира и спокойствия на все время бескоролья. Здесь-то и обнаружилась во всей силе вражда католиков к протестантам и решимость последних употребить все усилия на то, чтобы добиться признания со стороны сейма, являвшегося теперь распорядителем государства, полной религиозной свободы и политического равенства всех обывателей Речи Посполитой, независимо от

¹ Volum. Legum, II, 123; сравн. Volum. Legum, I, 63-64.

² Бобржинский, II, 103.

их вероисповедных особенностей. Сейм оказался очень бурным, внутреннему спокойствию Речи Посполитой грозила большая опасность. Наиболее благоразумные и политически зрелые католики, чтобы не нарушить “згоды”, начали поддерживать домогательства диссидентов. И католическая партия, несмотря на все нежелание ее руководителей, принуждена была пойти на уступки. Была постановлена так называемая Варшавская конфедерация, которой гарантировалась религиозная свобода в пределах Речи Посполитой и объявлялась широкая веротерпимость по отношению к протестантизму, фактически существовавшая и прежде, но юридически не признаваемая.

Значение этой конфедерации простиралось и на православную церковь; в ней, кроме определений, касавшихся всех вообще христианских верований, есть прямая гарантия и собственно православной церкви принадлежащих прав. Этой конфедерацией участники конвокации постановили сообща избрать в короли только того, кто даст обещание “подтвердить присягою все права, привилеи и вольности, какие есть”, и какие будут поданы ему после избрания. Именно он должен подтвердить, что “будет хранить общественное спокойствие между разъединенными и различающимися в вере и богослужении людьми”, ни под каким видом не будет выводить поляков за пределы Короны и без ведома и одобрения сейма не станет созывать посполитого рушения (§ 2). Далее следует торжественное обещание гарантии прав всякому вероисповеданию. “Так как в нашей Речи Посполитой замечается немалый раздор (*dissidium*) по поводу христианской религии (*in causa religionis christianae*), то, стараясь о том, чтобы по этой причине не вышло каких-либо вредных волнений, какие видим в других государствах, сообща все обещаем за себя и своих потомков, обещаем навсегда (*in perpetuum*), за порукой присяги, веры, чести и совести нашей (*sub vinculo juramenti, fide, honore et conscientiis nostris*), что мы, несогласные в вере (*dissidentes de religione*), сохраним между собою покой и из-за разницы в вере и изменений в церквах не будем проливать крови, не будем карать конфискацией имущества, бесчестием, тюремным заключением и изгнанием, и никоим образом не будем помогать в таких действиях никакой власти, никакому правительственному лицу (*zwerchnosci żadney ani urzędowi*); напротив, если бы кто захотел проливать ее по этой причине, то все мы, хотя бы он вздумал это сделать под предлогом декрета или какого-нибудь судебного приговора, должны будем защищаться” (§ 3). Так как против веротерпимости более всего ратовала высшая католическая иерархия, боявшаяся за свое материальное благосостояние и политическое значение, то католическим епископам Варшавская конфедерация гарантирует все их права и привилегии. “Во всяком случае этой нашей конфедерацией мы совсем не

отвергаем власти над своими подданными ни духовных, ни светских панов и не нарушаем (*nie psuiemy*) повиновения подданных по отношению к их панам, напротив, если бы где-либо возникло такое своеволие под предлогом религии, то и теперь, как и всегда было, вольно каждому пану по своему разумению наказывать своего непослушного подданного, *tam in spiritualibus, quam in saecularibus*” — и тут же прибавляется: “Чтобы все бенефиции королевского подавания (*juris patronatus regii*) церковных прелатств (*praelaturarum*), как то: архиепископств, епископств и всех прочих бенефиций, были предоставляемы по статуту не иным, но только клирикам римского костела, природным полякам, а бенефиции греческих церквей должны быть даваемы людям той же греческой веры” (§ 4)¹. Последнее добавление, очевидно, сделано по настоянию православной шляхты, с целью уменьшить те злоупотребления правом подаванья, какие позволяли себе короли.

Немало усилий пришлось приложить сторонникам Варшавской конфедерации 1573 года, прежде чем она была принята конвокационным сеймом. Сенаторы и послы-диссиденты (а вместе с ними и православные), а также и наиболее благоразумные католики охотно приняли ее; но католическая партия и слышать о ней не хотела. Латинские епископы с примасом Уханским во главе не подписывались под нею и отзывались о ней в резких выражениях. Когда сенаторы и послы, подписавшие Варшавскую конфедерацию, требовали от примаса, чтобы и он подписал ее, Яков Уханский испросил два дня на размышление; их он провел в посте и молитве. Явившись на третий день в сенат, Уханский заявил, что не подпишет конфедерации. “Никто (говорил он) не согласится с постановлением, которое оскорбляет величие Господа и Его святую волю, разрушает основы государства, дает свободу убеждений даже какому-нибудь магометанину или эпикурейцу. Скорее отдам я десницу, если нужно, даже голову на отсечение, чем подпишу под ним мое имя”². Вслед за епископами пошли и некоторые светские сенаторы, даже из числа тех, которые уже подписали было конфедерацию. Только один из епископов — Краковский Франциск Красинский, друг детства Сигизмунда Августа и вице-канцлер Польши, к великому неудовольствию католиков, скрепил ее своею подписью. Тогда сторонники религиозного мира и внутреннего спокойствия, чтобы придать конфедерации значение государственного акта, поспешили внести ее торжественно в Варшавские городские книги, несмотря на сопротивление примаса и его приверженцев. Уханский никак не мог примириться с этим и занес в те же Варшавские городские

¹ *Volum. legum*, II, 124, §§ 2-4 Конфедерация издана 28 января 1573 года.

² Трачевский, *Польское бескоролье*... , с 378-380.

книги, от имени всех панов и послов, не подписавших конфедерацию, протест против нее. В этом протесте конфедерация 1573 года называется пагубной, вредной и опасной не только для настоящего времени, но и для будущего, потому что она открывает дверь в Польшу разным гнусным сектам, помогает людям впадать в атеизм, ниспровергает всякую власть, лишает панов их прав и вольностей и, под предлогом религии, может довести подданных (крестьян) до открытого возмущения против своих господ; кроме того, она, т.е. конфедерация, по мнению протестующих, незаконна, ибо составлена (будто бы) только несколькими сенаторами и земскими послами, вопреки будто бы заявлениям остальной шляхты о том, что инструкции ее не позволяют ничего обсуждать на конвокации, кроме вопроса об избирательном термине¹. Подобного рода протестации заносились не только в Варшаве, но и в других городах. В Сохачеве вносят свою протестацию в гродские книги епископы Познанский — Конарский, Плоцкий — Мышковский и Хелмский — Старобжеский; в их протестации читаем следующее. “Когда мы собрались под Варшавою с целью посоветоваться относительно избрания нового короля, некоторые из послов постановили между собою конфедерацию, в которой, хотя и есть много доброго, находятся очень вредные (пагубные) вещи, и именно в том отношении, что каждому вольно думать о вере так, как ему угодно, что дает повод к возникновению самых разнообразных сект. Ввиду этого и иного прочего, мы по доброй нашей совести никоим образом не можем и не желаем, равно как и не соглашаемся, допустить этот артикул и в настоящих актах открыто (*publice*) протестуем”². За духовенством пошли и светские. Протестовали в своих местных городах не только отдельные лица, но и целые воеводства, как например: Плоцкое, Мазовецкое, Равское и Подляшское³. Из них особенной резкостью отличалась протестация Мазовецкая: в ней говорилось, что Варшавская конфедерация “под видом свободы совести вносит великое распутство, беспорядок, нарушение спокойствия и законов и устанавливает уголовный суд не над злочинец, а над его жертвой, чтобы она не смела плакаться и жаловаться”⁴. По мнению плоцких послов, протестовавших уже после избрания Генриха Валуа, свобода вероисповедания может повести ко многим нежелательным последствиям. Польша сделается пристанищем и как бы собственным домом для всяких еретиков, которые поднимут в ней волнения, чтобы упиваться польской кровью; могут произойти раздоры и недоразу-

¹ Трачевский, Польское бескоролье..., с. 380-81.

² Buliński, III, 7

³ Труды Киев. Дух. Акад. 1867, декабрь, 402 (статья проф. А. Розова)

⁴ Трачевский, Польское бескоролье..., с. 388.

меня между католиками и протестантами, которые неминуемо повлекут за собой гнет сильного над слабым, буйного над тихим и скромным. Поэтому они не могут признать этой конфедерации и желают крепко держаться старой веры, которую приняли от римской церкви¹.

Но эти протесты со стороны католиков не могли отменить постановление конвокационного сейма, ибо и сторонники Варшавской конфедерации не дремали, а усердно работали на сеймиках отдельных земель и воеводств. Немало воеводств принимало ее и выражало готовность стоять за все, что было постановлено на конвокации 1573 года, а сандомирская шляхта на своем сеймике в Покршывнице решила даже сделать некоторые дополнения к упоминаемой конфедерации с целью придать ей больше точности и определенности. В пункте, где шла речь о правах помещика над крепостными, Сандомирский сеймик требовал прибавки к выражению *tam in spiritualibus, quam in saecularibus* слов — “*bonis*” и “*a nie o wiare*”, вследствие чего означенный пункт приобретал большую определенность: пану “как в духовных, так и в светских имениях, не в делах веры” вольно карать своего подданного. Ради той же точности сандомирская шляхта находила нужной и следующую прибавку: “Общевыраженное замечание о праве патроната должно касаться лишь королевской власти; то же должно разуметь и о греческих церквах и религиях”. Опасаясь интриг католической партии, Сандомирский сеймик настаивает на том, чтобы будущий король непременно присягнул в соблюдении религиозного мира, как и всех прав, привилегий и вольностей граждан Речи Посполитой². Так как для того, чтобы акт Варшавской конфедерации получил силу закона, необходимо было, чтобы его подтвердил и король³, то диссиденты решили употребить все усилия, чтобы добиться подтверждения конфедерации будущим королем. И они добились своего. Освободившийся после Сигизмунда Августа польский престол сделался предметом домогательств разных претендентов. Шведский король Иоанн, Московский царь Иоанн Грозный, Седмиградский воевода Стефан Баторий выставляли свою кандидатуру в польские короли. Германский император Максимилиан II добивался польского трона для своего сына Эрнеста, а французский двор выставлял кандидатуру молодого Генриха Валуа, герцога Анжуйского, брата французского короля Карла IX. Сначала наиболее серьезными претендентами были Иоанн Грозный и эрцгерцог Австрий-

¹ Buliński, III, 7-9.

² Трачевский, Польское бескорольеве, с 388-389

³ Чтобы какое-либо постановление имело силу закона, необходимо согласие короля, сената и стана рыцарского (шляхты) Volum. legum, I, Ad lectorem, p XV; сравни Volum legum, I, 137, где прямо говорится, что ни один закон не может быть издан королем *sine communi consiliariorum et nuntiorum terrestrim consensu*

ский, но затем агитация французского посла Жана Монлюка, епископа и графа Валонского, обеспечила избрание в короли Генриха Валуа. Монлюк энергично работал в пользу своего кандидата, рассылая своих агентов, аббатов и иезуитов по всей Речи Посполитой. Ко времени избирательного сейма торжество французской кандидатуры казалось несомненным. Отношение французского двора к гугенотам (еще и года не прошло со времени Варфоломеевской ночи) и симпатии католической партии к Генриху Анжуйскому не обещали ничего хорошего для не-католиков Речи Посполитой, а потому последние напрягали свои силы к тому, чтобы вынудить у католической партии признание Варшавской конфедерации 1573 года. Диссиденты и сторонники религиозной свободы, в том числе и православные, во время избирательного сейма настаивали на необходимости гарантии религиозной свободы, как и вообще политической свободы шляхты. Выдвигался вопрос об исправлении законов, для удовлетворительного решения которого была неизбежна и гарантия религиозной свободы. По настоянию диссидентов была избрана комиссия, которая к 1-го мая 1573 года приготовила так называемые “Генриховы статьи”, которыми ограничивалась власть короля и обеспечивалась религиозная свобода. Король должен был “вечно соблюдать особенную конфедерацию, составленную ради религиозного мира некоторыми обывателями Речи Посполитой”¹, а ненарушимость этих статей он должен был подтвердить такого рода клятвой: “В случае же, если мы (от чего, Боже, сохрани!) не выполним этих статей или условий, или учиним что-либо вопреки им, законам и вольностям, то всех жителей королевства и великого княжества объявляем свободными от должного нам повиновения и верности”². Составлена была и формула королевской присяги, в которой также говорилось о соблюдении религиозного мира. Католическое большинство и слышать не хотело о конфедерации и религиозной свободе. Но сторонники ее с Яном Фирлеем во главе, прибегли к крайнему средству: когда католики торжествовали свою победу по случаю избрания Генриха Валуа, Фирлей со своими единомышленниками, в числе которых находился и киевский воевода К.И. Острожский с православной шляхтой, удалился с поля избрания в деревню Грохово. Чувялась опасность внутреннего междоусобия, грозили кровопролития, пугавшие всех. Католическая партия пошла на уступки, и противники пришли к компромиссу: диссиденты согласились на избрание Генриха, а католики, ради сохранения “згоды”, принимали целиком Генриховы статьи и подтверждали, как отдельный, самостоятельный документ, Варшавскую конфедерацию 1573 года, несмотря на

¹ Volum legum, II, 150

² Volum legum, II, 152

то, что примас и все епископы, кроме Франциска Красинского, протестовали против ее принятия¹. В составленную для нового короля формулу присяги было включено обещание поддерживать веротерпимость и спокойствие некатоликов в следующих выражениях: *pacemque et tranquillitatem inter dissidentes de religione tuebor, manutenebo nec ullo modo vel jurisdictione nostra, vel officiorum nostrorum et statuum quorumvis autoritate, quempiam affici opprimique causa religionis permittam, nec ipse afficiam, nec opprimam*². После этого участники избирательного сейма выработали *pacta conventa*, куда включили все те щедрые обещания, какие давались полякам от имени Генриха Валуа французским послом Монлюком. Много благ Польше сулил Монлюк: и постоянный союз с нею Франции, и помощь ей в случае войны с Москвою французскими деньгами и гасконской пехотой, и флот для охраны польских берегов, и обязательство уплатить польские государственные долги, и поднятие просвещения в Речи Посполитой путем улучшения на средства короля Краковской академии и посылки в Парижскую академию молодых шляхтичей. Согласился он и на включение в *pacta conventa* обязательства со стороны Генриха хранить в целостности и нерушимости все права, привилегии, вольности, иммунитеты, прерогативы всех вообще и каждого в отдельности жителей Польши, Литвы и всех соединенных с ними провинций, притом, не только прежние, “давним обычаем признанные, но и теперь, при избрании его в короли, согласно и единодушно всеми чинами постановленные”; перед своей коронацией он должен их подтвердить присягой (*juramento corporali*) по данной ему формуле и гарантировать (*muniturum*) их нужными для сего грамотами³. Монлюк и его товарищи — аббат Эгидий де-Нойаль и Гвидон Сангеласий дали торжественное клятвенное обещание, что Генрих подтвердит как *pacta conventa*, так и все то, что они подписали на месте избирательного сейма. Едва они, преклонив свои колени, успели повторить за Красинским присягу в том, что Генрих Валуа присягнет на соблюдение принятых ими всех уговоров, условий, соглашений и статей, как Ян Фирлей, не позволяя им подняться, заставил их повторить за собой: “Главным образом и особенно клянемся в том, что избранный король присягнет в исполнении всего написанного в грамоте о соблюдении мира между различными религиями, которую представляют ему на коронационном сейме маршал и канцлер коронные”⁴. Таким образом, некатоликам удалось отстаивать религиозную свободу и на избирательном сей-

¹ Трачевский, Польское бескоролье ..., с. 489-90 и 497.

² *Volum. legum*, II, 135

³ *Volum. legum*, II, 133-134

⁴ Трачевский, Польское бескоролье... , 503-504

ме. В случае подписания Генрихом гарантирующей ее Варшавской конфедерации 1573 года, последняя получала силу закона. Католики никак не хотели допустить этого. Послы-католики, прибывшие в Париж к Генриху Валуа с предложением принять польскую корону, всячески старались отклонить его от принятия ненавистной им конфедерации, но и их товарищи-диссиденты не дремали. Когда 10 сентября 1573 года при принесении Генрихом (в Парижском храме Пресвятой Девы Марии)¹ присяги на сохранение предложенных ему условий епископ Кариковский от лица всей польско-католической иерархии и всех вообще католиков Речи Посполитой заявил протест против Варшавской конфедерации и настаивал, чтобы Генрих не утверждал ее присягой, протестант Зборовский, воевода Одолановский, прямо заявил новоизбранному королю, чтобы он не надеялся на получение польской короны, если не присягнет на предлагаемых ему условиях. Генрих принужден был удовлетворить требование Зборовского². То же самое Генрих сделал и в Кракове во время своего коронования, где на этом настаивал Ян Фирлей, великий коронный маршал, кальвинист по вероисповеданию, но постеснявшийся при совершении самого обряда коронования заявить: *si non iurabis, non regnabis*. Таким образом, Генрих двойной³ присягой подтвердил Варшавскую конфедерацию, и последняя для Речи Посполитой стала законом. Она признала права и законность всех верований, существовавших в Польско-Литовском государстве. Для православия эта конфедерация важна тем, что она не только охраняла православных от насилия и притеснений за веру, за религиозные убеждения, но и избавляла от того страшного вреда, который причиняли ей короли, которые раздавали иногда церковные бенефиции лицам католического исповедания.

В формуле присяги, произнесенной Генрихом, содержится обещание признавать религиозную свободу в Речи Посполитой. Так как эта формула употреблялась последующими королями Польши и так как с нею придется встречаться много раз при дальнейшем изложении, то здесь приводится из нее буквально то, что касается правового положения обитателей Речи Посполитой в политическом и церковном отношениях. После титула и изложения обстоятельств, при которых совершилась присяга, акт последней гласит следующее. «Я, Генрих, Божией милостью, избранный королем Польши, Великого Княжества Литовского, Руси, Пруссии, Мазовии и т.д. (весь титул его)... всеми чинами государства обоих народов как Польши, так и Литвы и прочих областей, избранный с общего согласия и свободно, обещаю и свя-

¹ *Volum legum*, II, 135

² *Buliński*, III, 12; Тр. К Д Ак. 1867, декабрь, 405-406 (статья проф. А Розова).

³ А если считать и присягу Монлюка с товарищами, то даже тройной.

то клянусь всемогущим Богом, пред сим св. евангелием Иисуса Христа, в том, что все права, вольности, иммунитеты, общественные и частные привилегии, не противные общему праву и вольностям обоих народов, церковные и светские, церквам, князьям, панам (*baronibus*), шляхте (*nobilibus*), мешанам, селянам и всем вообще лицам, какого бы они ни были звания и состояния, моими славными предшественниками, королями и всеми князьями, государями королевства Польского и Великого Княжества Литовского, особенно же Казимиром Древним, Людовиком, Владиславом I, называемым Ягеллом (*Vladislaum Primum, Jagellonem dictum*), и братом его Витовтом, великим князем Литовским, Владиславом Вторым, сыном Ягелла, Казимиром III Ягеллоном, Яном Альбрехтом, Александром, Сигизмундом I, Сигизмундом II Августом, королями Польши и великими князьями Литвы, справедливо и законно данные, уступленные, распространенные и пожалованные и всеми чинами во время междукоролевья постановленные и утвержденные, мне представленные, удержу, сохраню, соблюду, поддержу и исполню во всех положениях (*conditionibus*), артикулах и пунктах, в них начертанных; сохраню и удержу мир и спокойствие между несогласными в религии (*inter dissidentes de religione*), и никоим образом не позволю, чтобы от нашей юрисдикции или от авторитета наших судов и каких-либо чинов (*statutum*) кто-либо страдал и был притесняем из-за религии, да и сам лично не стану ни притеснять, ни огорчать”. После обещания возвратить Польше и Литве все утраченные ими территории и не только не уменьшать, но, наоборот, расширять еще пределы государства, идет речь о соблюдении справедливости и законности в королевских действиях и распоряжениях. “Буду оказывать всем жителям государства, согласно с общественными правами во всех областях установленными, справедливость без всякого пристрастия к кому бы то ни было и, если (чего да не будет!) в чем-либо нарушу мою клятву, жители королевства и всех областей каждого народа не должны оказывать мне повиновения. По крайней мере, сам я делаю их фактически (*ipso facto*) свободными от доверия и повиновения, следуемых королю, и ни от кого не буду требовать освобождения от этой моей присяги и не отступлю от принесенной; так да поможет мне Бог!”¹.

Из приведенной формулы королевской присяги видно, что Генрих подтверждал не только все, что было узаконено его предшественниками по управлению Польско-Литовским государством, но и то, что было постановлено во время бескоролья после смерти Сигизмунда II на конвокационном сейме, т.е. Варшавскую конфедерацию 1573 года и гарантию мира и спокойствия разноверцев. С этого времени всякое религиозное верование в

¹ Volum legum, II, 135

Речи Посполитой пользуется свободой; гонения всякого рода за религиозные убеждения признаются незаконными. Король соглашается на принятие конфедерации и сам обещает никого не преследовать за разногласие в вере и не допускать других до преследований и стеснений разноверцев. Католическая партия никак не хотела примириться с таким фактом, с таким “безбожным делом”, как принятие этой конфедерации, и всячески старалась уничтожить ее, но диссиденты (заодно с православными) отстояли ее. Впоследствии она сослужила важную услугу не только для диссидентов, но и для православных. Как видно будет из дальнейшего, короли принимают ее в соображение при издании своих распоряжений относительно православных (напр., Стефан Баторий в 1584 году при издании своей окружной грамоты о неприкосновенности веры православной)¹; православные ссылаются на нее при защите своих прав и религиозной свободы на протяжении всего времени существования Польши; они упоминают о ней и в своих полемических сочинениях (автор “Апокрисиса”)², и в официальных актах (в протестациях, например)³.

Католическое духовенство не теряло надежды на уничтожение ненавистной для него конфедерации при посредстве Генриха, которого считало добрым католиком. Под влиянием иерархии Генрих, пользуясь несогласием участников коронационного сейма, в своем подтверждении прав (*confirmatio iurium*) обошел молчанием большой религиозный вопрос и заявил, что утверждает, *ex superabundanti*, по примеру своих предшественников, во избежание внутренних раздоров, все права, статуты, вольности, свободы, привилегии, как общие, так и предоставленные каждому стану в отдельности; все же “спорные артикулы” (*controversos articulos*), о которых много было разногласий еще во Франции, передает на поветовые сеймики, куда он представит о них сведения (*o nich na seymikach powiatowych od nas sprawę dostateszną wezmiecie*)⁴. Это не обещало ничего хорошего для иноверцев; они относились крайне подозрительно к королю и не доверяли ему. Но Генрих не оправдал надежд и католиков: через пять месяцев по приезде в

¹ А. З. Р., т. III, № 139, с. 280-81. Даже такой фанатик, как Сигизмунд III, не мог игнорировать ее и, при издании Литовского статута третьей редакции, включил ее в перевод на русский язык в этот статут Статут Великого Княжества Литовского 1588 года, Москва, 1854 г (изд. Москов. общ. ист. и древ. Российских), с. 47-50

² Рус. Ист. Биб. VII, кол. 1075-78.

³ См. протестации князя К. К. Острожского и православной шляхты в 1596 г. — Рус. Ист. Биб. VII, кол. 1124-1128; и акт Слуцкой конфедерации 1767 г. — Акты Вил. Арх. Ком. VIII, с. 609-617

⁴ *Volum. legum*, II, 136; *Szujski III*, 29. Конфирмация прав издана 22 апреля 1574 г. — *Volum. legum*, II, 137.

Польшу избранник католической партии, узнав о смерти французского короля, брата своего Карла IX, 18 июня 1574 г. убежал тайно во Францию, чтобы там занять престол своего брата.

Избранный 15 декабря 1575 года по настоянию диссидентской партии на престол Ягеллонов Стефан Баторий, воевода Седмиградский, был кальвинист по вероисповеданию, но, по требованию католической партии, принял латинство, руководствуясь в данном случае политическими соображениями. Католики заявили ему, что без перемены религии он не утвердится на троне. Политические соображения заставили Батория быть горячим сторонником католицизма. Внутренние волнения в государстве, вызываемые главным образом религиозными вопросами, были очень опасны для его благосостояния. Необходимо было прекратить их. Баторий видел, что конец им может быть положен единством религии. Католичество в этом отношении казалось ему лучше протестантизма, так как последний, лишенный прочного, устойчивого начала в виде авторитета иерархии, не представлял из себя ничего цельного. Представители его в пределах Речи Посполитой дробились на множество разных сект и партий, которые ненавидели друг друга, враждовали между собой и взаимно ослабляли себя. Католицизм более всего соответствовал личным намерениям Батория. Он задался целью ввести в Польше абсолютизм, к которому расположено было и католическое духовенство, особенно иезуиты, проповедовавшие необходимость для Польши прочной и неограниченной королевской власти. Ввиду указанных обстоятельств, Стефан Баторий прилагал большое старание к тому, чтобы ослабить другие вероисповедания, и дать торжество над ними католичеству; но в этом отношении он действовал крайне осторожно и благоразумно, считал нужным действовать исподволь и без шума, а не быстро и насильственно (*sensimque potius et placide, quam repente et violanter*)¹, чтобы не раздражать иноверцев. Особенной осторожностью отличалась политика Батория по отношению к православным. Так, в 1582 г., следуя булле папы Григория XIII о введении нового календаря, Баторий вводит Григорианский календарь во всех областях своего государства; он хотел было навязать его и православным, но среди них начались волнения. Ввиду этих волнений и недовольства православных, Баторий в 1584 году отменил свое распоряжение о принятии календаря и православными. При всем своем желании уменьшить число разноверцев, Баторий не употреблял насилия для распространения католичества; вместо того он старался выставить превосходство последнего в сравнении с прочими вероисповеданиями и способствовать его нравственным успехам, для чего ревностно содействовал всему тому, что

¹ Źródła Dziejowe, t. IV, p. 132

могло поднять престиж католичества в глазах диссидентов и православных. Считая иезуитов самыми лучшими защитниками и распространителями латинства, он всячески покровительствовал им и оказывал помощь их пропагандистской деятельности. Основывал новые иезуитские коллегии (в Полоцке в 1579 г., в Риге в 1582 г.) с целью распространения через воспитание юношества в схизматических странах католической веры¹; старую Виленскую коллегию в 1578 г. позволил преобразовать в академию и уравнивал ее в правах и привилегиях с Краковской, дав ей право предоставлять ученые степени бакалавров, магистров, лиценциатов и докторов свободных наук, богословия и философии²; всем иезуитским учреждениям предоставлял жалованные грамоты и материальное обеспечение³; вообще расположение его к иезуитам было настолько велико, что он будто бы выражался: “Si rex non essem, jesuita essem”⁴. Благодарные иезуиты показали, что вполне ценят королевское расположение. Они всецело захватили воспитание юношества в свои руки. Им давали своих детей не только католики, но и разномыслы, в том числе и православные, а они делали их горячими приверженцами латинства, преданными и послушными своими слугами. Под влиянием иезуитов знатные диссидентские и православные фамилии начали быстро переходить в лоно католической церкви. Как легко и быстро в первой половине XVI века польско-литовские паны принимали реформацию, так теперь легко они обращались к Риму и оставляли свои протестантские воззрения. Католическая реакция росла все больше и больше; католичество усиливалось и торжествовало над своими врагами. Католические историки ставят в заслугу Баторию то, что в его правление католическая религия начала подниматься из своего давнего унижения⁵. Как искусный политик Баторий не употреблял мер насилия по отношению к иноверцам. Они представляли из себя значительную силу, да и общественное настроение в Польско-Литовском государстве могло быть против него и его насильственных мер, ибо веротерпимость пустила глубокие корни в общественном сознании, и потому королю было трудно идти против нее. Нужно было, чтобы старое поколение, проникнутое духом терпимости и нерасположения к католическому духовенству, сошло со сцены и уступило свое место питомцам иезуитов; но Стефану не удалось дожить до такого благоприятного для осуществления своих планов времени. Эта печальная честь выпала на долю его преемника Сигизмунда III, сам же Баторий принужден был

¹ Макарий IX, 404-406.

² Жукович, Кардинал Гозий..., 508

³ А. З. Р., т III, №№ 137 и 143.

⁴ Рус. Вест 1875 г., июль, с 53 (статья И. Сливовы — “Иезуиты в Литве”).

⁵ Buliński, III, 29

только своим покровительством педагогической и ученой деятельности иезуитов содействовать ослаблению духа веротерпимости в польском обществе и возрастанию католического фанатизма. По временам только к этому он присоединял еще частные стеснения православных (например, передача в Полоцке православных церквей и монастырей с их имениями иезуитам) и диссидентов (запрещение открывать в Вильне кирхи и школы)¹. Но юридически и при этом ревностном католике² господствовал дух терпимости и религиозной свободы. Еще до своего прибытия в Польшу Баторий (подчас выборов) через своих послов обещал Варшавскому элекцийному сейму, что он будет точно сохранять свободы, законы, обычаи Польши и Великого Княжества Литовского и притом под клятвою, как сенат и все чины решат, что надо королю наблюдать и одобрять (*observaturum et comprobaturum*)³. По примеру своего предшественника Генриха Валуа Стефан Баторий должен был предложенной ему формулой присяги подтвердить свободу вероисповедания: обещал сохранять все прежние права и привилегии, блюсти “мир и спокойствие между диссидентами и никоим образом не преследовать из-за религиозных вопросов” (*causa religionis*)⁴. По требованию диссидентов король подписал так называемые Генриховы статьи⁵, вторым пунктом которых подтверждается известная уже Варшавская конфедерация 1573 года. “Так как в славной Короне народа Польского, Литовского, Русского, Инфлянтского и пр. немало есть несогласных в вере (*dissidentes in religione*), то некоторые обыватели Короны, предупреждая на будущее время всякие распри и волнения из-за различия и несогласия в вере, выговорили себе особую конфедерацию на то, чтобы им в этой мере (*w tey mierze*) *in causa religionis* быть сохраненными в покое; ее мы обещаем держать целиком на вечные времена”⁶. Новая гарантия спокойствия и безопасности для разноверцев! Та же самая религиозная свобода, хотя не так ясно, как в Генриховых статьях, гарантируется и в “грамоте на генеральное подтверждение” (*litterae confirmationis generalis*) всех государственных прав, дважды подписанная Баторием: в Меггеше 8 февраля 1576 г., когда сеймовое посольство поднесло ему *pacis conventa*, и затем в Кракове 4 мая 1576 года⁷. Здесь он

¹ Макарий IX, 404 и 463

² Католики хвалят его за ревность к католицизму Булинский говорит, что он никогда не пропускал богослужений даже при занятиях самыми важными делами, и называет его истинным покровителем латинства, — III, 29 и 30

³ *Volum legum*, II, 140

⁴ *Volum legum*, II, 148

⁵ “Прежде подносившиеся Генриху артикулы” *Volum. legum*, II, 150

⁶ *Volum legum* II, 150, § 2

⁷ *Volum legum*, II, 158.

дает обещание между прочим подтвердить “все привилегии, пожалования, инскрипции (*inscriptiones*), пожизненные записи (*advitalitates*), вольности, прерогативы, иммунитеты как королевства, так и великого княжества и общих с ними земель, как всем им вообще предоставленные, так и каждой в отдельности, равно как и частных лиц всякого звания, пола и состояния, городов и местечек, предоставленные предшественниками нашими по Польскому королевству, Великому Княжеству Литовскому и соединенных с ними земель, — королями, великими князьями, князьями (*duces*) и государями”, — причем следует перечисление всех предшествовавших ему королей, от Казимира Великого до Генриха, — “королями Польши, великими князьями Литовскими, магистрами Пруссии, архиепископами, епископами, прецепторами Ливонскими, князьями, вождями и государями земель русских (*terrarum Russiae*), — справедливо и законно уступленные и распространенные и не противные общему того и другого народа праву”. Этими словами подтверждаются не только те законы и пожалования, которые простираются на все области Речи Посполитой, но и местные, областные, установившиеся в той или другой земле еще до присоединения ее к Польско-Литовскому государству; по отношению к православным, как и диссидентам, сохраняется во всей силе и значении то, что было предоставлено им на элекционным сейме 1573 г. (перед избранием Генриха). Наряду с этим подтверждаются все “законы, права, статуты, конституции, ординации, вольности, иммунитеты, законно постановленные на всяком государственном сейме, а именно: вольности и законы, установленные на сейме при избрании короля Генриха и на Ендржеевском сейме¹, или на сейме при нашей коронации”. Подтверждается здесь Варшавская конфедерация 1573 года, дается, значит, гарантия религиозной свободы. Все будет, по словам этой грамоты, храниться свято, крепко, ненарушимо. “Принимаем, обещаем и нашим королевским словом подкрепляем, что все в вышеупомянутых пунктах, артикулах, заключениях, условиях будет крепко, неизменно, ненарушимо держать, соблюдать, исполнять и всему следовать... Если же что-либо сделаем против вольностей и иммунитетов, прав и названных привилегий королевства, Великого Княжества Литовского и прочих соединенных с ними провинций, не сохраним (чего да не будет!) чего-либо из них в целом или в части, то все, определяем и возвещаем, будет недействительным, тщетным и неважным. Что же касается того, что мы вместе с прочим сею грамотой утвердили привилегии и вольности церковные, того ничуть не желаем отрицать членом присяги, т.е. поддержим и сохраним мир и спокойствие среди раз-

¹ Ендржеевский съезд или сейм происходил в январе 1576 года (акт его обнародован 28 января), постановления его касаются воснной обороны и поборов *Volum legum*, II, 140-142

новерцев и это обещаем держать неизменно, твердо, ненарушимо и совершенно (*cum effectu*)”¹. В рассматриваемой грамоте на подтверждение всех прав, вольностей и привилегий Речи Посполитой заключается обещание Батория подтвердить их; это обещание дано им (8 февраля 1576 г.) в то время, когда он был еще в своей Трансильвании. В Кракове, при своей коронации, он действительно подтвердил их 4 мая 1576 года: его *confirmatio generalis* содержит подтверждение их в тех же самых словах и выражениях, что и упомянутая грамота². Таким образом, Баторий должен был держаться веротерпимости; но, как выше говорилось, он энергично способствовал упрочению католичества и поддерживал все, что могло возвысить его значение в глазах иноверцев.

Первые два бескоролья оказались благоприятными для разноверцев Польско-Литовского государства. Они добились того, что теперь юридически они пользовались гражданской и религиозной свободой. Православные получали то же самое, что и диссиденты, и, таким образом юридическое положение их улучшалось еще более. На коронационном сейме 1576 года было подтверждено и получило законную силу все, чего добивались польско-литовская шляхта вообще и разноверцы в частности, для себя. Теперь они оформили те вольности, которыми ограничивали первых двух выборных королей. В пятом пункте конституции коронационного сейма 1576 г. повторяется дословно то самое подтверждение Варшавской конфедерации 1573 года, которое уже встречали в так называемых статьях Генриха³: король обещается не нарушать внутреннего мира и спокойствия из-за разницы в религиозных верованиях. Восемнадцатым пунктом вводится в употребление всеми последующими королями, преемниками Стефана Батория, новая формула присяги, взамен прежней, введенной Александром⁴; в ней дается обещание “хранить мир и спокойствие между диссидентами” и не преследовать их из-за религии⁵. Этот же коронационный сейм постановил две конституции, имеющие непосредственное отношение исключительно к православным. Ввиду их краткости, они приводятся дословно. “О русских кафедральных церквах. Постановляем, чтобы статут о недопущении плебеев (людей простого звания) к большим кафедральным церквам (*de non suscipiendis plebeis ad majores cathedrales ecclesias*) распространялся

¹ *Volum. legum*, II, 153-154

² *Volum. legum*, II, 157-158.

³ *Volum. legum*, II, 160; *conf.* II, 150, § 2.

⁴ *Volum. legum*, II, 152. От Генриховой она отличается немногим (Ягелло называется Владиславом II, а не первым, его сын — Владиславом III).

⁵ *Volum. legum*, II, 162-163, см выше, с 61-62.

⁶ *Volum. legum*, II, 164, § 13

также и на области Русских земель”⁶. Под рубрикой: “О нуждах Волынского воеводства” находится следующее: “Нас просили (послы волынские), чтобы мы в их землях на церковные должности греческой веры давали духовных лиц шляхетского звания. Посему, по их просьбе, соглашаемся на последующее время давать в архимандриты и владыки обывателей коронных земель людей шляхетского звания”¹. Надо иметь в виду, что в 1496 г. статутами Яна Альбрехта лицам простого происхождения (*plebeis*) преграждался доступ в клир кафедральных церквей и к получению церковных бенефиций, соединенных с высшими иерархическими должностями; на это имели право только лица шляхетского происхождения². На Радомском сейме в 1505 г. было повторено, что к кафедральным церквам должны быть назначаемы только *nobiles ex utroque parente et more nobilium educati*³. Это постановление касалось только католической церкви, но на сейме 1576 г. оно распространяется и на православную.

Для того, чтобы составить более ясное представление о правовом положении восточной церкви при Стефане Батории, следует упомянуть еще о тех податях и налогах, которые приходилось нести православным церквам, духовным лицам, их подданным и имениям. Усмирение Данцига (1576-1577 гг.), нападение татар на южные области, война с Москвою требовали больших расходов на содержание нужного войска. Для покрытия их правительство прибегало к налогам, которые определялись особыми податными универсалами (*uniwersał roborowy*), утвержденными или поветовыми сеймиками (универсал 1577 г.)⁴, или вальными сеймами (1578, 1580 и 1581 гг.)⁵. Универсал 1577 г. назначает следующие налоги для борьбы с татарами и возмущившимися жителями Данцига. Всякий крестьянин, принадлежащий духовному лицу, обязан платить, наравне с крестьянином светского владельца, по десяти грошей. Принадлежащие духовным лицам села, города и местечки обязываются делать такой же самый взнос, как и принадлежащие королю и светским лицам. Село платило по 20 грошей⁶, город или местечко по двойному шосу (*szos* — подать с домов). Ввиду настоятельной потребности средств для государства, города и местечки (светских и духовных владельцев) не могут отговариваться никакими правами. Исключение может быть только по отношению к тем, которые погорели, и со дня этого

¹ Volum legum, II, 165, § 20.

² Volum legum, I, 120.

³ Volum legum, I, 138.

⁴ Volum legum, II, 176-181

⁵ Volum legum, II, 191-198, 198-206, 212-219

⁶ Volum legum, II, 177.

⁷ Volum legum, II, 178.

несчастья не прошло еще четырех лет.⁷ Мельницы духовных владельцев не пользовались льготами в сравнении с мельницами светских лиц: “Мельницы, как наши (королевские), так и наших подданных духовных и светских, наследственные, должны платить от каждого главного (walnego) колеса и валяльни за это время по 24 гроша”¹. Перечисленные налоги были общими для духовенства обоих вероисповеданий; но православное духовенство обязано было нести и личную подать, от которой католическая иерархия была свободна. “Русские священники, — читаем в данном универсале, — должны платить со своих церквей по одной польской копе. Армянские епископы и русские владыки — со своих денежных голых чиншов, какие бы они ни были, от каждой гривны по *pulsiodma grosza*, а их наместники за это время ничего не должны платить”. Все эти подати должны быть непременно представлены ко дню св. Михаила (29 сентября)². Несколькими месяцами раньше издания рассмотренного универсала был составлен 26 ноября 1576 года на Торунском сейме универсал относительно доставки подвод, которым определялось, чтобы все села, местечки и города как духовных, так и светских владельцев, “не имели никакого преимущества одни перед другими, но равно и однообразно несли подводные тягости (*podwodne onoga*)”. Повинность эту должно было нести натурою или деньгами³. Универсал 1578 года распределял налоги (для войны с Москвой) следующим образом: каждый крестьянин духовного владельца, как и светского, должен представить “со всякого лана, жребя, следа (*ślada*), волок” по 15 грошей, сообразно с количеством поля. Это касалось областей коронных и Великого Княжества Литовского, а в Киевской земле, на Волини и в других местах, где не было размеренных волок, а были только службы (*służby*), там с каждой оседлой службы — по одному злоту. Один же злот назначался и для Галицкой земли вместе с Подольским воеводством, но здесь при обложении принимали в расчет не волоку и не лань, а плуг, с которым кмет выходил на работу. По злоту платили с одной волокы и солтысы, войты, *kniaziowie*, тиуны, путные, бояре духовных имений. Села, принадлежащие духовенству, должны платить теперь, хотя бы прежде и не знали налогов, наравне с прочими, а местечки и города — двойной шос, без всякой отговорки и ссылки на какие-либо права. Мельницы духовных лиц на этот раз освобождаются от налога, но зато облагается торговля вином: с каждой бочки положено по одной польской деньге на каждый вырученный грош. Митрополиты, владыки, архимандриты, игумены и священники русские вместе с армянскими еписко-

¹ Volum. legum, II, 178

² Volum. legum, II, 178 и 180.

³ Volum. legum, II, 180-181.

пами “должны платить с оседлых пашен (*osiadłych rol*) по злоту, а кто не имеет подданных и пашен, тот должен платить только от своей усадьбы (*obeścia*), имеющейся при церкви, по два злота, а протопопы — по четыре”¹.

Все эти налоги предписывалось непременно представить к неделе св. Троицы (*na niedzielę święteczną*); неисправный плательщик будет подвергаться двойной уплате; в этом отношении не делается никакого различия между духовными и светскими лицами. Местный староста и сборщик обязуется отправиться к неисправному после срока и здесь взыскать следующее². Упомянутый поборовый универсал определял налоги на два года; в 1580 году был издан, с ведома и одобрения Варшавского сейма, новый. В нем указываются те же самые налоги как на предметы, так и на лица духовного звания, что и в универсале 1578 года, но в нем есть новая тягость для православного духовенства. На Варшавском сейме 1578 года католическое духовенство, вынужденное затруднительным положением государства, обещало выплатить добровольный личный налог (*subsidium charitativum*). Король, издавая универсал, объявил, что это не послужит к ограничению прав и вольностей духовенства и не повлечет за собой в будущем принуждения духовенства к уплате налогов.³ Так как военные действия продолжались, то католическая иерархия была вынуждена (из расположению к королю) и в 1580 году представить добровольный налог. Но теперь король распространяет этот “добровольный” налог и на православное духовенство. “Тому, что паны духовные, по своей воле, между собой постановили относительно содействия нам в войне, подлежит и духовенство религии греческой, те лица, которые пользуются именем духовенства”⁴. Таким образом, сумма обязательного для православных обложения увеличивается еще “добровольным”. Для православного духовенства, владевшего разоренными и истощенными именьями, такое обложение не могло быть легким. Война с Москвой, требовавшая больших издержек на содержание войска, заставила Польское правительство прибегнуть к новому побору и в 1581 году. В универсале этого года встречаются те же самые налоги, которые взимались и в 1580 году как с имений духовных вообще, так и с лиц православной иерархии в частности.⁵ Встречается такое же замечание и относительно добровольного обложения католического духовенства с распространением его и “на духовенство религии греческой”⁶.

¹ Volum. legum, II, 191-192.

² Volum. legum, II, 195.

³ Volum. legum, II, 197-198.

⁴ Volum. legum, II, 205.

⁵ Volum. legum, II, 212-215.

⁶ Volum. legum, II, 219.

Рассмотренные поборовые универсалы свидетельствуют, что православная церковь, получив вместе с другими вероисповеданиями свободу и покровительство закона (Варшавская Конфедерация 1573 г.), пользовалась менее льготным положением, нежели латинская. Католическое духовенство обладало огромными материальными средствами, всякого рода привилегиями и свободой от личных или подоходных налогов. И при всем том оно давало на государственные нужды только то, что ему хотелось, добровольные пожертвования, получившие название *subsidium charitativum*¹. Православное же духовенство несло на себе тягости обязательных налогов, к которым присоединились по универсалам 1580 и 1581 годов еще и добровольные подати католического духовенства. Но Баторий, дабы не возбуждать раздора у православных с католиками, старался выказывать перед первыми свою религиозную терпимость и видимое беспристрастие, что обусловливалось его политическим тактом и осторожностью. Как уже было замечено выше, он хотел ввести новый календарь во всеобщее употребление среди своих подданных, в том числе и среди православных. Последние не захотели принимать нововведения; начались притеснения со стороны папистов, православные были недовольны и волновались (во Львове, Вильне, Полоцке). Король решил не распространять свое распоряжение на русских и издал несколько грамот для их успокоения. Этими грамотами православным позволялось держаться старого календаря, и подтверждались все права, издавна предоставленные польско-литовскими государями “людям веры и набоженства греческого”. В грамоте, данной 18 мая 1585 г., король говорит, что он совсем не думает делать никаких стеснений православным в их “религии, обрядах, богослужении, праве и вольностях”, напротив, он хочет для более прочного сохранения будущего мира между людьми различных исповеданий, в том числе и людьми греческой религии, которые живут в королевстве и Великом Княжестве Литовском и греческие обряды и религию издавна (*ex antiquo*) исповедуют, дать право свободно и спокойно хранить и совершать все обряды и уставы греческой религии по древнему чину и предписанию календаря (старого), строить и починять церкви своей религии, госпитали и училища (*gimnasia*), каменные и деревянные, и содержать все по одобренному, принятому и подтвержденному привилегиями предшествовавших королей обычаю. Никаких стеснений и ограничений в отправлении православными богослужения, никаких принуждений к принятию ими нового календаря не будет допускаемо ни со стороны короля, ни со стороны вообще власти — как духовной, так и светской, — до тех пор, пока по этому вопросу не последует соглашения между папою и патриархами

¹ Бобржинский II, 135

греческой церкви.¹ Во многих местах православные подвергались стеснению в отправлении своих праздников по старому календарю со стороны католического духовенства и были принуждаемы праздновать их вместе с католиками. Баторий запрещал делать такие насилия. 21 января 1584 года он издал окружную грамоту князьям, воеводам, каштелянам, маршалкам, старостам, державцам, всем должностным лицам земским и дворным, духовным и светским и мещанским должностным лицам города Вильны “О неприкосновенности веры и прав, дарованных православным жителям”. Новый календарь, читаем в этой грамоте, принят “для порядку и справ Речи Посполитой”, но этим совсем не имелось в виду нарушать греческие обряды и праздники; поэтому “вольно есть и мает быти кождому набоженства и веры своеи уживати, свята святити и обходити; а за тое они никоторое трудности, пренагабанья, шкоды и грабежов терпети не мают”. Грамота заканчивается предписанием не преследовать и не стеснять православных, хранить “покой и згону межи розными в вере и набоженстве” (ясное указание на Варшавскую конфедерацию 1573 г.) и обещанием не нарушать этого покоя.² Такое же подтверждение свободы православного богослужения и празднеств по старому календарю содержится и в королевской грамоте от 8 сентября 1586 г., которую он выдал городским должностным лицам и мещанам римско-католического исповедания г. Вильны по случаю жалобы митрополита Онисифора и виленских бургомистров, радцев и мещан (придерживающихся восточного исповедания) на то, что городские должностные лица и мещане-католики не позволяют им “свят греческих святити” и принуждают их чтить католические праздники по новому календарю. Митрополит и православные, прибывшие с этой жалобой к королю в Гродно, ссылались в защиту своих религиозных прав, между прочим, и на Варшавскую конфедерацию, принятую Баторием и подтвержденную его присягой на коронационном сейме 1576 года. Баторий запрещает католикам г. Вильны препятствовать тамошним православным своим согражданам отправлять Господские, Богородичные и другие праздники по старому календарю: “водле давного звычайу и закону их”.³ В рассмотренных грамотах прямо и ясно говорится о сохранении мира и спокойствия православных на основании Варшавской конфедерации (“водле конфедерации”). Значит, латинско-польское правительство Стефана Батория вынуждено было в своих распоряжениях держаться этой конфедерации, несмотря на то, что католическое духовенство против нее метало громы и молнии. Собравшиеся в

¹ Соф рук. № 423, л.л. 30-31; Рус. Ист. Биб. VII, 1103-1108.

² А 3 Р, т. III, № 139, с. 280-281

³ А 3 Р, т. III, № 166, с. 315-316.

1577 г. на соборе в Пиотркове католические епископы торжественно протестовали против Варшавской конфедерации 1573 года; они решили, что эта конфедерация составлена вопреки желанию духовного стана и католиков, вопреки желанию короля Генриха, о чем тот и заявлял и частно и публично; она противна законам божеским, противна канонам церковным, общим законам, торжественнейшим образом признанным конституциям предыдущих королей и даже самому разуму. Кто сочувствует пагубному “для покоя и единства христианской веры” постановлению и отстаивает его, того собор лишает благословения и урядов и предает проклятию, а короля просит принять меры, чтобы конфедерация не навлекла бед и несчастий на Речь Посполитую и латинскую церковь.¹ Но горячий и преданный сторонник католицизма и иезуитов Стефан Баторий не видел возможности игнорировать конфедерацию и вынужден был по временам даже вступаться за православных. Руководясь политическими соображениями, он заступался за православное духовенство и ограждал его права от нарушения их католической иерархией и светскими сановниками. Митрополит Онисифор Девочка обратился к нему с жалобой на то, что многие духовные и светские лица (католики), особенно городские урядники и наместники в королевских городах и селах, вмешиваются “в sprawy духовные, ему и духовенству его należачые”, разводят мужей с женами и решают дела, подлежащие суду духовному. Король, по примеру предков своих — королей польских и великих князей Литовских, предписал своей грамотой от 25 февраля 1585 г., чтобы “так духовные, яко и светские римского закону, и теж всякого стану и достоенств люди греческой веры, в доходы церковные и во вси sprawy и суды духовные, митрополиту и духовенству его протопопом należачые, не вступовалися”².

* * *

Правлением Стефана Батория заканчивается первый период в истории правового положения православной церкви в Речи Посполитой. Его можно назвать периодом постепенного усиления православия в юридическом отношении и стремления его к уравниванию с господствующим в Польско-Литовском государстве католицизмом. Начало его относится ко временам Казимира Великого, не сделавшего при присоединении Червонной Руси к Польше никаких ограничений в положении православия. Католичество в лице своей иерархии всегда неодобрительно смотрело на православных и не упускало ни одного удобного случая, чтобы не пытаться загнать схизма-

¹ Źródła Dziejowe, t. IV, p. XXVI-XXVII

² А 3 Р, т III, № 149, с 292-293

тиков в овчарню римского первосвященника. Ягелло (как все новички во всех отношениях) проявляет свою благочестивую ревность к их обращению и старается привлечь к римскому костелу руководителей русского народа — князей, бояр и вообще знать его, для чего и издает (в числе других) акт Городельской унии 1413 года — акт, преграждавший русско-православному боярству доступ к высшим государственным должностям. Но это распоряжение применяется только в пределах Литвы (в тесном смысле) да и то не всегда, в русских же землях, присоединенных к ней, православные пользовались своими давними чисто русскими правами. Дальнейший ход исторических событий был благоприятен для православия в занимающем нас отношении. Польско-литовские правители начинают делать постепенные уступки в пользу знати и шляхты и, постепенно ограничивая прерогативы своей власти, расширяют политические права и преимущества привилегированных классов. Польская шляхта усиливается все больше и больше, получает доступ к обсуждению и решению наиболее важных государственных дел и в начале XVI века становится решающей силой в государстве. Русско-литовская шляхта не отставала от своей польской братии в стремлении к расширению своих прав и усилению своего политического значения. Политическая свобода, по мнению шляхты, требовала и свободы религиозной, а потому православная шляхта требует от королей, или, вернее, великих князей, на вальных Литовских сеймах расширения прав своего вероисповедания и добивается привилегий, ограждающих права и свободу православия и его последователей. Известны привилегии Казимира Ягеллона, Александра и обоих Сигизмундов. Проникший в Польшу гуманизм способствует росту просвещения, а последнее влечет за собой дух религиозной терпимости. Латинское духовенство своим поведением и недостойной жизнью возбуждает всеобщее нерасположение не только к себе, но и к католицизму, которым с успехом воспользовался протестантизм. С первой минуты своего появления в пределах Речи Посполитой он встречает поразительное радушие со стороны польско-литовских панов и с необычайным триумфом обходит все области и земли Польско-Литовского государства. Язвы, нанесенные им католицизму, были до того велики, что на первых порах католики растерялись и до шестидесятих годов не знали, что делать. Нерешительный Сигизмунд Старый издает строгие распоряжения против опасного для латинской церкви гостя, но они остаются без исполнения, а веротерпимый Сигизмунд Август отдает явное предпочтение протестантизму перед папством. При таких обстоятельствах шляхта, считавшая религиозную свободу в числе своих сословных преимуществ, пытается добиться юридического подкрепления того, что она имела фактически, т.е. законного признания свободы совести. В 1563 году на вальном сейме в Вильне православные (а

с ними вместе и протестанты) просят Сигизмунда Августа отменить Городельское постановление и уравнивать в гражданском отношении все вероисповедания. Требование было удовлетворено с обещанием сделать сверх того эту отмену еще и на ближайшем Польско-Литовском сейме. Православные были уравнены в правах с католиками; диссиденты получили то же, что и православные. Но этого королевского признания было недостаточно; его распоряжение могло иметь значение только для литовских и русских земель, но на Польшу не простиралось, а между тем шляхта и здесь добивалась религиозной свободы. Потребность общего юридического подтверждения религиозной свободы для разноверцев сделалась особенно настоятельной с того времени, как, с прибытием в области Речи Посполитой иезуитов, начал возрождаться католицизм и обнаружались подозрительные для разноверцев симптомы католической реакции. Воспользовавшись наступившим в 1572 году бескорольем, диссиденты и православные гарантируют себе гражданские права и свободу религиозных убеждений знаменитой Варшавской конфедерацией 1573 года. Католики, хоть с протестами и проклятиями, соглашались на юридическое признание веротерпимости и свободы совести. С этого времени в королевскую присягу при короновании включается и пункт, подтверждающий эту конфедерацию, и в Польско-Литовском государстве господствует принцип веротерпимости, против которого католический фанатизм начинает ожесточенную борьбу. Разноверцы не желают потерять добытого ими с большими усилиями и энергично отстаивают свои права. Бороться пришлось и русско-православному народу. Эта борьба и составляет отличительную особенность второго периода в истории правового положения православия в Литве и Польше.

ГЛАВА II

Времена Сигизмунда III

Католическая реакция, заметно проявившаяся при Стефане Батории, достигает полного торжества над разномыслием со вступлением на престол Ягеллонов шведского наследственного королевича Сигизмунда III, сына шведского короля Иоанна III Вазы и Екатерины Ягеллонки, сестры Сигизмунда Августа. Кандидатура его была энергично поддерживаема католической партией, руководимой иезуитами и духовенством вообще, так как Сигизмунд был воспитанником иезуитов и отличался горячей преданностью католицизму. Его же кандидатуру поддерживал и великий канцлер коронный Ян Замойский, пользовавшийся в государстве необычайным авторитетом. Выставленный диссидентами в качестве кандидата на польский престол австрийский эрцгерцог Максимилиан принужден был уступить шведскому королевичу: его войско было разбито Замойским, а он сам, взятый в плен, отказался от своих претензий на трон Ягеллонов. Сигизмунд III тогда был признан королем и противившейся ему протестантской партией. Сорокапятилетнее правление этого короля (с 1587 по 1632 г.) было крайне тяжелым и неблагоприятным для православной церкви, как и вообще для некаатолических вероисповеданий Речи Посполитой. Воспитанный иезуитами, Сигизмунд III отличался примерной преданностью им, искренней набожностью и поразительным даже для того времени фанатизмом. Он готов был во всем следовать советам и указаниям своих воспитателей и духовных руководителей, твердо отстаивать интересы католичества и не разбирать средств для подавления разномыслия и усиления дорогого ему латинства. Благо католичества стояло у него на первом плане, и ради него он готов был жертвовать прямыми интересами государства. Наделенный от природы настойчивым характером, проявлявшимся в преследовании личных целей, часто идущих вразрез с государственными интересами, упорством в своих предрассудках, скрытностью и подозрительностью, он, под влиянием своих вдохновителей — иезуитов, еще более развил в себе эти качества и своими действиями, очень хитро скрывааемыми, причинял страшный вред православию и вообще разномыслию. Главная цель его деятельности, к которой направлены были все его помыслы и внимание, — дать торжество католицизму, уничтожить религиозные различия среди своих подданных и ввести в государстве единство веры. Иезуиты, которыми были навеяны королю эти мысли, очень деятельно ему помогали. И высшее, и низшее духовенство своими проповедями возбуждало как в короле, так и в его подданных — католиках ненависть к диссидентам и убеждало к стеснению их религиозной и гражданской свобод. Для привлечения в лоно като-

лической церкви диссидентов и схизматиков король употреблял самые разнообразные средства; в этом отношении политика его была полна лицемерия, лжи и обмана. Разноверцы подвергались всякого рода стеснениям и ограничениям, но последним всегда придавался вид законности. Правительство старалось выставить себя в самом выгодном свете и все жалобы теснимых ухитрялось представлять неосновательными. Все должности, коронные имения, или староства, раздавались не тем, кто оказывался достойным их за свои заслуги, но тем, кто был более ревностным католиком. Разноверцам, по внушению духовенства, закрыт был доступ, несмотря на юридическое равенство с католиками, к сенаторским креслам, дигнитарствам, урядам, староствам и другим должностям. Все они давались католикам, фанатически преданным костелу. Эти должностные лица всегда готовы были поддерживать своих единоверцев даже в самых противозаконных делах, угнетать диссидентов и отказывать им даже в законных требованиях. Во всех правительственных учреждениях, не исключая и судов, возмутительнейшим образом нарушали права разноверцев и лишали последних законной защиты и поддержки. Такими стеснениями имелось в виду побудить диссидентов к принятию католичества. И нужно сказать, что старания фанатического правительства не оставались тщетными. Многие знатные фамилии в правление Сигизмунда III оставили протестантизм и православие и присоединились к костелу (Фирлеи, Сенинские, Зборовские, Мышковские и др.; православные: Тышкевичи, Острожские, Чарторыйские, Сапеги и пр.). Эти отпадения видных представителей разноверия ослабляли протестантов и православных и усиливали католическую сторону. Вместе с усилением католичества рос среди его последователей и дух нетерпимости и фанатизма, отражавшийся неблагоприятно на положении диссидентов и сторонников восточного исповедания. Особенно тяжелым оказалось положение православных. В 15696 году состоялась печальной памяти Брестская церковная уния, усердно поддерживаемая королем и католическим духовенством. Некоторые православные иерархи приняли унию с римско-католической церковью и подчинились папе. Хотя большинство низшего духовенства и почти вся народная масса остались верными православию, Сигизмунд, однако, не постеснялся официально объявить православную церковь только то ничтожное меньшинство русского народа, которое примкнуло к унии, а истинное православие лишить покровительства законов, издревле предоставленных ему прав, древней самостоятельности и совершенно игнорировать его существование. Только упорное сопротивление русско-православной шляхты (дворянства), православных братств и казачества принудили правительство признать юридическое существование православия наряду с унией. Если правительству Сигизмунда III не удалось оконча-

тельно уничтожить православие и подчинить русскую церковь Риму, то оно все-таки сумело нанести ей очень тяжелую рану, растерзав ее на две части и составив из единого и цельного организма ее две церкви: русскую греко-униатскую и русскую восточно-неуниатскую.

Со времени Брестского собора 1596 года юридическое положение православия резко изменяется; его лишают всяких прав, не хотят признавать за ним никакой самостоятельности; ему приходится напрягать все свои силы для того, чтобы доказать свою самобытность, независимость и исконную древность своего существования на территории русских земель, соединенных с Речью Посполитой. Эта упорная борьба, от успеха которой зависел вопрос жизни и смерти, быть или не быть православию, и составляет предмет второго периода в истории правового положения православной церкви в областях Польско-Литовского государства. Но прежде чем перейти к обзору юридических постановлений в правление Сигизмунда III, надо еще остановиться на предшествовавшем его избранию бескорольеве 1586 и 1587 гг. После смерти Стефана Батория (12 декабря 1586 г.) в Польше снова обнаружился антагонизм среди магнатов и шляхты; как и в предыдущие два бескорольевья образовались партии; настроение было крайне тревожное, нужно было опасаться волнений и внутренних раздоров. Во избежание таких опасных и вредных для государства явлений надо было подтвердить предоставленные разноверцам права и прежде всего Варшавскую конфедерацию 1573 года, гарантировавшую религиозную свободу и безопасность для разноверцев. Начали, по обычаю прежних бескорольевий, составляться конфедерации для поддержания порядка и законности в стране на время отсутствия королевской власти. Акт¹ одной из таких конфедераций, именно конфедерации Краковского, Сандомирского и Люблинского воеводств (т.е. Малопольской), занесенный в краковские гродские книги, включен в *Volumina legum*². Начинается он заявлением, что коронные рады духовные и светские вместе с рыцарством (шляхтой) названных трех воеводств, ради сохранения внутреннего, общественного и частного, спокойствия сделали излагаемые ниже постановления. На первом месте стоит подтверждение, по примеру славных предков, Корчинского каптура 1438 г., который был подтвержден и обновлен по смерти Сигизмунда Августа в 1572 году, но с исключением одного артикула (*excepto articulo*), который был отменен последней конфедерацией *inter dissidentes de religione*, подтвержденной присягой королей Генриха и Стефана Батория. Каптур этот, со включением в

¹ Постановлен в день св. апостола и евангелиста Иоанна, т.е. 27 декабря 1586 г., *Volum Legum*, II, 226

² *Volum Legum*, II, 223-226.

него упомянутой конфедерации, сохраняется “всецело в его силе (значении) сообразно с его содержанием (*in robore suo juxta suam continentiam in toto*)”, так как он гарантирует спокойствие и братскую любовь; он приводится буквально, в § 2 Малопольской конфедерации в той редакции, какая была придана ему по смерти Сигизмунда Августа.¹ В одиннадцатом пункте Малопольской конфедерации подтверждается общее спокойствие и братская любовь между шляхтою, и, чтобы не было никаких ссор, недоразумений, позвов и бунтов, но чтобы все “спокойно хвалили Бога”, удерживается и подтверждается всецело и ненарушимо в полной силе и значении (*juxta suam contumaciam in suo plenissimo robore*) Варшавская конфедерация (*konfederacya dissidentes de religione*) 1573 года. Все изложенное в Малопольской конфедерации “как в частях, так и в целом (*tam in parte, quam in toto*)”, все присутствовавшие на съезде названных выше трех воеводств обещают за себя и за своих потомков хранить постоянно “за порукой веры, чести и совести (*sub fide, honore et conscientis*)” своей; против осмелившегося противиться сему решению и нарушать общественный порядок и спокойствие они все заодно восстанут для его ниспровержения (*contra talem omnes consurgemus in ejus destructionem*).² В числе лиц, подписавших эту конфедерацию, был и краковский епископ Петр Мышковский.³ Очевидно, протестанты действовали очень решительно и внушали серьезные опасения, если Малопольский съезд гарантировал свободу вероисповедания для диссидентов. Подобное же подтверждение прав разноверцев и религиозной конфедерации 1573 г. сделано было во имя мира и братской любви и на главном Литовском съезде в Вильне в начале 1587 года. Собравшиеся здесь князья, паны, шляхта и обыватели Великого Княжества Литовского постановили между прочим: “Конфедерацию через короли иж милости паны наши Генрика и Стефана поприсяжоную, которая конфедерация розных о набоженстве, их постерегаючи покою и милости братерское, тогда ее в своей мощи водлуг своее власности во всем zostавуем”⁴.

¹ Volum. Legum, II, 223-224.

² Volum. Legum, II, 226, § 11 et § 14.

³ Николай Зебржидовский, главный староста (*generalis capitaneus*) краковский, подписал ее с оговоркой: “подписываю, насколько она давнему праву как общественному, так и чьемулибо частному не противоречит (*non derogat*) и будет утверждена на конвокации”; с его оговоркой согласился и сандецкий староста Спытек Иордан, некоторые участники съезда только подписали ее, но печатями своими не скрепили, что видно из их приписки. *absque sigillatione*. Volum. Legum, II, 226.

⁴ Ак. Вил. Арх. Ком., т. III, № 165, с. 310.

Примас Станислав Карнковский созвал конвокационный¹ сейм (открылся 1 февраля 1587 года), на нем поднялась сильная буря между католической партией и сторонниками свободы вероисповедания. Католики никак не хотели включить в генеральную конфедерацию пункта о веротерпимости, признанного конфедерациями предыдущих двух бескоролевий. Диссиденты настаивали на подтверждении религиозной конфедерации 1573 г. Папа Сикст V в январе 1587 г., незадолго до конвокационного сейма, убеждал перемышльского епископа Альберта Барановского, бывшего вице-канцлером, употребить все старания к тому, чтобы эта ненавистная для католичества конфедерация была навсегда уничтожена (*in perpetuum aboleri*) и не была включаемая в присяжную формулу нового короля². Епископы с примасом во главе, не надеясь отстоять требования католиков, одни под предлогом действительной, другие же — мнимой болезни, отказались участвовать в сеймовом обсуждении вопроса о веротерпимости. Только львовский архиепископ Соликовский да каменецкий епископ Лаврентий Гослицкий посещали заседания сената. Но католическая оппозиция не остановила деятельности сейма к ограждению веротерпимости, потому что земские послы этому вопросу придавали существенное значение. Конфедерация была составлена (7 марта 1587 года). Девятый параграф ее гласит, что конфедерация *inter dissidentes*

¹ Конвокационным, или конвокацией, назывался сейм, следовавший вскоре за смертью короля, созывался он примасом, а занимался вопросами о мерах охранения внутреннего спокойствия и внешней безопасности Речи Посполитой, а также — о предстоящем избрании нового короля, он всегда носил характер конфедерации, т.е. добровольного соглашения употреблять чрезвычайные средства для блага отечества и решать дела большинством голосов (а не единогласно). Обычное течение дел в это время прекращалось; вместо обычных властей и судов действовали временные, конфедерационные (суды назывались каптуровыми). Постановления конвокационного сейма назывались генеральными конфедерациями. За конвокационным сеймом всегда следовал элекционный, или избирательный, на котором составлялись *pacca conventa* для нового короля и избирался последний; затем следовал сейм коронационный, всегда в Кракове. Эти сеймы происходили во время бескоролевий. Обычно же сеймы созывались королями через каждые два года; они продолжались шесть недель и назывались обычными и шестинедельными. В исключительных случаях король созывал чрезвычайные, экстраординарные сеймы, продолжавшиеся две или три недели. Обычные сеймы можно было сокращать, продолжать и откладывать (лимитовать) с согласия послов. Всякому сейму предшествовали в областях сеймики. Так назывались собрания, по королевскому универсалу, шляхты известной области для выбора сеймовых послов и выработки им инструкций. Послы земские, прежде чем отправиться на сейм, собирались на генеральные сеймики (Малопольские и Русские в Корчине, Великопольские — в Коле, Литовские — в Волковыске и, позже, Слониме), где они договаривались относительно действий своих на сейме. После сейма происходили сеймики реляционные, на которых послы давали отчет избирателям о своей деятельности на сейме; на них же рассматривались и дела, взятые послами до “*braci*” *Kutrzeba St*, *Historya ustroju Polski w zarzysie*, Lwow, 1905, p. 165-169, 170-171, 174-175, Кареев, Исгор очерк Польского сейма, с. 110-113

² Theiner III, № 10, p. 4

de religione, составленная в Варшаве и подтвержденная присягами королей, ради внутреннего мира всецело сохраняется конвокационным сеймом 1587 года. Все потребное с обеих сторон для ее подтверждения и пресечения преступлений против нее (*excessow porpawy*) должно быть сделано коронными станами обоих народов на общем избирательном сейме. Нарушивший ее до избирательного сейма будет судим на том же сейме всеми духовными и светскими чинами или депутатами от них. Ввиду того, что духовные лица уклонились от участия в обсуждении вопроса о конфедерации, они должны, во избежание вреда общему делу, придти к общему соглашению со светскими станами на элекционном сейме, соединиться с ними и потом подать это соглашение будущему королю для подтверждения присягой¹. Теперь главный вопрос заключался в том, согласятся ли епископы скрепить своими подписями и печатями эту конфедерацию, так как без их согласия на это она не могла иметь значения государственного акта. Вопрос этот сильно беспокоил протестантов. Львовский архиепископ Соликовский торжественно заявил в сенат, что он скорее готов лишиться сана и жизни, чем подписать нечестивую конфедерацию; перемышльский епископ сказал, что он не может скрепить своей подписью и печатью ереси и богохульства. Отказывались и другие епископы от такого противного их совести поступка. Протестанты волновались; слышались и в сенате, и в посольской избе очень резкие нападки на католическое духовенство и особенно на иезуитов, которые, по словам познанского воеводы ст. Гурко, только тем и занимаются, что возбуждают католиков против протестантов². Государству грозила опасность внутренних раздоров и кровопролитий. Но каменецкий епископ Гослицкий согласился подписать конфедерацию с замечанием, что делает это “ради блага мира (*propter bonum pacis subscribo*)”³. Волнение на время было успокоено: юридическое положение разноверцев не изменилось к худшему в сравнении с предыдущим. Несмотря на то, что в некоторых воеводствах Варшавскую генеральную конфедерацию 1587 г. опротестовали⁴, она все-таки сохранила за собой силу закона. Сохранение закона о веротерпимости было настолько необходимо, что религиозная конфедерация подтверждалась особыми сеймовыми постановлениями по отдельным воеводствам. Так, сенаторы и шляхта сандомирского воеводства собрались на съезде под Покршывницей и здесь (8 мая 1587 года) имели совещание (*konsultacye*) о делах Речи Посполитой⁵. Так как спокойствие и

¹ Volum legum II, 228, § 9

² Жукович, Сейм борьба.. с 5-8

³ Volum legum II, 233.

⁴ Szujski II, 111.

⁵ Konsultacye эти см Volum leg II, 235-238.

мир не только сами по себе заслуживают одобрения, но еще привлекают и Божие благословение, то съезд этот, имея в виду, что происходит в других государствах из-за религиозных вопросов, и опасаясь, чтобы подобные же бедствия не постигли и Польшу, постановил хранить конфедерацию *in causa religionis*, которая была подтверждена присягой Генриха и Стефана Батория; мало того, — Покршывницкий съезд постановил приложить все старания к тому, чтобы на предстоящем избирательном сейме всеми станами был сохранен на вечные времена этот святой мир цело и ненарушимо¹.

На избирательном сейме дела шли очень бурно вследствие борьбы канцлера Замоиского со сторонниками Зборовских, черного кола с генеральным. Много поднималось вопросов, которые вызывали ожесточенные споры², тянувшиеся без конца. Кончилось тем, что каждая партия провозгласила королем своего кандидата: партия Замоиского (к ней примкнул и князь К.К. Острожский) — Сигизмунда III, а противная — Максимилиана, что повело, как выше сказано, к кровопролитию. Каждая из этих партий издавала свои “рецессы”, в которых извещала шляхту о своих действиях и выставляла законность своих постановлений. Так как восторжествовала партия Сигизмунда III, то в *Volumina legum* был включен рецесс Варшавского избирательного сейма³, где были его сторонники. Хотя сторонники Замоиского и отвергали постановления конвокационного сейма 1587 года, но, при составлении своего рецесса они сделали уступку в пользу их законности и из них присоединили к конфедерации 1573 г. (“к постановлениям 1573 г. перед избранием Генриха”) то, “что нужно и чего требует настоящее время”⁴. И на избирательном сейме католическое духовенство противилось принятию религиозной конфедерации, но она все-таки была включена в Варшавский рецесс 1587 года. Этим рецессом сейм объявляет, что он утверждает во всем конфедерацию *inter dissidentes de religione* и обещает установить на главном съезде в Вислице (который назначался на 5 октября 1587 г.) судебный процесс и экзекуцию против ее нарушителей, служащую обеим сторонам, и выработать исправление правонарушений и корректуру законов, и не только это сделать, но и представить на будущую коронацию, а избранный король должен будет подтвердить присягой все то, что ему будет подано заодно с прочими условиями⁵. Рецесс был подписан тремя ду-

¹ *Volum. legum II*, 235-236.

² Особенно об устранении правонарушений (*exorbitancyi*), об уврачевании ран (*vulnera*) государства и исправлении законов.

³ *Reces Warszawski okolo elekcyi nowey krola iego m Zygmunta Trzeciego, roku P. 1587* — *Volum leg II*, 239-243.

⁴ *Volum. legum II*, 239.

⁵ *Na ktorym to zieżdzie utwierdzaiąc we wszem konfederacyą inter dissidentes de religione, postępek*

ховными лицами: примасом Станиславом Карнковским и двумя бискупами — каменецким, известным уже Лаврентием Гослицким и перемышльским — Альбертом Барановским. Все они оговорились, что признают все содержание рецесса, кроме пункта, гарантирующего свободу вероисповедания — *excerpto articulo confoederationis inter dissidentes de religione*¹. Та же самая конфедерация была еще раз подтверждена коронными сенаторами и шляхтой на съезде в Вислице (смотри. “подтверждение волной элекции короля Сигизмунда III, польского и шведского, постановленное на съезде под Вислицей”)², куда собрались сторонники Замоиского и Сигизмунда III для поддержания избрания последнего. Но Вислицкий съезд не выработал “процесса и экзекуции”, а оставил это коронационному сейму. Таким образом, и третье бескоролье кончилось благополучно для разноверцев Польско-Литовского государства, хотя и не так, как им было желательно. Свободу своего вероисповедания, конфедерацию, утверждающую их гражданские и религиозные права, они отстаивали; но не добились выработки процесса и экзекуции против нарушителей Варшавской конфедерации 1573 г. и вынуждены были согласиться на избрание неугодного им Сигизмунда III, избрание, не обещавшее ничего хорошего для диссидентов, ввиду расположения шведского королевича к иезуитам.

Получив приглашение явиться в Польшу, Сигизмунд III прибыл в начале октября 1587 года на польскую территорию и здесь в Оливском монастыре, близ Гданьска (Данцига), произнес присягу на хранение всех тех условий, которые были выработаны при его избрании. Относительно религиозной конфедерации, служившей яблочком раздора среди польско-литовской шляхты, он ничего не возражал, хотя католическое духовенство тут же, через куявского епископа Иеронима Розражевского, перемышльского — Барановского и познанского — Луку Косцелецкого, представило ему торжественную протестацию³ против внесения пункта о религиозной конфедерации в королевскую присягу, пункта, противного Богу, единству католической веры и церкви, общему миру и спокойствию; в этой протестации духовенство заявило о недействительности, ничтожности королевской присяги

---

prawny u exekwucyą przeciwko gwałtownikom iey namowić utrique parti servientem, u naprawę exorbytancyi, u korekturę praw obiecuiemy u przerzekamy sobie uczynić, u na przyszłą koronacyą przynieść. Co wszystko Krol lego M. obrany poprzysiądz będzie powinien, co między insze kondicycy ma być podano Volum legum II, 242, § 4

¹ Volum legum II, 242-243.

² Volum legum II, 243, § 1

³ Протестацию эту подписали, кроме трех названных епископов, еще два светских сенатора — Николай Дзялынский, воевода Кульмский, и Юрий Мнишек, радомский каштелян, и один земский посол Павел Уханский Жукович, Сейм. борьба. . с 31

в соблюдении конфедерации *inter dissidentes religione* и необязательности для короля исполнения этой противной католикам конфедерации¹. Эта же конфедерация вызвала большую бурю и волнения среди шляхты и во время коронации Сигизмунда III в Кракове (в декабре 1587 года). Собственно затруднение возникало не столько относительно принятия ее, сколько относительно дополнения ее прибавлением замечания о наказании ее нарушителей, о так называемых “процессе и экзекуции”, что, по определению Варшавского рессенса того же 1587 года, надо было сделать на коронационном сейме. Страстные споры не привели ни к чему, процесс и экзекуция против нарушителей религиозной конфедерации не были выработаны по отсутствию согласия между станами; их отложили до следующего сейма². Король утвердил все, что было постановлено относительно свободы совести на сеймах и съездах окончившегося бескорольевья. В формулу присяги, сходную с теми, которые были произнесены Генрихом и Баторием, после пункта о хранении мира и спокойствия между диссидентами (*pacem quoque et tranquillitatem inter dissidentes de religione*) и непроследовании из-за вероисповедных разностей, включено было обещание хранить и исполнять то, “что при его избрании в Варшаве, затем на генеральном Вислицком съезде, а равно и в Кракове на коронационном сейме уже постановлено и что постановится”³. Так как при самом произнесении Сигизмундом III присяги 27 декабря 1587 г. во время акта коронации возник спор из-за религиозной конфедерации (примас Карнковский, шесть епископов и некоторые светские сенаторы и послы опять протестовали против нее и особенно против прибавлений к ней), то, по указанию сената (*ex senatusconsulto*), король присягнул на соблюдение всего, чего от него требовали относительно конфедерации и процесса против ее нарушителей, но будто бы при этом сделал прибавление: “*salvo jure contradicentium*”⁴.

В *Pacta'x conventa'x*⁵, составленных в самый день избрания Сигизмунда III на польский престол (19 августа 1587 г.), содержится обещание сохранять не только (как это делали его предшественники Генрих и Стефан Баторий) конфедерацию *inter dissidentes de religione*, но даже процесс и экзекуцию, служащую для обеих сторон и выработанную против нарушителей конфедерации (*verum etiam processum et exequutionem utriusque parti servientem contra violatores ejus oblatam*); кроме того, король клятвенно обещает приложить старание к тому, чтобы чинами государства как можно ско-

¹ Жукович, Сеймовая борьба, с. 31.

² *Volum. legum II*, 269.

³ *Volum. legum II*, 246.

⁴ *Theimer III*, № 15, р. 12; Жукович, сеймов. борьба, 34-35.

⁵ *Volum. legum II*, 247-249.

рее были установлены этот процесс и экзекуция (§ 14). Это один пункт в пользу разноверцев. Другой, шестнадцатый, вменяет в обязанность новому королю принять, твердо сохранять и исполнять “все законы, вольности, иммунитеты, привилегии, статуты королевства и особенно (*speciatim*) постановленные при коронации Генриха статьи (*articulos*), а также и все, относящееся к исправлению вольностей и законов (*ad correcturam libertatum, jurium pertinentia*), что будет представлено его величеству при коронации”¹. Эти *pacta conventa* были подписаны (на избирательном сейме) шведскими уполномоченными — Эриком Спаром и Эриком Комес и представителями Польши с примасом Карнковским во главе. Примас и два епископа (перемышльский — Альберт Барановский и каменецкий — Лаврентий Гослицкий) подписали их с оговоркой: “*excepta conditione de confederatione*”². Несмотря на эти протестующие подписи духовных представителей католичества, Сигизмунд 28 декабря 1587 года на коронационном сейме подтвердил их своей подписью и печатью с обещанием ненарушимо, *realiter et in effectu* хранить и исполнять все изложенное в них, и, таким образом, *pacta conventa* получили значение общеобязательного государственного закона³. Такое же подтверждение прав и религиозной свободы диссидентов находится и в генеральном подтверждении прав, изданном Сигизмундом III во время коронационного сейма (8 января 1588 года). Остаются в полной силе и действии “все привилегии, пожалования, инскрипции, пожизненные записи (*advitalitates*), свободы, прерогативы и иммунитеты королевства Польского и Великого Княжества Литовского, Руси, Киевской земли, Волыни, Подляшья и прочих им принадлежащих областей (*ac aliarum provinciarum ijs annexarum*), предоставленные им всякими предшествовавшими правителями до соединения их с Польшей, польскими королями — вообще и особенно постановления, сделанные на избирательном сейме 1573 г., на Ендржевском съезде, при короновании Стефана Батория и самого Сигизмунда III”⁴. Сюда же Сигизмунд III включает церковные права и привилегии и конфедерацию о сохранении мира и спокойствия между несогласными в вере (*inter dissidentes de religione*). Все изложенное обещает хранить “неизменно, твердо, ненарушимо и на самом деле (*cum effectu*)”⁵.

Рассмотрение всех тех государственных актов, которые были выработаны и приняты во время третьего бескоролья, — присяги нового короля,

¹ Volum legum II, 248

² Volum. legum II, 248.

³ Volum. legum II, 248-249

⁴ Сигизмунд III короновался 27 декабря 1587 г Volum. legum II, 251

⁵ Volum legum II, 249-250

его *pacta conventa* и генеральной конфирмации прав показывает, что дело религиозной свободы в Польше в это время было поставлено прочно: не только подтверждена Варшавская конфедерация 1573 года, гарантирующая мир и спокойствие для всех религиозных верований, но еще и вменено королю в непрременную обязанность приложить все старания к тому, чтобы как можно скорее были установлены государственными чинами процесс и экзекуция против нарушителей этой конфедерации, т.е. чтобы были выработаны новые формы судопроизводства и приведения в исполнение судебных приговоров по отношению к тем лицам, которые бы вздумали из-за религиозных вопросов нарушать мир и общественное спокойствие. Коронационный сейм должен был обсудить вопрос о процессе и экзекуции и решить его в удовлетворительном для обеих сторон смысле; но этого ему не удалось сделать. Католическая сторона употребила все старания к тому, чтобы затормозить его решение в положительном смысле. Был выработан проект его, но он не понравился некоторым ревнителям католичества, и этот крайне важный для диссидентов и православных вопрос попал в рецесс, т.е. был отложен до следующего сейма. В рецессе коронационного сейма объясняется, почему вопрос о процессе и экзекуции остался нерешенным. Король заявляет, что он два раза (в Оливе и Кракове) присягнул хранить конфедерацию *inter dissidentes* и стоит на том, чтобы против нарушителей религиозного мира был установлен процесс и экзекуция, которые могли бы служить той и другой стороне. Не по вине короля это желание его осталось без удовлетворения. Помехой явилось несогласие людей, которое широко охватило Корону и Великое Княжество Литовское. Ввиду того, что проект решения этого вопроса некоторым не понравился, это дело властью настоящего сейма (*authoritate praesentis conventus*) откладывается до ближайшего следующего сейма. На нем король в силу обязанности своей, налагаемой на него пактами и его присягой, приложит все старания перед чинами государства, чтобы окончательно был решен вопрос о процессе и экзекуции для устранения всяких эксцессов, могущих нарушать мир и спокойствие среди разноверцев; до того же времени король будет строго наказывать за нарушение мира, а на ближайшем будущем сейме он будет решен окончательно, без всякого вреда для той или другой стороны (*finaliter et peremptorie sine praejudicio utriusque partis*)¹. Такой исход дела, близкого сердцу и интересам православных и вообще некатоликов Речи Посполитой, не мог радовать их и должен был наводить их на неутешительные мысли: эта неудача могла внушать им опасения относительно недалекого будущего.

¹ Volum legum II, 269-270

Православие оказалось счастливее протестантских вероисповеданий. Кроме признания за ним прав, общих для всех не католических церквей, оно получило и новые права, уравнивавшие его в известном отношении с католичеством. Здесь разумеется конституция коронационного сейма, обеспечивающая для православной церкви неотчуждаемость ее имений. Церковные имения — это большой вопрос для православных; из-за них православию приходилось переживать много невзгод, которые постепенно, в течение XVI в., ослабляли его и, наконец, довели до унии. Польские короли, как говорилось выше, пользовались так называемым правом подаванья (*ius patronatus*) духовных хлебов, т.е. правом раздачи епископских кафедр, монастырей и церквей. Выше отмечались те злоупотребления правом подаванья, какие позволял себе Сигизмунд Старый; Сигизмунд Август и Стефан Баторий превзошли его в этом отношении. По своему личному усмотрению они раздают хлебы духовные, кому хотят, не обращая никакого внимания на нравственные качества и степень пригодности к духовному сану своих кандидатов, весьма часто даже в виде награды за гражданские и военные заслуги. Так как при кафедрах, церквях и монастырях бывали богатые имения, доставлявшие материальное благосостояние и мирские выгоды владевшим ими лицам, то неудивительно что получения хлебов духовных начинают добиваться весьма многие шляхтичи и выпрашивают у короля, как верховного “подавцы столиц и хлебов духовных”, жалованные грамоты на духовные должности. На архиерейских кафедрах являются такие лица, как Иона Борзобогатый-Красенский или Феодосий Лазовский, ведшие между собой настоящую войну из-за владимирского владычества¹. Властный Стефан Баторий возвел в епископы немало таких лиц, которые, в силу канонических определений, не могли занимать иерархических степеней (напр., митрополит Онисифор Девочка был двоеженец)²; епископские кафедры и архимандрии раздавал ротмистрам в награду за военные подвиги, притом даже не православным. Так, Вознесенский монастырь в городе Минске был (в 1577 г.) отдан землянину Стефану Достоевскому с тем, чтобы он пользовался фольварками, пашнями, грунтами, людьми и всеми доходами монастырскими. Хотя Достоевский оказался “закону не греческого”, но Баторий отобрал у него монастырь только через два года (в 1579 г.)³. Получив в свое распоряжение епархию или монастырь, такие кандидаты священства долгое время оставались в мирском звании и носили только титул нареченных владык или архимандритов и в то же время старались извлечь для себя все

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, №№ 4-6, с. 7-17.

² А. З. Р., т. IV, № 149, с. 206

³ А. З. Р., т. III, № 89, с. 218-219; № 110, с. 240-241.

возможные выгоды от полученных пожалований, нисколько не заботясь о церквях и монастырях, отчего последние приходили в запустение и часто оставались даже без богослужений. Случалось, что церковные имения такого рода владельцами передавались и переуступались другим лицам или незаконно захватывались посторонними и совершенно уходили из ведения церкви. Злоупотребления последнего рода (т.е. захват церковных имений) были так развиты, что от них страдала даже господствующая католическая церковь. Коронационный сейм 1587-1588 годов обратил внимание на это ненормальное явление и оградил церковное имущество от расхищений на будущее время 35-й конституцией, которая озаглавляется: “О церковных имениях (o dobrach kościelnych)”. Содержание ее таково. Ввиду того, что многие церковные имения несправедливо отчуждены от церквей и монастырей, почему последние и не могут надлежаще выполнять своих повинностей, сейм постановляет, чтобы на будущее время не делалось никаких важных отчуждений (*alienacye żadne ważne nie były*), для которых в законах и привилегиях не имеется надлежащих и полезных для этой церкви причин и оснований, написанных и выраженных прямо, точно и несомненно (*probabiliter, specificie et authentice*), которые бы сообразно с законом не нарушали согласия тех, кто в этом заинтересован (*у konsensu, quorum interest, wedle prawa nie przystąpiły*). Если же имения будут отчуждаемы иначе, то их всегда вольно будет на законном основании требовать назад от наследников, для чего и определяется суд в земстве (*forum w ziemstwie*) *ratione bonorum*; но эти владельцы до своей смерти могут пользоваться ими *circa tamen praejudicium ecclesiae et derogationem operum ipsis* по праву принадлежащих (*incumbentium*). “То же надо разуметь и относительно имений греческих владыцтв и монастырей”¹. Значение этой конституции для православных состоит в том, что ею на будущее время ограждалась неприкосновенность церковных имений от самочинных захватов, которые часто практиковались во второй половине XVI столетия.

Из сказанного видно, что юридическое положение православной церкви в начале правления Сигизмунда III было удовлетворительно; сверх того, что предоставлялось вообще разноверцам, ей обещалось еще обеспечение от захватов частными лицами принадлежащих церквам и монастырям имений. Сам король, по-видимому, готов был соблюдать все законы и привилегии, служащие к охране православия. В 1589 году, во время Варшавского сейма, митрополит Онисифор, все епископы, архимандриты, игумены и “все духовные закону греческого” обратились к нему с жалобой на то, что светские власти (воеводы, подскарбии, старосты, державцы и их наместники)

¹ Volum. legum II, 259, § 35.

опустошают и уменьшают церковные имения в то время, как духовные должности, с которыми они соединены, остаются после смерти духовных лиц вакантными. Обычно эти светские должностные лица по смерти митрополита, владыки, архимандрита и вообще духовного владельца захватывали в свои руки “наданья и добра церковные”, монастыри и церкви, “и все skarбы церковные”, и распоряжались ими до замещения по королевскому указу освободившейся вакансии; при этом они, желая извлечь для себя возможно большую выгоду, опустошали эти имения, своими вымогательствами разгоняли церковных крестьян и часто даже истребляли документы (“привилеи, листы и фундуши”), данные владыкам, монастырям и церквям на их имения. Эта жалоба православного духовенства была поддержана сенатом и посольской избой. Тогда король, считая себя “фундатором и наивысшим оборонцою церковей Божих и наданья их” и охранителем духовного сана греческого закона, как и духовенства закона римского, выдал (23 апреля 1589 г.) “мощью сойму теперешнего” и с согласия всех станом, бывших на сейме, православному духовенству грамоту, которой удовлетворялись его жалобы. По смыслу этой грамоты светские чины отнюдь не должны вмешиваться в управление церковными имуществами. Последние, по смерти духовных владельцев, должны поступать в ведение и распоряжение крылошан соборной церкви, ибо они “дедичи добр и имений церковных”¹. Эта мера предохраняла церковные имущества от разорений и истощений. В 1592 году было издано несколько грамот в пользу православных. Одной из них, выданной (2 января 1592 г.) на имя митрополита Михаила Рогозы, король запрещал светским властям и обывателям Великого Княжества Литовского вмешиваться в духовные дела (судить священников в королевских и частных имениях, разводить супругов и т.п.), которые должны быть решаемы митрополитом и епископами (суд над священниками, бракоразводные дела и вообще “справы духовные”)², а другими — подтверждал права наиболее видных братств: Виленского (9 октября 1592 г.), которому разрешалось владеть двумя приобретенными им домами и открыть в них школу и типографию³, Львовского (две грамоты от 15 октября)⁴, или же утверждал православные братства, возникшие в Минске и Бресте⁵. Но все эти грамоты являлись не столько знаками расположения короля к православным и его уважения к правам последних, сколько результатом его политических расчетов. По смыслу речесса коронационного сейма, Сигизмунд III должен был по-

¹ А. З. Р., т. IV, № 14, с. 16-19.

² А. З. Р., т. IV, № 31, с. 41

³ Ак В. А. К., II, №№ 53 и 54, с. 144-153, Жукович, Сейм борьба, 104-105.

⁴ Крыловский, Львов. став. брат., с. 84.

⁵ А. З. Р., т. IV, № 36, с. 53-54; А. Ю. и З. Р., т. I, № 206, с. 243-244.

заботиться на ближайшем сейме об установлении процесса и экзекуции религиозной конфедерации. Вопрос об этом процессе подымался на сеймах 1589, 1590-1591 и 1592 годов, но всегда встречал упорное сопротивление со стороны католической партии. Разноверцы, живо заинтересованные в решении вопроса, на каждом сейме требовали выполнения этого обещания, отчего происходили частые недоразумения, а многие важные дела оставались нерассмотренными. Королю самому нежелательно было решение вопроса об установлении процесса и экзекуции религиозной конфедерации; но в то же время ему хотелось ослабить протестантов отвлечением от них православных, интересы которых переплетались с протестантскими. Уступками православным правительство надеялось расположить их к себе. Немало имело значения и то, что за православных ходатайствовал всегда пользовавшийся большим авторитетом среди шляхты князь К.К. Острожский, а равно и другие влиятельные магнаты, придерживавшиеся православия (например, новгородский воевода Федор Скумин-Тышкевич), которых Сигизмунд не хотел отказами своими настраивать неприязненно против себя; ввиду неприязненного к нему отношения сейма 1592 г. (так называемого инквизиционного), королю совсем нежелательно было усиливать сеймовую оппозицию присоединением к ней такого влиятельного магната, как князь Константин Константинович Острожский. Кроме того, серьезным побуждением к выдаче православным привилегий мог служить в глазах Сигизмунда III и зарождавшийся вопрос о церковной унии, для желательного решения которого необходимо было заручиться расположением православных людей и братств.

Как замечалось выше, католическое польское правительство издавна стремилось к тому, чтобы полонизировать те области Речи Посполитой, где было православное русское население. Самым лучшим средством для этой полонизации являлась католическая религия, распространение которой среди русских желательно было Риму. И католическое духовенство всячески старалось навязать ее русской народности, но труды его в деле насаждения чистого латинства в русских областях не увенчивались желательным успехом. Безуспешными долгое время оставались и попытки (с половины XV ст.) католичества навязать православным Флорентийскую унию. Но когда в Польше начала проявляться, постепенно усиливаясь, католическая реакция, нанеся сильное поражение протестантизму, тогда снова возникает и крепнет в среде католиков мысль о новой унии православной церкви с латинской. По давно принятому в исторической литературе мнению, мысль о ней подана иезуитами. На известного иезуита Петра Скаргу смотрят, как на ее популяризатора. Идею церковной унии он развивает в своем сочинении "O iedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem y o greckim od tey iedności

odstąpieniu”, которое он издал в Вильне (1577 г.), посвятив его князю К.К. - Острожскому¹. Книга эта имела большое распространение и немалый успех², что доказывается тем обстоятельством, что в 1590 г. Скарга вторично издал ее, посвятив на этот раз уже самому королю. Он выставляет на вид пользу унии не только в религиозном отношении, но и в политическом, ибо, благодаря единству религии государство делается сильнее (państwo było by potężniejsze)³; православных убеждает принимать унию с Римом, а католическое духовенство — не щадить усилий, труда и расходов на обращение в унию отщепенцев. Средством для распространения унии должны служить близкие сношения католиков с православными владыками и панами, основание католических школ для русских, издание на русском или польском языке книг, посвященных религиозным вопросам, посылка к наиболее видным представителям православия (do przedniejszych Ruskiego nabożenstwa panow) католических богословов для выяснения “заблуждений и ненадежности” православия⁴. Посвящая второе издание “O iedności kościoła Wożego...” Сигизмунду III, Скарга просит его полюбить унию и “згodu” церковную и в свое время и в своем месте помочь ее осуществлению, ибо на обязанности христианского монарха лежит содействие церковному единству, без которого не только нет спасения, но и политическое единство не может держаться долго⁵.

Благодаря деятельности иезуитов и покровительствовавшему им Сигизмунду III, мысль об унии с Римом начинает распространяться, хотя и очень медленно, среди православных. Печальное положение восточной церкви в Польше и Литве к концу XVI в., появление во главе церковной иерархии лиц, недостойных носить священный сан, разного рода ненормальности религиозно-нравственной жизни православного общества выдвигали на первый план вопрос о церковных реформах, об устранении укоренившихся в русской церкви антиканонических порядков. Иезуиты, пользуясь нестроениями в православной церкви, доказывали, что последние могут быть устранены только при посредстве унии восточной церкви с западной. На мысли об унии, как средстве улучшения печального положения православной церкви, останавливал свое внимание и князь К.К. Острожский, но понимал ее не так, как иезуиты. Но масса народная твердо стояла при православии и была далека, как видно из последующих обстоятельств, от сближения с латинством. Из лиц, искренне преданных делу унии до 1590 г., можно назвать

¹ Рус. Истор. Биб. VII, 223-526; посвящение князю Острожскому кол. 224-231

² Ibid., VII, кол. 529.

³ Ibid., VII, кол. 489-490.

⁴ Рус. Ист. Биб. VII, кол. 498-499.

⁵ Ibid., VII, кол. 527-534

одного только брестского судью Адама (с 1593 г. владыка владимирский и брестский Ипатий) Потей, который, благодаря влиянию иезуитов и луцкого римско-католического епископа Бернарда Мацевского, еще в 1588 году выражал готовность отложиться от константинопольского патриарха. Когда здесь, в пределах Польско-Литовского государства, в 1588 г. находился патриарх Иеремия, Потей предлагал бискупу Мацевскому воспользоваться его пребыванием и выставить католических богословов для диспута с патриархом. Если патриарх будет побежден на диспуте, то это даст основание православным, сочувствующим делу унии, отделиться от восточной церкви, если же он уклонится от диспута, то это подорвет его авторитет в глазах православных и облегчит, разумеется, переход их в унию¹. Диспута между патриархом и католиками не было; но латиняне готовились к церковной унии, и в том же 1588 году вопрос о подчинении православных римскому первосвященнику считался уже стоящим на очереди².

Мысль о церковной унии начинает осуществляться с 1590 г., когда четыре епископа (львовский Гедеон Балабан, луцкий Кирилл Терлецкий, холмский Дионисий Збируйский и пинский Леонтий Пельчицкий) тайно подписали грамоту о своем согласии признать над собой власть римского папы³. Подписанная этими владыками грамота была представлена Сигизмунду III через луцкого епископа Кирилла Терлецкого, которого патриарх Иеремия при своем посещении православных областей Польско-Литовского государства, поставил своим экзархом. В ответной грамоте (от 18 мая 1592 г.) подписавшимся епископам король выражает радость по случаю такого желания их и свою готовность защищать их и все греческое духовенство от патриархов и митрополитов, если бы они за какие-либо проступки этих четырех епископов вздумали произносить клятву и осуждение против них, все это не послужит ко вреду ни самим епископам, ни их духовенству. Своим королевским словом Сигизмунд III обещает не лишать их кафедр и прежних королевских пожалований и, при жизни их, занимаемых ими кафедр никому не давать, какие бы обвинения и приговоры (хотя бы даже и согласные с духовными и светскими законами) не были против них, напротив, будет держать их, как своих верных подданных и богомольцев, до самой их смерти на тех кафедрах, усиливая к ним свою королевскую милость и предоставляя им и тем, кто пристанет "до такой едности и порядку", те же вольности и свободы, какими пользуется латинское духовенство⁴. Дело об

¹ Грушевський, Ист. Укр.-Руси, V, 547.

² Жукович, Сеймов. борьба..., с. 50.

³ Грушевський, Ист. Укр.-Руси, V, 566-67, Жукович, Сеймов. борьба..., 94-96.

⁴ Рус. Ист. Биб. VII, 1133-1136; А. Ю. и З. Р., т. I, № 202, с. 238-239; А. Ю.-З. Рос., ч. I, т. VII, с. 625-26.

унии велось православными епископами тайно и медленно. Гораздо успешнее оно начало идти с того времени, как Ипатий Потей был возведен в сан владимирского и брестского епископа (в начале 1593 года). В 1594 году замыслы епископов стали известны православным. Поднялся всеобщий ропот среди них, на епископов посыпались обвинения и упреки, все православные выражали свое недовольство. Но поддерживаемые королем епископы продолжали свое дело. В 1594 г. к четверем владыкам, выразившим еще в 1590 г. желание принять унию, присоединились еще перемышльский епископ Михаил Копыстенский, брестский — Ипатий Потей и сам митрополит Михаил Рогоза, таким образом, все православные иерархи, кроме полоцкого архиепископа, соглашались изменить своей вере. Все они подтвердили “артикулы”, выработанные летом 1594 г. на съезде в Сокале четырьмя владыками: луцким, перемышльским, львовским и холмским. В этих артикулах указывались те условия, на основании которых владыки-отступники соглашались принять унию. Относительно веры в Сокальских артикулах ничего не говорится; церковно-религиозных вопросов касаются только три артикула. В первом артикуле говорится, чтобы греческое богослужение и обряды в кафедральных церквах и епископиях никем не были нарушаемы “до скончания света”; в третьем — чтобы службы церковные и обряды не изменялись ни духовными, ни светскими лицами и совершались по старому календарю. Артикулом восьмым определялся порядок замещения униатских кафедр: король дает епископскую кафедру, кому хочет, но кандидат, “по обычаю стародавнему”, должен быть посвящаем митрополитом, последнего же, с благословения папы, посвящает собор епископов. В прочих артикулах идет речь об укреплении церковно-иерархической власти митрополита и владык (причем выданные братствам восточными патриархами “листы” должны быть уничтожены), о гарантировании иерархии полной безопасности со стороны константинопольского патриарха, о расширении гражданских прав митрополита и епископов путем предоставления им места на сейме и в сенате, а равно и всего того, чем пользуются епископы-католики¹. Рассматриваемые артикулы были переданы Кириллу Терлецкому для вручения их королю вместе с заявлением епископов о подчинении римскому первосвященнику. Владыки (говорилось в этом заявлении), видя, что патриархи восточные допускают разного рода нестроения и обнаруживают “недбалость о церкви Божии и о законе святом”, позволяют разного рода предосудительные действия и, приезжая на Русь, не хотят вести никаких диспутов с иноверными и давать ответы от св. писания вопрошающим, а вместо того заботятся только о наживе, — видя все это и не желая “в такой

¹ А. З. Р., т IV, № 55, с. 80

нерядности и под таким их пастырством далее тривати”, владыки единогласно решают “до соединения веры приступити” и признать своим пастырем наисвятейшего папу римского. Но при этом они просят короля, чтобы тот своим привилеем обеспечил их, владык, с епископиями, а равно и утвердил навсегда составленные ими артикулы¹. В конце 1594 г. (2 декабря) Терлецкий и Потей от имени всех русских иерархов составили декрет, в котором говорилось о том, что они желают отторгнуться от восточной церкви и подчиниться папе. Переход в унию владыки мотивируют печальным положением восточной церкви, вследствие чего гибнут “души людские”. Так как только единый пастырь церкви папа может устранить то зло, то они будут всячески стараться о том, чтобы “и другую братью нашу духовную и увесь люд посполитый до единости” привести. К декрету сделана приписка, гласящая, что иерархи сохраняют в целости “все церемонии и обряды хвалы Божое и сакраменты святые водлуг звычайу стародавнего церкви восточное, только поправивши некоторых певных артикулов, которые соединению пересказали, абы по старому было, яко за единоцтва бывало”². Под этим декретом подписались все владыки (кроме Львовского и Перемышльского), но подписи эти давались очень медленно³.

В 1595 г. сторонники унии на совещании с представителями латинской церкви выработали особое “соглашение духовенства латинского и русского при посредстве Кирилла Терлецкого, епископа луцкого, с ведома его королевской милости и панов сенаторов”. Это “соглашение” делало большие уступки латинству, чем Сокальские артикулы: среди русских вводится новый календарь, а спорные догматические вопросы представлялись на усмотрение папы. Для придания “соглашению” большей прочности, его решили утвердить властью сейма и внести в конституцию⁴.

Затеи владык получили широкую огласку и вызывали всеобщее негодование. Против них выступает и ревнитель православия престарелый князь К.К. Острожский. В июне 1595 г. он обращается ко всему православному духовенству и мирянам с окружным посланием, где убеждает их твердо стоять в православии и не следовать примеру своих мнимых пастырей — митрополита и епископов, которые “потаемне согласившись с собою окаянии, яко христопродавца Июда з жидовами”, умыслили “в погыбель вринутти” всех христиан русской земли⁵. Но несмотря на общее неудовольство

¹ Ibid, IV, № 55, с. 79.

² А З Р., т IV, № 53, с. 77-78; справ Pelesz, Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche, t I, p. 525

³ Макарий IX, 552.

⁴ Жукович, Сейм. борьба, с 125-126

⁵ А З Р., т IV, № 71, с 100

русских и их протесты против самовольной деятельности владык, король поддерживал замыслы последних и дал им возможность довести свои затеи до конца. 24 сентября 1595 года король издал универсал о соединении православной церкви с римской. В нем он извещает всех своих подданных о том, что “пастыре греческой религии с немалым количеством вверенных им людей приняли унию с католической церковью и подчинились римской столице апостольской”; выражая по этому случаю свою радость и приглашая подданных разделить ее с ним, король находит нужным объявить, что церковную унию митрополит и владыки приняли под условием (принятым королем) сохранения всех старых церемоний и обрядов церковных и что они отправили в Рим епископов владимирского и луцкого с целью просить об этом “отца святого”¹. И действительно, Терлецкий и Потей, как наиболее ревностные сторонники “соединения” церквей, отправились в Рим и там торжественно от имени русских епископов выразили покорность римскому папе. По прибытии Терлецкого и Потей из Рима в октябре 1596 г. состоялся знаменитый Брестский собор, на котором сторонники православия отвергли унию и низложили своих владык-отступников, а последние, заодно с католиками, провозгласили анафему своим противникам. Брестский собор имел решающее значение для правового положения православия. Король, как и следовало ожидать, признал законным постановления сторонников унии на этом соборе, то же, что постановили православные, отверг, как незаконное. В результате вышло нечто странное и непонятное: отступники от православия сделались представителями его, все те права и привилегии, которые даны были издавна православным, перешли в обладание униатов, а православие очутилось вне закона. Польское правительство совершенно игнорировало его и признало его не исконной религией русских земель, но каким-то новшеством. Совершился факт вопиющей несправедливости и возмутительного насилия над религиозными убеждениями русского народа. Понятно, русские не могли мириться с таким явлением. Они вступают в решительную и упорную борьбу с правительством, руководящимся иезуитскими правилами лицемерия и обмана, и добиваются того, что православие получает снова право гражданства, отнятое у него королевскими распоряжениями. В этой борьбе принимают участие все классы и сословия русского народа, начиная от высшей аристократии и оканчивая последним селянином: весь русский народ, для защиты дорогого ему православия, группировался в братства и на борьбу с врагом своей веры нес последнюю лепту. Прежде всего выступает и наиболее активно ведет борьбу шляхта, как наиболее влиятельное и юридически наиболее полноправное сословие.

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, № 114, с. 468-471.

Православная шляхта решила вести борьбу сеймовым порядком; во главе ее стоял доблестный защитник православия князь К.К. Острожский. Еще на Варшавском сейме 1596 г., бывшем до Брестского собора, православные сообща с протестантами добивались успокоения разноверцев, ввиду тех религиозных стеснений, которым подвергались последние, и отдельно — открыли борьбу против церковной унии. Они требовали, чтобы Терлецкий и Потей, которые ввели большие изменения в старожитной греческой религии, вопреки праву, вольностям, привилегиям и Варшавской конфедерации, были низложены, а на их место избраны православные владыки, подчиняющиеся константинопольскому патриарху. Так как король не обращал внимания на настоятельные требования православных, то они в последний день сеймового заседания торжественно заявили королю, сенату и земским послам, что, “не по упрямству и не для ссоры (*nie z urogu a ni z wazni*), а лишь ограждая права и вольности” свои, и они, и посполитые в их имениях не станут слушать таких владык и признавать их за своих духовных, не будут терпеть их в своих имениях и не позволят им простирать туда свою юрисдикцию¹. Ввиду того, что и это заявление не было принято королем, православные послы заносят в гродские книги свои протестации. Князь Острожский занес в Варшавские гродские книги одну протестацию, а князь Юрий Друцкий-Горский, от имени православных земских послов, другую. В обеих протестациях Терлецкий и Потей обвиняются в самовольном принятии унии, в схизме; ввиду этой схизмы православные не желают иметь их своими пастырями. Так как прежние законы, привилегии и особенно конфедерация 1573 года, подтвержденные королевскими присягами, гарантируют им религиозную свободу, то они и не соглашались ни на какие изменения в вере². Кроме приведенных двух протестаций, православными было занесено еще очень много подобных им выражений недовольства против владык-отступников и затеянной ими унии. Автор “Апокрисиса” выражается, что не найдется ни одного воеводства, где бы “восточной церкви сынове” не протестовали против поведения своих архипастырей и не считают возможным привести все те протестации, которые сделаны православными по поводу перехода в унию митрополита и владык³. Но все было напрасно, ибо Сигизмунд III объявлял унию актом свободного соглашения православных и не хотел видеть в ней отступления от “греческой религии”. Покровительственное отношение Сигизмунда III к унии после Брестского собора 1596 г. побудило православную шляхту настойчивее выдвинуть свое требование о

¹ Арх Ю -3 Р., ч. I, т. I, с. 533-34; Рус. Истор. Биб. VII, 1123-1126.

² Арх Ю -3. Р., ч. I, т. I, 534-36; Рус. Истор. Биб. VII, 1123- 1130

³ Рус. Истор. Биб. VII, 1121-1123

низложении владык-униатов и замещении их православными. Перед сеймом 1597 г. (в феврале и марте) на многих литовских сеймиках в инструкцию для послов вставлено было требование о низложении митрополита и владык, принявших унию¹. Протестанты (с виленским воеводой Христофором Радзивиллом во главе) готовы были поддерживать православных, так как в унии видели ограничение свободы совести, и в инструкцию послам включили требования установить процесс и экзекуцию религиозной конфедерации, которые до сего времени еще не были выработаны². Благодаря твердой решимости православной шляхты противодействовать на сейме унии, на главном литовском съезде в Слониме, где обычно объединялись все действия и постановления отдельных сеймиков Великого Княжества Литовского, в общую инструкцию литовским послам, отправляющимся на сейм, был включен пункт о нарушении прав православной веры церковной унией³. Судя по настроению православных и протестантов, приближающийся сейм 1597 г. должен был быть очень оживленным. Так и вышло на самом деле. Князь К.К. Острожский в заседании сената смело говорил, что король нарушает законы и в подтверждение этого указывал на отношение Сигизмунда III к Руси и ее греческой вере, которая, несмотря на утвержденные королевскими присягами законы, “разорвана владыками”⁴. Православные послы после неоднократной попытки поставить на обсуждение свои требования заявили, что они не будут заниматься никакими делами, пока у них не будет своих православных владык. Вместе с протестантами православные обратились к королю с требованием оставить владык при давней русской вере, а тех из них, которые подчинились папе, удалить с кафедр и установить процесс конфедерации, угрожая в противном случае не допустить издания никаких конституций⁵. В ответе короля на такие требования послов заключалось заявление, что уния состоялась по согласию на нее самих же русских, а потому и возбуждать вопрос о ней, как только тормозящий ход сеймовых совещаний, излишне⁶. Не было удовлетворено и требование православных относительно удаления с кафедр владык, принявших унию, на том основании, что оно предложено королю только от части послов, а не от всей посольской избы. Просьбы православных были оставлены без удовлетворения, так как послы-католики не только не поддерживали их, но еще были против них; они находились под влиянием католического

¹ Жукович, Сейм. борьба, 239

² Ibid., 240.

³ Ibid., 243

⁴ Жукович, Сейм. борьба, 260

⁵ Голубев, Материалы № 15, с. 47 (Т К Д А, 1878 г, № 3)

⁶ Голубев, Материалы.. № 15, с 48 (Т К. Д А, 1878 г, № 3)

духовенства и особенно увлекавшего их своим красноречием иезуита Петра Скарги. Угрозы русских послов срывать сеймы не могли быть опасны правительству ввиду того, что политические обстоятельства в первые годы правления Сигизмунда были благоприятны для проведения им своих католических тенденций. Все внимание короля было обращено на юг, где происходили нападения татар, причинявших вред православному населению. Для защиты от этих хищников необходимы были ресурсы, которые могли быть отпущены только сеймом. Вредные последствия срывания сеймов прежде всего неблагоприятно отражались на жителях южных областей, на православных по преимуществу, а не на католиках, почему последние и оставались равнодушными к требованиям своей православной братии и угрозам их не придавали особенного значения.

После неудачи на двух сеймах (1596 и 1597 гг.) православная шляхта решила изменить способ борьбы с унией. Шляхта Волынского воеводства на своих сеймиках (перед сеймом 1598 г.) постановила возбудить судебных процесс против Терлецкого и Потей и привлечь их к сеймовому суду, суду “пред господарем, паны радами и всеми станы, до сойму належачими”. Их обвиняли в том, что 1) они самовольно, без всяких полномочий со стороны православных, явились в Рим и от имени русских признали власть папы, действуя в данном случае против воли константинопольского патриарха; 2) они, не согласившись с представителями восточных патриархов и русских областей, устроили собор вместе с католическим духовенством и на нем предали проклятию тех, которые отвергли схизму и остались верными древним обычаям и стародавним святоотеческим уставам. Своими действиями они нарушили не только правила вселенских соборов и святых отец, но и те права и привилегии, которые издавна предоставлены православной церкви, в том числе и Варшавскую конфедерацию, почему и должны быть лишены сана и соединенных с ним бенефиций¹. Владыкам-отступникам были вручены позывные грамоты, и они должны были явиться на сейм, но на сейме 1598 г. их дело не было рассматриваемо: за недостатком времени его отложили до следующего сейма. Король, властью своей и властью сейма (*vigore conventus*) издал (13 апреля 1598 г.) по окончании сейма универсал, в котором объявлял, что, ввиду обилия дел сейм не мог устранить препирательств и затруднений между православными и униатами и потому, чтобы в отсутствие его (Сигизмунд собирался ехать в Швецию) не возникло смут и волнений, король оставляет все в том же положении, в каком находится теперь, до следующего ближайшего сейма (“до другого сейму близко пришло”), а до того времени обе стороны должны пребывать в мире друг с

¹ А 3 Р, т IV, № 128, с 182-183.

другом, не делая никаких новшеств, не отнимая друг у друга ни церквей, ни имений, ни доходов, не допуская и других каких-либо притеснений. Так как о некоторых имениях возбуждены судебные иски, то король приостанавливает до будущего сейма не только судебные процессы между православными и униатами, но и уже постановленные банниции и экзекуции. Универсал свой король заканчивает предписанием урядам не приводить в исполнение такого рода декретов и обещанием приложить на будущем сейме старание прекратить рознь между православными и униатами. Сделано это было Сигизмундом III ввиду отъезда его в Швецию, где ему нужно было уладить вопрос о престолонаследии¹. Универсал этот замечателен в том отношении, что здесь правительство констатировало тот факт, что далеко не все православные признали унию, напротив, многие отвергли ее (“а другие зась тоеж релiei Греческие приступити до нее не хочут”) и не хотят знать владык-униатов. Православные заставили-таки правительство признать себя отличными от униатов и добились того, что король обещал на следующем сейме приложить старание к водворению мира и устранению розни между православными и униатами². Дело православных с Терлецким и Потеем разбиралось на сейме 1600 г., но решение его было совсем не в пользу православных. Король назначил разбор этого дела в сенате и, как пишет князь К.К. Острожский в своем послании к Львовскому братству (от 17 мая 1600 г.), без допущения к разбору дела православных (“без бытности и ведомости и нас, и послов наших”)³. Вожди унии признали дело их подлежащим не светскому, а духовному суду. В поступке своем они видели только возвращение к тому положению, какое когда-то прежде занимала православная церковь по отношению к папе; они, по их словам, только не пожелали оставаться в отщепенстве и возвратились к единой церкви. Король признал их объяснения удовлетворительными и, так как будто бы обвинители ничего не могли сказать против епископов и даже будто бы не явились⁴, то и признал владык оправданными навсегда (“вольными их вечно... найдуем”). О таком решении дела Сигизмунд III довел до общего сведения своей грамотой (“декретом”) от 16-го марта 1600 года⁵. Таким образом, попытки православной шляхты лишить Терлецкого и Потеев, как нарушителей церковных канонов и гражданских законов, епископского сана остались тщетными. Упомянутой грамотой короля признавалась законность и униатской иерархии, и са-

¹ Арх. Ю.-З Р., ч. I, т. VI, № 89, с. 221-222.

² Ibid, ч. I, т. I, № 89, с. 222.

³ А. З. Р., т. IV, № 152, с. 238

⁴ “Сторона противная поводова, позвавши их о то перед нас на сойм, ничего противного на них не показывает, а ни попирает и овшем тое справы отбегает”

⁵ А. З. Р., т. IV, № 150, с. 236-37

мой унии; всякий протест против нее являлся незаконным возмущением против правомерного порядка вещей.¹

Неблагоприятный для православных исход процесса их с архиереями-отступниками и явное покровительство короля и сената последним несколько не ослабили у православных решимости твердо бороться с унией. Перед каждым новым сеймом они дают своим послам поручения добиваться восстановления поправных прав своей религии. Несколько сеймов прошло без пользы для православия, но в 1607 году усилия борцов православия увенчались желанным успехом. Благодаря настояниям послов русских земель, была составлена конституция, предохраняющая православие от стеснений и подчинения его униатской иерархии. Эта конституция явилась результатом тех настойчивых усилий, какие проявлялись православной шляхтой на сеймах в период времени от 1601 по 1607 год, и тех политических событий, которые принудили фанатически преданное католицизму правительство сделать уступки православным, а потому надо сказать о событиях, предшествовавших сейму 1607 года и повлиявших на его постановление в пользу православных.

Из предыдущего известно, что протестанты очень часто на сеймах действовали заодно с православными: общая опасность со стороны латинства вынуждала их оказывать поддержку друг другу. При Сигизмунде III усиливается сближение между православными и протестантами, ибо его политика оказывалась тяжелой и опасной как для тех, так и для других. Вполне понятно, почему это протестанты оказывали самую энергичную поддержку православным и в борьбе их с унией. Особенно солидарность протестантов с православными обнаружилась на сейме 1597 г., когда волынский посол Гулевич, протестант по вероисповеданию, довольно жестко говорил (*dość aserbe mówić*) королю о сохранении православных при старой вере и низложении владык-униатов². Сознание необходимости совместного действия заставило руководителей протестантизма и православия подумать о более тесном сближении последователей этих вероисповеданий. С этой целью в 1599 г. в Вильне состоялся съезд православной и протестантской шляхты. Сначала думали провести религиозную унию евангелических исповеданий с восточным (сторонником ее был даже князь К.К. Острожский);

---

¹ “Митрополит и... епископове владыкове и все духовные тое святое едности без вшелякого пренагабання, яко власные преложеные пастыри религии Грецкое, тые дигнитарства духовные держати, уживати, рядити и справовати мают, кождый у своих диоцезыях, водлуг давняго звычаю и обрядов церкви святое Грецкое” Вместе с этим декретом восстанавлилось и течение судебных процессов, которые были приостановлены королевским универсалом 13 апреля 1588 г. “до теперешнего только сойму”. А. З. Р., т. IV, № 150, с. 237.

² Голубев, Материалы. . № 15, с. 47.

но когда православное духовенство заявило, что оно не может сделать никаких уступок протестантам в вопросах веры, а равно и вступать с ними в соглашение без ведома и благословения константинопольского патриарха, то дело ограничилось только политическим союзом: православные и протестанты выработали акт конфедерации (18 мая 1599 г.), которая скрепляла бы их союз. В этом акте перечисляются подробно все те несправедливости и притеснения, которым подвергаются православные и протестанты. Хотя издавна предоставленные людям греческой религии фундуши, права и привилегии, равно как и генеральная конфедерация 1573 г., подтвержденная королевскими присягами и конфирмациями прав, и гарантируют религиозную свободу, однако разного рода обиды, притеснения, отягощения и насилия со стороны латинского духовенства и некоторых католиков-мирян по отношению к разноверцам настолько усиливаются, что от них никто не свободен. Церкви, монастыри и зборы отнимаются, опустошаются и разоряются, и это сопровождается грабежом, поруганием святыни, кровопролитием и убийствами; под предлогом декретов духовными лицами католического исповедания православные и протестанты устранены от обладания церквами и зборами и подавания их; во многих местах невозможно отправлять богослужение, молитвенные собрания, погребение и строить церкви и зборы. Священники и пасторы преследуются, подвергаются стеснениям; обидам, изгнанию и лишению имущества, побоям, принуждаются к послушанию владыкам, которые отпали от восточных патриархов и не должны владеть бенефициями, принадлежащими православной церкви. Отступники-владыки владеют этими бенефициями вопреки просьбам, требованиям и протестациям православных, да и нет надежды на то, чтобы в будущем получил их тот, кто не подчинился папе, ибо людям греческой религии, вопреки давнему обычаю, не позволено сноситься с восточными патриархами. В городах чинят насилия над мещанами из-за одной только разницы в вере (в некоторых местах подвергают по иноземному образцу инквизиции) и устраняют их от цехов, ремесел, торговли и даже жительства в городах, ограничивают их положение, лишают права свидетельства на суде и стесняют их при заключении браков. Этот гнет чувствуют и люди шляхетского сословия, не исповедующие латинства, хотя они совершенно равны с католиками, одинаково с ними несут тягости и повинности по отношению к государству. Благодаря интригам римско-католического духовенства, православные и протестанты из-за твердости в своей религии устраняются от чести (*od ozdob*) и хлеба в Речи Посполитой и не имеют такого доступа, как прочие, к сенаторским креслам, к дигнитарствам, урядам, староствам, державам и другим прибыльным функциям, как и вообще государственной службе; в частных своих делах и предприятиях они встречают затруднения и

препятствия, а когда начнут жаловаться на оскорбления, встречают насмешки и презрение, а то и нежелание выслушать их. Не могут они добиться даже обещанного процесса конфедерации, который бы прекратил эти оскорбления и проступки; вместо того они и читают в издаваемых латинским духовенством сочинениях, и слышат на сеймах, сеймиках и в судах все чаще и чаще от католиков-мирян, что конфедерации не признают законом и считают противным своей совести одобрять и исполнять ее. Всем этим нарушаются согласие, любовь, доверие и общественный покой, признанный и поддерживаемый предками; проповедями католического духовенства народ подстрекается к истреблению православия и протестантизма. Ввиду этого разномыслию самим приходится думать как о своих личных делах, так и общем благе и соблюдении права и общественных свобод, и потому они заключают взаимный оборонительный союз для защиты религиозной свободы, своих храмов и духовенства. В случае каких-нибудь обид и несправедливостей со стороны католиков православные и протестанты обязуются энергично поддерживать друг друга (“грек других греков и евангеликов, а евангелик других евангеликов и греков”) и домогаться на сеймах, сеймиках, в общественных учреждениях и особенно у короля, чтобы виновные были наказаны. Где будут отниматься церкви, зборы, движимое и недвижимое церковное имущество, путем ли захвата, или по суду (*bądź gwałtem, bądź sądowym pretekstem*), где под предлогом судебного постановления, противного конфедерации, приступают к экзекуции, туда, по получении известия, как бы для гашения общественного пожара, должен стремиться каждый или посылать кого-либо вместо себя на помощь обиженному. Свободу совести, богослужение и церковные имущества протестанты и православные обязывались защищать, не страшась никаких опасностей и не щадя трудов своих и средств. Чтобы удобнее было сноситься и уведомлять о проступках, сроках экзекуции и съездах, участники Виленского съезда избрали из своей среды генеральных провизоров, или попечителей безопасности церквей и зборов. Всех провизоров было избрано 121; в число их вошло девятнадцать православных лиц, а между ними и князь К.К. Острожский. Акт этой конфедерации заканчивается требованием, чтобы ради взаимной поддержки евангелики обязательно присутствовали на православных церковных соборах, а православная шляхта на протестантских¹. Таким образом, был оформлен многолетний союз православных с протестантами, вызываемый нерасположением католиков к тем и другим. Ввиду быстрого усиления католической реакции, этот союз был крайне необходим для обоих теснимых вероисповеданий.

¹ Коялович, Литовская церковная уния, т. II, СПб, 1861, с. 273-287

Полезьа совместных действий православных и протестантов стала весьма очевидной на сейме 1601 г., когда им удалось заинтересовать своими религиозными делами всю посольскую избу, чему, впрочем, много способствовала опасность для Польши со стороны Швеции. Сейм решил утвердить для ведения войны особый денежный сбор. Тогда православные и протестантские послы, признавая необходимость внешней защиты государства, начали добиваться ограждения внутреннего мира и удовлетворения своих законных требований. Православные возбуждали вопрос об унии и владыках-отступниках, которым покровительствовал король, а протестанты — о религиозной конфедерации. Они представили посольской избе длинный перечень тех обид и несправедливостей, которым подвергаются православные и протестанты (“*urazy Polskie i Ruskie*”). Разноверцы требовали уврачевания “ран” и, для предупреждения их в будущем, установления процесса конфедерации. Своими требованиями и представленными доказательствами православные и протестанты добились того, что посольская изба в полном составе согласилась сделать им некоторые уступки. В выработанном ею проекте конституции давалось обещание на будущем сейме установить процесс конфедерации, состоявшиеся уже банниции и процессы по религиозным делам уничтожить и от имени короля выдать удостоверение, что впредь греческие бенефиции он будет раздавать только людям настоящей (*własnie*) греческой религии. Но сенат и король отвергли проект такой конституции. Тогда протестанты и православные составили от своего имени протестацию и уехали с сейма. От имени православных в этой протестации заявлялось, что они, согласно своим правам, вольностям и конфедерации, не могут и не желают считать владык-отступников своими пастырями и подчиняться им, а от имени всех разноверцев заявлялось, что они не будут подчиняться декретам и процессам, противным Варшавской генеральной конфедерации¹. Таким образом, ни православные, ни протестанты на сейме 1601 г. не получили просимого. Ничего не добились православные и на сейме 1603 года; но своей настойчивостью они добились того, что сейм был сорван, а король вынужден был сделать им уступку: ввиду решительного сопротивления православных, он принужден был изъять Киево-Печерский монастырь из ведения униатского митрополита Потоя (юридически он был подчинен ему еще с 26 сентября 1599 года², но православные не допускали униатов до фактического занятия монастыря, несмотря на неоднократные предписания короля и усилия самого Потоя), и избрание ар-

¹ Жукович, Сеймовая борьба, с 399-407.

² А. З. Р., г. IV, № 143, II, с. 199. Он дан был Потю одновременно с возведением последнего в киевские митрополиты

химандрита в этом монастыре должно было совершаться по старому порядку (его избирали монахи и местная шляхта)¹. На сейме 1603 г. начало уже замечаться со стороны шляхты недовольство политикой Сигизмунда III, его расположением к католическому духовенству и иезуитам. Недовольство выражалось не одними только разноверцами, но и самими католиками; раздавались, между прочим, жалобы и на то, что по духовным делам апелляции направлялись в Рим, и послы требовали учреждения в пределах государства особого трибунала для разбора таких дел. Такое недовольство в связи с ходом военных действий против шведов, привлекавших внимание правительства, могло подавать православным надежду на то, что правительство вынуждено будет скоро удовлетворить их просьбы. С прежней настойчивостью они стоят за свое дело и на сейме 1605 года, где недовольство шляхты внутренней и внешней политикой короля обнаружилось еще больше, чем на предыдущем. Православные требовали себе митрополита и владык, подчиняющихся константинопольскому патриарху². Сначала дело шло довольно благоприятно для православных. Схизматикам, по выражению иезуитского дневника, были сделаны некоторые уступки³, и в проект сеймовых конституций, составленный посольской избой, был включен и проект конституции “о религии греческой”, которой обещалось постепенное восстановление православной иерархии. Содержание проектируемой конституции было таково. В видах успокоения людей греческой религии дается обещание раздавать вакантные духовные должности по закону лицам того же исповедания и начальства (*zwierzchności*) религии греческой так, как обыкновенно давали и предшествующие короли, но подчинившиеся римскому костелу оставляются при своих бенефициях до своей смерти. Всякие банниции и экскоммуникации, определенные из-за этой разницы в религии (*ratione tej differencii in religione*) властью (*moca*) настоящего сейма отменяются со всеми их последствиями, судебные процессы между людьми греческой религии *utrumque* и в Короне, и в Великом Княжестве Литовском прекращаются, а вместе с тем подтверждается, что ни духовные, ни светские лица, помимо их древних канонов, не будут привлекаться к повинности иной духовной власти⁴. Хотя здесь греческая религия не называется прямо не-униатскою, но содержание конституции ясно показывает, что речь

¹ Прежде чем передать Киево-Печерский монастырь в подаване “известных фамилий Русского обряда”, Сигизмунд III сносился с папой и просил его согласия на изъятие монастыря из ведения Потая. Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 5 и № 6 (два бреве Климента VIII).

² Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, 566; Жукович, Сеймовая борьба, с. 452.

³ Грушевський, Истор. Укр. Руси, т. VI, 573.

⁴ Из монографии проф. Соколовского “Przed rokoszem” (Rozprawy wyd. hist. Akad. umiejet., t. XV) — у Жуковича, Сеймовая борьба, с. 458, прим. 957.

идет о православии: люди простого греческого исповедания отличаются от тех, которые подчинились римскому костелу. Но и на сейме 1605 года православным не суждено было добиться желаемого. Король и его партия, видя, что сейм, находившийся под влиянием “трибуна польской шляхты” Замоиского¹, противится их планам и целям, постарались сделать его безрезультатным. Из-за того, что посольская изба не соглашалась обсуждать королевских пропозиций, король не пожелал принять представленных ему послами артикулов, и проект конституции, благоприятствовавший православным, так и остался проектом². Правда, король сделал одну уступку православным относительно Киево-Печерского монастыря: он юридически уступил его православным, предоставил его (жалованной грамотой от 22 февраля 1605 г.) архимандриту Елисею Плетенецкому, за которого ходатайствовал князь К.К. Острожский и его сын Януш, каштелян Краковский³. Этой грамотой *de jure* было подтверждено то, что *de facto* находилось в руках православных. Народная русская святыня теперь освобождалась от притязаний униатского духовенства. Но сделав такую уступку православию, король почти одновременно с этим издал три грамоты на имя Потеля, которыми подтверждались за ним прав, издавна предоставленные православным митрополитам. Во-первых, ему королевским листом от 20 февраля 1605 года подтверждалось право владения теми имениями Киево-Печерского монастыря, которые находились в пределах Великого Княжества Литовского⁴; во-вторых, 22 февраля 1605 г. король подтвердил ему и его преемникам право юрисдикции над всеми церквами и духовенством русским, право, которое было предоставлено киевскому православному митрополиту (и епископам) привилеем Сигизмунда Старого от 2 июля 1511 года⁵; при этом в привилее Сигизмунда III ясно говорилось, что этой юрисдикции Потеля подлежат и православное духовенство: “Мает... отец Ипатей... и по нем вси будущие митрополиты Киевские зверхность, владзу духовную, водлуг того привилею предков наших и сего теперешнего потверженя нашего, над всеми церквями, владыками, архимандритами, игуменами, попами, дяконами и над всем духовенством релее кгрецкое и русское, жадное не выймуючи, во всех нанствах наших, в короне Полской и Великом князстве Литовском”⁶; и в-треть-

¹ Замоиский в это время не ладил с Сигизмундом III.

² Szujski, III, 163

³ А. Ю. и З. Р., т II, № 17, с. 31-32

⁴ А. Ю. и З. Р., т II, № 16, с. 30-31 “Села, до архимандритства Киевского належачие”, в доживотное владение Потеем были предоставлены 26 сентября 1599 г — А. З. Р., т IV, № 143, II, с. 199.

⁵ А. З. Р., т II, № 65, с. 81-82

⁶ Арх. Ю.-З Р., ч I, т VI, № 139, с. 352-357.

их, предоставил Потею в пожизненное владение Лещинский монастырь, который сделался свободным после перемещения Елисея Плетенецкого “на архимандритство Печерское”¹.

В 1606 году начался так называемый рокош (бунт) Зебржидовского, доставивший немало огорчений королю. Бунт этот выродился из того недовольства шляхты против короля, которое замечалось, как сказано выше, еще на сейме 1603 г. В то время как Сигизмунд собрал сейм в Варшаве для обсуждения текущих вопросов, вызванных политическими событиями в Лифляндии (борьба со Швецией) и Московском государстве (там был Лжедмитрий I, с которым королю хотелось заключить оборонительный союз против шведов и татар), недовольная шляхта (сторонники рокоша) устроила свой съезд в Стенжице. Таким образом, возникло два сейма, члены которых переходили с одного на другой. Сеймовые послы были настроены оппозиционно: они представили королю список тех притеснений, какие приходится терпеть шляхте вообще и в религиозном отношении в частности. Посольская изба во всем винила короля, особенно ставила ему в вину то, что “мир между несогласными в вере в разных углах, а особенно в тех, где распространена греческая религия, чем дальше, тем больше бывает нарушаем различными обидами”, и для прекращения этих обид король не предлагает ни малейшей заботы относительно установления процесса и экзекуции². Король ответил послам, что он не знает, в чем православные терпят ущерб, и что он старается, чтобы они, как и прочие подданные, пребывали в мире и согласии. Ответ короля не удовлетворил послов, они продолжали волноваться и деятельно сносятся с Стенжицким съездом, где одобряли их требования и тем оказывали нравственную поддержку. Сейм был сорван. Многие послы непосредственно после закрытия сейма отправились в Стенжицу и примкнули к рокошанам. После Стенжицкого съезда рокошане устроили еще два — под Люблином и в Сандомире, следовавшие почти непосредственно один за другим. Сюда на съезды устремились все недовольные королем и здесь старались, по выражению Бобржинского, “облегчить свои чувства громкими криками”³. Здесь были собраны и сформулированы обвинения против короля. Так как среди рокошан было много не-католиков (особенно протестантов, которые стояли во главе движения), то не был оставлен без внимания и вопрос о религиозных притеснениях, делаемых католической партией православным и диссидентам. Православные не отстаивали от протестантов и добивались улучшения в положении своей веры. Вилен-

¹ А З Р, т IV, № 162, с 248-49.

² Жукович, Сеймов борьба, с 478-79

³ “Очерк истории Польши” II, 157

ское Свято-Духовское братство и православные Перемышльской епархии прислали на Люблинский съезд депутации, которые жаловались на нарушение их древних прав со стороны людей, признавших власть Римского первосвященника, и просили о восстановлении православным их прав и вольностей¹.

Сам владыка перемышльский, оставшийся верным православию Михаил Копыстенский обратился к Люблинскому съезду с особым посланием (от 1 июня 1606 г.), где жалуется на то, что со времени самовольного подчинения Риму Потея и Терлецкого православные испытывают гнет не только в вольностях и маетностях своих, но и в исповедании своей веры; на это они беспрерывно жаловались на сеймиках и всякий раз поручали сеймовым послам просить короля о сохранении свободы православия, но доселе православные не встречали сочувствия и не получили уврачевания своих ран. Положение восточного исповедания делается еще более бедственным, чем прежде, ввиду того, что Потей добился привилея о том, что кто не изъявит покорности латинской церкви, тот не может стать ни владыкой, ни священником. Под влиянием того же Потея перемышльские паны насильно подчиняют священников власти униатского митрополита. Сам Потей запечатывает церкви, запрещает отправлять в них богослужение по древнему чину и чинит много других несправедливостей, от которых перемышльский владыка не находит нигде защиты, почему и просит Люблинский съезд помочь угнетенным людям греческой веры и ходатайствовать перед королем о том, чтобы он и его духовенство со всеми православными были сохранены при своей вере и своих вольностях². Съезд встретил сочувственно депутации православных и их жалобы включил в список прочих несправедливостей для вручения королю. В инструкции послам к королю, отправленным от лица съезда, было сказано между прочим: “В недавние еще времена мы — католики, евангелики, греки — жили в мире и согласии и ни друг друга, ни государственных дел не приводили в замешательство, а теперь препирательства из-за этого стали как бы постоянными”³. На требование съезда Сигизмунд III дал неопределенный и уклончивый ответ, который несколько не успокоил недовольных. 6-го августа под Сандомиром состоялся третий рокошовый съезд. Он был многочисленнее Люблинского. В противовес Сандомирскому съезду король собрал другой под Вислицей, куда прибыло больше всего шляхты из Подолии и Руси. Сначала король попытался убеждением склонить рокошан и приглашал их к себе, но это было

¹ Жукович, Сеймовая борьба , 488-89, прим 1026

² Жукович, Сеймов. борьба , с 489-90

³ Ibid , с 491

напрасно. Они начали составлять артикулы для представления королю. Когда дело дошло до вопроса о религии, между ними возникло несогласие, так как многие католики были недовольны тем, что требовалось подписать Варшавскую конфедерацию 1573 года. Все-таки Сандомирский съезд отнесся сочувственно к разноверцам и в свои, так называемые рокошковые, статьи внес пункты, благоприятствующие диссидентам и православным. Последние, в лице представителей волынской и киевской шляхты, выработали артикулы относительно своей веры, которые, несмотря на протест некоторых католиков, после обсуждения их на съезде, вошли в общий список рокошковых артикулов, отправленных через особое посольство к королю. От лица православных Сандомирский съезд требовал от короля (в виде проекта конституции), 1) чтобы греческая вера, имеющая свои права от давних королей польских и великих князей Литовских и испытавшая вследствие подчинения Риму владык изменения, была возвращена к своему прежнему состоянию и оставлена при всех ее правах; 2) чтобы митрополит и владыки, принявшие унию, были низложены, а привилегии, данные им на бенефиции, были уничтожены; 3) чтобы банниции и все процессы из-за экскоммуникации, на кого бы они ни пали за время развития этого дела (т.е. унии), а равно и изданные вопреки закону из королевской канцелярии листы (грамоты) были навсегда уничтожены; 4) чтобы церковные вакансии и относящиеся к церквям имения были предоставляемы шляхтичам, исповедывающим православие и признающим власть патриарха, местным обывателям, свободно избранным: но при этом записями в евангелиях нельзя доискиваться этих имений и определения их границ; 5) чтобы десятины, коих не знали до унии и из-за которых возникают в последнее время волнения, были отменены; 6) чтобы тяжбы с духовными лицами как католического, так и православного исповедания, затрудняющие шляхту тем, что духовные католики вымогают суда и апелляции у папы, а православные — у патриарха, — чтобы тяжбы такого рода разбирались только в земском или гродском судах, а апелляции по ним направлялись в трибунал, где они должны получать окончательное решение¹. Но выработанные киевской и волынской шляхтой артикулы о греческой вере, хотя и были приняты рокошвым съездом, но в список “рокошковых артикулов”, представленный королю 9 сентября 1606 года, вошли не целиком: пункты 5 и 6 и упоминание о записях на евангелиях не нашли себе места в рокошовой артикуле о греческой вере. Но зато вместо них включены были следующие требования: а) церковные братства греческой религии, признающие власть константинопольского

¹ Арх Ю -З. Р., ч. II, т. I, № 8, с. 68-70. Артикулы эти занесены были в Луцкие гродские книги — *ibid.*, с. 68 и 72.

патриарха, должны быть оставлены вполне и неизменно при своих правах и привилегиях, декреты и процессы, учиненные против них и против их привилегий, должны быть отменены, а отнятые у них церкви, движимые и недвижимые имущества — возвращены; б) вообще имущества владычеств, монастырей и церквей в королевстве и Великом Княжестве Литовском, отнятые у них, должны быть, согласно с их фундациями, возвращены им; если же захватившие их лица не пожелают возвратить, то трибунал должен произвести суд по таким делам, но при этом в трибунале не должны участвовать духовные лица¹. Рокошковые артикулы Сандомирского съезда были отвергнуты королем под тем предлогом, что в них затрагиваются такие вопросы, которые могут быть решены только сеймом. Чтобы успокоить волнения и увеличить свою партию, король решил разъединить рокошан. С этой целью Вислицкий съезд, еще до получения артикулов Сандомирского, постановил свои артикулы, в которых делались уступки в религиозных вопросах только православным, как наиболее умеренным сторонникам рокоша, протестантам же не было сделано никаких уступок. Так как на Вислицком съезде оказывали сильное влияние католическое духовенство и иезуиты, то и уступки православным были далеко не те, что на Сандомирском. Король обещает раздавать духовные должности и церковные имения по древним обычаям, т.е. людям шляхетского сословия, русской народности и греческой веры, не насилуя ничьей совести, не нарушая ничьих прав, не делая препятствий свободному отправлению православного богослужения и доступу православных людей к городским должностям и ремеслам. Предоставлять нескольких бенефиций одному лицу не будет, исключение допускается только для владеющих уже этими бенефициями. Подтверждается, по конституции 1588 года “о церковных имуществах”, право возврата церковных имуществ, отнятых у церквей. Все судебные процессы и банниции из-за греческой религии, каким бы судом они ни были определены против духовных лиц, уничтожаются и отменяются². Вислицкие артикулы были присланы на Сандомирский съезд и здесь прочитаны. Расчеты правительственной партии оправдались. Многие православные из Волынского и Киевского воеводств, не обращая внимания на неопределенность выражений Вислицких артикулов относительно греческой религии (не указывалось зависимости ни от патриарха, ни от папы, почему Вислицкие артикулы могли толковать в свою пользу и православные, и униаты), поверили обещаниям короля и переехали в Вислицу. Число шляхты на Сандомирском съезде спустилось до минимума. Король воспользовался этим и велел своему войску

¹ Жукович, Сеймов борьба. ., с 501-503

² Арх Ю -3 Р, ч II, т. I, 46-66.

разогнать рокошан. Шляхта, разъехавшаяся по домам с Сандомирского съезда еще до рассеяния его вооруженной силой, была недовольна таким действием короля и снова начала волноваться. Назначен был новый съезд всей польской и литовской шляхты в Ендржееве на 28 марта 1607 года. Тогда король решил созвать сейм и разослал шляхте приглашения явиться на сеймики в тот же день, на который был назначен и рокошовый съезд. Православная шляхта решила представить сейму те требования касательно своей веры, какие были выработаны на Сандомирском съезде. По крайней мере, волынская шляхта в инструкцию послам включает целиком те Сандомирские артикулы о греческой религии, которые были занесены в Луцкие городские книги. Шляхта в своей инструкции, составленной на съезде в Луцке 27-го марта 1607 года, писала своим послам, чтобы они, с согласия других послов, начинали дела на сейме с обсуждения Сандомирских артикулов. Но здесь в инструкции, после приведения их целиком, делается некоторое ограничение в пункте о митрополите и владыках, принявших унию. В Сандомирских артикулах настаивалось на низложении подчинившихся папе владык и отнятии у них привилегий на занимаемые ими бенефиции. Волынская же шляхта, ради сохранения общей любви, позволяет своим послам требовать, чтобы нынешние униатские владыки — владимирский (Потей) и Луцкий (Кирилл Терлецкий) оставались при своих титулах и почестях, но не имели никакой власти и начальства над священниками своих епархий (*w diocessiey swey*) в королевских имениях. На место их король должен позволить шляхте вольной элекцией избрать двух владык из людей добрых, шляхтичей оседлых, исповедующих давнюю греческую религию в послушании константинопольского патриарха. Из избранных шляхтой лиц король должен утвердить одного, и тот владыка должен заведовать своей епархией, т.е. принадлежащими этой кафедре церквами и признающими его власть лицами, повинующимися константинопольскому патриарху. Нынешние владыки-униаты могут пользоваться для своего содержания третьей частью своих епархиальных имений до самой смерти, после же их смерти эти имения переходят в заведование православных владык. На будущее время король будет давать владык, по старым правам и порядкам, именно подчиняющихся патриарху, и это должно быть скреплено на сейме конституцией и королевской ассекурацией. Священнику в этих двух епархиях, пожелавшему оставаться униатом, позволено занимать свое место до смерти, после чего церковь обращается в православную, но это послабление простирается только на церкви в королевских имениях, в шляхетских же все предоставляется личному усмотрению каждого владельца (*wolną każdemu dispositią zostawniemy*). Кафедральные церкви Луцкой и Владимирской епархий со всеми их привилегиями, сокровищами (*skarby*) и принадлежностями долж-

ны быть отобраны у владык униатов и переданы новоизбранным православным. Священники при кафедральных церквях не должны называться клирошанами и капитулой, но, по старому, священниками или чернецами; при позвах не должно упоминать о них, но только о митрополите, владыке, архимандрите или игумене; последние также сами, одни, без капитулы, должны вести судебные процессы. При тяжбах из-за имений духовных, даже принадлежащих католическому духовенству, должна быть допускаема десятилетняя давность. При тяжбах из-за имений ссылки на записи на страницах церковных евангелий не могут служить для духовенства основанием его права на титулы и имения; по обычаю общественного (pospolitego) права, в таких случаях ближайший шляхтич должен удостоверить право владения. Из других пунктов этой инструкции еще можно упомянуть о требовании, чтобы все имения церковные, отданные луцким и владимирским владыкам в пожизненное пользование и аренду разным лицам, были немедленно отобраны от последних, и затем, чтобы, для увеличения числа сведущих в православной религии лиц и для подготовки достойных служителей церкви, будущие владыки Луцкий и Владимирский основали семинарии и в них воспитывали не менее двадцати шляхетских детей¹. Подобные требования, по мнению профессора Жуковича, были включены и в инструкции послов Киевского и Брацлавского воеводств. Мнение свое почтенный ученый основывает на том, что жалованная грамота Сигизмунда III (от 18 июня 1607 г.) о неприкосновенности прав и привилегий, издавна дарованных исповедникам греко-восточной православной веры, и прекращении всякого рода нестроений и бедствий православной церкви, выдана по просьбе послов Киевской, Волынской и Брацлавской земель².

Самый факт постановления благоприятной для православия конституции на сейме 1607 года свидетельствует о том, что этого добивалась не одна только волынская шляхта. Варшавский сейм 1607 года происходил одновременно с рокошовым съездом в Ендржееве. Между ними происходили частые сношения, на сейм была прислана депутация рокошан. Ввиду движения шляхты правительство вынуждено было допустить в сеймовых заседаниях рассмотрение не только Вислицких артикулов, но и Сандомирских, хотя о последних сначала оно и слышать не хотело. Правительство вынуждено было сделать уступки шляхте вообще. Уступило оно и православным, в пользу которых действовали и сеймовые послы русских земель, и рокошовый съезд, требовавший в представленных им артикулах, чтобы греческая религия была основательно успокоена, и притом немедленно, без вся-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 8, 67-75.

² А. З. Р., IV, № 171, с. 258-59.

ких откладываний на дальнейшее время. На основании упомянутых Сандомирских и Вислицких артикулов, сейм и составил особую конституцию относительно греческой религии, которой католическое правительство удовлетворяло настоятельные требования православных, хотя самое главное — заявление о восстановлении православной иерархии и на этот раз не было уважено католиками. В этой конституции, первом плоде десятилетней упорной борьбы православных с католичеством и унией, можно отметить следующие пункты, коими имелось ввиду успокоить греческую религию, издавна имеющую свои права. 1) Духовные должности и церковные имущества будут раздаваться не иначе, как согласно с их установлением (*wedle ich fundacyi*) и по древнему обычаю предшествовавших королей, т.е. шляхетским людям русского народа и чисто (*mege*) греческой религии, без всякого ущерба в совести и прав их, без возбранений и препятствий к свободному совершению богослужения, по древним их обрядам. 2) Одному лицу не будет предоставляться двух церковных бенефиций, по митрополии: митрополиту, владычества — владыкам, архимандритства — архимандритам и так далее; это подробнее указано в изданном на сем же сейме привилее. Кто в данное время держит две бенефиции, тот не далее как через год должен оставить одну из них под угрозой пени в тысячу гривен донесшему, о чем суд на сейме *ad instantiam* земских послов. 3) Церковные имущества, отчужденные от церкви, могут возвращать (собственно отыскивать, *dochodzić*), согласно с конституцией 1588 года, которая теперь возобновляется; но владельцы (*dzierzawcy*) Квасова, Тарнков, Яневич, Липлян, Буремча, Водерады, Теремного¹ оставляются при своем праве. 4) Церковные братства греческой религии остаются при своих правах и привилегиях. 5) Записями в евангелиях не будут возвращать себе и поискивать земских шляхетских имений те церкви, которые теперь не владеют ими (*nie maia w tych dobrach possessyі*). 6) Процессы при этом, судебные действия (*postępkі prawne*) и банниции, которые в каком-либо суде пали на духовных лиц, в Короне и Великом Княжестве Литовском, отменяются и привлеченные к суду лица делаются свободными от него².

Упомянутый в рассматриваемой конституции королевский привилей от 18 июня 1607 года был такого содержания: всем сословиям и лицам греческой религии, духовным и светским, разрешалось свободное, невозбранное и спокойное исповедание своей веры и совершение богослужения по стародавним обычаям, порядкам, обрядам и церемониям восточной гре-

¹ Из этих сел Буремча, Квасов, Тарнки, Яневич и Теремное находились в аренде у разных лиц (первые два у польного гетмана Станислава Жолкевского (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 8, с. 74).

² *Volum. legum* II, 438-39, § 28.

ческой церкви; вере греческой обещается сохранение всех ее стародавних порядков; назначение владык, архимандритов, игуменов и других духовных лиц будет совершаться согласно с их правами, привилегиями и вольностями, предоставленными им издавна, и принуждений их к перемене обрядов не будет делаяемо¹. И сеймовая конституция 1607 года, и этот привилей королевский страдали общим недостатком: неопределенностью выражения “греческая религия”. И униаты, и православные признавали себя исповедниками греческой религии; но православные для отличия себя от униатов, подчинявшихся авторитету папы, называли себя повинующимися константинопольскому патриарху. Этот отличительный признак своей греческой религии православные всегда выставляли на вид и когда требовали восстановления православной иерархии, заявляли, что на место владык-отщепенцев должны быть избраны новые “из людей добрых, оседлых шляхтичей, давней греческой религии послушания (*posluszeństwa*) константинопольского патриарха”². Так как в конституции 1607 г. не был указан этот признак греческой религии, то все содержание ее можно было относить и к униатам, что и делал Потей³. И сам король, по-видимому, так же хотел понимать ее. Факт назначения им во время того же сейма (30 мая 1607 года) на Луцкую кафедру, сделавшуюся вакантной по смерти Терлецкого, униата Евстафия Еловича Малинского с предоставлением ему всех относящихся к этой кафедре бенефиций и с подчинением всего духовенства Луцкой епархии⁴, говорит об этом. О таком понимании королем новых уступок православным свидетельствует и то обстоятельство, что он согласился признать Львовским епископом Евстафия Тиссаровского только тогда, когда тот дал тайное обещание принять унию (31 октября 1607 года)⁵. Православные были недовольны исходом сейма и привилеем короля, что и было высказано ими открыто. Волынский посол, князь Андрей Козека, от имени волынской шляхты, внес протестацию во Владимирские гродские книги против “неслушного” окончания сейма, несправедливых постановлений его и против самовольного назначения (“противко неправному отдаю”) королем Малинского на луцкую кафедру⁶. Волынская шляхта, собравшись на реляционном сеймике в августе 1607 г., постановила отправить к королю посольство со спе-

¹ А. З. Р., т. IV, № 171, 258-59; Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, 318-20.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 8, с. 72.

³ Он поспешил открыть в Вильне униатское Троицкое братство для доказательства того, что конституция 1607 года относится к униатам, а не к православным. А. Ю. и З. Р., т. II, №№ 25-26, с. 42-45.

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 143, 368-370.

⁵ Макарий X, 356, Голубев, Петр Могила, т. II, ст. 2-3, прилож. с. 17.

⁶ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 144, с. 370.

циальной целью выразить ему свое недовольство за его действия во время последнего сейма. Послам была дана особая инструкция, в которой заявлялось, что шляхта недовольна королевским привилеем (от 18 июня 1607 г.) относительно греческой религии и просит заменить его другим, сообразно с потребностями, который бы возвращал эту религию к ее давнему состоянию (*do starożytności*) и подчинению восточной церкви, а не к римскому престолу (*nie do stolice Rzymskiej*). Что касается назначения Малинского на Луцкую кафедру, то в инструкции этой говорилось, что он назначен вопреки канонам и давним правам (*nad canony u prawa starodawne*), почему шляхта и просит короля хранить их права (*abyśmy przy prawach naszych zachowani byli*)¹.

Недовольные тем, что король не исполняет определения сейма 1607 г., а равно и поведением Потея по отношению к православным (открытие им униатского братства в Вильне и его процессы с тамошним духовенством), русские восточного исповедания готовились к деятельной защите себя и своей религии на приближающемся сейме 1609 года. Виленское братство отправило от себя депутацию на сейм и убеждало других православных быть настойчивыми в своей защите. Православная шляхта также деятельно готовилась к обороне своей веры. Как она относилась к этому делу, можно видеть из инструкции сеймовым послам от Волынского воеводства. Послам вменяется в обязанность требовать объяснения конституции прошлого сейма “о греческой религии”, так как она, т.е. конституция, не совсем удовлетворяет их. Затем, в той же инструкции делается указание, как бы желательно было для православных объяснять ее. Владык теперь и на последующее время (*na potem*), при предоставлении им церковных имуществ (*daiąc im te dobra*), никоим образом не должно привлекать к послушанию римской церкви. Как вакантное ныне, по смерти Кирилла Терлецкого, Луцкое владычество (очевидно, шляхта не хотела признавать назначения Малинского на него), так впоследствии и всякое другое должны подаваться шляхтичам — обывателям их воеводства, религии греческой, которые соглашаются брать посвящение у православных патриархов восточной церкви и их признавать за пастырей. Владыка, пожелавший подчиниться римскому костелу, может, оставив свою кафедру, лично подчиниться (*z osoby swej telko*), но на его место королем должен быть назначен другой владыка, по правам русским (*wedle praw naszych*). Духовные не должны владеть одновременно двумя бенефициями, а потому и митрополит (Потей) должен отказаться или от митрополии, или от владимирского владычества в течение полугода от из-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 9, 83.

дания конституции наступающего сейма и довольствоваться чем-либо одним, а в противном случае платить штраф в 10 тыс. флоринов; если он не будет повиноваться сеймовой конституции, то его должно привлечь к суду трибунала (*o to forum na tribunale inter causas officii*). Затем, в инструкции следует повторение тех требований, которые находились и в инструкции 1607 года: чтобы не было клирошан или капитулы, чтобы при судебных исках привлекались к суду одни только владыки, архимандриты и игумены, без капитулы, в исках и духовных имениях соблюдалась десятилетняя давность, записи на евангелиях не служили документами на титулы и имения и чтобы митрополит, владыки и киево-печерский архимандрит открывали семинарии для воспитания бедных шляхетских детей. Из других требований касательно церковных дел, упоминаемых в данной инструкции, останавливает на себе внимание требование о взыскании с наследников Луцкого епископа Кирилла Терлецкого растраченного им церковного имущества. Кирилл Терлецкий растратил церковные сокровища (*skarby cerkiewne... zniszczone są przez nieboszczyka Kiryła Terleckiego*), которые состояли из золота, серебра и утвари (*we zlocie, srebrze, apparaciech*), пожертвованных предками волинских обывателей. Шляхта просит короля назначить шесть комиссаров из волинского воеводства — одного сенатора, двух чиновников и трех шляхтичей, которые бы в указанный конституцией день исследовали все дела, возбужденные против наследников Терлецкого кем-либо по этому делу. Наследники этого владыки непременно должны являться, когда потребуют их комиссары, под угрозой штрафа в тысячу марок. Комиссары сами должны наблюдать за исполнением их решений соответствующими властями. Эта инструкция предусматривает случаи принятия православными епископами унии и содержит на этот счет особое требование. Если митрополит, владыка или архимандрит пожелает подчиниться римскому папе (*chciał pod posłuszenstwem Rzymskim być*), но он лишается всякой власти и начальствования над духовными своей епархии в шляхетских имениях и именно над теми, которые не пожелают подчиниться римскому костелу¹.

На самом деле представители православия употребили много усилий, чтобы достигнуть благоприятных для своей веры результатов. На Потея и его сторонников сыпались обвинения в том, что они, вопреки конституции 1607 года, нарушают свободу совести, преследуют и насильно привлекают православных к унии. Православные, по словам униатского источника ("Relacja"), бегали к сенаторам, наполняли всегда посольскую избу и требовали восстановления своих прав.

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 10, с. 90-92

Расположение короля к унии и доводы сторонников ее, что уния принята всем русским народом давно и что именно униатам дарованы были прежними королями те права и привилегии, на которые претендуют их противники, на этот раз оказались напрасными. Король должен был подчиниться требованиям православных. Он несколько раз назначал особые комиссии из сенаторов и земских послов для рассмотрения споров между православными и униатами и для успокоения их, и результатом этих комиссий явилась конституция 1609 года “о греческой религии”. Люди греческой религии (гласит эта конституция) требовали более основательного успокоения своей религии и объяснения постановленного на прошлом сейме артикула об этом, но так как ныне, по случаю скопления дел (*przez nawalność spraw*), нельзя было прийти к этому, то оно откладывается в той же силе до ближайшего следующего сейма. Между тем (*interim*) сейм, сохраняя в целостности конституцию 1607 года, постановляет, чтобы те духовные начальники (*przełożeni duchowni*), которые приняли унию с римским костелом, тем, которые не желают соединяться с ними, и взаимно, с другой стороны, эти, находящимся в унии, никоим образом и ни под каким предлогом (*żadnym sposobem u praetextem*) не причиняли друг другу притеснения и раздражения (*przenagabania*), но оставались в мире на владычествах, при монастырях, церквах и в церковных имениях как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском. Кто после этого совершит что-либо противное сему, тот подвергается штрафу в 10 тыс. злотых, а суд по этому поводу должен быть в трибунале (*o co forum na tribunale*). К этому добавляется, что, если какая-либо сторона со времени минувшего сейма насильем или иным каким-либо образом причинит что-либо другой стороне, то оставляется свободное обращение (*wolne prawem czynienie*) по закону к суду трибунала *compositi iudicii* (к трибунальному смешанному суду)¹. Содержание приведенной конституции показывает, что правительство было серьезно озабочено вопросом об успокоении “людей греческой религии”. Обилие дел на сейме 1609 г. побу-

¹ *Volum legum II, 465, § 14.* В первоначальной (выработанной на сейме) редакции после указания на трибунал, как на инстанцию, где должны решаться тяжбы между православными и униатами, говорилось, что судей-духовных в трибунале не должно быть (*nie wkładaiąc w to sędziów duchownych*), но при печатании сеймовых постановлений 1609 г. конец конституции о греческой религии был изменен; к ней было прибавлено: *tego dokładaiąc, iż ieśliby co która strona gwałtem abo iakimkolwiek sposobem, od seymu przyszłego (вм. przeszłego), drugiey stronie działa, tedy o to wolne prawem czynienie przed trybunałem compositi iudicii zostawuiemy.* См Арх Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 320-321. Что такое изменение действительно было сделано, это доказывается протестацией Потея, которую он поспешил занести (еще до напечатания ее) в Варшавском городе против конституции о греческой религии, в частности против того пункта ее, где говорилось о суде перед полным трибуналом (а не — *compositi iudicii*). Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, 567 Археограф Сбор VI, 93.

дило его отложить это успокоение до следующего сейма. Но все-таки, чтобы не усиливать недовольства среди православных, сейм 1609 года подтверждает конституцию 1607 года и старается водворить мир между враждующими сторонами — православными и униатами, а нарушителя этого мира подвергает штрафу и отдает суду трибунала. Важность и новизна этой конституции для православных заключается, во-первых, в том, что она устанавливает различие между православными и униатами, различие, которого прежде правительство официально не допускало, и тем самым устраняет всякую возможность толковать ее в благоприятном и для униатов смысле. Прежде (в конституции 1607 г.) выражение “греческая религия” понималось слишком широко: под “людьми чисто-греческой религии”¹ униаты могли разуметь (и действительно разумели) и себя. Теперь же такой неточности и широты этого понятия нельзя было допускать, так как “духовные начальники, принявшие унию с римским костелом”, отличаются от нежелающих “соединиться с ними”², т.е. православных. Во-вторых, конституцией 1609 года указывается та судебная инстанция (трибунал), где православные и униаты должны искать справедливости при своих недоразумениях, и то наказание (штраф в 10 тыс. злотых), которое налагалось на нарушителя религиозного мира. До 1609 г. православным трудно было добиться правды в судах: обращение их в трибунал считалось незаконным, а прочие суды, находясь под влиянием фанатической римско-католической администрации, готовой всегда поддерживать унию, решали дела в пользу униатов. Направление судебных процессов по делам религии в трибунал (в так называемое его великое коло или общее собрание трибунала) было благоприятно для православных: оно скорее всего гарантировало им законность и справедливость решения тяжбы, так как члены его, лица светские, попадавшие туда по выбору шляхты, были более независимы от администрации и влияния короля, а потому и могли беспристрастнее и справедливее отнестись к делу в случае жалобы православных, чем члены других судебных учреждений. Так и было в действительности. В 1609 году во время судебных процессов между православным Виленским братством, православным духовенством городов Вильны, Гродно и Новогородка, с одной стороны, и Потеем — с другой, православные, ссылаясь на конституцию 1609 г. (в ее первоначальной, сеймовой редакции), обращались в общее собрание трибунала, и оно выносило благоприятные для православных решения. Потей, наоборот, обращался к отделению трибунала (его малому колу или *judicio composito*), и

¹ Volum. legum II, 438, § 28.

² Volum. legum II, 465, § 14.

последнее разбирало жалобы Потея в отсутствие его светских членов. Решение *judicii compositi* было благоприятно для Потея и унии¹.

Благоприятная для православных конституция 1609 года была негодна Сигизмунду III, ревностному покровителю унии, и его правительству, ибо в ней заключалась уступка православным. Такая уступка сделана была королем отчасти в силу необходимости, отчасти по политическим соображениям и расчетам. Большинство послов на сейме 1609 года оказалось сторонниками рокошовой программы сохранения и умножения шляхетских прав и вольностей в ущерб королевской власти. Программа эта была враждебна иезуитско-католической политике Сигизмунда III, а следовательно, и унии, и потому была полезна для православных. Благодаря именно ей, они встречали сочувствие среди земских послов, оппозиционно настроенных против короля. Внешние политические события также должны были побуждать короля к уступчивости в вопросе о православии. Швеция обнаруживала стремление к наступательным действиям на Польшу. В Московском государстве происходили внутренние смуты (народные движения при Шуйском, Тушинский вор), ослаблявшие его и делавшие его легкой добычей неприятеля. У Сигизмунда являлась мысль воспользоваться этими смутами и подчинить своему влиянию Москву²; но поляки подозревали его в том, что он преследует не государственные, а только династические цели, и потому несочувственно относились к его планам. Для осуществления своих замыслов королю необходимо было расположение православных, особенно восточных областей Речи Посполитой, так как враждебное по отношению к его планам «настроение православного западнорусского дворянства могло испортить дело в самом начале, могло наконец передаться на московскую границу и усилить там и без того сильное нерасположение к католической Польше и ее королю, хорошо известному со стороны своей римско-католической ревности»³. Вообще положение дел было таково, что в интересах короля было употребить все средства к тому, чтобы сейм 1609 г. состоялся (надо было утвердить и поборовый универсал о налогах «на предотвращение разных опасностей и на поддержку Инфлянтской войны»⁴, а неудовлетворение требований со стороны послов легко могло повести к разрыву сейма. Как бы то ни было, король уступил православным, но зато по-иезуитски постарался поправить свою уступку и сделать конституцию о греческой религии более благоприятной для унии. Он решил в печатном

¹ См. «Христ. Чтение» 1901 г., т. ССХII, ч. I, ст. проф. Жуковича «Последняя борьба духовенства митрополичьей епархии с Потеем и унией (1609-1611)».

² Szujski, III, 197.

³ Жукович, Сеймовая борьба..., 574.

⁴ Volum. legum II, 475.

списке постановлений сейма 1609 года изменить конец конституции о греческой религии и формулировать его так, как он читается теперь в *Volumina*'х. Здесь говорится, что сторона, причинившая другой насилие или какой-либо вред, может обращаться не к общему собранию трибунала, состоящему только из светских лиц, но к его смешанному суду (*przed trybunałem compositi iudicii*), состоящему из четырех светских и четырех духовных депутатов, между тем как в сеймовой редакции прямо говорилось, что в трибунале при разборе таких дел не должно быть судей — духовных лиц¹. Духовные (римско-католики) не могли беспристрастно относиться к православному при столкновении их с униатами, и все тяжбы должны кончаться в пользу последних. От этой прибавки конституция теряла многое из своего благоприятного значения для православных. Как только были разосланы по воеводствам и поветам печатные экземпляры конституции 1609 года, православные во многих местах опротестовали эту незаконную прибавку²; хотя они и обнаружили перед всеми беззастенчивость правительства, но дела не поправили.

Несмотря на две благоприятные конституции (1607 и 1609 г.), положение православных было крайне печально. Своих епископов у них не было, им навязывали униатских. В 1610 г. умер перемышльский епископ Михаил Копыстенский, оставшийся верным православию; на его место король назначил униата Афанасия Крупецкого, который насильями принуждал православных (по словам позднейшего писателя униатского Суши, Крупецкий в этой епархии “не нашел ни одного униата”) подчиняться ему и унии³. Местная шляхта Перемышльской земли не хотела признавать Крупецкого владыкой и просила Сигизмунда III освободить ее от него. В 1611 г. она писала королю, что назначенный владыкой пан Крупецкий, до сего времени в земле Перемышльской и вообще во всем Русском воеводстве никому не известный, не перестает наступать и тревожить (без воли и ведома короля, вероятно) перемышльское владычество или скорее совесть обывателей, стародавние обычаи и права; перемышльская шляхта просила короля дать им владыкой человека из ее собственной среды, местного уроженца⁴. Но просьба осталась без удовлетворения. Православные с 1610 г. оставались только при одном владыке — львовском Иеремии Тиссаровском и терпели сильные притеснения и обиды со стороны униатов и покровительствовав-

¹ *Volum. legum* II, 465, § 14; ср. *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. I, т. VII, с. 320-321.

² В Львовском городе Богдан Огинский, подкоморий Трощкий, в Ливском — Федор Обухович, мозырский судья земский, бывшие послами на сейме 1609 года, *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. I, т. VII, с. 568.

³ Макарий X, 396-97.

⁴ Голубев, *Материалы...*, № 26, с. 190-192 (Т. К. Д. Ак., 1878 г., июнь).

ших последним католиков. Монастыри и церкви были отнимаемы у православных, духовные лица привлекаемы к суду и изгоняемы¹. Православные продолжали жаловаться на сеймах, но это мало помогало делу. Так, в 1616 г. Виленское православное братство обращалось на сейм с жалобой на притеснения, которые делает ему униатский митрополит Вельямин Рутский. В жалобе находятся указания на нарушения прав и привилегий православной веры. На эти нарушения жаловались и целые воеводства. Так, в инструкции, которую давала своим послам на сейм 1616 года волынская шляхта, перечисляются следующие насилия и стеснения православных. Возникают великие ненависти, раздоры и препятствия для дела и сеймов (*odia u diffidencie u zatrudnienia seymow u spraw dzieią się*); вследствие религиозного различия, в том числе и для людей греческой религии, подчиняющихся своему патриарху, как и других вероисповеданий, причиняются насилия в церковном богослужении, в удовлетворении религиозных потребностей (*w nabożenstwie na czerkwie u udespektowaniu*) и принуждении священников к непривычному для них повиновению, вопреки недавнему успокоению, изложенному в конституции (*mimą assecuracją świeżą w constitucy opisana*). Вопреки этой конституции, без всякого права, в Коронных и Литовских трибуналах постановляются декреты относительно священников из-за их непослушания (униатам). Делаются нападения на зборы, шляхетские дома и такие места, где разноверцы, обнадеженные (*upewnieni*) законом об общественном спокойствии (намек на религиозную конфедерацию) и присягою королей, совершают свои богослужения. Ввиду этого, волынским послам предписывается требовать у короля, чтобы, согласно с обязанностями, налагаемыми на него актом Люблинской унии (1569 года), они во всех областях были сохранены по подтвержденным присягою законам, привилеям и вольностям и особенно по привилею, данному Волынской земле при заключении Люблинской унии. Владимирское владычество, тоже вопреки закону и привилею, дарованному во время заключения Люблинской унии, дано какому-то Мороховскому, не местному уроженцу, поэтому волынские послы должны торжественно напомнить об этом и просить содействия Коронных и Литовских послов о поддержке их требований о том, чтобы король передал эту кафедру местному волынскому шляхтичу. На предыдущих трибунальских заседаниях на некоторых духовных и светских лиц наложены банниции из-за религиозных верований (*względem religii*), за неоказание повиновения (*non praestite obedientiae*). Послы должны серьезно (*serio*) настаивать на выработке средств успокоения и на уничтожении банниций. Тем же послам предписывается настаивать на том, чтобы архимандритам

¹ Макарий X, 479-83.

Киево-Печерскому и Жидичинскому были возвращены те имения, которые незаконно отняты у них ксендзом Рутским и греком Аркадием.¹ Но все многочисленные жалобы и требования со стороны православных оставались напрасными. Правительство и католическое большинство послов было глухо к заявлениям православных и, наоборот, поддерживало их противников. Сейм 1616 года не сделал никакого постановления относительно православных. Последним больше ничего не оставалось, как вносить свои жалобы и протесты против нарушения их прав на каждом сейме. То же самое Волынское воеводство перед сеймом 1618 года опять включает в инструкцию своих послов пункты о православной вере. Послам предписывается, в дополнение к предыдущей инструкции, требовать, чтобы разноверцы и особенно люди стародавней греческой религии, сообразно с давними своими правами и привилегиями, предоставленными предшествующими королями и утвержденными присягой нынешнего, были сохраняемы (*zachowani*) в покое и чтобы было обращено внимание на насилия (*urazy*) над ними. Так как не желающие принимать унии с римским костелом терпят большие притеснения (*praejudicia*), то послам вменяется в обязанность усердно стараться о том, чтобы противникам унии не делалось никаких угнетений и чтобы все мандаты и процессы, вызванные религиозными вопросами (*in causa religionis otrzymane*), были отменены и уничтожены.² Вероятно, такого же рода жалобы и требования были представлены и другими воеводствами, так как и в других местах были чинимы такие же нарушения прав православной веры. Сейм 1618 года внял настояниям православных и рассматривал их дела, но не пришел ни к какому определенному и новому постановлению. В составленной теперь конституции говорится, что, по причине скопления важных для Речи Посполитой дел, нынешний сейм не мог придти к совершенному успокоению греческой религии; поэтому дело этого успокоения откладывается до ближайшего следующего сейма, а на это время люди греческой религии, духовные и светские, будут хранимы (*zachowuiemy*) в покое при свободном и обычном богослужении, к которому никто не может быть ни принуждаем, ни привлекаем судебными процессами (*prawem*)³. И теперь эта уступка православным сделана была под влиянием переживаемых Польшей внешних событий. На юге грозила опасность со стороны турок и татар. Последние напали на южные области и произвели здесь страшные опустошения, а Турция еще с 1617 г. начала целый ряд неприязненных действий

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, с. 105-106 и 111. Грек Петр Аркудий, капеллан и секретарь Ипатия Потя, получил еще в 1599 г. от короля принадлежащее Жидичинскому монастырю имение Торокани А. З. Р., т. IV, № 141, с. 495-96.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 12, 119-120.

³ Volum legum. III, 158, § 9.

против Польши. На севере шведы начали брать верх над поляками, взяли несколько городов и осадили Ригу¹. На востоке, в пределах Московского государства, находились польские войска под начальством королевича Владислава, который отправился туда за московской короной. Хотя дела его здесь шли хорошо (войска его заняли Дорогобуж, Вязьму и другие города и угрожали самой Москве), но положение его было незавидно: войско, не получая жалованья, волновалось и грозило разойтись. Правительству надо было поддержать Владислава “ради славы и безопасности Речи Посполитой”², а для этого нужны были прежде всего материальные средства. К увеличению затруднительного положения Польского правительства среди послов поднялись сильные волнения из-за раздачи вакантных должностей (канцлера, подканцлера и др.). Послы даже не хотели открывать сейма до того времени, пока не будут розданы вакантные места³. Такие обстоятельства были благоприятны для православия: правительство должно было уступить их требованиям, чтобы отказом не осложнять своего и без того затруднительного положения и устранить одно из лишних поводов к сорванию сейма, что, при переживаемых тогда Польшей обстоятельствах, было весьма нежелательно для правительства.

Католическое правительство Сигизмунда III хотело навязать русскому народу унию с римской церковью не только по религиозным, но и по политическим соображениям. Ею оно хотело установить более тесную связь русского народа с Польшей, приблизить его к полякам, полонизовать его и тем навсегда соединить Русь с Польшей. Для достижения намеченной цели оно не останавливалось ни перед какими средствами. Хитрость, обман, насилия, явные нарушения закона и издавна предоставленных православной вере и ее последователям прав, вместе с материальными выгодами и внешними почестями для принимающих унию, являлись самыми обычными средствами для увеличения числа сторонников унии. Особенно энергичные меры принимались к тому, чтобы лишить православных их руководителей и защитников. Прежде всего уничтожена была высшая иерархия. Митрополит и шесть владык привлечены были к унии; сохранившие верность православию епископы: Гедеон Балабан, львовский, и Михаил Копыстенский, перемышльский, подвергались стеснениям. Гедеон, например, неоднократно был привлекаем Потеем и униатами к суду, а однажды даже подвергнут банниции. Когда эти иерархи скончались (Гедеон Балабан 10 февраля 1607 года, а Михаил Копыстенский в начале 1610 года), правительство

¹ Szuiski III, 209.

² Volum legum. III, 157, § 2

³ Шмитт, II, 201.

старалось навязать православным названных епархий униатских епископов. В назначенном на Львовскую кафедру Иеремии Тиссаровском оно ошиблось: хотя ему и удалось получить от этого кандидата на архиерейскую кафедру обещание принять унию¹, но перед самым посвящением своим он сделал торжественное заявление о своей решимости строго держаться православия². С 1610 года, когда умер Михаил Копыстенский, Иеремия Тиссаровский в течение десяти лет оставался единственным православным архиереем для всех дизунитов Речи Посполитой. Так как высшие слои русского общества, православные магнаты и шляхта, являлись также противниками унии, то правительство старалось и их расположить в свою пользу, чему деятельно помогали иезуиты. К столпу православия и его твердому защитнику князю К.К. Острожскому неоднократно обращались они с убеждениями изменить православию. В 105 году сам папа через особе послание свое пытался склонить его к унии, но все эти попытки были напрасны³. Русско-православная шляхта, именно то поколение ее, при котором была введена церковная уния, оставалась приверженной православию, и только немногие ее представители являлись сторонниками этого религиозного новшества. Более успешны были старания иезуитов и католиков по отношению к молодому поколению русской шляхты, которое попадало в иезуитские школы. Многие из этого поколения оказывались отступниками от отцовской веры и даже своей народности. Католико-униатская партия и польское правительство не оставляли без внимания и православных братств, которые оказывали сильное сопротивление унии. Потей и другие деятели унии вели с ними бесконечные тяжбы, особенно с самым деятельным и полезным для православия Виленским братством, и выпрашивали у короля стеснительные для православных братств и их членов грамоты. Но все труды правительства и сторонников унии не соответствовали тем результатам, которые получались ими. Православные твердо стояли за свою веру и ее права; уния принималась только немногими, в большинстве же русские презирали ее и знать ее не хотели. Православная шляхта, под руководством упомянутого уже князя К.К. Острожского, усердно добивалась на сеймах восстановления поправленных прав православной церкви. Несмотря на все расположение к унии фанатичного короля Сигизмунда III, последний, при всей своей готовности поддерживать всеми правдами и неправдами ее сторонников, вынужден был уступать требованиям православной шляхты и согла-

¹ А. З. Р., т. IV, № 174, с. 261-62; Голубев, Петр Могила, т. II, с. 2-3, прилож., с. 17.

² Макарий X, с. 356-358, Крыловский, Львов. ставр. брат., с. 162; Грушевський, Ист. Украин.-Руси, т. VI, 588-89.

³ Макарий X, 339.

шаться на принятие сеймовых постановлений, благоприятствующих православному. Так были постановлены конституции 1607, 1609 и 1618 годов. Но если король и его иезуитско-католическая партия не могли окончательно подавить православия юридически, то зато фактически они допускали по отношению к нему ужасный произвол и насилия. Монастыри и церкви насильно отнимались у православных и предоставлялись униатам, духовенство православное преследовалось разного рода судебными процессами, крайне разорительными и тяжкими для него, так как исходы их большей частью были неблагоприятны для православного духовенства. Даже привилегированное русское сословие — православная шляхта — подвергалось стеснениям и правонарушениям со стороны католиков, православным же мещанам католики и униаты чинили явные несправедливости и лишали их гражданских прав; им не позволяли быть членами городских магистратов, закрывали доступ в торговые и ремесленные цехи, запрещали принимать участие в общественных делах. О крестьянах и говорить нечего. Помещик (неправославный), бывший в своем имении абсолютным господином, произвольно распоряжался совестью своих подданных; в этом отношении он делал, что хотел, принуждал холопа к униии и, в случае упорства и твердости его в православии, подвергал страшным насилиям и жестокостям.

* * *

К началу двадцатых годов XVII в. к прежним защитникам православия присоединяется еще новый. Это — казачество, которое со времени гетмана Петра Конашевича Сагайдачного берет православие под свое покровительство. К этому времени значение казачества, благодаря стараниям упомянутого гетмана, настолько усиливается, что правительству под влиянием тяжелых политических событий приходится не просто считаться с казаками, как это было в конце XVI и первых годах XVII столетий, но и делать им серьезные уступки. В критические для государства минуты правительство обращается к казачеству и просит его содействия. Особенная нужда в казаках ощутилась в 1618 году, когда войско Владислава, бывшее с ним в Московском государстве, отказывалось продолжать войну, ввиду того, что вследствие недостатка государственных средств ему долгое время не платили жалованья. Большинство этого войска составило конфедерацию и ушло в пределы Польши объедать коронные и церковные имения, чтобы тем скорее понудить правительство к уплате жалованья; при Владиславе осталось всего лишь тысячи три. Тогда Сигизмунд обратился к Сагайдачному с просьбой помочь королевичу, и тот явился к нему с 20 тысячами

казаков¹ и принудил московское правительство заключить Деулинское перемирие. Заслуги (*działa... rzycerskie i sprawy woienne*) гетмана Сагайдачного и бывшего с ним запорожского войска перед королем и сыном его Владиславом были удостоверены особым универсалом (*listem*) Сигизмунда III (от 23 июля 1619 года) на имя Сагайдачного². Еще необходимее оказалась помощь казаков для польского правительства в 1620 и 1621 годах, во время грозного нашествия на Польшу турецких полчищ. Казаки принимали участие в битве под Цецорой (1620 г.), когда польские войска были рассеяны, и под Хотинном (1621 г.), где играли очень видную роль и оказали весьма важную услугу Речи Посполитой. В 1621 году положение Польши было чрезвычайно критическим. Сам турецкий султан Осман I с двухсоттысячной армией двигался к южным ее границам (к Каменцу). Кроме того, султан вступил в сношения с Москвой и убеждал ее напасть одновременно с турками на Польшу. С севера шли тревожные слухи о готовящемся нападении на Польшу шведского короля Густава Адольфа³. Грозным турецким полчищам польское правительство могло противопоставить только 32 тысячи. Сагайдачный, внимая просьбам правительства, выставил сорок тысяч своих казаков. Услуги их здесь оказались незаменимыми. Карл Ходкевич и Сагайдачный под Хотинном выдержали страшный натиск турецкого войска и не позволили ему вторгнуться в пределы Польско-Литовского государства. Последствия этой стойкости казаков были очень важны для Польши: турки заключили перемирие, и русские области были избавлены от угрожавшего им нашествия врагов креста Христова. Сознывая все значение казачества для Польши в критические минуты ее существования и видя притеснения, чинимые католическим правительством православной вере, Сагайдачный решил оказывать услуги полякам небескорыстно: он всегда требовал от правительства уступок русскому народу и православию. Правительство вступило с ним в договор. Так было в 1618 и 1621 годах. Пользуясь необычайным влиянием среди казаков и русского народа как герой блестящих походов в Крым и на турецкие побережья Черного моря, где он освободил многих пленников-христиан из турецкой неволи, он действовал в южной Руси очень свободно и решительно. Все свое значение Сагайдачный направил на благо своей родной народности и православной церкви. Конституция 1607 года содержала в себе обещание дать православным своих собственных (не-униатов) владык. Но король не спешил с назначением высшей православной иерархии, а наоборот, всячески поддерживал униа-

¹ Соловьев, кн. II, 1142-1143; Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, LXXXII-LXXXIII и LXXXV.

² "Киев. Стар.", 1902 г., ноябрь, отд. II, с. 75.

³ Христ. Чтен., 1906 г., август, с. 191 (стат. проф. Жуковича).

тов. После Московского похода в 1619 г. Сагайдачный обратился к королю с просьбой о восстановлении прав русско-православной церкви и о даровании ей высшей иерархии. Просьба гетмана не была уважена. Тогда гетман решил добиться этого и без королевского согласия¹. Обстоятельства складывались очень благоприятно для замыслов Сагайдачного, а вместе с тем и православных. Весною 1620 года (22 марта) прибыл в Киев из Москвы иерусалимский патриарх Феофан, приехавший в Россию для поставления в патриархи Филарета Никитича и для сбора пожертвований. На московской границе его встретили запорожские казаки с гетманом Сагайдачным во главе и проводили в Киев, где его принимали весьма радушно и оказывали особые знаки внимания. Православные вообще и Сагайдачный в частности просили патриарха, чтобы он поставил для них митрополита и епископов. Патриарх, заручившись обещанием гетмана и казаков защищать его от польского правительства, рукоположил избранных православными кандидатами и, таким образом, восстановил давно уже несуществовавшую высшую православную иерархию юго-западной церкви. Православные торжествовали. Но еще недостаточно было поставить православных иерархов, надо было добиться того, чтобы и польское правительство признало их законными пастырями. Сагайдачный решил добиться и этого и воспользовался первым удобным случаем просить короля об утверждении новых православных владык. В 1621 г. уstraшенное турками польское правительство обращается, как уже замечено, к казакам с просьбой помочь ему в войне со страшным врагом. Казаки согласились принять деятельное участие в войне, но за свою услугу требовали признания законности восстановленной православной иерархии. Казаки отправили к Сигизмунду III посольство, в состав которого входили рукоположенный патриархом Феофаном на владимирско-брестскую кафедру Иосиф Курцевич, Сагайдачный² и еще два казака. Король принял казацкое посольство в Варшаве 20 июля 1621 г. Во время аудиенции православные жаловались на переносимые ими притеснения, просили об успокоении веры и утверждении жалованными грамотами восстановленной Феофаном иерархии и обещали королю свои услуги, если он исполнит их просьбы³. Сигизмунд III обещал исполнить то, о чем его просило посольство от казаков, но потом, когда миновала гроза, король, вдохновляемый иезуитами, не думал исполнять своего обещания⁴.

¹ Чистович, II, 23.

² В 1621 г. гетманом казацким был Яков Неродич Бородавка; в конце августа он был низложен, а на его место избран снова Сагайдачный. Христ. Чтен., 1906 г., сентябрь, с. 347 (статья проф. Жуковича).

³ Христ. Чтен., 1906 г., август, с. 208-210 (статья проф. Жуковича).

⁴ Relacye pyncyuszow... II, прим. на стран. 124-125.

Выступление казаков на защиту православия имело чрезвычайно важное значение для последнего. Ряды защитников греко-восточного исповедания в первое десятилетие XVII в. значительно поредели. Сошел в могилу (18-го февраля 1608 года) неутомимый и влиятельный защитник православия, князь Константин Константинович Острожский; еще раньше (в конце 1603 г.) скончался сын его Александр, воевода волынский, в котором православные видели заместителя его славного отца в деле защиты своей веры.¹ Поумирали и другие представители старого поколения русского магнатства и шляхты, стоявшие за старожитную греческую религию, новое же поколение привилегированного класса под влиянием политики Сигизмунда III не давало служебного движения православным, с одной стороны, и усиливающегося влияния руководителей католической реакции иезуитов, с другой, переходило в латинство, совершенно подчинялось польской культуре, утрачивало интерес и привязанность к своей народности и порывало с ней всякую связь². В 1610 г. Мелетий Смотрицкий в своем знаменитом сочинении “Фринос” приводит длинный ряд магнатских и шляхетских фамилий, которые отступили от православия и своей народности³. Уменьшение православной шляхты ослабляло значение и православных братств, потому что пополнявшие их мещане, лишившись своих покровителей и сочленов привилегированного состояния, “оказывались бессильны в обороне православной церкви и национальных интересов против союза правительства с католическим обществом и ренегатами” отечественной веры и народности⁴. Так как заодно с православной шляхтой сокращалось и число союзной ей протестантской, то православным, ввиду усиления католического фанатизма и нетерпимости в польском обществе, становилось затруднительным отстаивать на сеймах свои права: несмотря на усиливающийся гнет над православием со стороны униатов, приверженцы греко-восточного обряда не получали удовлетворения своих требований от 1609 г. до 1618 г. Только выступление казачества давало им серьезную поддержку и вынуждало польское правительство Сигизмунда III делать уступки презираемым им схизматикам.

До 1610 г. казачество не вмешивалось в церковные дела; но в этом году, когда в Вильне, Гродно и других местах Польско-Литовского государства торжествуют униаты, а Потей думал было подчинить своему влиянию и

¹ “Вси бо (говорится в предисловии к изданному в Дерманском монастыре в 1604 г. Октоиху) бяху чающе помощь тем (т. е. князем Александром Константиновичем) получитьи в бедах и гонениях, одержавших Христову церковь”. Голубев, Материалы..., с. 182, примеч. к № 24.

² Грушевський М., Ист. Укр.-Руси, т. VI, 591-593.

³ Макарий X, 408-409; Грушевський М., Ист. Укр.-Руси, т. VI, 598.

⁴ Грушевський М., Очерк ист укр народа, с. 213 (2-е изд.).

Киев с его монастырями и духовенством, казачество дает отпор унии в южных областях Польши и открыто выступает на защиту гонимого православия. В начале 1610 г. киевский наместник Потея Выдубицкий игумен Антоний Грекович вздумал было принуждать городских священников к подчинению (“в моц и владзу”) униатскому митрополиту и к признанию ими его “за протопопу” и не позволил отправлять богослужения в Софийском соборе. Ввиду того, что православные священники не хотели подчиняться ему, Антоний Грекович занес в Киевский грод протестацию, где заявлял, что киевские священники замышляют бунт и возмущают против него казаков, в том числе некоего Петра, который перехватывал идущих в Софийский собор, а самого Грековича поносил неприличными словами и производил против него угрозы¹. Население Киева в этих действиях Грековича усмотрело стеснение православия. Войт и бургомистры Киева вместе с духовенством препятствуют Грековичу “в церкви светое Софии службу Божию” отправлять, грозят ему смертью и обращаются за помощью “до козаков запорожских”². Последние не остаются равнодушными к своим единоверцам. “Словетный” Григорий Середа с другими своими товарищами, запорожскими казаками, заносит 20 марта 1610 года в Киевские гродские книги репротестацию против упомянутой выше протестации Антония Грековича. В ней от имени всех казаков, находившихся вместе с Сигизмундом в пределах Московского государства, заявлялось, что они, по примеру князей, панов, рыцарства и шляхты Киевской земли, будут непоколебимо стоять за свою православную старожитную религию и православное духовенство; на притеснителей православия они восстанут все, а о случившемся в Киеве донесут всему запорожскому войску³. 29 мая 1610 г. гетман всего запорожского войска Григорий Тискиневич обратился к Киевскому подвоеводе Михаилу Холоневскому с особым посланием, в котором от имени всего запорожского войска просил его обуздать Грековича; в противном случае (писал Тискиневич) казаки всячески будут противиться этому; за церковь свою восточную и за веру греческую они готовы головы свои положить. Если Грекович не оставит своего намерения и по-прежнему будет препятствовать “собору в церкви Божой у светое Софии збирать и монораций ведле стародавнего звичаю справовати”, то казаки решили “як пса убити” его и рыцарским словом обещались защищать того, кто убьет Грековича⁴. Такое решительное заявление казаков, с которыми польское правительство не

¹ А. Ю. и З. Р., т. II, № 37, с. 60-61, Христ. чтен. 1903 г., № 4, с. 592 (стат. проф. Жуковича).

² А. Ю. и З. Р., т. II, № 41, с. 65-66.

³ Ibid., т. II, № 36, с. 58-59.

⁴ А. Ю. и З. Р., т. II, № 41, с. 66.

могло справиться, помешало Потею подчинить себе киевское духовенство; последнее оставалось верным православию. В 1612 г. после пасхи (“по величедни”) в Киев прибыл болгарский Софийский митрополит Неофит. Киево-Печерский архимандрит Елисей Плетенецкий, монахи, духовенство и миряне — вообще все православные с радостью приняли заезжего митрополита, который совершал богослужение, рукополагал священников и диаконов и освящал церкви. И прием, оказанный чужеземцу православными, и действия последнего вызвали неудовольствие со стороны Потея, считавшего себя киевским митрополитом. Он занес во Владимирский грод протестацию против действий православных; в ней он заявляет, что его наместник в Киеве ничего не предпринимал против митрополита Неофита и православных, ввиду угроз разного рода как со стороны духовных, так и светских лиц, в особенности казаков¹. Те же самые казаки оказывали самую деятельную поддержку архимандриту Елисею Плетенецкому и в его борьбе с преемником Потея по митрополии Вельямином Рутским из-за принадлежащих Киево-Печерскому монастырю имений. В январе 1614 г. Елисей Плетенецкий с помощью своих слуг и бояр, а больше всего украинских казаков, отнял у митрополита Рутского принадлежавшие ему в пределах Великого Княжества Литовского имения. В своей жалобе в главный литовский трибунал Рутский писал, что Плетенецкий захватил не только те имения, которые раньше принадлежали Киево-Печерскому монастырю, а потом были отобраны Сигизмундом III и отданы униатским митрополитам, но и те имения, которые никогда не принадлежали Киево-Печерскому монастырю. При этом захвате казаки “более всего” помогли Плетенецкому². Так как униаты не переставали теснить православных в Киеве, то казаки начинают чинить насилия по отношению к униатам. 23 февраля 1618 г. ночью явились в Выдубицкий монастырь несколько десятков казаков “невесь откуда”, окружили дом Антония Грековича, “поймали и как какого-нибудь негодяя схватили, связали и бросили в прорубь в Днепр и утопили”, а вещи, домашнюю рухлядь, одежду, деньги и все состояние Грековича разграбили. В ответ на такое своеволие казаков митрополит Рутский заносит жалобу в главный Люблинский трибунал на киевское духовенство греческой религии и всех киевских мещан, обвиняя их в том, что они издавна противятся “верховой власти митрополитов своих, а особенно прежде блаженной памяти покойнику отцу Игнатию Поцею”; противятся и ему, Рутскому, “похваляясь на его здоровье и понося его безстыдно, неприлично и позорно меж своими и

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 161, с. 411-13.

² Арх. зап.-рус. униат. митр., № 362, л. л. 1-12 у проф. Жуковича (Христ. Чтен., 1903 г., № 11, с. 634-35 и 637 и № 4, с. 594).

меж людьми публично”; они вооружают казацкую вольницу против него, его священников, урядников и слуг¹. Тон жалобы Рутского свидетельствует о его крайнем раздражении против православных; да и было у него основание раздражаться: в то время как везде в пределах Польско-Литовского государства он торжествовал над православными, в Киеве оказывались напрасными все его попытки навязать свою власть последним. Православные и слышать не хотели о повиновении униатскому митрополиту; они спешили поставить ненавистной для них унии возможно больше препятствий: основали в Киеве свое Богоявленское братство (около 1615 года) и при нем “школу детям так шляхетским, яко и местским”². Все это делается при содействии и покровительстве всего казачества³. Стоявший во главе всего казачества Петр Сагайдачный старается сделать его представителем интересов всего русского народа и защитником православия; он “понял (говорит в.Б. Антонович), что вера для народа дороже других нравственных побуждений, и потому решился приобщить неразлучно религиозный вопрос к казацкому делу и, таким образом, сделать из казаков передовых людей всего народа, отстаивающих его важнейший интерес”⁴. И старания этого замечательного гетмана не остаются напрасными: все запорожское войско *in corpore* вписывается в число членов Киевского Богоявленского братства и делается официальным, можно сказать, защитником и покровителем православия⁵. Казачество чрезвычайно энергично защищает православие и ведет неустанную борьбу с ненавистной для всего русского народа унией. В этом отношении заслуги казачества неоценимы; благодаря ему, католичество и уния сделались еще более ненавистными, чем прежде, для русского народа, и последняя прививалась крайне туго в тех областях, где было сильно влияние казачества, именно в южных воеводствах. Значение казаков, как покровителей православия, сознавалось всеми современниками рассматриваемых событий, но более всего населением Киевского воеводства. Возведенный патриархом Феофаном в сан киевского православного митрополита Иов Борецкий говорит, что казаки еще раньше восстановления православной иерархии заявляли о своей религии, “писали, посылали и присягали”. Они, по словам того же митрополита, настолько ревностны к православию, что наблюдают как за духовенством, так и за мещанами, “напоминают им, даже с угрозами, чтобы в вере никакой не было перемены, и что-

¹ Вестник Запад. России, год III, т. II, декабрь 1864 г., отд. I, № 4, с. 24-26; Христ. Чтен., 1904 г., № 6, с. 816-817 (стат. проф. Жуковича).

² Памятники..., т. II, № 1, с. 387 (2-е изд.).

³ Грушевський М., Очерк ист. укр. нар., 213 (2-е изд.).

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, с. LXXXV; ср. Грушевський М., Очерк ист. укр. нар., с. 238.

⁵ А. Я. Ефименко, История украин. народа, с. 198

бы с отступниками-униатами не было общения”, и следят за гонениями православных униатами¹. Когда в начале 1621 г. король издал универсалы о преследовании новых православных иерархов, как сообщников самозванца и турецкого шпиона (так называло правительство патриарха Феофана)², литовский канцлер Лев Сапега, опасаясь большого возмущения и кровопролития, писал митрополиту Рутскому: “И на запорожских казаков нужно оглядываться, чтобы они не сделали нам чего худого”³. Кроме Сапеги, и другие католики прекрасно понимали значение казаков для православия. В этом отношении очень интересно свидетельство папского нунция Торреса, высказанное им в донесении его апостольской столице в 1622 г. В нем он сообщает о том, что старания Сигизмунда III о соединении схизматиков с костелом остаются тщетными, потому что “православный люд, большей частью посполитый”, не прельщается королевскими милостями и не соглашается изменять своей вере, защитниками которой являются казаки. “По отношению к ним (т.е. схизматикам) нельзя применять насильственных мер, ибо, кроме подтвержденной королевской присягой свободы совести (*wolności sumienia*), препятствуют (*są na przeszkodzie*) казаки, народ воинственный и смелый, стоящий на страже ее, схизмы (*w jej obronie*) по временам с просьбами, по временам с угрозами на устах и всегда с оружием в руках (*czasem z prozbą, czasem z grozbą w ustach, a zawsze z orężem w ręku*)”. 60 тысяч казаков, все сжигающих, грабящих и вырезающих на своем пути, по мнению нунция, внушают серьезные опасения королю и сдерживают его католическую ревность⁴. Сообщение Торреса показывает, что казаки служили очень серьезной обороной православия; в противном случае они не внушали бы опасения католикам, и король не удерживался бы от насильственных мер (очевидно, еще более суровых, чем допускаемые Сигизмундом) по отношению к схизме. Сознвая свою силу, нужную для Польши, казаки не только защищают православных от насилий, чинимых им в разных местах католиками и униатами, но и через своих представителей начинают ходатайствовать перед сеймами и королем об улучшении юридического положения православия, что крайне не нравилось полякам. Представители казачества встречаются очень часто с 20-х годов XVII ст. на сеймах, и к половине этого столетия казаки становятся, можно сказать, единственными защитниками православия, так как русская шляхта к этому времени

¹ “Христ Чтение”, 1905 г., № 6, с. 758-59 (стат. проф. Жуковича).

² Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 197, с. 497-509; Вест. Зап. Рос., год III, декабрь 1864 г., отд. I, № 5, с. 27-29.

³ Археограф. Сбор., II, № 29, с. 30-31

⁴ *Relacye nuncyusztw. .*, t. II, 150.

порывает, под влиянием полонизации, национальную и религиозную связь с русским народом.

После этого отступления переходим к обзору сеймовых постановлений касательно православной веры со времени восстановления православной иерархии до смерти Сигизмунда III. За это время в *Volumina*'х встречается четыре постановления о греческой религии. Все они сделаны под влиянием неблагоприятных для Польско-Литовского государства политических обстоятельств и потому являются вынужденными. Король, верный своему характеру, и слышать не хотел об уступках православию, так как при своей фанатической ревности к латинству в сохранении схизматиков при их давних правах и обрядах видел ущерб для дорогого ему католичества¹. Созванный в ноябре 1620 года сейм главной своей задачей имел обсуждение средств защиты государства от турок, грозивших после Цецорской катастрофы нашествием на Польшу. Ввиду критического положения государства, все станы обоих народов согласились сократить обычный шестинедельный срок, назначаемый для сейма². Король полагал, что сейм будет заниматься только выработкой мер обороны государства; но послы подымали вопросы самого разнообразного характера. Представители православия решили настаивать на "успокоении" своей религии. Неизвестно, какого содержания были даны им инструкции их избирателями, но на самом сейме раздавалось много голосов в пользу теснимого православия. Литовские послы внесли в посольскую избу письменное требование об успокоении русской религии (дела, весьма важного для государства) путем возвращения православным церковью (по всей вероятности, отнятых в 1618 и 1619 гг. в Могилеве и Орше). В пользу успокоения той же религии говорили и земские послы Киевского воеводства; они "просили об охране греческой религии" и соглашались принимать участие в обороне отечества только тем условием, если греческая религия, которую взяли под свою защиту казаки и многие знатные люди, будет успокоена. Но больше всего в пользу православия говорили волынские послы. За два дня до окончания сейма, когда в сенате в присутствии короля происходило чтение маршалком сейма принятых посольской избой конституций, волынские послы представили королю свою горячую просьбу о том, чтобы греческая религия оставалась при тех правах, в соблюдении которых присягали все предшественники Сигизмунда III, чтобы впредь не творились такие беззакония, как теперь: православные церкви запечатаны, а владыкой дан совсем неугодный

¹ *Relacye nuncyuszŃw ...*, II, 125, подстроч. прим.

² *Vol leg*, III, 176, § 1.

им человек. Много других обид для православия указывали волынские послы королю, что страшно не нравилось католикам, особенно духовным, которые и старались прерывать просьбу волынян то разговорами, то смехом¹. Стоявший во главе волынских земских послов на сейме 1620 г. чашник волынский Лаврентий Древинский, один из ревностнейших борцов за православие, произнес воодушевленную речь в защиту православной веры. В ней он говорил, что для успешности внешней защиты государства необходимо прежде всего водворить внутренний мир путем прекращения тех гонений и несправедливостей, которым подвергаются православные; при этом он приводил немало примеров этих несправедливостей. В больших городах Короны церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях вместо монахов скот запирают. Такие же бесчинства творятся и в Великом Княжестве Литовском. В Могилеве и Орше церкви запечатаны, а священники разогнаны. В Пинске Лещинский монастырь обращен в питейный дом. Православные лишены богослужения, таинств и обрядов. В Вильне православные могут проносить своих покойников только через те ворота, которыми вывозятся нечистоты. В заключение своей речи Древинский просит короля сжалиться над теснимыми православными, сохранить их при их правах и вольностях, освободить их от претерпеваемых ими несправедливостей, а церковные имения возвратить, если не вдруг, то постепенно, по смерти митрополита и владык-униатов, их законным обладателям; если греческая религия не будет успокоена, а раны православной церкви не будут уврачеваны и на этом сейме, то православные вынуждены будут воскликнуть вместе с пророком: “Суди мя, Боже, и разсуди прю мою”². Такие заявления православных не нравились королю и иезуитско-католической партии, хотя послы и не выражали всеобщего желания русского народа: они ничего не говорили о легализации вновь восстановленной патриархом Феофаном иерархии, что объясняется, с одной стороны, тем, что провинциальная шляхта не успела включить в инструкцию требований о православной иерархии (сейм был в ноябре, сеймики происходили за шесть недель до него, а первые иерархи были рукоположены иерусалимским патриархом в первой половине октября), а с другой стороны — тем, что русская шляхта отличалась почтительной сдержанностью в отношениях к королю и всегда держалась легальной почвы, а потому и не могла говорить о новых иерархах, явившихся под защитой казачества и не признанных королем.

На сейм 1620 г. явились и представители Виленского православного братства; они добивались признания польско-литовским правительством

¹ Христ. Чтен., 1905 г., декабрь, с. 729-31 (стат. проф. Жуковича).

² Бантыш-Каменский..., с. 69-73.

восстановленной патриархом Феофаном православной иерархии. В то время как православная шляхта умалчивала об этой иерархии, братская депутация представила посольскому колу послание (*list*), которое было принято и по распоряжению сеймового маршалка прочитано вслух. В этом послании от имени православных говорилось, что еще в 1607 г. король по усиленной просьбе их и с согласия всех станов обещал раздавать церковные достоинства и бенефиции людям чисто греческой религии. Обнадеженные таким обещанием короля, как словом, подобным Божественному определению, они, православные, воспользовались прибытием на Польско-Литовскую территорию иерусалимского патриарха, выбрали и посвятили на эти церковные должности и бенефиции достойных лиц. Теперь они презентуют, т.е. представляют к утверждению правительством в соответствующих иерархических должностях, этих лиц и просят о предоставлении им церковных бенефиций, именно по должности им принадлежащих¹. Таким образом, официальным путем было доведено до сведения правительства о восстановлении православной иерархии, члены которой были перечислены поименно с обозначением тех кафедр, на которую каждый из них был посвящен². Конечно, униаты и католики несклонны были уступать православным; но политические обстоятельства вынуждали их умерять свое противодействие домоганиям последних, и многие из католиков не проявляли особой энергии к поддержке унии. Только король да папский нунций Диоталлеви ревностно отстаивали интересы унии³. Когда один из послов заявил, что православные не согласятся на принятие налогов, необходимых для борьбы с турками, пока не будет оказана им справедливость, то король (будто бы) ответил ему: “Пусть скорее погибнет Речь Посполитая, пусть сгинем мы с тобой, лишь бы только святая вера не потерпела ущерба”⁴. Настойчивые требования православных об оказании справедливости и желание привлечь к борьбе с турками казаков побудили сейм 1620 г. сделать, хотя и краткое и неопределенное, постановление о греческой религии такого содержания. “Успокаивая греческую религию, возобновляем конституцию 1607 года и на будущее время (*in futurum*) будем сообразоваться с нею при раздаче церковных бенефиций”⁵. Это постановление, плод больших усилий православных, для них могло быть приятно, так как возобновляемая конституция 1607 г. отвечала требованиям православного населения:

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, 306-307.

² Христ. Чтен. 1905 г., декабрь, с. 736-37 (статья проф. Жуковича).

³ *Ibid.*, 1905 г., декабрь, с. 739.

⁴ *Relacye nuncyuszów...*, II, 124, примеч.

⁵ *Vol. leg.* III, 184, § 40, *con.* *Vol. leg.* II, 438-39, § 28.

она запрещала преследования за веру, давала свободу богослужения, гарантировала все давние права и привилегии людей “чисто греческой религии” вообще и православных братств в частности, обещала православным их собственных, подчиняющихся константинопольскому патриарху владык, а не тех, которые приняли унию, а сим последним, т.е. владыкам, возвращение отнятых церковных имений. Содержащееся в этой конституции обещание относительно раздачи церковных бенефиций давало православным повод надеяться на то, что они могут быть предоставлены лицам новой иерархии. Но не обещания нужны были в данный момент православным: много их и часто слышали они от польского правительства, а между тем положение православной церкви в Польше и Литве было настолько печально, что медлить и ждать у православных не было сил, и они желали немедленного признания со стороны короля рукоположенных патриархом Феофаном митрополита и владык. Но вместо того, он издает универсалы против этих иерархов с приказанием ловить их, как подозрительных людей, и заключать в тюрьмы, а в Вильне предписывал, кроме того, произвести самое строгое и достоподобное расследование о тех лицах, которые оказывали покровительство и содействие возведенному Феофаном в сан архиепископа полоцкого Мелетию Смотрицкому и в признании над собой его пастырской власти¹. В результате — новые стеснения для православных во многих городах Польши и Литвы и суровые репрессии против четырех членов Виленского магистрата и двенадцати мещан города Вильны².

Печальное положение православных около 1621 г. особенно живо представлено в протестации православного митрополита Иова Борецкого, которую он занес в киевские гродские книги 15 мая 1621 года. Протестация эта была представлена им от имени его, митрополита, и всех посвященных патриархом Феофаном епископов, от имени всего духовенства митрополии и епископий русских и “всего великого и славного рода русского в Короне польской и Великом Княжестве Литовском, никогда не отступавшего от своего архипастыря — святейшего константинопольского патриарха и не заключавшего унии с римской церковью”, т.е. от имени князей, именитых панов, всего рыцарства, шляхты и простых людей русских воеводств и земель. Протестация направлена против униатского митрополита Иосифа Велямина Рутского и подчиненных ему епископов, которые, отложившись от верховных архипастырей русского народа — константинопольских патриархов, не перестают выдавать себя перед королем за настоящих и законных митрополита и владык русского народа. Получив от короля жалован-

¹ Христ. Чтен. 1906 г., май, с. 699.

² Ibid., 1906 г., май, с. 700-709

ные грамоты, они “чинили и продолжают чинить многим людям русского народа великие и неслыханные обиды, насильственно отнимая церкви, монастыри и принадлежащие им имущества, хватая духовных и светских лиц, убивая их, сажая в заключение, подвергая побоям, всячески угнетая”. Когда они таким образом насильствовали православных в вере и совести, прибыл в Киев “святейший Феофан, патриарх иерусалимский, один из законных пастырей и вселенских учителей Руси”. Основываясь на имеющихся у него от константинопольского патриарха полномочиях и на законах Польско-Литовского государства, благоприятствующих православным, особенно же на акте соединения Киевского княжества с Польшей (1569 г.), на конституциях о греческой религии 1607, 1609, 1618 и 1620 гг. и на изданном на сейме 1607 года привилее, патриарх Феофан поставил и посвятил в митрополита и епископов названных в начале протестации лиц. Оставалось только просить короля об утверждении их и предоставлении им церквей, монастырей и имуществ, соединенных с их должностями, при жизни ли нынешних их обладателей, или по смерти их; но отступники от православия (Рутский и владыки-униаты) представили королю это дело в невыгодном для православных свете и получили из королевской канцелярии универсал, “противный любви христианской, закону, конституциям и данным русскому народу жалованным грамотам, обидный и оскорбительный”, универсал о том, чтобы рукоположенных иерусалимским патриархом иерархов хватали, ловили и карали. После этого митрополит Иов Борецкий приводит длинный перечень тех насилий, которым в разных местах подвергались православные в силу этого универсала, причем замечает, что не хватит бумаги, чтобы описать все те притеснения и весь тот гнет, коим подвергаются православные единственно только из-за греческой религии, из-за совершения ими богослужения по стародавнему чину и обычаю. В заключение всего митрополит Иов торжественно свидетельствовал и протестовал против полученных обманном образом из королевской канцелярии универсалов и против незаконных поступков униатов вообще. Если из-за этих поступков русский народ вынужден будет придти в какое-либо замешательство, то вина за все это будет лежать на униатских властях, которые производят насильственные нападения на свободу, веру, лиц и имущество православных. По поводу всего изложенного в протестации митрополит Иов Борецкий будет вестись судом с униатскими иерархами¹.

Критическое положение Речи Посполитой побудило Сигизмунда III созвать сейм и в 1621 году. Ввиду крайней опасности со стороны Турок, ко-

¹ Рук. Архива зап.-рус. униат. митр., I, № 458, л.л. 44-47 — у проф. Жуковича. Христ. Чтен. 1906 г., август, с. 200-206.

роль решил сделать его кратковременным (*na czas krotki zgromadzić musieli*)¹. Претерпеваемые православными несправедливости и гонения давали им основание выступить и на этом сейме со своими требованиями; но на этот раз они воздержались от выступления. По заявлению митрополита Иова, новопоставленные иерархи решили, что, по случаю великой опасности для отечества, следует думать больше о целостности государства, чем о собственной чести, и по совету тех, “которым естественно было здраво относительно этого советовать”, не пожелали в такой трудный и опасный момент своим частным делом затруднять общегосударственные дела, потому что беспокойные головы даже самые мирные дела православных привыкли выдавать за бунты; ввиду всего этого, православные иерархи отложили свое дело до более благоприятного времени². Православная шляхта тоже не поднимала вопроса о положении православия. Вообще, православные на сейме 1621 года ограничились только подачей составленной Мелетием Смотрицким *Verificatii niewinności* с целью рассеять те вредные для православия слухи, которые были распространяемы униатами. Недавнее обещание короля казачьим послам утвердить рукоположенных патриархом Феофаном митрополита и владык успокоительно действовало на православное население³. Но время шло. Казаки своей стойкостью под Хотинем спасли Польшу от опустошений турок и способствовали заключению перемирия между Польшей и Турцией; успел еще прибыть в Киев и тяжело раненый в последней войне Сагайдачный, а король не спешил исполнять свое обещание о признании нововосстановленной православной иерархии. 15 декабря 1621 года Иов Борецкий обратился к князьям, панам, шляхте, рыцарству и всякого звания людям старожитного восточного исповедания с увещанием твердо стоять при православии и хлопотать перед королем о признании восстановленной иерархии⁴. Так как везде униаты теснили православных, то киевские обыватели обращаются к гетману и войску запорожскому с просьбой заступиться за “зневоленных” братьев, за православные церкви во Львове, Перемышле, Бресте, Вильне, Могилеве и во всем государстве и за митрополита. “Мы через своих послов (писали киевские обыватели) неколи ничего не довеємо ся, которых до короля альбо гетмана посылаємо, бо ляхове давно больше нахлебством и хитростью, и нижли моцью” привыкли брать⁵:

¹ Vol. leg. III, 198, § 1.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 526 (*Justificacia niewinności*)

³ Христ. Чтен. 1906 г., сентябрь, с. 352-53 (стат. проф. Жуковича).

⁴ “Абы... правдивая всходная, нине обновлена... в руской церкви устати мела святыня”. Голубев, Материалы ..., № 38, с. 261-264 (Т. К. Д. А., 1878 г., август).

⁵ Археогр. Сбор. I, № 90, с. 265-66.

Не без влияния, вероятно, грамоты митрополита Иова от 15 декабря 1621 г. и приведенного послания киевских обывателей запорожское казачество в начале 1622 г. отправляет к королю посольство с письменной просьбой об успокоении православных (чему могло содействовать признание православных иерархов) и уничтожении унии. Это успокоение должно распространиться на всех православных, а не одних только казаков, ибо, если король пожелает успокоить одних только казаков, то вся Русь, по словам казацкой грамоты к Сигизмунду III, захочет стать казаками, потому что каждый захочет мира в делах веры. С просьбой же об уничтожении унии обращался к королю в последних числах марта 1622 г. и умирающий Сагайдачный. Сигизмунд III, узнав о тяжелой болезни (от полученных на войне ран) Сагайдачного, прислал ему своего врача; но присутствие последнего оказалось излишним: силы запорожского гетмана слабели, чувствовалось приближение смерти, почему он и отсылает королевского врача. При этом он просит (в особом письме) Сигизмунда о сохранении казаков от притеснений, а также и о том, чтобы “знесенная” на Руси патриархом Феофаном уния “впредь в той же Руси никогда не отновлялася и своих рогов не возносила”, ибо православные и “и без жадное унеи и схизмы” надеются получить спасение¹. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что положение православных в это время было крайне печально, и об этом было известно и королю.

В конце 1622 года Сигизмунд III объявил о созыве на 24 января 1623 г. сейма. Православные начали энергично готовиться к нему, чтобы добиться утверждения восстановленной иерархии. В конце 1622 г. была издана составленная Мелетием Смотрицким *Justificacia niewiności*, книга, написанная в форме прошения к королю от имени русской иерархии “старожитной греческой религии”; подписана она была митрополитом Иовом Борецким “со всеми русскими епископами”. В ней доказывается та мысль, что русский народ и при своих русских князьях и при всех польско-литовских государях всегда пользовался свободой и всеми связанными с этой свободой государственными и общественными правами и преимуществами. Эта свобода подтверждена законами, жалованными грамотами, сеймовыми конституциями и королевскими присягами. Сам Сигизмунд III присягою своей во время коронации подтвердил свое обещание соблюдать все права и вольности русского народа, в числе коих всегда было и право иметь свою иерархию, зависящую от константинопольского патриарха. Все написано в *Justificacii niewiności* с той целью, чтобы оправдать митрополита и владык

¹ А. Ю. и З. Р., т II, № 47, с. 72-73

от распространяемых относительно них униатами и врагами православия нелепых и оскорбительных слухов. В конце *Justificaciey* митрополит выражает надежду, что король милостиво примет на письме представленную им и владыками “юстификацию”, явит им всем свою королевскую милость и снимет с них бесчестие, наложенное на них универсалами¹. “Юстификация” предназначалась для короля. Но так как последний всегда советовался с членами сената, который служил посредником между королем и посольской избой, то православные издали и другое сочинение *Supplicatia*, т.е. прошение “духовному и светскому сенату... от обитателей Короны и Великого Княжества Литовского, людей шляхетского происхождения, стародавней греческой религии”². *Supplicatia* составлена упоминаемым уже не раз Мелетием Смотрицким и имела в виду расположить сенаторов в пользу православных; она отличается обширностью и касается всех правонарушений и насилий, причиняемых православному населению католиками и униатами. “Не тайна для ваших просвещеннейших вельможностей, ясневельможный сенат, что 28 лет тому назад произошло среди нашего русского народа несчастное разделение религии, не тайна, потому что для ваших вельможностей не может быть ничего неизвестного из дел, качающихся веры, закона, свободы и вольности, каковые во всем этом славном королевстве злоумышлялись и деялись правонарушения (*bezprawia*) и гнет (*oppressiey*) над шляхтою и мещанами, духовными и светскими, чрез позвы и мандаты, посредством штрафов (*roenowania*) и банниций по отношению к нам, русскому народу стародавней греческой религии, по требованию (*za intantia*) отпавших в среде этого русского народа от послушания восточной церкви духовных начальников. Известно и то, какие слезные просьбы, какие сетования, какие жалобы на притеснения (*mołestacie*) от нас, русского народа, были представляемы на всех сеймах указанных лет его милости королю, милостивому государю нашему, сенату и всей Речи Посполитой... 28 лет мы докладываем и доносим каждому сейму, что нам делаются великие несправедливости и несносные притеснения от наших отступников митрополита и владык, сетуем, плачем и просим, чтобы, по вашему мощному ходатайству у его милости короля, нашего государя, русский народ когда-нибудь был освобожден от этого упомянутого гнета, но этого мы по сей день не получили. Терпим великий ущерб (*praejudicia*), терпим жестокий гнет, и не находится никого во отечестве, кто бы за нас заступился. У нас отняты права, отняты законы и вольности, нам приказывают служить себе и телом, и душою те, которые не имеют по отношению к нам никакого права, никакой

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 511-532 (*Justificacia niewinnosci*).

² Документы, объясняющ. истор. зап.-рус. края .. № 19, с. 230-311.

власти, никакого доступа (*przystępu*)... Мы и на нынешнем сейме покорно и униженно просим вельможных панов наших: благоволите согласовать положение наше с общими законами (*condescendować communi legum sorti*)... Народ русский просит не о чужом, а о своем собственном; просит о ненарушении своих прав, просит о сохранении свободы, и в чем? В вере, которая обречена (*poslubiona*) Самому Богу¹...” В таком духе была вся *Supplicatia*. Тут указывается на то, что покровительством унии правительство нарушает все те права, которые издавна предоставлены православным, причем последние особенно ссылались на акт Люблинской унии 1569 г.,² даже те права, которые нынешний король дал православным (грамота — патриарху Иеремии об юрисдикции его над православными)³. Эти притеснения и ограничения православных вопреки королевской присяге, которую он дал при вступлении на престол⁴, особенно ярко и живо изображают те бедствия, которые причиняются православным со стороны поборников и распространителей унии, причем указываются лица и города, где происходили перечисленные насилия. *Supplicatia* заканчивается просьбой снизить к положению православных, извергнуть “кость раздора”, унию, которая вместо единения и согласия производила только несогласия, омерзения и неприязнь⁵, и убедить короля исполнить на этом сейме все данные им, православным обещания, именно: оклеветанным и обвиненным духовным их иерархам, лишенным чести его универсалами, возратить честь и королевскую милость и предоставить епископские престолы.

Не ограничиваясь подачей общей “Суппликации”, шляхта выступает на защиту православия и отдельно, по воеводствам, включая свои требования относительно религии в инструкции земским послам. Для примера можно указать инструкцию Луцкого сеймика волынской шляхты. “Относительно греческой религии (гласит эта инструкция), которая обыкновенно сильно затрудняет сеймы, послы должны стараться, чтобы она на предстоящем сейме получила действительное успокоение, сообразно с конституцией 1607 г. и привилеем, данным им на том же сейме, так как им и теперь в некоторых местах причиняются несправедливости (*praejuditia*); должны они просить, чтобы упомянутый привилей был внесен в *Volumen legum* (в свод законов), а те, которые не желают принимать унии, не были насильно принуждаемы к ней и угнетаемы процессами (*prawem przyciskani nie bywali*)”. Ввиду час-

¹ Документы, объясняющ. ист. зап.-русс. края..., с. 230-234.

² *Ibid.*, с. 250 и 252.

³ *Ibid.*, с. 240

⁴ *Ibid.*, с. 238.

⁵ *Ibid.*, № 19, с. 300.

тых насилий, чинимых католиками над сборами, домами шляхетскими, церквями и молитвенными домами прочих разноверцев, послам вменяется в обязанность настаивать на сейме, чтобы подобные насилия окончательно были прекращены, а виновные (в том числе и студенты иезуитских школ) получили заслуженное наказание¹.

Готовились к предстоящему в 1623 г. сейму и запорожские казаки: они решили внести на этот сейм свои требования церковно-религиозного характера. Избранному казаками посольству дана была инструкция, состоящая из 14 пунктов, из которых церковных дел касаются первый и тринадцатый. По смыслу названной инструкции запорожские послы должны просить на сейме о том, “чтобы его милость король согласно с обещанием своим, укротивши (*uskromiwszy*) разногласия в вере как в Короне Польской, так и в Великом Княжестве Литовском, благоволил приказать основательно успокоить стародавнюю греческую религию, униатов от церквей и от имений их удалить, а посвященных иерусалимским патриархом духовных, отменивши противные их чести универсалы, сохранить при церквях и имениях, издавна им принадлежавших”. Тринадцатым пунктом инструкции запорожские послы обязывались просить о выдаче привилея “на братство при основанной в Киеве церкви св. Богородицы (*S. Bogodzice*) и на школу для наук и обучения детей на разных языках”². В прочих двенадцати пунктах казацкой инструкции содержались требования относительно вольностей и преимуществ казацкого сословия, которые были нарушаемы разными лицами. Казаки, сознавая недавние свои заслуги перед государством, смело требовали того, что имело громадное значение для всего православного населения, именно устранения униатских владык, признания восстановленной православной иерархии с возвращением ей издавна принадлежащих православным церквей и монастырей и, наконец, утверждения правительством основанного в 1615 г., при покровительстве и содействии казачества, в Киеве Богоявленского братства и открытой при нем школы, так как оно еще не имело правительственного разрешения на свое существование и являлось с юридической точки зрения нелегальным учреждением.

Настроение православных и подготовка их к сейму 1623 года небезызвестны были противной стороне. Рутский и католики опасались за участь унии и с тревогой ждали сейма. Благодаря донесениям Торреса, папский двор хорошо был осведомлен о положении унии в Польше и о значении

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч II, т. I, № 13, с. 134 и 141-142.

² Христ. Чтен 1907 г., февраль, с. 170-171, стат. проф. Жуковича. Последний полагает, что слова “св. Богородицы” поставлены переписчиком по ошибке, потому что здесь разумеется Киевское братство при церкви Богоявления. *Ibid.*, февраль, с. 171, прим. 38.

запорожских казаков в борьбе между унией и православием¹. Для поддержания унии в Польшу в конце 1622 г. был назначен новый нунций Ланцелотти. В данной ему инструкции говорилось, что дело с русскими схизматиками важно, трудно и опасно, ибо имеющиеся в Польше униатские епископы и священники почти без паствы и в большом страхе, как бы их не прогнали с кафедр и не отняли у них церквей. Ввиду того, что некоторые католики думали, что было бы лучше, если бы не было унии, нунцию вменялось в обязанность внимательно следить за противниками унии, и если он узнает о замыслах против униатов, то должен предпринять на сейме соответственные шаги в пользу последних². Папа Григорий XV посланиями своими ободрял митрополита Рутского, а короля (и сенаторов) убеждал отстаивать интересы унии от святотатственной дерзости казаков, разрушающих храмы и убивающих священников, убеждал сокрушить дерзкие стремления схизматиков и растоптать этих львов и драконов³. Папские послания подогревали фанатизм латинян и настраивали их крайне враждебно против схизмы.

Все, по-видимому, хорошо складывалось для православных. Благодаря сравнительному спокойствию в области внешних отношений Польско-Литовского государства, посольская изба имела возможность уделить много внимания внутренним государственно-общественным вопросам, поэтому сейм 1623 г. и был очень неприятен для короля: на нем резко обнаружилось недовольство поляков против Сигизмунда III за его антинациональную, исключительно династическую политику (вражда с Густавом Адольфом из-за короны шведской и нежелание заключить с ним прочный мир, дружба с германским императором Фердинандом II, занятым тридцатилетней войной) и за некоторые его внутренние распоряжения (предоставление богатой Вармийской кафедры своему девятилетнему сыну Яну Альбрехту). Оппозиция составила список экзорбитанций, или нарушений прав шляхетского сословия, заключающий в себе сорок пять пунктов, которые живо напоминают собой рокошковые артикулы. В число этих пунктов был включен и такого рода вопрос: "Почему, вопреки конституциям 1607 года и потом 1620 года о религии греческой творятся нарушения прав людей греческой религии?" Так как упоминаемые конституции содержат в себе обещание дать православным их собственную, признанную правительством, иерархию, то в приведенном вопросе посольской избы заключалось требование от короля объяснения, почему церковные должности и духовные имения не предоставляются православным шляхтичам. При таких обстоятельствах право-

¹ См. выше, с. 223.

² *Relacye nuncyuszów. .*, II, 164-167.

³ *Theiner . .*, t. III, pp. 368-69

славным можно было надеяться на утешительных для них исход сейма, но воспитанник иезуитов сумел довольно удачно выйти из затруднительного положения. У короля, кроме готовых уже отговорок, была еще и довольно сильная придворная партия, которая и поддержала его¹. Та же самая придворная партия, руководимая иезуитами, не позволила дать окончательное успокоение людям греческой религии. На предъявленный к нему пункт экзорбитанций о том, почему “творятся нарушения прав людей греческой религии”, Сигизмунд III отвечал и в 1623 г. так, как отвечал он и раньше на просьбы и требования православных. “Людам религии греческой (гласил королевский ответ) не творится от его королевской милости никакого нарушения их прав. Его королевская милость не приказывает никого к униии принуждать и силой тащить и творить кому-либо из-за религии нарушение прав и стеснение, и в раздавании должностей и имений духовных благоволит соблюдать общий закон и постановления сеймовых конституций 1607, 1609 и 1620 годов. Согласно с ними и с более древними законами, данными предшественниками его королевской милости, согласно древним обычаям, он благоволит давать духовные бенефиции людям шляхетского сословия религии греческой”. Как и прежде, король разумел под людьми греческой религии не православных, а униатов и к последним относил те конституции, которые были постановлены по требованию и в пользу православных. И этого еще мало. В дальнейшей части королевского ответа заключаются прямые обвинения православных вообще и рукоположенных патриархом Феофаном иерархов в частности в нарушении общественного покоя. “Вопреки тем вышеупомянутым конституциям и вопреки древним законам и обычаям, легкомысленные люди простонародного происхождения (*plebeae conditionis*) Борецкий и Смотрицкий и другие осмелились, противу прав величества, без назначения и без ведома его королевской милости, принять посвящение на митрополию и владычества живых владык и обладателей их у подозрительного человека-чужеземца, подданного турецкого императора, который здесь, во владениях его королевской милости, не имел никакой юрисдикции и на то, по-видимому, был послан, чтобы во время турецкой войны взбунтовать подданных его королевской милости против их собственной верховной власти. Это есть собственно *crimen laesae majestatis* и пренебрежение достоинством и властью его королевской милости, данной его королевской милости от Господа Бога. Во владениях его королевской милости никто иной не может быть архиепископом, епископом, митрополитом и владыкою, а только тот, кого его королевская милость благоволит назначить

¹ Szujski III, 225; Христ. Чтение, 1907 г., февраль, 176; март, 304.

(miałować u podać). А те люди, без назначения от его королевской милости, захотели быть и стать митрополитами и владыками, хотя эти должности не были вакантными, и по их почину и внушению происходят большие насилия (excessy) и беспорядки”. Для примера в королевском ответе указывается случай насилия над четырьмя базилианами в Киеве¹, вспоминается случай с Антонием Грековичем, игуменом Выдубицкого монастыря, и то, что “в Минске и во многих других городах (православные) насильственно отнимают церкви подаванья его королевской милости, без всякой вины бьют и убивают монахов и священников и творят иные большие насилия. Таким образом, сами же жалующиеся пренебрегают правами верховной власти его королевской милости и сеймовыми постановлениями, а со стороны его королевской милости и униатов не творится никакого нарушения их прав, и никакой справедливой вины они не показали и показать не могут”. Таким образом, король совсем не склонен был улучшать положение православия и приведенными им фактами насилия православных над униатами стремился доказать, что первые не заслуживают никаких уступок и снисхождения с его стороны. Но так как еще свежо было его обещание, которое он дал перед Хотинским походом казацкому посольству (тому самому, в котором были Сагайдачный и епископ Иосиф Курцевич), и так как резкий отказ его мог не понравиться сеймовым защитникам православия, то король как бы соглашается на уступку православным и для успокоения разногласия между людьми греческой религии соглашается на то, чтобы “духовные обеих сторон назначили время и место, где бы и когда они, собравшись без больших скопищ светских людей (которые к этому менее относятся)², в присутствии назначенных на то его королевской милостью комиссаров, рассудили и поговорили о взаимном прочном примирении. А если бы они не могли придти к согласию, король желает, чтобы согласно с вышеупомянутыми конституциями 1607, 1609 и 1620 годов, они на будущее время соблюдали во

---

¹ Насилие над четырьмя монахами-базилианами произошло 8 сентября 1622 г. в Киеве. Запорожские казаки захватили их в Софийском храме и подвергли восьминедельному заключению в Терехтемировом монастыре, откуда они были освобождены по ходатайству митрополита Иова Борецкого (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 588-89). Обращались к казакам с ходатайством об их освобождении сам король и вельможи. Некоторыми из последних заявлялось казакам, что они “скорее получают на сейме то, чего желают, если освободят униатских монахов”. “Христ. Чтен.” 1907 г., март, с. 307, прим. 70.

² Сила православия заключалась в тесном единении иерархии с мирянами; православие поддерживали и защищали от унии шляхта, мещане и казаки, в согласии с которыми действовали и новые иерархи. Сигизмунду, очевидно, хотелось уничтожить это согласие, чтобы, как было и перед Брестской унией, облегчить успех “единения” с костелом римским.

всем с обеих сторон примирение (*uspokojenie*), не причиняя одна сторона другой нарушения прав и никакой обиды”¹.

Православные понимали бесполезность собора православной и униатской иерархии и, с помощью сочувствующих им послов, а особенно казаков, грозивших в случае неудовлетворения их требований восстанием², добились для “прочного и действительного успокоения в греческой религии с обеих сторон” назначения королем особой комиссии из сенаторов и земских послов. Председателем ее был гнезненский архиепископ Лаврентий Гембицкий, а участвовали в ней, кроме сенаторов и послов, католические бискупы и Рутский с пятью униатскими “отцами”; приглашены были и православные иерархи: митрополит Борецкий и архиепископ Мелетий Смотрицкий, которых казаки вызвали в Варшаву на время сейма. Эта комиссия должна была рассмотреть предъявленные православными требования и принесенные ими на униатов жалобы³. Архиепископ гнезненский предложил было православным и униатам устроить сообща собор или совещание для братского обсуждения своих разногласий, но православные отказались от всякого собора. Требования их и жалобы остались неудовлетворенными: униаты будто бы доказали в комиссии свою правоту, и православные, по выражению Рутского, были “побеждены”⁴. Таким образом, благодаря стараниям короля и придворно-католической партии, надежды православных на сейм 1623 г. не оправдались, их требования не были удовлетворены, а сейм ограничился такого рода краткой конституцией. “Успокоение разъединенных в греческой религии людей, ввиду неотложных дел Речи Посполитой, откладываем до будущего сейма, а ныне сохраняем покой *ab utrinque* (с обеих сторон) как для духовных, так и для светских людей *cujuscunque status et conditionis* (всякого звания и состояния)”. Нового она ничего не содержала; но ввиду той настойчивости, с какой православные добивались своих прав, к ней было сделано еще добавление, что “всякие процессы надворные и комиссарские, декреты, банниции, секвестры, отсрочки (*suspensy*) из-за (*ratione*) разногласия в религии, если бы какие *ab utrinque* объявились”, отменяются (*kassuiemy*)⁵. Конституция 1623 г. не давала православным того, чего они добивались: уния не была уничтожена, нововосстановленная иерар-

¹ Христ. Чтен. 1907 г., март, с. 305 и 310.

² Христ. Чтен. 1907 г., март, 317.

³ Христ. Чтен. 1907 г., март, 311-312. Кроме указанных в “Суппликации” обид и притеснений православных, последние содержались еще и в поданном на сейм 1623 г., по мнению проф. Жуковича, казаками списке *Obraz, ktore sobie pretenduią mieć w Religii Greckiey* Христ. Чтен. 1907 г., февраль, с. 184-185, прим. 55.

⁴ Христ. Чтен. 1907 г., март, 312-313.

⁵ *Volum. legum* III, 217, § 8.

хия не была признана правительством, но она все-таки давала им нечто. По смыслу этой конституции должны были прекратиться судебные преследования нововосстановленной православной иерархии и приверженцев ее как правительством, так и униатами. Косвенным образом ею уничтожались королевские универсалы 1621 г., в которых православные иерархи обвинялись в измене, и тем самым иерархи эти признавались невиновными. Конституция эта, наконец, создавала и для православных иерархов некоторого рода возможность более или менее спокойного фактического существования в государстве и свободного отправления ими своих обязанностей¹.

Сеймовая конституция 1623 г. о греческой религии немного давала православному населению, но и то, что она давала, нисколько не улучшало положения православия. Униаты и слышать не хотели об отмене всякого рода процессов, декретов, банниций, секвестров, отсрочек, возникших с той и другой стороны из-за разногласия в религии; они по-прежнему теснили и гнали православных, отнимая у них церкви, принуждая к униии, преследуя за стойкость в православии духовных и светских лиц. В этом отношении из рядов униатской иерархии выделялся полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич. Фанатически преданный униии с римским престолом, он ненавидел схизму и не останавливался ни перед какими средствами для ее истребления. Много познали бед и несчастий от Кунцевича православные в Витебске, Полоцке, Орше, Могилеве и Мстиславе и, конечно, питали к нему страшную ненависть. Гнал Кунцевич православных до сейма 1623 г., не прекратил своих гонений и после него, вопреки конституции этого сейма. Своею ревностью к униии, выразившейся в притеснениях православных, он поражал даже друзей униии. Литовский канцлер Лев Сапега, по его собственному выражению, один из “авторов” униии, опасался, чтобы жестокости Кунцевича не вызвали взрыва народного раздражения, опасного для государственного спокойствия, так как за православие стояла вся Украина, вся Русь вообще и в особенности казаки; он советовал Кунцевичу умерить свой пыл², но Кунцевич не обращал внимания на благоразумные советы своих доброжелателей и продолжал теснить православных своей епархии. Особенно сильно теснил он православное население Витебска. Здесь он в 1622 г. отнял у православных все их церкви. Для отправления богослужения православные устроили за городом два временных шалаша и тут собирались для молитвы к величайшему негодованию “душехвата” Кунцевича. Наконец, терпение православных витеблян лопнуло и 12 ноября 1623 г. они убили его. Страшная кара постигла витебское православное мещанство: девя-

¹ Макарий XI, 301-302, Христ. Чтен. 1907 г., март, с. 316 (стат. проф. Жуковича).

² См. письмо Сапеге к Кунцевичу от 12 марта 1622 г. — Бантыш-Каменский ., с. 75-84.

носто три человека было приговорено к смертной казни (из них 74 бежали из Витебска еще до суда и приговорены заочно), имущество их конфисковано, а город был лишен Магдебургского права¹.

Такое печальное явление, как убийство полоцкого униатского архиепископа, вызвано исключительно тяжелым положением православия, в котором оно находилось, вопреки рассмотренным выше конституциям “о греческой религии”. Фанатики, подобные Кунцевичу, и слышать не хотели об уступках православию, и потому обещание сейма 1623 г. успокоить на следующем сейме “разъединенных в греческой религии людей” оставалось одним только обещанием. Ни польское правительство, ни сейм, где преобладало католическое большинство, не думали об улучшении положения православной церкви, что подтверждается обозрением последующих сеймовых постановлений относительно “греческой религии”.

Мечтавший о возвращении утерянной шведской короны Сигизмунд III думал повести наступательную войну против храброго и смелого короля шведского Густава Адольфа. Нуждаясь в средствах для этой войны, он созвал 6 февраля 1624 г. досрочный и укороченный, трехнедельный, сейм (*seym krytki*)², от которого хотел добиться денежных ассигнований на ведение желательной для него войны. Шляхта совсем не склонна была давать деньги королю на шведскую войну и к планам короля относилась отрицательно. Хотя сейм был созван со специальной целью “для устранения внешней и внутренней опасности”, но послы представили требования и относительно других вопросов внутренней жизни государства. И на этом сейме, как и на предыдущем, королю подносили список экзорбитанций. Православные пользовались случаем и возбуждали вопрос “об успокоении людей греческой религии”. Минская шляхта поручала своим послам “стараться успокоить на сейме, согласно с древними их правами и привилегиями, всех людей стародавней греческой религии, которым уже на прошлом сейме дано обещание неперменного их успокоения”³. На сейме представление православных было уважено, и в списке экзорбитанций пункт об успокоении греческой религии занимал не последнее место⁴. Но и на сейме 1624 г. православные ничего не добились, так как сейму не удалось сделать ни одного основательного постановления относительно экзорбитанций. Как видно из сеймового рецесса 1624 г., совещания об устранении внешней опасности поглотили почти все время этого сейма, так что невозможно было рассмот-

¹ Христ. Чтен. 1907 г., сентябрь, с. 311 (стат. проф. Жуковича).

² Vol. leg. III, 222, § 1

³ Христ. Чтен. 1908 г., март, 398.

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 571.

реть ни экзорбитанций, ни вопроса о совместительстве (*de incompatilibus*), ни артикулов, данных с поветовых сеймиков. Рассмотрение всего этого откладывалось до другого сейма, на котором, как это обусловлено и предшествовавшими рецессами, будет прежде всего обсуждаться, как удовлетворить общественным требованиям и справедливым просьбам обывателей (*poddanych naszym*) и как на самом деле (*skutecznie*) исправить то, о чем говорилось во экзорбитанциях (*to co exorbitowało*) и что требует исправления¹. В 1632 г. православные вполне основательно заявляли конвокационному сейму, что их требование относительно греческой религии вместе с другими экзорбитанциями включено в сеймовый реестр 1624 года². Очевидно, православные этот рецесс понимали в том смысле, что их требования откладывались до следующего сейма с обязательством непременно рассмотреть их на нем. Но и три следующих сейма в 1625 и 1626 г. не принесли ничего хорошего для гонимого православия, несмотря на то, что и казаки предъявляли настойчивые требования относительно улучшения в положении последнего. В январе 1625 г. казаки отправили на сейм депутацию из трех человек и поручили ей ходатайствовать перед королем и сеймом как о своих собственных нуждах (о вознаграждении их за причиненные им “шкоды”), так и о нуждах церкви. Им поручалось просить о том, чтобы православная вера русская сохранялась сообразно с давними правами и вольностями, духовные старшие — митрополит Иов Борецкий и владыки, состоящие под послушанием и благословением восточной церкви, оставлены были в покое, и чтобы они особым привилеем (“листом”) были утверждены и снабжены церковными именьями. Гонения и мучения, чинимые униатами по отношению к православным, должны быть прекращены; Киево-Печерский монастырь должен быть оставлен в покое, а архимандритом в нем утвержден “листом королевским” Захария Копыстенский, который, по праву и издавна данным этому монастырю привилеям, избран всей печерской братией, шляхтой Киевского воеводства и рыцарством войска запорожского³. Сейм обратил внимание на требование казаков и православных земских послов. В число экзорбитанций, поданных рыцарским колом, включено было и требование об успокоении греческой религии; но основательное уврачевание ее отложено было до будущего сейма⁴. Из того, что требовали казаки, была удовлетворена только их просьба относительно утверждения Захарии Копыстенского в достоинстве архимандрита киево-пе-

¹ Vol. leg. III, 226, § 19.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 571.

³ Голубев, Материалы . . . , с. 276-77, прим. к № 41 (Т. К. Д. Ак., 1878 г., август).

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 571.

черского¹. Безрезультатны были для православных и сеймы 1626 г. (Варшавский — вальный и двухнедельный Торунский, созванный “ввиду великой нужды и опасности для Речи Посполитой со стороны мусульман и Густава”², хотя православные не переставали хлопотать о делах своих. Присланное на первый из этих сеймов казацкое посольство ничего не добилось, так как поляки, после поражения казаков гетманом Конецпольским над Куруковым озером, не боялись последних. Православные послы не в состоянии были занять внимание кола рыцарского своими делами, потому что сеймы (как и шляхта вообще) были заняты борьбою с королем из-за войны со Швецией: король всячески старался затягивать неприязненные отношения к королю последней Густаву Адольфу (что было приятно германскому императору, занятому тридцатилетней войной, так как Польша этим удерживала шведского короля от активной помощи немецким протестантам), а послы настаивали на заключении мира, предлагаемого шведским правительством³. Этим, а потом и интригами католической придворной партии, надо объяснять факт умолчания сеймов 1626 г. о требованиях православных. Только сейм 1627 года, под влиянием настоятельных требований православных относительно прав своей религии, вспомнил об обещании 1623, 1624 и 1625 гг. Вероятно, правительство, нуждавшееся в средствах для ведения войны, опасалось разрыва сейма со стороны православных и, чтобы хоть немного успокоить их, допустило постановление конституции относительно греческой религии. Она коротка и содержит повторение того, что было постановлено прежде. “Так как на нынешнем сейме, за недостатком времени (*dla ścisłoci czasu*), греческая религия не могла быть успокоена, то ее мы пускаем в рецесс до другого сейма, а между тем (*interim*) подтверждаем, чтобы обе стороны были сохранены в покое”⁴. Но и на этот раз правительство не спешило исполнять сеймовое обещание 1627 г. Прошло три сейма — один 1628 г.⁵ и два (обычный шестинедельный и экстраординарный двухнедельный) 1629 г., а об успокоении не было никакого постановления, хотя православные, как и раньше, не переставали требо-

¹ Привилей 7 февраля 1625 г. — Голубев, Материалы..., № 42, с. 277-78

² *Volum. legum.* III, 237-241, 250-252.

³ *Szujski* III, 227-28.

⁴ *Volum. legum.* III, 263, § 16

⁵ В поборовом универсале, изданном на Варшавском сейме 1628 г., православное духовенство отличается от униатского и приглашается платить такие же взносы, какие давало духовенство латинское и униатское. “Что касается русских духовных не-униатов, то они пред следующим сеймом должны снестись между собой и, по примеру нашего (т.е. католического) и униатского духовенства, должны в соответствующей степени принять участие в нынешней обороне Речи Посполитой”. *Volum legum* III, 282

вать себе мира и свободы от униатских притеснений¹. Только сейм 1631 года не оставил без внимания настояний их. На этом сейме престарелый король был очень уступчив по отношению к требованиям шляхты, так как преследовал свой фамильный интерес. Раньше замечено, что он предоставил богатое Вармийское епископство своему сыну Яну Альбрехту, что вызвало сильное недовольство шляхты. Теперь, чувствуя себя слабым, король непременно хотел добиться от сейма подтверждения этого назначения. С этой целью и делает он шляхте уступки в том, на что прежде не соглашался (подтверждение диплома о вольной элекции, изданной еще на сейме 1607 г., выкуп из рук королевы Живецких имений и др.)². Уступая шляхте вообще, правительство с той же целью должно было уважить и ходатайство православной шляхты, потому что она настойчиво добивалась восстановления своих религиозных прав.

В инструкции волынских послов находилось требование, чтобы греческая религия, безразлично, какая бы она ни была, униатская или не униатская, была сохраняема по давнему праву и предыдущим конституциям. Ввиду того, что неуниаты терпят во многих местах несправедливости (*praepediciam*), эти послы по инструкции должны были ходатайствовать о том, чтобы всецело был обеспечен покой, без нарушения давних прав, чтобы униаты и неуниаты жили мирно и, сообразно с прежними конституциями, одни не вмешивались в юрисдикцию других. Те же послы должны были просить короля, чтобы киевские неуниаты были вознаграждены за разорение униатами киевского Свято-Николаевского монастыря³. Немалым побуждением для правительства к уступкам в пользу православия могло служить и желание успокоить волнение среди православных. В 1630 г. на Украине произошло восстание казаков под предводительством Тараса Трясила. Так

¹ На обычном сейме 1629 г. вопрос о греческой религии составил один из пунктов поданного королю списка экзорбитаций, которые были отложены до ближайшего шестинедельного сейма; таким образом, основательное успокоение греческой религии еще раз откладывалось на неопределенное время. Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 572; срав. *Volum. legum.* III, 299, § 43.

² *Volum. legum.* III, 318-319, § 2 и 5 — диплом о вольной элекции дан королем 17 июня 1607 г. на Варшавском сейме; в 1631 г. властью сейма его решено восстановить и внести в *Volumen legum.* Живецкие имения были куплены королевой Констанцией, супругой Сигизмунда III, за 600 тыс злотых. Так как, по польским законам, король и королева лишены были права приобретать в Польше земельную собственность, то шляхта очень подозрительно относилась к этой покупке королевы. Шляхта боялась, чтобы король не сделался более независимым, чем прежде, по отношению к ней; боялась она и того, чтобы Живецкие имения, находившиеся на самой границе Польши с Венгрией и Силезией, не послужили местом сосредоточения иностранных войск, приглашенных по каким-либо соображениям королем или членами его дома. Сейм 1631 г. потребовал, чтобы эти имения были выкуплены из рук королевы и никогда не были отчуждаемы от Польши. *Szujski*, III, 237. Христ. Чтен., 1908 г., март, 387-88.

³ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, 153-54

как это возмущение было поднято не только из-за казацких сословных интересов, но и во имя угнетаемой религии, то ему сочувствовали все православные, в том числе и православное духовенство (будто бы митрополит Иов Борецкий, Петр Могила, бывший тогда киево-печерским архимандритом и др.)¹. Хотя польское правительство и одержало верх над казаками, но настроение умов в русском народе оставалось тревожным, враждебным по отношению к Польше. Прямой интерес правительства был расположить православных своей уступчивостью к себе, чтобы не испытывать тех больших потерь, какие пришлось понести ему при усмирении Трясила². Какими бы соображениями ни руководствовалось польское правительство по отношению к православным, но факт его уступчивости на сейме 1631 года подтверждается двумя конституциями. Содержание одной из них, озаглавленной “Греческая религия”, следующее: “Хотя мы всегда желаем, чтобы разъединенные в греческой религии люди когда-нибудь могли быть успокоены, однако, ввиду важных дел Речи Посполитой, на этом сейме нельзя было придти к этому, поэтому дело это откладываем до следующего, даст Бог, сейма, а ныне, вместе с подтверждением прежних конституций, обеспечиваем данной конституцией покой для обеих сторон (*ab utrinque*), как для духовных, так и для светских людей всякого звания и состояния (*cu juscun que status et conditionis*), в Короне и в Великом Княжестве Литовском”³. Кроме приведенной конституции об успокоении греческой религии, тот же сейм постановил еще и другую — “О владычных и церковных имениях”, которой гарантировал неприкосновенность церковных и владычных имений. В Польше, где всякий шляхтич мог поступать, как ему угодно, церковные имения часто подвергались наездам и опустошениям со стороны соседних владельцев, особенно по смерти владык. Доходило до того, что некоторые своевольники (*licentiosi*) отваживались забирать себе гумна, хлеб и прочее домашнее движимое имущество (*sprzęty*), не имея на то ни права, ни благовидного предлога. На эти разбойничьи наезды часто жаловались на сеймах и в судах. Сейм 1631 года обратил внимание на такого рода беззакония и насилия и, чтобы обезопасить “церковные и владычные имения Греческих церквей” от разорений, постановляет, что всякий наезжающий на эти имения должен быть признаваем за насильника и похитителя (*pro violatore et invasore*). Виновные в этом должны быть привлекаемы, по производстве следствия на первых роках или рочках того повета, где совершилось преступление, к суду трибунала, в малое коло последнего (*przed sądem compositi*

¹ Костомаров, Собрание сочинений, кн. IV, с. 60; срав. Голубев, Материалы..., № 72, с. 399-400.

² Szujski, III, 237.

³ Volum. legum. III, 320, § 10.

judicii). Наказанием за такие проступки должна быть инфамия. Этому же самому наказанию и суду подлежит всякий, кто осмелится незаконно владеть церковными имениями, совершать на них наезды или выпрашивать их у короля *ad male pagata* (по ложному представлению). Но дела по поводу межевания и простой несправедливости (*sprawy graniczne u simplicis injuriae*) не подлежат этой конституции¹.

Сейм 1631 года был последним сеймом при Сигизмунде III, на котором сделано постановление в пользу православия. И на нем правительство не сделало никаких новых уступок православным. Король оставался верен себе и ни за что не хотел предоставить больше того, что было уступлено православным конституцией 1607 года, хотя православные настойчиво добивались своего. Упрямый король не терял надежды на подчинение всего православного населения униатской иерархии и не признавал законной православной иерархии, восстановленной иерусалимским патриархом Феофаном, не обращая никакого внимания на домогательство русских вообще и казачества в частности, хотя последнее в двадцатых годах XVII ст. подымало несколько кровопролитных восстаний, усмирение которых стоило польскому правительству многих хлопот и средств.

К изложенному выше надо присоединить еще краткое замечание о тех налогах, которые взимались с православного духовенства на государственные нужды. В течение 45-летнего правления Сигизмунда III было издано 26 поборовых универсалов, которыми удовлетворялись потребности государственной обороны. Частые и продолжительные войны со Швецией, Москвой, турками и татарами требовали больших расходов, которые и восполнялись поборами или налогами. Все церковные имения, села, города и местечки, принадлежащие духовным лицам, облагались такими же налогами, как и принадлежащие королю и светским владельцам. Налог этот с городов и местечек, большей частью, равнялся двойному шосу (шос — подать, уплачиваемая с домов). Церковные крестьяне облагались по пятнадцати польских грошей с каждого лана, участка (*zrzebia*), следа и волоки. Но кроме налогов с имущества, православное духовенство должно было нести и личный налог, который был не всегда одинаков: иногда митрополиты, владыка, архимандриты, игумены и все русские священники должны были давать “с оседлых пашен (*z osiadlych rol*)” по одному злоту (в 1595 г., в 1611 г. и 1626 г.)², иногда по три злотых (в 1613 г.)³, иногда даже по шести

¹ Volum. legum. 320, § 11.

² Volum. legum. II, 357, III, 29, III, 253.

³ Volum. legum. III, 108.

злотых (по второму универсалу 1613 г.)¹. Пять раз в поборовых универсалах Сигизмунда III духовенство русское, кроме установленного налога, должно было еще давать и добровольный взнос. Так, во втором универсале 1613 г. после того, как определен налог на упомянутых духовных лиц в шесть злотых с оседлых пашен, на священников, имеющих только усадьбу (*obeszcia*) при церкви — в 6 злотых, а на протопопов в 12 злотых, добавлено: “и особо (*zosobna*) все духовные лица греческой религии, имеющие оседлые волоки, согласились предоставить на текущие потребности Речи Посполитой, вместо дара (*loco donatywy*), на этот единственный случай (*pro hac una vice*), — предоставить с каждой оседлой волоки на этот генеральный подбор по пяти злотых”². Такие добровольные налоги встречаются в пяти универсалах (1613 г. во втором, 1620 г., 1626 г., 1627 г. и 1628 г.), изданных в то время, когда правительство переживало большие затруднения в финансовом отношении. Налоги эти должно было нести и православное, и униатское духовенство: при упоминании духовенства русского и религии греческой не делается никакого различия между тем и другим. Только в универсале 1628 года упоминается неуниатское духовенство после того, как сделано определение налога на русское духовенство. Вот что здесь говорится: „А что касается духовных лиц неуниатов, то они должны перед следующим сеймом снестись между собой, чтобы, по примеру нашего (т.е. католического) и униатского духовенства, в соответствующей степени (*proportionoliter*) принять участие в нынешней обороне Речи Посполитой”³.

Обобщая все сказанное относительно правления Сигизмунда III и его отношения к православным, юридическое положение православия при этом короле можем представить в таком виде. Сначала за православием сохраняются все те права и вольности, которыми оно владело от прежних королей и сеймов (*pacca conventa* и присяга короля). Потом, при возникновении „кости раздора“ между русскими — унии, православие низводится королем и его католическим правительством к степени какого-то нового, будто бы неведомого прежде, вероисповедания, последователи которого будто бы уклонились от признанной законами и исконной среди русского народа религии, возмутились против церкви и ее иерархии (принявшей унию). Польско-литовское правительство не простирало на православных покровительства закона, ставило их вне последнего, юридически игнорировало существование православия, а все прежние права и акты законодательства в пользу его переносило на унию. Протесты и настоятельные заявления православных в

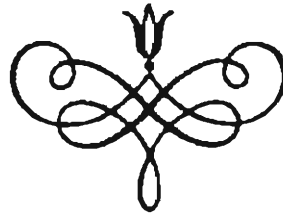
¹ Ibid., III, 124.

² Volum legum III, 124.

³ Volum. legum, III, 282.

судах, на сеймиках и сеймах вынудили правительство отличать униатов от неуниатов (конституция в 1609 г.), но при этом оно далеко не одинаково относилось к тем и другим. В то время как униаты пользовались его покровительством и милостями, дизуниты — всегда стеснялись. По отношению к православным сеймы давали только обещания, которые никогда не приводились в исполнение. Православные требовали „успокоения“ своей религии, прекращения чинимого над ними насилия со стороны ревнителей унии и предоставления им старинных прав, а правительство откладывало удовлетворение этих требований от одного сейма до другого и ничего не делало для облегчения тяжелого положения православия.

ГЛАВА III

С 1632 по 1686 годы

Третий период в истории правового положения православия в Речи Посполитой начинается с 1632 года, со времени безвластия (бескоролья), после смерти Сигизмунда III, и продолжается до 1686 года, до заключения вечного мира между Польшей и Москвой. В течение этого времени православие находится в лучших условиях, чем при Сигизмунде III, потому что представители его прибегают к весьма решительным мерам для восстановления погрязших прав своей религии. В качестве охранителей православной церкви теперь являются главным образом казаки, которые своими частыми возмущениями потрясают основы Польско-Литовского государства и вынуждают его правительство делать уступки православным. Русская шляхта в начале этого периода действует весьма энергично в пользу православия, но потом, уменьшаясь количественно вследствие перехода многих своих представителей в католичество и утраты ими своей национальности, к концу его совершенно прекращает свою деятельность в защиту православия. То же надо сказать и о братствах, сила и значение которых находились в зависимости от присутствия в их среде шляхты. И казаки, и шляхта, и братства к концу третьего периода ослабевают. Это обстоятельство неблагоприятно отражается на юридическом положении православия. С 70-х годов XVII в. правительство начинает ограничивать права дзунитов и ослаблять их значение до такой степени, что они лишаются возможности стоять за себя. Тогда дело защиты православных принимает на себя начавшая брать верх над Польско-Литовским государством единоверная с русским населением в пределах последнего Москва.

Каждое безвластие в Речи Посполитой сопровождалось необыкновенным подъемом шляхты и оживлением ее. Возникали разные партии, началась между ними борьба, которая часто грозила серьезными опасностями для государства. Но безвластие 1632 года (после смерти Сигизмунда III) отличалось от предыдущих степенью движения и оживления в шляхетской среде. В лице Сигизмунда III католицизм лишился своего преданнейшего служителя и покровителя, энергично поддерживавшего всякие меры насилия по отношению к не-католикам, протестантам и православным. Все настойчивые требования со стороны диссидентов и православных на сеймах относительно своей религии и протесты против различных стеснений, делаемых им католиками, как видно из предыдущего, не достигали своей цели. Католическое правительство давило их, ограничивало права их вероисповеданий. Теперь, когда не стало фанатически предан-

ного католицизму короля, у последователей теснимых вероисповеданий блеснула надежда на улучшение своего религиозного положения: чего нельзя было добиться при Сигизмунде III, то легко можно было получить во время безвластия. Известно, что в бескорольеве 1573 г. разноверцы добились юридического признания свободы совести (конфедерация 1573 года). В последующие бескорольевья не католикам удалось отстоять эту свободу, несмотря на усиление католической реакции и фанатизма в польском обществе. И теперь православные и диссиденты решили требовать на конвокационном сейме восстановления попранных прав своих религий и получить то, чего они тщетно добивались в правление Сигизмунда III. Два обстоятельства особенно благоприятствовали таким домогательствам разноверцев во время безвластия. Во-первых, особенное внимание конвокационных сеймов к заявлениям шляхты, так как при игнорировании их могли произойти среди шляхты, от которой зависело избрание короля, раздоры и несогласия, пагубные для государства; во-вторых, избираемые короли, нуждаясь во всеобщем сочувствии, при вступлении на престол скорее и щедрее, чем в последующие годы своего правления, давали разного рода льготы и привилегии¹. Вот эти обстоятельства и побудили православных особенно энергично взяться за дело восстановления прав своей религии и вступить в соглашение со своими старыми союзниками — протестантами. И православная шляхта, и братства, и казачество особенно решительно выступают со своими требованиями. Духовенство, среди которого выделялся особой ревностью к вере знаменитый Петр Могила, бывший тогда архимандритом киево-печерским, является руководителем и вдохновителем всего православного населения². Примеры предыдущих безвластий могли служить поощрением для православных, как и для разноверцев вообще. Земским послам тех воеводств, где преобладало православие, поручается сеймиками настаивать на улучшении положения православной веры, на устранении переносимых православными несправедливостей. Как на образец таких поручений можно указать на инструкцию сеймовым послам Волынского воеводства. В ней говорится, что шляхта греческой стародавней веры под послушанием константинопольского патриарха от 1596 года жалуется на нарушение (*orpressia*) своих старинных прав, утвержденных привилегиями польско-литовских государей и конфедерациями предшествовавших бескорольевий. Упомянутые нарушения заключаются в несоблюдении мира среди разроз-

¹ Голубев, Петр Могила, 449-50.

² См. Археогр. Сбор., т. VII, № 64.

ненных в вере, в раздавании бенефиций, соединенных с Киевской митрополией, владычествами и архимандритствами, не местным уроженцам, согласно с правами и привилеями унии (Люблинской 1569 г.), но сторонним (*extraneis*) и тем, которые поддались римскому костелу, а не собственным их пастырям, подчиняющимся константинопольскому патриарху, — в том, что из-за непослушания владыкам-отступникам мещане терпят большие кривды (во Львове и Вильне), отстранены от магистрата, не допускаются к ремеслам, в цеха и к пользованию мещанскими правами, в Вильне насильно отобраны у них церкви, невинных людей сажали в тюрьмы, в том, что затруднялись постройки церквей, хотя они производились по королевским привилеям и с благословения митрополита, что православные паны, достойные чинов (*dostoiienstw*) и урядов, устранялись от них. Послы должны были требовать основательного успокоения, именно: чтобы бенефиции были раздаваемы митрополиту, повинующемуся константинопольскому патриарху, и владыкам, им посвященным, и на будущее время, всегда и везде так, а не иначе, и, при освобождении митрополии или епархии, ее предоставляли достойным людям, местным уроженцам, сообразно с привилеем, данным при заключении Люблинской унии, а что нарушено, то снова должно быть восстановлено, дабы не было повода к дальнейшим нарушениям, но чтобы все оставались в покое при своих правах. Не получив такого успокоения, послы не должны приступать ни к каким делам, и тем более к коронации (*do coronaciey*) короля. Та же самая шляхта предписывает своим послам настаивать на том, чтобы священники не были отягощаемы никакими налогами (*podatkami*) ни лично, ни со своих церквей, чтобы Луцкая замковая церковь св. Димитрия, сооруженная панами Гулевичами, которые не признают унии, была возвращена им от униатов и чтобы навеки за их фамилией оставалось право подавать к этой церкви священника, находящегося в послушании константинопольского патриарха. Должны были добиваться волынские послы и того, чтобы у митрополита (Рутского) была отобрана Владимирская епархия и предоставлена особому владыке, так как сосредоточение в одних руках митрополии и владычества противно закону *de incompatilibus*. Тем же послам вменялось в обязанность стараться о том, чтобы присяга будущим королем была произнесена буквально (*intacte*) в том виде, как ее произносили три последние короля (т.е. Генрих Валуа, Стефан Баторий и Сигизмунд III), ибо в ней хорошо определено положение разьединенных в вере. Чтобы придать большее значение своим требованиям и скорее достичь их удовлетворения, православные Волынского воеводства предписывают своим послам действовать заодно с протестантами. Послы должны были указать на нарушение прав диссидентов, подтвержденных королями, ре-

зультатом чего были по разным местам для церквей греческой религии и для диссидентских сборов и молитвенных домов великие кривды и насилия; вместе с тем они должны требовать, ради внутреннего покоя, установления надлежащего процесса и экзекуции¹ для лиц всякого звания и состояния как духовных, так и светских, за нарушение религиозного мира и обеспечения свободного исповедания религии для всех и везде, что должно быть *expresse* обговорено в собрании законов (*in codice legum*) и включено в формулу присяги будущего короля².

Казаки, собравшись на раду в Прилуках, постановили отправить на сейм четырех своих депутатов с особой инструкцией и просительным письмом к послам конвокационного сейма. В этой инструкции подробно описывается то зло, которое причиняет православным уния, и предлагается послам настаивать на удовлетворении требований православного населения, на освобождении его от незаконных стеснений и предоставлении церковных бенефиций и приходов православным, а не униатам. В письме к сеймовым послам казаки просили их успокоить русский народ, терпящий много бед, хлопот и затруднений из-за своей греческой стародавней религии, упривилегированной прежними королями и подтвержденной их присягами; для сего рекомендуется окончательно уничтожить унию, русский народ оставить в послушании константинопольскому духовенству. Для придания большего значения и веса своей просьбе казаки заявляли в своем письме, что если и на этот раз сейм, по своему обыкновению, начнет помыкать правами православия и откладывать успокоение его, то они будут искать другого пути (*z inшыey miary*) для успокоения своей совести³. Одновременно с этой депутацией „старший“ запорожского войска Иван Петрыжицкий послал письма разным сенаторам, в том числе примасу королевства Яну Венжику и князю Острожскому (Янушу), с просьбой посодействовать казацким депутатам в деле успокоения веры православной⁴.

Православные братства также энергично действовали в пользу православия. Львовское братство отправило на вишенский сеймик (в Сондовую Вишню) двух депутатов с инструкциями, напоминающими собой инструк-

---

¹ Хотя Сигизмунд III и обещал еще при вступлении на польский престол позаботиться о выработке процесса и экзекуции против нарушителей религиозной конфедерации, т.е. определить судебную инстанцию и наказание для ее нарушителей, но это не было приведено в исполнение. Католики оказывали сильное сопротивление всякий раз, когда диссиденты поднимали на сейме вопрос об этом.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 16, с. 188-191.

³ Голубев, Петр Могила, т. I, прил., с. 403-407.

⁴ Голубев, Петр Могила, т. I, 454-55 и приложение с 401-403; Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, № 89, с. 326-327.

ции волынскую и казацкую. Под влиянием названных депутатов этот сеймик включил в число своих требований и пункт о прекращении стеснений православных¹. Виленское братство поспешило составить и напечатать к конвокационному сейму особую книгу (на польском языке) — *Synopsis*², где были изложены краткая история русского народа, состоявшего неизменно и твердо от своего крещения до 1632 г. в послушании константинопольскому патриарху, и все те права, привилегии, вольности и свободы, которые были предоставлены польско-литовскими государями православным, а не униатам. Все излагаемое в *Synopsis*'е было подтверждено ссылками на историю и официальные документы. Издатели и составители этой книги имели в виду ознакомить сенаторов и сеймовых послов с правами православия и лишить униатов возможности утверждать, что все эти права были предоставлены униии. Экземпляры ее были розданы сенаторам и послам еще до открытия сейма³.

Душой и руководителем всего этого движения среди православных являлся незабвенный в истории западно-русской церкви Петр Могила. По получении известия о смерти Сигизмунда III, он немедленно приступил к дорогому для его сердца делу защиты православия; он рассылал всюду письма к православным братствам и шляхте и убеждал всех подниматься на защиту своей веры. К тому же делу защиты православия он желал привлечь и протестантов, как тоже страдавших от католиков, чтобы с их помощью скорее достичь желаемых православными результатов. С этой целью он обращался к видному протестанту (кальвинисту) Христофору Радзивиллу, польному гетману, гетману литовскому, как „всегдашнему приятелю и благожелателю народа российского, сынов старожитной церкви восточной“, и просил его принять участие в борьбе православных с католиками и униатами из-за восстановления в подвластных Польско-Литовскому государству землях религиозной свободы⁴.

Православные подготовились самым тщательным образом к наступающему конвокационному сейму и с надеждой ждали его. Но в то же время не дремали и их противники — католики и униаты. Папский нунций доносил в Рим о тех приготовлениях, которые делались православными к предстоящему сейму, и, предвидя уступки католиков в пользу религиозной свободы, сообщал, что униии угрожает большая опасность. Папа поспешил написать к примасу, бискупам и наиболее влиятельным магнатам, чтобы они постоя-

¹ Голубев, Петр Могила, т. I, 455 и прим. 5

² Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т VII, с. 533-576.

³ Макарий, XI, 421.

⁴ Археогр. Сбор, т. VII, № 64; Голубев, Петр Могила, т. I, 464-65.

ли за католичество и в короли избирали только жаркого ревнителя латинства. Велямин Рутский, встревоженный таким возбуждением православных против унии, обращался к разным польско-литовским магнатам и просил их отстоять унию от дерзких нападений на нее схизматиков. Деятельность католиков и униатов не осталась бесплодной: католическая партия решилась не делать никаких уступок православным и вообще не-католикам¹.

Конвокационный сейм открылся 22 июня 1632 года. Сейчас же после избрания сеймового маршалка (Христофора Радзивилла — кальвиниста по вероисповеданию), православные вместе с протестантами заявили, что не приступят ни к каким делам и совещаниям до тех пор, пока не будет обеспечена им свобода вероисповедания и пока не будут восстановлены их права, нарушенные в правление покойного короля. Они представили общий список своих требований касательно религии (*puncta de religione*) в четырнадцати пунктах². В числе этих пунктов находились требования о том, чтобы все универсалы, мандаты, интердикты, запрещавшие строить церкви, а равно и всякие процессы и декреты, изданные *ab anno 1596* в угоду униатам и во вред людям, исповедовавшим старожитную греческую религию, были уничтожены; везде и для всех в Речи Посполитой должна быть восстановлена полная религиозная свобода, а всякие стеснения религиозной свободы должны быть уничтожены; производящие возмущения к вреду православных и диссидентов и нападающие на церкви, молитвенные дома, богадельни и другие места, принадлежащие православным и протестантам, должны быть наказываемы, как нарушители общественного спокойствия; православные не должны быть стесняемы ни в отправлении своего богослужения, ни в занятии общественных должностей, почему и устранение мещан из магистрата (как это было в Вильне и Львове) не может быть допускаемо. Ненарушимость выставляемых православными в их „пунктах“ требований должна быть гарантирована клятвенным обещанием всех сословий в Польше и Литве³. Православные домогались признания правительством православной иерархии митрополита и владык и возвращения церковных имений, которыми владели униаты. Католики сначала и слышать не хотели об уступках разноверцам, но мысль об угрожающей опасности для государства, при неудовлетворении разноверческих требований, вынуждала их быть уступчивыми. Чтобы не прерывать обычного хода своих занятий, сейм решил назначить две комиссии для рассмотрения выставляемых разноверцами

¹ Голубев, Петр Могила, т. I, 466-69.

² Szujski III, 260, Голубев, Петр Могила I, 471.

³ Голубев, Петр Могила, т. I, прилож. № 75.

требований: одну, под председательством примаса, для разбора протестантских заявлений, другую (из пяти сенаторов и шести земских послов, под председательством королевича Владислава) — заявлений и жалоб разъединенных в греческой религии¹. Для православных было приятно назначение председателем комиссии Владислава, так как он отличался религиозной терпимостью, не любил иезуитов и ценил прежде всего государственные интересы². Его комиссия делу православных посвятила пять заседаний, на которых выслушивались все заявления и жалобы православных на униатов и наоборот — последних на первых. Православные домогались признания законными своих митрополита и владык, униаты не уступали православным, отчего возникали очень горячие споры. В результате явился проект соглашения православных с униатами, который православные должны были представить на реляционный сеймики для обсуждения его всей прочей шляхтой с тем, чтобы потом мнение последней об этом проекте было заявлено на следующем избирательном сейме. До того времени ничего определенного не постановлялось³.

Выработанный комиссией для разбора заявлений и жалоб православных и униатов проект соглашения состоял из девяти пунктов. а) В Киеве за униатами оставались кафедральная церковь с имениями и Выдубицкий монастырь, во всех же других церквях киевских, брацлавских, галицких, львовских, жидичинских и подолевских, церквях, принадлежащих неуниатам, последним предоставляется свобода отправления богослужения. б) Выданный князю Тышкевичу на Михайловский монастырь в Киев привилей отменяется, и монастырь оставляется за православным митрополитом Исаией Копинским. в) В Могилеве православным дается четыре церкви, а в Орше — две. г) Православным в г. Вильне дозволяется окончить начатую ими каменную церковь Св. Духа, а возбужденный из-за нее против православных судебный процесс прекращается. д) Львовское епископство и Уневская архимандрия с относящимися к ним имениями навсегда предоставляются неуниатам. е) За ними же оставляются и архимандрия Киево-Печерская и Жидичинская. ж) Братствам обеспечивается спокойное существование; можно открывать и новые. Все они свободно распоряжаются своими школами, типографиями и госпиталями. з) Мещане неуниаты допускаются к разным должностям в магистратах. и) Все вообще православные могут свободно и спокойно отправлять свое богослужение во всех своих владениях и церквях, где до сего времени они имели их, и открывать свои училища и госпитали⁴.

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 577-578 (Supplementum Synopsis).

² Бобржинский, II, с. 187.

³ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с. 647-648.

⁴ Макарий XI, 432-433

Сравнение проекта соглашения с требованиями православной шляхты, братств казаков, всего православного населения Польши и Литвы показывает, что православным давалось очень немного. Неудивительно, что они не удовлетворились проектом. Петр Могила, находившийся тогда в Варшаве, писал оттуда ко всем русским, чтобы они не соглашались на принятие изложенных в проекте условий, и убеждал их воспользоваться элекционным сеймом для достижения полного удовлетворения своих требований¹.

На конвокационном сейме религиозный вопрос занял много времени и вызывал наиболее горячие и страстные споры. Разноверцы домогались устранения тех религиозных стеснений, которые переносились ими при Сигизмунде III, и гарантии религиозной свободы. Католики не соглашались на удовлетворение этих требований. Настойчивость разноверцев на этот раз оказалась не бесполезной. В числе пунктов, одобренных и принятых конвокационным сеймом и включенных в акт генеральной конфедерации от 16 июля 1632 г., были приняты и пункты, гарантирующие религиозную свободу. Чтобы общественное спокойствие ни под каким предлогом не было нарушаемо, присутствующие на сейме подтверждают разьединенным (*dissidentibus*) в христианской религии, что они и потомки их сохраняют между собой *sub fide, honore et conscientiis* всякого рода покой; из-за различия в вере не будут ни крови проливать, ни привлекать в какие бы то ни было суды, ни наказывать конфискацией имущества, лишением чести, тюрьмой и изгнанием или другими какими-либо карами, равно никоим образом (не будут) помогать в таких действиях (*do takiego progressu*) никакой власти и никакому уряду; наоборот, если где-либо кто-нибудь из-за этой причины (*ex ista causa*) станет проливать кровь или нарушать (*violenter targac*) упомянутые условия, или вздумает распространять (*extendowaj*) перечисленные наказания, то все они (собравшиеся на сейме) обязаны воспротивиться этому, хотя бы это делалось под предлогом декретов или какого-нибудь судебного постановления².

Кроме того, сейм отменил решения трибуналов, направленные против безопасности и мира диссидентов, все нарушающие мир *inter dissidentes* мандаты королевской канцелярии и позволил свободное отправление богослужения диссидентам там, где оно совершалось до сего времени³. Касательно православной веры было замечено, что, так как на нынешнем сейме нельзя было прийти к совершенному успокоению разделенной в Короне и

¹ Ibid., XI, с. 433.

² Volum. legum. III, 345-346; § 6; сравн. § 3 Варшавской конфедерации 1573 г. – Volum. legum, II, 124

³ Volum. legum. III, 346; §§ 7-8.

Великом Княжестве Литовском греческой религии, то при посредничестве шведского короля (Владислава)¹ и известных депутатов от сената и рыцарского кола, избранных для сего успокоения, был выработан и составлен особый документ (*rewne pismo*), который за подписью и печатью того же короля шведского был вручен обеим сторонам для доставления его братии (*aby ie do braci odniesiono*)².

Католическая партия была недовольна теми уступками, которые сейм сделал разноверцам. Примас Ян Венжик и католические епископы, подписывая акт генеральной конфедерации 1632 года, делали такого рода замечания: *subscribo salvis juribus ecclesiae catholicae Romanae*, причем плоцкий епископ Станислав Лубенский добавил к этой формуле еще: *et universae Dioecesis meae Plocensis*. Примеру духовных лиц последовали и некоторые светские сенаторы и послы. Равский и плоцкий воеводы подписали акт генеральной конфедерации с добавкой: *excepto articulo confoederationis in meo palatinatu*³. Но и православные, как и униаты, были недовольны проектом соглашения; нужно было ожидать новых и сильных столкновений на предстоящем сейме, а потому обе стороны начали усердно готовиться к нему. Виленское Святодуховское братство к избирательному сейму выпустило новую книгу *Supplementum Synopsis...* (Дополнение к синопсису...)⁴, в которой подробно изложен ход прений между православными и униатами перед комиссией на прошлом сейме с вескими опровержениями тех доводов, которые выставлялись со стороны униатов. В начале книги помещено посвящение ее сенаторам и послам будущего избирательного сейма с просьбой прочитать ее и возвратить законные права обиженным, т.е. православным. Другие братства собирали средства для посылаемых на сейм депутатов. Волынская шляхта, собравшись на сеймик в Луцке, постановила лично явиться каждому (*nie rozstami ale osobami swemi*) на день и место избирательного сейма и там не приступать к избранию короля, пока не будут возвращены православным архиерейские кафедры с относящимися к ним бенефициями и вообще все их прежние права. В инструкции той же волынской шляхты повторяются те же самые требования, которые были включены ею и в инструкцию перед конвокационным сеймом. Как и прежде, шляхта

¹ Сигизмунд III считал себя наследственным королем Швеции, на что имел права по своему происхождению. От него это право перешло к Владиславу, который после смерти отца принял титул шведского короля. Из-за этого титула Сигизмунду III и приходилось вести борьбу с Густавом Адольфом (с 1617 по 1629 г.).

² *Volum. legum*, III, 350; § 53.

³ *Volum legum*, III, 351-52

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VII, с 577-649

требовала восстановления прав православия, обеспечения свободы вероисповедания для всех через внесение этого пункта в кодекс законов (*in codice legum*) и включения этих пунктов в присягу будущего короля¹. Казаки, послы которых были приняты не очень-то радушно на конвокационном сейме, решили снова послать депутацию и требовать восстановления поправленных прав своей религии². Словом, православные действовали и перед избирательным сеймом так же энергично, как и перед конвокационным.

Но не дремала и противная сторона. В противовес *Synopsis*'у и *Supplementum Synopsis* униаты постарались издать две книги ("*Jedność święta cerkwie wschodniey u zachodniey*"... и „Права и привилегии, данные королями Польши и Литвы обывателям греческой веры, находящимся в унии с церковью римскою“), в которых старались доказать, что уния — явление изначальное в русской земле и что именно ее последователям даны польско-литовскими государями права и привилегии. Папа, которому нунций его сообщил сведения о результатах предыдущего сейма, признал проект соглашения православных и униатов противным церковным канонам и папским декретам и вредным для унии и римского костела, почему и убеждал католиков не делать никаких уступок схизме и энергично бороться с нею. Католические бискупы вносили протестации в гродские книги против этого проекта; то же сделал и Рутский, заявив, что протестует против него, потому что неуниаты, не довольствуясь сделанной им уже уступкой, добиваются еще большего³.

На избирательном сейме, открывшемся 27 сентября 1632 г., православные послы решительно заявили, что они не приступят к обычному обсуждению государственных дел, пока не будет окончательно успокоена греческая религия, т.е. пока не будут возвращены православным все те права, которые отняты у них униатами. Протестанты поддерживали их, а католическая партия, конечно, настаивала на необходимости заняться обычными вопросами элекции. Православные нападали на католиков за те подписи ("*salvis juribus*"...), которые были сделаны под актом генеральной конфедерации 1632 г., и за те протестации, которые были занесены в гродские книги про-

¹ Арх. Ю.-Э. Р., ч. II, т. I, 203-205; Макарий XI, 433; Голубев, Петр Могила, т. I, 516.

² Арх. Ю.-Э. Р., ч. III, т. I, № 93, с. 338-342 В инструкции, данной своим послам на избирательный сейм, казаки говорят: "*Złecamy posłom naszym z płaczem wszystkiey Rzeczypospolitey prosić y rzetelnie się domawiać, aby naród nasz Ruski przy prawach i swobodach, a Duchowni nasi Błagowerni przy Cerkwiach, Eparchy swych y dobrach swych należących z opravowaniem wolnego nabożeństwa, zostawali y więcey takiey biedy y uciążania od tych niezbiędnych Unitów nie ponosili. Ibid*", с. 340-341.

³ Голубев, Петр Могила, т. I, 519-20; Макарий XI, 434.

тив постановлений прошлой конвокации. По мнению православных, эти протестации надо было признать противозаконными. Заседания сейма были очень бурными. Видя невозможность установить мирное соглашение между униатами и православными, некоторые послы, расположенные к унии, предлагали отложить вопрос о религии до коронационного сейма, но православные, хорошо зная по опыту прежних лет, к чему ведут такие отсрочки и откладывания, настаивали на своем. Наконец, предложено было образовать по примеру прошлого сейма комиссию из протестантов и католиков для решения спорных вопросов. И на этот раз Владислава просили быть ее председателем. Комиссия выработала „статьи успокоения (puncta assecurationis) обывателей Короны и Великого княжества Литовского русского народа, исповедующих (będących) греческую религию”¹.

Содержание этих статей успокоения можно передать вкратце так. 1) Впредь предоставляются (русскому народу религии греческой) свободное совершение богослужения и святых таинств, управление (administratio) церквами, починка старых и сооружение новых, по ясному согласию (za wyrażnym consensem) короля, а равно и госпиталей, семинарий, школ и типографий, свободный для неуниатов доступ к мещанским должностям во всех городах и местечках. Церковные братства все вообще, существовавшие доселе у неуниатов, и те, которые будут когда-либо основаны, со своими церквами должны оставаться при них в спокойном владении (in pacifica possessione) ими и при свободном богослужении (in libero exercitio).

2) Киевский митрополит-униат и его преемники будут иметь нерушимое право (salvum jus) и титул над всею Русью (Russia), признающей унию, а относящиеся к этой митрополии имения при жизни нынешнего митрополита остаются за ним вместе с Выдубицким монастырем, после же его смерти имения св. Софии, находящиеся в Киевском воеводстве, должны быть возвращены ей (do teyze cerkwie świętey Zophiey) или же им будут даны in correspondentia (по усмотрению) короля и Речи Посполитой, сама же киевская церковь св. Софии с подданными, живущими на плацах вокруг нее, остается за неуниатами и за митрополитом, имеющим сакру от константинопольского патриарха; он, митрополит, по давним правам и обычаям, должен быть избираем из среды русской шляхты духовными и светскими обывателями Короны и Великого княжества Литовского религии греческой, не состоящими в унии, и упривилегировываем со стороны короля.

3) То же самое надо разуметь и относительно львовского, луцкого, перемышльского и мстиславского владык и архимандритов печерского и уневского. Перемышльская епархия, как и львовская, остаются навсегда

¹ Голубев, Петр Могила, т. I, 522-28, Макарий XI, 435-36.

со всеми издавна принадлежащими им именьями за неуниатами, но до смерти нынешнего униатского епископа Крупецкого или перемещения его на другую (кафедру) она остается за ним, а обыватели тамошние должны избрать себе владыку неуниата, которому от будущего короля, если даст Бог, будет предоставлен на коронационном сейме привилей; он, владыка неуниат, будет иметь юрисдикцию над всеми неуниатами и для резиденции теперь же (*en pinc*) получает монастыри св. Спаса, св. Онуфрия и, называемый Смольницей, а пока Крупецкий будет удерживать за собой ту епархию, ему (владыке неуниату) назначается ежегодно по две тысячи злотых от будущего короля и Речи Посполитой. После смерти или удаления Крупецкого, упомянутый владыка неуниат со своим капитулом вправу будет без всякой помехи занять эту епархию и все относящиеся к ней именья. Луцкая епархия с кафедрой и всеми принадлежащими ей именьями должна быть уступлена нынешним униатским епископом Почаповским владыке неуниату, избранному волынскими обывателями неуниатами, немедленно по получении привилея, который будет выдан ему на коронационном сейме. Нынешний же епископ униатский Почаповский, уступив кафедру, епархию и именья, все-таки остается с титулом епископа луцкого до смерти или удаления (*ad cessum aut decessum*) и переходит в Жидичинский монастырь, которым и будет владеть со всеми его именьями также *ad cessum aut decessum*, а его преемники никогда не будут носить титула епископа луцкого. В Великом Княжестве Литовском должен быть мстиславский епископ, избранный местными обывателями неуниатами тем же способом, что и владыки перемышльский и луцкий, которому тоже на коронационном сейме дан будет королевский привилей на ту епархию. Епископ мстиславский будет называться оршанским и могилевским, кафедру свою будет иметь в Могилеве, в монастыре св. Спаса, но все бенефиции, которыми владеет полоцкий архиепископ (униат) Селява, относящиеся к Витебской и Мстиславской епархии, навсегда остаются за Селявой и его преемниками, владыке же мстиславскому (неуниату) назначается годовое жалованье (*intraty*) 2 тысяч злотых.

4) Печерская архимандрия со всем принадлежащим ей, Михайловский Златоверхий монастырь и все прочие киевские и к Киеву относящиеся монастыри и церкви, за исключением Выдубицкого, остаются за неуниатами. Виленскому неуниатскому братству, носящему название Св. Троицы и состоящему при церкви Св. Духа, дозволяется закончить уже начатую (каменную) церковь, только по образцу прочих церквей и костелов, а не в виде крепости, а в награду за церковь, которая теперь остается окончательно за униатским братством, дается три церкви: Воскресения Христова, св. Иоанна и св. Юрия на предместье. Все судебные процессы виленского и минско-

го братств и вообще всех городов и местечек, братств и церквей, находящихся в Короне и в Великом Княжестве Литовском (но только из-за церквей и исповедания веры), банниции, суспенсы, декреты, мандаты, секвестры, комиссии, заклады, аресты, где бы они ни назначались на людей всякого звания и состояния, *de facto* отменяются и уничтожаются. Пустынный (*pusty*) монастырь под Гродно должен быть отдан неуниатам со всеми его именьями; в нем должна быть резиденция киевского неуниатского митрополита или его коадьютора для управления церквами и неуниатским духовенством в Великом Княжестве Литовском. Так как свободное отправление богослужения (*liberum exercitium*) для неуниатов требует точного обозначения для них церквей и монастырей в тех местечках и городах, где они должны быть уступлены как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском, но это в данное время не может быть сделано надлежаще, отдельно и специально, потому что для сего потребна точная ведомость о количестве униатов и неуниатов, то на будущем коронационном сейме будут назначены королем комиссары от обоих народов: два католика и два неуниата, которые объедут после сейма русские и литовские города, местечки и села и, сообразно с количеством униатов и неуниатов, на каждом месте распределят между ними безапелляционно церкви. Теперь же неуниатам для совершения богослужения предоставляются: в Мстиславле две церкви — св. Троицы и св. Спаса, в Могилеве, кроме уже упомянутого Спасского монастыря для архиерейской кафедры, еще четыре церкви: Успенская, Троицкая, Воскресенская и Вознесенская, в Дисне — одна вновь отстроенная Воскресенская, в Полоцке — одна, которая будет назначена упомянутыми комиссарами. Кафедры и бенефиции, оставленные за униатами, будут предоставляться им и никоим образом не будут отчуждаться от них.

5) Что касается *curam pastoraalem* (пастырского попечения), то обеим сторонам объявляется, что каждому, не желающему держаться унии, вольно переходить из униатской епархии к пастырю неуниату и, наоборот, кто хочет принять унию, тому вольно переходить к ближайшему униатскому владыке, например: из Мстиславской епархии к полоцкому униатскому архиепископу, а от полоцкого архиепископа — к мстиславскому владыке неуниату. То же надо разуметь и относительно всех других епархий Короны и Великого княжества Литовского, без всяких препятствий со стороны одного другому.

6) Наконец, обе стороны должны жить в мире и покое, не наступая друг на друга, всякие сочинения (*pisma*) и споры (*controversie*), которые возникли между ними и которыми они обыкновенно оскорбляют друг друга, прекратить и на будущее время не издавать, но учением и добрыми примерами поддерживать согласие и любовь, особенно теперь, до коронационного сейма, пока все

это не будет приведено в исполнение новым королем. Ни одна сторона не должна чинить насилия (*violenciey*) другой, под предлогом примирения (*compositiey*), из опасения наказаний, назначенных против нарушителей общественной безопасности (*sub poenis, violatores securitatis publicae sancitis*)¹.

Эти статьи успокоения могли удовлетворить православных. Комиссия спешила сделать им уступки, чтобы успокоить их и прекратить волнения, препятствовавшие избранию короля. 1 ноября 1632 г. статьи успокоения, скрепленные печатью и подписью Владислава, были занесены в Варшавские городские книги. Католики протестовали против таких уступок православным. Примас и бискупы от имени всего католического духовенства занесли торжественную протестацию против постановлений комиссии. То же самое сделал и Рутский с униатскими владыками от имени всего униатского духовенства². Папский нунций убеждал Владислава не соглашаться на уступки схизматикам. Все было напрасно: Владислав заявлял, что обстоятельства требуют сделать уступки неуниатам. Православные, довольные статьями успокоения, соглашались приступить к избранию короля. Выбор пал на Владислава, которого желали видеть королем православные вообще и казаки в частности. В *pac̄ta conventa* новоизбранного короля включено было подтверждение конфедерации прошлой конвокации о сохранении покоя *inter dissidentes de religione christiana* с ослаблением значения сделанных против нее католиками и униатами протестаций (*non obstantibus quibuscunque protestationibus*) и обещание успокоить людей греческой религии на основании указанных выше статей комиссии. „Что касается разъединенных людей греческой религии, то неотложно обязуемся (*będziemy rowinni*) успокоить их сообразно со статьями, поданными на нынешней элекции нами при депутатах *ex utroque ordine* (того и другого чина) на *affektacyę* Речи Посполитой“³. Так говорят *pac̄ta conventa* относительно православных.

Таким образом, те усилия, какие выказаны были православными во время безвластия 1632 года, не пропали даром: им обещана иерархия, законная с точки зрения польского правительства и упривилегированная, дана свобода богослужения, церкви и монастыри, возвращен доступ к городским должностям. Всеми этими успехами они обязаны прежде всего, конеч-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 18, 208-214; *Supplem. Ad hist. Russiae Monumenta*, № 67, p. 160-163; Pelesz, *Geschichte der Union...* В. II, p. 194-198; Макарий XI, 436-40

² Theiner. III. № 338, p. 402; Pelesz, *Geschichte der Union...*, В. II, p. 198, 199. И католики, и униаты в своих протестациях заявляли, что без согласия апостольского престола они не могут принять этих статей. См. *Supplem ad hist. Russiae Monum*, p. 163 et 166.

³ *Volum. legum*. III, 362-63, §§ 37-38.

но, собственным своим стараниям и настойчивости; но немаловажную услугу делу православия оказали и благоприятно для него сложившиеся обстоятельства. И прежде, при Сигизмунде III, православные энергично боролись за права своей веры, но результаты далеко не соответствовали их усилиям, потому что обстоятельства мешали им. Сигизмунд III, фанатически преданный латинству и иезуитам, употреблял все усилия и иезуитскую изворотливость к тому, чтобы свести требования православных ни к чему. Не стало Сигизмунда III, и католичество лишилось своего редкого покровителя. Диссиденты, терпевшие, как и православные, тоже немало от католиков, действовали заодно с православными и поддерживали их требования свободы совести. Многие благоразумные католики, видевшие серьезную опасность для государства от насильственного распространения унии и притеснения православных, стояли за восстановление прав последних. Последние годы правления Сигизмунда III, когда католическая реакция достигала своего расцвета, показали, что с усилением католичества усиливались и монархические стремления короля в ущерб шляхетской вольности¹. Поэтому многие, даже ревностные католики, готовы были поддерживать разноверцев. Но едва ли не больше всего успеху православных, кроме них самих, способствовал Владислав, чуждый фанатизма и симпатий к иезуитам. Он был расположен к православным и это делал не только по политическим расчетам, но и по личному убеждению. Услуги казаков, оказанные и лично ему во время московского похода в 1616-18 г., и Речи Посполитой в битве под Хотинем (1621 г.), в его присутствии, их верность королю и мужество вызывали в королевиче расположение к ним, а его личные и политические расчеты и соображения еще более усиливали это расположение Владислава к православию. Все русские вообще и казаки в частности настаивали на избрании в короли Владислава. Как сказано выше, казаки присылали свои депутации на конвокационный и избирательный сеймы; в числе своих требований оба раза они выставляли избрание Владислава² как единственного кандидата; перед избирательным сеймом они писали Владиславу, что, в случае устранения его от престола, они готовы оказывать ему вооруженную поддержку³. Сочувствие казаков, как и вообще русских и диссидентов, расположенных к нему за его веротерпимость и нелюбовь к иезуитам, тем более было необходимо для королевича, что католическое духовенство не особенно сочувствовало его кандидатуре, да и многие светские католики, желавшие иметь королем ревностного привер-

¹ Бобржинский, II, 190.

² Szujski III, 262 и 266.

³ Голубев, Петр Могила, т. I, 517-518 и прилож. № 80, с. 452-453.

женца латинства, сомневались насчет Владислава в этом отношении. Затем, Владислав ясно сознавал вред, причиняемый государству унией и иезуитско-католической политикой своего отца, которая расстраивала, а не укрепляла государственный организм Речи Посполитой, и потому находил нужным изменить отношение к православию. В его дальнейшие планы входило привлечь на свою сторону православных: он не терял надежды на достижение московского трона, для чего прежде всего было необходимо выказать свое расположение к православию, так как из-за преданности его отца католицизму он и утратил царскую корону в 1610 году. Пренебрегши требованием православных, Владислав не только терял надежду на привлечение к себе симпатий русского народа Московского государства, но и вооружал против себя все казачество и русское население польско-литовских областей. Последнее потому и было расположено к нему и стояло за его кандидатуру в короли польские, что он был свободен от недостатков своего отца: был откровенен и снисходителен, не любил иезуитов, государственные соображения ставил выше вероисповедно-церковных интересов и отличался религиозной терпимостью¹. На конвокационном и избирательном сеймах он оправдал надежды православных: они получили то, чего никак не могли добиться при его предшественнике.

Специальная комиссия на избирательном сейме 1632 г., руководимая самим королевичем, составила желательные для православных статьи успокоения. Их включают в королевские *pacta conventa* 1632 года, с обещанием успокоить по ним православных. Никакие вопли и протестации католического фанатизма не могли изменить их. В королевскую присягу, произнесенную (7 февраля 1633 года) при коронации, включено обещание хранить все законы, права, иммунитеты и привилегии, общественные и частные, не противные общему праву и свободам того и другого народа, данные всеми предшествующими государями, польскими королями и литовскими великими князьями, равно как и установленные во время бескоролевий, в том числе и предшествовавшего избранию Владислава IV, блюсти мир и спокойствие *inter dissidentes de religione christiana* и из-за религиозных особенностей не причинять никому насилий и стеснений². В генеральной конфирмации прав, изданной Владиславом IV во время коронационного сейма (14 марта 1633 года), он опять подтверждает все то, что было предоставлено разным областям и лицам королевскими грамотами и сеймовыми постановлениями до его корона-

¹ Бобржинский, II, 187-188.

² Volum. legum. III, 369-370. Тут же есть обещание хранить и то, что будет постановлено на коронационном сейме.

ции включительно, и обещает хранить все свято и нерушимо, причем заявляет (и это отличие данной конфирмации от всех предыдущих), что все привилегии и вольности церковные, отнесенные в его присяге к римско-католическим церквам, нисколько (*id nihil*) не должны вредить (*obesse*) всем греческим церквам и их привилегиям, напротив, он готов хранить их в полной силе (*in suo robore*) и ничего не станет отвергать из содержащегося в присяге. Неопределенное выражение „всем греческим церквам“ давало и православным основание надеяться на свободу их богослужения и сохранение их прав¹.

Католики и униаты были страшно недовольны теми уступками, которые были сделаны схизматикам статьями успокоения. Они заявляли, что согласятся на принятие статей успокоения только тогда, когда папа одобрит их. 54 сенатора отказались на этом основании от подписи *pacta conventa*, где содержалось обещание успокоить на коронационном сейме разъединенных в греческой религии людей сообразно со статьями успокоения. Урбан VIII, узнав о сделанных избирательным сеймом уступках православным, созвал собор, который рассмотрел *pacta conventa* и признал их противными божеским и человеческим законам, оскорбительными для католичества, папского престола и унии². После этого папа написал Владиславу (1 января 1633 г.) послание, в котором убеждал его принять унию под свое особое покровительство. Писал он и нунцию своему, и Рутскому; их он убеждал приложить все старания к тому, чтобы статьи успокоения были или отменены, или не приводились в исполнение³. Воодушевляемые папскими посланиями, католики во время коронационного сейма сильно протестовали против сеймового утверждения статей успокоения, но православные с прежней энергией и настойчивостью отстаивали добытое ими. Православные заявляли, что они не позволят заниматься государственными делами до тех пор, пока не будут успокоены в своей греческой религии; при этом они ссылались на то, что у них есть „транзакция“, подписанная рукою Владислава, заверенная, и, по распоряжению того же Владислава, внесенная в Варшавские городские книги; так как она включена в подтвержденные королевской присягой *pacta conventa*, то православные *sine quavis ambiguitate* признают ее за постоянный закон (*pro lege perpetua*) и хотят, чтобы она была опробована властью коронационного сейма. Католики (с бискупа-

¹ Volum. legum. III, 370-371.

² Theiner... III, № 339, pag. 402.

³ Pelesz, *Gesch. der Union...* B. II, p. 199-200; Макарий XI, с. 448.

ми во главе) настаивали на том, что во время заседаний комиссии, выработавшей статьи успокоения, представители их соглашались на принятие статей только под условием сохранения прав католической церкви, что об этом было заявлено в занесенных в те же городские книги католиками и униатами протестациях против статей успокоения, что они не согласны на успокоение греческой религии без воли и одобрения „отца святого“ (папы). На это православные отвечали, что они никого не должны слушать, кроме константинопольского патриарха, и выражали уверенность, что папа не одобрит статей успокоения¹. Споры тянулись несколько дней и отличались страстной горячностью и ожесточением. Можно было ожидать того, что сейм будет сорван, что было нежелательно для многих послов, как и для самого короля. Он опять явился примирителем православных с униатами. Много хлопот и труда стоило ему достигнуть этого. Католическая партия старалась убедить его не делать никаких уступок дизунитам, так как в этом видела прямое безбожие, униаты не хотели ничем поступиться в пользу православных; но король считал удовлетворение выставляемых православными требований делом неотложной необходимости, так как уния, введенная в литовско-русских областях без согласия русского народа, не имеет в себе достаточно силы от самого начала своего существования и только подрывает порядок в государстве. Он вел совещания в обеими враждующими сторонами и убеждал их к взаимной уступчивости. Православным указывал на то, что, при настоящем положении дел нет никакой возможности провести на сейме статьи успокоения в их полном виде, склонял их к некоторой уступчивости, но обещал удовлетворить их требования в течение непродолжительного времени. Старания короля не остались безуспешными. Обе стороны сделали уступки, и король издал с ведома и одобрения коронационного сейма „диплом“, в котором православным давалась свобода вероисповедания, известные права и привилегии и обещание расширить их (права) на следующем сейме, согласно со статьями успокоения. Вот подробное содержание этого диплома, изданного Владиславом IV для сведения „всем вообще и каждому в отдельности, а особенно обывателям Короны и Великого княжества Литовского, духовным и светским народа русского греческой не состоящей в унии религии“. Сначала в нем сообщаются сведения о том, как король на избирательном сейме, по просьбе всех государственных сословий, принял на себя заботу рассмотреть экзорбитанции русского народа относительно успокоения гре-

---

¹ Supplem. ad hist. Russiae Monum., № 68, p. 163-169.

ческой религии. Вместе с депутатами, назначенными от той и другой стороны (*publico nomine utriusque gentis*), он сделал это надежными средствами, о чем свидетельствуют статьи за подписью королевича внесенные в акты Варшавского города, а потом подтвержденные его присягой в *racia*'х *conventa*'х. Все изложенное в этих статьях как вообще, так и в частности, надо было неотложно привести в исполнение на коронационном сейме, но, так как этого нельзя было сделать, а земские послы из Короны и Великого княжества Литовского, держась инструкции своей братии неуниатов (из многих воеводств и поветов), не хотели приступить к заключению (*conclusiey*) сейма, пока не будет предоставлено им все обещанное статьями, то король со всей Речью Посполитой удостоверяет (*assecuruiemy*) сим дипломом своим и обязуется, сообразно с подтвержденными присягой его *racia*'ми, что на ближайшем будущем сейме ни к чему другому не приступит, но тотчас же, по окончании сенаторских речей (*wot*), прежде всего выполнит все то, что изложено в статьях успокоения, ни в чем не противореча им. Теперь же подтверждаются для неуниатов свободное отправление богослужения по городам, местечкам и монастырям в Короне и Великом княжестве Литовском, сообразно с давними правами и конституциями, все братства, школы, семинарии, типографии и госпитали, какими они владеют; одобряются все те привилегии, которые даны им предыдущими королями. После такого общего подтверждения прав в дипломе говорится о новых владыках, избранных православными здесь же на коронационном сейме. „Что касается велебного отца Петра Могилы, Печерского архимандрита, избранного неуниатами на киевскую митрополию и имеющего сакру от константинопольского патриарха, равно и урожденного Александра Пузыны, избранного на луцкую и острожскую епархию, отца Иосифа Бобриковича, избранного на мстиславскую епархию, и того, кто будет избран обывателями неуниатами на перемышльскую кафедру“, то им всем позволяется беспрепятственно пользоваться юрисдикцией и исполнять все обязанности по отношению ко всем не состоящим в унии; к ним вольно обращаться всякому, не желающему оставаться в унии, без всякой помехи со стороны униатов. Так как отец архимандрит Печерский (т.е. Петр Могила) в данное время при своей митрополии не имеет ни одной бенефиции, то он будет владеть до смерти своей, без всякого препятствия со стороны закона о несовместимости двух должностей в одном лице (*non obstante incompatibilitate*), кроме св. Софии, и Печерской архимандрией с Пустынно-Никольским монастырем. Перемышльскому и мстиславскому владыкам по силе статей успокоения будет выдаваться ежегодное жалование (*jurgielty*) в размере двух тысяч злотых. Урожденный Алек-

сандр Пузына, номинат на луцко-острожскую епархию, будет пребывать, по особому королевскому акту (*wedlug prywatnego scriptu*). Диплом заканчивается торжественным обещанием короля непременно исполнить на следующем сейме то, что осталось неисполненным, согласно со статьями успокоения. „Наконец, что, по силе Варшавских статей (успокоения), теперь не приведено в исполнение, то все исполним, если даст Господь Бог, на будущем сейме. Все это мы обеспечиваем им (православным) сим дипломом нашим, который есть сеймовая конституция, апробированная авторитетом всего сейма (*totius conventus*), в удостоверение чего мы дали свой диплом с подписью рук наших и депутатов не только от сената, но и посольского кола“. К нему приложены печати Короны и Великого княжества Литовского¹.

При сравнении диплома с содержанием статей успокоения оказывается, что в первом дано гораздо меньше того, что обещалось вторыми; но и то, что им предоставлялось православным, было очень важно для них: было достигнуто самое главное и существенное — свобода вероисповедания и официальное восстановление иерархии, упрочено было правовое положение в государстве православной церкви со всеми присущими ей учреждениями. Хотя диплом и был утвержден сеймом, но в конституции коронационного сейма 1633 года не был включен. На место его туда была внесена особая конституция, которой он санкционировался. Она озаглавляется: „Обеспечение (*assekuracya*) успокоения греческой религии“ и имеет следующее содержание. „С согласия всех станов обывателям Короны и Великого княжества Литовского религии греческой, не состоящим в унии, выдан нами диплом за подписями нашей и депутатов как от сената, так и кола посольского и за печатями коронной и Великого княжества Литовского; диплом этот *in toto, vigore conventus praesentis* (целиком, силою настоящего сейма) одобряем (*approbuiemy*) до основательного успокоения, если даст Бог, на будущем шестинедельном сейме“². Кроме диплома, на коронационном сейме Владиславом IV было издано еще несколько привилеев в пользу православия. Новоизбранные со стороны православных кандидаты на митрополию (Петр Могила) и на кафедры: мстиславскую (Иосиф Бобрикович)³, луцкую (Александр Пузына)⁴ и перемышльскую (Иван Романович Попель) получили утвердительные привилеи, кото-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 20, 224-27.

² *Volum. legum.* III, 373, § 12.

³ Археогр. Сбор. II, № 36, с. 48-49; А. З. Р., т. V, № 5, с. 9-10.

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 269, с. 662-664.

рыми им предоставлялось полное право иметь под своею властью и „послушеством“ весь народ русский, „не в унии с костелом римским будущий и быти не хотячий так духовного, яко и светского стану“, подобно тому, как это предоставлено униатским епископам относительно их паств и всех признающих унию. Этими привилегиями обеспечивалось свободное, без малейшего препятствия, отправление упомянутыми лицами архипастырских обязанностей при посещении ими разных городов и местечек, монастырей и церквей в воеводствах и поветах, имеющих хотя бы часть православного населения. Многие православные братства (например, Виленское, Минское, Люблинское, Львовское и др.) также получили подтвердительные привилегии; в них подтверждались все прежние права братств, разрешалось иметь церкви, училища и благотворительные учреждения, словом — за братствами признавалось правовое положение в государстве, что так было желательно и необходимо для православных¹.

Следует указать еще на одну конституцию коронационного сейма 1633 года, которая может иметь отношение к православным. Это конституция „О судах сеймовых, надворных и трибунальских“. В этой конституции распределяются дела (земельные между шляхтой и городами), подлежащие ведению того или другого суда, и указывается порядок судопроизводства в них. В конце ее замечено, в виде пояснения к упомянутой выше конституции 1631 года „О церковных и владычных имениях“, что она должна быть понимаема и относима только к самим владычным и церковным имениям. Эта конституция имеет то значение, что на основании ее и православным можно было вести процессы из-за захваченных архиерейских и церковных земель².

Труды и настойчивость православных на трех упомянутых сеймах (то есть конвокационном и избирательном 1632 г. и коронационном 1633 г.) увенчались желательными для них успехами. Но в Польше, при широкой свободе шляхты („золотая“ свобода) и развившемся при Сигизмунде III неуважении к авторитету верховной власти, легче было добиться какого-либо узаконения, чем провести его в жизнь, воспользоваться им фактически. Здесь законы только писались, но не исполнялись. Самые возмутительные нарушения законов часто оставались безнаказанными. Для того, чтобы применить в жизни известный закон, необходима была сила. Неудивительно поэтому, что православные далеко не воспользовались тем, что им было предоставлено юридически. Униаты не хотели уступать им церквей. Отправ-

¹ Голубев, Петр Могила, т. II, 73-75.

² Volum. legum, III, 378, § 27.

ленная королем комиссия для передачи церквей православным во многих местах ничего не могла поделать, ввиду вооруженного сопротивления со стороны униатов (напр., в Минске, Вильне, Гродно, Слониме, Новогрудке и др.)¹.

Упорство униатов способствовало тому, что православные начали очень энергично готовиться к новому сейму, чтобы на нем добиться окончательного признания статей успокоения и принудить своих противников к уступчивости. Приготовления начались еще в конце 1634 года. Петр Могила (с 14 марта 1633 года сделавшийся митрополитом Киевским) рассылал письма шляхте и братствам и убеждал их действовать совместно и решительно в интересах православия и на предстоящем сейме, чтобы довести до желаемого окончания дело успокоения своей религии. Он лично собирался ехать в Варшаву на сейм и просил у братств материальной поддержки, в которой те и не отказывали ему. Шляхта, собираясь на сеймики, требовала включения в инструкции сеймовым послам, как первого и главного требования, обязательства не приступать, согласно с данным в королевском дипломе обещанием, ни к каким сеймовым постановлениям, пока не будут утверждены статьи успокоения в том виде, в каком они проектированы на избирательном сейме. Вишенский семик может служить образцом в этом отношении. Он поручил своим послам напомнить обо всем том, что, вопреки *pacca'm conventa'm*, еще не исполнено, и настаивать на утверждении всех их статей без исключения, равно как и на совершенном успокоении не находящихся в унии, сообразно с дипломом и конституцией коронационного сейма².

Ввиду неуступчивости униатов и католиков, с одной стороны, и настойчивости в своих требованиях православных, с другой, сейм 1635 (с 31 января по 14 марта) вышел очень бурным. Но православные добились своего: статьи успокоения были приняты сеймом, и в пользу православных была составлена конституция такого содержания. Сообразно с *pacca'm conventa'm* и *ассекурацией*, т.е. статьями успокоения, постановленной на коронационном сейме, ради мира и согласия подданных, обывателей Короны и Великого княжества Литовского религии греческой, приводится в ис-

---

¹ Коялович, Литов. церк. уния, т. II, с. 175-176; Макарий XI, 463. В Бельске Богоявленская церковь 6 августа 1633 г. на основании королевского диплома и специального универсала относительно этой церкви была передана православным. Но наместник владимирского униатского владыки Иосифа Баковецкого Симонович 8 сентября того же года, собравши католиков и униатов, напал на эту церковь и отнял ее у православных. Достойно примечания то, что униатов в Бельске, по сообщению королевских комиссаров в 1636 г., было только 15. Археогр Сбор, т. II, №№ 102-103, с. 241-243; *Supplem. ad hist. Russiae Monum.*, № 70, p. 171-172.

² Голубев, Петр Могила, т. II, 99-101.

полнение постановленное согласие (zgode), по составленным на избирательном сейме статьям и обещается от имени Владислава и его преемников по ним, на будущее время, в силу этой постоянной конституции (has lege perpetua) сохранять как признающих унию, так и отвергающих ее. Чтобы осуществить дело успокоения, выдается обывателям греческой религии на нынешнем сейме, с подписью и печатями королевскими, привилей в знак достоверности обеспечения (na pewne warunki). Все процессы и тяжбы (litispendytye), начатые с обеих сторон из-за религии (ex occasione religionis) и вышеупомянутых статей, предаются вечному забвению (in perpetuum abolemus) и прекращаются, а подробно изложенное в конституции 1609 года vadium¹ возобновляется².

По смыслу конституции (о греческой религии) 1635 года, король должен был подтвердить успокоение православных особым привилеем. Он действительно так и сделал, но вместе с привилеем православным 14 марта 1635 г. выдал и другой в пользу униатов, которым подтверждал права униатской церкви; при этом он допустил отступления от статей успокоения в ущерб православию и ко благу противников его. В привилее, выданном униатам, заявляется, что эта уступка православным сделана „не с целью одобрения (non in vim approbationis) прав схизмы, но ради общественного блага“: к находящимся в унии с римским костелом король относится благосклонно и оставляет за ними на вечные времена митрополию и принадлежащие ей имения; униатам же предоставляются полоцкое архиепископство и епископства: владимирское, пинское, холмское и смоленское со всеми относящимися к ним монастырями, церквами и имениями; виленский монастырь св. Троицы с братством, церковью св. Пятницы и принадлежащими ему фундушами и, кроме того, еще другие (Гродненский, Жидичинский, Могилевский, Минский, Новогрудский, Онуфриевский, Мстиславский, Птишинский, Браславский) монастыри, которыми в это время владели униаты; в Витебске, Полоцке и Новогрудке неуниаты никогда не должны иметь ни одной церкви. Униатский привилей заканчивается торжественным обещанием короля за себя и за своих преемников давать упомянутые кафедры и монастыри только базилианским монахам, которые будут рекомендуемы на них униатскими митрополитами³. Эта грамота ограничивает те уступки, которые были сделаны статьями успокоения в пользу православия. В последних говорится, что церкви будут распределены между униатами и не-

¹ Здесь содержится упоминание о штрафе в 10 тыс. злотых, который назначается конституцией 1609 года на нарушителей мира между униатами и православными Volum. legum. II, 465, § 14.

² Volum. legum. III, 407, § 15.

³ Арх. Сбор, I, №№ 138-141, с. 356-357; Голубев, Петр Могила II, 115-116.

униатами особой комиссией, специально для сего назначенной, по всем городам, местечкам и селам пропорционально числу последователей православия и унии и что в Полоцке православным будет дана одна церковь, а в данном униатам привилеее православным запрещается иметь церкви в Витебске, Полоцке и Новогрудке, хотя количество неуниатов здесь было велико. Нарушались статьи успокоения в ущерб православию и в привилеее, данном королем православным (тоже 14 марта 1634 г.).

Содержание его таково.

1) Униатский епископ Почаповский остается на Луцкой епархии до самой своей смерти, после же его кончины она со всеми издревле принадлежащими ей имениями предоставляется отцу Пузыне, неуниату, избранному волынскими обывателями и уже посвященному; если Пузына умрет раньше Почаповского, то означенная епархия будет дана тому, кого представят королю в качестве своего электа волынские обыватели. По передаче луцкого епископства неуниату Жидичинская архимандрия, наоборот, немедленно предоставляется униату со всеми издавна принадлежащими ей имениями, церковью Пресв. Троицы в Луцке и с приписанным к этой архимандрии двориком. Три селения, которыми Пузына владел пожизненно, по вступлении его на луцкую кафедру остаются при нем и его преемниках неуниатах.

2) Перемышльская епископия по смерти Афанасия Крупецкого, униатского епископа, будет передана со всеми имениями тому, кого изберут и представят королю перемышльские обыватели. Для резиденции перемышльского владыки-неуниата назначаются монастыри: Спасский, св. Онуфрия и Смольницкий со всеми их имениями. Когда по смерти Крупецкого перемышльское епископство примет в свою власть владыка-неуниат, тогда две церкви — св. Спаса и св. Николы, находящиеся в перемышльском предместье, вместе с принадлежащим к епископским имениям селением Шехином будут переданы униату, которого изберут находящиеся в унии, и будут в фактическом владении униатских епископов.

3) Гродненский монастырь с его имениями („пустынный“, назначенный для православного митрополита или его коадьютора) отдается униатам, но взамен его православные получают киевский Выдубицкий монастырь с его имениями и перевозом. Спасский монастырь в Могилеве с перевозом остается за неуниатами, а церковь Св. Креста в Могилеве и четыре селения, принадлежащие ныне униатам, а равно и Минская церковь, называемая Белой¹, должны принадлежать неуниатам.

---

¹ У митрополита Макария. (Ист. Рус. Церкви, XI, 478). — „Блаженная“ (Beata)

4) Печерская архимандрия, Никольский монастырь и св. София, находящиеся теперь во владении отца Петра Могилы, избранного в неуниатские митрополиты, остаются в его совместном владении до конца его жизни, по смерти же эти бенефиции будут розданы согласно со статьями успокоения, утвержденными на избирательном сейме.

5) В киевских и виленских школах неуниатам дозволяется учить по-гречески и по-латыни, но впрочем так, чтобы свободным наукам (*humaniora*) обучали не далее диалектики и логики (*non ultra dialecticam et logicam*).

6) Какие бы церкви не были предоставлены униатам и неуниатам комиссарами, специально для сего назначенными, обе стороны должны покориться их решению.

7) Все процессы, начатые как относительно св. Софии и Никольского монастыря, так и по другим однородным делам между униатами и неуниатами, кассируются и уничтожаются, за исключением убытков и личных обид, которые, если существуют, могут быть предметом судебных разбирательств. Привилей заканчивается королевским обещанием за себя и своих преемников исполнять все касающееся прав униатов и неуниатов, на основании пунктов данного привилея¹.

Сличение этого привилея со статьями успокоения показывает следующие отступления короля от данных в них обещаний. По статьям успокоения луцкий униатский епископ немедленно должен уступить епископию со всеми ее имениями православному владыке, а сам переселиться в Жидичинский монастырь с некоторыми селениями. Относительно перемышльской епархии в статьях успокоения сказано, что она после смерти или перемещении Крупецкого будет всецело православной, в привилее же от 14 марта 1635 г. говорится, что в ней будут униатские владыки и после смерти Крупецкого.

Несмотря на то, что король своими привилеями 1635 г. ограничил сделанные православным уступки, католики и униаты все-таки были недовольны. Латинские и униатские епископы вместе с некоторыми светскими сенаторами и послами, числом около 50, занесли в Варшавские городские книги протестацию против сделанного постановления на сейме 1635 г. Они заявили, что не соглашаются на принятие статей успокоения и на передачу православным некоторых церквей, находившихся до этого во власти униатов, так как этого, по объяснению апостольского престола, нельзя сделать без отягощения совести (*bez naruszenia sumienia*) и опасности для

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, с. 695-96; см. Голубев, Петр Могила II, 117-118 и Макарий XI, с. 477-479.

спасения (*niebezpieczeństwa zbawienia*)¹. Папский нунций тоже выступал против конституции 1635 г. о греческой религии. В своей протестации он говорит, что апостольский престол не может дать соизволения на статьи успокоения и на все идущее вразрез с интересами католицизма и унии, потому что подобные постановления противны божеским и человеческим законам². Ввиду такой неуступчивости униатов, отношения между враждующими сторонами были самые неприязненные. Каждая сторона причиняла вред и неприятности другой, а подчас даже допускала насилие. Судебные учреждения переполнились жалобами одной стороны на другую, судебные процессы между православными и униатами не прекращались. Особенный вред этих процессов для православных сказался в том, что они лишились одного своего епископа (перемышльского) Сильвестра Гулевича, который в 1637 г. был осужден Пиотрковским трибуналом на инфамию (лишение всех гражданских прав и покровительства закона) за нападение и насильственное отнятие монастыря от униатов³. Неприятность этого события для православных обуславливалась тем, что он утрачивал права признанного правительством епископа и лишался соединенных с его кафедрой бенефиций, на которые начал предъявлять свои претензии униатский владыка Крупецкий. Поэтому православные не перестают хлопотать на сеймах, чтобы все эти судебные процессы были прекращены и чтобы православные получили и свободно пользовались тем, что им предоставлялось конституцией 1635 года. Сохранилась инструкция Волынского воеводства послам на этот сейм. В ней послам вменяется в обязанность прежде всего (*ante omnia*) стараться о том, чтобы люди греческой религии, не находящиеся в унии, получили действительное успокоение, и то, что постановлено на коронационном сейме, сообразно со статьями успокоения и дипломом, апробированным конституцией, было приведено в исполнение, чтобы луцкое владычество со всеми, относящимся к нему, было предоставлено после смерти Почаповского отцу Пузыне, владыке-неуниату. Послы не должны приступать ни к каким сеймовым совещаниям, пока не воспоследует действительное (*skuteczne*) успокоение. Манифестации после сеймов, занесенные вопреки праву, должны быть скасованы, все процессы относительно религиозных дел, начатые в разных городах, были уничтожены; передача церковей комиссиями и сами комиссии должны быть одобрены, а привилегии королевские, до сих пор

¹ Голубев, Петр Могила II, 121-22 и прил., с. 75.

² Ibid., II, 123.

³ Макарий XI, 547.

еще не припечатанные, должны быть скреплены печатями. Не забыт в этой инструкции и православный епископ Сильвестр Гулевич: послы должны были хлопотать перед королем и станами Речи Посполитой о снятии инфамии с него и его соучастников, так как его преступление (отнятие Спасского монастыря у Крупецкого) вызвано сопротивлением со стороны униатов прямому определению Речи Посполитой, почему и понесенное им наказание нельзя считать справедливым¹. Но не везде местная шляхта сочувствовала православию. Были сеймики, где к домогательствам православных отнеслись крайне неприязненно. На Вишенском сеймике католики не позволили представителям православия „вложить и описать“ в инструкцию для сеймовых послов пункта относительно „кgrundного успокоения религии кгречское“, вместо же того они (католики), по своему собственному усмотрению, не обращая внимания на протесты православных и вопреки „праву посполитому, конституции“ и pacta'm conventa'm, включили в эту инструкцию неблагоприятные для православия вообще и перемышльской епархии в частности требования. Православные обыватели Львовского, Перемышльского и Саноцкого поветов, бывшие на Вишенском сеймике, протестовали против столь вопиющей несправедливости; но на это не только не обратили внимания, а даже не допустили их занести протестацию в Перемышльском городе. Православные для занесения своей протестации вынуждены были обратиться в Луцк².

На самом сейме 1638 г. латино-униатская партия особенно была не расположена к уступкам православным. Ее фанатизм был усилен тем оскорблением католической святыни, которое было нанесено протестантами: студенты Раковской (арианской) академии разбили крест с изображением распятия, поставленный на земле их единоверца Сененского, владельца Ракова, каким-то благочестивым его соседом. Католики были так возбуждены против всех вообще не католиков, что не хотели и слышать о каких бы то ни было уступках в пользу разноверцев. Но православные депутаты твердо стояли на своем, требовали, чтобы все обещанное им прежними сеймовыми постановлениями непременно было исполнено, и грозили (особенно известный Кисель), что разорвут сейм, если их артикул об успокоении греческой религии не будет утвержден. Сейм нашел нужным сделать постановление относительно греческой религии. Так как православные депутаты жаловались на то, что латино-униаты по-прежнему направляют дела по религиозным вопросам в трибуналы, а эти после-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, 234 и 242.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 288, с. 737-38.

дни, вопреки сеймовым постановлениям, решают их не в пользу православных и воспрепятствуют свободе вероисповедания, вследствие чего православные подвергаются тяжким испытаниям и преследованиям, то эта конституция запрещает трибуналам постановлять такие декреты. Она читается так: „Спокойствие между разъединенными в греческой религии обеспечено конституцией 1635 г. Поэтому теперь, возобновляя конституцию 1627 г.¹, подтверждаем *authoritate praesentis conventus*, чтобы на будущее время в трибуналах Короны и Великого княжества Литовского не были постановляемы (*ferowane*) декреты, которые имеют силу законов (*vim sapient legis*)“². Таким образом, сейм 1638 г. подтвердил то, что было постановлено в 1635 г., запретил трибуналам произвольные решения по отношению к православным и возобновлением конституции 1627 года обещал православным покой (и свободу от судебных преследований из-за религиозных вопросов). Кроме того, Владислав IV привилеем своим (от 20 апреля 1638 года) предоставил луцкому православному епископу Афанасию Пузыне церковные бенефиции, которыми пользовался скончавшийся епископ-униат Иеремия Почаповский. По этому привилею в распоряжение Пузыны переходили две кафедральные церкви (в Луцке и Остроге), равно как и все другие церкви, духовные особы и духовная над ними юрисдикция со всеми селами, имениями и всем издавна относящимся к луцко-острожской епархии; но всем этим Пузына владел лично до своей смерти и не мог никоим образом и способом отчуждать эти имения от луцкой епархии³. Но просьба православных о снятии инфамии с Сильвестра Гулевича не была удовлетворена: инфамия осталась на нем и являлась содержанием одного из пунктов в инструкциях Волынского воеводства перед следующими сеймами, и конституция 1638 г. была опротестована католическим и униатским духовенством вместе с некоторыми светскими сенаторами на том основании, что она противна их совести⁴. Одно уже это обстоятельство говорило о том, что православным нельзя было ждать чего-либо хорошего от этой конституции.

Хотя юридически православным и была предоставлена свобода вероисповедания, но фактически они по-прежнему подвергались разным стеснениям и ограничениям со стороны католиков и униатов. Нарушение закона было самым обычным явлением в „славной“ Речи Посполитой. Чем

¹ Эта конституция предписывает обеим сторонам хранить покой, а дело окончательного их успокоения пускает в рецесс. *Volum. legum. III, 263, § 16.*

² *Volum. legum. III, 443, § 15.*

³ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 299, с. 738-39.

⁴ Голубев, Петр Могила II, 157; прилож., с. 155-157.

влиятельнее была известная личность, тем она свободнее и непринужденнее относилась к законам и королевским распоряжениям. Католическое духовенство в этом отношении не отставало от светской шляхты, особенно тогда, когда дело касалось распространения католицизма и выгоде последнего. Униатское духовенство, пользовавшееся широким покровительством со стороны латинской иерархии, и себе позволяло разного рода насилия над православными с целью принудить их к святому единению с римской церковью. Оно не только не отдавало православным церквей, которые должно было уступить последним, но наоборот — отнимало еще принадлежавшие неуниатам. За сопротивление униаты тянули православных в суды, а эти последние, переполненные католиками и униатами, всегда решали дела в пользу униатов и подвергали православных строгим наказаниям и взысканиям. Что приходилось терпеть православным от своих врагов, видно из инструкций, даваемых волынской шляхтой своим послам на сеймы 1639 и 1641 гг.¹ В них они горько жаловалась на те притеснения, которые причинялись православным католиками и униатами. Права неуниатов, подтвержденные статьями успокоения и конституциями последних сеймов, были нарушаемы самым возмутительным образом. Так, холмский владыка-униат Мефодий Терлецкий насильно отобрал в 1639 году у православных церкви в Люблине, Красноставе, Соколе, Бельзе и других городах своей епархии, позапирал их и запечатал; православных священников мучил и заключал в тюрьмы; вследствие этого православные оставались без богослужения: люди умирали без исповеди и святого причастия, дети — без крещения, а умершие погребались в поле без христианских обрядов (*bez pogrzebu*)².

Ввиду таких насилий и вопиющих правонарушений со стороны униатов, православная шляхта не перестает говорить о своих требованиях на сеймах. Сейм 1639 г. был сорван, и, следовательно, православные на нем ничего не добились. Без всяких благоприятных для них результатов прошел и сейм 1640 года. Хотя он и был обычным, шестинедельным, но вся деятельность его свелась к принятию „ухвалы“ относительно внешней обороны Речи Посполитой. В феврале 1640 г. на южные области последней напали татары и произвели здесь страшные опустошения, уничтожив немало сел, городов и замков и захватив в плен до тридцати тысяч человек³. Ввиду серьезной опасности для Речи Посполитой со стороны татар (*rogan*), сейм 1640 года должен был заняться выработкой мер обороны государства и под-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, №№ 22 и 23.

² *Ibid.*, ч. II, т. I, № 22, с. 254.

³ Костомаров, кн. IV, с. 108.

держания его безопасности¹. Грозившая Речи Посполитой опасность со стороны южных хищников побудила православных депутатов не настаивать на своих требованиях по религиозным вопросам, причинявшим большие волнения среди послов и осложнения в ходе сеймовых занятий; они были отложены до следующего сейма в 1641 г. К этому сейму усиленно готовились и православные, и униаты. Волынская шляхта повторяет в инструкции своим послам те самые пункты, которые были составлены ею на сеймиках, предшествовавших двум последним сеймам, и поручает им особенно настаивать (*gorąco instabunt ranowie posłowie nasi* — говорится в инструкции) на снятии инфамии с перемышльского владыки неуниата Сильвестра Гулевича и предоставлении ему отнятых у него бенефиций. Так как перемышльская епископия была свободной (*to właductwo... już vacans*), но волынские послы должны были просить о том, чтобы эта епископия был отдана неуннату. В той же инструкции послам предписывается просить о подтверждении прав киевских школ, фундованных Петром Могилой².

Сейм 1641 года был благоприятен для православных. Их жалобы были выслушаны и разобраны; в результате явились две новые конституции, гарантирующие религиозные права неуниатов. Одна из них касалась православия вообще, другая только перемышльской епархии и подвергнутого инфамии епископа Сильвестра Гулевича. Первая конституция, озаглавленная: „религия греческая“, следующего содержания. „Свободное исповедание греческой религии для не находящихся в унии обеспечено пактами счастливой нашей коронации. Теми же таки пактами, комиссиями и привилегиями распределены епархии, братства и церкви между униатами и неуннатами. Но так как установленное между ними согласие разными процессами, а свободное исповедание отнятием церквей нарушены, то постановляем: все процессы из-за религии (*ex occasione religionis*), но не из-за насилий и не те, которые подрывают силу закона (*vim legis sopiunt*), между духовными и светскими лицами всякого звания и состояния, в Короне и в Великом Княжестве Литовском, начатые с обеих сторон, в каком бы положении (*na stopniu*) они ни находились, декреты, банниции, секвестры, суспенсы приостанавливаем (*suspenduiemy*) до другого шестинедельного сейма, на котором по докладу (*ex ad citatione*) обо всех тех делах учиним разбирательство. Чтобы на будущее время такие дела больше не затрудняли Речи Посполитой, определяем: по всем уголовным процессам между светскими и духовными лицами разбирательство будет происходить по специальному реестру уголовных дел на сейме, если дизуниты

¹ Volum. legum. III, 464, § 1.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, с. 270 и 276.

будут позваны в Короне, и в великом коле, если они будут позваны в Великом Княжестве Литовском, — разбирательство на назначенном сейме. По делам церковным об отнятии церквей и церковных имений, как таковым, где речь идет об оценке значения привилеев, разбирательство будет перед нами, на наших реляционных судах, а предварительное расследование (*praevia inquisitione*) в собственном (т.е. местном) городе или земстве. Этот суд (городской или земский) по совершении расследования, не вдаваясь ни в какие решения, со всеми добытыми данными (*cum toto causae effectu*) должен отослать дело в наш реляционный суд, для чего назначается срок в шесть недель. Такие дела мы немедленно, согласно с конституцией 1635 г., решим и по решению отошлем в соответствующий город для окончательного исполнения (*pro finali executione*)¹.

Православные жаловались на то, что при столкновении их с унитами местные суды (городские и земские) принимают сторону униатов. И вот сейм приведенной выше конституцией 1641 г. передает решение тяжб между православными и униатами уголовного характера на сейм или в великое коло (трибунала), а дела исключительно вероисповедного характера (об отнятии церквей и имений церковных) в королевский реляционный суд. Такое перемещение процессов из одних судебных инстанций в другие было благоприятно для православных, потому что давало им больше надежды на справедливое решение их дел. Реляционный суд совершался под председательством самого короля, а от него, при отсутствии в нем религиозного фанатизма, скорее можно было ожидать беспристрастия, чем от членов городских и земских судов, католиков и униатов, находившихся под сильным влиянием своих духовных отцов и в стеснении схизматиков видевших спасительное для души дело.

Вторая конституция этого сейма, касающаяся перемышльской епархии, озаглавляется: „Восстановление урожденного Сильвестра Гулевича“. В ней прежде всего сообщается, что, по просьбе земских послов и с согласия всех станов, *authoritate conventus praesentis*, снимается инфамия с урожденного Сильвестра Гулевича, перемышльского неунитатского владыки и с его сообщников (*complicibus*); он восстанавливается во всем прежнем достоинстве (*ad pristinum honoris statum*), но с тем однако условием, чтобы перемышльское владычество с монастырем св. Спаса и с относящимися к нему имениями на вечные времена оставлено было за униатами. Монастырь св. Онуфрия с селом Начуткою, монастырь Лавра с селением Лавровым и монастырь Смольница навсегда *de facto* остаются во владении (*in possessione*)

¹ Volum. legum IV, 7-8, § 8.

дизунитов, относительно чего для них предоставляется свободная „реляция“. По смерти нынешнего владыки-униата к этому будет присоединено еще селение Сегмо¹, в остальном же изложенное в статьях, составленных на избирательном сейме (т.е. статьях успокоения), не нарушается. После смерти теперешнего неуниатского владыки Гулевича в эти монастыри будет назначаться архимандрит, а владыкой будет оставаться униат².

Из приведенной конституции видно, что снятие с епископа Сильвестра Гулевича, равно как и с его сообщников (от 130 до 140 человек), инфамии сделано даром и обошлось недешево для православных: они теряли перемышльскую епархию, так как она вместе с монастырем св. Спаса должна была оставаться в руках православных только до смерти Гулевича, после же этого она переходила в руки униатов. Получая удовлетворение своих настаиваний относительно Сильвестра Гулевича, православные теряли одну епархию³. Но дело о перемышльской епархии не кончилось сеймом 1641 г. Вопрос о ней потом поднимался неоднократно и на последующих сеймах XVII века. Относительно нее постановлено было несколько конституций, о которых придется говорить в своем месте. Папский нунций, католическое духовенство и униатский митрополит Антоний Селява были недовольны сеймом 1641 года и против указанной конституции о греческой религии внесли свои протестации в надлежащие судебные учреждения. Сделано это было пять месяцев спустя после ее обнародования⁴.

Правление Владислава IV закончилось для православных так же благоприятно, как и началось. Последним сеймом при нем был чрезвычайный трехнедельный сейм 1647 г.⁵ Хотя он был созван для обсуждения мер к обороне Речи Посполитой от турок, но православные им воспользовались для подтверждения своих религиозных прав, по-прежнему нарушаемых, несмотря на все бывшие сеймовые постановления, католиками и униатами. Свои жалобы на притеснения со стороны противников и на нарушения последними своих прав православные представляли и на сеймы 1642, 43, 45 и 46 гг., но на всех этих сеймах они оставались без удовлетворения. Инструкции сеймовым послам, составляемые волынской шляхтой, представляют

¹ Sehnie – вероятно, Шехино (Szehinie), о котором говорится в привилее Владислава IV от 14 марта 1635 г. Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 280, с. 695 См. выше, с. 283.

² Volum legum IV, 8, § 9

³ На православных это обстоятельство произвело удручающее впечатление. Брестский игумен Афанасий Филиппович с горечью замечает в своем „диаруше“ „отец Гулевич баницю с себя сносит, владычество Премыское пустив в вечность (как в конституции написано) на унсю“. Рус. Ист. Биб. т. IV, кол. 88.

⁴ Голубев, Петр Могила, II, 179, Макарий XI. 564.

⁵ Volum. legum. IV, 51-70.

положение православных крайне печальным. В инструкции 1645 года так изображается положение православных: „Религия греческая древняя (avita) инкорпорованная (incorporata), упривилегированная pasta'ми conventa'ми, апробированная и священной присягой нынешнего короля, пана нашего милостивого, подтвержденная, подвергается таким насилиям в христианском католическом государстве, в вольной и свободной Речи Посполитой, каких не претерпевают и христиане-греки в мусульманской (poganskieu) неволе. Церкви, монастыри и кафедры у нас отобраны, свободное отправление богослужения запрещено, бедные христиане умирают без святого причастия и не смеют публично погребать своих умерших. В Люблине, в Сокале, в Бельзе и других городах вследствие отнятия церквей православные христиане принуждены тайно погребать умерших в подвалах (w piwnicach) и домах своих“. Митрополиту (православному) запрещают носить крест пред собою и хотят добиться подтверждения этого запрещения сеймовым постановлением. Ввиду таких тяжких притеснений православия, послы обязуются верой, честью и совестью не приступать ни к какому обсуждению далее, не добившись удовлетворения и успокоения своей веры. Люблинская церковь, Сокальская и Купятицкий монастырь должны были realiter и de facto возвращены, а проект запрещения предносить митрополиту крест отвергнут. Когда все будет основательно и действительно успокоено, тогда, чтобы те духовные, которые приняли унию, больше не помыкали (nie przewodzili) всем народом и не нарушали мира и спокойствия Речи Посполитой. Затем шляхта выражает желание вступить через православное духовенство в переговоры об успокоении непосредственно с католиками, а не с теми немногими, которые приняли унию и производят смуты и волнения, послам предоставлялось назначить время для этих переговоров, а местом должен быть Луцк. В случае безуспешного съезда православного и католического духовенства волынская шляхта остается при своих давних правах¹.

Те же жалобы и требования того же Волынского воеводства встречаются и в инструкции 1646 г. К ним еще присоединена жалоба на передачу Луцкой епархии и Жидичинского монастыря униатам и требуется возвращения их православным. Жалуется волынская шляхта на Мефодия Тарлецкого, униатского епископа холмского, который вопреки королевскому декрету и решению комиссаров, не соглашался уступить в Сокале и его окрестностях (przynależnościach) церквей и относящихся к ним имуществ, занес протестации против комиссаров и православного владыки, отяго-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 25, с. 287-88, § 3

шал их процессами и тянул в трибунал. Послы должны просить, чтобы эти дела были переданы в задворный суд¹. Но все эти требования на сеймах 1645² и 1646 г. не были удовлетворены. Только сейм 1647 г. уделил достаточно внимания настойчивым просьбам православных и подтвердил им обещание неотложно их успокоить, сообразно со статьями успокоения 1632 г. В конституции этого сейма, посвященной греческой религии, говорится: „Все права, служащие народу русскому, исповедующему греческую религию, сообразно с выработанными на счастливой элекции нашими статьями, обещаем немедленно привести в исполнение и властью этого сейма назначаем комиссаров как от Короны, так и от Великого княжества Литовского“ (для распределения церквей между православными и униатами и отобрании тех, которых последние не хотят передавать первым). Но вместе с этим обещанием правительства успокоить „русский народ греческой религии“, по статьям успокоения в рассматриваемой конституции делается замечание, что постановление конституции 1641 г. о Перемышльской епархии сохраняется в целостности (*salva constitutione*)³. Благоприятной для себя конституцией 1647 г. православные обязаны Владиславу IV, который по-прежнему сохранял свое расположение к русско-православному населению и свое беспристрастие, и верность данному слову. Правдоподобным является предположение, что король уступкой православию в 1647 г. хотел расположить в свою пользу русский народ вообще и в частности казачество, чтобы с его помощью добиться осуществления своих планов относительно Турции и усиления своего значения в ущерб влиянию государственных дел магнатов, которые на сейме 1646 г. категорически потребовали от короля прекратить всякие приготовления к войне с Турцией⁴.

Русская шляхта жаловалась на сейме 1647 г. на то, что у светских лиц происходят столкновения с владыками из-за права подаванья. Епископы часто назначают священников во владельческие имения без ведома и согласия на то со стороны самих владельцев, которые по давнему обычаю считали право подаванья в своих имениях своею неотъемлемою собственностью. Из-за этого-то и возникали серьезные недоразумения между духовной властью и помещиками. Сейм обратил внимание на эти недоразумения и для устранения их на будущее время постановил конституцию „О русских духовных как состоящих в унии, так и не состоящих в ней“, содержание

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 26, с. 319-321.

² Сейм 1645 г. был сорван.

³ Volum. legum, IV, 52-53, § 8.

⁴ Бобржинский П., 194-95; Szujski III, 300-302.

которой можно передать в следующих чертах. Шляхетское сословие тяготеет (*zda się mieć uciążenie*) тем, что владыки хотят вырвать из их рук и власти (*z rąk u z mocy*) назначение священников в их дедичных имениях и узурпируют себе *jus collationis*. Ввиду этого, сейм, ссылаясь на давний обычай, определяет, чтобы право подаванья к церквям священников оставалось за дедичами, а в королевских имениях (*w dzierżawach*) это право подаванья священников принадлежало державцам имений; исключения составляют более важные бенефиции (*salvis majoribus beneficiis*), где это право удерживалось за королем. Так как владыки часто отягощали подведомственное им духовенство поборами и работами на себя, то той же самой конституцией запрещается им принуждать священников к работам и поставке подвод и брать с них подати¹.

Последняя конституция должна быть признана скорее вредной для православия, чем полезной. Дело в том, что сельские приходы отдавались ею в полное распоряжение владельцев имений, панов-помещиков. Последние избирали в священники к церквям своих имений не тех, кто был более достоин и способен к исполнению этого служения, а того, кто был угоден им. Полонизация русской шляхты к половине XVII ст. сделала громаднейшие успехи. Большинство русских шляхтичей под влиянием полонизации отказались от отцовской веры и приняли латинство. Ренегаты своей веры, а вместе с ней и своей народности, не только не были расположены поддерживать православие и защищать его интересы, но, напротив, оказывали содействие латинской пропаганде и поданных своих старались обратить в католичество или, по крайней мере (ввиду исконного нерасположения русского народа к латинству), навязать им унию. С этой целью и к церквям в своих владениях они назначали священников-униатов, а державшихся православия подвергали гонениям, отягощали разного рода налогами, поборами и повинностями, а то и просто прогоняли с прихода². Таким образом, рассматриваемая конституция усиливала власть помещика над священником и ставила последнего в полную зависимость от первого, что самым неблагоприятным образом отражалось на положении православия. К счастью для последнего, и униатское сельское духовенство несвободно было от той же зависимости от дедича-помещика и произвола с его стороны, на что и жаловалась высшая униатская иерархия³.

Правление Владислава IV было благоприятно для православных. Благодаря совместной деятельности православной шляхты и казачества в юри-

¹ Volum. legum. IV, 59, § 54.

² Макарий XI, 621 (свидетельство Кассиана Саковича в его „Перспективе“).

³ Ibid, XI. с. 621-622

дическом отношении они добились очень многого; но фактически положение их далеко не соответствовало тому, что гарантировали им сеймовые постановления и королевские привилеи. Царивший в Польско-Литовском государстве произвол при религиозном фанатизме католиков лишал всякого значения благоприятствовавшие православию конституции и привилеи. Шляхта действовала всегда произвольно, законы совершенно игнорировались. Духовные лица, не принимавшие унии, были гонимы и отягощаемы разного рода судебными процессами. Православные мещане были ограничиваемы во всех своих правах, а сельское население, терпевшее крепостной гнет со стороны панов-помещиков, было теснимо и в религиозном отношении там, где паном являлся католик. Религиозные стеснения православных, доходившие до отдачи в аренду евреям церквей, навязывание ненавистной для всего русского народа унии вооружали его против поляков. Нерасположение к последним особенно замечалось среди посполства (крестьянства), угнетаемого панами и их арендаторами-евреями, и среди казачества, испытывавшего ограничения в своих правах и стеснения со стороны старост и панов юго-восточных областей Речи Посполитой. Нерасположение это росло с каждым годом. Православная шляхта, хотя и отстаивала на сеймах интересы своей религии, но тянула больше руку за своей католической братией и вместе с нею отстаивала свои сословные интересы, которые стояли в противоречии с интересами русской народности, а отчасти и веры. Так как шляхетские интересы совпадали с польскими, то православная шляхта не думала об облегчении того социально-экономического гнета, который несли непривилегированные сословия русской народности (крестьяне, а в некоторой степени мещане и казаки) и не предпринимали никаких мер к ослаблению все более и более усиливавшегося ожесточения против панов-поляков среди русско-православного народа как против своих притеснителей. Казаки в тридцатых годах пробовали проявить вооруженный протест против возмутительного попирания прав своей народности (восстание Павлюка и Острянина в 1637 и 1638 годах), но попытки их остались на этот раз безуспешными. Поляки подавили восстание и, думая, что теперь уже отнята всякая возможность у русского народа противиться своим поработителям, усилили еще более свой гнет над ними. Искание правды законным порядком ни к чему не вело (пример — жалобы Богдана Хмельницкого на своих притеснителей). Король, несмотря на все расположение к русскому народу, ничего не мог поделать с самовольной шляхтой. Наконец чаша терпения православного народа переполнилась, смелый призыв Богдана Хмельницкого (в 1648 г.) стать единодушно за попираемые веру и права поднимает народ на ноги. Началась страшная кровавая борьба между притесня-

емыми и притеснителями. Торжество Хмельницкого над польскими войсками у Желтых Вод и под Корсунем (весной 1648 г.) наводит ужас на польских панов. Универсалы казацкого гетмана (28-го мая 1648 года) призывали всех, кому „мила вера благочестивая, от поляков на унию претворенная“ собираться вокруг него „на добрых конях и с исправным оружием неоткладно и станути мужественно и небоязненно, при всемогущей помощи Божией, против поляков, своих грабителей, озлобителей и супостатов“¹.

Из-под Белой Церкви, куда он прибыл после битвы под Корсунем, Богдан Хмельницкий отправил (2 июня 1648 г.) в Варшаву к королю четырех представителей с „листом“ своим; в нем излагались жалобы на притеснения русского народа, казачества и православия (которое и в турецкой неволе не знает тех бед, что в Польше) и просьбы простить казаков и оставить их при древних правах и привилегиях². Вместе с письмом Хмельницкого к Владиславу IV казацкое посольство везло с собою и особый список несправедливостей и притеснений, испытываемых казаками со стороны польского уряда. Казаки просили защиты и сохранения их при их старых войсковых вольностях, подтвержденных многими привилегиями. Посольство не застало в живых Владислава IV; поклонилось его праху 17 июля 1648 г. и осталось в Варшаве для присутствия на конвокационном сейме. Названный список жалоб казацких теперь послужил посольству инструкцией на этом сейме. Из четырнадцати пунктов наиболее интересен последний, как касающийся церковных дел. Казаки „просят о духовенстве исконной, греческой религии, чтобы оно оставалось нетронутым и чтобы те святые церкви, которые насильно обращены в унию (как, например, в Люблине, Сокале, Красноставе, Владимире, в Литве и где-либо в ином месте) опять могли оставаться при своих старых правах (wolnościach)“³.

На конвокационном сейме 1648 г., как и на прежних конвокациях, разномыслие также добивались улучшения своего положения, что вызывало сильные возражения со стороны католической партии. Во главе православных стоял брацлавский воевода Адам Кисель, который смело указывал на те притеснения, которым подвергались православие и казаки⁴. Ввиду переживаемого государством критического момента настроение сейма было тревожное; внимание его было сосредоточено на деле усмирения поднявшегося казачества. Поэтому, во избежание замешательств и излиш-

¹ А.З.Р., т. V, № 23, с. 81.

² Памят. Киев. Комис., т. I, отд. II, № 27, с. 241-43. (2-е изд.).

³ Памят. Киев. Комиссии, т. I, (2-го изд.), № 29, с. 245-46; ср. Костомаров, Истор. Монографии, кн. IV, с. 176-177 и Соловьев, II кн., 1569-1570.

⁴ Szujski. III. 313.

них словопрений, участники конвокации включают в генеральную конфедерацию (16-го июля 1648 г.) обещание хранить религиозный мир и согласие между разноверцами (*dissentibus in religione christiana*) в тех же самых словах и выражениях, что и в генеральной конфедерации 1632 г.; все декреты коронного и литовского трибунала, имеющие силу закона и направленные против спокойствия и мира диссидентов, согласно с конституцией 1627 г. не должны быть приводимы в исполнение никакими учреждениями; декреты и протестации, противные этой конституции, в каком бы суде они ни появились, не должны иметь никакого значения и разбор таких дел (*o so fogum*) будет на сейме¹. Относительно греческой религии, на притеснение которой жаловались и казаки, и православная шляхта, заявлялось, что она, как тесно связанная (*incorporata*) с русским народом, должна быть всецело сохраняема, сообразно с давними правами и привилегиями; все допущенные по отношению к неунятам, вопреки статьям, составленным на избирательном сейме 1632 г. и утвержденным сеймовыми конституциями, правонарушения относительно их кафедр, митрополий, владычеств, архимандрий, монастырей, церквей, братств, госпиталей, типографий, семинарий и коллегий, все они будут успокоены на будущем, если даст Бог, избирательном сейме, и включены для надлежащего исполнения (*do eхекуcyi*) в *pacta conventa* будущего короля *absque omni disquisitione et contradictione* (без всякого исследования и противоречия)². Опасность со стороны казаков заставляла сейм идти на уступки православным, но католическое духовенство и теперь не удержалось от того, чтобы не опротестовать акт генеральной конфедерации 1648 г. Примас Матфей Любенский и латинские епископы подписали его с оговорками: *salvis juribus ecclesiae Romanae catholicae*; их примеру последовали и некоторые светские лица³. Избирательный сейм, назначенный на 6 октября 1648 г., происходил под впечатлением тех успехов, которые имел Хмельницкий. От Белой Церкви он двинулся вглубь Польши и везде истреблял попадавшиеся ему польские отряды. Восставшие крестьяне производили избиение панов, ксендзов, католических монахов и евреев. Скрываемое долгое время раздражение русского народа против своих притеснителей прорвалось теперь наружу и сопровождалось жестокой расправой по отношению ко всему католическому и польскому. Переговоры комиссаров с Киселем во главе, высланных к энергичному вождю казаков, не привели ни к чему. Он двигался все дальше и дальше. Под Пилявцами (в сентябре

¹ Volum. legum. IV, 75; ср. Volum. legum. III, 345, §§ 6-7.

² Volum. legum. IV, 75.

³ Volum. legum. IV, 85-87.

1648 г.) Хмельницкий разбил польское войско, взял большой выкуп со Львова и остановился подле Замостья, где и ждал результатов избирательного сейма. Отсюда он посылал на сейм требование, чтобы в короли непременно был избран брат покойного — Ян Казимир¹. Сейм избрал его 17-го ноября 1648 года, а 20-го новоизбранный король присягой подтвердил *pacta conventa*. Касательно православной религии в них было сказано следующее: „Что касается людей греческой религии разрозненных, то их немедленно обязуемся успокоить, согласно с составленными при избрании блаженной памяти короля Владислава IV статьями, по желанию Речи (на *affektacya*) Посполитой, при депутатах того и другого чина (*ex utroque ordine*)“². Последний пункт этих *pacta conventa* заключал в себе подтверждение всех законов, прав, вольностей, привилегий и статуты Коронных и Великого княжества Литовского, которые законно даны всем сословиям духовным и светским, соединенным провинциям, всех статей, составленных при коронациях Генриха, Батория, Сигизмунда III, Владислава IV и при избрании Яна Казимира; тут же содержится и обещание короля дать, по примеру его предшественников, генеральное подтверждение прав и пактов³. Все содержание этого пункта может служить гарантией прав, принадлежащих православным, как и вообще подданным Речи Посполитой.

Новый король прежде всего обратился к Хмельницкому с приказанием отступить назад со своим войском и прекратить опустошения, за что обещал удовлетворить требования казаков. В ответ на это приказание казацкий гетман отправил к королю условия, на которых он соглашался прекратить свои военные действия. В числе их находилось и требование, чтобы уния была совершенно уничтожена. Король, соглашаясь с требованиями Хмельницкого относительно восстановления давних казацких прав, вопрос об унии передавал на разрешение особых комиссаров, которые будут высланы для улаживания возникших недоразумений⁴. Удовлетворенный обещанием короля, Хмельницкий отступил назад и тем дал возможность спокойно совершиться коронационному сейму, который происходил в начале следующего 1649 года. В присяге нового короля, произнесенной им при коронации, как и в присягах предшествовавших ему королей, содержится обещание хранить твердо и ненарушимо все права, вольности и привилегии как общие, так и частные, предоставленные обоим народам и всем провинциям Речи Посполитой предыдущими королями от Казимира Великого до Вла-

¹ Соловьев, кн II, 1577, Szujski III, 322.

² Volum. legum. IV, 94.

³ Volum. legum. IV, 95.

⁴ Szujski III, 323

дислава IV, все постановленное сеймом во время последнего бескоролья, соблюдать мир и спокойствие между разноверцами и никоим образом не преследовать из-за религиозных различий¹. Конфирмация прав, обнародованная Яном Казимиром на том же коронационном сейме, содержит в себе то же, что и его присяга, но только в ней говорится об этом более подробно². Король гарантирует религиозные и гражданские права разноверцев, в том числе, значит, и православных. Но от Яна Казимира трудно было ожидать того расположения к православным и покровительства им, которые выказывал его покойный брат. Будучи иезуитом и кардиналом до своего избрания, Ян Казимир был предан интересам иезуитского ордена и католичества³, а характер его, неуступчивый и склонный к крутым и насильственным мерам, мог вызывать опасения среди православных насчет его отношения к неуниатам. Так как интересы православия во все время правления Яна Казимира отстаивали с оружием в руках казаки, то отношение правительства к неуниатам стояло в прямой зависимости от того, кто брал верх — поляки или казаки. Вообще политические события того времени имели чрезвычайно важное значение для положения православия: под влиянием этих событий поляки по временам готовы были дать полное торжество православию, окончательно снести унию и уравнивать его с католичеством (например, Зборовский договор 1649 г., Гадячские статьи 1658 г.).

На самом коронационном сейме относительно православной религии ничего не было постановлено. Все время прошло в горячих спорах по разным вопросам, в числе которых религиозный занимал видное место. Едва-едва сейм не был сорван⁴. Требования православных относительно своей веры были пущены в рецесс, т.е. рассмотрение их отложено было до следующего сейма. Такая отсрочка мотивировалась недостатком времени, так как сейм, ввиду затруднительного положения государства, продолжался только три недели¹. Может быть, о православии не хотели говорить до того времени, пока высланные в Переяслав к Хмельницкому комиссары не окончат с ним своих переговоров. Но эти переговоры шли очень медленно: ни одна из сторон не хотела делать никаких уступок другой. После долгих переговоров Хмельницкий вручил комиссарам (в феврале 1649 г.) условия, на которых казаки согласны заключить мир с поляками. Казаки и Богдан Хмельницкий в числе своих требований к королю и Речи

¹ Volum. legum. IV, 117-118

² Volum. legum. IV, 118-119.

³ В день своей коронации Ян Казимир дал обещание католическим епископам не предоставлять ни одного места в сенате, ни одной должности, ни одного староства не католику. Антонович, т. I, с. 271.

⁴ Szujski III, 325

Посполитой в феврале 1649 года между прочим выставили. 1) Чтобы то горшее турецкого рабство, которое терпит через унию русский народ из-за своей старой греческой религии, было устранено, т.е. как спокон веку бывало, так и теперь оставалась только одна Русь старого греческого обряда (закона), а владычества и все церкви повсеместно в Короне и Литве оставались за русским народом; имени унии чтобы не было, а только римский и греческий обряды, как это было тогда, когда Русь соединилась с Польшей. Униатские епископы, желающие остаться верными римскому обряду, пусть будут неприкосновенны, но предварительно они должны отдать Руси соборные греческие церкви и старые фундаменты, а пожелавшие держаться греческого обряда пусть остаются при Руси, отдавши, что кому следует; когда будет, как издавна было, только два обряда — греческий и римский, тогда не будут терпеть лишения христиане — братья наши из-за унии, без которой будет согласие и дела пойдут хорошо.

2) Чтобы Киевским воеводой был русский по происхождению и греческого обряда, чтобы он не нападал на церкви Божие, как нынешний, который выбрасывал из замка церкви и не позволял их строить; чтобы киевский митрополит имел место в сенате и чтобы Русь вообще имела для охранения своей веры и прав русского народа, по крайней мере, трех сенаторов: из среды духовенства — митрополита, из светских — каштеляна и воеводу киевских.

3) В Киеве чтобы все костелы и монастыри (католические), как есть, так и оставались бы, но иезуитов чтобы нигде не было: их ввел в русские школы киевский воевода, и отсюда произошло немалое замешательство².

Требования Хмельницкого, как и следовало ожидать, были отвергнуты польским правительством; надо было ожидать новых военных действий, которые действительно и начались с наступлением весны 1649 года. Перевес был на стороне казаков, действовавших и в этом году со своими союзниками татарами. 5 августа под Зборовом было разбито казаками польское войско, которым предводительствовал сам король. Неудача принудила польское правительство вступить в новые переговоры с казаками и на этот раз быть более уступчивыми. 9 августа был заключен так называемый Зборовский договор, содержащий в себе одиннадцать пунктов. 1. Запорожское войско остается при своих давних правах. 2. Число его будет простираться до 40 тысяч, а составление списков поручается гетману; позволяется вписывать в казаки как из шляхетских, так и из королевских имений, как на

¹ Volum. legum. IV, 124, § 20.

² Памят. Киевск. комисс., т. I, отд. III, № 68, с. 332-333, (2-е изд.); ср. А. Ю и З Р., III, № 243, с. 288-289.

правой, так и на левой стороне Днепра. 3. Чигирин с его округом предоставляется Богдану Хмельницкому и навсегда остается за гетманом Запорожского войска („при булаве войска Запорозского“). 4. Прощение и забвение со стороны панов всего сделанного (крестьянами и казаками) во время волнений. 5. Прощение шляхты как русской, так и католической, действовавшей заодно с казаками. 6. Где будут жить реестровые казаки, там не должно быть коронного войска. 7. „Жидаы“ не могут быть арендаторами, державцами и жителями в тех местах, где будут находиться казацкие полки. 8. Об унии как в Польше, так и в Великом Княжестве Литовском, о церковных имениях, относящихся к ним фундациях и о всех правах церкви будет сделано постановление в присутствии киевского митрополита и духовенства на будущем сейме; желание митрополита должно быть исполнено. Король позаботится о том, чтобы каждый пользовался своими правами и вольностями и соглашается на предоставление киевскому митрополиту места в сенате. 9. Все чины и должности в Киевском, Брацлавском и Черниговском воеводствах, по давним правам, будут раздаваться обывателям „стану шляхецкого веры православной грецкой“. 10. В Киеве, где находятся упривилегированные русские школы, равно и в других украинских городах, иезуиты не могут основывать своих школ; все же другие русские школы, которые существуют издавна, должны оставаться в целости. 11. Казакам позволяется гнать водку для личной надобности и продавать ее „гуртом“; пиво и мед продавать можно по давнему обычаю. Статьи Зборовского договора заканчивались требованием утвердить все изложенное в них на ближайшем сейме¹.

Сейм назначен был на 22 ноября 1649 года. Зборовские статьи вызвали сильное неудовольствие среди шляхты, особенно терявшей свои имения в южных областях, и духовенства, которое недовольно было за пункты относительно унии и за предоставление православному киевскому митрополиту сенаторского кресла. Католическая партия и слышать не хотела об уступках православным. Сейм оказался очень бурным и затянулся до января 1650 года, хотя предполагалось сделать его только двухнедельным. Короля винили в потакании казачеству. Представители казачества и православное духовенство с митрополитом Сильвестром Коссовым во главе, прибывшие в Варшаву, настаивали на том, чтобы Зборовский договор был утвержден и уния снесена. Католики подчинились необходимости и согласились принять договор, за исключением пункта о допущении православного митрополита в сенат. Католические бискупы в этом видели ос-

¹ А. Ю. и З. Р., т. III, № 303, с. 415-16; Костомаров, Ист. Моногр., кн. IV, с. 318-20.

корбление латинства и нарушение старинных прав римско-католического духовенства и решительно заявили, что они тотчас же оставят сенат, если в него войдет Коссов. Напрасны были доводы благоразумных поляков в пользу допущения митрополита, напрасно они говорили католическим прелатам, что сенаторы-дизуниты (Кисель, напр.) тоже радят о благе Речи Посполитой, и что митрополит, допущенный в сенат, явится своего рода заложником в руках сейма. Бискупы оставались упорными и не соглашались на уступки. Сильвестр Коссов и православные должны были отказаться от своего требования¹. Во всем остальном сейм утвердил статьи Зборовского договора². Утверждение это содержится в конституции, носящей заглавие: „Апробация объявления нашей милости к Запорожскому войску“³. Она гласит, что возвешение королевской милости к Запорожскому войску, сделанное под Зборовом, с согласия всех станов одобряется авторитетом настоящего сейма, так как для успокоения казаков все произошло согласно с конституцией, постановленной на коронационном сейме. На последнем же было обещано успокоить православных по статьям успокоения, принятым сеймом 1632 г. Поэтому король в последний день сейма (12 января 1650 г.) издал диплом, в котором на основании Зборовского договора православию предоставлялись следующие права. а) Епархии: луцкая, холмская, витебская вместе с мстиславской и со всеми относящимися к ним издавна церквами, архимандрия Жидичинская и монастырь Лещинский со всеми имениями отдаются киевскому митрополиту Сильвестру Коссову и лицам, избранным на эти места и им, митрополитом, посвященным. Купятицкий монастырь, принадлежащий неуниатам, освобождается от всех судебных определений (*przewody*), противных статьям успокоения Владислава IV. б) В перемышльской епархии, еще при жизни униатского епископа Крупецкого, должны быть переданы нынешнему епископу неуниату монастыри: Спасский, Онуфриевский с селом Навчовкою, монастырь Лавра с селом Лавровым и Смольницкий, после смерти же Крупецкого вся эта епархия со всеми ее местностями должна оставаться за православным епископом. в) Ввиду того, что в витебско-мстиславской епархии нет имений, на содержание нынешнему владыке

¹ Костомаров, Ист. Моногр., кн. IV, 337-338; Szujski III, 330-331.

² В универсале короля Яна Казимира от 19 января 1650 г., которым он извещал „всех вообще и каждого в отдельности“ о подтверждении сеймом Зборовского договора, говорится, что мирный договор (*рокоу*), заключенный королем под Зборовом, согласно и одинаков всей Речью Посполитой на нынешнем (1649–1650 г.) сейме подтвержден. В этом универсале сообщалось о назначении „ради сохранения общественного покоя“ киевским воеводой Адама Киселя Памят. Киев. Комисс., II т., отд. III, № 1, с. 565-566 (2-е изд.).

³ *Volum legum*. IV, 130, § 13.

(православному) назначается половина из имений полоцкого униатского архиепископа. г) Всему русскому народу, не признающему унии, в Короне и в Великом Княжестве Литовском, как было и прежде, предоставляется свободное исповедание веры (*exercitium liberum*), а митрополиту — ношение в своих епархиях креста, как *insigne metropolitanskie* (отличительный знак митрополита). д) Православным возвращаются те церкви, которые упоминаются в статьях успокоения Владислава IV, причем следует их перечень (в Смоленске, Могилеве, Вильне, Троках, Минске, Мстиславле, Бобруйске, Люблине, Красноставе, Бельзе, Грубешове и др.). Кроме того, православным передаются церкви и там, где при Владиславе им иметь их запрещалось: в Витебске — две, в Полоцке — одна, в Новогрудке — одна. Для передачи этих церквей будут назначены комиссары, по выбору православных. Православным позволено строить новые деревянные и каменные церкви на тех местах, где они прежде стояли. е) Духовные суды православных должны быть всецело сохраняемы на основании привилея Сигизмунда I от 1511 г.¹ ж) Дозволяются не только те братства, которые существуют, но и те, которые были запрещены (в Смоленске и Бельске). Киевские и другие школы, равно как и типографии, всецело сохраняются, а цензура книг оставляется за митрополитом и епископами в их епархиях; кадук² с львовского типографа Слезки снимается. з) Все русские мещане, особенно львовские, оставляются при своих давних правах и вольностях, допускаются к должностям и освобождаются от всяких притеснений и ограничений, особенно в Киеве, Виннице, Чернигове, Мозыре, Речицке, Стародубе, Пинске и других городах, где были смуты. и) Подтверждается, чтобы имения церквей греческого обряда никоим образом не отнимались, а Перегинск, не по праву отнятый, будет возвращен львовской епархии. к) Русские священники, не находящиеся в унии, пребывают при своих вольностях и нигде не будут обременяемы никакими налогами, подводами, податями, денежными сборами, жолнерскими постоями и работой, и не подчиняются никому из светских, кроме своих духовных властей³.

Сравнение этого диплома с теми сеймовыми постановлениями и королевскими привилегиями, которые были изданы при Владиславе IV, пока-

¹ См выше, с. 76-78.

² Кадуком (*jus caducum*) называлось право передачи в королевскую казну того имения, у владельца которого, после его смерти, не оставалось родственников до восьмой степени включительно. Горбачевский, 175.

³ Собр. древ. актов и грамот город. Минской губ., № 122, с. 250-255; Арх. Ю.-З Р., ч. II, т. I, № 32, 370-77.

зывает, что православные по нему получили то, чего не имели прежде. Перемышльская епархия конституцией 1641 г.¹ навсегда отдавалась униатам вместе с монастырем св. Спаса, по диплому же Яна Казимира монастырь этот немедленно отдается православным, а вся епархия принадлежит униатам только до смерти Крупецкого, после же смерти его она переходит навсегда в руки православных. В привилее Владислава IV, выданном униатам на сейме 1635 года, содержалось прямое запрещение, противное статьям успокоения 1632 г., иметь православным церкви в Витебске, Полоцке и Новогрудке², теперь же позволялось им иметь церкви и в названных трех (равно как и во многих других городах). Затем, диплом 1650 г. дозволяет прежде запрещенные братства в Смоленске и Бельске и ношение креста перед митрополитом, чего добивалась православная волынская шляхта в 1645-46 годах. Но, предоставляя православным кое-что новое, диплом этот далеко не отвечал Зборовским статьям, хотя и составлялся на основании последних. Зборовский договор обещал сенаторское кресло православному митрополиту и уничтожение унии; но в дипломе Яна Казимира об этих предметах нет ни слова. В постановлении этого сейма находим замечание, что, ввиду недостатка времени, в числе прочих вопросов откладывается до следующего сейма и требование о греческой религии³. В конце диплома Яна Казимира находится следующее замечание: „А если еще что-либо потребно (należy) для основательного успокоения и на этом сейме из-за скопления дел Речи Посполитой не приведено в исполнение, то все удерживаем до будущего сейма“⁴. По всей вероятности, попавшие в рецесс требования касательно греческой религии и были вопросы о допущении в сенат православного митрополита и об уничтожении ненавистной русскому народу унии.

Такие уступки православию не могли нравиться католикам, а потому они и не остались без протестаций. Папский нунций 31 января 1650 г. протестовал против всех декретов, данных на этом сейме в пользу православных и утвержденных королем⁵.

Королевский диплом 1650 г. не прекратил враждебных отношений между католиками и православными. Обе стороны оставались недовольными. Нужно было ожидать опять военных столкновений, почему и казаки, и поляки готовились к войне. Король принужден был созвать двухнедельный

¹ Volum. legum. IV, 8, § 9.

² Арх. Сбор. I, № 138-141, с. 356-57, II, № 44, с. 60-61.

³ Volum. legum. IV, 135, § 46

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, 375.

⁵ Theiner III, № 450, p. 467-468

сейм в конце того же самого 1650 года, чтобы обсудить положение дел и выработать меры успокоения государства. Сейм открылся 5 декабря¹. Католики явились на сейм с твердым намерением не делать никаких уступок. Православные выставляли свои настойчивые требования относительно прав их религии. Волынская шляхта указывала на факты отнятия у Жидчинского архимандрита имени Торокани, которым незаконно (*nullojure*) владел Селява, и Овручской архимандрии и требовала возвращения их законному владельцу². Известный уже Кисель, являвшийся всегда твердым защитником православия, заявлял, что для успокоения русского народа необходимо уничтожение унии³. Послы Богдана Хмельницкого представили свои требования. Из них заслуживают внимания, как имеющие отношение к занимающему нас вопросу, следующие пункты. а) Уния, как виновница всех несчастий, должна быть уничтожена не только на Украине, но и во всех областях Короны и Великого княжества Литовского, а православное духовенство уравниено в правах с католическим. б) Знатнейшие сенаторы и гетманы должны подтвердить присягой Зборовские и предлагаемые статьи. в) Русский народ нигде не должен терпеть притеснений. г) Уния должна быть уничтожена, а католическое духовенство на Украине никого не должно принуждать к принятию латинства⁴. Католики возмущались требованиями православных и настаивали на необходимости подавить силой движение среди русского населения. Сейм позволил созвать посполитое рушение⁵, а до начала военных действий назначил особую комиссию для рассмотрения казацких жалоб и требований. Конституция о назначении этой комиссии начинается с упоминания о том, что на предшествовавшем сейме был утвержден авторитетом его акт королевской милости к Запорожскому войску, декларированный под Зборовом, и всем гетманам королевским, как и вообще подданным, приказано было хранить твердо и ненарушимо это определение. Несмотря на это, Запорожское войско со своим гетманом представило и на нынешний сейм свои просьбы к королю и Речи Посполитой. Для успокоения казаков и для расположения их к услугам государству сейм назначает особую комиссию, в состав которой входило по четыре депутата от сената и от посольского кола. Эти комиссары, условившись с гетманом Запорожским относительно места, времени и об охране (*de comitatu*), должны немедленно съехать-

¹ *Volum legum*. IV, 152.

² *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. II, т. I, 389.

³ *Szujski III*, 334.

⁴ Макарий XII, 36; Соловьев II, 1610-1611; *Szujski III*, 335.

⁵ *Volum legum*. IV, 152, § 5.

ся с гетманом и депутатами Запорожского войска и сообща удовлетворить совершенно, основательно и вполне Запорожское войско в его справедливых просьбах. Для этого и дается им, по определению настоящего сейма, с согласия всех станом, полномочие (*facultatem*) по той инструкции, которая будет выдана им из королевской канцелярии¹.

Комиссия эта не имела никакого успеха; весной 1651 г. снова начались военные действия. Кампания этого года для казаков и православных была неудачной. 20 июня казаки потерпели сильную неудачу под Берестечком, на реке Стыри: они были рассеяны польскими войсками, а их гетман на время был захвачен татарами в плен. Польские войска заняли всю Украину и везде торжествовали. Вынуждаемый неблагоприятным ходом обстоятельств, Богдан Хмельницкий должен был заключить так называемый Белоцерковский мир (17 сентября 1651 года), лишавший православных того, что они получили по Зборовскому договору. Число реестровых казаков уменьшалось до 20 тысяч, и они могли жить только в Киевском, Брацлавском и Черниговском воеводствах, причем в частновладельческих имениях казаки не могли жить; никто — ни помещики, ни старосты или подстаросты не имели права препятствовать реестровым казакам продавать свое имущество (*dobra*). Попавшие в реестр казаки оставались при обычных старинных вольностях казацких, а не включенные в реестр должны были попасть в обычную зависимость от королевских замков (т.е. делались крепостными королевских имений). В тех местечках Киевского воеводства, где будут реестровые казаки, коронное войско не должно квартировать, но местопребывание его должно быть только в Черниговском и Брацлавском воеводствах. Далее, помещики и старосты Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств получали право возвратиться в свои имения и вступить во владение их доходами, корчмами, мельницами и юрисдикцией над ними (т.е. получали свое прежнее значение). Евреям возвращалось право жить в королевских и шляхетских имениях и быть их арендаторами. Чигирин предоставлялся в пользование Богдану Хмельницкому и его преемникам по гетманству; от гетманов требовалась присяга на верность королю и Речи Посполитой. Не забыта в Белоцерковском договоре и православная церковь. „Греческая религия (гласит шестой пункт его), которую исповедует войско его королевской милости Запорожское, кафедры, церкви, монастыри и Киевский коллегіум, сообразно со старыми законами ((*według dawnych praw*), должны быть сохранены при давних вольностях. Если во время происшедших волнений кто-либо выпро-

¹ Volum. legum. IV, 152, § 3

сил себе что-нибудь из церковных имений или принадлежащее кому-либо из духовенства, то это (право собственности) не может иметь никакого значения"¹. Таким образом, о том, что предоставляли православию Зборовские статьи, теперь не упоминалось. Статьи Белоцерковского мира не были утверждены сеймом и не долго имели практическое значение. В январе 1652 года король созвал сейм, который должен был утвердить эти статьи. Православная шляхта на Волыни приняла меры к ограждению православия, юридическому положению которого, ввиду торжества поляков над казаками, грозила серьезная опасность. Она поручила своим послам требовать сохранения в целостности и нерушимости прав и привилегий, издавна предоставленных православию, возвращения дизунитам отнятой у них Люблинской церкви, о которой часто поднимался вопрос на сеймах, и холмской епархии владыке Дионисию Балабану, у которого отняли ее униаты, и сохранения за Жидичинским монастырем всего принадлежащего ему². Но этот сейм не был доведен до конца: как раз во время его (9 марта 1652 года) видим первый пример того, как один депутат срывал целый сейм своим „nie pozwalam“. Это сделал упитский посол Сицинский³. Таким образом, Белоцерковский договор не был утвержден на этот раз, а затем он утратил всякое значение, так как обе враждующие стороны снова открыли военные действия⁴.

В течение всего времени от Белоцерковского мира до 1658 года, когда последовала измена московскому правительству преемника Хмельницкого — Ивана Выговского, в сеймовых постановлениях встречаются только конституции относительно перемышльской епархии, из-за которой шли ожесточенные споры между униатами и православными. За этот период времени три сейма (1653, 1654, 1658 гг.) постановили свои конституции касательно этой епархии. Как известно, по конституции 1641 г., перемышльская епархия предоставлялась православным только до смерти их владыки Сильвестра Гулевича. Последний умер в 1645 году⁵, и епархией опять начал управлять униат Афанасий Крупецкий; но в 1650 году православные, воспользовавшись известным дипломом Яна Казимира, по которому перемышльская епархия передавалась им⁶, избрали в епископы Антония Винницкого, который в том же году и был утвержден королем⁷. Но Крупецкий

¹ Памят. Киев. Ком., т II, (2 изд.), отд. III, № 16, с. 598-602.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 397-99.

³ Бобржинский, II, 200.

⁴ Szujski, III, 342-43.

⁵ Добрянский, с. 71

⁶ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, 372

⁷ Добрянский, с. 74.

не хотел уступать своему сопернику, и у них начались распри из-за церквей и имений. Так как сам Крупецкий был стар, то к нему назначен был в 1651 году коадьютором *cum futura successione*¹ Прокопий Хмелевский. С ним-то Винницкому больше всего и приходилось иметь дело. С 1652 года борьба эта для Винницкого сделалась очень затруднительной, потому что король утвердил своим дипломом и Хмелевского, так что теперь каждый из соперников являлся законным епископом с точки зрения польского правительства. Борьба эта породила много тяжб и по временам приводила к кровопролитиям при захвате церквей и имений кем-либо из враждующих. Двухнедельный сейм 1653 года (в Брест-Литовске) обратил внимание на эту борьбу православных и униатов, но никакого определенного решения не сделал, а ограничился одним обещанием успокоить (удовлетворить) все дифференции и претензии, возникающие (*zachodzące*) из-за этой епархии². Понятно, такое постановление не могло поправить дела. На следующем сейме 1654 года опять поднимается вопрос о перемышльской епархии. Обе стороны требовали утверждения своих прав на нее; но окончательного решения этого спора не последовало и теперь. Сейм 1654 года, ссылаясь на накопление дел, подлежащих его рассмотрению, отложил успокоение обывателей перемышльской земли греческой религии до следующего шестинедельного сейма с обещанием успокоить на нем их, сообразно с постановлениями элекцийного 1648 года и предыдущего 1653 года сеймов; при этом он отложил (*suspendiemy*) все начавшиеся процессы и постановленные в каком бы то ни было суде кондемпнаты (заочные приговоры суда за неявку) из-за этой епархии как против владык, так и прочих обывателей всякого звания и состояния, и признал за ними право явиться во всякий суд (*locum standi in quovis subsellio regni*) только после окончательного успокоения³. Король несколько не ослаблял вражды между православными и униатами, но, напротив, своими действиями, как будто бы хотел еще более усилить ее. В 1654 году он выдал грамоту Хмелевскому на все имения, принадлежащие кафедре, а через год дал такую же самую грамоту и Винницкому. Православные не хотели делать уступок и, кроме Валявы, не давали униатам ни одного имения⁴. Дело шло по-старому до сейма 1658 года, когда перемышльская епархия опять сделалась предметом сеймового обсуждения. И этот сейм, ввиду неотложных дел Речи Посполитой, окончательно не успокоил враждующих, но отложил решение до ближайшего другого сейма с обещанием

¹ Чистович II, 315.

² Volum. legum. IV, 194, § 56.

³ Volum leg. IV, 210, § 23.

⁴ Добрянский, с. 46.

„успокоить“ эту епархию, сообразно с правами и ассекурациями, изданными как нынешним королем, так и его предшественниками. Но наряду с этим обещанием было постановлено, чтобы оба владыки явились (*stawić się*)? доказательствами (*z dowodami*) *sub amissione causae* (под страхом потери тяжбы), а между тем все процессы, начавшиеся между сторонами из-за церковных имений, кондемпнаты, банниции и инфамии, как бы они ни были постановлены, откладываются, и удерживается *locum standi in quolibet foro ab utrinque*. Так как униатский епископ пытался подчинить себе местное духовенство, несочувственно относившееся к унии, то конституция запретила каждому из архиереев вымогать повиновение себе со стороны духовных лиц¹.

В течение всех пятидесятих годов XVII столетия Польше пришлось переживать страшные потрясения. К опасному восстанию казачества, потрясшему основы Речи Посполитой, присоединилось еще нашествие Москвы, которой в 1654 году подчинился Богдан Хмельницкий, и война со Швецией. В то время, как Московские войска заняли почти всю Литву и южные области Польши, Шведы опустошали Великую Польшу. Польше грозила опасность потерять свою самостоятельность, так как поднимался вопрос о разделе ее между соседями²; но соперничество Москвы со Швецией из-за преобладания в Польше спасло на этот раз последнюю от падения. В 1656 году между Москвой и Польшей было заключено перемирие на Немече, под Вильною, в силу которого Москва должна была возвратить Польше занятые ею области и начать войну со Швецией, а Польша — избрать после смерти Яна Казимира своим наследственным королем Алексея Михайловича. Это обстоятельство было весьма благоприятно для потрясенной войнами Польши. Начавшиеся после смерти славного Богдана Хмельницкого раздоры среди казаков, разделившие их на польскую и московскую партии, также послужили ко благу Польши и значительно поправили ее дела. Новый гетман Запорожского войска, шляхтич Иван Выговский, стоявший во главе польской партии, задумал передаться на сторону Польши. Начались переговоры между польским правительством и Выговским³. В результате этих переговоров явился Гадячский договор (*kommissya Hadiaska* — 16 сентября 1658 года), в силу которого Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства должны были составить отдельное целое в организме Речи Посполитой и соединялись с нею на тех же самых нача-

¹ *Volum. legum*, IV, 253, §52.

² *Szujski III*, 397.

³ Со стороны поляков комиссарами для переговоров назначены были каштеляны — волынский Стан. Беневский и смоленский Казим. Евлашевский (*Volum legum*, IV, 297).

лах, что и Литва. Этот договор интересен в том отношении, что православие по нему занимало совершенно новое юридическое положение, уравниваясь во всем с католичеством. Несчастья, перенесенные Польшей, и неизбежная война с Москвой вследствие того, что сейм 1658 года отказался подтвердить статьи Немежского перемирия и не признал Алексея Михайловича преемником Яна Казимира, заставили поляков, несмотря на весь фанатизм католической партии, сделать уступки православию. Сейм 1659 года утвердил этот договор, и, таким образом, он получил силу закона. Статьи этого договора здесь приводятся в том виде, как они помещены в *Volumina'x legum*. На первом месте стоят пункты, касающиеся религиозных вопросов. Этим имелось в виду установить „вечный и ничем не нарушимый покой“. 1) Старожитная греческая религия, та самая, с которой русский народ присоединился к Короне Польской, должна оставаться при своих прерогативах и свободном отправлении богослужения (*przy wolnym używaniu nabożeństwa*) везде, куда только простирается русский язык, во всех городах, местечках и селах как в Короне, так и Великом Княжестве Литовском, также на сеймах, в войсках, трибуналах, притом не только в церквах, но и в публичных процессиях, при посещении больных *cum sacra synaxi*, погребении мертвых и во всем прочем так точно, как и римский обряд пользуется свободно и открыто своим богослужением. 2) Той же религии греческой дается право свободного сооружения (*erugowania*) церквей и новых монастырей, равно как обновления и поправления старых. Что касается церквей и имущества, издавна фундованных в пользу церквей греческой старожитной религии, то стародавние греки, православные, остаются при тех церквах, которые по принесении установленной присяги на верность (*post praestitum publicum iuramentum fidelitatis*) полковниками и прочею старшиной войска Запорожского, будут предоставлены им комиссарами, назначенными в течение полугода с той и другой стороны (*ab utrinque*). Для той же веры, которая противна древнегреческой православной и которая сеет распри (*dyssensya mnoży*) между римским и старо-греческим народами, никто ни духовного, ни светского, сенаторского ли, или шляхетского звания, никоим образом не может фундовать, строить (*erugować*) и умножать церкви, монастыри и фундуши ни в духовных, ни в королевских, ни в своих наследственных имениях, и в силу этого договора (*kommissyi*) никогда не должен делать этого. Римской религии в пределах Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств дозволяется свободное исповедание. Паны светские римской религии как дедичи, так и урядники его королевской милости не будут иметь никакой юрисдикции над духовными, светскими и монашествующими лицами греческой религии: она принадлежит соответствующему па-

стырю. 3) Так как в общем отечестве должны принадлежать обоим обрядам и общие прерогативы и почести, то киевский митрополит, нынешний и будущий, с четырьмя владыками: луцким, перемышльским, львовским, холмским и пятым из Великого княжества Литовского — мстиславским, по их собственному порядку, будут заседать в сенате с такой же прерогативой и свободным голосом (*liberae vocis usu*), как заседают в сенате и ясневелебные духовные римского обряда. Однако отцу митрополиту предоставляется место ниже архиепископа львовского (католика), а православным владыкам — ниже их поветовых бискупов (после католических бискупов соответствующих поветов). 4) В Киевском воеводстве сенаторские достоинства будут даваемы только шляхтичам греческого обряда, достойным (*saracibus*) этих урядов, а в Брацлавском и Черниговском те же сенаторские отличия (*praeeminencie*) будут предоставляемы поочередно: по выходе (*post decessum*) сенатора греческого обряда должен преемствовать ему сенатор-католик; но во всех трех воеводствах уряды будут предоставляться только *natis et bene possessionatis* (урожденным и владеющим наследственными именьями), с сохранением прав (*salvo jure*) нынешних владельцев. 5) Ради увеличения взаимной любви везде, где только есть в Короне и Великом Княжестве Литовском церкви греческого обряда, мещане-католики и мещане греческой религии уравниваются в правах и вольностях, и религия греческая никому не должна служить препятствием к вступлению в магистрат. 6) Король и станы коронные и литовские позволяют основать (*czynować*) в Киеве академию с такими же преимуществами и правами, что и Краковская академия, но с тем условием, чтобы в ней не было профессоров, наставников и студентов, проповедующих арианство, кальвинизм или лютеранство. А чтобы между студентами и учениками (*żakami*) не было никакого повода к распрям, король велит все другие школы, существовавшие доселе в Киеве, перенести в другое место. Король и станы коронные и литовские позволяют основать и другую академию, где окажется для нее подходящее место, с такими же правами и вольностями, как и Киевская, но чтобы и в ней не было сторонников арианства, кальвинизма и лютеранства. И где бы ни была эта академия, там уже никогда не должны быть основаны какие-либо другие школы. 8) Вольно без всякого затруднения открывать гимназии, коллегии, школы и типографии, свободно излагать (*odprawować*) науку и печатать всякие религиозно-полемические книги (*in controversiis religionum*), только без оскорбления королевского величества и без насмешек (*absque scomatibus*) над ним. За приведенными уже пунктами в Гадячском договоре далее следуют чисто гражданские права, предоставляемые русскому народу. 9) Прежде всего, полная амнистия гетману, Запорожскому войску и всем участникам в

смутах и снесение кадуков с имений тех лиц, которые противились королю. 10) Восстановление всей Речи Посполитой из народов польского, литовского и русского, с относящимися к ним провинциями; она восстанавливается в целости, т.е. в своих пределах и вольностях, как было до войны. Все эти три народа составляют одно тело единой Речи Посполитой, и различие в вере не имеет никакого значения: и католик, и православный сохраняются в покое и при своих правах. Запорожское войско будет доходить до 30 тыс. 11) Казаки и их имения освобождаются от всяких податей и повинностей и от суда помещиков и старост; суд для них у гетмана. 12) Им дается право нобилитации (возведения в шляхетство) за заслуги, по представлению гетмана. 13) Неприкосновенность границ Брацлавского, Черниговского и Киевского воеводств; через них не могут проходить ни польские, ни литовские войска, если они не находятся под командой русского гетмана; в последнем случае им можно, с ведома гетмана, стоять по королевским, духовным и сенаторским имениям. 14) Выговский остается гетманом и первым сенатором Брацлавского, Киевского и Черниговского воеводств до самой смерти, а затем — свободный выбор четырех кандидатов в гетманы, из которых король утверждает одного. 15) В Киеве или в другом месте открывается монетный двор для чеканки денег с изображением короля. 16) Против общих врагов у этих трех народов общая рада и общие силы; эти три народа сообща должны стараться о свободной для Речи Посполитой навигации по Черному морю. 17) В случае войны Польши с Москвой Запорожское войско под командой гетмана присоединяется к коронным и литовским войскам. 18) Гетману не искать других иностранных протекций, кроме польской; он может быть в дружбе с ханом крымским; иностранных посольств он не должен принимать. 19) Отнятые у костелов, у светских и духовных лиц (католиков) имения должны быть возвращены по универсалам гетмана. 20) Так как русский народ соединился с Польшей добровольно, „как вольный с вольным, равный с равным и почтенный (*zasni*) с почтенным“, то названные три воеводства получают особых канцлеров (*pieczętarzów*), маршалков и подскарбиев со званием сенаторов. 21) Чигиринское староство по-прежнему остается при гетманской булаве¹. Статьи Гадячского договора были апробированы сеймом и подтверждены взаимными присягами², как при самом заключении договора, так и при подтверждении его сеймом 1659 г. Со стороны русских на самом сейме присягали на верность Речи Посполитой и на соблю-

¹ Volum. legum, IV, 297-300.

² Volum. legum, IV, 301, § 2.

дение заключенного договора послы Русского княжества, обозный, полковники, сотники и другая старшина, присланные гетманом и Запорожским войском; с польской же стороны присяга на соблюдение вышеизложенных статей была произнесена королем, примасом, канцлерами, гетманами обоих народов, маршалком посольской избы¹ и бискупом виленским². Формулы присяги, произнесенные названными лицами, занесены в сеймовые постановления³. Несмотря на значительное расширение прав православной церкви, Гадячский договор не давал всего того, чего добились православные: уния по-прежнему оставалась. О ней только сказано было, что никто не мог строить и увеличивать униатских церквей, монастырей и фундушей, но об окончательном искоренении унии не говорилось ничего⁴. Такая неопределенность не могла удовлетворить православных. Как дело одной только польской партии, а не всего южнорусского православного народа, который в массе тянул на сторону Москвы⁵, Гадячский договор не мог долго иметь значения. Через несколько месяцев по утверждении его сеймом обстоятельства совершенно изменились. В сентябре 1659 года казаки лишили Выговского гетманства и, избрав на его место Юрия Хмельницкого, подчинились Алексею Михайловичу. Гадячские статьи потеряли после этого свое значение.

Шестинедельный Варшавский сейм 1659 г., кроме утверждения прав православной церкви на основании Гадячских статей, оставил после себя еще несколько конституций, относящихся к православным. Послы из русских областей явились на этот сейм с разными требованиями касательно своей веры. Например, Волынская шляхта включила в инструкцию своим депутатам просьбу об утверждении луцкой епархии за православным владыкой Гедеоном Святополком Четвертинским⁶.

Обилие конституций этого сейма по делам православия говорило о том, что требований со стороны неуниатов было представлено немало. Прежде

---

¹ Volum. legum, IV, 301, § 2; срав. с. 306-307, § 46 – формула присяги „послов вел. княжества Русского и войск Запорожских“. При произнесении этой присяги присутствовал и православный Киевский митрополит Дионисий Балабан, вместе с Выговским перешедший на сторону Польши. Костомаров, Собр. соч., кн. I, с. 397.

² Volum. legum. IV, 305, § 42.

³ Volum. legum. IV, 305-307, §§ 40-46.

⁴ Volum legum. IV, 297.

⁵ К Польше тянули гетман, значное казачество (старшина казацкий) и высшее православное духовенство, которому было выгоднее оставаться в номинальной зависимости от константинопольского патриарха, чем подчиняться патриарху Московскому. Крестьяне, горожане, „чернь войска Запорожского“ и все белое духовенство расположены были к Москве.

⁶ Арх Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 13, 65.

всего, согласно с обещанием прошлого сейма 1658 г.¹, надо было успокоить перемышльскую епархию, где шла упорная борьба православных с униатами. Успокоение ее не было достигнуто и на нынешнем сейме; но зато давалось обещание непременно успокоить непосредственно по окончании сейма в течение одной недели (*in spatio unius septimanae*); все процессы и кондемнаты, происшедшие из-за этой епархии, к кому бы они ни относились и где бы они ни происходили (*otrzymane są*), уничтожаются, а из-за насилий и всяческих претензий по конституции 1641 года назначается суд на сейме². Непосредственно за рассмотренной конституцией следует другая — „Город Перемышль“³, по которой город Перемышль, за выказанную в войне со Шведами верность Речи Посполитой освобождается от жолнерских постоев, переходов, ночлегов и ассигнований, а местные костелы и церкви греческого обряда не должны были терпеть ущерба при распределении реляцийным сеймиком податей.

Гадячский договор, между прочим, требовал, чтобы все церковные имения неправильно отнятые⁴ непременно были возвращены по принадлежности в возможно скором времени. Сейм 1659 г., утвердив его, постановил назначить для этого особых комиссаров — для Короны одних, а для Великого княжества Литовского — других, чтобы они, условившись между собой относительно времени, собрались вместе и распределили церковные имения, сообразно с законами и справедливостью (*pro jure et justitia*), по принадлежности. Для более успешного действия этих комиссаров им предоставлялась та же самая *securitas* (неприкосновенность), что и трибунальским судам. Нарушители неприкосновенности (*violatores securitatis*) подлежали суду этих самых комиссаров, а противящийся им подвергался законному наказанию, как *violator pactorum*⁵.

Как бы в доказательство того, что православная церковь вполне уравнена с католической, этот же самый сейм постарался улучшить положение православного духовенства стародавней греческой религии, чтобы греческий духовный чин не приходил в уничижение (*in levipendium*). Для этого он постановил: все духовенство стародавней греческой религии в королевских, духовных и шляхетских имениях, в Короне и Великих княжествах Литовском и Русском, освобождается от всякого подданства, податей, панщины, подвод и работ. Подобного рода тягости никем не должны быть налага-

¹ Volum. legum. IV, 253, § 52.

² Volum. legum. IV, 293, § 96.

³ Ibid. IV, 293, § 97.

⁴ Volum. legum. IV, 300.

⁵ Volum. legum. IV, 301, § 3.

емы на него; оно должно пребывать под юрисдикцией своих надлежащих пастырей¹.

Наконец, надо упомянуть еще о трех конституциях того же самого сейма, имеющих отношение к православной церкви. Одна из них — относительно Креховского монастыря. Утверждается фундация имений Креховского монастыря² при церкви св. Преображения, которая (фундация) предоставлена известными особами и державцами села Крехова; права его подтверждаются и навсегда распространяются на него права церковного иммунитета. Другая — касается монастыря св. Илии в Черниговском воеводстве; в ней говорится, что авторитетом настоящего сейма апробируется фундация его со всеми пожертвованными ему грунтами и имениями. Третья — „пожалование (danina) отцу Гонашевскому“. Настоящий сейм отцу Гонашевскому дал села Крехаев и Бодынки с Крехаевской слободкой, в подтверждение чего и выдал на его имя привилей³.

Польское правительство всячески старалось поправить свое политическое положение и подняться из того бедственного состояния, в которое повергли его войны со Швецией, Москвой и казачеством. В 1660 г. оно заключило со Шведами Оливский мир⁴ и решилось возвратить себе области, которые были заняты московским правительством. После поражения московского отряда, предводимого Шереметевым под Чудновом (1660 г.), гетман Запорожский Юрий Хмельницкий передался со всеми казаками Польше. Переход казаков был весьма полезен для поляков; желая привязать их к себе, они заключили с Юрием Хмельницким Чудновский договор⁵, являющийся почти дословным повторением Гадячского: из последнего только был исключен пункт об образовании из Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств особого Русского княжества. Шестинедельный Варшавский сейм 1661 г. утвердил Чудновский договор особой

---

¹ Volum. legum. IV, 301, § 4. Конституция эта, несомненно, относится к православному духовенству, потому что помещена в особом отделе: Kommissya Hadziacka, пункты которой имеют нумерацию, отличную от других конституций 1659 г. (Volum. legum. IV, 297-307).

² Крехов — село в Галиции, Жолковского уезда. Креховский монастырь основан при содействии коронного гетмана Станислава Жолковского, русского воеводы Иеремии Корибута Вишневецкого, краковской воеводицы Анны Могилянки и Яна Собеского, гетмана и великого маршалка коронного; монастырь этот патриархом Кириллом был сделан ставропигиальным. Из выданного 6 октября 1669 г. привилея Михаила Вишневецкого видно, что фундации Креховского монастыря были подтверждены Владиславом IV. Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. X, № 249, с 666-671.

³ Volum. legum. IV, 304, §§ 26-28.

⁴ Оливский договор (pacta Olivensia) утвержден Варшавским сеймом 1661 года. Volum. legum. IV, 344-357.

⁵ Volum. legum. IV, 357-359, §§ 66-68

декларацией „королевской милости к гетману и войску Запорожскому“. В ней говорится, что „Чудновской комиссией восстанавливается Гадячская“; обе они принимаются сеймом „за исключением и уничтожением титула — княжество Русское“ и принадлежащих этому княжеству прерогатив, „так как и само войско Запорожское считает это излишним“¹. И Чудновский договор постигла та же участь, что и Гадячский. И на этот раз среди казачества появляется раскол: часть их, на левой стороне Днепра, предпочитает оставаться верной Москве и избирает себе одного гетмана (сначала Сомка, потом Ивана Брюховецкого), другая, на правом берегу, соединяется с Польшей (гетманы: Павел Тетеря, потом Петр Дорошенко). Среди южнорусского народа происходят частые волнения, вредно отзывающиеся на его благосостоянии. Они не ограничивались пределами Украины, но распространялись и на другие области Речи Посполитой, где жили православные. Так как стеснение религиозной свободы православных через навязывание им унии было одной из важных причин недовольства русского народа и волнений среди него, то шляхта (особенно в местностях, охваченных волнениями), часто заступает за православных и требует успокоения их. В инструкциях сеймовых послов от Волынского, Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств встречаются требования касательно православия. Киевская шляхта, отправляя своих послов на сейм 1661 г., в инструкции своей поручает им настоятельно просить у короля и государственных станов, чтобы стародавняя греческая религия, не признающая унии, была вполне успокоена и получила, сообразно со своими правами и вольностями, право свободного исповедания во всех областях Короны и Великого Княжества Литовского; чтобы церкви, монастыри, фондации, имения церковные, епископские кафедры и архимандрии были отобраны от униатов и переданы неуниатам, потому что успокоение греческой религии скорее всего способствует утверждению покоя в государстве². Послы волынской шляхты явились на тот же самый сейм с требованием совершенно успокоить греческую религию и прекратить спор между униатами и неуниатами, оставить луцкую епархию по праву назначения (*circa jus nominativum*) за Гедеоном Четвертинским с подчинением его Киевскому митрополиту, выбор владыки удержать по старому обычаю (*circa usum antiquum*) и удовлетворить претензии православных епископов львовского и перемышльского и холмского епископа-униата из-за отнятых у них, вопреки праву и привилеям, местностей в их епархиях³. Сейм

¹ Volum. legum. IV, 357, § 66.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 18, 110.

³ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 17, 96.

1661 г. на эти требования ничего не постановил, считая, вероятно, достаточным для православных и того, что предоставлено им статьями Чудновского договора. Следующий сейм 1662 г. также ничего не сделал для успокоения православия, хотя киевская шляхта требовала этого¹. Подобного рода требования со стороны шляхты слышатся и в 1665 и 1666 годах. В 1665 году киевская шляхта требовала, чтобы православное духовенство не было отягощаемо поборами на содержание войска (*ne aggraventur jure militari*) и чтобы сохранялись права его². В 1666 г. Черниговская шляхта настаивает на том, чтобы русская религия была сохранена при давних правах ее, именно при конституции, постановленной на коронационном сейме Владислава IV³. Брацлавская шляхта в том же году предписывала своим послам настаивать на удовлетворении претензий греческой религии, сообразно с давними обычаями и Гадячскими статьями, и на прекращении соблазнительных волнений (*scandolosi tumultus*) в перемышльской епархии⁴. Жолнеры своими постоями разоряли Мелецкий монастырь. Брацлавские послы, по данной им инструкции, должны были ходатайствовать перед сеймом об освобождении его (монастыря) от тягостей жолнерских постоев⁵. Но сеймы в 1665 и 1666 гг. не состоялись. Варшавский сейм 1667 года далеко не удовлетворил требований русской шляхты касательно успокоения греческой религии. Он постановил только одну конституцию „О церквах в Короне и Великом Княжестве Литовском“, которой „греческая“ церковь освобождалась от уплаты поборов. „Так как церкви греческой религии в Короне и Великом Княжестве Литовском, как состоящие в подчинении святой римско-католической церкви, так и остающиеся в дизунии, постановлениями многих сеймов освобождены от уплаты податей, то, желая всех их привлечь (*przycęcić*) к святому единению, оставляем их при той же либертации (свободе от всяких податей и налогов). Поэтому скарб не должен упоминать о поборах от всех церквей ни предыдущих, ни будущих годов, а сборщики Русского воеводства не должны быть принуждаемы ко взносу податей от тех же церквей. Все кондезнаты, где бы они ни были постановлены на сборщиков из-за этих церквей, отменяются и уничтожаются“⁶. Как видно из самого текста изложенной конституции, она постановлена не ради блага православия, а ради привлече-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 130-131.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 182.

³ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 192.

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 32, с. 199.

⁵ Ibid. № 32, с. 200.

⁶ Volum. legum. IV, 437, § 25.

ния православных к унии с римским костелом. Здесь содержится официальное указание на то, какими мерами католическое правительство желало привлечь схизматиков „к святому единению“. Тот же сейм 1667 г. предоставил униатскому духовенству еще одну, в сравнении с православными, льготу. Духовные имения земской и шляхетской фондации, подлежащие посполитому рушению, дома и дворы, где обитали приходские священники (*kapłani świeccy*) греческой, пребывающей в святом единении религии, в королевских, духовных и шляхетских имениях, как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском, навсегда (*in perpetuum*) освобождаются от всяких жолнерских тягостей, от постоев, положенной выдачи кормов, ночлегов, подвод и всех прочих стеснений и взысканий (*exakcyi*), принятых в силу конституций *de disciplina militari*. Гетманы не должны были брать с таких имений и дворов кормов и не назначать в них постоев¹. Конституция эта была очень благоприятна для униатского духовенства, ибо она давала ему важные материальные и нравственные преимущества перед православным духовенством: при полном отсутствии среди польского войска дисциплины и при царившем в нем своеволии, жолнерские постои являлись неизбежным источником разорения и неисчислимых обид для хозяев. Освобождение униатского духовенства от указанных повинностей приравнивало его к духовенству римско-католическому и ставило его выше православного, обязанного нести те же самые повинности, что и посполство. Тоже немаловажное побуждение для православного духовенства к переходу в унию!

Это было последнее постановление касательно православия в правление Яна Казимира. В следующем 1668 г. он, расстроенный неудачами во внешней политике и внутренними неурядицами в Речи Посполитой, решил отказаться от королевского трона, что и сделал на собранном в сентябре сейме; но в том же 1667 году, еще до сейма, случилось чрезвычайно важное событие: 13 января 1667 г. между Польшей и Москвой было заключено Андрусовское перемирие, явившееся предвестником будущего вечного мира между этими враждующими славянскими государствами и положившее конец кровопролитной тринадцатилетней войне, а вместе с тем и великой вековой борьбе между ними. Третий пункт этого перемирия гарантировал православным Речи Посполитой „вожнее заживане религией грецкой, без жадного в отправованю набоженства затрудненя“¹

¹ Volum. legum. IV, 474, § 58.

² Летопись Самоила Величка, т. II, (изд. Времен. ком. для разбора древ. актов), Киев, 1851 г., с. 107.

Здесь мы читаем следующее. „Тем всем, всякого чину жителям, которые в стороне Его Царского Величества, в местах через сии договоры до подлинного времени уступленных, останут, вольное иметь быть во всех тех местах употребление веры святой католической, без всякого в отправовании Богомолия своего в домах своих затруднения, а взаим тем всем всякого чина Русским людям, которые в сторону его Королевского Величества в местах через сии договоры уступлены оставают, вольное иметь быть употребление веры Греческой, без всякого в отправовании службы Божией затруднения”¹. Этот пункт предвещает известную (девятую) статью вечного мира о покровительстве православным со стороны России. С этого времени начинает постепенно усиливаться влияние России на Польшу, без всякой борьбы, вследствие только постепенного усиления России и равномерного внутреннего ослабления Польши², и это влияние простирается и на положение православия в пределах Польши.

Наступившее по отречении Яна Казимира безвластие показало, насколько католицизм восторжествовал над другими исповеданиями в Польско-Литовском государстве. Со времени этого междуцарствия католики начинают урезать те права религиозной свободы, которые подтверждались конфедерациями предшествовавших бескоролевий. Конвокационный сейм 1668 г. сделал следующие постановления для преимущественного положения католицизма в сравнении с другими вероисповеданиями: а) воспретил причиняя какой бы то ни было ущерб (*derogare*) правам и привилегиям римско-католической церкви и церкви греко-униатского обряда, с обязательством для католиков твердо стоять за неприкосновенность этих церквей³; б) отступники от католичества и унии подвергаются изгнанию (*exilio*)⁴. По отношению к греческой религии как признающей унию, так и отвергающей ее, были возобновлены (*reassumuiemy*) все прежние конфедерации, постановленные во время предшествовавших бескоролевий, но без нарушения прав перемышльской епархии, Лещинской архимандрии в Пинском повете и всех тех местах, где есть униатские церкви⁵. Совершенное успокоение во всех прочих претензиях относительно этой религии, по определению сейма, будет настоятельно рекомендовано будущему ко-

¹ Полное собр. закон. Российск Империи, т. I, № 398, § 3, с. 659.

² Соловьев, кн III, 186.

³ Volum. legum. IV, 482.

⁴ Volum. legum. IV, 484

⁵ Religii Greckiey tak w Unii, iako Disynii w Koronie y w W. X. Litewskim będący, wszystkie przeszłe sub tempora interregnum reassumuiemy Konfederacye, non praejudicando juribus Władcyctwa Przemysłskiego y Archimandryi Leszczyńskiej w Powiecie Pińskim, et ubicunque sint ecclesiarum unitorum.

ролю, но с сохранением прав, выбора фондаций и декретов, постановленных в светских судах о латинском обряде в земле Холмской¹. Избирательный сейм был назначен на 2 мая (нов. ст.) 1669 г. Так как конвокационный сейм дело успокоения греческой религии вменил в обязанность будущему королю, а сам ничего не постановил, то православная шляхта решилась добиваться его на наступающем избирательном сейме. В данном случае она могла найти себе союзников в лице диссидентов, к которым католики относились еще более неприязненно, чем к православным. На конвокации раздавались голоса многих фанатиков за отнятие всяких прав у некатоликов (*inowiercow*)². Но и избирательный сейм мало принес утешительного для православия. Он также постарался возвысить юридически католичество в ущерб православию и протестантизму. Все прежние короли Польши были католики, но исповедание латинства, как необходимое условие для достижения польского трона, до 1669 г. не было подтверждено законами Речи Посполитой, почему диссиденты делали неоднократно попытки выставлять кандидатом в короли протестанта и даже православного (напр., Стефана Батория, Густава Адольфа шведского, Алексея Михайловича). Теперь же на избирательном сейме было сделано постановление (конституция 39-я: *rex catholicus esto*), гласящее, что, кто не исповедует римско-католической религии, тот не может быть избран в короли. И королева, по этой конституции, непременно должна быть католичкой или по рождению, или по обращению (*sive natione, sive vocatione*)³. Постановление это было сделано по настоянию папского нунция Марескотти с целью преградить доступ к польско-литовскому престолу московскому царевичу Алексею Алексеевичу и принцу нейбургскому (протестанту), кандидатуры которых были выставлены их сторонниками⁴. Относительно православной веры этот избирательный сейм не сделал ничего хорошего. В *racia conventa* новоизбранного короля Михаила Корибута-Вишневецкого, сына известного притеснителя православных Иеремии Вишневецкого, включено было обещание успокоить „разъединенных людей греческой религии“ на следующем коронационном сейме. Важные и трудные дела Речи Посполитой, говорится в *racia*'х *conventa*'х, подлежавшие обсуждению сейма, не позволили привести к успокоению греческой религии; но король обещает, при своей коронации, удовлетворить требования касательно православия, сообразно с давними правами враждующих сторон, че-

¹ Volum. legum. IV, 484.

² Szujski, IV, 7.

³ Volum legum. V, 11, § 39.

⁴ Szujski IV, 7, см. Соловьев, кн III, 386.

рез депутатов того и другого чина (*ordine*), удовлетворить без всяких расследований и откладываний и немедленно привести в исполнение через комиссаров, выбранных из среды того и другого народа. Впрочем, для некоторого удовлетворения требовавших успокоения, было добавлено, что, по давним правам, имения, принадлежащие высшим духовным лицам греческой веры, не будут предоставляемы несоответствующим (*incapacibus*) лицам, и король не позволит владеть ими по переуступке (*per cessionem*)¹.

Хотя и постановления конвокационного сейма и *pacta conventa* нового короля не только не предоставляли ничего нового для диссидентов и православных, а еще и урезали их прежние права, ибо в них встречались выражения *salvis juribus*, но и они не были приняты без недовольства и протестаций со стороны „добрых“ католиков, в числе которых были не только духовные, но и светские лица. Подписи под актом конвокации и *pacta conventa* пестрят замечаниями вроде: *salvis per omnia juribus et immunitatibus sanctae et universalis catholicae ecclesiae Romanae* (подпись примаса Николая Пражмовского), или: *salvis juribus, privilegiis et decretis ducatus Masoviae et protestor contra ea omnia, quae in favorem dissidentium acta sunt*. Из этих же подписей видно, что немало было занесено в разных городах и протестаций². Видно, католическая нетерпимость уже достигла своей крайней степени и готова была разразиться теми страшными угнетениями разноверцев вообще и православных в частности, которыми ознаменовала себя Польша XVIII в. Сам король позволил себе при подтверждении присягой поднесенных ему *pacta conventa* так называемое иезуитское *restrictio mentalis* по отношению к статьям о разноверцах, т.е. при чтении их имел намерение не исполнять³.

Согласно со статьями *pacta conventa* на коронационном сейме должно было последовать успокоение „разрозненных людей“ греческой религии. Так как это успокоение требовалось и для прекращения внутренних смут и настроений, то шляхта русских областей поручает своим послам добиваться исполнения данного на конвокационном сейме обещания. Киевская шляхта обязала своих послов сейчас же по избрании сеймового маршалка настаивать на том, а) чтобы религия греческая неунитская была вполне удовлетворена и ей возвращены церкви и имения; б) чтобы были немедленно избраны комиссары для отобрания церквей и имений перемышльской и львовской епархии и лещинской архимандрии; в) чтобы были возвращены некоторые церковные имения митрополиту киевскому Анто-

¹ Volum. legum. V, 14, § 66.

² Volum. legum. IV, 497-501 и V, 18-21.

³ Szujski, IV, 14.

нию Винницкому, к которым он, в силу неблагоприятных обстоятельств (*propter injuriam temporum*), не имеет доступа, и митрополичьи принадлежности (*apparata*), находящиеся незаконно в руках других¹. Еще яснее и обширнее были выражены подобного рода требования в инструкции волынских послов. Содержание их может быть передано в следующих словах. Нет ничего святее, как согласие между разрозненными народами, а потому послы должны настаивать на том, что те продолжительные несогласия (*differentie*) между русским народом греческой религии, униатами и неуниатами, долгое время тормозящие общественно-государственные дела, без всякого дальнейшего отложения в рецесс, были прекращены, и дизунитам были подтверждены королевской присягой их права, привилегии и дипломы. Статьи, постановленные на избирательном сейме Владислава IV и все последующие за ними дипломы должны быть приведены в исполнение через комиссаров. Ввиду того, что митрополит Киевский, упомянутый выше Антоний Винницкий, по причине временной несправедливости (*ob injuriam temporum*) не может занять своей митрополии, король, гласит дальше волынская инструкция, пусть благоволит найти ему *reclinatorium*² из первых свободных (имений), и отнятые (*deoscipowane*) имения, как то: львовскую епископию и уневскую архимандрию, по праву служащие (*służące*) ему, пусть возвратит до того времени, пока он вступит в обладание митрополией. Дела о наезде епископа Шумлянского должны быть рассмотрены на нынешнем сейме без всякой проволочки и рецесса; принадлежности (*apparata*) нынешнего митрополита, остающиеся в ненадлежащих руках, без всякого замедления надо возвратить ему, как *bene possessionato* и упривилегированному на эту должность, а кондемнаты Галицких каптуровых судов на Шумлянского и Винницкого должны быть скасованы. Послы должны требовать, чтобы перемышльская епархия, успокоение которой оттягивается частыми рецессами, была всецело (*in toto*) успокоена по *раста*'м *conventa*'м Владислава IV без всякой помехи со стороны конституций (*non obstantibus constitutionibus*) 1641 года и вновь принятой на конвокации; должны они настаивать, чтобы мстиславская епархия и лещинская архимандрия были отданы первым владельцам и чтобы униаты на будущее время не интересовались ими; декрет Бельзского каптурового суда, по требованию епископа холмского униата, о церквах в Бельзе и его округе (*ziemie*), как противный (*praejudiciosus*) правам русского народа и конституциям, должен быть скасован, а те церкви должны быть

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 44, 260.

² *Reclinatorium* или иначе *bona reclinatoria* — имения, подлежащие возврату; к ним принадлежали имения лиц, находящихся в плену у неприятеля или сосланных им Горбачевский, 43

отданы прежним владельцам. Так как вследствие умножения типографий в русском воеводстве выходит на славянском языке много книг без цензуры старших духовных лиц (*sine correctura starszych*), то волынским послам поручается ходатайствовать о том, чтобы оставлена была только одна типография в этом воеводстве, именно принадлежащая Львовскому мещанскому братству Пречистой Богородицы, вновь же чтобы не открывалась ни одна, под страхом законного наказания и конфискации книг и типографии. По настоянию архимандрита Мелецкого монастыря Стефана Гораина шляхта поручает послам требовать, чтобы этот монастырь, как находящийся на земских имениях и по своей фундации и колляции не подлежащий никаким жолнерским налогам и вымогательствам (*exaction*), был освобожден от всяких военных отягощений. Такая же неприкосновенность и свобода должны принадлежать и Белостоцкому монастырю. По просьбе Киево-Печерского архимандрита, его капитула и некоторых обывателей Волынского воеводства, не признающих унии, просьбе о том, что справедливо и законно послы должны настаивать, чтобы права и привилегии Киево-Печерского монастыря и привилегия нынешнего архимандрита, затем фундуши, декреты и всякие иммунитеты были подтверждены и апробированы; чтобы всякие, по чьему-либо настоянию, фальшиво (*ad male narrata*) выданные из королевской канцелярии на имения этого монастыря права патроната, реклинатории (*reclinatoria*), администрации, кадуки и некоторые, где бы и по чьему бы то ни было требованию постановленные кондематы *in contumaciam* были скассованы и уничтожены особой конституцией¹. Наконец, интересна в той же инструкции волынской шляхты еще просьба к королю о восстановлении в Кременце замковой церкви св. Михаила. Свою просьбу шляхта мотивирует тем, что ей желательно иметь церковь в честь соименного королю Архангела².

Как видно из этих инструкций, русская шляхта предъявляла многие требования касательно православной веры; она требовала, чтобы правительство соблюдало все те права, которые были предоставлены православию Владиславом IV в его статьях успокоения; но на коронационном сейме она ничего не добила, так как сам сейм был сорван киевским подкоморием Олизаром, и от него не осталось никаких постановлений³. Король в своей присяге обещал хранить все законы, права и привилегии, изданные его предшественниками, и все постановления, сделанные во время бескоролевий; не было исключено и обещание хранить мир и спокойствие среди дисси-

¹ Арх. Ю.-З. Р, ч II, т II, № 45, с. 273-275.

² Ibid., № 45, с. 284.

³ Szujski IV, 16.

дентов и не допускать никаких притеснений и преследований из-за религиозных верований (*causa religionis*). Присяга Михаила Вишневецкого не отличается от тех, которые произносились прежними королями. Одинакова с предыдущими и его генеральная конфирмация прав, существовавших до его избрания¹.

Следующий, непосредственно за коронационным, сейм назначен был в марте 1670 года. Православная шляхта опять включила в свои инструкции требования касательно греческой религии. Брацлавская шляхта поручает своим послам добиваться того, чтобы греческая религия получила на этом сейме свое успокоение, и, как средство для достижения его, указывает отобрание церквей, отнятых у православных в Бельзском воеводстве Сушею, холмским епископом-униатом; этого отобрания послы должны добиваться настойчиво (*sedulam curam adhibebunt*)². Шляхта Киевского воеводства в своей инструкции рисует положение православия очень мрачными красками. „Греческая религия, одобренная *раста*’ми *conventa*’ми и подтвержденная присягой короля в христианско-католическом государстве, в свободной Речи Посполитой терпит такое насилие (*vim patitur*), какого не испытывают и греки-христиане в турецкой (*rogańskiey*) неволе: кафедры, церкви и монастыри с принадлежащими им именьями и прежде, и теперь недавно несправедливо захвачены униатами, вследствие чего запрещается свободное исповедание (*liberum exercitium*), и бедные христиане умирают без таинств, не могут совершать публичных погребений, как, например, в Бельзе, где отобраны церкви. Острожская кафедра, принадлежащая князю, епископу (Гедеону Святополку Четвертинскому) луцкому, с именьями, церквями и церковными принадлежностями (*apparatami*) отобраны униатами, поэтому надо требовать, чтобы они впредь не делали других оппрессий и чтобы все захваченное ими было возвращено дизунитам. Духовенство униатское и дизунитское должно пользоваться тем же почетом и уважением, как и римское; то же самое духовенство должно вносить трибунальскую пошлину (*pensie*) только тогда, когда рассматриваются его дела, и при том с соблюдением сроков (*salva moderatione quot*). Привилей на управление перемышльской епархией, неправильно (*ad male parata*) выданный епископу (униату) Якову Суше, должен быть скассован, равно как и привилей на луцкую и острожскую епархии, полученный тем же Сушей. Относительно Мелецкого монастыря на реке Турии послы должны требовать, чтобы он, как земское достояние (*dobra*), по своей фун-

¹ Volum. legum. V, 24-26.

² Арх. Ю.-З. Р., ч II, т. II, № 49, 288.

дации и колляции, был свободен от жолнерских постоев, потому что вследствие жолнерских насилий он пришел в крайнее разорение, так что не только слава дела Божия не может распространяться, но и духовенство само, ввиду крайнего недостатка, принуждено оставить монастырь и жить милостынею. Уневская архимандрия предоставлена покойным королем Шептицкому, законно избранному, и так как он ею владеет два с половиной года, то, чтобы не терял ничего в своем праве от претензий отца Винницкого. Села Любынь и Дзенцеловичи в Великом Княжестве Литовском, принадлежащие по фундации панов Долматов Печерскому монастырю и недавно отнятые грабительски (*modo gvaerrico*) отцом Василевичем, слущким архимандритом, должны быть возвращены *cum roenis et refusione damnoгum* (с наказанием и возвращением убытков)¹. И этот сейм (1670 г.) постигла участь коронационного: он тоже был сорван². Король, побуждаемый политическими обстоятельствами (казацкими и турецкими делами), собрал новый сейм в сентябре того же 1670 года, который удалось-таки довести до конца. На этом сейме прежде всего были подтверждены и одобрены все акты минувшего бескорольвья, т.е. все, что было постановлено во время бескорольвья Варшавской генеральной конфедерацией 1668 г., поветовыми и областными сеймиками и каптуровыми судами³, несмотря на то, что шляхта, как видно было, требовала отмены некоторых каптуровых постановлений (напр., Галицких относительно Винницкого и Шумлянського)⁴; осталось в полной силе и постановление конвокационного сейма о предоставлении перемышльської епархии и Лещинского монастыря униатам⁵, хотя об отмене его просила не только шляхта⁶, но и войско Запорожское с гетманом Петром Дорошенко во главе, через свою депутацию⁷. Из других конституций рассматриваемого сейма можно отметить одиннадцатую, подтверждающую так называемые Острожские статьи, в которых содержался новый договор польского правительства с Запорожским войском и гетманом правобережной Украины Ханенком. Конституция эта, подтверждая упомянутые Острожские статьи во всех их пунктах и клявзулях, обеспечивает всему войску Запорожскому, городовому и низовому, постоянное королевское благоволение и привилей, подтверждаю-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 50, 288-89.

² Szujski IV, 18.

³ Volum. legum. V, 27, § 1.

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 274.

⁵ Volum. legum. IV, 484.

⁶ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 274 и 288

⁷ А. Ю. и З. Р., т. IX, № 77, с. 308-309.

щий его вольности¹. Относительно этой одиннадцатой конституции надо заметить следующее. Польское правительство желало привлечь на свою сторону правобережного гетмана Петра Дорошенко и для переговоров с ним назначило Острожскую комиссию. Дорошенко назначил от себя двух комиссаров. Несколько раз съезжались вместе представители той и другой стороны, но дело шло безуспешно, так как Дорошенко старался торгмозить его. В это время претендент Дорошенка на гетманство в правобережной Украине, уманский полковник Ханенко, обратился к королю и комиссии с предложением вступить в переговоры с ним. Польское правительство согласилось, и договор был заключен с Ханенком, который оказался уступчивее Дорошенка. В статьях договора с первым православие уравнивалось в правах с католичеством, но православные митрополит и епископы не получали сенаторских кресел². Самый договор Ханенка с представителями польского правительства напечатан в собрании актов, относящихся к истории южной и западной России³, в той редакции, в которой сообщил в Москву о нем архимандрит Иннокентий Гизель⁴. Между ним и тем, что требовал от польского правительства Дорошенко, очень большая разница. Требования Дорошенко чуть ли не буквально совпадали с пунктами Гадячских статей⁵, договор же Ханенка далеко не заключает в себе тех льгот и преимуществ для православия и русского народа, о которых говорится в первых. По выражению Костомарова, в Острожских статьях „со стороны казаков давалось гораздо более обязательств, чем сколько предоставлялось русскому народу прав“⁶. Наконец, заслуживает внимания сеймовое постановление 1670 г. относительно Каменца-Подольского⁷. Город этот в стратегическом отношении имел чрезвычайно важное значение для Польши как неприступная крепость, прочная твердыня со стороны Турции, а потому польское правительство часто обращало на него свое особенное внимание. Сеймом 1670 года этому городу предоставлены были некоторые льготы: свобода от всяких общественных и частных податей, от жолнерских поборов на пятнадцать лет,

¹ Volum. legum. V, 30, § 11.

² Szujski IV, 20-21. По свидетельству Величка, договор был заключен с Ханенком, а Дорошенко тогда, чтобы удержать за собою гетманство, поддался турецкому султану (Летопись Величка II, 250-288). В летописи Самовидца говорится, что эта комиссия с Дорошенко не пришла ни к чему определенному (Летопись Самовидца, 109)

³ А. Ю. и З. Р., т. IX, 351-56.

⁴ А. Ю. и З. Р., т. IX, № 86, 346-356.

⁵ А. Ю. и З. Р., т. IX, № 47, 196-208.

⁶ Костомаров, Собр. соч., кн. VI, с. 168.

⁷ Volum. legum V, 36, § 28

свобода торговли и др., но православию здесь делались стеснения: относительно греческой религии (т.е. православного города Каменца-Подольского) было постановлено, что она подчинялась католической юрисдикции. Это служило совсем не в пользу православия. Напрасны, значит, были требования русской шляхты относительно улучшения положения православия!

В следующие годы правления Михаила Вишневецкого не было сделано ни одного сеймового постановления относительно православия, хотя до его кончины было еще три сейма (в 1672 г. — два и в 1673 г. — один), и православная шляхта не переставала выставлять требования об улучшении положения православия. Для примера можно указать на инструкции Брацлавского и Киевского воеводств. Перед январским сеймом 1672 г. брацлавская шляхта поручала своим послам настаивать на том, чтобы греко-русская вера была сохраняема по своим правам и впредь не подвергалась насилиям от униатов, а дело митрополита Киевского Антония Винницкого чтобы было рассмотрено¹. Киевское воеводство требовало успокоения греческой религии ради сохранения покоя отечества, действительного соглашения униатов с неуниатами, чтобы одни не вмешивались в епархии других, но каждая сторона оставалась при том, чем она владела издавна, подтверждения тех прав Киевской академии, которыми она владела до сих пор, предоставления киевскому митрополиту Антонию Винницкому *reclinatorium*'а из свободных имений, так как он не получил митрополии по неблагоприятным обстоятельствам (*ob injuriam temporum*) и у него нет никаких имений, и, наконец, что особенно рекомендовалось послам, — рассмотрения сеймом без отсрочки (*absque dillatione*) дела о ночном наезде и насилии Иосифа Шумлянского, ввиду ремиссии его по трибунальскому декрету². Но этот сейм был сорван; та же участь постигла и чрезвычайный двухнедельный сейм, назначенный в том же году на май месяц для обсуждения вопроса о защите государства от турок; на нем Киевское воеводство намеревалось хлопотать о равном распределении податей и разного рода налогов на духовные имения всех вероисповеданий, в том числе и православного³.

Шляхта (южных воеводств), как показывают приведенные выше выписки из сеймовых инструкций, не переставала заявлять сеймам о необ-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 301. Дело — столкновение его с львовским епископом Иосифом Шумлянским, добивавшимся митрополии. — Чистович II, 146.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 55, 306 и 312. Иосиф Шумлянский был львовским епископом одновременно с Иеремией Свистельницким; между ними шла ожесточенная борьба из-за кафедры.

³ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 320.

ходимости улучшить положение православия. Но теперь она это делала не по расположению к своей вере, а исключительно по политическим соображениям, ради блага общественного, ради спокойствия государства, которое нарушалось, между прочим, и вследствие религиозных угнетений. Но в то же самое время шляхта не забывает и унии: она очень часто вспоминает о последней и явно поддерживает ее. Заявления в пользу православных остаются безрезультатными. Всецело преданная иезуитам, Польша в лице своих послов требует на сеймах отнятия всяких прав у некатоликов. Дело православных, как и вообще разноверцев в Польше, становится все хуже и хуже. Число защитников их сокращается быстро. Шляхта в большинстве своем, особенно богатая и влиятельная, перешла в ряды католичества и начала сильно теснить остальные сословия. Казачество вследствие своих междоусобий ослабло, разделилось на две части (русскую, подчинившуюся Москве, и польскую, державшуюся Речи Посполитой) и не могло теперь иметь такого влияния, какое имело при Владиславе IV и Яне Казимире. Православные братства, утратив из числа своих членов фамилии русских панов и шляхты и состоя теперь исключительно из мещан, не могли уже действовать так свободно и энергично, как в течение первой половины XVII ст. Не встречая сильных сопротивлений со стороны представителей православия, католики начинают ограничивать его права все более и более. Усилившийся под влиянием войн со Швецией, Москвой и Турцией религиозный фанатизм поляков и политические соображения устранить причины внутренних волнений и междоусобий Речи Посполитой, в числе которых, по свидетельству исторического хода событий 50-х и 60-х годов XVII ст., главное место занимала религиозная рознь, побуждала польское правительство принять более решительные меры к искоренению ненавистной схизмы, из-за которой Польша лишилась левобережной Украины и Смоленска. Вступление на престол такого предприимчивого и решительного человека, как Ян Собеский (1674-1696 гг.), было совсем неблагоприятно для православия; он приложил много стараний к тому, чтобы ослабить православие и усилить унию; при этом он действовал не только открыто, путем издания стеснительных для православных распоряжений и узаконений, но и иезуитским, тайным образом, особенно пагубным для православных (пример: львовский епископ Иосиф Шумлянский, принявший по старанию короля унию, но более двадцати лет прикрывавшийся личиной православия и действовавший во вред ему). Конвокационный сейм после отречения Яна Казимира в 1668 г. объявил основой государственного благосостояния католицизм и унию¹.

¹ Volum. legum. IV, 482.

То же самое делает и конвокационный сейм 1674 г., бывший в бескорольеве после смерти Михаила Вишневецкого. И этот сейм постановил такие же стеснительные для православных и диссидентов определения, что и конвокация 1668 г. По отношению к православию он подтвердил все конфедерации предыдущих междуцарствий, но с оговоркой: „без всякого ущерба правам“ (*non praejudicando juribus*) перемышльской епархии, Лещинского монастыря и тех мест, где есть униатские церкви. Разбор всех прочих претензий, возникших на религиозной почве между униатами и неуниатами, предоставляется будущему королю. Так как споры из-за перемышльской епархии между православным владыкой и униатом продолжались до сих пор, то сейм определил, чтобы они были рассмотрены и прекращены судебным решением (*per judicialem decisionem*) на коронационном сейме по правам, дипломам и привилегиям той и другой стороны. Но при этом делалась оговорка, что права и эрекции фундаментов латинского обряда, равно как и декреты светского суда в Холмской земле сохраняются ненарушимо¹. И эта конфедерация, подобно предшествовавшей, не избежала протестов и оговорок со стороны сенаторов и послов, преданных латинству. Очень многие из них подписались под нею с оговоркой: „*salvis juribus*“²... В *pacta conventa* нового короля, составленные на избирательном сейме (в мае 1674 г.), касательно православных был включен пункт, дословно сходный с тем самым, который был принят и Михаилом Вишневецким. Ввиду важных и неотложных государственных дел, избирательный сейм все дело „О людях греческой религии разъединенных“ отложил до будущего коронационного сейма с обещанием на нем неотложно успокоить их, по правам той и другой стороны, через особо выбранных депутатов, и привести в исполнение через комиссаров того и другого народов. Относительно раздачи церковных имений, соединенных с высшими иерархическими должностями, замечено, что они, согласно с давними правами, не будут даваться недостойным (*incapacibus*) лицам и не будут удерживаться *per sessionem*³. Что касается тех требований, которые предъявлялись на этих двух сеймах православными, то из них известно только одно заявление волынской шляхты об освобождении упоминаемого выше Мелецкого монастыря от жолнерских вымогательств (*od exactij*), об ограничении прав униатского митрополита по управлению имениями умерших владык, архимандритов и игуменов и о возвращении Жидичинской архимандрии села Торокани⁴.

¹ Volum. legum. V, 112.

² Volum. legum. V, 129-132.

³ Volum. legum. V, 139-40.

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 65, 335-336.

Военные действия против турок и татар заставили Яна Собеского отложить свою коронацию до февраля 1676 года. Присяга этого короля и его генеральная конфирмация прав не отличаются от тех же актов Михаила Вишневецкого. В присяге содержится обычное для польских королей обещание хранить и соблюдать все права и привилегии, данные его предшественниками, постановления всех бескоролевий, заботиться о мире и спокойствии среди диссидентов и из-за религии никого не подвергать стеснениям и преследованиям¹, а в конфирмации — подтверждение прав гражданских и церковных всех областей, городов и сословий². Но на том же самом коронационном сейме были сделаны крайне вредные для православия постановления, которые шли вразрез с теми обещаниями короля о нестеснении из-за религии, какие содержались в его присяге и конфирмации прав. Религиозные вопросы возбуждали страшную бурю среди послов. Католики требовали запрещения иноверцам публично отправлять свои обряды, ограничения их прав и лишения тех из них, которые жили в Варшаве, покровительства законов. Диссиденты и православные, какие были еще, противились этому³. В конце концов православие пострадало. Униаты жаловались на то, что в Дрогичинской земле дизуниты, пользуясь временными невзгодами (*calamitate temporum*), отняли у них в Дрогичине и других местах церкви и „обратили их в схизму“ в ущерб унии и колляторам их. Коронационный сейм для расследования этого дела назначил особых комиссаров, которые должны были выдать, по требованию каждого коллятора (*ad cuiusque requisitionem collatoris*) повестки (*innotescentias*) и, разузнав права и привилегии, назначить сторонам время. Сделанное расследование должно быть представлено комиссарами к следующему сейму; по настоянию послов Дрогичинской земли оно должно быть рассмотрено *primarie* (прежде всего)⁴. Назначенная сеймом комиссия ничего хорошего не предвещала православным, так как в состав ее входили католический епископ, каноники и ксендзы, от которых нельзя было ожидать заступничества за православных. Но еще вреднее для православия была постановленная теперь же конституция „О невыезде за границу людей греко-русской религии“. Содержание ее следующее. Ввиду того, что выезжающие из Польши за границу лица под предлогом греко-русской религии, как бы ради религии и апелляции к константинопольскому патриарху, привыкли давать неприятелю предостережения и указания (*infor-*

¹ Volum legum V, 165.

² Ibid., V, 166-167

³ Шмитт, III, 57

⁴ Volum legum. V, 177, § 27.

масуе) о состоянии дел в польских владениях, сейм постановляет, чтобы никто ни из светских, ни из духовных лиц не отваживался ни ездить туда, ни посылать других без королевского разрешения и определенного позволения; запрещается не только ездить за границу, но и оттуда приходить в польские пределы под страхом смертной казни и конфискации имущества (*sub poena colti et confiscationis bonorum*). Пограничные старосты и коменданты должны внимательно наблюдать на границах. Все братства, которые уклоняются от юрисдикции своих владык, местных иерархов (*Locī Ordynaryuszów*), подчиняются юрисдикции и суду этих владык, и всякие сношения их с константинопольским патриархом, как живущим под властью врага св. креста, воспрещаются под страхом вышеупомянутого наказания; но им предоставляется право апелляции в таких делах от суда владык к королевскому суду (*recta na relacye*)¹. Такое решение сейма было совсем неожиданно для православных. На избирательном сейме 1674 года было постановлено и включено в *tracta conventa* обещание успокоить враждующих между собой униатов и дизунитов посредством комиссии. Об этом успокоении поручала своим послам хлопотать на сейме и волынская шляхта (послы должны были настаивать на том, „чтобы греческая религия по своим правам и привилегиям была сохранена“². И вдруг — вместо обещанного успокоения такое вредное и стеснительное для православия постановление!

Польское правительство хотело совершенно изолировать своих православных от общения с православными соседями, что, при задуманном им плане энергичной пропаганды унии, было для него очень желательно. Братства, особенно ставропигиальные, независимые от местных владык и подчиненные только константинопольскому патриарху, составляли всегда сильный оплот для православия, так как твердо стояли за свою веру. Католики и ревнители унии понимали значение братств и знали, что подчинение их местному архиерею, которого легче было склонить к отступничеству, чем народную массу, сплоченную в братства, ослабит их и сделает их неопасными для пропагандистской деятельности униатов; поэтому они и придумали указанную меру по отношению к братствам. Подчинение их местным владыкам отстраняло мирян от вмешательства в церковные дела (а только этим и сильна была православная церковь в Польше со времени введения унии) и сосредоточивало всю власть и влияние на дела церковные в руках епископа. В случае принятия последним унии, православные

¹ Volum. legum. V, 180, § 39.

² Арх. Ю -З. Р., ч II, т II, 370

могли остаться без епископа и священства, так как запрещение выезда за границу лишало их возможности получать иерархию от патриарха и вообще православных церквей, находящихся за пределами Польши. Неудивительно, поэтому, что православные были сильно встревожены этой конституцией. Виленское братство, всегда стоявшее во главе других по своей деятельности, поспешило послать уведомление о новой сеймовой несправедливости по отношению к православию братству Слуцкому, в котором для убеждения последнего к деятельности в пользу того, что относится к чистоте святой церкви пишет: „Сама справедливость требует (*aequitas persuadet*), чтобы наши братства пользовались неприкосновенностью своих древних прав и привилегий, любовь к святой православной церкви просит о том же“¹. Православные решили добиться отмены этой несправедливой конституции 1676 г. и на следующем сейме (в 1677 г.) подняли вопрос о ней. Больше всего старались послы Русского воеводства². Домогательства их не увенчались желательным успехом, но все-таки не остались безрезультатными. Сейм постановил новую конституцию, в которой заявляется, что ввиду неотложных дел Речи Посполитой и сохранения общей безопасности, требования послов Русского воеводства относительно желаний людей греческой религии, касающихся известных пунктов конституции прошлого сейма „О невыезде за границу“, не могли быть удовлетворены на нынешнем сейме, и решение этого дела откладывается до следующего сейма. При этом определялось, чтобы на тот сейм явились униаты и неуниаты, все старшие иерархи: митрополиты, епископы, архимандриты и настоятели монастырей из Короны, Великого Княжества Литовского и всей Руси, ставропигиальные братства, духовные и светские, — для основательного удовлетворения в своих претензиях; для последней цели будут назначены депутаты от сената и шляхетского сословия (*ex equestri ordine*). До того же времени все дела, начатые (*in lite pendentes*) на основании (*względem*) этой конституции, откладываются до будущего сейма *in suspenso*, а между тем униатами и неуниатами подтверждается мир, под страхом определенно изложенных в конституциях наказаний³. Но в то время, как шляхта Русского воеводства настаивала на отмене конституции 1676 г., „О невыезде православных за границу“, черниговская, напротив, действовала в ущерб православию. Отправляя своих послов на сейм 1677 года, она передает через них жалобы на то, что епископы рус-

¹ Арх. Ю -3. Р., ч. I, т. IV, № 15, 29.

² Volum. legum. V, 226, § 22

³ Volum. legum V, 226-27, § 22.

ские присваивают себе право колляции в шляхетских наследственных имениях, и просит о восстановлении конституции 1647 года и привлечении владык неуниатов в трибуналы для наложения заслуженного (*condignae*) ими наказания и, наконец, о распространении известной уже конституции 1676 г. о церквах в Дрогичинской земле и на все прочие русские воеводства¹.

Сейм 1678 года был особенно важен и интересен для православных, так как на нем должен был решиться вопрос о неблагоприятной для православных конституции 1676 г. и вообще последовать, по обещанию предыдущего сейма, основательное успокоение православных и униатов. Инструкций послам, отправляемых на этот сейм, под руками у автора не было, но факт существования нескольких конституций этого сейма, касавшихся православия и унии, свидетельствует о том, что на нем много было говорено о православии. К сожалению, все конституции этого сейма для православных неблагоприятны. Первая (по порядку) из этих конституций озаглавляется: „Церкви дизунитские в земле Дрогичинской и Бельской“². Как уже говорилось, на сейме 1676 года было постановлено, чтобы в Дрогичинской земле православные церкви, якобы отнятые у униатов, были возвращены последним. Для расследования того, кому и какая церковь должна быть передана, тот же сейм назначил особую комиссию, которой вменялось в обязанность сделанное расследование представить на следующем сейме. Но на сейме 1677 года это расследование не было рассмотрено; не могло быть обсуждаемо оно, ввиду более важных и настоятельных дел, и на сейме 1678 года, поэтому его и отложили до будущего сейма с объяснением, что на нем, по настоянию Заленского, униатского епископа владимирского и брестского, равно как и послов Дрогичинской и Бельской земель, оно будет рассмотрено прежде всего. Точно так же не было исполнено и обещание сейма 1677 года об основательном успокоении греческой религии. Нынешний сейм не рассмотрел претензий между униатами и неуниатами, но отложил их до следующего сейма (очевидно, правительство начало опять придерживаться иезуитской политики Сигизмунда III), а до того времени, пока последует их решение, обе стороны удерживаются в том же самом положении (*in eodem statu*), в каком они были до сего времени. В случае желанья найти поскорее справедливость в известных делах, последние должны направляться в королевский реляционный суд; „но тяжба Симона Репинского с вилен-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 374.

² Volum. legum V, 280, § 75

скими дизунитами не подлежит этой конституции“¹. Когда дело шло о положительном решении требований православных, сейм откладывал его до другого раза, но униатам он подтверждал их права. И на этом сейме была подтверждена упомянутая выше конституция 1667 года о безопасности (*securitas*) церковных имений греческой религии; по ней, все церковные имения земской фундации, подлежащие посполитому рушению, все дома и дворы, в которых обитало белое униатское духовенство, освобождалось навсегда от всяких жолнерских тягостей (*ciężarów*), стоянок, выдачи хлеба, зимнего квартирования, ночлегов, подвод и прочих повинностей, которые ложились тяжелым бременем на русское духовенство. Этой конституцией, очевидно, хотелось улучшить положение униатского духовенства в сравнении с православным и расположить последнее к принятию унии². Стоит отметить еще одно обстоятельство, характеризующее бесцеремонное отношение польских правящих кругов к правам православных. В 1665 году Марианной Суходольской, дочерью мстиславского стольника, был основан подле Мстиславля (*w Małoczuźnie*) женский Мазоловский монастырь для православных монахинь. На сейме 1678 года православные ходатайствовали об утверждении фундации этого монастыря. Сейм удовлетворил это ходатайство и постановил соответствующую конституцию³. Но при печатании постановлений этого сейма в иезуитской типографии эта конституция была искажена: в нее вставили слово *unitarum*, и вышло, будто бы монастырь предназначался для монахинь-униаток, а не для православных. Об этой подделке официального документа свидетельствует протест Пашковского, бывшего послом от Мстиславского воеводства на сейме 1678 года, протест, который был выражен на реляционном сеймике 1679 года в Мстиславле и занесен в городские книги⁴. Обещание сейма 1678 года успокоить „людей греческой религии“

---

¹ Volum. legum. V, 290, § 149. Симон Репинский, московский подьячий, в 1655 г. перешедший на сторону польского короля. После занятия Вильны русскими войсками он вступил, во избежание наказания, в монахи братского Свято-Духовского монастыря. Но по удалении из Литвы русских, он отказался от монашества, отдался под покровительство виленского бискупа и начал требовать судом от настоятеля этого монастыря Данила Дорофеевича 30 тыс. злотых, которые будто бы последний взял у него, Репинского. Процесс тянулся в течение десяти лет и окончился в пользу Репинского. Только благодаря заступничеству каких-то высокопоставленных лиц Репинский отказался от всякой претензии к Виленскому братству (Сцепуро Д., Виленское Свято-Духовское Братство, с. 140-141). Процесс поглотил много братских сумм (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. IV, № 28, с. 55).

² Volum. legum V, 306; ср. Volum. legum. IV, 474, § 58; см. выше, с. 326, 327.

³ Volum. legum. V, 308, § 44

⁴ Чистович, II, 246

так и осталось обещанием: последующие сеймы не делали никаких постановлений касательно православных, хотя шляхта некоторых русских земель чуть ли не ежегодно делала поручения своим послам требовать защиты православия от притеснений латинян и униатов. В 1680 г. брацлавская шляхта требует восстановления давних прав греческой веры и предоставления ей везде свободного исповедания¹; в 1681 году волынская шляхта ходатайствует в своей первой инструкции (по просьбе православного епископа Гедеона Святополка Четвертинского) об увеличении земли под соборную церковь в Луцке², а во второй — об освобождении от поголовной подати римского и греческого духовенства³; в 1682 году киевская шляхта хлопочет о подтверждении за киевскими монастырями их имений, находившихся в Волынском и Киевском воеводствах⁴. Игнорирование требований касательно православных практиковалось с вполне ясной и определенной целью принудить русское население оставить православие и принять „святое единение“ с костелом римским. Ян Собеский горячо принялся за насаждение унии, руководясь в этом случае не столько религиозными мотивами, сколько побуждениями чисто политического характера. Он начал с высшей иерархии. Львовский епископ Иосиф Шумлянский, желавший получить киевскую митрополию (ту часть ее, которая оставалась в пределах Польши), изъявил в 1677 г. перед папским нунцием тайное желание принять унию⁵; за это король назначил его в 1679 г. администратором Киевской митрополии⁶. В лице Иннокентия Винницкого, домогавшегося перемышльської епархии и за нее готового отказаться от православия, Шумлянский нашел себе деятельного помощника. Был составлен план уловления православных в сети унии, в котором рекомендовалось действовать крайне осторожно и без огласки, чтобы не возбуждать подозрений насчет своей иерархии в среде православного населения. Король решил возобновить попытку (Сигизмунда III и Владислава IV) мирного соединения по общему согласию православных с униатами. В 1679 г. (19 октября) Ян Собеский разослал универсал ко всем духовным и светским лицам, униатам и православным, и всем братствам с приглашением явиться на 24 января 1680 г. в Люблин на дружественное собеседование (*amicabile colloquium*) для прекращения всех раз-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, № 73, 388.

² Ibid., ч. II, т. II, 404.

³ Ibid., ч. II, т. II, 412.

⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 432.

⁵ Коялович Литов. церков. уния, т. II, 422, прим. 325; Чистович II, 310

⁶ А. Крыловский относит это назначение к 1675 году (Львов. Став брат., с 179)

ногласий между униатами и дизунитами (*tam in spiritualibus, quam in temporalibus*)¹. Католики и униаты ожидали многого от Люблинского съезда, но он ни к чему не привел. Православное духовенство явилось в крайне ограниченном количестве, а представители Луцкого братства заявили королю от имени братств и православных мирян, что без ведома константинопольского патриарха они не могут вступать ни в какие соглашения с униатами². Благодаря деятельности Луцкого православного братства, „из этой громадной, великолепной затеи (т.е. съезда) вышло *magnum nihil* (великое ничто)“³. После этого правительство решило вести дело искоренения схизмы тайно, как советовал Шумлянский. Сам Шумлянский и его сподвижники, втайне принявшие унию, но притворно выдававшие себя за ревнителей православия, обещали содействовать правительству в деле распространения унии⁴. Необходимость скрывать переход свой и Иннокентия Винницкого в унию Шумлянский мотивировал следующими доводами: а) низшее духовенство, православная шляхта и братства, узнав об этом отступничестве своих владык, соединятся вместе и окажут упорное сопротивление; б) православные будут искать защиты и покровительства у иностранных держав и станут бегать за границу; в) обнаружение тайны ожесточит русский народ, о миролюбивом убеждении нечего будет и думать, а прибегать к насилию неудобно, ввиду военного времени и общей солидарности всех православных. Кроме того, Шумлянский советовал привлекать к унии духовенство и шляхту милостями, а лиц духовного сана, не соглашающихся на унию, преследовать в административном порядке⁵.

Среди таких решительных приготовлений польского правительства к искоренению ненавистного католичеству православия был заключен между

---

¹ Коялович, Лит. цер. уния, II, прим. 327, с. 424-26; Акты Вилен. Археограф. комисс., т. XXIII, № 328, 332-33; сн. Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. IV, № 17, 31.

² Послы Луцкого братства просили короля по данной им инструкции, чтобы он позволил вольный проезд к патриархам за благословением на соединение западной и восточной церквей и чтобы на съезде присутствовали четыре патриарших легата. Послам братств их инструкция строго запрещала вступать в рассуждения касательно веры (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 385). Послы эти перед отъездом дали клятву, что они будут прилагать все усилия „к сохранению целости церкви святой восточной, состоящей в повиновении четырех восточных патриархов и что, не соблазняясь ни милостью, ни обещаниями, ни подарками, не уступая страху даже смертной казни, они будут отстаивать все догматы и обряды от великого до малого, ничего не прибавляя и не упуская, в том виде, как они установлены в православной церкви и изложены в инструкции, составленной братством.“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. IV, № 18, с. 32).

³ Коялович, Лит. церков. уния II, 234.

⁴ Чистович II, 43-44; Антонович I, 291-294.

⁵ Антонович I, 294-295.

Польшей и Московским государством в 1686 г. так называемый вечный мир. Это событие политического характера имело громаднейшее значение для истории православия в пределах Речи Посполитой. С него начинается новый период в истории правового положения православной церкви в областях, подвластных Польско-Литовскому государству.

Прежде чем перейти к его обозрению, надо сделать несколько общих замечаний о том периоде, обозрение которого заканчивается этой страницей. Начался он весьма благоприятно для православия. Шляхта, братства и казачество соединяются вместе и энергично требуют прав для своей религии. Благодаря их стараниям, сеймы уступают им, и православные получают законную с точки зрения польского правительства иерархию, церкви и монастыри, отнятые у них униатами, хотя далеко не все. Православные, ободренные первыми успехами, надеются вполне уравнять в правах свою религию с господствующим в Польше католицизмом. Казаки и народная масса своими восстаниями добиваются того, что правительство по политическим соображениям действительно уравнивает православие с латинством, предоставив православным иерархам место в сенате рядом с латинскими бискупами (Зборовский договор, Гадячские статьи и их видоизменение — Чудновские). Но эти успехи схизмы страшно возбуждают религиозный фанатизм поляков; в них развивается необычайная даже по тому времени нетерпимость к иноверцам и готовность жертвовать всем ради интересов католичества. Под влиянием религиозной ревности поляки начинают склоняться на сторону политики, несомненно вредной для самой Речи Посполитой (отстранение от дружбы с Францией и привязанность к Австрии, накликавшая большую беду на Польшу при Яне Казимире, Михаиле Вишневецком и Яне Собеском). Та же самая ревность шляхты к католичеству располагала ее и к стеснению православия. Политические и социальные явления в жизни русско-православного населения Речи Посполитой облегчили этот труд католической шляхты. Прежде всего присоединение обширных западнорусских областей (левобережной Украины и Смоленщины) к Москве уменьшило число православных в Польше и значительно ослабило их силы, а разлад между казачеством и шляхтой еще более усилил это ослабление. Шляхта была проникнута узко-сословными интересами и не хотела поступаться ими. Казачество не только отстаивало религиозную свободу, но и стояло за сословное равноправие и протестовало против того преобладающего положения шляхты, какое она занимала в Речи Посполитой. Казаки и шляхта не могли ужиться мирно. Когда в 50-х и 60-х годах XVII ст. казаки приобрели громадное значение в русских областях, православная шляхта очутилась в крайне затруднительном положении: ее религия возбуж-

дала недоверие к ней католиков, а привязанность ее к сословным (польским) интересам и преимуществам вызывала подозрение в казаках и народе (для примера можно указать на брацлавского, сначала, а потом киевского воеводу Киселя). Ход событий побуждал православную шляхту выбирать одно из двух: или хранить верность заветам предков, твердо стоявшим за православие, и отказаться от сословных преимуществ, или для удержания за собой этих преимуществ — перейти в католичество. Во второй половине XVII столетия православная шляхта почти вся латинится и ополячивается¹. Это обстоятельство лишало православие того сословия, которое по своему юридическому полноправному положению в государстве и по степени своего умственного развития имело возможность оказывать ему защиту легальным путем. Лишившись поддержки шляхты и оставшись религией непривилегированных сословий, православие начинает испытывать постепенные ограничения своих прав.

В генеральной конфедерации 1668 года делается попытка уменьшить число православных епархий и монастырей: спорная перемышльская епархия и Лещинский монастырь передаются униатам². Конфедерация 1674 года повторяет то же самое. Сейм 1676 года делает постановление об отнятии у дизунитов Дрогичинской земли церковей и наносит сильный удар братствам конституцией, воспреещающей им сношения с константинопольским патриархом³; в 1678 г. на сейме повторяется упомянутое постановление о церквях в Дрогичинской земле⁴. Нельзя сказать, чтобы шляхта русских областей ничего не делала в защиту православия. Приведенные выше инструкции Киевского, Волынского, Черниговского и Брацлавского воеводств свидетельствуют, что шляхта часто вспоминала об угнетаемой греческой религии, но отношение ее к ней далеко не то, какое замечалось при Владиславе IV. В его время шляхта стояла за православие из преданности ему, с 60-х же годов она вступает за него по политическим и, главным образом, экономическим соображениям, ради успокоения государства, так как без такого успокоения она не могла спокойно пользоваться своими имениями. И этот мотив к отстаиванию православия нередко указывается в инструкциях (например, в рассмотренных инструкциях Киевского воеводства 1661 г., 1672 г., 1676 г.). Что в

---

¹ Только ничтожное меньшинство русской шляхты оставалось верной своей вере и народности; но оно, ввиду своей малочисленности, ничего не могло сделать для православия. См. Антонович, I, 287.

² Volum. legum. IV, 484.

³ Volum. legum. V, 177, § 27 и 180, § 41.

⁴ Volum. legum. V, 280, § 75.

глазах шляхты названных воеводств православие само по себе не имело важного значения, это доказывается тем, что она в то же время усердно хлопочет о правах унии и католичества. Иногда в одной и той же инструкции требуется и восстановление прав дизунитов, и принятие мер, прямо вредных для православия. В инструкции Киевского воеводства 1676 года говорится о сохранении прав и привилегий православия и о защите базилиан Загоровского монастыря¹. В 1682 году та же шляхта хлопочет о подтверждении за киевскими монастырями имений в Киевском и Волынском воеводствах и в то же время просит о подтверждении запрещения православным выезжать за границу и награждении владимирского епископа-униата Льва Заленского за усердное распространение унии². Вообще, с 60-х годов шляхта очень часто хлопотала об унии и ее правах³. Для примера можно указать на Брестское воеводство, шляхта которого поддерживала унию и неприязненно относилась к православию. В 1666 году брестская шляхта поручала своим послам стараться от том, чтобы, ради сохранения святой унии, не была предоставлена дизуниту вакантная владимирско-брестская епископия⁴. В 1669 году перед избирательным сеймом она требует предоставления места в сенате униатскому митрополиту, чтобы множилась хвала Божия и распространялась греческая религия, состоящая в унии с римским костелом⁵. В 1670 году брестская шляхта протестует против увеличения шляхтичем Яном Красинским принадлежащих ему королевских экономий, между прочим, и по той причине, что он не католик, схизматик и без ведома короля строит и реставрирует православные церкви и монастыри⁶. В 1676 году послы Брестского воеводства получают предписание настаивать на том, чтобы была воспрещена новая эрекция православной церкви в Лепесах, а равно и фундация православных монахов при ней, ибо они являются не только великой заразой для простых униатов, но и притесняют шляхту (побили камнями шляхтича Табенского); эта фундация противоречит древним законам, почему послы и обязывались настаивать *pro zelo fidei romanae* на ее уничтожении⁷. И такого рода враждебное отношение к православию замечается везде в пределах Речи Посполитой. Неудивительно, что не-

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 370.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 432 и 436.

³ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, №№ 55, 63, 78 и 82.

⁴ Ак. В. А. К. III, 382.

⁵ Ibid., IV, № 243, с. 56.

⁶ Ibid., IV, № 257, с. 106-107.

⁷ Ibid., IV, № 290, с. 188.

многочисленные сторонники его из южных воеводств ничего не могут добиться.

Переход православно-русской шляхты в католичество ослабил сильно и братства. Лишившись своих членов из привилегированного сословия и пополняясь только бесправными сословиями (преимущественно мещанством), они не могли теперь действовать в защиту православия так свободно и смело, как в прежнее время; без поддержки шляхты и казачества они не могли прибегнуть ни к каким решительным мерам, и борьба их приобретала пассивный характер¹.

Печальное положение православия в пределах Речи Посполитой не ускользает от внимания московского правительства, и оно начинает заступаться за своих угнетаемых единоверцев: в свои договоры с Польшей оно включает пункты о свободе православного исповедания. Первый опыт дипломатического заступничества Москвы за православное население Польско-Литовского государства видим в Андрусовском договоре. В третьем пункте его говорится, что для русского народа „вшелякой кондиции“ в областях, остающихся за Польшей, „волнее мает быти заживане религией грецкой, без жадного в отправаню набоженства затрудненя“². Один из пунктов московских постановлений между Россией и Польшей в 1672 года гарантирует „русским людям, в стороне королевской пребывающим, вольное употребление веры греческой“³. Требования свои о нестеснении православных московское правительство потом повторяло несколько раз. Так, в договорной грамоте между польским и московским правительством, составленной в 1678 году, король обещает не делать никаких притеснений „всем людям греческой веры“, не принуждать их к католичеству или унии, но хранить их, по давним правам, при свободном отправлении богослужения⁴. В 1679 году при ведении переговоров с польским правительством, московские послы должны были настаивать на том, чтобы благочестивая восточная церковь и христиане греческого закона не терпели притеснений и не были принуждаемы к унии⁵. Такое же требование было заявлено ими и в 1680 году⁶. Все это служило пригото-

¹ Антонович I, 314-15.

² Летопись Самоила Величка, т. II, 107; ср. выше, с. 328.

³ Соловьев, кн. III, т. XII, 403.

⁴ Supplem. ad hist. Russiae monumenta, № 205, § 4, p. 497.

⁵ Журн. Минист. Народ. Просв., 1888 г., № 2, стат. Замысловского. „Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича“, с. 465.

⁶ Ibid., 1888 г., № 3, та же статья, 177.

лением к вечному миру 1686 года между Польшей и Россией, по девятому пункту которого последняя приобретала право заявлять требования о нуждах православных Речи Посполитой, если бы они подверглись стеснению со стороны польского правительства. Со времени заключения вечного мира (и юридическое, и фактическое) положение православия настолько изменяется в сравнении с предыдущим, что в истории его время от 1686 года до четырехлетнего сейма (1789—1792 гг.) можно считать особым периодом. Обзорение его составляет предмет следующей, четвертой главы.

Глава IV

От 1686 года до четырехлетнего сейма

Вечный мир Польско-Литовского государства с Московским явился результатом тех политических событий, которые переживались восточной Европой в 70-х и 80-х годах XVII ст. Австрия (германский император Леопольд I) вела войну с Турцией из-за Венгрии, население которой подчинение турецкому султану предпочитало немецкому деспотизму и религиозному гнету со стороны иезуитов. С той же Турцией из-за Украины, вследствие подчинения султану Петра Дорошенко, приходится вести войны Польше и Москве. Общая опасность должна была привести к союзу эти три государства. Прежде всего союз возникает между императором и Польшей. Последняя заключила было с Турцией в 1676 г. так называемый Журавинский мир, которым остались недовольны император и папа Иннокентий XI. Папа убеждал Яна Собеского отказаться от заключенного договора и продолжать войну с неверными¹. Сам король опасался торжества Турции над императором, так как оно было бы губительно для Польши, и начал склоняться, не без влияния папского нунция и духовенства, в сторону союза с Леопольдом. Так как и сейм 1683 г. высказался за союз с Австрией, то в том же году, при посредничестве папы, между Яном Собеским и императором Леопольдом I был заключен наступательно-оборонительный союз, обязывавший Австрию и Польшу вести общую войну с Турцией вплоть до одоления последней и заключения с ней мира². После поражения в сентябре 1683 г. Яном Собеским под стенами Вены турецких полчищ, предводимых визирем Кара-Мустафой, польский король старается привлечь к священному союзу, или христианской лиге, для изгнания турок из Европы и другие государства, так как для осуществления широких планов Собеского относительно Турции лига нуждалась в возможно большем числе союзников. Весной 1684 г. к лиге присоединилась Венеция. В договор с нею был внесен пункт о том, что три державы (участницы лиги) приглашают к союзу всех христианских государей и „преимущественно царей московских“³. Московское государство для союзников было особенно желательно и необходимо, так как своими нападениями на Крым и побережья Черного и Азовского морей могло отвлекать турецкие силы от главных врагов мусульманства — Австрии и Польши. Польское правительство энергично взялось за дело привлечения к лиге России; ему деятельно помогал и германский

¹ Zródła Dziejowe, t 1, p L I

² Шлоссер, Всемирная История (перевод под ред. Зайцева), т XV, 543; Бобржинский II, 229.

³ Соловьев, кн III, 984

император. Россия решила воспользоваться благоприятными политическими обстоятельствами и извлечь из них для себя выгоду. Она соглашалась примкнуть к союзу христианских государств против неверных только на выгодных для себя условиях и требовала у Собеского вечного мира. Переговоры тянулись очень долго. Испытанные Польшей в 1685 г. военные неудачи в Молдавии, за которыми могло последовать вторжение турецких войск в ее пределы, побудили польское правительство быть более уступчивым по отношению к Москве. В начале 1686 года в Москву прибыло польское посольство (познанский воевода Гржимультовский и канцлер литовский князь Огинский), после семинедельных споров с князем Василием Васильевичем Голицыным, 21 апреля 1686 г. приняло предлагаемые Россией условия и был заключен вечный мир. По этому миру Польша уступала Москве Смоленск, Чернигов и Киев (последний за 146.000 рублей), а эта последняя обязывалась разорвать с Турцией мир и оказывать своей союзнице помощь против крымских татар (в следующем 1687 г., а „также в предыдущие лета многими силами на самой Крым... быти имеют“)¹. Для вопроса о правовом положении в Польше и Литве православия имеет важное значение девятый пункт статей вечного мира. Содержание его можно передать в следующих словах. Король обещает не делать никаких притеснений церквам Божиим и епископам: луцкому, галицкому, перемышльскому, львовскому и белорусскому и при них монастырям-архимандриям: виленской, минской, полоцкой, оршанской и прочим, игуменствам, братствам, где только было и теперь есть употребление благочестивой греко-русской религии, и всем людям, обитающим в Короне и в Великом Княжестве Литовском и исповедующим эту веру, не будет делать притеснений и не велит принуждать их к католичеству и к унии; этого и быть не должно, но будет (король) блюсти их, по давним правам, при всех свободах и вольностях церковных. Если бы тем вышеупомянутым епископам Короны и Великого Княжества Литовского, ввиду перехода Киева к Москве, пришлось по духовному их чину и обычаю принимать благословение или рукоположение от киевского митрополита, то в таких случаях для них не должно быть никакой помехи со стороны польского правительства. В свою очередь, и царские величества не должны делать никаких несправедливостей людям и религии римской в своих областях, особенно в отошедших ныне к ним краям, не будут делать несправедливостей и принуждений к другой вере, напротив — они, придерживаясь своей веры, будут иметь всякую свободу и не понесут никакого вреда и убытка, в своих имениях, но будут свободно исповедывать свою религию. Пункт

¹ Соловьев, кн III, 984-986, Бобржинский II, 231; Szujski, IV, 100.

этот, со всеми иными должен быть подтвержден королем и Речью Посполитой на вальном сейме и внесен в конституцию¹. Этим пунктом вечного мира православию предоставлялась полная свобода, а православные епископы, остающиеся в пределах Польши, подчинялись Киевскому митрополиту, подданному московского государя. Россия, как договаривающаяся сторона, получала право наблюдать за тем, чтобы православная вера в пределах Речи Посполитой на самом деле пользовалась свободой и неприкосновенностью. Так как польское правительство и частные лица при господствующих в Польше фанатизме и поразительной религиозной нетерпимости никогда не соблюдало этого пункта, то русское правительство весьма часто было вынуждено вступаться за своих угнетаемых единоверцев. Четвертый период может быть охарактеризован, как период заступничества за православие русского правительства, так как внутри самой Речи Посполитой некому было отстаивать его права и интересы.

Положение православия в течение всего этого периода было крайне печально и тягостно не только фактически, но и юридически. Исчезновение казачества, ослабление братств и сокращение до минимума православной (как и вообще некаатолической, отстаивающей религиозную свободу) шляхты лишили православие его внутренних защитников. Сеймы, очень часто срывающиеся, свободно теперь постанавливают несправедливые и стеснительные для православия определения. Польско-униатская интрига отражается крайне пагубно на церковных делах православных. Львовский епископ Иосиф Шумлянский и перемышльский — Иннокентий Винницкий, давно уже принявшие унию тайно, к началу XVIII в. открыто заявляют о своем отступничестве от православия; их епархии были объявлены униатскими. То же самое было сделано и с луцкой в 1712 г. После этого на всю Речь Посполитую оставался только один православный епископ — белорусский. Недостаток православных владык ложился тяжелым бременем на русско-православное население и лишало его возможности противодействовать униатской пропаганде. Уния начинает быстро распространяться среди русского населения, чему главным образом способствуют насильственные меры ревнителей унии по отношению к несогласным принимать ее. Меры эти были крайне разнообразны. Православных обременяли налогами, насильно принуждали их принимать унию, противящихся подвергали пыткам и гонениям, церкви и монастыри отнимали, православное духовенство подвергали побоям и лишениям. Страшно теснимые поборниками католиче-

---

¹ Volum legum, VII, 77, § 9, Полн. Собр. Зак. Российск. Импер., т. II, № 1186, с. 777. Сеймы не хотели утверждать статей вечного мира, несмотря на настойчивые требования из Москвы. Только в 1710 г. Петр Великий добился этого подтверждения от Варшавского сейма.

ства и унии, православные все чаще и чаще обращаются к единой верной России и молят ее о заступничестве и облегчении своей горькой участи. Русское правительство не оставалось равнодушным к воплям угнетенных и часто пыталось улучшить их положение. Петр Великий, Елизавета Петровна и особенно Екатерина II приложили много старания к тому, чтобы ослабить гнет, тяготевший над русско-православным населением в Речи Посполитой, но заботы русского правительства о православных очень часто делали последних предметом еще большей ненависти со стороны католиков и униатов.

* * *

Ян Собеский много прилагал стараний к тому, чтобы усилить унию и привлечь к ней схизматиков. Католическое духовенство и папа побуждали его к отнятию всех прав у последних¹. Когда попытка короля соединить мирным путем униатов с дизунитами не увенчалась успехом, польское правительство начало действовать в этом направлении по тому плану, который был составлен Шумлянским. Пущена была в ход вся иезуитская изворотливость, лишь бы завлечь в унию большее количество русского народа. Кроме религиозного фанатизма, и теперь имеют большое значение политические соображения — желание покрепче привязать к Польше русские области и отвлечь их симпатии от православной Москвы. Наряду с тайной пропагандой унии шла и явная: путем насилий и притеснений над православными, интересы которых игнорировались ко благу униатов, их заставляли отказываться от своей праотцовой веры и переходить в ряды последних. Оставшееся верным православию небольшое количество шляхты продолжало включать в инструкции сеймовым послам требования касательно православия, но все это — только напрасные усилия. В 1688 г. волынская шляхта просит о восстановлении церкви в Острожском замке, о правильном распределении налогов на униатское и неуниатское духовенство во владимирской и луцкой епархиях и об освобождении тех из униатского и дизунитского духовенства, которые не имеют подданных, от военных тягостей, о подтверждении новой конституцией прав и привилегий Луцкого братства, на том основании, что при нем погребено много предков волынской шляхты². Брацлавская шляхта в том же году поручает своим послам настаивать на уменьшении податей, взимаемых с разоренных имений православного духовенства (*duchowieństwa ritus graeci*), особенно во владимирской и луцкой епархиях, на освобождении домов православного духовенства, не имеющие-

¹ Szujski IV, 79.

² Арх Ю -3. Р., ч. II, т. II, 466

го подданных, от военных тягостей (*ad omni onere militari*), затем, на подтверждении новым законом всех привилегий, дипломов и актов в пользу православия и на отмене конституции 1677 г. о греческой религии, которой подтверждалась конституция 1676 г. о невыезде православных за границу¹. В 1690 г. Брацлавское воеводство заявляет о том, что униаты нарушают конституции о спокойствии православных, отнимая у них имения, фондуши и церкви, возбуждают ссоры между духовными и волнения среди простого народа, и вместе с тем просит о новом подтверждении всех прежних постановлений о греческой религии и точном определении наказания для нарушителей закона². В 1693 г. киевская шляхта просит, чтобы духовенство униатское и неуниатское не было отягощаемо гибернами, а дома его были свободны от военных постоев (*a stativis militaribus*) и жолнерских переходов (*przechodow*)³. Но все эти представления и просьбы шляхты об облегчении печального положения православия остаются напрасными. Во вторую половину правления Собеского сеймы часто срывались, а если и доводились до конца, то не обращали внимания на делаемые защитниками православия заявления. Ревнители религиозного единения до самой кончины Яна Собеского (17 июня 1696 г.) продолжали навязывать унию русскому народу и привлекать его к ней. Русские резиденты в Варшаве хорошо были осведомлены о тех стеснениях, какие испытывают православные, так как последние, не находя себе защиты у польского правительства, начинают обращаться с жалобами к представителям России. Последние, основываясь на 9-м пункте статей вечного мира, заступаются за православных. Когда епископ перемышльский Иннокентий Винницкий открыто перешел на сторону унии и сделался жестоким гонителем православия, резидент русский (дьяк Борис Михайлов) заявил польскому правительству требование, чтобы этот владыка, как принявший унию самовольно, был удален с кафедры, а на его место был возведен православный. Но его труд оказался напрасным. Ему ответили, что король и Речь Посполитая не могут воспрепятствовать доброду намерению всякого желающего принять унию. Требования относительно свободного исповедания православия предъявлял польскому правительству русский резидент и в 1693 и в 1694 гг., но также напрасно. В 1693 г. он толковал с польскими министрами о чинимых православным обидах и насильственном обращении их в унию. Министры говорили, что унию принимают добровольно, а не по принуждению, и что русскому правительству не следует вмешиваться во внутренние дела Польши, точно так же, как

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т II, 473.

² Ibid., ч. II, т II, 487-488

³ Ibid., ч. II, т II, 514.

и Польскому — в дела Московского государства. Когда же московский резидент указал на то, что владельцы в своих имениях обращают православные церкви в унию, и напомнил, что это противно статьям вечного мира, то ему ответили: „В договоре с царским величеством дело идет об одних королевских имениях, а не о панских и шляхетских маетностях, потому что пану в его имении указывать нельзя“. В 1694 году резидент опять настаивал на том, чтобы Винницкий был отстранен, а на его место назначен тот, кого изберут православные, и чтобы церкви и монастыри были возвращены последним, но ему сказали, что этого никогда не будет¹.

Безвластие 1696 г. не могло сулить ничего хорошего православным. Ничтожное количество шляхты, оставшейся верной православию, лишало их надежды добиться какой-либо уступки в свою пользу на конвокационном и избирательном сеймах. Борьба партий на конвокационном сейме отвлекала внимание послов от религиозного вопроса и еще более усиливала для православных трудность получить что-либо. Тем не менее православные решились требовать прекращения тех насилий, какие были чинимы над ними. Волынская шляхта, посылая своих депутатов на конвокационный сейм, включила в инструкцию для них несколько пунктов касательно православия. В год смерти Яна Собеского произошел следующий крайне возмутительный случай. В Люблине некто Ян Гречина, врач по профессии, убил игумена местного братства Амвросия Гирича, но власти городские оставили его совершенно безнаказанным и выпустили на свободу. Случай этот возмутил всех православных. Волынская шляхта поручает своим послам требовать на сейме, чтобы названный убийца был предан генеральному каптуровому суду. Заодно с вышеизложенной жалобой та же шляхта представила и другую на ксендза Мартина Маркушевского, декана олыцкой коллегии, за то, что он подвергал оскорблениям и насилиям двух православных монахов из луцкой епархии. В селе Носовичах, принадлежащих Дионисию Жабокрицкому, епископу-номинату луцкому и острожскому, он схватил этих монахов, избил их и связанных завез в Олыку, где заключил их в подвал, служивший для погребения покойников. Волынская шляхта требует, чтобы и этот возмутительный поступок не оставался безнаказанным. Наконец, в инструкции своим послам та же самая шляхта включила еще и требование, чтобы имения, принадлежащие упомянутому Жабокрицкому, ввиду их разорения и заслуг перед государством самого владельца их, были освобождены от гиберн². Времена, когда православные вместе с диссидентами составляли на сеймах внушительную силу, с которой приходилось считать-

¹ Чистович II, 46-48, Соловьев, кн III, т XIV, 1132

² Арх Ю-3 Р, ч II, т II, 528 и далее.

ся католической партии, и добивались улучшения своего юридического положения, прошли безвозвратно. Католики, пользуясь тем, что число разноверцев среди шляхты было невелико, думали об отнятии у них тех прав, которые были получены ими до 50-х годов XVII стол. Ожесточенная борьба партий на конвокационном сейме 1696 г. не позволила католикам добиться ограничений прав разноверцев, но это откладывалось только на недалекое будущее; на этом же сейме было подтверждено определение двух предыдущих конвокационных сеймов избирать в короли только католика и всеми силами стоять „за права и привилегии православной (orthodoxae) римско-католической и униатской греческого обряда церкви“. Диссидентов и православных на этот раз соединили вместе и положение их определили одним общим пунктом, тогда как прежде о тех и других составляли отдельные параграфы. „Для сохранения среди диссидентов покоя всецело восстанавливаем давние законы и конфедерации, особенно конфедерацию 1674 года; при них и сохраняем диссидентов ненарушимо (inviolabiliter), удержав права и исключения Мазовецкого княжества; греческой же религии как униатской, так и дизунитской, в Короне и в Великом Княжестве Литовском, вместе с восстановлением всех конфедераций предшествовавших бескорольев, обещаем соблюдать и хранить их сообразно с правами и привилегиями“. В конце этого пункта замечено, что ариане, отступники, квакеры и менониты не подходят под эту конфедерацию¹. По смыслу ее выходило, что те стеснения и юридические ограничения православия, какие были сделаны при Михаиле Вишневецком и Яне Собеском, не отменялись. Католическая ревность сенаторов и послов была настолько велика, что они не могли мириться и с тем, что оставлено было разноверцам, и очень многие из них при подписи акта генеральной конфедерации поместили оговорки: *salvis juribus romanae ecclesiae*².

Избирательный сейм, начавшийся 17 мая 1697 г., как и конвокационный, был очень бурным: на нем ожесточенно боролись две партии, из которых каждая выставляла своего кандидата. Сторонники саксонского курфюрста Фридриха Августа, перешедшего ради достижения польского трона из протестантства в католичество, 27 июня провозгласили королем своего кандидата, который и поторопился явиться в Польшу, чтобы лишить возможности своих противников стоять за французского принца де-Конти. Престол остался за Августом. При вступлении на польскую территорию, в пограничном селе Пекарах (27 июля нов. ст.), новоизбранный король подтвердил поднесенные ему *pacata conventa* с обещанием хранить их во всех артикулах,

¹ Volum. legum. V, 407-408.

² Volum. legum. V, 412-416.

пунктах, заключениях и условиях, так что ни частное не должно противоречить общему, ни общее — частному (*nec specialitas generalitati, nec generalitas specialitati deroget*)¹. В подтвержденных королем *pac̃ta'x conventa'x* говорится то же самое, что было принято и скреплено присягой Михаила Вишневецкого и Яна Собеского. „Ввиду-важных и трудных дел“ на избирательном сейме, на котором составлялись *pac̃ta conventa* относительно разрозненных в греческой религии, униатов и дизунитов, ничего не постановлено, но зато на будущем коронационном сейме немедленно, без всякого расследования и проволочек, все будет приведено к успокоению по давним правам той и другой стороны, при специально для сего избранных депутатах того и другого чина, через комиссаров обоих народов. Точно так же, как и перед избранием двух предыдущих королей, обещается, согласно с давними правами, не раздавать имений и высших церковных должностей недостойным (*incapacibus*) лицам и не позволять удерживать их *per sessionem*. Но сверх всего этого есть и новое обещание: возвратить по давним правам, киевской митрополией отторгнутые от нее (но не завоеванные) имения². Последнее замечание относится больше к униатам, чем к православным. Как замечено выше, Шумлянский соглашался на унию с тем, чтобы получить звание администратора киевской митрополии, чего, действительно, и достиг при Яне Собеском (в 1679 г.)³. Последний своим привилеем (6 февраля 1684 г.) предоставил ему и Киево-Печерский монастырь⁴. Так как правительство намеревалось хитростью склонить к унии всю православную иерархию, то и решило возвратить митрополии, принадлежавшие ей прежде, но потом отнятые униатами, имения. При раздаче дигнитарств, сенаторских кресел и староств *pac̃ta conventa* обязуют нового короля следовать постоянному обычаю и старой практике Яна Казимира, Михаила Вишневецкого и Яна Собеского⁵. Об этих же королях известно, что они давали обещание не допускать разноверцев ни в сенат, ни к каким-либо должностям и не предоставлять им староств⁶. Значит, это обещание устраняло не католиков от всех вообще должностей и преимуществ и являлось новым ограничением прав их вероисповеданий. Православная и диссидентская шляхта лишалась из-за этого главнейшего источника обогащения, власти и влияния на общественные дела. Католики теперь свободнее могли проводить на сеймах стеснительные для разноверцев постановления.

¹ Volum legum VI, 8; Szujski, IV, 157.

² Volum. legum VI, 15

³ Арх Ю.-З Р., ч. I, т IV, 45, § 12

⁴ Арх Ю.-З Р., ч. I, т IV, № 36, 72-73

⁵ Volum legum VI, 15

⁶ Антонович, I, 271 и 272.

Так как противная Фридриху Августу партия не хотела признавать его королем и, считая его избрание незаконным, составила в Сродзе конфедерацию „Для защиты веры и свободы от грозящей им опасности“, то он поторопился со своей коронацией. Она состоялась 15 сентября (по нов. ст.) 1697 г., а за ней последовал и коронационный сейм, который, ввиду неприязненных действий со стороны противной королю партии, был сокращен до двух недель¹. На этом сейме было сделано немного постановлений (всего три конституции), но и те не касались религиозных вопросов²; на нем Август опять подтвердил присягой *paeta conventa* и издал обычную в таких случаях генеральную конфирмацию прав. Как и предыдущие короли, он обещает соблюдать все общественные и частные права и привилегии, хранить мир среди разноверцев, из-за религии никого не преследовать и оказывать всем подданным милость и справедливость³, а в конфирмации признает авторитет обязательности за всеми законами, правами, привилегиями, вольностями и постановлениями, изданными и установленными всеми предыдущими королями и правителями Польши, Литвы и соединенных с ними областей, признанными сеймами во время бескоролевий до последнего включительно, равно как и за решениями, постановлениями и декретами трибунала, как последней (*ultimae*) инстанции. Не забыта в ней и римская церковь вместе с униатской: король обещал свято и ненарушимо хранить их привилегии. Диссидентам обещается прочный и ненарушимый мир и спокойствие⁴.

Нельзя утверждать, что шляхта ровно ничего не хотела делать во время рассматриваемого бескоролевья в пользу православия. Выше говорилось, что волынская шляхта перед конвокацией предъявляла требования о наказании убийц люблинского игумена Амвросия Гирича, о наказании ксендза Маркушевского за насилия над двумя православными монахами и хлопотала о луцком епископе-номинате Дионисии Жабокрицком. Перед избирательным сеймом в пользу православия поднимает голос киевская шляхта. В инструкции, данной ею своим послам, она поручает им настаивать на том, чтобы нарушаемые законы о должностях духовных и о церковных имениях были восстановлены и подтверждены, чтобы эти должности и бенефиции не совмещались по несколько в одном лице (даже под предлогом администрации), и чтобы каждый епископ довольствовался своей кафедрой, не добываясь прерогативы другой кафедры. Как на пример такого нарушения

---

¹ Volum. legum. VI, 11

² Volum. legum. VI, 11-13.

³ Volum. legum. VI, 8-9

⁴ Volum. legum. VI, 9-10.

давних прав церковных указывает шляхта на епископа львовского Шумлянського, который, нося титул администратора киевской митрополии, владеет ее имениями без всякой пользы и выгоды для хвалы Божией и Киевского воеводства. Шляхта настоятельно просит через своих послов передачи их и администрации над киево-печерской архимандрией луцкому епископу-номинату Дионисию Жабокрицкому, как местному уроженцу, а вместе с имениями — юрисдикции и власти над всем православным духовенством во всех королевских, духовных и земских имениях (за исключением униатского духовенства) в киевской митрополичьей епархии¹. Эта инструкция была составлена 14 января 1697 г.; а в мае та же самая шляхта делает особое постановление, один из пунктов которого содержит вторичное требование передачи имений киевской митрополии и киево-печерской архимандрии упомянутому уже Жабокрицкому. В числе мотивов к отобранию указанных имений от Шумлянського и передаче их Жабокрицкому указывается на то, что он, будучи еще светским, оказал услуги Речи Посполитой и своему воеводству и что он местный уроженец². Указанными требованиями Киевское воеводство возбудило на избирательном сейме вопрос об имениях киевской митрополии и дало побуждение ко внесению в *р акта conventa* замечания о возвращении этих имений от Шумлянського митрополии.

Недоразумения между новым королем и противной ему партией продолжались около двух лет, пока, наконец, так называемый пацификационный сейм 1699 г. не примирил их; последняя согласилась признать избрание законным, когда король сделал ей некоторые уступки. Сейм этот начался 16 июня (по нов. ст.), продолжался до 31-го июля и оставил после себя значительное число конституций, из которых некоторые касаются и положения православия. Прежде всего на нем было совершено как бы вторичное избрание Августа II в польские короли: во-первых, он еще раз подтвердил свои *р акта conventa* с обещанием неизменно хранить их³; во-вторых, примас польский, кардинал Михаил Радзеевский и сеймовый маршалок Казимир Белинский от имени сената и шляхты издали особый „диплом избрания“, которым доводилось до всеобщего сведения, что после смерти Яна Собеского в короли избран сенатом и шляхтой Фридрих Август, курфюрст Саксонский; при этом щедро расточались похвалы по адресу новоизбранного короля⁴. Сейм подтвердил этот диплом. Только после этого послы приступили к обычным сеймовым занятиям. Из постановленных на этом

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 539-540.

² Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 547-48.

³ *Volum. legum.* VI, 13-27.

⁴ *Volum. legum.* VI, 27-28.

сейме конституций две направлены против православия. Так, в конституции относительно возвращенного в этом году от турок Каменца-Подольского, жителям которого, ввиду важного торгового и стратегического значения города и недавно перенесенной ими тягости мусульманского ига, давалась двадцатилетняя свобода от податей и повинностей, в ней говорится, что „люди греческой религии — дизуниты не могут жить в этом городе“. Православные в данном отношении приравниваются к евреям, которым запрещалось иметь здесь собственность, заниматься торговлей и проживать в нем более трех дней¹. Результатом этого постановления было то, что все православные церкви Каменца-Подольского должны были перейти к униатам, но так как последних в Каменце было очень мало, то они воспользовались только одной, прочие же были запечатаны². Другая конституция этого сейма под заглавием „Уния греческой веры“ была еще вреднее предыдущей. Задавшись целью уничтожить схизму и распространить среди русского народа единение с костелом, польское правительство решилось уничтожить всякое политическое значение этого народа, которое ему доставляли общественные должности. Как указано выше, значение православной шляхты было ослаблено устранением ее от сенаторств и старост, от всех вообще должностей³. Теперь очередь была за мещанством. Православные мещане в городах с Магдебургским правом, занимая разные должности в городском самоуправлении, оказывали услуги своим единоверцам и этим парализовали деятельность горячих сторонников унии. Чтобы лишить православие и этой слабой защиты, нынешний сейм постановил названную конституцию, содержание которой дословно следующее. „Желая заохотить дизунитов греческой религии к единению в святой вере, восстанавливаем конституции 1667 и 1678 гг. об униатах. Вместе с тем объявляем, что люди мещанского звания, чистые униаты, достойные (*saraces*) вступления в должности (*ad obeunda munia*) и городские магистраты“⁴. Путем отстранения православных мещан от участия в городском самоуправлении польское правительство хотело унижить православное мещанство и через это ослабить опасные для успехов унии братства, которые к концу XVII века пополнялись исключительно мещанами. Можно указать еще на одну конституцию о часто упоминавшемся уже *jus patronatus*. Ею восстанавливаются по настоянию и согласию чинов все права о *jus patronatus*, которые изложены в статуте и в собрании законов (*in volumine legum*), и дается обещание безотложно

¹ *Volum legum* VI, 35, § 19

² Аpx. Ю.-З. Р., ч I, т. IV, 122-123.

³ *Volum legum* VI, 15

⁴ *Volum legum*. VI, 35, § 21

привести их в исполнение, за исключением только прусских аббатств¹. Вред этой конституции для православия был очень велик: приходский священник отдавался всецело в руки владельца поместья, который по своему усмотрению выбирал его и по тому же усмотрению мог во всякое время прогнать его. Так как владельцами имений были исключительно католики, то церкви давались преимущественно униатам или тем, которые соглашались изменить православие, привязанных же к последнему лиц они всячески гнали. Указанные юридические ограничения православных должны были еще более ухудшить и без того незавидное их фактическое положение. Православные испытывают один удар за другим. В 1700 г. (16 мая) последовал открытый переход Иосифа Шумлянского, львовского епископа, на сторону унии², после чего он начал насильно отбирать во Львове православные церкви и принуждать население к унии. Стеснения, предпринятые отступником, были очень велики. Православное население обратилось с жалобой к русскому резиденту в Варшаве Любиму Судейкину, по требованию которого король издал указ на имя Шумлянского с предписанием прекратить насилия и возвратить православным отнятые у них церкви, но великий коронный канцлер отказался приложить печать к королевскому указу, и последний оказался недействительным³. В 1702 г. примеру Шумлянского последовал и другой православный епископ Дионисий Жабокрицкий (луцкий), на которого православные особенно рассчитывали, ввиду его известной ревности к вере, начитанности и учености. Он был избран на луцкую кафедру еще в 1695 г. и, несмотря ни на какие усилия короля и униатов побудить его к отступлению от православия, оставался верен последнему. Но те стеснения, которым подвергало его польское правительство (привлечение к задворному суду за получение будто бы обманным образом королевской грамоты на церковные имения) и препятствие со стороны киевского митрополита Варлаама Ясинского к его посвящению (он был женат на вдове) вынудили его сделаться отступником, и он, к большому огорчению православных, принял унию⁴. Православные не хотели мириться с фактом потери для себя луцкой епархии и употребили немало усилий на то, чтобы сделать ее снова своей. Воспользовавшись тем, что по случаю борьбы Русских и Поляков со Шведами русские войска заняли многие области Речи Посполитой, православная шляхта, надеясь на их содействие, предприняла

¹ Volum. legum. VI, 33, § 7.

² Чистович II, 49-50, „Киев. Старина“ 1891 г, Июнь, с. 350 (статья Мирона, „Иосиф Шумлянский, последний православный епископ львовский и его Метрика“)

³ Чистович II, 50; ср Крыловский, Львов. став. брат., 129-130.

⁴ Антонович I, 316-318.

гонение против Жабокрицкого и, захвативши его в свои руки, в 1709 г. выдала русским, а те отправили его в ссылку, где он и умер¹. Затем, православная шляхта Волынского и Киевского воеводств вздумала заменить его своим епископом и остановила свое внимание на Кирилле Шумлянском, племяннике известного изменника православию, львовского епископа. Его же рекомендовали в епископы сам король и униатский митрополит. Новоизбранный принял посвящение в Киеве от православного митрополита и выказал себя горячим сторонником православия. Тогда король объявил Кирилла изменником и лишенным епископства, а католическая шляхта постановила отнять у него кафедру и передать ее холмскому униатскому епископу, а самому Кириллу грозила арестом и ссылкой. Кирилл Шумлянский бежал в Россию, где получил в управление переяславскую епархию². Он был последним православным епископом в луцкой епархии; после него (в 1712 г.) она окончательно уже переходит в руки униатов, к большому огорчению православных, у которых отныне остается только одна белорусская епископия.

Продолжительная война Августа II (в союзе с Петром Великим) со Швецией делала еще более тяжелым положение православных, так как вызванные ею неурядицы уничтожали и ту призрачную законность, которая царила в Польше. Поляки поделились на два лагеря³, опустошали свои области и притесняли беззащитное население. Появление русских отрядов в некоторых местах на время облегчало положение страждущих и угнетенных: русские не позволяли делать религиозных притеснений, но это продолжалось недолго. После удаления „москалей“ католики снова принимались давить схизматиков и принуждать их к унии. Русское правительство видело тот гнет, которому подвергались православные в Польше. Петр Великий решил для прекращения предпринять более действенные меры, чем представления посланника. Политические обстоятельства вполне благоприятствовали ему. После Полтавской битвы шведы были окончательно вытеснены русскими из Польши, и последние свободно хозяйничали в ней. Русский посланник в Польше, князь Гр. Фед. Долгорукий, приобрел здесь громаднейшее влияние. Его стараниями в феврале 1710 г. был созван вальный съезд в Варшаве, который должен был опять подтвердить королем Августа II, лишенного польской короны Карлом XII. Съезд этот, носивший характер конфедерации и находившийся под сильным давлением русского посланника⁴, между

¹ Антонович I, 319-21.

² Антонович I, 321-22, Чистович, II, 292-93

³ Августа II и Лещинского, ставленника шведского

⁴ Szujski IV, 227-228 Он подтвердил Сандомирскую генеральную конфедерацию, поддерживавшую Августа II Volum legum VI, 69

прочим, подтвердил и статьи вечного мира с Россией¹, которые до сих пор не были приняты сеймом, хотя практически и имели полную силу для обоих договаривавшихся государств. На основании этого договора Долгорукий требовал от Августа II, чтобы униаты не были допускаемы на православные кафедры, а на них назначались „благочестивые“ монахи²; но его требования были безуспешны. Тогда Петр Великий отправил в Могилев (в белорусскую епархию, на которую теперь было обращено все внимание униатов, желавших и ее подчинить себе) стольника Богуслава Шипневского в качестве комиссара для охранения православных от обид и притеснений со стороны латинян и униатов³. Но и эти решительные меры русского правительства мало помогали, а только возбуждали еще больший фанатизм среди католиков и униатов. Король не мог ничего сделать, а сеймы в большинстве случаев откладывались или срывались. С 1710 г. до самой смерти Августа II (1733 г.) доведено до конца всего лишь четыре сейма. Из них для рассматриваемого вопроса имеет значение только пацификационный сейм 1717 г. (так называемый немой), которым подтверждалось примирение короля с недовольной на него шляхтой, составившей Тарногородскую конфедерацию. Благодаря стараниям русского посла Юрия Долгорукого, король и конфедераты помирились; по этому поводу был составлен в 1716 г. Варшавский трактат, который и подтвержден на указанном сейме⁴. В этом трактате заслуживает внимания четвертый его артикул, содержание которого следующее. Ввиду господствующей всегда в Польше и ее областях ревности к святой католической вере, генеральными конфедерациями 1632, 1648, 1668 и 1674 гг. установлено, чтобы диссиденты довольствовались только старыми своими сборами, в которых и позволяется им совершать богослужение, а новых не строили, поэтому живущие в разных городах и местечках диссиденты могут отправлять свои богослужebные собрания только частно, по своим домам, без проповеди и пения. В Мазовии, относительно которой возобновляются теперь все ее давние законы и исключения, у них отнимаются все заново отстроенные молитвенные дома и запрещаются всякие богослужebные собрания. Кто отважится тайно или явно устраивать эти

¹ Подтвердив его, съезд сделал оговорку о неприкосновенности святой и католической веры римской обоим обрядам – латинского и греческого, *juxta statum et condicionem. Volum legum. VI, 73.*

² Соловьев, кн. IV, т. XVI, 51.

³ Чистович, II, 51.

⁴ *Volum. legum VI, 112* Варшавский трактат заключен 3 ноября 1716 г., а немой сейм, продолжавшийся всего лишь шесть часов, происходил 30 января 1717 г., на нем были только маршалы и члены советов Сандомирской и Тарногородской конфедераций – Смоленский В., *Истор Польского народа*, 224-225

собрания, говорить проповеди, принимать учителей и проповедников, тот сначала будет подвергнут денежному штрафу, потом тюремному заключению и, наконец, изгнанию. Иностранцы могут совершать у себя дома богослужения, но с тем условием, чтобы посторонние лица под страхом вышеизложенных наказаний не посещали их¹. Как показывает содержание, артикул этот относится к диссидентам, но католики применяли его и к православным во всей Короне и Великом Княжестве Литовском, так что он, по выражению Петра Великого, сделался претекстом для оправдания постоянных гонений на православных².

Около 1717 г. все те разнообразные меры к истреблению православия в Польше, которые применялись по отношению к нему в течение XVII в., приводятся в строгую систему, преследующую вполне определенную цель не просто подавить православие и заменить его унией, но совершенно окатоличить и ополячить русский народ. Эта система содержится в известном проекте уничтожения православия и русской народности в пределах Польши³, который был представлен сейму 1717 г. и потом разослан по поветовым сеймикам. Факт появления такого проекта показывал, что православным нельзя было ожидать от польского правительства ничего хорошего. Ход событий подтверждал такое предположение: на сейме 1718 г., в Гродне католики, воспользовавшись тем, что в числе послов был только один разноверец-диссидент, велюнский посол Петровский, лишили его права голоса, и потом, на следующих сеймах, этот единичный случай признавали обычаем и уже не позволяли диссидентам быть послами на сейм. Таким образом католики добились возможности делать какие угодно постановления против иноверцев, ибо теперь никто не мог противиться им⁴. Такие стеснения касались и православных; и у них отнималась возможность защищать свои права легальным порядком. С этого времени они еще более вынуждаются искать защиты вне Польши у русского правительства. Все чаще и чаще начинают они обращаться к нему и слезно молить об оказании помощи. В 1718 г. обращаются с такой просьбой к Петру Великому православные монастыри Литвы и Белоруссии; они заявляли, что без покровительства со стороны России они все будут обращены в унию. В 1719 г. жа-

¹ Volum. legum. VI, 124, art. IV К пятому артикулу этого Варшавского трактата присоединены две формулы присяги для гетманов. В конце каждой из них находится обещание не принимать в войско офицеров-диссидентов в ущерб католикам, но стараться о том, чтобы число их не превышало последних Volum. legum. VI, 127-128. Сейм 1718 г. подтвердил постановления немого сейма Volum. legum. VI, 204, § 2.

² Чистович II, 52.

³ Чистович II, 52-53. Титов, Рус. прав. цер., т. I, 1-я пол., 132-145.

⁴ Чистович II, 55; Бобржинский II, 253

лобы на притеснения православия со стороны униатов были от гомельского старосты Красинского, а в следующем — от белорусского епископа Сильвестра Четвертинского¹. Петр Великий не оставил без последствий этих жалоб: по настоянию русского посланника Август II издал 28 ноября 1720 года привилей, которым белорусская епархия с ее монастырями и церквями оставалась за православными. В этом привилее король объявляет всем, кому ведать о том надлежит, что он, следуя примеру своих предшественников, королей польских и великих князей литовских, и сохраняя в полной силе и значении все данные ими дипломы, *acta conventa*, конституции и занесенные в собрание законов (*in volumine legum*) сеймовые постановления о неприкосновенности (*de immunitate*) церковью древнегреческого обряда, желает иметь ненарушимыми права, обычаи, обряды (*ceremonie*), прерогативы, сообразно с древним пользованием и практикой, для духовных и светских. Такое королевское желание касается белорусской, мстиславской, оршанской, могилевской епархии с двумя кафедрами: в Мстиславле — Св. Троицы и в Могилеве — св. Спаса и всеми церквями в пределах Великого Княжества Литовского, относящимся к этой епархии, и особенно — монастырей ставропигиальных и частных (*partykularne*), по их фундаментам, правам и привилегиям. После перечисления всех монастырей², в привилее говорится, что король и его преемники сохраняют за православными их прерогативы, либертации (*libertacie*), обряды, право совершения таинств с повсеместным напутствованием больных и погребения умерших, имения, монастыри, церкви, грунты, юрисдикцию, свободное исповедание и безопасность. Одним словом, обещается сохранение всего того, что предоставлено православию всеми предшествовавшими королями и Речью Посполитой для обеспечения обрядов, управления, целостности, вольности, данных вообще и в частности духовным лицам религии древнегреческого об-

¹ Чистович II, 54-56.

² Монастыри эти следующие: Виленский, братский Святодуховский с его принадлежностями (*cum attinentiis iego*), Слуцкая архимандрия Св. Троицы с Грозовским, Мороцким, Заблудовским, Старчицким монастырями, всем духовенством слуцкой капитулы и посольскими отцами при церквях княжества Слуцкого и Копыльского, — Кутеинский, Оршанский — Богоявления Господня, со всеми относящимися к нему монастырями, Могилевский — братский Богоявленский, Марковский св. Троицы с церквями Витебского воеводства, Буйницкий св. Духа, Тупичевский, Мстиславский св. Духа, Полоцкий — братский Богоявленский, Минский, Кронский, Грозовский, Сурецкий, Селецкий, Новодворский, Купятицкий, Голдовский, Евейский, Кейданский, Прилуцкий, Друйский, Пинский, Соломерецкий, Шкловский, Городский — братский, Слуцкий, Дзэндзяловский, Брестский, Яблоченский, Борисовский, Диснинский, Невельский, Якубово-Крыжбовский, Вохорский, Гривевский, Терешковский; женские: Виленский, Минский, Слуцкий, Кутеинский, Оршанский, Варкалабовский, два Могилевских — братский и Никольский, Мазаловский, Шкловский, Косцяковский и др. монастыри и церкви, в разных воеводствах и поветах вел. княж. Литовского находящиеся.

ряда¹. Но этот привилей оставался без исполнения, православные страдали по-прежнему. Белорусский епископ, князь Сильвестр Четвертинский, в 1722 г. лично жаловался русскому императору на те обиды, которые чинятся православным, в том числе и ему самому, и на то, что виленский бискуп запретил под страхом смертной казни вновь строить православные церкви. Петр I потребовал, чтобы была назначена комиссия „для освидетельствования обид“, испытываемых людьми греческого исповедания, и „для получения за них удовлетворения“. Посланнику Долгорукому поручалось отправить в Могилев переводчика при варшавском посольстве Игнатия Рудаковского и с ним московского монаха Иустина Рудинского; они должны были произвести исследование об обидах, переносимых православными. Присутствие Рудаковского в пределах Литвы было очень полезно для православных. Последние засыпали его жалобами, которые были представляемы им своему правительству. Благодаря деятельности Рудаковского, успехи унии были приостановлены, а те монастыри и церкви, которые были отняты у православных (напр., пинские), вновь возвращены им. Католическое и униатское духовенство, стесняемое присутствием русского комиссара, питало сильное нерасположение к нему; недовольно было им и польское правительство, винившее его в нарушении мира между католиками и дисунитами и в неверных донесениях своему правительству. Посланник русский тоже недружелюбно относился к Рудаковскому и советовал отозвать его, чтобы не раздражать поляков. Но пока был жив Петр I Рудаковский оставался в Могилеве и энергично отстаивал интересы православия, после же кончины великого преобразователя России посланник был вызван в Петербург. Вызов его опечалил православных, враги их стали действовать свободнее, возобновились нападения на православных, изгнания священников, отнятия церквей, частые обиды схизматикам. Виленский бискуп запретил строить православные церкви „выше жидовских школ“. Православный епископ (князь Сильвестр Святополк Четвертинский) в письме в Петербург излагал опасности для него и для православия и просил присылки нового комиссара или возвращения прежнего, так как прежний был великой помощью для православных².

Дальнейшая история православия в Польше может быть охарактеризована так: католики и униаты самым ужасным образом преследуют православных, а те, не находя защиты и суда в Польше, беспрестанно жалуются

¹ Соф. рук., № 423, лис. 70-71; ср. Археогр Сбор. IV, 199-200, где видим подтверждение его Августом III 30 декабря 1735 г; то же самое и в Арх Сбор. XI, № 61, с. 62-63.

² Соловьев, кн. IV, т. XVIII, 705-713, Чистович II, 57-61; Соловьев, кн. IV, т. XIX, 970-71 и 1126-27.

представителям русской власти в Польше. Представления русских посланников не улучшают положения дела¹. Поляки обычно откладывали удовлетворение жалоб до ближайшего сейма, а так как сеймы почти все срывались, то жалобы их оставались всегда без всяких последствий. Но все-таки, благодаря русскому правительству, на белорусской кафедре не прекращалось преемство православных епископов, которые назначались русским Священным Синодом и утверждались королями. Так обстояло дело до вступления на престол Екатерины II, усилиями которой в юридическом положении православия произошло важное изменение к лучшему. Елизавета Петровна старалась было назначить комиссию для расследования перенесенных православными обид и несправедливостей, но комиссия ничего не сделала, и потому честь улучшения правового положения православной церкви в Польше всецело принадлежит Екатерине II. Прежде чем перейти к рассмотрению ее деятельности во этой области, надо сделать краткое обозрение правления Августа III.

Наступившее после смерти Августа II безвластие дало возможность польскому фанатизму обнаружиться во всей силе. На конвокационном сейме 1733 г. было постановлено ограничить еще более права разноверцев. В первом пункте генеральной конфедерации (составленной на конвокации 27 апреля 1733 года) этого сейма содержится запрещение причинять ущерб правам и привилегиям римско-католической и греко-униатской церквей, а вместе с тем и отстранение от всяких иностранных (*exoticos*) культов с обещанием твердо стоять по примеру предков за костел и его интересы. Диссидентам обещаются мир, имущественная и личная неприкосновенность, согласно с древними конфедерациями и особенно — конституцией 1717 г., но тут же запрещается им участие (*activitatem*) в посольской избе, в трибуналах, комиссиях, созывание своих частных съездов или собраний, запрещенных законами, занятие коронных, литовских, воеводских, земских и городских урядов (исключение только для тех, кто в данное время занимает их) и, наконец, искание покровительства у иностранных послов под угрозой наказаний, определенных за измену. Диссиденты, таким образом, лишались всех политических прав. Но дело православных было еще хуже: их совершенно игнорировали, как будто бы их и не существовало в Речи Посполитой, и относительно них на конвокации не сделали никакого постановления. Следующее место конфедерации может говорить о том, как смотрели католики на православие: „Будем хранить всеми нашими силами

---

¹ Некоторые из них, не русского происхождения и не православного исповедания (напр., резидент Голембовский, поляк и католик), мало придавали значения жалобам православных

права и привилегии православной (orthodoxae) римско-католической церкви и церкви греко-униатского обряда, но не иного другого (et nullius alterius)¹. Православию совсем не было места в Речи Посполитой! Несмотря на ограничения прав разноверцев, сделанные конфедерацией 1733 г., ревностные католики не могли обойтись без известного уже „salvis juribus romanae ecclesiae“ при скреплении ее своими подписями². Эта оговорка была сделана примасом (Федором Потоцким), епископами и некоторыми светскими лицами. Очевидно, католикам хотелось, чтобы в Польше царило одно только латинство.

Такое жестокое отношение конвокационного сейма к диссидентам и православию объясняется тем, что он происходил без стороннего влияния. Ни Россия, ни Австрия с Пруссией до времени не проявляли активного внимания по отношению к Польше. Но когда приступили к избранию короля, тогда на ход сеймовых решений оказали сильное давление русское и австрийское правительства. Польско-национальная партия выставляла кандидатом на трон Станислава Лещинского, бывшего уже королем по старанию Карла XII. Этот кандидат был негоден России и Австрии, и они выставили своего кандидата — наследного принца Саксонского, сына покойного короля Августа II, тоже Фридриха Августа. Произошло разделение среди поляков. Примас и часть шляхты избрали Лещинского и составили для него *racia conventa*, но противная партия, поддерживаемая сорокатысячным отрядом русского войска, избрала Августа III и поднесла ему свои *racia conventa*, которые и включены в *Volumina legum*³. Так как сторонники Августа III находились под влиянием России, поддерживавшей последнего, то православию сделаны некоторые уступки: о нем повторено то постановление, которое было принято генеральной конфедерацией перед избранием Августа II, но с небольшим прибавлением. Вот его содержание. Успокоение людей греческой религии, униатов и дизунитов, ввиду трудности иных дел не могло состояться на нынешнем избирательном сейме, но оно неотложно, без всяких отсрочек и расследований, будет приведено в исполнение комиссарами на сейме коронационном по давним правам той и другой стороны, при депутатах от обоих чинов. Это дело будет поставлено так (вот это новое добавление к конфедерации 1697 г.), чтобы были справедливость (*ius*) и удовлетворение для каждого в его доказанных притеснениях (*in fundatis gravaminibus*). За тем следует прежнее обещание не предоставлять имений и высших иерархических степеней греческой религии недо-

¹ *Volum. legum* VI, 286

² *Volum. legum*. VI, 295-301

³ T VI, 301-309.

стойным (*incoracibus*) лицам и возвратить *juxta antiqua jura* Киевской митрополии (очевидно, униатской) отторгнутые от нее имения¹. По примеру своих предшественников Август III в своей присяге обещает соблюдать все законы, права и привилегии, издавна установленные в государстве, хранить мир и спокойствие среди диссидентов и не допускать преследований и стеснений из-за религии². В генеральной конфирмации прав он подтверждает все, что было установлено до него королями и правителями Польши, Литвы и соединенных с ними провинций, сеймами и трибуналами. Эта конфирмация ничем не отличается от рассмотренных прежде³. Упомянутая присяга произнесена, а конфирмация издана Августом III во время коронационного сейма (в январе 1734 г.), который, ввиду малочисленности послов, не был доведен до конца, о чем и было сделано заявление в краковском городе⁴. Сторонники Лещинского не хотели признавать Августа III своим королем и составляли конфедерации в пользу своего ставленника. Вражда эта продолжалась до 1736 г., пока Лещинский, лишившись поддержки со стороны Франции, не отказался от своих претензий на польскую корону. В июне этого года состоялся пацификационный сейм, на котором Август III был признан королем и своими прежними противниками, а генеральная конфедерация 1733 г. и *raeta conventa* были вновь подтверждены.

Юридическое положение православных в Польше оставалось неизменным в течение всего правления Августа III. В 1735 г. он подтвердил белорусской епархии упомянутый выше привилей своего отца о неприкосновенности церковей и монастырей⁵. Никаких новых постановлений за все его тридцатилетнее управление Польшей не было сделано, так как все бывшие при нем сеймы срывались и не оставляли по себе никаких постановлений. В *Volumina'x legum* от 1736 г. до 1764 г. нет ни одной конституции⁶. Фактически православным приходилось переносить много страданий. На протяжении каких-нибудь десяти лет (от 1734 по 1743 г.) у православных было отнято и передано униатам свыше сотни церковей и пять монастырей⁷; им запрещали починять ветхие храмы и воздвигать новые вместо сгоревших; их всячески принуждают к униии и подвергают разного рода пыткам и гонениям. Русское

¹ *Volum. legum*. VI, 302.

² *Volum. legum*. VI, 311-312.

³ *Volum legum*. VI, 312-13.

⁴ *Szujski* IV, 303.

⁵ *Арх. Сбор* IV, 201.

⁶ Составители *Volumin'ov*, посвящая королю Станиславу Понятовскому VII том, вменяют ему в заслугу то обстоятельство, что при нем всегда сеймы доводились до конца, между тем как раньше редко, а со времени пацификационного сейма 1736 г. до 1764 г. никогда не доводились до конца, но всегда срывались. *Volum. legum* VII, 5.

⁷ *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. I, т. IV, № 196, с. 448-453.

правительство было засыпаемо жалобами православных на те угнетения, которым подвергали их католики и униаты. Императорское правительство по-прежнему делало представления польскому двору об облегчении горькой участи своих единоверцев, но это не поправляло дела. Польские министры иногда делали обещания удовлетворить требования в пользу православных (причем они никогда их не исполняли), но чаще всего отказывали, ссылаясь на то, что они никогда не слышали о притеснениях схизматиков, и выражали удивление по тому поводу, что польские подданные ищут защиты вне своего государства. На жалующихся православных они набрасывали перед русским правительством тень подозрения в их недобросовестности и желании сосорить соседние государства своими неосновательными доносами. Такие представители русской власти в Польше, как посланник граф Кейзерлинг и резидент Голембовский, не сочувственно относились к православному населению польских областей и к епископу белорусскому Иерониму Волчанскому и старались возбудить в Петербурге недоверие к идущим туда из Белоруссии жалобам. Со вступлением на престол Елизаветы Петровны у православных пробудилась надежда на улучшение своей печальной участи, так как императрица приняла близко к сердцу их положение. До нее делом о притеснениях в Польше православных ведала коллегия иностранных дел, но с 1742 г. заправление такими делами перешло в руки Св. Синода. Между ним и коллегией начались недоразумения. Синод поддерживал православных и упрекал представителей русской власти (графа Кейзерлинга и Голембовского), находившихся в Варшаве, в нерадении к интересам православия¹; коллегия защищала их и неблагосклонно отзывалась о православных, якобы подававших повод католикам теснить их. Императрица держала сторону Синода и неоднократно делала представления польскому правительству о прекращении гонений и насилий над православными и наказании виновных. В 1743 году она велела Голембовскому подать польскому правительству мемориал с перечислением насилий, перенесенных в некоторых местах православными, и обращенных в унию монастырей и церквей. Когда и это не помогло, она велела заявить, что свои требования готова поддержать силой². Ввиду такого решительного заявления со стороны России, король в 1744 г. после разрыва Гродненского сейма³ и конференции с русским послом Бесту-

¹ Основывался он не только на жалобах Иеронима Волчанского, но и на указаниях служившего при посольской церкви в Варшаве иеромонаха Сильвестра Коховского. Чистович II, 69-70.

² Чистович, II, 74

³ На этом сейме русский посол, по решению коллегии иностранных дел, должен был добиться конституции, „которая бы, подтверждая все прежние вольности и привилегии греко-русского исповедания, дала королю власть все жалобы, на будущее время, удовлетворять, не откладывая вновь до сейма“ Чистович II, 78-79

жевым-Рюминым, обещал назначить комиссию для расследования претензий между униатами и неуниатами. Это не нравилось католикам; они не хотели допустить этой комиссии. Примас употреблял все усилия, чтобы затянуть дело, и распоряжение о назначении комиссии было поднесено королю для подписи только накануне отъезда его из Польши в Саксонию¹. Св. Синод не ждал пользы от этой комиссии, считая ее простой уверткой поляков; православные в Белоруссии тоже не ждали себе добра от нее. В состав комиссии должны были войти 12 высших сановников Польши и несколько представителей православия (слуцкий архимандрит Иосиф Оранский с иеромонахом Гедеоном Онышкевичем и иеромонах Сильвестр Коховский). Но эта комиссия существовала только на бумаге; она все откладывала свои заседания под разными предлогами, хотя представители православных и были вызваны в Варшаву. В 1746 г. король, по настоянию русского посланника Бестужева-Рюмина, сдержал свое обещание: он возобновил комиссию²; но состоялось только первое заседание комиссии, а затем они опять начали откладываться. В 1748 г., перед сеймом, католическая шляхта подняла страшный крик против существования этой комиссии, как противной католичеству и вольности шляхетской. Всем послам дано было поручение требовать уничтожения этой комиссии королевским указом³. Комиссия прекратила свое существование. Православным, по донесению Иеронима Волчанского в Синод, стало еще хуже. Противники православия еще более ожесточились против его исповедников и стали преследовать их еще с большим озлоблением, мстя им за жалобы русскому правительству и „хотя православную веру вконец в Польше скоренить, дабы не было уже кому скаржить“⁴.

Такое отношение к православию продолжалось до самой смерти Елизаветы Петровны, хотя последняя еще не раз делала дипломатические представления в пользу православных. В 1749 г., по случаю отнятия нескольких принадлежавших белорусской епархии православных церквей, графу Кейзерлингу поручалось сделать „пристойное представление королю и жалобу“⁵. В начале 1752 г. тот же Кейзерлинг, по случаю отнятия униатами в городе Кричеве и его окрестностях православных церквей (числом более 20), представил обширную, тщательно составленную промеморию, в которой доказывал, что „права неуниатов не могут подлежать никакому сомнению“ и что „права неуниатов должны почитаться древнейшими и сильней-

¹ Ак В. А. К., т. III, № 123, с. 188-190; Чистович II, 80, Титов, Рус прав церковь, т I, 2-я полов, с 177-178.

² Ак В. А. Ком., т. III, № 123, с. 188-190

³ Чистович II, 90-92 и 101.

⁴ Чистович II, 102-103, Титов, Рус прав цер, т I, 2-я пол, 194-195

⁵ Титов, Рус прав цер., т. I, 2-я пол, 197

шими, чем права униатов“, почему королю и должно принять меры к тому, чтобы прекратились преследования православных и отнятие у них церквей¹. Сменивший Кейзерлинга Гросс подал в 1753 г. Августу III представление о том, что „жалобы исповедующих греко-российскую веру в Литве день ото дня умножаются, а представления королевского министерства не производят никакого действия“; для примера он указывает на то, что самогитский бискуп отнял у православных Зелецкий монастырь, виленский не позволяет строить и чинить церкви в православных монастырях, униатский митрополит (Флориан Гребницкий) отнял у православных три церкви и Соломерецкий монастырь, а великий маршал литовский, князь Огинский приказывал тяжкими денежными налогами и телесными наказаниями принуждать православных города Борисова к принятию унии². В октябре 1759 г. Воейков, по поручению своего правительства, требовал, чтобы православным была выдана генеральная привилегия, ввиду того, что латинское духовенство притесняет православных „малослыханным образом“³. Но все многочисленные представления русского правительства в пользу тесного православия оставались совершенно безрезультатными. Польское правительство давало уклончивые и неопределенные ответы и обещания прекратить гонения на православных, но это никогда не исполнялось. Сам король готов был удовлетворить требования петербургского двора, не раз давал обещание сделать все, что может, согласился даже в 1753 г. „для открытия истины“ составить новую комиссию, в состав которой входил бы и православный белорусский епископ, но ввиду царившей в Польше анархии он не в состоянии был доставить православным облегчения⁴. Вся шляхта была настроена крайне враждебно по отношению к некаатоликам, явно покровительствовала унии и старалась ограничивать права и преимущества некаатоликов. Брестская, напр., шляхта поручала (9 сентября 1748 г.) своим послам настаивать на сейме, чтобы все отнятые у дизунитов церкви и по ревности к вере переданные унии вместе с теми, которые добровольно перешли в унию, навсегда оставались за униатами⁵. В 1752 г. Стародубская шляхта требует через своих послов, чтобы, в силу конституции 1717 г., диссиденты не допускались к войсковым урядам, а заодно с этим и к занятию староств и королевщизн⁶. С аналогичными требованиями выступает в 1756 г. шляхта

¹ Ibid , 198-199.

² Соловьев, кн V, 772-73

³ Ibid , кн V, 1123; Чистович II, 107-108.

⁴ Ibid., кн V, 773.

⁵ Ак. В. А. К., т. IV, № 402, с. 549.

⁶ Ibid , т. XIII, № 64, с. 193-194

Новогрудского воеводства¹, а в 1758 г. — и Брестского². Ввиду такого настроения шляхты, трудно было Августу III, по выражению русской коллегии иностранных дел, не имеющему „совершенной власти“, сделать что-либо в угоду России.

Охваченное ревностью к католицизму, латинское духовенство поступало крайне своевольно по отношению к православным; шляхта не отставала от духовенства. Все старались истребить православие и дать торжество унии. С этой целью православных насильно принуждали к унии, запрещали строить новые церкви и чинить старые³, отнимали у них церкви и монастыри. И подобные безобразия творились вопреки требованиям искренне желавшей помочь православию Елизаветы Петровны. Последняя сама констатировала бесплодность своих усилий, когда писала в рескрипте своему посланнику при польском дворе Воейкову (10 августа 1759 г.): „По причине происходящих от поляков, живущих в Польше и Литве, греко-российского закона людям всяких препятствий в возобновлении и починке обветшалых церквей и в постройке новых, хотя довольно рекомендовано было предместникам вашим, чтобы у короля исходатайствовать этим людям генеральную привилегию иметь им в этом деле совершенную свободу, однако такой привилегии до сих пор еще не исходатайствовано, а нашего закона людям иметь ее очень нужно“⁴.

Екатерина II решила резко изменить прежние отношения России к Польше и добиться улучшения в положении угнетаемых здесь своих единоверцев. Кроме расчета усилить через заступничество за православных свое политическое влияние в Польше, она хотела еще этим приобрести среди русского народа в самой России славу защитницы православия и тем упрочить его привязанность к себе. Скорее всего, конечно, можно было добиться улучшения правового положения православных в Польше тогда, когда там будет король, расположенный к России. Поэтому, еще до смерти Августа III, русскую императрицу занимал вопрос о кандидате на польский престол. По ее мнению, самый подходящий кандидат тот, который будет избран исключительно по влиянию России и ей одной обязан своим королевским достоинством. Он скорее всего мог бы в благодарность за свое возведение удовлетворить требования России относительно точного, во

¹ Ibid., т. XIII, № 65, с. 201.

² Ibid., т. IV, № 405

³ На основании закона 1480 г, см. выше, с. 44 Виленский бискуп в 1749 г заявлял, что возобновлять православные церкви есть *contra legem a sancto principe Casimiro expetitam* Голубев, Матер. для ист. зап.-рус церкви XVIII ст., с. 10 (Чтения в Истор. Общ. Нестора Летоп., кн. IX)

⁴ Соловьев, кн. V, 122

исполнение мирного трактата между нею и Польшей, установления границ, о возвращении назад в Россию беглых и относительно того, „чтобы собственные польские и литовские обыватели греческого исповедания купно с их монастырями и церквами от приключаемого им доныне несносного утеснения в вере и отправлении службы Божией совершенное избавление получили, а отнятое у них имение и превращенные на унию церкви возвращены бы были; и чтобы все сие старанием такого нового короля вновь накрепко узаконено и в действительность приведено быть могло“¹. Дело улучшения положения православных очень занимало Екатерину II, и согласие на него со стороны кандидата на польский престол она ставила одним из главных своих условий. Подходящего к ее требованиям кандидата она намеревалась поддерживать всеми средствами. Еще при жизни Августа III она предписывала своему посланнику в Варшаве, известному уже графу Кейзерлингу, принять заблаговременно надлежащие меры, „дабы возведен был на польский престол такой король, от которого государственные наши (русские) интересы не только бы никакого ущербя не претерпели, но паче вящее приращение возыметь могли б“. Конечно, прежде всего надо было подыскать подходящего кандидата, что посланнику и вменялось в обязанность. Для подкрепления выставляемого Россией претендента на польскую корону приказано было иметь наготове тридцатитысячный корпус, который бы „по первому указу“ мог вступить в пределы Польши, и в наличности значительную денежную сумму для приобретения среди поляков сторонников России. Кроме того, Кейзерлингу поручалось „приласкать“ примаса и других влиятельных поляков, обнадежив их обещанием русского покровительства и помощи, чтобы „когда случай настать будет“, они держали сторону России². Чтобы усилить расположение поляков к России, тот же Кейзерлинг должен был уверять их в дружбе и расположении императрицы к Польше, в том, что она заботится о сохранении их вольностей и конституций, и в том, что ради блага самой Польши Екатерина II желает, чтобы после Августа III королем был избран поляк („собственный их патриот“). В качестве пригодных кандидатов императрица называла стольника литовского графа Понятовского и князя Адама Чарторыйского³. В ожидании кончины Августа III, Екатерина II приказывала графу Кейзерлингу „стараться искусным образом о приумножении в Польше наших (т.е. русских) друзей, защищать и охранять их по справедливости от всяких притеснений противной партии и тем самым приобретать их еще больше на нашу сторону“. Он

¹ Соловьев, кн. V, 1395; Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. XLVIII, № 350, с. 304.

² Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. XLVIII, № 350, с. 303-304.

³ Ibid., т. XLVIII, № 351, с. 305.

посланник, не должен упускать „ни одного способного случая к умножению в Польше приятелей России“, чтобы „во время опорожнения польского престола“ можно было с их помощью „действовать в пользу государственных интересов“ России¹. Для приобретения среди поляков этих приятелей и друзей императрица не жалела денег для подкупа наиболее влиятельных лиц в Польше, будучи уверенной, „что без раздачи в Польше денег невозможно в намерениях наших иметь успеха“. 21 февраля 1763 г. она приказала Кейзерлингу выдать примасу Любенскому и гетману Масальскому по 3 тыс. червонных и обещать им, что, при доброжелательстве и усердии их к России, им будут определены „ежегодные пенсии“. Другому гетману — Браницкому она обещала „знатную сумму“ и покровительство, если он будет держать сторону России². Но желание увеличить число своих друзей в Польше не удерживает императрицу от представлений перед польско-литовским правительством в пользу тесного православия. Отправляя 8 августа 1762 г. своим чрезвычайным и полномочным послом в Варшаву графа Кейзерлинга, Екатерина II поручала ему позаботиться о прекращении с польской стороны нарушений „вечного мирного трактата“ 1686 года. На первом месте она ставит нарушение девятого пункта этого трактата относительно свободы православия и непринуждения исповедников его к католичеству или унии. Трактатом вечного мира православным гарантировались четыре епархии, но из них три давно уже отданы униатам, а оставшаяся за православными белорусская епархия со своими монастырями, церквями и людьми, вопреки договору 1686 г. и польским конституциям и законам, претерпевает „непрестанно жестокие обиды“ от римско-католического духовенства и шляхты. Духовных лиц православного исповедания „под разными претекстами“ привлекают к гражданскому суду, а прочих бьют, церкви запирают или совсем отнимают, не позволяют ветхих поправлять, а новых строить, на королевские привилеи в пользу православных не обращают никакого внимания, но каждый из поляков с православными обывателями поступает по своему личному усмотрению, гонениями и побоями принуждают их к принятию унии, имущество их отнимают, а делаемые время от времени со стороны русского правительства перед королем и министрами польскими представления об удовлетворении обиженных остаются безрезультатными. Если бы даже у России с Польшей не было договора 1686 г., то и то первая вследствие единства веры имела бы достаточное основание заступаться за несправедливо притесняемых и защищать их от наси-

¹ Ibid., т. XLIII, № 459, с. 412.

² Сбор Импер. Рус Истор. Общ., т. XLVIII, № 381, с. 332-333

лий. Ввиду этого, императрица Екатерина II рекомендует Кейзерлингу при польском королевском дворе как о старых, так и новых обидах „письменно и словесно наисильнейшие жалобы произвести“ и „наиприлежнейше“ домогаться от короля и его польского и литовского министерства при каждом случае, „чтобы сие дело без всякого отлагательства поправлено было, а именно: взятые на унию епископства, монастыри, церкви и люди от оной освобождены, отнятые имения возвращены, постройки вновь погорелых и починка старых церквей беспрепятственно допускаема и накрепчайше под жестоким штрафом своевольникам о непринуждении впредь никого в унию запрещение учинено было“, при этом никакие вымышленные отговорки не должны быть принимаемы, но только те, которые представлены будут письменно с указанием основательных резонов, почему известное требование не может быть удовлетворено польским правительством. Обо всех таких случаях посланник должен сообщать в Петербург с присоединением своего мнения, „каким образом в том лучше поступить надобно“¹. В октябре 1762 г. она приказывала резиденту Ржичевскому приложить старание к обузданию неистового могилевского плебана Михаила Зеновича и подтверждению постановлением ближайшего сейма всех прежних конституций „о вольностях греческой религии, в том числе о свободном строении и починке церквей“². Через несколько дней (23 октября) после такого предписания Ржичевскому императрица сообщила графу Кейзерлингу о том, что белорусский епископ Георгий Конисский от имени всех православных Речи Посполитой подал ей прошение, в котором изложены претерпеваемые ими обиды, и приглашала его „настоятельно оказать им покровительство“. И такого рода требования Екатерина II выставляла во многих рескриптах своих в 1762 и 1763 гг., но так как поляки привыкли видеть, что все русские „декларации состояли в одних словах и угрозах, кои никогда в действие производимы не были“³, то Екатерина II деятельно готовилась к близящемуся бескорольеву, чтобы осуществить свои планы относительно Польши, принявши самое активное участие во внутренних делах последней.

Внутренние события в Польше давали России вполне благовидный предлог для вмешательства в дела первой. Там шла упорная и ожесточенная многолетняя борьба двух партий — Чарторыйских, носивших название „фамилии“, и Потоцких, — из-за преобладания в государственных делах. Партия Потоцких встречала поддержку со стороны Франции и Пруссии: „Фамилия“ обращалась за помощью к Екатерине II, в которой та и не отка-

¹ Сбор Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLVIII, № 63, § 6, с. 61-62

² Ibid, т. XLVIII, № 158, с. 150

³ Ibid, т. XLVIII, № 646, С. 626.

звала¹. Наступившее бескоролье после кончины Августа III 5 октября 1763 г. вызвало среди поляков сильные волнения, из которых Россия решила извлечь для себя пользу. По получении известия о смерти Августа императрица рескриптом своим на имя графа Кейзерлинга (7 октября 1763 г.) предписывала последнему „домогаться всеми силами избрания в короли кого-либо из Пястов, человека такого, который бы, приписывая то единственно России, нам бы за то благодарностью всегда обязан, от нас зависим и совершенным по здешним интересам доброхотством нам же искренно и предан был“ и, следовательно, был готов удовлетворить требования России относительно нарушений „со стороны Польши вечного мирного трактата“. Чтобы облегчить Кейзерлингу, отягощенному делами, его тягостные труды, Екатерина II отправила в Варшаву „в характере полномочного министра“ бывшего при прусском дворе министром генерал-майора, князя Николая Васильевича Репнина². Вместе с тем, для обеспечения успеха в начинаемом деле, от имени императрицы отправляется циркулярное письмо к епископам, воеводам и министрам польским (всего 61 лицу); в нем говорится о расположении русского правительства к Польше и о его готовности содействовать и помогать „тем истинным сынам отечества“, которые при избрании короля будут руководствоваться не своекорыстием, а желанием соблюсти узаконенный порядок и вольность голосов, а „вопреки чинимым покушениям“ оно намерено „препятствовать“³. Для поддержки „друзей“ под благовидным предлогом (для защиты и по просьбе сторонников свободы) были введены русские войска, которые помогали партии Чарторыйских торжествовать во время сеймиков над своими противниками. Конвокационный сейм назначен был на 7 мая 1764 г. На предшествовавших ему сеймиках шла ожесточенная борьба между сторонниками Чарторыйских и их противниками (партии гетмана и придворная). Чарторыйские⁴ хотели добиться на конвокационном сейме проведения некоторых государственных реформ, требуемых печальным положением государства (уничтожение золотой свободы, *liberum veto* и введение сильного правительства — цель политики Чарторыйских)⁵, почему и старались на сеймиках об избрании в по-

¹ Бобржинский II, 261.

² Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ., т. LI, № 668, с. 15-16

³ *Ibid*, т. LI, № 702, с. 19-21.

⁴ „Фамилия“ составила конфедерацию, поддерживаемую Россией; благодаря этой конфедерации, существовавшей несколько лет, сторонники ее и брали перевес над противниками. Поэтому впоследствии русский посланник убеждал Чарторыйских поддерживать его требования относительно диссидентов, не раз грозил уничтожить их конфедерацию. Бобржинский II, 263 и 267

⁵ Бобржинский II, 259.

слы людей, сочувствующих их намерениям. Русские войска и деньги помогли им в этом отношении. Варшавский сейм прошел так, как хотелось „фамилии“, но расположения к православным не выказал. Как и на конвокации 1733 г., и теперь о православии ничего не говорилось, уния же ставилась наравне с католичеством. За него и за соединенный с ним греческий обряд послы обещали стоять до смерти и не соглашались на умаление их прав¹. Диссидентам предоставлялась личная и имущественная (в наследственных имениях) неприкосновенность по конституциям 1717 и конфедерации 1733 годов, но с уничтожением всех злоупотреблений против этих конституций², по отношению же к православным не только не было никаких уступок, но еще были сделаны новые стеснения: была постановлена конституция „О поповичах“ (o porowiczach), направленная во вред православию. „Предупреждая общепризнанную во всех русских краях опасность от того, что в тех краях умножаются праздные, без службы и ремесел остающиеся сыновья священников plebeiae conditionis, называемые поповичами“, сейм постановляет: „Всякий из них, кто до пятнадцатилетнего возраста не будет пристроен к школьной науке или изучению ремесла не домогается (non aspirans) духовного звания или не принадлежит к цехам в городе, тот делается подданным местных колляторов“³, т.е. делается крепостным того пана-помещика, в имении которого находилась церковь. В самой конституции такая суровая и несправедливая мера оправдывается желанием сократить в русских областях число праздношатающихся и ни к чему не пристроенных людей, нарушающих общественную безопасность. Но на самом деле тут преследовалась совершенно другая цель: желание лишить православное население священников и через это принудить его к переходу в унию. Православное сельское духовенство, обреченное на преследование со стороны католиков и униатов и на бедственное материальное положение, не могло обучать своих детей в школах; большей частью они жили при своих родителях, практически готовились к священному сану и после смерти родителей занимали их места. Закрепощение их за местным владельцем-коллятором могло отстранить их от церковных должностей. В силу такого постепенного закрепощения священнических сыновей мог оказаться недостаток в кандидатах в священники и постепенное уничтожение последних⁴.

¹ Volum. legum VII, 7

² Volum legum VII, 8

³ Volum legum VII, 40

⁴ Чистович, а затем и проф. Ф.И. Титов, в конституции „О porowiczach“ видят случай применения в сфере законодательства знаменитого проекта (1717 г.) окончательного уничтожения русской веры и народности в Польше – Чистович II, 53, прим 1-е, Титов, Рус. прав. цер., т. I, 1-я пол., с 134

Сильная поддержка, оказываемая русским правительством партии Чарторыйских, присутствие в пределах Польши русского войска и деньги, расточаемые Репниным среди шляхты для увеличения своих сторонников, давали основание надеяться, что конвокационный сейм обнаружит готовность облегчить участь православных. Екатерина II поручала в апреле 1764 г. своему послу, графу Кейзерлингу и полномочному министру, князю Репнину воспользоваться нынешним междуцарствием для восстановления новой конституцией всех прежних прав и преимуществ православных и диссидентов, обязанных „между собой ко взаимной обороне формальным актом 1599 года“, и для ограждения на будущее время их личной безопасности, как и безопасности их имений. Православные епархии, монастыри, церкви этой же конституцией должны быть сохранены „от всяких нападков римского духовенства“, а отнятые раньше „сполна сколько возможно“ возвращены¹. Такое желание петербургского правительства, без сомнения, было известно и руководителям русской партии — Чарторыйским, но они не думали удовлетворять его. Фанатизм среди шляхты был настолько велик, что об уступках православным и диссидентам и речи не могло быть. Чарторыйские, думавшие своими реформами поднять Речь Посполитую из ее печального состояния, боялись возбуждать вопрос о религиозной свободе, чтобы не потерять в глазах шляхты своей популярности и авторитета. Немалое значение имели в данном случае и политические соображения Чарторыйских, как и вообще патриотов-поляков. Восстановление прежних прав для разноверцев, во-первых, уничтожало результаты многовековой деятельности поляков над объединением входивших в состав Польши народов, уничтожало то видимое единство Речи Посполитой, которое получилось с отнятием политических прав у диссидентов и православных; во-вторых, усиливало влияние России в Польше, так как православные и диссиденты, получившие, благодаря России свои прежние права, из чувства признательности к своей покровительнице и благодетельнице будут идти навстречу ее планам и намерениям. Потому-то конвокационный сейм 1764 г., как видно из предыдущего, не только не облегчил участи разноверцев, но еще ухудшил положение православия (конституция „O porowiczach“). Ничего не сделал в пользу православных и избирательный сейм, хотя он находился под еще большим влиянием России. Несмотря на то, что, противная „фамилии“ партия была многочисленной, она все-таки не отважилась обнаружить активного сопротивления при избрании нового короля. Провозглашение королем литовского стольника Станислава Понятовского не вызвало никако-

¹ Сбор. Импер Рус Ист. Общ., т LI, № 887, с 273-274 (рескрипт 5 апреля 1764 г.)

го возражения со стороны противников. Сами поляки говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало¹. Сильное влияние России и теперь не заставило поляков изменить свои отношения к православным. В *pacca'x conventa'x* последнего польского короля православие совершенно игнорируется, о дизунии решительно ничего не говорится, как будто бы в пределах Польши существовала одна только уния. Греко-униатскому обряду вместе с католичеством гарантируются все права и преимущества, диссидентам — то, что предоставлено им конституциями 1717, 1733 и 1736 гг., о православных же ни слова². Это отличительная особенность *pacca conventa* Понятовского. Присяга его ничем не отличается от присяг его предшественников: те же обещания хранить все законы, права, привилегии, существовавшие прежде, изданные и подтвержденные королями и сеймами, блюсти мир и спокойствие среди диссидентов, не преследовать из-за религиозных отличий (*causa religionis*) и оказывать всем справедливость³. Ничего особенного и нового не содержит в себе и генеральная конфирмация нового короля⁴. Поляки остались верными своей политике по отношению к православным, которых теперь смешивают с диссидентами, и не согласились ни на какие уступки в пользу их, хотя Екатерина II и настаивала на улучшении их положения. В ответ графу Кейзерлингу и князю Репнину на присланное ими „приятное известие“, что 27 августа состоялось избрание Понятовского, она предписывает им воспользоваться на коронационном сейме приобретенным влиянием России в Польше и обязанным ей королем, чтобы „привести к вожделенному окончанию дело диссидентов, а наипаче наших единомерных, кои все столь несправедливо страждут под игом порабощения“. Тут же сообщалось, что Россия и Пруссия заключили союз и решили совместно защищать православных и диссидентов и покровительствовать им⁵. 13 октября 1764 года Н. Панин писал Репнину, что „время теперь начать серьезным образом“ заодно с прусским послом дело возвращения политических прав диссидентам и православным. Для этого надо переговорить с королем и теми магнатами, которые наиболее расположены к России, „об удобнейших и надежнейших способах к достижению желаемого предмета с меньшим сколько можно народу польскому огорчением и оскорблением“, а затем в согласии с прусским послом стараться возвратить диссидентам если не все „у них похищенное“, то, по крайней мере, наиболее важные права

¹ Соловьев, кн. VI, т. XXVI, 51.

² *Volum. legum.* VII, 98.

³ *Volum. legum.* VII, 133-34.

⁴ *Volum. legum.* VII, 134-35

⁵ Сбор. Импер. Рус. Ист. Общ., т. LVII, № 1052, с. 7-8.

(„довольно знатное и важное“). Чтобы расположить в пользу уступок разноверцам короля и магнатов, Репнин должен был, „кроме формальных трактатами определенных обязательств“, сослаться на услуги и благотворную для Польши деятельность России во время последнего бескоролья. В случае неисполнения требований относительно диссидентов, Репнин должен был заявить, что Россия может прибегнуть к силе и оставить свои войска в пределах Польши. Русское правительство решило „страхом вырвать у поляков то, что от них ласкою добиться не можно было“. Но говоря о диссидентах вообще, Репнин должен был „всегда предпочтительно упоминать о наших единоверных: кроме общих им с другими диссидентами претензий имеют они еще особливые собственные жалобы, кои не меньше заслуживают справедливого рассмотрения“. Но в Петербурге сознавали трудность разрешения диссидентского вопроса: „Не думаю я (пишет тот же Н. Панин), да и думать почти нельзя, чтобы можно было в один раз возвратить диссидентам все то, чего они лишились, но не в том точно состоит и мнение мое, довольно, когда они в некоторое равенство прав и преимуществ республики приведены, и для переды от нового гонения совершенно охранены будут, дабы инако, продолжением прежнего утеснения не могли они, а в том числе и наши единоверные, к невозвратному ущербу государственных наших интересов, вовсе искоренены быть“¹. 17 октября 1764 г. перед коронационным сеймом сама императрица писала Репнину, чтобы он особенно настаивал на требованиях относительно диссидентов², под которыми прежде всего надо было разуметь православных. Репнин видел, насколько был велик фанатизм польский, и сообщал, что без насилия невозможно добиться полного уравниения диссидентов с католиками; он надеялся выхлопотать для них только свободу вероисповедания и право получать несудебные староства. На это ему отвечали из Петербурга, чтобы он употребил все средства для прекращения гонений на диссидентов и своих единоверцев, в случае упорства грозил, что наши отряды будут оставлены в пределах Речи Посполитой, и самая угроза должна быть немедленно приведена в исполнение. Согласно с такими инструкциями своего правительства, русский посланник на коронационном сейме опять начал настаивать на решении диссидентского вопроса, но его заявление произвело взрыв фанатизма и возбудило страшное негодование среди послов. „Энтузиазм, — писал Репнин о своем представлении, — так велик, что ни резоны, ни страх никакого действия не делают“. Вопрос о диссидентах, поднятый по требованию рус-

¹ Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. LVII, № 1061, с. 19-22 („депеша Н. Панина к кн Репнину“)

² Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. LVII, № 1071, с. 34

ского посланника в заседании сейма, раздражил послов, они подняли ужасный шум и не позволили читать предложение, „крича все, как бешеные, что уже состояние диссидентов решено прошедшими сеймами, и перемены никакой не сделают; и тот безобразный крик прежде не кончился, поколь совсем материи не принудили переменить“¹. Требование русского посланника было подкреплено мемориалами прусского, датского и английского резидентов, но все было напрасно. Вопли фанатиков на этот раз пересилили требования русского правительства, и коронационный сейм оставил нерешенным вопрос о восстановлении религиозных и политических прав диссидентов и православных². Но эта неудача нисколько не ослабила доброго намерения Екатерины II улучшить положение православия в Польше; она думала во что бы то ни стало осуществить его и действовать в этом направлении до тех пор, пока разноверцы не получат отнятых у них прав. В 1765 г. по желанию ее в Варшаву приезжал белорусский архиепископ Георгий Конисский с жалобами на те притеснения, которые испытываются

¹ О настроении шляхты в 1764 году по отношению к православным и диссидентам можно судить по инструкции, которая была дана 31 октября 1764 г. послам Витебского воеводства на коронационный сейм. В одном из пунктов этой инструкции (именно 28-м) витебская шляхта заявляет, что она болеет сердцем из-за принижения католической религии и пренебрежения к ней, так как литовские и русские города, которые никогда с хвалой Божией и отменной для королевства пользой цвели униатами, она теперь видит переполненными схизмой и загаженными жидовством, а ум ясно говорит ей, что принижение униатов в Польше (*u nas*) служит явным признаком усиления схизмы и жидовства. Чтобы положить конец этому усилению, предки наши (говорит шляхта) добивались того, чтобы в сенате заседали и русские бискупы (разумеется, униатские), так как возвышенные этим ученые пастыри с большей пользою могли бы защищать и успешнее охранять своих овец от волков; но усилия предков не увенчались успехом или вследствие неоднократных препятствий (*latowania*) чужеземцев и великих замешательств в отечестве вследствие бунтов и войн, или оттого, что схизматики брали верх над униатами. Теперь же, когда шляхта видит на троне Пяста, она основательно может надеяться, что новый король не захочет равнодушно взирать на пренебрегаемое равенство (*na pogardzoną równość*) веры и происхождение русских бискупов, и потому послам своим поручает усиленно стараться о проведении в сенат бискупов, чтобы через это, с одной стороны, было поддержано всеобщее равенство и защищена была святая уния, к стыду схизмы, от своего нынешнего унижения, а с другой стороны — для унижения (*szydzącey*) схизмы была приготовлена спасительная дорога к добровольному ее соединению с римским костелом (Арх. Сбор XI, № 90, с. 131). Относительно же диссидентов в той же инструкции говорится, что послы должны соглашаться на удержание за ними права владеть лишь наследственными именьями, к получению же королевских и владению последними их отнюдь не следует допускать, ибо права их в достаточной мере определены разными конституциями, по которым они *pro incarsibus* признаны, особенно конституцией последнего конвокационного сейма (Ibid., XI, № 90, с. 132). Известные уже результаты для православных и диссидентов коронационного сейма показывают, что таким образом была настроена шляхта не в одном только Витебском воеводстве.

² Соловьев, кн. VI, т. XXVI, 54-59.

православными. Он был представлен королю и произнес перед ним речь (27 июня 1765 г.). В ней архиепископ обращал внимание Станислава Августа на переносимые православными невзгоды и доказывал, что они страдают совершенно невинно. „Нас, христиан, угнетают христиане же и нас верных удручают больше, нежели неверных: запирают наши церкви, в которых постоянно прославляется Христос, а еврейские синагоги, в которых Христос постоянно подвергается поруганию, остаются открытыми и безопасными! За то, что мы не дерзаем толковать вечный закон Божий по преданиям человеческим и смешивать земное с небесным, нас называют отщепенцами, еретиками и отступниками от веры. За то, что мы страшимся прямо противоречить совести, нас осуждают на тюремное заключение, на розги, меч и огонь!“. Затем Конисский ссылается на узаконения Казимира Великого, Ягелла, Сигизмунда Августа и на постановления сеймов, благоприятствовавшие православным, и выражает надежду, что король верховною властью произнесет приговор в пользу православных и возвратит им прежнюю свободу. Свою речь Конисский закончил внушительным для польского правительства заявлением: „Наконец, дело наше поручает твоему королевскому величеству, как особенная защитница нашей религии, всероссийская царица грамотою своего императорского величества, которую с глубокою покорностью твоему королевскому величеству и подношу. Dixi“¹. Король, выслушав речь и приняв прошение от Конисского, обещал было удовлетворить православных во всем том, на что они имеют права, но это обещание не приводилось в исполнение. Видно было, что польское правительство умышленно тянуло дело. Репнин поддерживал требования Конисского и представил два мемориала польским министрам, но они все-таки не соглашались на издание королевского универсала в пользу православных, а вместо него хотели ограничиться рассылкой министерских писем к униатским епископам с предложением прекратить гонения на дизунитов. Видя упорство польского правительства и его нежелание делать уступки в диссидентском вопросе, Россия решила добиться исполнения своих требований на ближайшем следующем сейме и поручила послу своему в Варшаве начать соответствующие приготовления к нему. Чарторыйские своим несочувствием к диссидентскому вопросу вызвали по отношению к себе недовольство русского правительства, а их сильное влияние на государственные дела Польши возбуждало зависть и недовольство среди противной им партии.

¹ Ак. В. А. Ком, т. VIII, с. 628-631. Грамота Екатерины II, – Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LVII, № 1109, с. 118-119. В этой грамоте императрица просила короля о покровительстве Конисскому, подтверждении ему привилегия на белорусскую кафедру и возобновлении древних привилегий „как в пользу оной белорусской епископии, так и всех исповедующих греческий закон духовного и мирского чина людей“

Представители последней решились воспользоваться этим недовольством петербургского двора на „фамилию“ и начали заискивать перед русским посланником. Репнину было предписано привлекать тайно на свою сторону руководителей противной Чарторыйским партии, сулить им русскую поддержку и покровительство, но в то же самое время не оставлять без внимания и Чарторыйских; им прямо говорил Репнин, что императрица требует от них содействия в диссидентском вопросе, так как этим они выкажут свою признательность к покровительствующей им державе. Одновременно с этим русский посланник старался расположить и короля к уступкам в пользу православных и диссидентов. Чарторыйским страшно не нравились требования Екатерины II; они сами не сочувствовали им и старались внушить то же самое отношение к ним и королю. Станислав Август пытался было смягчить требования России и доказывал, что при фанатизме польском нельзя ожидать их удовлетворения со стороны сейма; но ему прямо заявили, что Россия ни перед чем не постоит. Репнину приказано было объявить, что, при неисполнении желания его императрицы, немедленно будет введен в Польшу и Литву сорокатысячный отряд и размещен по именным противящимся лиц на их полном иждивении. Тогда король представил Репнину проект постановления о диссидентах для будущего сейма, но этот проект оказался совсем неудовлетворительным. По словам русского посланника, в нем было много вредных и неприличных вещей: что говорится в пользу диссидентов, то изложено глухо и в общих выражениях, а что противно им, то выражено подробно и ясно; не упомянуто о церквях, о сохранении их с принадлежащими им именными, о позволении починять и перестраивать церкви; не изъяснены религиозные права диссидентов, обеспеченные договорами и часто нарушаемые духовными и светскими лицами, и прямо говорилось, что разноверцы не допускаются к правительственным должностям и гражданским чинам. Проект послан был в Петербург, откуда последовало новое предписание настаивать на прежнем требовании. Так как король и Чарторыйские опирались на генеральную конфедерацию, составленную при содействии русского правительства еще во время бескоролья, то из Петербурга сообщали, что русские могут уничтожить ее, сейм сделать обыкновенным, а из диссидентов составить новую конфедерацию. Угроза была опасна, потому что прямым следствием ее была бы утрата Чарторыйскими своего влияния и силы. В то же время Репнин еще раз объяснил королю, чего именно желает Россия, выдвигая на первый план диссидентский вопрос: она требует всех гражданских прав для диссидентов, за исключением права быть сенаторами и гетманами. Если Польша не уступит добровольно и вынудит Россию добиваться своих требований силой, то последняя тогда не согласится и на это исключение.

В то же время не дремали и ревнители католичества, во главе которых стояли бискупы: краковский Солтык, виленский Масальский и каменецкий Красицкий. Они говорили, что католичеству грозит опасность и убеждали шляхту не давать прав еретикам; по своим епархиям они рассылали пастырские послания, в которых предписывали устраивать общественные моления об отвращении грозящей для римско-католической религии опасности и сохранении древних прав Речи Посполитой, и увещевали всех твердо противодействовать предполагаемым новшествам. Особенной смелостью отличался Солтык; он прямо заявлял королю письменно, что на сейме употребит все усилия к тому, чтобы диссиденты не получили никаких прав. Старания епископов не пропадали даром: сеймики вышли очень бурными, многие на них высказались против диссидентов, а краковский, под влиянием Солтыка, выгнал со своих заседаний всех диссидентов. Ввиду такого враждебного отношения к разноверцам со стороны поляков, Станислав Август соглашался только на узаконение религиозной терпимости, но не предоставление им гражданских прав. Чарторыйские говорили то же самое. Все это мало подавало надежды на желательное разрешение диссидентского вопроса.

Сейм открылся 6 октября 1766 года. Еще 19 сентября Репнин вместе с министрами датским, прусским и английским представил всему польскому министерству заявление, что их дворы согласились действовать в защиту православных и диссидентов, почему они, посланники, и требуют восстановления диссидентов во всех их древних правах и вольностях. Сейму волей-неволей приходилось обсуждать неприятный для него вопрос. Но решительная форма этого заявления так возмутила поляков, что они, по словам Репнина, возненавидели его, как главного виновника, и начали избегать его, как некогда избегали отлученных от церкви. Многие из сеймовых послов клялись скорее погибнуть, чем допустить какое-либо улучшение в положении диссидентов. Сейм занимался вопросами, интересовавшими особенно короля и Чарторыйских (финансовый и уничтожение *liberum veto*, введение принципа большинства голосов и др.), но русский посланник настаивал на диссидентском. Как только зашла о нем речь, среди послов поднялся крик негодования. Больше всех кричал Солтык. Он говорил, что религиозная разность вредна для государства, и потому он ни за что не даст своего согласия на такое нечестивое дело, как расширение диссидентских прав. „Если бы я увидел, — кричал изувер, — отворенные для диссидентов двери в сенат, избу посольскую, в трибуналы, то заслонил бы я им эти двери собственным телом, пусть бы стоптали меня. Если бы я увидел место, приготовленное для постройки иноверного храма, то лег бы на это место, пусть бы на моей голове заложили краеугольный камень здания“. Подобные во-

пли епископа не могли не производить впечатления на фанатическую толпу сеймовых послов и устраняли возможность удовлетворительного решения диссидентского вопроса. Видя общее сочувствие к себе со стороны послов, Солтык предложил проект конституции, запрещающей кому бы то ни было возбуждать на следующем сейме диссидентский вопрос под страхом жестокого наказания. Сейм не хотел удовлетворить требований русского правительства, отказать же наотрез опасался. Министры предлагали назначить комиссию для разбора диссидентских претензий, но Репнин справедливо видел в этом одно лишь желание — оттянуть дело и настаивал на подтверждении церковных и светских прав диссидентов на этом именно сейме. Все-таки требования России и других держав в пользу диссидентов сейм оставил без всякого удовлетворения¹; но в ответ на заявление русского, прусского, датского и английского послов сейм составил резолюцию, в которой заверяет монархов, послы которых представили декларацию, что по отношению к неуниатам и диссидентам Польша руководится и будет руководиться во всем теми законами и вольностями, кои или в силу отечественных постановлений (*z ustaw ouczystych*), именно конституции 1717 и позднейших годов, или в силу трактатов с другими государствами, несомненно благоприятствуют неуниатам и диссидентам. Ответ смелый и прямо вызывающий: поляки как будто уличали иностранные дворы, вступившиеся за польских некаатоликов, во лжи. Неуниаты, дескать, и диссиденты напрасно жалуются, потому что их юридическое положение вполне удовлетворительно. Из этой ссылки на конституцию 1717 г., будто бы гарантирующую права разноверцев, видно, что польское правительство забывало, какая существует разница между протестантами и православными, и отождествляло их в правовом отношении. Сейм 1766 г., по-видимому, относился более сочувственно к диссидентам, чем к православным. В той же самой резолюции на декларацию иностранных дворов относительно первых было заявлено, что для разбора их жалоб, возникающих из-за отправления ими своих обрядов, назначена особая коллегия (*collegium*) из арцыбискупа и бискупов, под предводительством примаса, которая уладит с обычной справедливостью и любовью к ближнему все затруднения. О неуниатах же ничего не сказано. Соображения этой коллегии будут приобщены к актам метрики, а извлечение из этого документа вольно брать каждому². Таких результатов добилось русское правительство от сейма 1766 года!

Конечно, такое оскорбительное решение сеймом диссидентского вопроса не могло удовлетворить Екатерину II. На донесение Репнина об ис-

¹ Соловьев, кн. VI, т. XXVII, 417-441

² *Volum legum*. VII, 214

ходе сейма она ответила: „Достоинство наше и истинные от Бога нам вверенной империи интересы требуют привести единожды к желаемому окончанию столь явно и торжественно начатое дело“¹. Угрозы, высказанные прежде по отношению к полякам, должны быть приведены в исполнение. Еще раньше русское правительство заявляло королю и Чарторыйским, что оно, если сейм 1766 г. не уважит его требований относительно диссидентов, составит конфедерацию, враждебную конфедерации Чарторыйских. Теперь Репнин деятельно принялся за образование ее. Благодаря его стараниям и русским деньгам, в 1767 г. явилось две конфедерации: одна в Торне, в состав которой вошли диссиденты, другая — на Волыни, в Слуцке, к которой примкнули диссиденты и православные. Конфедерация Слуцкая, как видно из акта ее, составлена 20 марта 1767 г. из „дворянства и помещиков (guzerstwa у obywatelów) Великого Княжества Литовского как старорусского исповедания, так и обоих евангелических“ (т.е. лютеран и кальвинистов). Члены Слуцкой конфедерации заявляют, что они собрались „на защиту прав, привилегий и вольностей, приобретенных кровью их предков и подтвержденных многими законами, конфедерациями и присягами“ королей польских; терпение их уже истощено теми насилиями и правонарушениями, которые уничтожают шляхетскую свободу и равенство конфедератов, ссылающихся в подтверждение своих исконных прав на привилегии великих князей Литовских 1433, 1499, 1511, 1563 и 1568 годов и на гарантирующие свободу вероисповедания конфедерации и сеймовые постановления 1573, 1576, 1587-88, 1607, 1609, 1618, 1620, 1623, 1627, 1632-33, 1638, 1648, 1650, 1667 годов. Не имея возможности переносить больше эти стеснения, конфедераты теперь следуют примеру своих собратьев, которые таким же способом спасали себя в несравненно меньших утратах и в спорах только между фамилиями, и заключают конфедерацию. Для оправдания такого решительного своего шага они приводят примеры насилий и несправедливостей со стороны католиков по отношению к православным и протестантам, к их местам богослужения, духовенству (священникам и пасторам), мещанам и шляхте. „Прежде (говорится в акте конфедерации) в магистратах королевских городов заседали или одни только диссиденты, или смешанные с католиками; в прошлом столетии они были теснимы, а в нынешнем незаконно лишали их мест этих (т.е. в магистратах), а часто и собственного имени, выключали их из ремесленных цехов и отнимали у них все вольности и привилегии, чем и довели их до крайнего разорения и нищеты, а вследствие этого последо-

¹ Соловьев, кн. VI, т. XXVII, 441

вал упадок ремесел и мануфактур в городах и местечках литовских“. Особенно подробно распространяется акт Слуцкой конфедерации об обидах и нарушениях прав православной и диссидентской шляхты, которая считает себя совершенно равноправной с католической. „Особенная, выходящая из пределов благоразумия ревность (*inordinatus zelus*) римско-католического духовенства в течение целого прошлого столетия старалась подорвать значение предков наших, лишить их всех вольностей и достоинств и нас, их потомство, поставить в самое жалкое положение“; в подтверждение сказанного приводится ссылка на постепенное ограничение сеймами прав иноверцев, на случай изгнания из сейма посла-диссидента и на „строгие и обременительные“ конституции 1717, 1726, 1733, 1736 и 1764 годов. Чтобы избежать окончательной гибели, не католическая шляхта заявляет королю и отечеству: „Мы вступаем в этот тесный союз между собой не для чего-либо иного, а только для обеспечения себе прав, свободы, равенства, веры, чести, здоровья и имущества, взаимно уверяя себя и обязывая присягой настойчиво, до последней капли крови, защищать свои права, свободы, привилегии и вольности как в духовных делах, так и светских“. Затем, конфедераты просят мощной протекции тех держав, которые гарантировали диссидентам права, свободу и вольности, т.е. России, Швеции, Пруссии, Дании и Англии, и заявляют, что они ничего не имеют против римско-католической религии, равно как и против короля и истинных сынов отечества, но выступают против нарушителей равенства, свободы и внутреннего спокойствия; их цель — поддерживать общую вольность шляхетскую и свободу совести каждого и отнюдь не препятствовать ни верховному Литовскому трибуналу, ни другим судам, существующим в воеводствах и поветах, авторитет и безопасность которых конфедерация будет всячески поддерживать. В числе подписавших акт Слуцкой конфедерации был и епископ белорусский Георгий Конисский¹. Послы Торнской и Слуцкой конфедерации прибыли в Варшаву и представили королю свои требования. Тот сначала не хотел было принимать их (послов), но Репнин принудил его к этому, заявив, что за свой отказ принять послов от конфедерации он лишится расположения русской государыни². В то же самое время русский посланник сумел организовать и третью конфедерацию из католиков, куда пристали все недовольные Чарторыйскими и королем. В числе требований, выставленных конфедератами, находилось и требование о восстановлении прав диссидентов; но большинство конфедератов-католиков согласилось присоединиться к этому движению;

¹ Ак. В Арх. Ком. VIII, с 609-617

² Костомаров, Соб. соч., кн. VII, с. 71.

только из-за ненависти к Чарторыйским и нерасположения к королю. Все эти конфедерации соединились в одну общую в Радоме, и здесь был составлен акт генеральной конфедерации. Католики хотели было выкинуть из него пункт о диссидентах, но предводитель русского отряда Карр приказал оставить его. Поляки вынуждены были послушать его. Страх перед русским отрядом, окружавшим Радом под предлогом содействия конфедератам, побудил последних принять продиктованное Карром предложение собрать чрезвычайный сейм и на нем узаконить допущение к правам православных и диссидентов и принять от России гарантию правления Речи Посполитой. Репнин заставил примкнуть к конфедерации и короля, что тот и сделал, к великому изумлению многих челнов ее, примкнувших к ней по нерасположению к Станиславу Августу. Надо было теперь требования конфедератов подтвердить сеймом. По требованию Репнина назначен был день сейма, и начались собираться сеймики, на которых русские представители и даже целые отряды деятельно поддерживали сторонников России. Поляки спохватились, увидели, в чем дело, и решились противодействовать русскому влиянию. Сеймики были очень бурными; на некоторых дело доходило до оружия. Так, на познанском сеймике чуть было не изрубили двух преданных России лиц, которые очень усердно проводили русское дело. Только русский отряд, окружавший место собрания, спас их от неминуемой смерти. На подольском сеймике оскорбили двух присутствовавших здесь русских офицеров и принудили их удалиться с заседания. Католическое духовенство поддерживало в поляках неприязнь к русским и увещевало их не уступать. Известный уже краковский бискуп Солтык кричал больше всех. Он рассылал свои послания и убеждал всех твердо стоять за католичество, мужественно противиться претензиям диссидентов и защищать свои права и вольности. В пределах своей епархии он распорядился, чтобы во все время занятий наступающего сейма по всем костелам совершались особые молитвословия. Ревнителю католицизма действовали энергично, но все было напрасно. Русские войска заставили везде принять предложенный Репниным проект инструкций и назначить послами угодных ему лиц. По окончании сеймиков в некоторых местностях были занесены протестации против незаконности выборов, но Репнин приказывал уничтожать их.

Сейм открылся 5 октября (нов. ст.) 1767 г. Репнин принял все меры для проведения диссидентского вопроса и окружил Варшаву русскими войсками. Так как со всем сеймом было трудно вести дело, то он требовал, чтобы послы выбрали из своей среды делегатов, а эти последние постановили обязательное для всего сейма решение. Поляки не соглашались на это. Солтык, киевский бискуп Залусский и краковский воевода Вацлав Ржевусский

больше всех противились предложению русского посла. Папский нунций своими внушениями возбуждал фанатизм среди послов. Низшее духовенство и монахи проповедовали везде о необходимости стоять за католичество и не уступать требованиям Репнина. Последний, чтобы напугать противников, приказал русским отрядам расположиться в их имениях, а когда это мало поправило дело, распорядился схватить упомянутых трех лиц и отправить их в Россию. Это произвело сильное впечатление на послов, и они сделались уступчивыми. Требуемая делегация была назначена. В состав ее вошли шестьдесят послов, которым даны были полномочия вести переговоры, заключить и подписать трактат; но из них для разработки проекта улучшения положения православных и диссидентов выбрали четырнадцать человек и постановили решить дело большинством голосов. По требованию Репнина, сейм был отложен (лимитирован) до 1 февраля 1768 г., пока назначенная делегация не кончит своего дела¹.

Деятельность Репнина на этот раз не осталась напрасной: требования России касательно гарантии вводимого ею в Польше строя и улучшения юридического положения диссидентов были удовлетворены. Между Россией и Польшей был утвержден на этом сейме вечный трактат, проект которого составлен упомянутой делегацией под председательством примаса Гавриила Подосского; в нем со стороны императрицы гарантировались Польше все ее владения и основные законы и даровались не католикам религиозная свобода и гражданские права. Третий артикул этого вечного трактата гласит, что Речь Посполитая и король ее, по чувству справедливости и уважения к русской императрице и другим иностранным дворам, сообщавшим дело, постановили непременно обеспечить на вечные времена и в числе основных (*karodynamicznych*) польских законов особым (сепаратным) актом свободное исповедание греческой восточной не униатской веры и диссидентских обоих евангелических исповеданий со всеми правами и преимуществами, светскими и духовными, в пользу всех обывателей Речи Посполитой и соединенных с нею провинций, которые содержат упомянутые выше исповедания. Подробно все эти права и преимущества не католиков изложены в сепаратном акте, о котором в том же третьем артикуле говорится, что обе договаривающиеся стороны должны торжественнейшим образом подтвердить все его содержание и что он должен иметь для них такую же полную силу, важность и обязательство, как если бы он был вписан в названный трактат².

¹ Volum legum VII, 245; Бобржинский II, 267-68; Костомаров, Соб. соч., кн. VII, 72-77; Соловьев, кн. VI, т. XXVII, 476-495

² Volum. legum VII, 253, art. III; ср. Пол. Собр. Зак. Рос. Импер., т. XVIII, с. 450, art. 3

Сепаратный акт изложен параллельно на двух языках — польском и латинском — и носит такое заглавие: „первый сепаратный акт, заключающий в себе права и преимущества греков восточных неуниатов и диссидентов, обывателей и жителей в областях наияснейшей Речи Посполитой Польской и в присоединенных к ней провинциях“¹. Помещен он непосредственно за упомянутым выше вечным трактатом и состоит из пяти артикулов, которым предшествует небольшое предисловие, а каждый артикул разделен на несколько параграфов. Из этого акта здесь будет излагаться только то, что имеет отношение к православным. Предисловие к сепаратному акту указывает причины составления его: требования императрицы русской и прусского, датского, английского и шведского королей об облегчении участи неуниатов и диссидентов, требования, основанные на договорах Оливском² 1660 г. и Московском 1686 г., с одной стороны, а с другой — желание польского короля явить справедливость своим подданным и выразить свое доброе согласие и дружбу с названными правителями и соседями. Такое вступление сделано, очевидно, для того, чтобы не оскорблять национального самолюбия поляков. Далее содержание его следует в таком порядке.

Артикул I. Речь Посполитая и король сим сепаратным актом вступают в совершенное гражданское (*civium*) единение с греками неуниатами и диссидентами, но католичество остается господствующей религией.

§§ 1-2. Католичество во всех законах, конституциях и общественных актах предоставляется титул господствующей религии. Королем Польши может быть только римско-католик по рождению или обращению (*vocatione*); кто же осмелится выставить кандидатом в короли не католика, тот объявляется врагом отечества. Королева также должна быть католичкою или по рождению, или по обращению. Если же случится, что королева иной веры, то пока не обратится в латинство, не должна быть коронована.

§ 3. Переход из католичества в другую веру объявляется криминальным преступлением; позволивший себе сделать это будет изгнан (*exul esto*) из областей Речи Посполитой, а суд над таковым назначается в трибуналах коронных и Великого Княжества Литовского *ex termino tacto*. От этого закона освобождается всякий, кто до сего времени был *in hoc casu*; против него не будет никакого преследования.

¹ Volum. legum. VII, 256

² В одном из пунктов Оливского трактата говорится, что люди всякого звания, состояния и религии должны пользоваться и утешаться своими общественными и частными правами, привилегиями и обычаями *tam in ecclesiasticis, quam in civilibus profanisque*, которыми они утешались до войны, но всем сим они пусть пользуются по законам королевства Volum legum IV, 345, II, § 2

§ 4. Все дела и претензии, возникшие у неуниатов и диссидентов с католиками на почве религии до 1 января 1717 г., который считается в этом акте нормальным для обоюдосторонней справедливости, прекращаются, и никому ни под каким предлогом не позволено возбуждать их.

Артикул II. Шляхта — обыватели Речи Посполитой, восточные греки неуниаты и диссиденты обоих евангелических исповеданий составили свои конфедерации в Торне и Слуцке для восстановления своих давних прав и вольностей гражданских и церковных. Как генеральная (Радомская) конфедерация признала их законными, так признает законность их (т.е. конфедераций) и король с Речью Посполитой и считает конфедератов — православных (неуниатов) и диссидентов, как добывающихся только своих прав и справедливости, добрыми патриотами и верными своими подданными.

§ 1. Все давние привилегии от годов 1563, 1568 и 1579-го, конфедерации и конституции от 1569, 1573, 1576, 1632, 1648 и 1667 годов свидетельствуют, что Ягеллоновские статуты и эдикты от 1424 и 1439 гг. изданы против еретиков¹, а потому они не могут относиться к грекам неуниатам, которые давность своих прав, гражданских и церковных, возводят к 1340 г., — и к диссидентам. Не применим к ним также и декрет Януша Мазовецкого от 1525 г.², потому что о нем нет упоминания ни в акте присоединения Мазовии к Польше, ни в последующих законах. Для устранения двусмысленностей (*ambiguitates*), Ягеллоновские статуты, как не относящиеся к грекам неуниатам и диссидентам, и декрет князя Мазовецкого навсегда отменяются. Также отменяются все противные грекам неуниатам и диссидентам пункты в конфедерациях и конституциях 1717, 1733, 1736, 1764 и 1766 гг., заключение (*clausulam*) клятвенной формулы для канцлеров и гетманов, внесенной ко вреду (*in praejudicium*) грекам неуниатам и диссидентам в трактат 1717 г.³, все, что есть противного для лиц всякого звания и состояния и их религии в законах, вышедших после 1660 г. и в *pacata*'х *conventa*'х нынешнего короля, равно как все реассумпции, сальвы, эксцепции (исключения), противные свободе исповедания — все это навсегда уничтожается.

¹ Здесь разумеются гусситы; см. эти статуты в I т. *Volumina legum* под соответствующими годами.

² Мазовецкий князь Януш *cum toto consilio* издал в 1525 г. декрет, коим воспрещалось мазовшанам, в особенности жителям Варшавы, держать у себя и читать немецкие, латинские и всякие другие книги, содержащие в себе „лживое учение Лютера“, следовать сему учению или склонять к нему других. Виновные в этом подлежат смертной казни, а их имущество — конфискации. *ita tamen, ut quicumque de hac secta legitime convictus et probatus fuerit, talis vita privari, debeat et bona ejus omnia quaecumque habet mobilia et immobilia confiscari et ad thesaurum ducalem recipi debeant.* *Volum. legum. I, 223.*

³ *Volum legum VI, 127 и 128*

§ 2. Из основного закона 1573 г. и королевских присяг видно, что имя „*dissidentes*“ прилагалось ко всем христианским религиям, но так как с некоторого времени вошло в обычай называть диссидентами не римско-католиков, то теперь (без нарушения внесенных в королевскую присягу пунктов, которые остаются неизменными) определяется, под страхом наказаний, назначенных за поругание законов (*contra convulsos legum sancitis*), чтобы светские лица — греко-неуниаты и диссиденты — всякого звания и состояния назывались не еретиками, отщепенцами, схизматиками или дизунитами, но восточными греками неуниатами, диссидентами или евангеликами. Греческие духовные должны называться епископами, владыками, евангелические по своему чину — священниками (*sacerdotes*), духовными, пасторами или министрами слова Божия, а место богослужения у греко-неуниатов — церквами Божиими, у диссидентов — церквами и зборами, вера же их во всех общественных актах, печатных книгах и в прочих письменных документах (*scriptis*) должна называться не сектой и не ересью, но верой, религией или исповеданием.

§ 3. Греко-неуниатские церкви и диссидентские обоих евангелических исповеданий зборы, где бы они действительно ни находились в Короне, в Великом княжестве Литовском и присоединенных к ним областях и какой бы они ни были эрекции, кладбища, школы, госпитали и всякого названия (*titulu*) строения, принадлежащие церквам и духовенству, навсегда признаются „за сущие“ (*pro subsistibilibus*), их можно возобновлять, сколько угодно, а если церкви и всякого рода относящиеся к ним здания повалятся или будут истреблены пожаром, то дается право восстанавливать и вновь строить их, не испрашивая на то позволения у римско-католического духовенства. Во многих местах колляторы, общины и их служители из-за этих церквей привлекаются к суду разных духовных и светских учреждений и впутываются в тяжбы, поэтому грекам неуниатам и диссидентам обеспечивается действительное владение своими церквами, без всякого препятствия со стороны изданных разного рода судебными учреждениями декретов и связанных с этими декретами штрафов (*poenalitatibus*). Такие декреты не должны вредить (*praejudicare*) ни владению, ни лицам их.

§ 4. Грекам неуниатам и диссидентам предоставляется свободное исповедание религии *in extenso* („во всем пространстве“) т.е. совершать все акты благочестия, относящиеся к богопочтению (*ad cultum divinum*), поставлять священников и приглашать (*wokować-vocandi*), совершать таинства, проповедовать на всяком языке, петь гимны, венчать, публично совершать погребения, посещать больных, напутствовать их тайнами — все это для людей их религии, — пользоваться колоколами и органами. Старшим их вольно визитовать церкви и делать все, чего требуют обычай и обряд каждой рели-

гии, без всякого отношения к местному католическому бискупу и римско-католическим парохам и без всякой помехи с чьей бы то ни было стороны. Грекам неуниатам вольно, с ведома и разрешения своего епископа или консистории, везде, где только живут лица греко-неуниатского обряда, строить новые храмы и реставрировать старые, и во всех местах и храмах иметь вполне свободное отправление своего богослужения (сюда же включаются и публичные процессии), но с тем, чтобы не препятствовать богослужению (*absque impedimento cultus*) римско-католиков и их процессиям, почему церковь и зборы должны строиться не иначе, как на расстоянии 200 локтей (*ulnis*) от католических костелов, что, в свою очередь, должно быть наблюдаемо и при сооружении последних. Во избежание смут (*disidia*) в один и тот же час не может быть двух процессий или погребений; в таких случаях настоятели (*rectores*) церквей должны дружески, без всяких ссор, условиться о времени, и тот, кто раньше предупредит соседа-пастыря о необходимости процессии, и будет первым отправлять ее или погребение.

§ 6. Греки неуниаты и диссиденты, светские и духовные, освобождаются от всякой церковной римской юрисдикции, и никто из них ни под каким предлогом не может быть привлечен ни в одну из римских консисторий, ни в духовный трибунал Великого Княжества Литовского.

§ 7. Навсегда отменяется обычай, в силу которого римское духовенство взимало с диссидентов особую плату, известную под именем *jus stolae*, требовало подачек (*dationes*) от них, колядовало ради какого-то пожертвования (*offerencyi*) и несправедливо принуждало их брать у католических парохов письменное разрешение на совершение богослужения и церковных обрядов. Все это надо разуместь также и относительно греков неуниатов; но десятины и миссалии („деньги за обедни“), где таковые законно следовали, и законно сделанные о них постановления (*compositionibus*) сохраняются.

§ 8. Епископ мстиславский, оршанский и могилевский, занимающий теперь под именем белорусского названные кафедры со всеми церквами, монастырями и относящимися к ним фундациями как теми, которыми ныне владеют он и его духовенство, так и теми, которые будут возвращены ему смешанным судом, остается навсегда при греко-восточной неуниатской вере; в своей епархии он будет пользоваться юрисдикцией точно так же, как в своих епархиях пользуются ею католические бискупы, без всякой помехи с чьей бы то ни было стороны. К той же восточной вере будут принадлежать и все те монастыри и церкви, в Короне и Великом княжестве Литовском, относительно которых будет доказано перед смешанным судом, что они действительно по праву принадлежат или Киевской неуниатской митрополии, или каким-либо старшим той же религии.

§ 9. Свободное исповедание религии не может обойтись без богослужбных книг, которые теперь диссидентам приходится печатать за границей, хотя прежде и греки неуниаты, и диссиденты могли свободно печатать их в государстве; поэтому, с согласия короля, восстанавливаются свобода печатания книг и право закладывать типографии прежде всего (*praevio*) по отношению к королевским городам. Но типографщики не должны печатать еретических книг и не могут допускать в спорных пунктах насмешек и обидных выражений (*a scomatibus expressionibus et aspero stylo repletis*).

§ 10. Браки между лицами разных религий, т.е. католиками, греко-неуниатами и евангеликами обоих исповеданий не должны быть воспрещаемы. Дети от смешанных браков должны следовать религии родителей: сыновья — религии отца, дочери — религии матери; исключение может быть только для лиц шляхетского звания, которые на этот счет могут вносить в предбрачные договоры особые условия. Бракосочетание совершает священнослужитель религии, исповедуемой невестой, а если католический парох не согласится венчать католички, то это может сделать и диссидентское духовное лицо. Всякие судебные декреты, противные этой статье, уничтожаются (признаются не имеющими никакого значения).

§ 11. Греко-неуниаты и диссиденты не могут быть принуждаемы к совершению (*do obchodzenia*) католических праздников и участию в процессиях и прочих костельных церемониях. Но паны диссиденты и неуниаты не могут препятствовать своей челяди римско-католического исповедания в соблюдении своих праздников.

§ 12. Никто не смеет беспокоить семинарий или училищ для воспитания, готовящихся к духовному чину лиц греко-неуниатской религии и вообще учащихся той же религии шляхетских и мещанских детей — и приходских школ для обучения детей начаткам веры, как прежних, так и тех, которые будут воздвигнуты когда-нибудь, вообще и особенно уже существующую Могилевскую семинарию. Греческие священники и их семьи, монастырские, церковно-служительские и церковные слуги подлежат суду греческих неуниатских епископов и их консисторий, за исключением только согласно с Литовским статутом земельных дел (*exceptis causis terrestribus*). Греко-неуниаты и диссиденты никоим образом не могут быть принуждаемы к перемене своей веры; монастыри и духовенство греко-неуниатское и диссидентское должно быть уравнено с римско-католическим в несении общественных тягостей и свободно от податей и обязательств, которые обычно доставляются господам только их подданными. Но этому освобождению не подлежат священнические сыновья, еще не рукоположенные (*nondum ordinati*), и имения нефундушовые. В местах, где обитают греко-неуниаты, все законно данные королем и апробированные конституциями привилегии должны оставаться

ненарушимыми. Все церкви и монастыри со всеми принадлежащими им поместьями (*fundis*) и суммами, незаконно отнятые у греко-неуниатов, должны быть возвращены им по представлении на то доказательств. Все это будет разобрано и решено смешанным судом по отношению к церквям по доброй воле прихожан, а по отношению к монастырям — по фондушам.

В тринадцатом параграфе трактуется о смешанном суде, в ведение которого передаются все процессы по делам религии, прежде подлежавшие трибуналам и консисториям, вопреки конституциям 1627, 1632, 1638 и 1648 годов, так как еще предки желали для обеспечения чести и имущества диссидентов назначить процесс и экзекуцию *utrique parti serviens*; теперь и приводится в исполнение обещанные сеймовыми рецессами способ соглашения с разнящимися в вере греко-неуниатами и диссидентами¹. В состав смешанного суда входит семнадцать лиц: восемь светских римско-католического исповедания и восемь диссидентов или греко-неуниатов, а велебный греко-неуниатский белорусский епископ, как урожденный (*natus*) председатель своей очереди (каденции), будет семнадцатым. Сверх того, избираются без решающего голоса (*sine voto decisivo*) два писаря для составления декретов и два регента-шляхтича для заведования архивом. Один писарь и регент — католики, а другой писарь и регент непременно греко-неуниаты или диссиденты. Обязанности членов смешанного суда и его делопроизводство точно определяются в следующих четырнадцати пунктах.

- 1) Ежегодно в июле король может назначать или тех самых шестнадцать членов, которые и были, или только некоторых из них оставлять на второй год. Избрание и смена писарей и регентов зависят от смешанного суда.
- 2) Эти избранные королем лица совершают свой суд в подходящем месте, в Варшаве, в течение шести месяцев следующим образом: четыре римско-католика и четыре греко-неуниата или диссидента приезжают на первую назначенную королем каденцию, приносят присягу в Варшавском городе, большинством голосов выбирают из своей среды председателем католика и, приведя к присяге писарей и регентов, три месяца продолжают свой суд.
- 3) В случае отсутствия кого-либо из сих восьми членов, достаточно для образования полного суда и шести, а в присутствии семи последний по чину от той религии, в которой сверхчетный, лишается решающего голоса. Если при полном шестеричном числе заболевает председатель, то первый по чину от той же религии занимает его место. Если же никто от этой религии не присутствует сверхчетным, то к нему придается писарь той же самой веры с решающим голосом; после принесения присяги он своим чином (*sua ordine*) пополнит число ассессоров.
- 4) При председателе рим-

¹ Рецессами еще времен Сигизмунда III.

ско-католике писарем должен быть диссидент, хотя бы он был придан с решающим голосом на место ассессора, и наоборот — при председателе греко-неуниате или диссиденте — римско-католик. 5) Другая каденция того же смешанного суда, по назначении королем лиц на нее, будет судить во вторые три месяца; при этом прежде всего после присяги должен быть избран президент из диссидентов; в первую половину каденции председательствовать будет белорусский епископ неуниат, а в случае отсутствия место его занимает диссидент. Равным образом он председательствует и во вторую половину каденции до конца, при отсутствии председателя диссидента. В случае отсутствия обоих председателей, первый по чину грек неуниат или диссидент занимает их место, а сверхчетный, лишаясь голоса, восполнит число от той веры, от которой отсутствует судья; то же самое надо наблюдать в случае необходимости и по отношению к писарю. 6) В этом смешанном суде¹ будут разбираться дела *tam ex actoratu, quam ex reatu* (как по вчинанию, так и по обвинению), имеющие связь с религией и церковными предметами, наперед определенно (*definitive*) решенные в городе или в земстве и оттуда по апелляции или ремиссии переходящие в него. Его компетенции подлежат все тяжбы, могущие возникнуть в будущем между относящимися к римско-католическому костелу и греко-неуниатами и обоих исповеданий диссидентами, всякими духовными лицами и светскими всякого звания и состояния, — и наоборот, — как, например, о клевете на религию (*calumniarum religionis*), убийств духовного лица, насилия над духовными лицами, церквами, фундушами, школами, госпиталями, кладбищами, домами духовных лиц, причиненных светскими или духовными лицами, далее, вторжение в область чужой юрисдикции и духовных обрядов, споры из-за права патроната с включением сюда и десятин, словом — все возникающие из-за религии и обрядов споры, нарушающие мир и спокойствие среди разноверцев. Этот смешанный суд имеет власть по большинству голосов обсуждать все подобного рода дела, наказывать и решать безапелляционно, по закону и обычаю, и даже секвестровать доходы (*proventus*) духовных лиц; из его компетенции исключаются личные наказания над духовными особами: духовные лица римско-католические отсылаются к местным властям (*ad loci ordinarios*), а монахи — к своему начальству, что должно быть соблюдаемо и по отношению к духовенству греко-неуниатскому и диссидентскому: их доходы можно секвестровать, а самих их отсылать для „персонального“ наказания (*pro poenis personalibus*) к епис-

---

¹ „Судам задворным, трибунальским, подкоморским, земским и городским остаются дела, им собственно подлежащие и к религии не имеющие никакого отношения“ (*Volum. legum. VII, 265-66*).

копу или в консистории. Тот же смешанный суд имеет власть пересматривать и подобного рода старые споры как те, которые остались еще нерешенными, так и те, которые декретами, постановленными с отягощением сторон (*cum gravamine partium prolatis*), назначены к исполнению (если они постановлены не раньше 1 января 1717 г., признанного в этом сепаратном акте нормальным), снова пересматривать и окончательно решать, доставлять удовлетворение (*compensationem adjudicandi*) обиженным сторонам и восстанавливать их во владении храмами, монастырями, госпиталями, школами, семинариями, фундациями своими и именьями частных лиц (если будет документально доказано обиженными, что они отобраны по религиозной ненависти), и наблюдать вообще за справедливостью. 7) Дела, возникающие у католиков с греко-неуниатами и диссидентами из-за границ церковных и фундушových имений, поступают прямо, минуя первую инстанцию, в смешанный суд. Он для разбора их назначает съезд комиссаров из католиков и греко-неуниатов или диссидентов, а эти приглашают землемера и решают дело. Сторона, недовольная сим решением, апеллирует в смешанный суд, который и делает уже решительное определение. 8) Комиссары, назначаемые смешанным судом на такой съезд, или заменявшие их земские и городские судьи, не могут быть ни привлекаемы в суд для доставления отчета, ни подвергаемы наказанию. 9) Председатель, судьи, писари и регенты получают вознаграждение (*salaria*) из государственной казны. 10) Если в смешанном суде при первом и втором открытом голосовании какого-либо дела получается равенство голосов, то производится третье — закрытое; если это равенство получится и после него, то дело решается председателем, которому в таких случаях предоставляется два голоса. 11) Хотя и определено, что король назначает членов смешанного суда в июле, но первое назначение последует весьма скоро после ратификации сего особого акта; первая же каденция откроется 1 октября 1768 г. Дальнейшие заседания, форма процессов и прочие инструкции полнее и подробнее будут объяснены в ординации, предложенной смешанному суду и внесенной (*inserta*) в конституцию¹. 12) И во время бескоролевий смешанный суд ведет свои дела, а если при этом наступит время назначения (*termino nominationis*), то это ведает примас².

§ 14. Греко-неуниаты и диссиденты никоим образом не лишаются права патроната, потому что оно, по обычаю, относится к прерогативам наследственности (*dominii hereditarii-dziedzictwa*), почему они могут пользоваться этой прерогативой как в имениях, которыми они постоянно владеют, так и в

¹ Volum. legum. VII, 335 и далее.

² Пункты 13 и 14 опускаются, так как в них мало относящегося к православию.

других местах, на основании владения (*ex possessione*), им принадлежащими имениями наравне с римско-католиками; но греко-неуниаты и диссиденты к находящимся в их имениях римско-католическим костелам должны представлять священников римско-католиков, и, наоборот, поссессоры римско-католики к греко-неуниатским церквам и диссидентским зборам, находящимся в их имениях, должны давать презенты на греко-неуниатские церкви духовным той же религии, доброй жизни и нравственности, снабженным свидетельствами своего епископа или консистории, а на зборы диссидентов — лицам того же исповедания и избранным прихожанами. Раз введенного в должность пресвитера дедич не имеет права лишать бенефиций. Выше упомянутые презенты должны быть даваемы с обеих сторон без всякой корысти и денежного вознаграждения, во избежание вымогательств и симонии¹.

§ 16. Греко-неуниаты владели правом шляхетского равенства еще со времени присоединения к Речи Посполитой, а диссиденты — в течение 1 1/2 века до самого 1717 года, в силу древних прав, конфедераций, конституций и привилегий, навсегда утвержденных Оливским трактатом и трактатом 1686 года и потому сим сепаратным актом восстанавливаются все их давние права и прерогативы, и они объявляются достойными всяких урядов в Короне, Литве и соединенных с ними провинциях, достоинств сенаторов, министров, дигнитарств коронных, земских, трибунальских, комиссарских, заграничных и сеймовых послов и всяких других по милости короля, достойны (*saraces*) занятия староств городских и не городских, королевских имений, всех земских юрисдикций, словом — греко-неуниатам восстанавливается полное участие (*activitas*) и в гражданских, и в военных делах, а вместе с тем и в выгодах наравне с римско-католиками, которые дает им равенство происхождения. Ввиду этого равенства, религия не будет служить для греко-неуниатов препятствием к получению полного гражданства и шляхетства (*indigenatu et nobilitate*).

§ 17. Мещане греческой неуниатской религии и диссидентской обеих исповеданий получают полное равенство с католиками, по правоспособности, свойственной их состоянию, могут утешаться правом мещанства, занимать магистратские должности в местах своего жительства, предаваться торговле и купечеству, сооружать фабрики (но право разрешать остается в королевских городах за королем, а в наследственных имениях, селах и городах — за дедичами) и участвовать во всем прочем, свойственном мещанскому состоянию, наравне с католиками. Для людей сельского звания греков неуниатов и диссидентов, живущих в королевских имениях и староствах,

¹ § 15 к православию не имеет никакого отношения

в их кривдах и делах одинаково с католиками будет оказываться справедливость судами, назначенными для римско-католиков того же звания.

Артикул III. Во всех как больших, так и малых прусских городах и селениях диссиденты, в силу Оливского трактата, а греки неуниаты в силу постановления нынешнего сепаратного акта должны иметь вполне свободное отправление религии (*liberum religionis exercitium*), согласно постановленных в пользу диссидентов всей Речи Посполитой, Великого княжества Литовского и принадлежащих им провинций; поэтому никто из-за одной религии не должен встречать препятствий и быть устранимым от пользования правами и преимуществами мещанства, от почестей мещанских и от получения должностей (*urzędów*) в их магистратах (не нарушая однако, в силу их прав, свободного избрания, несмотря, — что касается города Торна, — на декрет 1724 г.).

§ 1. Римско-католический клир нигде не должен вмешиваться в дела, подлежащие ведению (*jurisdictionis*) светских мещанских властей.

§ 3. Визитации, бискупские декреты и прочие распоряжения (*ordinationes*) римско-католического клира, относящиеся к прусским городам, не должны уменьшать прав и вольностей, предоставляемых сим сепаратным актом греко-неуниатам и диссидентам Речи Посполитой; противные сему акту считаются недействительными и пустыми (*pro nullis et irritis*).

§ 5. Магистрату дается право буянов-студентов римско-католических, греко-неуниатских и диссидентских школ, как нарушителей общественного спокойствия, задерживать для наказания их соответствующим судом.

Артикул четвертый касается Курляндии и Семигалии.

§ 1. Греко-неуниатская восточная религия будет иметь свободное отправление своего обряда в Курляндии и Семигалии, без всякой помехи и препятствия с чьей бы то ни было стороны.

§ 8. Шляхта и мещане греко-неуниатской веры в Курляндии и Семигалии пользуются теми же правами и преимуществами, которые им предоставлены сепаратным актом в других местах Речи Посполитой.

Артикул пятый касается Пилтынского повета. § 2. И здесь последователи греко-неуниатской религии уравниваются в церковных и гражданских правах с католиками.

После § 4 пятого артикула речь идет об обязательности и важности для договаривающихся сторон рассматриваемого сепаратного акта. Ввиду того, что все изложенные в нем пункты основываются, во-первых, как на естественном праве, так и на древних привилегиях и конституциях, служащих базисом равенства и вольностей польских, во-вторых, на том, что греки неуниаты и диссиденты спокойно пользовались всегда правами и преимуществами и не испытывали в них стеснений, за исключением незаконно

постановленных конституций после Оливского мира 1660 г. и Московского трактата 1686 г., и в-третьих, на том, что русская императрица и датский, прусский, шведский и английский короли желают возвращения греко-неуниатам и диссидентам всех гражданских и церковных прав и преимуществ, — то ввиду всего этого, все изложенные в артикулах сего сепаратного акта пункты должны быть законом прочным, постоянным и ненарушимым. Нарушающий их будет считаться нарушителем общественного спокойствия и врагом Речи Посполитой. Этот первый сепаратный акт, как гарантируемый подписанным уже трактатом между польским королевским правительством и представителем русской императрицы, должен иметь такую же силу, действие и обязательство, как если бы он был вписан дословно в тот трактат; поему, он, при взаимных ратификациях трактующих сторон, должен быть принимаем во всем своем объеме (*comprehendi in tota sua extensione*). Акт скреплен подписями и печатями уполномоченных на то лиц, вошедших в состав назначенной, по требованию Репнина, делегации от сейма. Акт датирован по новому стилю 24 февраля, а по старому — 13 февраля 1768 года...¹

В тот же самый день (13/24 февраля) и та же делегация от сейма подписала и второй сепаратный акт, заключающий в себе основные (*cardinales*) законы Речи Посполитой, навсегда устанавливаемые, и прочие материи относительно государства, которые могут быть решаемы только единогласно свободными сеймами. В этом акте заслуживают внимания третий, одиннадцатый и двенадцатый пункты отдела, озаглавленного: „*Prawa kardynalne*“. В третьем пункте повторяется известное уже из первого сепаратного акта постановление, признающее католичество господствующей религией в Польском Королевстве, Великом Княжестве Литовском и соединенных с ними провинциях и определяющее отступникам от католичества, как совершителям криминальных проступков, изгнание из государства; повторяется он дословно². В одиннадцатом пункте трактуется о шляхетском равенстве, которое дает доступ (*capacitas*) ко всем должностям и урядам в государстве, а в двенадцатом — этот доступ распространяется и на шляхту греко-неуниатского восточного исповедания, так как она в силу первого сепаратного акта уравнена в правах с католической³.

Когда назначенная сеймом делегация выработала и утвердила трактат с Россией и два присоединенных к нему сепаратных акта, сейм 26 февраля

¹ Volum. legum. VII, 256-276; ср. Пол. Соб. Зак. Рос. Импер., т. XVIII, № 13071, с. 452-465.

² Volum. legum VII, 277, III; ср. Пол. Соб. Зак. Рос. Импер., т. XVIII, с. 466.

³ Volum. legum. VII, 279, XI-XII, ср. Пол. Соб. Зак. Рос. Импер., т. XVIII, с. 467-468.

1768 г. снова возобновил свои заседания. Прежде всего были ратифицированы трактат и оба сепаратные акта: их одобрили, благодаря решительным мерам русского посланника, целиком¹. Попытки некоторых поляков протестовать против стеснения свободы послов Репниным остались напрасными². Из других постановлений этого сейма касательно рассматриваемого вопроса имеет значение ординация (распоряжение) об известном уже смешанном суде, которая служит дополнением и разъяснением к тринадцатому параграфу второго артикула первого сепаратного акта. Содержание этой ординации может быть передано в таком виде. Первая очередь заседаний смешанного суда должна начаться 1 октября 1768 г. По назначению короля четыре католика и четыре греко-неуниата или диссидента должны прибыть в Варшаву и сделать то, что требовалось правилами о смешанном суде. В произносимой ими формуле присяги содержится обещание: „Судить каждое дело справедливо, по совести и законам Речи Посполитой, не взирая на разницу в вере, на богатого и бедного, приятеля, родственника и неприятеля, сообразно с тяжбой (podług kontrowersy), пробацией и документами“, не брать даров и не выдавать секретов судебной избы и мнений членов (wotujących). В первой каденции председателем должен быть католик, а писарем греко-неуниат или диссидент; он тоже произносит присягу, равно как и регент. Первая и единственная в 1768 г. каденция будет продолжаться с 1 октября по 31 декабря, со второго же января следующего года начинается вторая каденция. Начиная с 1769 г., всегда будет ежегодно по две каденции, из коих каждая продолжается по три месяца: со 2 января по 31 марта и с 1 октября по 31 декабря включительно. Заседания должны совершаться, кроме праздников, ежедневно с 8 часов утра до часа дня, причем при заседаниях никто из посторонних не должен присутствовать. Указывается определенное содержание судьям, писарям и регентам. Отсутствовать во время заседаний можно только по болезни, но при этом требуется подтверждение присягой заявление о своей слабости. Противящиеся декретам смешанного суда подвергаются наказаниям, определенным за сопротивление трибунальским декретам. К смешанному суду могут обращаться те, которые сначала представляли свои дела в земские и городские суды (если эти дела по качеству своему подлежали их компетенции) и не удовлетворились их решением. Смешанный суд постановит уже окончательное решение. Если в таких случаях в смешанном суде обнаружатся новые документы, то он возвращает эти дела

---

¹ Volum legum. VII, 285

² Szujski IV, 430

обратно в городской и земский суды, а чтобы они там не задерживались, для них вводится особый реестр: *causae injuriarum pacem et tranquillitatem dissidentibus cautam laedentium*)¹ — один для дел более древних от нормального 1717 г., другой — более новых, после недавнего трактата (*modernum tractatum*), и для разбора их земские и городские суды могут употреблять одну лишнюю неделю сверх назначенной каденции. В самом смешанном суде должно быть четыре реестра: 1) *causae antiquarum injuriarum pacem et tranquillitatem dissidentibus cautam laedentium ab anno normali 1717*; 2) *recentiorum injuriarum post ratificationem traktatus anni 1768 pacem et tranquillitatem dissidentibus cautam laedentium ex appellationibus et remissionibus* (по апелляциям и ремиссиям); 3) относительно прусских городов — *causae injuriarum pacem et tranquillitatem dissidentibus cautam laedentium* (второй и третий — *sine beneficio aresti*); 4) *derekti mandati judicii violatae securitatis judiciariae, atque adeuntium et redeuntium*. Дела по первому реестру разбираются по понедельникам, вторникам и средам, по второму — в четверги, пятницы и субботы, а из четвертого можно рассматривать их ежедневно, так как в нем дела текущего года (о неуважении к суду, о насилии над судьями при исполнении ими своих обязанностей, их слугами и др.). Дела из третьего реестра должна посвящаться последняя неделя всякой каденции; к этому времени королем назначается в смешанном суде четыре кандидата-диссидента из Торна, Элблонга и Данцига с решающим голосом. Далее следует подробное изложение хода судебных заседаний, порядка составления протоколов, подписи их членами и хранения в архиве. Рассмотрение всего этого не имеет особой важности².

Обозрение сеймовых постановлений 1767 и 1768 гг. в пользу православных подданных Речи Посполитой показывает, что русское правительство, стремившееся облегчить их горькую участь, достигло намеченной цели: сейм возвратил им все гражданские и церковные права и преимущества, признал их такими же полноправными членами государства, как и католики. Но это стоило больших усилий со стороны России и сильного давления ее на поляков. Последние согласились на эти уступки не добровольно, но в силу необходимости, из страха перед русским посланником Репниным, который не останавливался ни перед чем для того, чтобы склонить их к уступкам. Высылка в Россию упомянутых выше Солтыка, Ржевусского и Залуского и постой русского войска в имениях противящихся России магнатов пугали всех. Во время сейма поляки возмущались стес-

¹ Дела о несправедливостях, нарушающих гарантированный мир и спокойствие диссидентов

² *Volum. legum. VII, 335-338.*

нением их вольности и, как выражались они, насилиями над их религией, но сдерживали свое негодование. Уравнение диссидентов и православных с католиками особенно возмущало их; духовенство начало метать громы против этого равенства исповеданий и возбуждать верных сынов костела к сопротивлению. Фанатизм усиливался, раздражение против России росло все больше и больше и, наконец, выразилось в так называемой Барской конфедерации, составленной каменецким бискупом Адамом Красинским 29 февраля 1768 г. в подольском городе Баре. Конфедерация эта домогалась уничтожения сеймовых постановлений 1768 г., особенно же ратовала против дарования прав не католикам и гарантии Россией устанавливаемого в Польше строя. Она встретила необычайное сочувствие среди поляков и быстро распространилась по Польше. Турция, боявшаяся усиления России, поддерживала конфедератов обещаниями помощи, а Франция — присылкой небольшого отряда и деньгами. Король и польское правительство сначала сочувствовали конфедератам, надеясь с их помощью освободиться из-под русского влияния, и только тогда, когда они провозгласили бескоролье, Понятовский начал склоняться на сторону России. Последняя принялась умирять конфедератов, которые, ведя партизанскую войну, сумели, благодаря поддержке Франции и обещаниям Турции, держаться четыре года. Конфедератское движение было особенно тяжелым для православного населения Речи Посполитой, так как участники его, считая православных главными виновниками вмешательства России в польские дела, срывали на них свою злобу; но их насилия переполнили чашу терпения русско-православного народа на Украине, и он восстал против своих притеснителей (Максим Зализняк, Гонта, уманская резня). Для прекращения возникших в Польше настроений русское правительство склонно было отказаться от поддержки диссидентов. В 1770 г. (28 сентября) Панин, преподавая посланнику кн. Волконскому указания относительно польских дел вообще и в частности об организации в Польше новой русской партии, говорит, что петербургское правительство не станет препятствовать „добровольному соглашению между самими диссидентами и новосозидаемою нашею (русской) партией под руководством примаса, воеводы киевского и графа Мнишек“. Диссиденты должны сделать уступки католикам, „например, добровольным их отрицанием от соучастия в сенате и определением точного чина, в каком им участвовать на сеймах, в трибуналах и других судебных местах, а особенно во владении староств с городами“. Но, „для сохранения перед публикой лица“ русскому правительству нужно, чтобы это добровольное соглашение диссидентов и католиков „исходило и совершилось без видимого в оном соучастия“ русского и чтобы „диссиденты не всего и навсегда уже лишены были,

ибо иначе совершенным их исключением от законодательства и судебной власти состояние их сделалось бы хуже прежнего и было уже законным образом превращено в сущее моральное небытие“, при котором диссиденты были бы лишены даже возможности протестовать против чинимых им притеснений. Волконский не должен был открыто и официально („в качестве посла“) „мешаться в то любовное соглашение диссидентов с католиками“, но в то же время обязан был делать соответствующие внушения руководителям обеих сторон¹. Россия сознавала, что нет возможности поддерживать целиком постановления 1768 года... Барская конфедерация, дав повод к разрыву между Турцией и Россией, доставила много хлопот русскому правительству, но вместе с тем и причинила страшный вред Польше. Прусский король Фридрих II выступил со своим проектом раздела Польши между Пруссией, Россией и Австрией, как единственным средством умиротворения польских настроений. Екатерина II сначала противилась этому проекту, но настойчивость Пруссии, дипломатические хитрости последней и расположение Австрии к Турции, с которой тогда Россия вела войну, вынудили ее согласиться с Фридрихом, и 5 августа 1772 г. между русским, прусским и австрийским дворами состоялся договор о первом разделе Польши².

Делившие Польшу государства хотели придать своему захвату вид добровольной уступки со стороны Польши. Для этого они решили созвать сейм и принудить его к ратификации этих уступок. От русского, прусского и австрийского посланников было представлено королю требование созвать сейм. Король должен подчиниться этому требованию и назначил сейм на 19-е апреля 1773 г. Вопрос о правах православных и диссидентов неизбежно должен был обсуждаться на этом сейме, потому что поляки были недовольны сделанными им уступками на предыдущем сейме (1767 — 1768 гг.). Политические осложнения, вызванные турецкой войной, заставили Россию отказаться от своего прежнего взгляда на диссидентский вопрос и согласиться на некоторые уступки в гражданских правах христиан не католиков, чтобы хотя несколько успокоить католиков и ослабить их ненависть к разновременцам. Это заметно в инструкциях, данных двум русским посланникам при польском дворе, преемникам Репнина, князю Волконскому и барону Штакельбергу. Третьим пунктом инструкции Волконского последнему вменялось в обязанность „сохранять диссидентское дело в полной его силе и во всем его пространстве“, но вместе

¹ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т 97, № 1991, с 147-148.

² Бобржинский II, 269-70, Костомаров, Соб. соч., кн. VII, 89-90

с тем было замечено, что можно сделать уступки, в чем сами диссиденты согласятся для скорейшего успокоения и примирения со своими соотечественниками¹. В наставлении, данном Штакельбергу русской императрицей 24 февраля 1773 г. относительно предполагаемого сейма, говорится, что он и посланники союзных государств должны содействовать взаимному соглашению между диссидентами и католиками и что диссиденты могут отказаться от вступления в сенат и от министерских мест, если католики согласятся отменить закон о наказании за переход из католичества в другое исповедание. Другие права их должны быть оставлены во всей силе, „особенно право быть депутатом на сеймах“². Но о добровольном согласии поляков на уступки диссидентам и православным нельзя было и думать: папский нунций, католическое духовенство и даже австрийское правительство убеждало их твердо стоять за интересы католичества. Нужно было и на этом сейме ждать больших затруднений по диссидентскому вопросу. Русский посланник барон Штакельберг, имевший возможность наблюдать на месте настроение польского общества, в письмах своих в Петербург не раз выражал опасение относительно исхода сейма.

Поляки не ожидали ничего хорошего для себя от приближающегося сейма, а потому старались всячески тормозить дело. Солтык, недавно отпущенный из своего заключения в России, по-прежнему возбуждал поляков к твердости и неуступчивости. Не соглашаясь на уступку отторгнутых соседями областей, шляхта срывала сеймики и заносила протестации против незаконности раздела и сеймиков. Было сорвано тридцать два сеймика, пока избраны были послы на сейм. Сандомирское, Киевское, Волыньское и Черниговское воеводства занесли протестации в свои гроды. Штакельберг должен был прибегнуть к репрессивным мерам и, объявив, что имени срывающих сеймики будут секвестрованы, повторил сеймики и силой принудил избрать сеймовых послов³. Сейм открылся 19 апреля 1773 года; он оказался очень малочисленным — всего было 102 посла. Несмотря на то, что многие из них были подкуплены, представители союзных государств опасались, что если сейм будет обычным (на котором дела решались единогласием), то ничего не добьются и потому согласились открыть его „под узлом конфедерации“⁴, т.е. признать его сконфедерованным, — таким, на котором дела решались большинством голосов. Штакельберг требовал, чтобы сейм для утверждения раздела избрал делега-

¹ Соловьев, кн. VI, т. XXVIII, с. 607-608.

² Соловьев, кн. VI, т. XXIX, 934

³ Szujski IV, 495

⁴ Volum legum VIII, 5

цию. Угрозы заставили поляков согласиться; делегация, в состав которой входило 30 человек, была назначена, а сейм отсрочен до того времени, когда она окончит свои занятия. 18 сентября 1773 года эта делегация торжественным трактатом подтвердила первый раздел Польши. Каждое из государств, захвативших себе части Польши, заключило с нею особый трактат; в каждом из них идет речь о религиозных и гражданских правах православных и диссидентов. На первом месте в *Volumina*'х стоит трактат с Австрией. В пятом артикуле его говорится, что в присоединяемых к Австрии областях (часть малой Польши по Вислу, Червоная Русь и часть Подолии) греко-неуниаты пользуются всеми своими собственностями и possessions, по отношению же к религии они остаются *in statu quo*, т.е. при том же свободном пользовании богослужением и дисциплиной (*dans le même libre exercice de leur cult et discipline*), со всеми своими церквями и церковными именами, которыми они владели при переходе под власть Австрии. Австрийское правительство обещает не нарушать того *statum, in quo* находилась греко-неуниатская религия в присоединяемых им областях¹.

В трактате, заключенном Польшей с русским правительством, последнее обещает свободу исповедания католической и униатской религии в тех областях, которые отходят к России, т.е. в Белоруссии (art. V), и гарантию остающихся еще за Речью Посполитой земель, всех конституций, постановленных нынешним сконфедерованным в Варшаве сеймом сообща с министрами трех договаривающихся сторон, для поддержания спокойствия и прочного порядка в Речи Посполитой (art. VI—VII). Эти же самые конституции должны утвердить форму свободного республиканского и независимого правления Польши и успокоить состояние греко-неуниатов и диссидентов. Для последней цели будет составлен особый акт, обеспечивающий упомянутые конституции; он будет подписан министрами и общими комиссарами, как часть сего трактата, а потому и будет иметь такую же силу и значение, как если бы он был вписан в него. Обе договаривающиеся стороны объявляют, что III, IV и V артикулы из трактата 1768 г. с относящимися к нему сепаратными актами должны быть понимаемы сообразно с тем, что будет постановлено в упомянутом акте (art. VII)². В силу этого трактата Россия получала право заботиться о сохранении порядка в Речи Посполитой и, что всего важнее для рассматриваемого вопроса, спокойствия и безопасности православных, подданных Речи Поспо-

¹ Volum. legum. VIII, 17-18, art. V.

² Volum legum VIII., 26 и 27

литой. Точно так же и трактат с прусским королем содержит в себе обещание гарантии всех конституций, которые будут постановлены на этом сейме относительно формы свободного республиканского правления в Польше и умиротворения ее подданных греко-восточной неунитатской религии и диссидентской обоих евангелических исповеданий. И с Пруссией должен быть заключен особый акт, заверяющий упомянутые конституции и подписанный министрами и комиссарами от обеих сторон; он будет составлять часть сего трактата и иметь такую же силу и значение, как если бы он был вписан в него дословно¹.

К сентябрю 1773 года назначенная сеймом делегация составила трактаты² о разделе Польши, и сейм возобновил свои занятия; он продолжался с перерывами и отсрочками³ целых два с половиной года и все это время занимался вопросами о форме правления и внутреннего порядка в Польше. Диссидентский вопрос вообще и вопрос о положении православных в остающихся за Польшей областях занимал тоже видное место и доставил немало хлопот русскому посланнику, по поручению своего правительства поддерживавшего интересы православия. Как уже было замечено, поляки, возбуждаемые нунцием, местным духовенством и австрийским посланником, не хотели делать никаких уступок разноверцам. Австрийское правительство серьезно тормозило дело разрешения этого сложного вопроса в благоприятном смысле. Диссиденты, опасаясь, чтобы Россия, вынужденная внешними неблагоприятными для нее обстоятельствами не отказала им в своем покровительстве, обратились к Екатерине II через Штакельберга с просьбой не оставлять их своими милостями и поддержкой и жаловались на ненависть к себе со стороны католиков, желающих лишить их навсегда права участвовать в законодательстве, права, которое одно может обеспечить им свободное исповедание своей религии и другие принадлежащие им преимущества⁴. Россия готова была поддерживать их и теперь, хотя Штакельберг и доносил, что добиться для диссидентов права быть сеймовыми депутатами совершенно невозможно, ввиду фанатизма нации и противодействия со стороны венского двора. Он считал диссидентский вопрос настолько трудным, что называл его страшным делом. Россия ограничила свои требования: согласилась на недопущение диссидентов в сенаторы и министры и на уничтожение смешан-

¹ Volum legum. VIII, 36, art IX.

² Трактаты подписаны 18 сентября по новому стилю, а по старому – 7 сентября Volum. legum. VIII., 20, 28 и 38

³ Вследствие одной лимиты (limity) и шести пророгаций сейм закончился в 1775 г. Volum

⁴ Соловьев, кн VI, т XXIX, 948-49.

ного суда, и дело уладилось. 15 марта (нов. ст.) 1775 г. был подписан обеими сторонами особый акт, служащий дополнением трактату 18 сентября 1773 года; в нем определялось положение православных и диссидентов в пределах Речи Посполитой. Акт имеет в себе три артикула. Прежде всего в нем наминается, что русская императрица седьмым артикулом заключенного 18 сентября 1773 г. в Варшаве трактата обещала гарантировать все конституции, постановленные с общего согласия министров трех соседних государств нынешним сконфедерованным сеймом как относительно формы свободного и независимого республиканского правления, так и относительно умиротворения и состояния (*stanu*) греко-неуниатов и диссидентов, и что в силу этого особыми уполномоченными составлены и подписаны нижеследующие артикулы, которые должны иметь такую же силу и значение, как если бы они были дословно включены в самый трактат.

Артикул I. Русская императрица, предупредившая в трактате от 18 сентября 1773 г., что относительно греко-неуниатов и диссидентов в Польше и Литве будет составлен особый акт, и король польский вместе с Речью Посполитой, сильно желавший некоторого изменения первого сепаратного акта к трактату 1768 г. в пункте о восстановлении давних прав греко-неуниатов и диссидентов, — оба они подтверждают целиком конец (*cały ostatek*) названного первого сепаратного акта и соглашаются на следующие изменения.

1. Императрица всероссийская, желая устранить всякий повод (*rozory*) к раздорам между польским народом, соглашается (*rozwała*) на выключение шляхты греко-неуниатского и диссидентского исповеданий из сената и министерства в Короне и Литве.

2. Право греко-неуниатской и диссидентской шляхты на избрание в сеймовые послы ограничивается: число послов от них должно быть не более трех, т.е. по одному депутату от каждой провинции; за исключением этого греко-неуниатская и диссидентская шляхта будет пользоваться всеми прерогативами шляхетского происхождения и всеми выгодами и урядами коронными и литовскими; они могут исправлять все должности в трибуналах и комиссиях, — во всех юрисдикциях и дикасториях Речи Посполитой *in civili et militari*. Но эти права и преимущества относятся только к тем греко-неуниатским и диссидентским фамилиям и их потомству, которые действительно имеют право гражданства (*indygenatu*) в Польше и Литве.

3. Король и Речь Посполитая домогались уничтожения смешанного суда. Русская императрица согласилась на это при соблюдении следующих условий. а) Все дела, перечисленные и предоставленные первым сепаратным актом трактата 1768 г. этому смешанному суду, подлежат королевскому суду, т.е. коронной и литовской ассессории (королевским асес-

сорским судам)¹. б) Если во время выбора ассессоров не будут вызваны к этому королевскому суду в одинаковом количестве с католиками разноверцы, то король призывает для разбора всех дел, перенесенных из смешанного суда в ассессории, столько членов из греко-неуниатской и диссидентской шляхты с решающим голосом (*cum voto decisivo*), сколько их необходимо для уравнивания числа католических ассессоров с разноверческими. с) В каждые шесть месяцев как в Коронной ассессории, так и в Литовской, назначается четырехнедельный срок для указанных греко-неуниатских и диссидентских дел; они решаются большинством голосов, если они рассматривались прежде в городских или земских судах и оттуда перенесены в ассессории или путем апелляции (*via appellationis*), или путем ремиссии. В случае равенства голосов с обеих сторон дела решаются апелляционным королевским судом; при отсутствии некоторых судей достаточно четырех для решения упомянутых дел.

4. Если диссиденты и греко-неуниаты пожелают хоронить покойников в праздники, то это они должны делать или очень рано, или по окончании всенародного богослужения у католиков.

5. Диссидентам запрещается на будущее время употреблять во вновь воздвигаемых по деревням церквях колокола.

Во втором артикуле речь идет о короле, престолонаследии и управлении. Король — выборный, природный Пяст, шляхтич, имеющий поместья в пределах Речи Посполитой. Наследственность престола в Польше навсегда уничтожается: дети и внуки последнего короля могут быть избраны в короли по крайней мере по прошествии двух царствований. Управление в Польше должно быть всегда вольное, независимое и составленное из трех чинов: короля, сената и стана рыцарского. Кроме того, учреждался постоянный совет (*rada nieustająca*), которому принадлежала исполнительная власть.

Артикул III. Императрица всероссийская, ссылаясь на VII артикул трактата 1773 г., гарантирует Речи Посполитой не только эти два артикула сего акта, которые содержат в себе постановление (*l'affaire*) о греко-неуниатах и диссидентах и основных законах, но и все конституции, касающиеся как особы короля, так и всех постановлений, сделанных на этом сейме „под узлом конфедерации“, и все акты Коронной и Великого Княжества Литовского генеральной конфедерации.

---

¹ На сейме 1776 г для дел неуниатов и диссидентов назначено было шесть недель (с 15-го марта по 30 апреля) из числа шести месяцев (с 1-го ноября по 30 апреля), назначенных для занятий надворному ассессорскому суду в Короне (*Volum. legum. VIII, 545*).

Для заверения подлинности сего особого акта полномочные обеих сторон собственноручно подписали его и скрепили печатями своих гербов¹.

Одновременно с вышерассмотренным особым актом (15 марта 1775 г.) был составлен на основании артикулов VIII и IX трактата России с Польшей в 1773 г. и подписан этой же делегацией еще один „особый акт, содержащий в себе разные постановления (akt osobny zawierający różne ustanowienia)“². Девятый артикул этого акта касается жалоб и недоразумений, возникающих между униатами и греко-неуниатами, число которых было всегда велико. По смыслу этого артикула жалобы греко-неуниатов на униатов и наоборот — последних на первых — будут рассмотрены и решены особой комиссией, назначенной с согласия договаривающихся сторон в течение трех месяцев со времени издания сего акта. Эта комиссия рассмотрит упомянутые жалобы и те законы (prawa — es droits), на основании которых решены жалобы относительно церквей, отнятых одной стороной у другой после трактата 1768 г. Владение (possessya), обусловленное сим трактатом, должно быть правилом в инструкциях, данных обоюдным комиссарам. Комиссары решат, кому по праву должны принадлежать спорные церкви, отдадут их надлежащей стороне и восстановят в обладании сими церквами священников, которым они принадлежали прежде; вместе с тем прикажут возвратить потерпевшим все, что было отнято насильно или вознаграждать за него; словом — все приведут в состояние, обусловленное трактатом 1768 г. Постановление комиссии, согласно с упомянутым трактатом, должно быть приведено в исполнение. Чтобы отнять повод к подобного рода жалобам, обе договаривающиеся стороны издадут строгий приказ своим подданным ожидать с полным спокойствием решения этой комиссии и запретят военным отрядам вмешиваться в такие дела и оказывать кому бы то ни было помощь³.

Трактаты с делившими Польшу государствами, принятые сеймовой делегацией 18 сентября 1773 г., были ратификованы всем сеймом. В конституции, заключающей в себе ратификацию трактатов (ratyfikacya traktatów), говорится, что сконфедерованный сейм с общего согласия станов принимает во всем ратификацию трактатов, заключенных, с одной стороны, уполномоченными послами австрийским (Ревецким), русским (Штакельбергом) и прусским (Бенуа), а с другой — особой делегацией, которой даны были со стороны сейма на то полномочия⁴. Таким образом, все содержащееся в

---

¹ Volum legum. VIII, 47-50

² Volum legum. VIII, 51-54

¹ Volum legum. VIII, 53

² Volum legum VIII, 65-66

рассмотренных трактатах и относящихся к ним сепаратных (особых) актах получило силу обязательного для поляков закона. Но этот новый закон, несмотря на все усилия русского правительства, не уравнивал православных с католиками в политическом отношении. Религиозный фанатизм поляка-шляхтича не позволял ему согласиться на уравнивание с ним схизматика или диссидента. Намерение Екатерины II, благодаря неблагоприятным для России политическим обстоятельствам и тому, что в Польше было очень мало православной шляхты, разбилось о скалу царившей в Польше религиозной нетерпимости.

* * *

Первый раздел значительно сократил пространство, занимаемое Польшей (из 780 тыс. кв. километров за Польшей осталось 554 тыс. кв. км)¹, сделал ее еще более слабой, чем она была до 1772 года. Но этот урок истории не образумил поляков, или, по крайней мере, тех магнатов, которые имели влияние на политические дела; в Польше по-прежнему царила анархия, и многие сторонники прежней свободы никак не могли мириться с теми порядками, которые вводились постоянным советом и были направлены к ограничению и подавлению вековой польской анархии. Так как король стоял за реформы, могущие улучшить положение Польши, то недовольные новыми порядками были настроены враждебно по отношению к Станиславу Августу, что заставило последнего искать поддержки у русского правительства. Во главе враждебной королю и новым порядкам партии стояли гетман Браницкий, князь Адам Чарторыйский, два брата Потоцких (Игнатий и Станислав) и др. Оппозиция решила воспользоваться в 1776 г. наступающим сеймом и энергично взялась за то, чтобы провести на сеймиках в послы своих сторонников. Были пущены в ход и подкупы, и насилия, лишь бы не допустить на сейм в качестве послов сторонников короля. Но так как русское правительство поддерживало короля, то русский посол Штакельберг позаботился о проведении в послы желательных для Станислава Августа кандидатов. Для этого ему пришлось издержать 50 тыс. рублей и разослать русские отряды в те пункты, где происходили сеймики. Немало было сеймиков, где не обошлось без кровопролития; на многих из них происходили двойные выборы послов: оппозиция посылала своих послов, а приверженцы короля и России — своих. Король и Штакельберг признали за лучшее объявить открывающийся сейм сконфедерованным, а послы от приверженцев короля охотно согласились

¹ Lewicki, 345; ср. Смоленский, Ист. пол. нар., 285

на это. Сторонники оппозиции были удалены (в количестве более семидесяти), и сейм прошёл совершенно спокойно¹.

Первым артикулом сепаратного акта 15 марта 1775 г. уничтожен был смешанный суд для разбора тяжёлых дел православных и протестантов с католиками и униатами. Все эти дела переносились в королевские ассессорские суды, где для разбора их назначался в каждые шесть месяцев четырехнедельный срок². Сконфедерованный сейм 1776 г. назначил для занятий этого суда в Короне шестимесячный срок: с 1 ноября по 30 апреля отводилось для рассмотрения дел, возбуждаемых неуниатами и диссидентами³. От дальнейших сеймов 1778, 1780 и последующих годов до самого четырехлетнего сейма не имеется ни одной конституции, касающейся православных. Православная шляхта и без того малочисленная в Речи Посполитой после первого раздела ещё больше сократилась в количестве и потому ничего не могла предпринять для устранения таких ограничений, какие были сделаны по отношению к ней сеймом 1773-75 гг. Русское правительство, вынужденное сделать уступку полякам на том же сейме 1773-75 годов, как бы не решалось возбуждать вопроса о снесении сделанных тогда ограничений для православных и, довольствуясь тем, что Польша признавала гарантированный петербургским двором порядок, не старалось больше о предоставлении разноречам отнятых у них прав; только время от времени оно, ввиду поступающих к нему жалоб неуниатского населения Польши на притеснения и насилия со стороны униатов и католиков, делало энергичные представления польскому правительству. Русский посланник в Польше приобрёл громаднейшее значение и оказывал влияние на все области государственной жизни Речи Посполитой. Один из современников описываемых событий так изображает положение России по отношению к Польше. „Дошло до того, что Петербург сделался нашей столицей, а Варшава стала главным городом губернии, принадлежавшей России, где вежливым образом, но всем распоряжалась Москва: губернатор этой губернии назывался посланником, московское правительство — гарантией, губернский совет — постоянным советом, а председатель этого совета — королем; и в этом совете из тридцати шести членов большинством голосов приводилось в исполнение то, что приказывал посланник“⁴. И тем не менее, несмотря на такую силу и значение русского посланника, положение неуниатов в Речи Посполитой не улучшилось ни фактически, ни юридически; фактически оно ещё даже ухудши-

¹ Volum legum VIII, 526-27; Korzon IV, 59; Соловьев, Ист Рос, кн VI, 1091-96.

² См выше, с 434-435.

³ Volum. legum. VIII, 545

⁴ Костомаров, Соб соч., кн VII, с. 95

лось. Поляки были ужасно недовольны опекой русского правительства, ненавидели русских, уступали требованиям русского правительства либо из-за денег, платимых послом сторонникам русской политики, либо из-за страха перед последним. Не будучи в состоянии оказывать открытое сопротивление петербургскому правительству, поляки старались излить свое негодование и злобу на беззащитном православном населении Польши, главным образом на крестьянстве. Поляки считали их виновниками вмешательства России во внутренние дела Польши; одних из них подвергали они новым стеснениям, а других старались обратить в унию. Попытки униатского духовенства привлечь к унии с Римом схизматиков встречали сочувствие и поддержку как со стороны польского правительства, так и польского общества. Ревнители унии с митрополитом Иасоном Смогоржевским во главе обратили особенное внимание на те области, где уния была слаба, именно на украинские воеводства — Киевское и Брацлавское и здесь усердно насаждали унию, принуждая местное население к переходу в нее из „благочестивой веры“. Официалы униатского митрополита разъезжали с польскими военными отрядами по селам, насильно отбирали у православных церкви, хватали и подвергали насилиям православных священников, а посполитых принуждали к унии. Помещики и их доверенные по управлению имениями в данном случае действовали заодно с униатами и принимали активное участие в деле обращения своих подданных в унию. Так, например, князь Иосиф Любомирский в 1775 году приказал управителям своих имений в Уманской области изгнать из всех его имений православных священников и передать церкви униатам. Другой Любомирский (Александр) в 1778 г. отдал униатам православные церкви в своей части Смилянских имений. Волынский воевода Сангушко в 1782 г. писал Смогоржевскому, что он не дает дозволения ни одному православному священнику поступить на приход в его имениях. Гетман Браницкий, владевший громадными имениями в Белоцерковщине, все православные приходы, кроме одного, передал в 1782 г. униатам¹. Еще усерднее в пользу унии действовали менее крупные помещики, с которыми униатское духовенство поддерживало частое общение и убеждало их действовать в пользу унии. Только немногие владельцы являлись противниками насильственного распространения унии и религиозного гнета своих подданных. К числу последних можно отнести таких магнатов, как князь Ксаверий Любомирский, владелец части Смилянщины, да молодой князь Адам (Адамович) Чарторыйский, владевший обширными имениями в Подолии.

Распространяемая униатским и католическим духовенством, поддержи-

¹ Коялович, Ист. воссоед. униат, 167-168, 225-226 и 232-233

ваемая панами и их официалами уния, по-видимому, росла и крепла. В 1773 г. на Украине было 1902 православных церквей; но затем униаты постепенно отнимали их у православных и обращали в униатские и в 1776 г. они, например, отняли у православных 800 церквей¹. Стеснения православных со стороны униатов усиливались. Ко всему прочему с 1776 г. присоединяется еще одна тягость для православного духовенства — взимание с него (и белого, и черного) особого налога *subsidium charitativum*, который добровольно, по примеру католического, обязалось платить униатское духовенство. К уплате этого налога униатские власти постарались привлечь и православных священников, и монахов. Радомысльская униатская консистория приказывала деканам собирать деньги; они не замедлили с исполнением возложенного на них поручения; при этом они, пользуясь военными командами, производили много бесчинств и насилий над православными священниками и монастырями и захватывали православные церкви, где только им это удавалось². Бесчинства эти были настолько велики, что князь Ксаверий Любомирский не мог спокойно на них смотреть. 12 марта 1782 г. он отправил переяславскому епископу Илариону письмо, в котором обращал внимание епископа на то, что „униаты ездят из села в село и насильно отнимают церкви, выкидывают священников из их собственных домов“, и советовал ему донести русскому послу в Варшаве „об этих неправдах и насилиях и просить, чтобы он требовал удовлетворения“ для угнетаемых священников „и побудить постоянный совет поступать так, как требует вера, свобода ее и правда“³. Епископ Иларион отлично знал об этих насилиях, так как за время 1777-1781 гг. к нему поступило немало жалоб со стороны пострадавших от униатов, но он обращался за содействием не в Варшаву, к послу Штакельбергу, а в Св. Синод, который делал соответствующие представления коллегии иностранных дел, а та — посланнику в Варшаву. Окольный путь жалоб на притеснения католиков и униатов оказывался более полезным и скорее достигал желательной для православных цели, чем непосредственное обращение к графу Штакельбергу, который, находясь под влиянием польского общества, не вполне доверял жалобам православных и не всегда оказывал последним нужное для них покровительство. Жалобы епископа Илариона встретили со стороны Св. Синода серьезное сочувствие в 1782 г., и в результате явился особый высочайший рескрипт на имя Штакельберга, в котором ему вменялось в обязанность сделать королю и посто-

¹ Коялович, Ист. воссоед., 167-168; ср. Korzon, t IV, p. 202-204

² Об обложении православного духовенства *subsidium charitativum* и о взимании его см. „Киевск. Стар.“ 1892 года, март, с. 382-402 (стат. прот. П. Орловского „Харитатива“).

³ Коялович, Ист. воссоед., с. 225.

янному совету „пристойное представление“ по поводу чинимых православным несправедливостей „в противность торжественному с нами постановлению республики Польской 1768 и 1775 годов“. Так как еще в конце 1781 г. польское правительство обещало Штакельбергу сделать нечто для прекращения этих несправедливостей и ничего не сделало, о чем свидетельствуют продолжающие поступать в Св. Синод жалобы, то государыня велит послу сделать королю и постоянному совету следующие представления: „Что терпение наше в рассуждении сих весьма нас раздражающих обстоятельств легко может вовсе истощено быть, что с удивлением мы видим, что учиненные нами по оным домогательства оставались по сие время без уважения, что мы всеконечно не попустим, дабы единоверные наши были притесняемы и угнетаемы, не взирая на наше к ним высочайшее покровительство, что, наконец, мы непременно желаем и хотим, чтобы они, на основании трактатов, между нами и Речью Посполитою Польскою 1768 и 1775 годов заключенных, навсегда пользовались полною свободою в рассуждении особ, имения и собственности их, и монастыри их освобождены были от всяких незаконных поборов“. Рескрипт заканчивается заявлением, что отговорка польского правительства о назначении комиссии (это та комиссия, которая, по смыслу 9 артикула сепаратного акта 1775 г., должна была состояться не более, как спустя три месяца после ратификации трактата 1773–75 гг.) „для разбора споров между разными исповедниками“, совсем неуместна, „ибо теперь вопрос состоит не о возвращении насильно пред сим отнятого, но о том, чтобы остальное в целости соблюдено (было) и от обид и утеснений по земским законам (охранено было)“¹.

Но такой решительный тон петербургского двора был страшен только для короля и польского правительства, скорее всего испытывавших на себе давление русского правительства. Для всех поляков пока не представлялась осязательной опасности, так как при слабости исполнительной власти в Польше нелегко было добраться до виновников насилий и подвергнуть их заслуженной каре. Напротив, новые представления Штакельберга дали новый повод для обнаружения польского фанатизма и выступления оппозиции против короля. В 1782 г. происходил очередной шестинедельный сейм в Варшаве. На предшествовавших ему сеймиках ревнители унии старались возбудить шляхту против православных. Об этом много старался митрополит Иасон Смогоржевский, смотревший на унию, как на средство к спасению Польши. Благодаря его стараниям, шляхта Киевского воеводства включила в свою инструкцию для сеймовых послов требова-

¹ Коялович, Ист. воссоед., с 226-27.

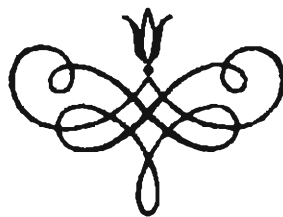
ние поддерживать на сейме католическую веру, как основание и охрану королевства, и не соглашаться ни на какие противные ей проекты. Послы должны „домогаться у светлейшего государя и членов сейма, чтобы: 1) положить предел распространяющейся схизме и чтобы церкви, насильно отнятые, возвращены были в унию; 2) чтобы переяславский епископ и другие заграничные духовные не имели духовной юрисдикции в нашей стране; 3) чтобы дозволено было брать военную силу апостатов (здесь разумеются перешедшие из унии в православие) и отдавать их митрополиту; 4) чтобы назначена была из светских и духовных лиц комиссия для разбора обид, учиненных неуниатами униатам; 5) если бы какой-либо помещик из-за собственной выгоды отдал в своем имении неуниату церковь, посвященную на унию, то такого помещика позвать в суд, и духовная власть, не обращая внимания на презенту, может выгнать неуниата и церковь отдать униатскому священнику“¹.

Требования шляхты Киевского воеводства были вредны для православия в том отношении, что в случае их удовлетворения сеймом, униатское духовенство получало еще большую возможность преследовать православных: число перешедших из унии в православие как светских, так и духовных лиц было значительно, и применение к ним военной силы должно было уменьшить их количество. Изъятие православных церквей из подчинения переяславскому епископу и юрисдикции заграничных духовных (разумеется русский Св. Синод), во-первых, лишало их (православных) той защиты, которую, по представлению переяславских владык оказывал им Св. Синод; и во-вторых, оставляло их без высшей иерархии, а следовательно, без священства и без всякой церковной организации, что, конечно, было очень желательно униатам. Так называемые волошские священники не могли представлять такой силы, какой являлись священники, подведомственные переяславским архиереям. Помещики и их управляющие имениями нередко предоставляли церкви православным священникам, а не униатам, потому что первые давали больше за выдаваемую им презенту и не требовали со стороны владельца никаких материальных затрат, между тем как при обращении церкви на унию помещику приходилось давать в пользу священника-униата землю или ругу². Чтобы побудить всех помещиков поддерживать среди своих подданных унию, киевская шляхта и включает в свою инструкцию требование суда над тем помещиком, который будет предоставлять свою церковь православному свя-

¹ Коялович, Ист. воссоед., с 243-44, подстроч примеч. 2-е.

² Коялович, Ист. воссоед., с 171; Korzon I, 202.

щеннику. Так как при непрерывной борьбе на Украине православия с унией многие церкви не раз переходили из рук в руки, то количество посвященных на унию церквей, ввиду благожелательного отношения польского правительства и общества к унии, могло быть очень велико, и православные понесли бы великий ущерб, если бы требование Киевского воеводства было удовлетворено сеймом 1782 года. Но этот сейм был занят совсем иными вопросами и не сделал никакого постановления, направленного против православия, чего и можно было ожидать, ввиду того влияния, какое по-прежнему оказывала на Польшу Россия. Хотя ревнители унии и не переставали изобретать средства к ее насаждению, но ничего не добились и на следующих двух сеймах — Гродненском 1784 г. и Варшавском 1786 года, где внимание всех больше всего было занято борьбой оппозиционной партии с королевской. Оба эти сейма в своих конституциях не касаются отношений между православными и униатами. Только четырехлетний сейм уделил им много внимания и отважился поставить дизунитов в совершенно иное положение, то положение, о котором иногда подумывали такие короли, как Владислав IV.

Глава V

Эпоха четырехлетнего сейма

От 1710 года до первого раздела Польши в ее пределах существовала только одна православная епископская кафедра — белорусская, епископы которой имели пребывание в Могилеве на Днепре. По первому разделу Могилев отошел к России, и вследствие этого православные подданные Польско-Литовского государства остались без собственного епископа. По церковным делам им приходилось обращаться к епископам, жившим вне пределов Речи Посполитой. Официально все православные церкви в Польше были подчинены переяславскому епископу; он управлял ими через протопопов, передавал им распоряжения высшей церковной власти — Св. Синода, представлял последнему отчеты относительно их и ходатайствовал, как упоминалось выше, о них, когда сам получал жалобы православных на притеснения со стороны униатов. Но нередко православным приходилось обращаться и к киевскому митрополиту, могилевскому епископу и даже к архиереям граничащих с Польшей Молдавии и Валахии. Поляки и униаты смотрели крайне подозрительно на сношения схизматиков с заграничными иерархами и чинили всевозможные затруднения, отчего неудобство такого положения для православных еще больше увеличивалось и ложилось на них тяжелым бременем. Ничего поэтому нет удивительного в том, что у православных являлось желание иметь своего собственного не-униатского епископа в пределах Польши сейчас же после первого раздела, а когда к концу 70-х годов XVIII ст. начали усиливаться попытки униатов подчинить православных своей иерархии, усиливается и это желание последних. Присутствие в Польше не-униатского епископа было важно для православных, как доказательство того, что они и униаты далеко не одно и то же. В 1780 году на Подолии явился греческий презремский митрополит Евсевий и объявил себя уполномоченным королем управлять православными и защищать их от униатов. Православные — и духовенство, и миряне — охотно признавали его иерархический авторитет и подчинялись ему, как своему иерарху. Евсевий объезжал православные приходы, служил в церквях, рукополагал священников и диаконов и оставил свою „епархию“ только тогда, когда русское правительство потребовало от польского удаления митрополита Евсевия из пределов Польши¹. Мысль о необходимости иметь собственного епископа для полноты духовного управления настолько была распространена среди православных, что о ней знали и католики, и униаты,

---

¹ Коялович, Ист. воссоед., с. 172-179.

причем лица, не питавшие ненависти к православному населению (вроде Ксаверия Любомирского), считали ее вполне естественной. В 1782 году сам Смогоржевский стоял за отделение православных от заграничных иерархов, хотя, разумеется, не из желания добра схизматикам: изолирование последних от русских епископов, по его мнению, облегчало обращение их в унию. Русское правительство тоже сознавало потребность в православной кафедре для своих единоверцев в пределах Речи Посполитой; оно думало об этом еще в 1775 году и выжидало только удобного времени, чтобы открыть эту кафедру. В 1783 г. оно согласилось на восстановление в Белоруссии, отошедшей в 1772 г. к России, особой униатской архиепископской кафедры в Полоцке (для подчиненных ей униатов), что являлось уступкой Польше и папе. Но взамен этой уступки петербургский двор потребовал от Польши согласия на открытие в ней нужной для польских неуниатов православной архиерейской кафедры. Новый епископ являлся коадьютором киевского митрополита и титуловался Переяславским и Бориспольским; местопребыванием его назначался Слуцк, так как владелец его Карл Радзивилл (называемый *Panie Kochanku*), являвшийся коллятором тамошнего православного монастыря, соглашался признавать епископа и архимандритом сего монастыря. Во всех церковных делах епископ должен подчиняться русскому правительствующему Синоду. Первым епископом на вновь открывающуюся кафедру был назначен слуцкий архимандрит Виктор Садковский, бывший в течение семнадцати лет (1758—75 гг.) капелланом при русской посольской церкви в Варшаве и, следовательно, хорошо знакомый с положением православных в Польше¹. В высочайшем указе императрицы Екатерины II на имя Св. Синода от 27 марта 1785 г., в силу которого и открывалась в Польше православная епархия, говорилось, что она открывается „для пользы православной нашей церкви греко-российской и для удобнейшего охранения исповедующих закон наш благочестивый в Польше“². 31 марта 1785 г. Св. Синод указом своим велел архимандриту Виктору Садковскому немедленно отправиться для посвящения в епископы в Киев и здесь сделать все необходимое для организации управления своей епархией³. 14 декабря 1785 г. он прибыл в Слуцк и, открыв 19 декабря того же года подчиненную ему консисторию, вступил в управление своей обширной и неустроенной епархией. Чтобы польское правительство не делало препятствий Виктору Садковскому в исполнении им своих архипастырских обязанностей, русскому послу в Варшаве, графу Штакельбергу, поручено было

¹ Коялович, *Ист. воссоед.*, с 279-281, Korzon I, 205; Костомаров, *Соб. соч.*, кн. VII, 155

² Полное собран. законов, т. XXII, № 16173, с 329

³ Коялович, *Ист. воссоед.*, с 283.

(в мае 1785 г.) известить польское правительство о назначении на основании трактата 1768 г. нового епископа и просить его о том, чтобы оно допустило его к исполнению своих обязанностей и удовлетворяло его справедливые просьбы, т.е. выдало Садковскому привилей и оказывало ему покровительство¹. Королю и постоянному совету ничего больше не оставалось, как подчиниться требованиям петербургского правительства и выдать Садковскому королевский привилей в знак признания его законным епископом. Но так как это было неприятно и самому королю, то дело выдачи привилея оттягивалось до сентября 1786 года, когда, по требованию Штакельберга, привилей был передан через него Виктору Садковскому. За несколько недель до выдачи привилея епископ Виктор получил королевскую аудиенцию, во время которой Станислав Август заявил о необходимости для Садковского принести присягу на верность Речи Посполитой², что Садковским с разрешения русского правительства и было исполнено в Тульчине 7 мая 1787 г.³

Факт назначения Россией особого православного епископа для польских областей был чрезвычайно неприятен для католиков и униатов и сильно встревожил их; в нем они видели серьезную опасность для унии и пытались убедить короля, чтобы он не давал Садковскому привилей. Папский нунций Салюццо подал польскому правительству протест против назначения дизунитского епископа. По его убеждению, протестовало против этого и все униатское духовенство, представившее две протестации — одну от имени епископов, а другую — от низшего униатского духовенства. Выразив опасение, что новый епископ своим пребыванием в стране может возбуждать в простом народе омерзение к униатскому вероисповеданию, епископы-униаты заявляют в своей протестации: „Не ужасное ли для государя и отечества дело допускать в свои пределы высшее начальственное лицо, которое бы и по единству веры, и по долгу своего служения, и из благодарности, и еще более по долгу присяги было больше привязано к иноземному государству, по установившемуся обычаю возбуждало еще большую ненависть народа к шляхетству и католичеству, подкрепляло и усиливало его мятежный, стремящийся к насилиям, дух?..“ Чтобы протестация возымела большее действие, подписавшие ее пугают короля тем, что этот епископ может произвести еще большие беспорядки и смуты, чем „известный монах Мелхиседек (Значко-Яворский), советник бунта и резни, отличившийся так недавно на Украине“. В протестации от имени низшего духовенства содержится просьба не впускать в пределы Польши епископа-дизунита,

¹ Коялович, Ист. воссоед., с 291; Kalinka I, p. 508.

² Kalinka. I, 509, 1-е подстроч. примеч.

³ Киев Епар. Вед. 1861 г, № 3, с 86-87.

а если это невозможно, допустить его к несению своих обязанностей только тогда, когда он принесет присягу на верность королю и Речи Посполитой и примет выставляемые униатами условия¹. Условия эти были совершенно неприемлемы для Виктора Садковского, так как в них содержались требования вроде того, что он должен отказываться от всех отступивших от унии и заставлять их возвращаться в господствующую в Польше веру². Все протесты остались безрезультатными: как видно из сказанного выше, Садковский получил королевский привилей; но опасения униатского духовенства оказались вполне основательными, так как среди посполства униатского началось сильное движение в пользу православия, особенно в южных областях Польши. Историк четырехлетнего сейма, ксендз В. Калинка с прискорбием констатирует факт успешной деятельности Садковского по обращению униатов в православие: в Киевском и Брацлавском воеводствах уния в это время утратила 193 церкви (перешли к православным), и многие униатские священники, невзирая на строгость закона, наказывающего отступничество изгнанием из отечества, добровольно переходили в православие; при этом князь Ксаверий Любомирский в своей Смилянщине передал православным значительную часть униатских приходов, а у князя Антония Яблонского вся Чигиринщина перешла в православие³. Такие успехи православия сильно встревожили поляков. Да оно и понятно: эти успехи ясно свидетельствовали о тщетности и непрочности того дела, над проведением которого в течение нескольких веков с громадными усилиями работал целый ряд поколений, именно дела полонизации и латинизации русского народа с целью отторгнуть его от общения с северо-восточной Русью; становилось очевидным, что вековые усилия поляков в этом отношении пропали даром, остались безрезультатными, и что поглотившие в себя наиболее культурное и материально обеспеченное русское меньшинство (высший класс) ничего не могли сделать с невежественной, бесправной и материально придувленной массой православно-русского населения в пределах Речи Посполитой. Так как эта масса никогда не скрывала своей ненависти к своим поработителям, то в польском обществе возникали опасения, что движение народа в сторону православия не обещает ничего хорошего для панов и католичества. Отсюда тот панический страх, который овладел польской шляхтой в 1788-89 годах и побудил ее применять самые жестокие меры по отношению к русскому холопству, лишь бы подавить среди него мнимое движение против панства.

¹ Коялович, Ист. воссоед., 294-95

² Ibid., 293.

³ Kalinka. I, 511

Оживленная деятельность епископа Виктора Садковского совпала со временем подготовки и начала замечательного в истории Польши четырехлетнего сейма, который обратил на Садковского и православных свое внимание и предпринял целый ряд конституций, долженствовавших радикальным образом изменить правовое положение православия в пределах Речи Посполитой. Перемена эта обуславливалась как переживаемыми Польшей политическими событиями, так и теми либеральными идеями французского просвещения, которые не прошли бесследно и для Польши и способствовали в известной степени ослаблению религиозного фанатизма. Четырехлетний сейм, благодаря тому, что пришлось переживать в 1787-91 гг. России, является сеймом, где оппозиция торжествует над королем и над его политикой. Эта оппозиция, как известно, противодействовала Станиславу Августу с первых дней его правления; после первого раздела Польши (или точнее сейма 1773-75 гг.), ввиду переживаемого Польшей позора, она усиливается; но благодаря тому, что Россия поддерживала короля, оппозиция ограничивалась одними только шумными выходками против последнего (так было, например, на сейме 1786 года). Начавшаяся в 1787 году между Россией и Турцией война отвлекла первую от Польши: все внимание России теперь сосредоточивается на делах турецких, и поляки получают возможность действовать свободно и независимо от российского посла. Когда в 1788 году Швеция открыла военные действия против России, поляки почувствовали себя еще более свободными, так как ненавистная для них Россия очутилась в крайне затруднительном положении. Польша решается воспользоваться этим положением России и добиться некоторых реформ, которые бы могли влить новые силы в распадающийся государственный организм Речи Посполитой. Пробуждается в инертном польском обществе интерес к политическим вопросам, везде замечается давно небывалое в Польше оживление, и все начинают говорить о потребности немедленных реформ государственной жизни. Но единомыслия и согласия не было, и польское общество распадается на три партии, которые, сходясь в признании необходимости коренных реформ, расходились во взглядах на средства, которыми можно возратить Польше утраченное ею значение. Королевская партия, к которой примыкали король и лица, состоявшие на жаловании у России (почему она называлась еще иначе русскою), признавала необходимым для возрождения Польши реформирование дела народного образования, усиление королевской власти (возвращение королю права раздачи всех урядов), уничтожение произвола панов, установление законности, уничтожение *liberum veto* и т.п. внутренние реформы. Все эти реформы королевская партия хотела провести на сконфедерованном сейме при помощи России, которой за это предлагался оборонительно-наступательный союз Польши

и помощь ее в войне против Турции¹. Подобно королевской партии, и партия гетманская опиралась на русское правительство, но, так как она стояла в оппозиции к королю, то отрицала необходимость проектируемых Станиславом Августом реформ, а задавалась целью восстановить и оживить старое, с чем на протяжении веков сжился польский народ в лице привилегированного сословия. Во главе этой партии стояло два чрезвычайно богатых и влиятельных магната — гетман коронный Ксаверий Браницкий и генерал артиллерии, воевода русский Щенсный Потоцкий. Третья партия, присвоившая себе название патриотической, первым условием возрождения Польши признавала целый ряд коренных реформ политического и общественного строя Речи Посполитой. Руководители ее — братья Потоцкие (Игнатий и Станислав), князь Адам Чарторыйский, Нестор Казимир Сапега и другие домогались снесения, русской гарантии, уничтожения тех учреждений и постановлений, какие были сделаны под влиянием России, упрочения власти, увеличения войска и многого другого, что должно было принести порядок и усилить Польшу. Ввиду своей явной вражды и противодействия по отношению к России, эта партия надеялась найти поддержку в осуществлении своей программы у Пруссии, которая питала недовольство против России за то, что та, порвав в 1779 г. союз с нею, сблизилась с Австрией, давней соперницей Пруссии². Таким образом, все три партии для осуществления своих задач искали сочувствия и поддержки не в польском обществе, а на стороне, у иностранных держав, хотели чужими средствами возрождать свое отечество и притом средствами тех государств, для которых усиление Польши не только было нежелательно, но даже вредно; но этим не ограничивалась еще общность названных трех партий: все они признавали неотложной необходимостью облечь свои домогательства в форму закона на предстоящем сейме 1788 года, а так как на обыкновенном сейме допускалось только единогласное решение вопросов, на что не могла рассчитывать ни одна из партий, то все они склонялись к превращению этого сейма в конфедерацию. Король, видевший затруднительное положение России ввиду войны ее с Турцией, обратился за помощью к Екатерине II и взамен этого предлагал ей союз с Польшей. Браницкий и Щенсный Потоцкий в свою очередь обращаются за тем же самым в Петербург. Но русское правительство, признавая несвоевременным для себя активное вмешательство в дела Польши, под благовидным предлогом отклонило предложение партий и предоставило дело естественному ходу событий.

---

1 Kalinka.. I, 68-69.

2 Костомаров, Собр. соч., кн VII, 128-129

Готовясь к предстоящему сейму, каждая из названных трех партий стремилась заручиться возможно большим количеством сочувствующих ее программе, стараясь вести агитацию не только устно на разного рода собраниях и съездах шляхты, но и печатно. Появляется целый ряд публицистических произведений, в которых обсуждаются волновавшие польское общество вопросы политического и общественного характера. В этих произведениях замечается сильное влияние либеральных идей господствовавшего везде в XVIII в. французского просвещения¹ (особенно идей Руссо, Мабли), тех идей, которые не мирились с веками установившимися в Польше проявлениями религиозного гнета и насилия одной личности над другой. Неудивительно поэтому, что перед четырехлетним сеймом в Польше царили давно невиданное оживление и интерес к государственным и общественным вопросам. Наступившие сеймики сопровождались обычными для Польши явлениями: на каждом из них богатые и влиятельные магнаты подкупали и подпайвали мелкую шляхту, чтобы с ее помощью проводить желательных для себя кандидатов и делать вообще все, что было угодно им. Сторонники короля избирались лишь в тех воеводствах, где количественно преобладала шляхта среднего состояния, сравнительно обеспеченная и образованная: она являлась сторонницей порядка и льнула к королевской партии; но в большинстве воеводств главная масса шляхетства состояла из так называемой загоновой шляхты, которая, ничего не имея, состояла на службе у магнатов и во время сеймиков находилась на их полном содержании. Магнаты толпами привозили голодную и оборванную шляхту на место сеймика, поили и кормили ее и требовали от нее только голосования за то, что было желательно им. Эта пьяная толпа не допускала даже обсуждения возбуждаемых вопросов, а бессмысленным криком принимала или отвергала делаемое предложение, смотря по тому, угодно ли оно привезшему ее магнату или нет. Дикие и пьяные крики: „Так быть должно, как хочет пан гетман, как пан воевода говорит“ — заменяли всякое обсуждение и придавали сеймиковому постановлению (*tauda*) содержание и характер, желательные магнатам-воротилам данного воеводства². Так как руководителями гетманской и прусской или прогрессивной партии были наиболее влиятельные магнаты, то и каждая из них имела успех на сеймиках в тех воеводствах, где были и агитировали причастные к ней паны. В Киевском и Брацлавском воеводствах выборами заправляли Щенсный Потоцкий и гетман Браницкий; здесь и послы принадлежали к партии гетманской в то время как, например, от Люб-

¹ Al. Brückner, *Dzieje literatury polskiej w zarysie*, t. 1, 466-67

² Kalinka . I, 148-50.

линского воеводства на сейм были отправлены лица прусской партии, потому что здесь сеймик был направляем князем Адамом Чарторыйским, генералом земель Подольских. Инструкция этого сеймика, пославшего в Варшаву сторонников либеральных реформ, являлась своего рода политической программой для четырехлетнего сейма¹. В ней выражались пожелания шляхты Люблинского воеводства, чтобы войско было увеличено с 18 до 40 тысяч и заведующая военными делами войсковая комиссия была подчинена гетманам; на содержание войска обратить принадлежавшие Мальтийскому ордену имения и обложить духовенство налогом (6% с доходов). Чтобы увеличить военные силы, инструкция требует заведения провинциальной милиции, которой должны были командовать подкомории и городские старосты. Постоянный совет должен быть уничтожен, а взамен его должен быть восстановлен старый порядок назначения сенаторов *ad latus* (для присутствия при короле). Все состоящие при заграничных дворах в качестве польских резидентов иностранцы должны быть заменены поляками, причем последние должны носить национальный костюм и стричь голову. Все польское войско (за исключением иностранцев) и все должностные лица должны носить национальное одеяние. Ношение орденов как польских, так и иностранных, отменяется. Две епархии не должны сосредотачиваться в руках одного бискупа. Последнее направлено против королевского брата, примаса Михаила Понятовского, который, взяв в свои руки управление краковской епархией, ввиду сумасшествия известного Солтыка, удерживал его и после смерти последнего. Сейм не должен быть прекращаем до окончания русско-турецкой войны². Такого же содержания были инструкции и других воеводств, где победа на сеймиках осталась за прогрессивной партией. О православных в инструкциях не говорилось, потому что внимание поляков было занято чрезвычайно важными политическими вопросами (восстановление достоинства Речи Посполитой через изменение внутреннего строя государства и увеличение войска), и никто не думал о положении полумиллиона дизунитов, принадлежавших к обедневшей шляхте, к мещанству и крестьянству. Но последующие обстоятельства заставили поляков обратить серьезное внимание и на пренебрегаемое православие.

Четырехлетний сейм открылся 6 октября 1788 г. (по новому стилю). Как и предполагалось раньше, он немедленно (7 октября по новому стилю) был обращен в конфедерацию. Маршалами конфедерации были избраны: от Польши — великий коронный референдарий Станислав Наленч Малаховский, а от Великого Княжества Литовского — Казимир Нестор Сапега, ге-

¹ Kalinka... I, 152; Костомаров, Соб. соч., кн. VII, 138.

² Kalinka .. I, 152.

нерал литовской артиллерии. Акт генеральной конфедерации собравшихся на сейм станов обоих народов был следующего содержания. „Мы рады — духовные и светские и послы в присутствии наияснейшего короля..., сплоченные и воодушевленные не иным каким-либо духом, но только духом горячего желания наивернейшего обеспечения и улучшения нашего отечества, останавливаемся на единственном средстве, пригодном к достижению сих целей: это соединение (związek) в генеральную конфедерацию, при котором хотим вести непрерывно все наши совещания (obrady) с сохранением надежнейшим образом всех законов, кои обеспечивают нам нашу святую римско-католическую веру, целость областей Речи Посполитой, вольное республиканское правление, личность, достоинство и все права и прерогативы трона (короля Станислава), равно как и всех магистратур со всеми обычными их обязанностями и сферами деятельности и целость обывательской собственности“. Так как ни одно из сих отличий (zaszczyt) народных безошибочно не может быть названо нашими, пока не упрочена безопасность отечества, то „на этот предмет (т.е. безопасность отечества) преимущественно не будем уменьшать пожертвований из нашего имущества на улучшение состава (komputu) войска Речи Посполитой..., и намечаем (zachowujemy) в дальнейших занятиях сейма те внутренние реформы (ulepszenia), которые признаем соответственно с потребностями и выгодами Речи Посполитой, не вдаваясь в частные интересы“¹. Из этого акта генеральной конфедерации видно, что четырехлетний сейм не намеревался делать уступок в пользу усиления королевской власти и обращал особенное внимание на внешнее обеспечение и усиление Польши, для чего собирался увеличить количество войска и произвести внутренние улучшения, каких вымогали потребности и польза Речи Посполитой. Прогрессивная партия заняла доминирующее положение и готовилась вести сейм по пути реформ, но все-таки акт конфедерации упоминает лишь о римско-католической вере и ничего не говорит о других христианских исповеданиях.

Оппозиция сразу получила преобладающее значение и ввиду того, что Станислав Август склонялся к союзу с Россией, настаивала на необходимости союза с Пруссией. Дело в том, что последняя в союзе Польши с Россией видела для себя опасность и угрозу и предлагала Польше свой союз, более выгодный для нее, чем русский. Екатерина II не соглашалась на проектируемые прогрессивной партией реформы, король же прусский в поданой через Бухгольца, представителя Пруссии, ноте (12 октября 1788 г. ст. ст.) выразил свое согласие на коренные преобразования в Польше и обещал ей

¹ Volum legum. IX, 46

свою помощь в случае заключения союза с Пруссией¹. Союз с Пруссией был принят и, таким образом, четырехлетний сейм на первых же порах своей деятельности занял враждебное по отношению к России положение и из ненависти к ней иногда уничтожал даже то, что было полезно для Речи Посполитой: например, 24 октября 1788 г. (нов. ст.) он ограничил значение постоянного совета, уничтожив существующий при нем военный департамент и учредив для заведования войском и военными делами особую войсковую комиссию, которая ставилась в зависимость не от короля, а от сейма. Этим постановлением сейм значительно ослабил созданный Россией орган исполнительной власти, который сдерживал внутреннюю анархию в Польше и придавал силу польскому правительству. В начале 1790 г. был уничтожен и сам постоянный совет, хотя существование его было полезно для Польши².

Господствовавшее в Польше настроение и начало сейма давали мало надежд на улучшение юридического положения православных в Речи Посполитой; можно было даже думать, что сейм не обратит на православие никакого внимания, так как теперь последователями православия оставались исключительно холопы, малочисленная и бедная часть мещанства да немного бедной и ничего не значащей шляхты, интересы которых мало занимали сеймовых посланцев. Но политические события вынудили поляков выдвинуть на первый план вопрос о православных и посвятить ему значительное количество сеймовых конституций.

Замечаемое и раньше среди русского населения Польши стремление к переходу от унии к православию со времени назначения Виктора Садковского епископом переяславским сильно встревожило униатов и католиков. Они относились крайне подозрительно к его деятельности, считали его агентом русского правительства и говорили, что последнее назначило Садковского с целью отвлечения от Речи Посполитой русского посольства. Под влиянием такого предубеждения польско-униатское общество способно было давать самые превратные объяснения как деятельности Виктора Садковского, так и происшествиям в областях с преобладающим русским населением. События времен Барской конфедерации и колиивщины не забывались поляками-панами и католическим духовенством, тем более, что не прекращающийся по отношению к русскому народу религиозный и социально-экономический гнет отнюдь не устранял (а наоборот, еще усиливал) вековую вражду и ненависть холопа по отношению к пану. Предубеждения и опасения поляков еще больше усиливаются с конца 1787 года, ког-

---

¹ Костомаров, Соб. соч., кн VII, 141-42.

² Бобржинский II, 292; ср. 277

да разгорелась война между Россией и Турцией. Россия для сокращения пути к театру военных действий проводила свои войска через польские владения; через них же она провозила и нужные для действующей армии всевозможные припасы. Для прокормления своей армии русское правительство закупало провиант в Польше, устраивало здесь свои склады и для охраны их оставляло отряды. В результате весь юго-восток Речи Посполитой был наполнен русскими солдатами, погонщиками, купцами, которые вступали в такие или иные отношения с местным южнорусским населением. Эти отношения с польской точки зрения не обещали ничего хорошего. Поляки утверждают в той мысли, что присутствие в Польше русских отрядов действует возбуждающе на их посполство, что последнее проникается москвофильскими симпатиями и еще большей, чем прежде, ненавистью к панству. Подозрение переходит в страх, который придает особенную окраску самым обыкновенным вещам, даже тому, что издавна привыкли видеть. Давно уже поляки видели у себя выходцев из России, которые приходили сюда с чисто коммерческими целями. В качестве мелких торгашей они разъезжали по селам, продавая здесь всякую мелочь: полотно, ситцы, платки, мыло, женские украшения и другие произведения великорусской промышленности, в том числе и ножи¹. Торговцы эти назывались в Польше маркитантами и пилипонами. Теперь они в глазах поляков превратились в грозную армию агентов русского правительства, которое разослало их для возмущения посполства в южнорусских областях Польши. Во время своих разъездов по Польше маркитанты странствовали по городам, местечкам и деревням, посещали и помещичьи дома, и священнические усадьбы, причем чаще всего останавливались для ночлега у священников, так как здесь они были больше уверены в целостности и безопасности своих товаров. Такой просто объясняемый факт, как ночлеги маркитантов у русских священников, приобретает в глазах поляков ужасное значение: маркитанты останавливаются у священников (безразлично — у униатских или у дизунитских) с целью подговаривать их, а через них и крестьян, к бунту против поляков². Бунт этот желали поднять русские (великороссы) с тем, чтобы отомстить полякам как за их антирусские выходки на сейме в 1788 г., так и за то, что учрежденная в Волынском воеводстве фуражевая комиссия установила слишком тяжелые и невыгодные для русских условия покупки ими для своих магазинов хлеба, вследствие чего приставленные к русским магазинам лица отказались покупать у волынских обывателей запасы и при

¹ Brodowicz, p. V; Костомаров, Собр. соч., кн. VII, 160.

² Brodowicz, Widok przemocy, p. VI; Костомаров, Собр. соч., кн. VII, 160.

этом грозили им. Последнее обстоятельство подало полякам южных воеводств повод ожидать от Москвы чего-то ужасного¹.

Тревожное настроение обывателей южных воеводств передавалось в Варшаву сеймовым послам, которые к концу 1788 г. начинают часто говорить на сейме об опасности угрожающей шляхте русских воеводств со стороны холопства. Вспоминали уманскую резню и ужасы колиивщины, возникшие во время первой русско-турецкой войны, и высказывали опасения, что и вторая русско-турецкая война может дать повод к восстанию холопов. Наиболее горячие из послов утверждали, что уже и теперь украинский холоп от соприкосновения с русскими войсками, проходившими через Польшу, набрался такой смелости, что в пьяном состоянии высказывал угрозы по адресу поляков и евреев. В конце декабря 1788 г. генерал Любовидзский в своем рапорте сообщал сейму, что он внимательно следит за склонным к бунту крестьянством. Этого было достаточно для того, чтобы среди послов распространилось мнение, что уже начинается бунт. Побывавшие во время рождественских праздников на местах послы привезли известие крайне тревожного содержания. Так, например, Сангушко, посетивший Волынь, 9 января 1789 г., заявлял в посольской избе, что он за короткое время своего пребывания там имел возможность наблюдать немало проявлений тлеющего бунта и слышать со стороны обывателей нареkania на сейм за то, что он недостаточно печется об их безопасности. Сангушко считал нужным немедленно отправить на Волынь три полка кавалерии. Хотя король и успокаивал сейм, резонно заявляя, что опасность совсем не так близка, как ее представляет Сангушко, но предложение последнего было поддержано другими послами. Только Щенсному Потоцкому удалось немного успокоить членов сейма: он заявил, что, несмотря на то, что состоит комендантом украинских областей и владельцем обширных поместий на Украине, он все-таки не получал никаких донесений о готовящемся там бунте; но, по обязанности солдата и вождя, он оставляет сейм и уезжает на Украину, чтобы лично удостовериться в этом. Сейм, поблагодарив Щенсного за его гражданское усердие, перешел к очередным делам, когда сеймовый маршал объявил, что он поручил войсковой комиссии приготовить для отправления на Украину тысячу лошадей². Сейм успокоился на некоторое время, но Варшава не переставала тревожиться. Здесь находились лица, которые поддерживали и ширили слухи о готовящихся беспорядках на Украине — одни с целью враждебно настраивать поляков против России и представлять прусского короля единственным защитником Польши (это прусская

¹ Brodowicz, p. IV–V

² Kalinka I, 434–35

партия), другие хотели разорвать сейм и вынудить какое-нибудь крайнее постановление (сторонники гетмана Браницкого). И те и другие систематически напирала на опасность для Украины. 3 февраля снова поднят был на сейме вопрос о начинающемся бунте холопов. На этот раз говорил один из сторонников Браницкого, некто Курдвановский. В бытность свою во время Дубенских контрактов на Волыни он нашел несомненные доказательства того, что православные священники (*popu dysunici*) организуют тайные собрания по отдаленным от селений хуторам, в уединенных монастырях и лесах, что в имениях генерала артиллерии женатые и неженатые молодые люди обучаются владеть оружием, намечают из своей среды атаманов и целые вечера проводят в пирушках, на которых, по всей вероятности, вырабатывают план резни и пролития шляхетской крови. Слова свои Курдвановский подтвердил письмом уманского ксендза Сераковского к гетману Браницкому, в котором сообщалось, что крестьянство готовится к бунту, который начнется с наступлением весны. Донося об этом Браницкому, как гетману и стоящему во главе войсковой комиссии, Сераковский просил у него защиты для южных областей от грозящей опасности. Так как признано всеми, что главную поддержку украинские бунты встречали в среде надворных, или городских казаков, которых местные помещики держали для своих услуг (это так называемая надворная милиция), то Курдвановский предлагал сейму все конное и пешее польское войско перевести из Польши и Литвы на Украину, а городских казаков принять на государственное содержание и отправить вглубь Польши. Это предложение было поддержано несколькими другими послами, и только один Мощенский, посол познанский, заметил, что не следует обращать внимания на частные письма, и требовал доклада комиссии (войсковой). Два заседания были посвящены этому вопросу, пока наконец сейм не отклонил предложения Курдвановского. В данном случае сейм согласился с мнением короля, который доказывал, что предложение сторонников гетмана может действительно вызвать крестьянский бунт, и что Браницкий задался целью произвести пожар, возмутить край и самому потом, ссылаясь на междоусобия, стать во главе войск и ловить рыбу в мутной воде. По мнению короля, один слух о выведении казаков из Украины может явиться достаточным поводом к возмущению и казаков, которые поняли бы, что их гонят на погибель, и всего холопства, связанного с этими казаками узами кровного родства; а если и удастся вывести их из Украины в Польшу, то здесь они будут только вредны, потому что, не опасаясь регулярного войска, будут свободно предаваться грабежам¹.

¹ Kalinka I. 435 и 437-39

Уехавший из Варшавы на Украину Щенсный Потоцкий присылал сейму самые успокоительные известия относительно настроения крестьянства. 26 января 1789 г. он сообщал, что нет никакого основания бояться крестьянского восстания, а 6 февраля писал он из Тульчина, что таких снегов, какие выпали в этом году, не помнят и старожилы: жилища позанесены, люди тонут в снегу, и это время поэтому совсем неблагоприятно для бунта; при этом он заявлял, что мыслью о бунте занят не столько этот край, сколько Варшава. И впоследствии Щенсный Потоцкий не раз еще доказывал, что на Украине никто из холопов не помышляет о бунте. Но упомянутое выше письмо Сераковского оказало такое сильное влияние на Варшаву, что тут не верили Щенсному. Войсковая комиссия, минуя самого генерала артиллерии, отдала приказ подчиненным Щенсному генералам (Любовидзскому, Дзерчку и Ерличу), чтобы они с величайшей осторожностью ввели подведомственные им отряды в области, где ожидалась беспорядки, производили следствие над замышляющими бунт и при посредстве евреев следили за крестьянами. Конечно, это возмутило Щенсного, особенно последнее; в своем письме к королю он доказывал неуместность распоряжения войсковой комиссии, но ничего не мог добиться, так как комиссия отдавала распоряжения без ведома короля¹. В том же месяце (19 февраля) сейм снова возвратился к вопросу о возмущении крестьянства. Суперинтендант скарбовый из Чуднова доносил, что через Верещацкую таможню вступил в пределы Польши полк легкой конницы Сталя, который сопровождал 140 подвод с оружием и амуницией, предназначенных для принадлежащего князю Потемкину местечка Смелы. С другой стороны, по тому же донесению, русские войска направляются к Киеву. Ввиду того, что соприкосновение холопов с русскими войсками было опасно с точки зрения поляков, этот суперинтендант писал, что крестьянство до такой степени озлоблено против поляков, что местной шляхте невозможно показываться на русском базаре (*na targu gosyjskim*), так как в случае оскорбления шляхтича холопом он будто бы нигде не может найти управы. Подле границы будто бы дерзость холопов постепенно возрастает: они не стесняются открыто в своих разговорах заявлять, что как только стают снега, они начнут изгонять из Украины местную шляхту и евреев; нужного оружия у крестьян достаточно, в подтверждение чего указывалось, что в день Крещения Господня при водоосвящении крестьяне стреляли из ружей. Мятежное настроение среди крестьянства возбуждено иностранцами (*od zagranicznusch* — очевидно, русскими), а действительным средством обезопасить себя от крестьянского бунта было бы немедленное расположение войска по этой границе и вменение выс-

¹ Kalinka I, 439-44

шей властью в неперемнную обязанность помещикам следить внимательно за своими крестьянами, отбирать у них оружие, а подозрительных отдавать военным командам. Вместе с тем, суперинтендант заявлял, что, пока русские войска будут непрерывно вторгаться в польские владения, до тех пор украинское холопство не перестанет думать о бунтах, а обыватели — жить в тревоге или в отчаянии для своей самообороны собираться в одной место (*kuric się beda*). При чтении этого рапорта в заседании сейма было сделано неведомо откуда взятое добавление, что под прикрытием полка Сталя находится 50 православных (*greckich*) священников. Поднялся в избе крик негодования. Полились горячие речи послов. Два заседания были посвящены этому вопросу. Сейм сначала склонялся было к изданию универсала о посполитом рушении всей польской шляхты, но затем, когда раздались голоса о преувеличении опасности, принято было предложение Станислава Потоцкого и постановлено переименовать провиантские комиссии в четырех украинских воеводствах в порядковые с тем, чтобы они предупреждали движение среди посполства, выслать из Короны и Литвы на Украину полки, оружие, доставленное из-за границы, должно быть задержано под караулом польских войск; а на будущее время не пропускать никакого оружия из-за границы¹.

Таким образом, толки о готовящемся возмущении украинского крестьянства занимали внимание не только шляхты южных воеводств, но и сейм, а за ним и все польское общество. Больше всего об этом говорили сторонники гетмана Браницкого. Королевская партия и часть оппозиции относились довольно скептически к известиям о бунте, но все-таки сейм, как мы видели, принял меры предосторожности для предупреждения страшного для всей шляхты восстания холопов на Украине. И вот, комиссии, которые прежде заведовали продажей хлеба и фуража для русской армии, теперь, в силу сеймового универсала, превращались в порядковые комиссии, на обязанности которых лежало соблюдение порядка и общественного спокойствия; они должны были производить расследования относительно беспорядков и доносить обо всем сейму². Первая преобразованная комиссия открыла свои действия в Луцке. Она обратилась ко всем обывателям с особым универсалом, которым требовала, чтобы каждый владелец выставлял от деревни, имеющей 30 крестьян, по одному конному, а от меньшей деревни по одному пешему ратнику, одетому в присвоенный воеводству мундир и снабженному нужным оружием, со всеми принадлежностями и с запасом провизии на четыре месяца. Ратник, непременно католик, а не русин, дол-

¹ Kalinka I, 446-452

² Арх Ю -3 Р, ч III, т V, № 1, с 1-2

жен быть представлен в течение восьми дней со времени издания универсала в Луцке; за слушание грозило тяжелое наказание¹.

Такое распоряжение Луцкой порядковой комиссии должно было еще больше усилить тревогу среди обывателей Волынского воеводства. Боясь движения крестьян, они еще в феврале съехались в громадном количестве в Дубно, чтобы обсудить меры раскрытия и подавления готовящегося бунта. Интересно, что эта шляхта решила, что крестьян желает взволновать сам король по сношению с русской императрицей: Россия, занятая в это время войной с Турцией и Швецией, не имеет возможности сама вмешиваться в польские дела, и потому хочет истреблять поляков при посредстве крестьянства, а король пользуется луцким униатским (ruskiego) епископом (Левинским) для возмущения крестьян с помощью сельского духовенства. Возмущением крестьян воспользуется Россия для захвата польских земель. Съезд постановил ходатайствовать перед сеймом о защите шляхты от ожидающей ее опасности. Со всех сторон в луцкую комиссию посыпались донесения о том, что прибывшие из России под предлогом торговли маркитанты уговариваются со священниками и холопами резать поляков и евреев². Среди таких тревог и опасений в ночь с 30 на 31 марта 1789 г. подле Луцка имело место одно происшествие, которое в другое время мало бы обратило на себя внимания, но теперь оно встревожило, можно сказать, всю Польшу и приобрело значение политического события чрезвычайной важности. Имеется в виду убийство дворовыми людьми ротмистра народной кавалерии Игнатия Вылежинского с женой и пятью женщинами из его прислуги. Хотя, как обнаружилось на следствии, крестьяне села Неверкова были совсем непричастны к этому преступлению, но напуганная нелепыми слухами шляхта увидела в нем начало ожидаемой всеми резни. При первом известии об убийстве Вылежинского она толпами бежала в Дубно и Луцк, где надеялась найти безопасное убежище³. Порядковая комиссия получала донесения, что поднявшиеся крестьяне уже начали резню. Чтобы остановить опасность, комиссия приказывала хватать всех маркитантов и тех священников и крестьян, которые имели несчастье навлечь на себя подозрение в неприязненном отношении к шляхте. Достаточно было самого голословного обвинения с чьей-либо стороны, чтобы обвиняемый был схвачен и судим порядковой комиссией, которая самовольно, без ведома сейма, присвоила себе судебные функции и считала себя вправе приговаривать несчастных, попавших в ее руки, даже к смертной казни. В течение двух недель она

¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. V, № 17, с. 30-32, Brodowicz, Widok ..., p. VI

² Brodowicz, Widok ..., p. 3-4

³ Kalinka I, 478

приговорила к виселице в Луцке пятерых, а в Дубне тринадцать человек и, кроме того, немало было посажено по тюрьмам, где холод, голод и жестокие истязания способствовали большой смертности среди арестованных¹.

Насколько происшествие в Неверкове поразило поляков можно судить по тем донесениям, которые приходили в Варшаву от разных должностных лиц. Из Дубна князь Любомирский (генерал) доносил войсковой комиссии, что это убийство совершено маркитантами и что он открыл заговор монахов и холопов против шляхты, которых он и арестовал. Волынский воевода Януш Сангушко писал королю, что обыватели повсеместно хватают пилипонов и порешили вооружиться и отстаивать свое имущество и жизнь, не останавливаясь перед истреблением своих подданных, маркитантов и пришлых священников. Киевский воевода Стемпковский, известный своими деяниями в Кодне, извещал, что напуганные помещики готовы бежать за границу (в Австрию), и требовал присылки войска, так как опасался за свою судьбу. Волынская порядковая комиссия (в Луцке), по словам ее рапорта королю от крестьян и священника села Суска открыла имена двух пилипонов, склонявших холопов к резне и снабженных бумагами с подписью императрицы Екатерины, где содержалось обещание награды убийцам; комиссия просила скорейшей присылки войска. Стоустая молва в Варшаве представляла положение дел на Волыни в еще более мрачном свете. Говорили, что на Украине священники хранят в алтарной части церквей склады оружия и что не только Волынь, но вся Польша кишит маркитантами, которые поставляют сельскому населению ножи. Досужая фантазия изобрела даже форму ножа, назначенного для истребления шляхты², и поместила 2000 страшных маркитантов в самой Варшаве. Все были охвачены страхом. Король, посоветовавшись с маршалами сейма и украинскими послами, распорядился выслать на Волынь несколько отрядов, включающих в себе 2500 человек³. Сеймовые маршалы в свою очередь дали соответствующие распоряжения порядковой комиссии и всем городам; обратились они и к униатскому митрополиту с просьбой, чтобы униатское духовенство посредством проповеди и исповеди удерживало в покорности подчиненное ему поспольство. Приняты были некоторого рода меры к успокоению волынских обывателей. Шляхта призывалась к осторожности и воздержанию от неосмотрительных шагов, а Стемпковскому сам король писал, что им строго приказано наблюдать за монахами, бродягами, волонтерами, извозчиками и за свя-

¹ Brodowicz, Widok. ., p p VII-VIII

² Изображение этого ножа можно найти во второй книге „Запис Науков Товар. имени Шевченко“ за 1908 год (с 180)

³ Kalinka I, 472-73

щенниками и холопами-униатами в королевских имениях, чтобы открыть причастных к бунту: городским судам приказано было продолжать заседания и по окончании каденции (*etiam extra cadentiam*). Так как войско, отправляемое в русские воеводства, могло отягощать тамошних крестьян, то король в письме к тому же Стемповскому рекомендует: 1) соблюдать в войсках строгую дисциплину и не допускать их до отягощений местного населения; 2) тех податей, которые возложены настоящим сеймом на шляхту, последней не взваливать на холопов, чтобы этим не доводить их до отчаяния; 3) нигде не допускать наказания без суда. Вместе с тем, король советует остерегаться, чтобы под видом необходимых к обороне средств не вышло нечаянно чего-либо худшего¹.

16 апреля (нов. ст.) сейм снова приступает к обсуждению вопроса о бунте крестьян. Целых пять часов было посвящено чтению полученных с Волыни рапортов, расследований и частных писем, но несмотря на такое обилие материала, сейм не нашел в нем ничего достоверного и несомненного: улики основывались только на страхе, попадались угрозы со стороны холопов или же их признания, вынужденные пытками. Была очевидна безосновательность тех нелепых слухов, какие ходили в польском обществе, но тем не менее волынский посол князь Яблоновский внес предложение (проект) конституции об изгнании в двухнедельный срок из пределов Польши маркитантов, возчиков, чужеземных пилипонов заодно с монахами, которых официальные рапорты обвиняют в подстрекательстве крестьян². Сейм принял во внимание этот проект, но вместе с тем обратил внимание и на православное население, которое всегда внушало опасения польскому правительству, и постановил конституцию об обеспечении общественного спокойствия. Содержание этой конституции следующее. Для обеспечения общественного спокойствия король, с общего согласия сконфедерованных станов, приказывает, чтобы маркитанты, или московские купцы, действительно занимающиеся торговлей, брали от скарбовых комиссий обоих народов или от ближайших судебных учреждений в Польше свидетельства о том, что они на самом деле честно занимаются торговлей, все же прочие неоседлые и скитающиеся по Речи Посполитой возчики, иноземные пилипоны и заграничные неуниатские священники, которые называются чернецами и которых официальные донесения обвиняют в подстрекательстве холопов к бунту и возмущению, должны в течение двух недель со дня издания этой конституции оставить пределы польского государства, в противном же слу-

¹ Kalinka I, 474-75.

² Kalinka I, 476.

чае они будут схватываемы военными командами для заключения в крепости или для примерного строгого наказания. Где нет военных команд, там сами обыватели должны их ловить и представлять командам. „Так как в дизунитском обряде доселе держался обычай, в силу которого священники этого обряда не только не присягали на верность нашему краю, но даже в своих молитвах и службах церковных вспоминали монархов и князей, чуждых для нашего края, что в посольстве сего обряда, живущем в нашем крае, могло ослаблять привязанность его к нам, королю, разделять и даже препятствовать уважению и подчинению Речи Посполитой, то мы с согласия сконфедерованных станов постановляем, чтобы старшие и все дизунитское духовенство, в крае ныне находящиеся и потом получающие свои бенефиции, прежде всего принесли присягу на верность нам, королю, и Речи Посполитой перед городским или земским судом того воеводства или повета, где находится бенефиция, и это выполнили в течение двух недель от даты обляты закона; далее, чтобы отселе в молитвах и при богослужении своем они не поминали никого из заграничных монархов или князей, а только нас, короля Августа, а после нас — королей, преемников наших, и благополучие Речи Посполитой. Если же кто из дизунитского духовенства отважится поступать иначе, тот, по обнаружении его вины в каком угодно гражданском суде, будет наказан лишением бенефиций и изгнанием из края, и это дело отдаем под наблюдение тех же судов“¹.

Сеймовые маршалы Станислав Наленч Малаховский и Казимир Нестор Сапега поспешили² особым универсалом от своего имени довести эту конституцию до всеобщего сведения. Этим универсалом они объявляют, что попечительная бдительность короля и сконфедерованных станов не позволяет равнодушно относиться к жалобам на то, что неоседлые и бродячие в пределах Речи Посполитой заграничные дизунитские священники, чужеземные возчики и пилипоны, вторгшиеся под разными предлогами в Польшу, осмеливаются, как видно из официальных донесений и войсковых рапортов, обольщать и обманывать местное крестьянство и возбуждать его к некоторым дерзким поступкам. Король и станы, желая предупредить возможность смятения и устранить опасность для имущества и жизни обывателей, облекли свое определение в форму конституции „Обеспечение общественного спокойствия“. Эту конституцию маршалы приводят всю целиком. Универсал свой они, с ведома сеймовых чинов, посылают во все канцелярии — земские, городские и мещанские, особенно тех мест, где чаще всего встре-

¹ Volum. legum IX, 74, XLIV.

² Конституция постановлена 16 апреля (нов ст), в актыовые книги Варшавского города внесена 20 апреля (Volum. legum IX, p 74, XLIV), а универсал издан 18 апреля 1789 года.

чаются подобного рода люди: он должен быть прочитан в церквах и костелах, а в городах и местечках публично обнародован, чтобы никто не мог оправдываться незнанием закона. Таким образом, о вновь изданном законе могли узнать и заграничные дизунитские священники, называемые чернецами, и маркитанты, не имеющие постоянного пребывания в Речи Посполитой, и под всякими названиями шатающиеся в ней иностранцы¹.

В то время как в Варшаве вырабатывали меры охранения общественной безопасности, в русских воеводствах, где ожидалось страшное восстание крестьян, местные обыватели старались устранить грозящую им беду самым решительным образом. В данном случае Луцк подавал пример другим городам: приезжавшие сюда из деревень помещики привозили с собой самые ужасные вести. Они точно указывали день восстания крестьян и начала резни. Приближение Пасхи усиливало страх и опасение поляков: стоустая молва утверждала, что в ночь светлого Христова Воскресения (католического) маркитанты, соединившись с холопами, окружат костелы и истребят всю шляхту. Но католическая Пасха прошла спокойно. Тогда молва приурочила это событие к Пасхе униатской и православной. Поэтому порядковая комиссия приказала отменить все ночные богослужения у униатов и православных, особенно богослужения великих четверга и субботы. По улицам Луцка днем и ночью разъезжали патрули перепуганной шляхты и евреев, за город высылались сторожевые отряды для наблюдения за движением страшного врага, следили внимательно и за переправой через реку Стырь, которая тогда была в полном разливе. Конечно, слухи оказались ложными и на этот раз, но они не исчезли. Говорили, что резня отложена до Фоминой недели, потом — до Преполовения, Вознесения, Троицына дня, наконец — праздника св. апостолов Петра и Павла. Шляхта с трепетом ждала всех этих праздников, и, как показало время, страхи ее были напрасными². Порядковая комиссия в Луцке, пользуясь тем, что сюда было прислано немало количество войска, показывала пример строгости (точнее — жестокости) для устрашения мнимых бунтовщиков. Прежде всего гнев ее обрушился на маркитантов, как на подстрекателей к резне; первыми жертвами шляхетской подозрительности сделались те из них, которые торговали по городам; в самом Луцке их оказалось двенадцать. Затем был издан универсал, чтобы каждый обыватель хватал странствующих маркитантов и, связав их, доставлял в город. Холопов хватали по самому пустому обвинению и даже подозре-

¹ „Киев Епарх Вѣдом“ 1861 г., № 7, часть неоф., с. 216-220: Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. V, № 7, с. 12-14

² Brodowicz, Widok..., pp. 16 и 17, Kalinka I, 478

нию. Положение их было незавидно: стоило донесшему на них пану, его арендатору или эконому присягой подтвердить свое обвинение, и несчастных постигала смертная казнь, так как Луцкая порядковая комиссия самовольно признала (после того, как городской суд отказался судить за недостатком требуемого законами количества свидетелей холопов по доносу Вильчинского, державца села Любча) такой способ вполне достаточным для осуждения обвиняемого в бунте¹. От Луцка не отставали и другие города, причем, где не было порядковой комиссии, там магдебургии судили беспелляционно (*dogożnym sądem*). Дубно, Кременец и Владимир так же, как и Луцк, в течение апреля, мая и июня видели в своих стенах целые громады крестьян, обвиняемых в бунте; их, по признанию современников², совершенно невинных людей подвергали самым жестоким наказаниям. Уже не раз упоминаемый Стемпковский, киевский воевода, в своем письме к королю (от 13 апреля) рисует такого рода картину. „От самого Владимира по всем местечкам и селам полно виселиц и всякого рода орудий (наказания); и я стараюсь, но без шума; виселиц не ставлю, ибо, где есть виновные, там достаточно времени, а этой мерой часть народа устрашают, но других на самом деле учат тому, чтобы отчаяние ширило начатое движение“. За неосторожное или сказанное когда-то слово униатских священников сажали в тюрьмы. Большое доверие, оказываемое крестьянами своему священнику, часто являлось достаточным основанием для ареста и следствия над ним. В одном селе эконом со страху доносил на священника, а в другом — священник на эконома. Опрометчиво принималось всякое донесение, ибо оно признавалось доказательством гражданского усердия, и никто потом не расследовал, хотя бы донесение оказалось и ложным. Находились люди без совести и чести, которые, пользуясь безнаказанностью за доносы, разъезжали по домам униатских священников и, под угрозами доноса, забирали последний грош. Боязнь резни и бунтов покрывала и оправдывала все³.

Брацлавщина и Киевщина не испытали таких ужасов, как Волынь, потому что здесь шляхта, благодаря близости отрядов, расположенных на границах, не чувствовала себя такой незащитной, как на Волыни, да и Щенский Потоцкий немало влиял успокаивающим образом на обывателей этих областей. После Неверковского происшествия брацлавская шляхта собралась в Виннице и постановила внимательно следить за небольшими селами и отдаленными хуторами, запретить кузнецам ночные работы и вооружить надворных холопов и казаков. Такому спокойному и мирному настроению

¹ Kalinka I. 478-479

² Kalinka I. 485-486

³ Kalinka I. 486

шляхты Брацлавского воеводства много способствовал Щенский Потоцкий, который не придавал серьезного значения нелепым слухам о готовящемся восстании крестьянства. Он настаивал на том, чтобы порядковые комиссии прежде всего занялись доказательством неосновательности этих слухов, и это будет самым действенным средством для успокоения страны. Над волынской шляхтой он смеялся из-за ее трусости и не мало возмущался теми жестокостями, которые она проявляла по отношению к жертвам своего подозрения¹. И действительно, подозрения эти были настолько велики, что даже униатские священники подвергались арестам, пыткам и казням. Даже униатский епископ луцкий Левинский подозревался в подстрекательстве крестьян к бунту против помещиков². И хотя он проявлял уступчивость шляхте, та относилась к нему неблагосклонно. Благодаря его уступчивости, был казнен священник Александр Бендеровский (из села Городище) за мнимое подстрекательство холопов³. В Кременце осуждены были на смерть три священника, но на их счастье, по настоянию папского нунция, из Варшавы приказано было не приводить в исполнение приговор. В Луцке был казнен еще один священник Феодор Борковский⁴.

События на Волыни встревожили и Варшаву, где были лица, предвещавшие крестьянские бунты. В правдивость тревожных слухов начинали верить даже те, которые прежде относились к ним скептически. Да и как было не верить, когда об этом говорили и частные донесения, получаемые с Волыни, и многочисленные беглецы, которые для оправдания своего бегства в глазах других не жалели красок для описания совершающихся на Волыни ужасов. Получались донесения, что пойманы казаки с крупными (*grubemi*) деньгами, которые они раздавали холопам; хватали казаков, но возникали новые толки о том, что Москва переслала в Польшу две тысячи повозок с оружием для холопов, хотя этого оружия никто не видел. Вспомнили о том, что еще за шесть месяцев до этого Браницкий предвещал крестьянский бунт, и что его жена поспешила перевезти все свои драгоценные вещи из Белой Церкви в Любомль, и отсюда делался вывод, что они были предупреждены на этот счет — кем? конечно, князем Потемкиным, который, по слухам, являлся организатором крестьянского возмущения в Польше. Основанием для такого обвинения „светлейшего князя Тавриды“ служили сказанные будто бы им когда-то слова: „Я поляков одними только попами завоюю“. Существовало тогда убеждение, что маркитанты, монахи и при-

¹ Kalinka I, 488-89

² Brodowicz, Widok..., p. 4, 8, 23, 29-30; Kalinka I, 483

³ Brodowicz, Widok ..., 25-28.

⁴ Brodowicz, p. 30-40; Kalinka I, 485

ходские священники — все причастны к заговору и состоят в подчинении у Потемкина. Не было никакого сомнения в том, что священники на исповеди подговаривают крестьян к резне и при запертых дверях отбирают у них по церквам присягу. В начале мая ходил упорный слух о том, что значительное русское войско вторглось в пределы Речи Посполитой. Конечно, все это должно было усиливать тревожное настроение, которому поддавались и скептики. Даже Станислав Август и тот начинал верить этим нелепостям и 6 мая поручил Деболи, польскому представителю при Петербургском дворе, стараться о том, чтобы императрица каким-нибудь публичным актом дала почувствовать полякам, что она гнушается политикой подстрекательства крестьян в Польше и что охотно предоставляет подстрекателей тому наказанию, какому они могут подвергнуться в Польше¹.

Если так упорно держались в Варшаве, как и во всей Польше, подобного рода слухи, если так подозрительно относилось польско-католическое общество к униатскому духовенству, то, разумеется, и положение православного духовенства тогда было тоже далеко не безопасно; к нему поляки относились еще более подозрительно, чем к униатскому. Православие в лице своих представителей тоже подверглось сильному гонению, претерпело немало тяжких невзгод. По циркулировавшим в Варшаве слухам, главным виновником готовящегося холопского бунта являлся Виктор Садковский с подчиненным ему православным духовенством. На Садковского шли жалобы из Слуцка в сейм. 21 апреля 1789 г. в заседании сейма Казимир Сапега читал донесения из Литвы, в которых сообщалось, что Виктор Садковский и несколько подчиненных ему священников подстрекают холопов к бунту и тайно отбирают у них присягу на верность русской императрице; к этому тот же Сапега добавил, что и князь Радзивилл получил от управляющего его имениями в Слуцке сведения, подтверждающие прочитанные донесения. Сейм постановил арестовать Садковского и доставить его в Варшаву для расследования возводимых на него обвинений². Православный епископ был арестован и, к большой радости поляков, доставлен под караулом в Варшаву, где его, несмотря на ходатайство Штапельберга, подвергли строгому тюремному заключению. Для открытия источника поднятых бунтов через допросы обвиняемых, сейм назначил особую депутацию, в состав которой входило двенадцать членов (*examinatorów*) — три сенатора и девять послов. Эта депутация должна была просмотреть все полученные рапорты и частные письма о бунтах, составить опросные пункты для обвиня-

¹ Kalinka I, 490-492

² Kalinka I, 504

емых, допросить их и дать отчет о деле сейму¹. Особенное внимание депутация обратила на бумаги Виктора Садковского и архив его консистории; их конфисковали в Слуцке и перевезли в Варшаву. Никаких указаний на то, что Садковский подстрекал холопов к избиению панов, депутация не нашла в рассмотренных ею документах. Обнаружилось противное: он находился в неприязненных отношениях к жившим в Польше пилипонам, требовал порядка во всех приходах и монастырях, доносил польской администрации о бродячих священниках и монахах и советовал преследовать их. Но депутация была поражена тем, что в Польше оказалась целая православная епархия, владыка которой подчинен петербургскому Св. Синоду, с ним сносятся, от него получает всевозможные служебные инструкции и указания. Все указы русской императрицы и Св. Синода, издававшиеся относительно церковных дел в империи, доставлялись и Садковскому для рассылки православным церквям в Польше; он исполнял распоряжения и об этом рапортовал в Синоде². Он рассылал манифесты русской императрицы, предписывавшие православным молиться о даровании победы русскому оружию над турками и шведами и совершать благодарственные молебны по случаю взятия русскими Очакова и по случаю рождения в России великой княжны³. Не без ведома и распоряжения Садковского рассылались по церквям напечатанные в России книги — „Сокращенный Катихизис“, в котором находилась священническая присяга с клятвой в верноподданстве русской императрице, и „О победе на супостаты“⁴. Такого рода открытие оказалось для сеймовой депутации чем-то совершенно новым, поразительным, открытием чрезвычайной важности, в сравнении с которыми всякие бунты, для расследования которых она была назначена, являлись совершенно неважными. Депутация оставила в стороне дело о бунте, предоставив его ведению порядковых комиссий, а сама занялась разрешением вопроса об отношении православной иерархии к польскому государству. Чтобы прекратить произвол порядковых комиссий, она приказала городским судам, чтобы допросы обвиняемых в бунте лиц и приговоры над ними раньше их исполнения присылались для просмотра депутацией, и разослала (15 июня 1789 г.) в те же суды выработанную ею программу допросных пунктов для заподозренных священников⁵. В числе этих пунктов находились вопросы: приносил ли обвиняемый присягу, по содержащейся в книге

¹ Volum. legum IX, 76-77, L, Арх Ю -3 Р, ч III, т V, № 13, Kalinka I, 504, 505

² Kalinka I, 512.

³ Рункевич, Ист Минской архиеп, с 115-116.

⁴ Арх. Ю -3 Р, ч III, т V, № 14, с 26-27; см Арх Сбор XI, № 128

⁵ Арх. Ю.-3. Р, ч III, т V, № 14, с 26

„Сокращенный Катихизис“ формуле? Садковским ли, или его предшественником по Слуцкой архимандрии прислана в церковь эта книга? Когда и каким образом получена книга „О победе на супостаты“? Получал ли указы от епископов могилевского, киевского или от Синода без ведома слуцкого архимандрита или его консистории? Бывал ли на православных соборах в Слуцке, и какие бывали на этих соборах распоряжения относительно бунтов со стороны Садковского или консистории, протопопов и благочинных? Не получалось ли со стороны духовной власти указа, противного польскому правительству? Не приносилась ли присяга на верность русской императрице, вопреки присяге королю и Речи Посполитой?..¹ Вопросы эти показывают, насколько подозрительно относилась к Садковскому и православному духовенству сеймовая депутация.

Потратив почти год на рассмотрение арестованных в Слуцке бумаг Виктора Садковского, депутация 26 марта 1790 г. представила сейму печатный отчет (*Relacya*)² о своей деятельности. Хотя в этих документах не оказалось никаких достаточных оснований для обвинения православного архиерея в бунте, но депутация признала его виновным в государственном преступлении и подлежащим суду. Зато она взглянула на православие так, как никогда не смотрело на него польское правительство. В своей реляции депутация не говорит о бунтах; о них она намеревается сделать доклад в другой раз, а теперь есть нечто более важное, на что следует обратить внимание, это — источник всяких бунтов и покушений на целостность Речи Посполитой; его прежде всего и нужно устранить. Таким источником является православный епископ, распространяющий свою власть в Польше; он не подчиняется польскому правительству и зависит от России; им же, т.е. источником бунтов, является и обеспеченное трактатами покровительство со стороны России польским диссидентам и дизунитам. По мнению депутации, это покровительство должно устранить, а чужую гарантию принадлежавших некогда католикам прав заменить гарантией собственного короля и правительства Речи Посполитой. Отсюда прямой вывод: надо провозгласить в Польше свободу религии и обрядов, обещать разноверцам покровительство польского правительства и воспретить им искать покровительства вне своего отечества³. Православным должно дать церковную власть, в виде ли синода, или епископа — безразлично, лишь бы она не имела никакого отношения к России. Для тех же православных необходимо завести семинарии,

¹ Арх Ю -3 Р, ч. III, т V, с. 26-28

² *Relacya deputacyi do examinowania sprawy o bunty oskarzonych, na seymie 1790 roku uczyniona, część pierwszą, w Warszawie*

³ Kalinka I, 514-15

ежегодные средства содержания которых будут очень невелики в сравнении с теми бедствиями, от которых они избавят отечество. Но так как и униаты в 1789 г. не возбуждали к себе доверия со стороны поляков, то депутация предлагала расширить и права униатского духовенства и поднять его значение, предоставив митрополиту и епископам сенаторские кресла¹.

Сейм принял предложение депутации, несмотря на протест римско-католического духовенства, огромным большинством — 123-х против тринадцати². Сеймовые маршалы 13 апреля 1790 г. обратились с универсалом ко всему населению Польши, в котором от имени короля и сконфедерованных станов заявляют, что вследствие религиозного фанатизма Польше пришлось пережить много кровопролитий, и что, пока просвещение (*oświecenie*) не преодолеет предрассудков, до тех пор фанатизм не перестанет находить для себя средств и не может быть прочным доверие к правительственной опеке. Поэтому бискупы обоих обрядов обязаны через подведомственное им духовенство внушать каждому понятным для него образом, как можно чаще и обстоятельнее, что и с религиозной точки зрения верность к отечеству является священнейшей обязанностью каждого, что подговоренные к бунту, хотя бы то даже служителями религии, суть изменники не только по отношению к Богу, но и к отечеству, что все принятые на себя ко вреду отечества обязательства, даже подкрепленные присягой, не только не могут никого связывать, но и по существу являются грехом, что всякое обещание чужестранной помощи, о котором не знает правительство, не только не полезно, но прямо-таки вредно для страны. „Разъединенные в религии должны быть связаны любовью к отечеству, любить взаимно друг друга и жить в согласии, чтобы не опасаться за свое и быть страшными для чужих. Король и сконфедерованные станы Речи Посполитой желают, чтобы все жители польского государства спокойно пользовались своими правами под правительственной защитой; но Речь Посполитая желает, чтобы все эти права и привилегии признавались ее собственно благодеянием, словом — она никому не позволит делить с собой ни покровительства, ни власти над своими подданными. Поэтому нам, маршалам, поручено уверить диссидентов и дигунитов греко-ориентальных, что все их вольности остаются в силе, заохотить их к защите страны и пригласить лица этих исповеданий для установления надлежащего церковного управления, нужных им правил и принятия мер, которые бы упрочили у них порядок и связь духовной власти со светской, что мы и постановили, по обязанности управления, привести в испол-

¹ Ibid , 1, 515-16.

² Рункевич, Ист Мин архиеп , 133. прим 812-е.

нение без замедления“. Но тут же маршалы заявляют, что все начальствующие признанных законом исповеданий не иначе могут ожидать снисхождения и гражданского над собой покровительства, как только при условии верности отечеству, исполнения общих законов и уклонения от всяких иностранных влияний. Ввиду того, что Польша, в течение многих лет терзавшаяся бедствиями, начинает судьбами Промысла испытывать более счастливую, чем прежде, участь, маршалы от имени короля и сконфедерованных станом приглашают епископов *utriusque ritus* вознести благодарение Господу за спасение Польши от явной и близкой опасности крестьянского бунта. И нектолики тоже должны, как сыны отечества, выразить свою радость по случаю общественного благополучия своим богослужением. Универсал заканчивается уверением, что с провозглашением религиозной свободы будет устранен источник несчастий и уничтожены те пружины, которые под покровом религии владели невежественными умами¹.

Польское правительство после принятия сеймом отчета следственной депутации приступило к организации православной польской церкви, независимой от российского Св. Синода. Чтобы не было ущерба веротерпимости (*tolerancyi*) и содержанию религии, чтобы религия не была в противоречии с независимостью и здоровой политикой Речи Посполитой, правительство признавало наиболее желательным для себя „возвратить неуниатов к их первой столице“, т.е. подчинить их Константинопольскому патриарху. Польскому послу при турецком дворе писали из Варшавы, чтобы он вошел в сношение с переводчиком Порты Оттоманской, который, будучи той же (православной) религии и занимая государственную должность у Порты, знает, как эта политическая пружина, направляемая в Польше религией, может распространять ее влияние вредным для интересов Польши и Турции способом. Переводчик этот может указать средства относительно, по крайней мере, сохранения обрядов этого исповедания и освобождения не-униатского духовенства в Польше от той присяги, которая содержит в себе политико-цивильные пункты и дела светские и через это противна духу религии. Чтобы расположить к Польше переводчика, предписывалось представить ему все положение дела и вред, происходящий от русского влияния не только для Польши, но и для Турции. Но Польше не пришлось воспользоваться услугами переводчика: он, по наведенным справкам, оказался сторонником России, и польский посол обратился за содействием непосредственно к турецким министрам и константинопольскому патриарху. Результат получился благоприятный для Польши. В ноябре 1790 г. в Варшаве была

¹ Арх. Сбор. V, № 92, с. 245-247

уже копия увещательного послания патриарха к польским дизунитам, которое отвечало видам и намерениям Польши. В этом послании патриарх писал: „С изумлением узнал я, что ваши духовные начальники принесли присягу, в силу которой обязывались быть послушными чужому государству и исполняли такие распоряжения, которые преследовали явную цель подстрекательства народа к непослушанию и бунту против законной власти, к поднятю смятений в собственном отечестве“¹.

В то время, как шла переписка между Варшавой и Константинополем, сеймовые маршалы издали относительно греко-ориентального исповедания новый универсал (9 октября 1790 г. нов. ст.), являющийся дополнением изданного ими 13 апреля того же года. В нем содержалось предписание выслать в Варшаву к 1 декабря представителей по равному количеству от каждой из трех провинций (т.е. от Великой Польши, Малой Польши и Великого Княжества Литовского), людей, выдающихся образованием, общим уважением и чувством гражданского долга; явившись в Варшаву, они должны послужить общему благу отечества и граждан своего исповедания², т.е. выработать проект нового положения православия в Польше. В силу этого универсала в Слуцке, Бресте и на Украине состоялись соборы православных³, на которых были избраны „полномочные делегаты для представления королю и станам Речи Посполитой просьб от имени всего находящегося в Польше греко-ориентального корпуса“⁴. В число делегатов от православных вошли: три представителя черного духовенства — игумен Бельского монастыря Савва Пальмовский, игумен Дятловицкого монастыря Мелетий Бувайло-Лесницкий и управляющий Виленской и Минской архимандриями Сильвестр Бутлай, два священника: слуцкий Даниил Петелькевич и пясоченский Симон Солоневич, один шляхтич Пантелеимон Илликевич-Корбут и три мещанина: Феодор Линевиц (лавник города Вильны), Николай Даданий и Георгий Земкович⁵. 15 декабря 1790 г. сейм избрал депутацию для составления проекта относительно православных (gnaeso-ortuentalnych) и диссидентов; в состав ее входило три сенатора и шесть послов. В конституции, которой назначалась эта депутация, говорится следующее. Король и сконфедерованные станы, торжественно обещавшие государственное покровительство всем разноверцам⁶, с целью выработки для

¹ W Smoleński, Ostatni rok sejmku wielkiego, Kraków, 1897, 83-84.

² Арх Сбор., т V, № 93, с 248

³ Рункевич, Ист Мин архиеп., с. 133

⁴ Арх Сбор XI, 174

⁵ Киев Епар Вед 1861, № 12, с 377, Korzon I, 213

⁶ В акте конституции 3 мая — Volum legum IX, 220. § 1

них прочных (wiecznych) постановлений, соответствующих справедливости, потребности и значению народа, пригласили избранных из среды разномысленцев лиц в столицу; так как сюда идут донесения об исполнении обещанного заодно с заявлением обывателей, что они желают иметь подтвержденными только свободной и независимой Речью Посполитой, как своей законной и единой повелительницей, все свои вольности, то для выслушивания их желаний и для соглашения относительно составления проектов, имеющих решаться при исправлении формы правления, сейм назначает депутацию, в состав которой входит три сенатора и шесть послов. Эти депутаты, по сношению с упомянутыми особами из среды разномысленцев и соответственно с политическими взглядами, должны приготовить проект установления их прав, вольностей и прерогатив, respective каждому сословию принадлежащих, и обеспечения справедливости. Что же касается церковного устройства при нынешнем положении дел, то, если где-либо и в каком-либо исповедании будут высказаны пожелания сделать нужные изменения или улучшения, обеспечить неприкосновенность надлежащего пользования законными фондами, — они, депутаты, приготовят соответствующий проект и представят его для рассмотрения королю и сконфедерованным станам через три месяца¹.

Назначенные сеймом депутаты вместе с избранными представителями православия приступили к своему делу. Чтобы убедить поляков в том, что предполагаемая реформа организации православной церкви в Польше действительно полезна для последней, распространились слухи, что Россия готова воспрепятствовать проведению этой церковной реформы. Прусский министр при курляндском дворе фон-Гиттель получил из Петербурга известие, будто бы Россия намеревается отомстить Речи Посполитой и для достижения своих целей хочет воспользоваться дизунитами. Фон-Гиттель, представитель дружественной Польше Пруссии, желавшей усилить вражду между Речью Посполитой и Россией, сообщил это известие шамбеляну Олендскому, причем давал советы Польше прервать сношения дизунитов с Петербургской церковью и подчинить их собственному правительству². Это обстоятельство должно было ускорить деятельность выработывавших проект. В начале марта 1791 г. представители православия донесли сейму от имени всего „греческого корпуса“ в Польше о необходимости установления церковного управления, согласного с духом религии, с канонами и обычаями православной восточной церкви, а также и законами страны; доносили они и то, что существующая в Польше православная церковь остава-

¹ Volum legum IX, 201, CCXXXIII

² W Smoleński, Ostatni rok, 84-85

лась, ввиду заключения Садковского, без верховной власти и от этого терпела большие неудобства¹, по случаю отсутствия духовного суда и внутреннего спокойствия². То же самое доносила и назначенная сеймом депутация для составления проекта относительно православных и диссидентов³. Ввиду этого, конституцией своей от 5 марта сейм признал неотложной потребностью установление некоторого присмотра (*rewnego dozoru*) над православными; но прежде чем восстановить для этого греко-восточного обряда постоянную иерархию, соответствующую потребности и достоинству народа, сейм поручает своим маршалам издать окружные листы всем монастырям, архимандриям, протопопиям и приходским неуниатским церквям Речи Посполитой с дозволением членам православного исповедания собрать 15 мая 1791 г. в городе Пинске генеральную конгрегацию. На этой конгрегации православные должны избрать членов наивысшей консистории из лиц, отличающихся просвещением, поведением и верностью правительству страны, обеспеченных рождением в Польше и свободных от обязанностей присяги чужому правительству. Избранные при соблюдении таких условий члены консистории, принеся присягу на верность королю и Речи Посполитой, принимают духовное управление над всеми православными и подчиняются верховной власти страны⁴.

Пинская конгрегация должна была собраться 15 мая. Но так как вследствие отдаленности украинских монастырей и протопопий делегаты их могли запоздать к назначенному сроку, то 24 марта сейм делает новое постановление, в силу которого день открытия конгрегации переносился на 15 июня. К этому сроку и должны прибыть делегаты духовного и светского сословий греко-восточного исповедания. В то же время на эту конгрегацию должны быть назначены четыре комиссара Речи Посполитой — два от Короны и два от Литвы (или хотя бы по одному от каждой из этих провинций). Депутации, назначенной сеймом для составления проектов относительно православных и диссидентов, поручается выработать для этих комиссаров инструкцию. Комиссары, назначенные Речью Посполитой для присутствия на конгрегации православных до самого ее окончания, сообразно со своей инструкцией после закрытия конгрегации должны представить отчет королю и сконфедерованным станам⁵. На основании этой конституции 23 мая король с согласия сконфедерованных станов назначил комиссарами на кон-

---

¹ Арх. Сбор. IX, с. 212, CCLII

² Volum. legum. IX, с. 212, CCLII.

³ Ibid, с. 212, CCLII

⁴ Volum. legum. IX, с. 212, CCLII.

⁵ Volum. legum IX, с. 212, CCLV.

грегацию: от Короны — Кохановского, посла сандомирского, и князя Чарторыйского, генерала Подольских земель и посла люблинского, а от Литвы — троцкого посла Залеского и пинского посла и подстаросту Бутримо-вича; войсковой комиссии отданы были распоряжения относительно ассистенции при комиссарах и охраны места конгрегации, а скарбовой — относительно отпуска четырех тысяч червонных злотых „для удовлетворения при этом деле могущих произойти на месте конгрегации издержек (expensa)“¹. Новогрудский посол Бернович, который занимался разбором дизунитского архива в Слуцке, назначался для сношений с конгрегацией и снабжения ее документами².

Православные, работавшие вместе с сеймовой депутацией над составлением проекта о православных, 31 марта 1791 года разослали универсал³ ко всему обществу православных и братствам, в котором дают краткий отчет о своей деятельности в Варшаве и уведомляют всех православных о предстоящей генеральной конгрегации в Пинске, на которой могут присутствовать делегаты духовенства и всех православных — от общин и братств, от черного и белого духовенства, от светских лиц как шляхетского, так и мещанского сословий. По словам универсала, конгрегация должна учредить церковные должности, нужные в провинциях суды духовные и над ними наивысшую консисторию, которая будет подчиняться только одной верховной власти страны, и избрать лиц для занятия должностей в наивысшей консистории. Ввиду такого благоволения правительства к греко-восточному исповеданию, универсал предписывает, чтобы везде по получении разосланных сеймовыми маршалами универсалов и копий конституции о назначении Пинской конгрегации были совершены торжественнейшие моления о короле и станах Речи Посполитой, принявших под свое покровительство православную церковь. После молебна следует убеждать всю громаду в том, что король и станы Речи Посполитой желают, чтобы всякий подданный, какой бы он ни был религии, но лишь бы верный и послушный законам государства, мог спокойно жить и исповедывать свою веру. По ознакомлении с новым законом и универсалом каждый монастырь и приходская церковь должны избрать „вольными голосами“ в полномочные делегаты наиболее подходящих лиц, как из среды монашеской, так и светского клира, людей, облеченных церковными должностями, как-то: архимандритов или их заместников, игуменов или их заместителей, иеромонахов, священников, людей просвещенных, знающих каноны святых соборов и законы

¹ Volum. legum IX, 228. CCLXXVIII; номинация этих комиссаров состоялась 23 мая нов. ст

² W Smoleński, Ostatni rok. , 85

³ Арх Сбор. XI, № 126, с. 174-177

государства; от братств могут быть посылаемы лица шляхетского и мещанского сословия. Все делегаты должны быть снабжены инструкциями и полномочиями, а также и денежными средствами на все время заседания конгрегации. У полномочных делегатов должно быть описание состояния каждой церкви, существующих и утраченных фундушей, в чьих руках и с какого времени они находятся, указана давность церковных фондов и когда они были фондованы, какими привилегиями и пожалованиями они снабжены, из камня или дерева сооружены монастыри и церкви, не нуждаются ли они в поправках, велика ли территория прихода, каково количество прихожан. Надо было сообщить о количестве наличных и недостающих священников, о количестве священнических вдов и их потомства и средствах содержания их, о нуждах и потребностях церквей и монастырей, о потребности духовного начальства с епархиальной юрисдикцией — все это надо представить на письме будущей генеральной конгрегации, а та через правительственных комиссаров должна обо всем этом довести до сведения станом Речи Посполитой. Универсал заканчивается выражением надежды подписавшими его, что православные добровольными пожертвованиями покроют расходы находившихся в Варшаве представителей православия, и заявлением последних, что они действовали не во имя личных интересов, а во имя блага отечества и святой восточной церкви.

Универсалы достигли своей цели. Православные пожелали воспользоваться предоставленным им правом и послали в Пинск своих делегатов, снабженных полномочиями. Прибыло 24 монашествующих, 21 священник и 51 светских, из коих 19 шляхтичей, а остальные мещане, всего же 96 уполномоченных от духовенства, шляхты, мещанства, от архимандрий, игуменств, монастырей, протопопий, приходских церквей, братств и церковных общин Речи Посполитой. Кроме православных, на конгрегацию прибыли и католики как светские, так и духовные. В числе их были: генерал-инспектор войск Великого Княжества Литовского Грабовский, члены цивильно-войсковой комиссии Пинского повета, много шляхтичей-помещиков и должностных лиц того же повета; были и униатские епископы — пинский Иоаким Дашкевич-Горбацкий и туровский Булгак, коадьютор первого¹. Такое стечение должностных лиц должно было придать большую торжественность конгрегации православных и укоренить в сознании последних мысль об искренности намерения польского правительства поставить греко-восточную церковь в совершенно новое положение. Из назначенных сеймом комиссаров явился только один — посол Сандомирского воевод-

¹ Киев Еп Вед 1861, № 12, с 378-79, № 14, с 414. W Smoleński, Ostatni rok , 86

ства Михаил Кохановский¹. Он и открыл заседания конгрегации 15 июня в церкви Богоявления Господня. По открытии конгрегации православные делегаты просили Кохановского отложить публичные заседания ее до 29 июня, чтобы они имели возможность на своих частных конференциях легализовать свои полномочия, избрать из своей среды директора и ассессоров, приготовить требуемые от них донесения и проект организации будущего церковного управления. Кохановский удовлетворил просьбу членов конгрегации, и последние 16 июня избрали из своей среды директора (архимандрита старшего на Украине Мотронинского монастыря Иринарха Балановского), одиннадцать ассессоров (из духовенства и мирян), двух секретарей и двух экзекуторов. Этим лицам поручен был весь порядок конгрегации, прием и рассмотрение проектов и представление их на рассмотрение всей генеральной конгрегации².

Публичное заседание генеральной конгрегации состоялось 1 июля. Прежде всего конгрегация выразила благодарность королю и станам Речи Посполитой за правительственное покровительство. Члены ее заявили о своей верности и послушании закону и присягой подтвердили обещание всеми силами защищать отечество от внешней опасности и внутренних волнений и уклоняться от всякой чужестранной зависимости³. Затем члены генеральной конгрегации, по общему и единогласному решению, приняли правила относительно порядка дел и управления в церквях греко-восточного обряда. Правила эти изложены в одиннадцати артикулах, из которых каждый делится на несколько параграфов⁴. Суть этих правил сводилась к тому, что православная церковь в Польше объявлялась зависимой от константинопольского патриарха и получала новую организацию своего управления, где в широких размерах применялось выборное начало при замещении вакантных церковных должностей. „Главное национально-церковное управление греко-восточного неунитатского обряда, имеющее составить Польско-греческую иерархию восточной церкви, обязано быть в духовной зависимости от главного пастыря той церкви, константинопольского патриарха (коль скоро сейм правом своим учредит это и совершится посвящение архиепископа и епископов от константинопольского патриарха), и будет состоять из одного архиепископа на правах митрополита, как начальника польско-восточной церкви, из национального синода и 3-х епископов, начальствующих в своих епархиальных консисториях. Вместе с архиеписко-

¹ W. Smoleński, *Ostatni rok . . .*, 85.

² *Ibid.*, 86; Киев Еп. Вед. 1861 г., № 12, с 384-85

³ W Smoleński, *Ostatni rok . . .*, 86.

⁴ „Киев Еп. Вед.“ 1861 г., № 14, с 415-416

пом они будут составлять Польско-национальный синод и управлять церковью на основании канонических правил и общих постановлений 7-ми соборов, ни в чем нисколько не относясь к чужестранным митрополитам и к другими национальным синодам и только в делах, касающихся догматов веры, обращаясь к патриаршей цареградской кафедре, никогда не позволяя себе апелляции по церковным делам где-либо за пределами Речи Посполитой, а все окончательно решая определениями Польско-греческого национального синода“ (Арт. I).

Пока будет учрежден польско-греческий национальный синод, генеральная конгрегация устанавливает особое „общее и особенное церковное управление над всем духовенством монастырским и светским, над всеми монастырями и церквами и над всем народом, исповедующим православную веру“ в Польше и Литве (Арт. II). Это управление сводится к следующему. Каждая епархия должна быть разделена на деканаты, или протопопии, с одинаковым в каждой из них количеством церквей. В каждой протопопии правление состоит из протопопа, его наместника, двух священников, избранных из среды приходского духовенства, асессора и писаря. Последние два — лица светские из среды шляхты или мещан. Должность протопопа признается пожизненной; прочие же члены правления избираются на четыре года. Через каждые четыре года в каждой протопопии происходят деканальные конгрегации, на которых присутствуют, кроме протопопа и членов правления, все священники протопопии, старшие члены церковных братств и городских обществ. Деканальная конгрегация контролирует деятельность правления протопопии, выбирает его членов закрытой баллотировкой, в том числе и протопопа, если консистория за какую-либо вину устранил от должности старого, и выражает нужды и желания деканата для доклада о них епархиальной конгрегации. В состав последней должны входить протопоп, старший брат от светского братства и писарь каждого деканального правления, а равно и депутаты от монастырей и архимандрий. Днем открытия епархиальной конгрегации должно быть всегда 15 мая (арт. III). Мужские монастыри тоже имеют свои конгрегации, на которых большинством голосов избираются „старшие члены монастырей“. Игумены и вообще начальствующие в монастырях несут свои обязанности пожизненно, и от них могут быть отрешены только по суду. Игумены являются „естественными депутатами своих монастырей на епархиальных конгрегациях“. Начальницы женских монастырей тоже избираются монашествующими в присутствии депутата от консистории. Каждый женский монастырь посылает своего депутата на епархиальную конгрегацию (арт. IV). Епархиальная конгрегация состоит из председателя, которым всегда должен быть епархиальный архиерей, а в его отсутствие — его наместник по консистории, — и делегатов,

в состав которых входят члены консистории, архимандриты, игумены и выборные от монастырей, деканальные протопопы и старшие братчики от светских братств, назначенные депутатами от деканатов. Она рассматривает представления деканальные и монастырские и одни решает сама, другие передает на рассмотрение консистории, иные — генеральной конгрегации или главной консистории; она же ревизует деятельность консистории и, в случае жалобы на нее, доносит синодальной или генеральной конгрегации; затем она избирает новый состав консистории и восемь делегатов на синодальную конгрегацию в таком составе: 2 делегата из белого духовенства, 2 делегата из черного и четыре из светской среды — из шляхты или мещан, „имеющих оседлость и просвещенных науками“. Этим депутатам епархиальная конгрегация поручает „заботиться об интересах как общих епархиальных, так и частных: деканальных, монастырских, школьных и госпитальных“. К 15 июня делегаты должны прибыть „в резиденцию генеральной консистории“ и там „составить из себя синодальную польско-греко-ориентальную конгрегацию“ (арт. V). Генеральная конгрегация собирается через каждые четыре года. Эта конгрегация, или „национальный синод православных церквей Королевства Польского и Великого Княжества Литовского“, состоит из архиепископа и трех епископов, старших архимандритов и ассессоров главной консистории и из депутатов, избранных епархиальными конгрегациями. Генеральная конгрегация „составит собой греко-ориентальную иерархию в Польше под названием национального синода“. Этой конгрегации принадлежит право: „а) избирать архиепископа и епископов, испрашивать им утверждение правительства и посвящать их; б) избирать и посвящать архимандритов; в) быть высшим главной консистории, апелляционным, судебным местом, поверять четырехлетние ее действия и делать другие распоряжения, касающиеся церкви. Все дела, касающиеся веры и обрядов, должны быть решаемы одними духовными лицами на основании канонов и правил 7-ми вселенских соборов, а дела, касающиеся экономики, доброго порядка и управления фондами, имеют быть решаемы совместно с депутатами и ассессорами от сословия гражданского по большинству голосов“ (арт. VI). Подведомственная архиепископу консистория называется генеральной или главной; в состав ее входят двенадцать особ: три „от монашеского духовенства“, „три от белого из протопопов или священников“, три от шляхетского сословия и три от мещанского. „Последние не будут иметь голоса в предметах, касающихся веры и обрядов“. Ассессоры выбираются через каждые четыре года на генеральной конгрегации. „Судебный комплект присутствия главной консистории составляют пять членов, кроме писаря; в епархиальной консистории — три члена“. Судебные заседания начинаются в два срока — 12 января и 12 июня, и в обоих полу-

годиях „продолжаются дотолѣ, пока не окончатся поступившіе дела“. Все дела в консистории решаются по большинству голосов; при их равенстве решает голос председателя. „Все бумаги должны быть писаны или двойным текстом — польским и русским, или только одним польским“. Временно резиденцией главной консистории назначается город Пинск (арт. VII). Кроме генеральной консистории, на первых же порах должна быть открыта в малопольской провинции еще консистория Брацлавская и Житомирская, которая будет состоять из епископа (по его утверждению), шести ассессоров (трех духовных и трех светских) и писаря. Консистория эта будет находиться в Богуславе и будет управлять церквями и монастырями малопольской провинции, за исключением Краковскаго, Сандомирскаго, Люблинскаго и Подляскаго воеводств, которые остаются в ведении главной консистории (арт. VIII). В каждом приходе должна быть школа для обучения детей прихожан; наблюдение за школой принадлежит местному священнику, старшим братьям прихода и протопопу; учителями должны быть дьячки, умеющие читать по-польски и по-русски, или особые лица, на содержание которых прихожане должны приискать средства, назначив „для этого соразмерную складку“. При каждой приходской церкви должен быть госпиталь „для содержания беднейших из прихожан по усмотрению священника и прихожан. Надзор за ним и попечение должны иметь прихожане со старшими братьями“ (арт. XI)¹.

После принятия генеральной конгрегацией 1791 г. правил нового устройства православной церкви в Польше, участники первой избрали членов главной консистории, временно пребывающей в Пинске. Три из них были монахи, три — священники и по столько же было шляхтичей и мещан. Первым ассессором и вместе с тем председателем генеральной консистории был избран игумен бельско-подляскаго монастыря Савва Пальмовский. Новоизбранные члены генеральной консистории 2 июля на заседании конгрегации в присутствии сеймовых комиссаров, членов местной порядковой комиссии и многолюднаго собрания, принесли присягу, положенную для ассессоров главной консистории, по той форме, которую читал им комиссар Кохановский², и генеральная конгрегация закрылась. Подоспевший во время заседаний конгрегации сеймовый комиссар Бутримович доносил королю, что на генеральной конгрегации все шло спокойно, прекрасно и образцово, при полном одобрении общества и при совершенном удовлетворении дизунитскаго обряда³.

¹ Киев. Еп. Вед. 1861 г., № 14, с. 416-424.

² Арх. Сбор., XI, № 127, с. 178, Киев. Еп. Вед. 1861 г., № 14, с. 424-25.

³ Smoleński W., Ostatni rok. . ., 88

Постановления Пинской генеральной конгрегации пошли на утверждение сейма; но генеральная консистория, не ожидая его, приступила 6 июля 1791 г. к отправлению своих церковно-административных функций. 8 июля она разослала универсал всему православному духовенству, в котором уведомляла его о происшедшем в Пинске и предписывала ему, по получении сего универсала, отправить торжественнейшим образом всенощную, литургию и молебен с пением *Te Deum laudamus* и колокольным звоном за благополучное правление Станислава Августа и благополучный исход сейма. А чтобы этот универсал сделался известен каждому, духовенство должно было читать его по церквам в течение трех недель и вывешивать его на церковных дверях¹. Принятая членами консистории перед сеймовыми комиссарами присяга обязывала их побуждать всех духовных и светских лиц к соблюдению верности королю и Речи Посполитой. Ввиду этого, генеральная консистория 9 июля разослала другой универсал к православному духовенству, которым приказывалось ему держаться рассылаемой при этом формы моления на ектениях и многолетиях за духовные и светские власти и прислать в консисторию имеющиеся при церквах книжки: „Сокращенный катихизис“ и „О победе на супостаты“², распространение которых поляками ставилось в вину Виктору Садковскому. С первых же шагов своего существования генеральная консистория хотела доказать верность православного населения Речи Посполитой и действовала в угоду последней. Но это несколько не устраняло векового нерасположения к православию со стороны фанатиков. Латинская иерархия была недовольна сделанными православию уступками. Из Рима писали, что 1) неприлично, чтобы в католическом государстве чуждое исповедание пользовалось теми же правами, что и господствующая религия; 2) эти уступки могут повлечь за собой много дурных последствий для господствующей религии, которая будет постепенно ослабевать и которую постараются окончательно уничтожить; 3) даже политические соображения не позволяют давать больших прав в Польше дзунитам, так как они могут каждую минуту нарушать спокойствие государства и будут в руках России орудием для достижения преследуемой ею цели — поработить Польшу и сделать ее русской провинцией. 14 сентября 1791 года папский нунций передал королю представление Ватикана против дарования православному населению прав. Король ответил нунцию, что дело зашло настолько далеко, что воспрепятствовать ему уже нельзя, и что это дело затеяли очень почтенные лица, которые не захотят от него отстать; тут

¹ Арх. Сбор. XI, № 127, с. 178-179.

² Ibid, XI, № 128, с. 179-180.

же король заявил, что постановления Пинской конгрегации очень полезны для Польши: „Мы надеемся извлечь большую выгоду от Пинского конгресса, а именно — совершенно отвлечь греков от России и таким образом освободиться от ее влияния“. Но нунций не разделял надежды короля и уверял последнего, что совершенно невозможное дело разобщить греков с Россией, так как связь между ними „самая крепкая — связь религиозная“, и доказывал, что православные неискренне приняли новое церковное устройство, а константинопольский патриарх, состоящий на жаловании у России, всегда будет поддерживать в православных привязанность к России и внушать отвращение к тем, которые не одной с ними веры. Нунцию приказано было из Рима соглашаться только на самые неважные уступки; только в крайнем случае ему разрешалось „допустить, чтобы у них был один епископ и чтобы все оставалось по-старому“¹. Такое неблагоприятное отношение папского двора к новому положению православия в Польше сообщалось многим католикам — духовным и светским, и потому католическое общество было против учреждения православной иерархии. Униатское духовенство было в тревоге; оно выступило с открытой протестацией против уступок в пользу дизунитов. Воспользовавшись тем обстоятельством, что сейм долго не рассматривал постановлений Пинской конгрегации, униатское духовенство с митрополитом Ростоцким во главе, собралось в Бресте и отсюда отправило к королю просьбу, в которой между прочим говорилось: „Просимая дизунитами Речи Посполитой иерархия не потребна ни для наличного количества православного населения, ни для устранения его заграничной зависимости; привлекает наше внимание и вызывает справедливое опасение, чтобы это разрешение не послужило поводом к возобновлению того угнетения и преследования, каким в прежние века подвергалась католическая Русь, — и волновавших отечество смут“. Некоторые полагали (генерал-адъютант Игнатий Кошутский), что и новая православная иерархия будет подстрекать православных к избиению шляхты, „как Мелхиседек Яворский и Садковский“, а потому считали наилучшим средством совершенно изгнать из Украины православных священников и монахов и завести здесь унию². Ввиду распространенного в широких кругах польского общества несочувствия к православию, сейм не спешил с рассмотрением того, что было постановлено на Пинской конгрегации. Вполне благовидным к тому предлогом могла служить ссылка на то, что сеймовая депутация не закончила еще следствия над епископом Виктором и его сообщниками.

¹ Собрание сочинений Сергея Михайловича Соловьева, 163-164.

² Smoleński W., Ostatni rok . . . , 401

Следственная сеймовая комиссия возобновила свои работы по „экзаменованию“ епископа Виктора и его союзников 15 сентября 1791 г. и продолжала их и в следующем 1792 году. В мае этого года сейм, получив ее доклад, начал заниматься дизунитским вопросом. 10 мая брацлавский посол Леженский доказывал необходимость установления православной иерархии; на следующий день ту же мысль отстаивал другой брацлавский посол Ярошинский¹. 16 мая открывавший заседания Пинской генеральной конгрегации Кохановский доложил сейму постановления последней и проект новой организации диссидентских церквей обоих евангелических исповеданий. Обсуждение сеймом доклада Кохановского происходило 21 мая. Находились сочувствующие православным, были и противники расширения прав дизунитов, как и вообще некаатоликов. Хелмский бискуп Старчевский решительно противился введению православной иерархии. Новгородский посол Бернович доказывал, что православная иерархия в составе архиепископа и трех епископов не соответствует количеству православного населения и будет умалять господствующую религию; по его мнению, достаточно одного православного епископа, не подчиняющегося заграничному (разумеется, русскому) правительству. Кохановский отстаивал необходимость принятия постановлений Пинской конгрегации. Для Польши желательно, чтобы ни один из ее граждан не был подчинен чужому правительству; но если сейм не даст православным нужных для их духовной власти прерогатив, то, по мнению Кохановского, они будут добиваться их с помощью иностранцев. Православные не могут довольствоваться одним епископом, потому что в случае его смерти некому будет посвящать нового; так как для посвящения его требуется три епископа, а епископ должен быть утверждаем (для надлежащего авторитета) митрополитом, то Кохановский настаивал на необходимости принятия проектируемого Пинской конгрегацией количества православных владык. Чтобы склонить на свою сторону сейм, он доказывал, что отрешение православных от поисков духовного начальства за границей, является наилучшим средством защиты отечества. Сейм принял постановления Пинской конгрегации и большинством (123 против 13) одобрил относительно православных и диссидентов следующую конституцию². „Удовлетворение желаний польских обывателей — греко-неуниатов и диссидентов“. — „Получив от депутации для составления проектов относительно православных и диссидентов, а равно и от комиссии, назначенной нами, королем и сеймовыми станами на Пинскую православную конгрега-

¹ Smoleński W., Ostatni rok..., 401-402; Костомаров, Соб. соч., кн. VII, 351.

² Smoleński W., Ostatni rok..., 402-403.

цию, все донесения относительно положения польских обывателей — не-униатов, и через это узнав о потребности установления для них в областях Польши прочного (*stalego*) церковного управления, — одобряем выработанную в прошлом 1791 г. на генеральной конгрегации уполномоченными греко-неуниатами форму церковного правления, рассмотренную названной выше депутацией совместно с делегатами от этой конгрегации и нам поданную, одобряем, рекомендуя исполнительной власти, чтобы она старалась надлежащим образом привести к осуществлению упомянутую форму церковного правления. Точно так же одобряем и церковное управление для польских диссидентов, которое выработано упомянутой выше депутацией сообща с делегатами от диссидентов обоих евангелических исповеданий, и желаем, чтобы оно вместе с протоколом депутации было в коронных актах. И такое церковное управление греко-неуниатов и диссидентов не может быть противным (*przeciwności czuąć nie maia*) господствующей религии. Относительно обеспечения церковных фондушей постановляем, что все имения и фондушевые суммы, церкви и монастыри, фактически находящиеся во владении неуниатов, ненарушимо оставались за ними, те же фондушевые имения и церкви, которые присоединены к униии, никогда не возвращались к неуниатам. Сохраняем обывательское право, *quo ad jus patronatus et collationis*¹.

Изложенная конституция давала православию очень много в сравнении с прежним его положением; оно пользуется теперь покровительством закона, свободой в отправлении своего обряда и многими неслыханными прежде преимуществами. Но оно не получало и теперь того, что у него было отнято униатами: за ним оставались только те церкви и монастыри, которыми оно владело в 1792 г., все же то, что было отнято у православных униатами в течение XVIII ст. вообще и в особенности после первого раздела, оставлялось в руках униатов, от всего этого православие должно было навсегда отказаться. Так как православному митрополиту не было предоставлено сенаторского кресла, то оно не было уравнено с униией, глава которой — митрополит Ростоцкий в это время уже заседал в сенате вместе с латинскими бискупами.

Вскоре после издания конституции об удовлетворении желаний православных обывателей Речи Посполитой сейм издал (31 мая) декларацию „относительно обвиняемых в бунте особ“, т.е. относительно епископа Виктора Садковского и арестованных вместе с ним. Сам Садковский, его дворецкий (*domownik*) Алексей Чернявский и секретарь, священник Стефан Симоно-

¹ Volum. legum. IX, 447, CDLXII.

вич, священники Рубинович и Андрух Беднар, обвиняемые в неверности Речи Посполитой и преступлении против законов страны и общественного спокойствия, задерживаются под арестом для того, чтобы их можно было судить в более спокойное время. Один из арестованных, игумен Медведовского монастыря Виссарион, отказывавшийся принести присягу на верность Речи Посполитой, задерживался в Польше до окончания начинавшейся войны с Россией, а после нее должен быть выслан в Россию. Одни из православных узников духовных и светских, вина которых не доказана¹, выпускались на свободу с обязательством принести присягу на верность польскому правительству, а другие, хотя и недостаточно свободные от подозрений, в уважение к тому, что они долгое время сидели в тюрьме и ввиду настояния полномочных неуниатских делегатов, отсылались под стражей в наивысшую консисторию²; там они, за порукой этой консистории, по принесении присяги на верность Речи Посполитой отпускались на свободу. Заодно с приговором над арестованными сейм постановил наградить тех, которые для задержания в Несвиже епископа Виктора и его свиты понесли убытки³.

31-го же мая сейм сделал особое постановление относительно луцкого неуниатского архива, перевезенного в Варшаву. Следственная депутация донесла сейму, что неуниатский архив, ввиду обилия документов еще не пересмотрен и не перерегистрирован, а между тем пересмотр этот „безусловно необходим для издания бумаг, касающихся духовных интересов“. Ввиду этого, король и станы приказывают, чтобы секретарь следственной депутации Игнатий Танский занялся регистрацией документов. Последние должны быть распределены по своему содержанию, а наиболее важные из русских документов приказывалось перевести на польский язык. Нужные для этого средства отпускались из скарба. Танскому за его продолжительные труды в следственной депутации выдавалась денежная награда в размере тринадцати тысяч червонцев, а переводчику Манугевичу — в размере двух тысяч¹.

Чтобы закончить обозрение постановлений четырехлетнего сейма, касающихся православия, следует упомянуть еще о следующих конституци-

---

¹ Игумен Острожский Киприан, консисторские канцеляристы Скуловский и Барщевский и слуга Садковского Лука Копыстенский

² В консисторию отправлялись: слуцкий протопоп Иоанн Белозор, священники — Копыльский Иродион Облонский, погосский Иоанн Барановский, Григорий Раславский, Филипп Шоткович, протопоп Давидовский, ленницкий священник Василий Бирукович и его дьяк, Кирион Козакевич, парубок умершего священника Дашкевича Яков, Иван Бочковский и Андрей Лупына.

³ Volum. legum. IX, 453, CDLXXI

⁴ Volum legum IX, 453, CDLXXII

ях. Еще 22 июня 1789 г., когда вырабатывались меры улучшения финансового положения Польши, сейм постановил, чтобы от имений и фундушевых сумм, принадлежащих диссидентским и греко-неуниатским церквям, платилось, „по примеру духовных и земских имуществ и с исключениями по отношению к последним“, по 20%¹. Затем четырехлетний сейм, объявивший о покровительстве православной церкви, отменил стеснительную для неуниатского духовенства конституцию 1764 г. „O porowiczach“. В силу этой конституции, сыновья русских сельских священников, не пристроившиеся к науке или ремеслам в городе, если они по достижении пятнадцатилетнего возраста не домогаются духовного звания, становились подданными своих колляторов. „При неправильном понимании“ этой конституции сами священники как униатские, так и православные, хотя и свободные люди, не встречают соответствующего их сану уважения, а сыновья их, встречая совершенное пренебрежение и испытывая неудовлетворенность, обычно уходили в громадном количестве из пределов Речи Посполитой. Ввиду этого, сейм, в объяснение упомянутой конституции, объявляет, что 1) сан каждого духовного в русском и греческом обрядах, как не изменял раньше его происхождения, так и впредь изменять не будет; но если священник сего обряда будет шляхтичем по происхождению, то шляхетское достоинство удерживается и за его потомством, которое будет пользоваться по законам, предоставленным греко-неуниатам, прерогативами шляхетского стана; если же православный священник из мещан, то его потомство будет пользоваться прерогативами и отличиями, народными законами предоставленными вольным мещанам; 2) православный священник крестьянского происхождения, посвященный по увольнении от пана, считается свободным; свободными считаются и дети его, а потому сыновьям русских священников можно приписываться в свободных городах, держать в городах посессии и пользоваться прочими мещанскими отличиями². Конституция эта ослабляла деспотическую власть помещика-коллятора над православным священником и избавляла его детей от горькой участи, сопряженной с крепостным состоянием.

* * *

Четырехлетний сейм значительно улучшил юридическое положение православия, дав ему новую организацию церковного управления. Но расширяя права дизунитов, сейм руководился не чувством справедливости и гу-

---

¹ Volum legum. IX, 99

² Volum. legum IX, 380, CCCLXXXIX

манности, а исключительно политическими соображениями. На православие обратили внимание только тогда, когда в 1788-89 гг. распространились нелепые слухи о готовящемся восстании русского крестьянства. Забота об устранении этого несчастья для государства привела руководящие слои польского общества к мысли о необходимости порвать церковную зависимость православных подданных Польши от России, от российского Св. Синода. Назначенная сеймом депутация совместно с делегатами православного населения выработала правила нового устройства греко-неуниатской церкви в Польше. Но пока выработывались эти правила, 8 января 1791 г. были утверждены новые ненарушимые основные законы Польши, в силу которых „святая римско-католическая вера обоих обрядов“ в Короне, Великом Княжестве Литовском и принадлежащих им провинциях объявлялась „навек господствующей“, а король и королева обязательно должны быть католиками. Переход из католичества в другую веру считался уголовным (*kruminalny*) преступлением. Относительно других исповеданий в основных законах говорится: „Сохраняем покой в исповедании и обрядах для всякой религии, терпимой в Речи Посполитой и отличной от господствующей, обещая, что ни духовная, ни светская власть не может преследовать из-за веры и обряда“¹. По основным законам, православие признавалось только терпимым, на покровительство же правительства оно, как и прежде, не могло рассчитывать. Только майский переворот 1791 г., или так называемая конституция 3-го мая, устанавливает иное отношение и новый взгляд на не католические исповедания. Первый пункт этой конституции гласит, что „народной господствующей“ в Польше „религией есть и будет святая римско-католическая со всеми ее правами“; отпадение от нее и переход в другое исповедание воспрещаются под страхом наказания за отступничество, но тут же говорится: „Так как наша святая вера предписывает нам любить ближних наших, то мы обязаны всем людям, какого бы то ни было исповедания, дать покой в вере и правительственное покровительство, почему и обеспечиваем в краях польских свободу всех обрядов и религий соответственно с законами государства“². Конституция 3 мая была выработана наиболее горячими приверженцами коренных реформ, сторонниками прогрессивных партий³, и на сейме проведена только благодаря хитрости сочувствующих ей⁴. Но шляхетская масса и особенно польское магнатство сто-

¹ Volum. legum. IX, 203, CCXXXVI, §§ I-IV.

² Volum legum IX, 220, § 1.

³ Костомаров, Соб. соч., кн. VII, 250.

⁴ Они воспользовались пасхальными праздниками, когда большинство консервативно настроенных послов уехало из Варшавы. Не ожидая возвращения последних, сторонники реформ провозгласили конституцию 3 мая

яли за старые порядки, за установившийся веками строй, а потому не хотели знать никаких реформ, никаких новшеств. Нежелательна была большинству и религиозная свобода, обещанная конституцией 3 мая. С точки зрения консервативно настроенного шляхтича, расширение прав дизунитского обряда немислимо, православие должно довольствоваться только тем, что еще не было отнято у него. Поэтому-то сейм и не спешил с утверждением постановления Пинской конгрегации, а сделал это только тогда, когда русский посол Булгаков представил польскому правительству декларацию, в которой перечислялись нанесенные поляками в 1788-1792 гг. России и ее подданным обиды и несправедливости и заявлялось о вступлении в Польшу русских войск „по настоятельной просьбе многих поляков, отличающихся рождением, саном и патриотической доблестью, желающих восстановить древнюю свободу и независимость своего отечества“¹.

Недовольные конституцией 3 мая (Щенский Потоцкий, Северин Ржевуский и др.) обратились к Екатерине с просьбой помочь им уничтожить ненавистную для них конституцию и восстановить старый порядок². Россия, заключившая в декабре 1791 г. мир с Турцией, собиралась вмешаться во внутренние дела Польши, почему это обращение польских магнатов было весьма кстати. Екатерина приказала Булгакову „увеличить число друзей“, т.е. сторонников России, обещать им поддержку, но „до способного времени“ удерживать их от активных выступлений³. В то же время Россия стягивала свои войска к польской границе, чтобы войти в Польшу с трех сторон: юга, востока и севера. Как только южная армия под начальством генерала Коховского вступила в Польшу (со стороны Молдавии), в городе Тарговице образовалась конфедерация для восстановления в Польше старого порядка вещей. Маршалом Тарговицкой конфедерации был признан Щенский Потоцкий, советниками — Браницкий и Ржевуский; к конфедератам примкнули многие влиятельные деятели последних четырех лет. Польское правительство могло выставить против русских только 45 тыс.... Это войско ничего не могло сделать русским, и последние беспрепятственно двигались по направлению к Варшаве⁴. Ограниченность средств обороны и боязнь перехода на сторону России украинского крестьянства православного исповедания вынудили приверженцев патриотической партии сделать уступки православным. Игнатий Потоцкий, один из видных деятелей четырехлетнего сейма, говорил: „Религия — готовое орудие в руках русской импе-

¹ Косгомаров, Соб соч, кн VII, 352

² Соб соч Сергея Михайловича Соловьева, 174.

³ Сбор Имп. Рус Ист Общ, т 47-й, № 136, с 234, Соб соч С М Соловьева, 175

⁴ Соб соч С М Соловьева, 181-182

ратрицы, которым она может поднять наших украинских крестьян и заставить их биться против нас“¹. Король на заседании сейма 21 мая, когда обсуждалась декларация русского посла, призывал сейм к изысканию средств к обороне отечества и советовал прежде всего решить дизунитский вопрос. Сейм последовал совету короля². Постановления Пинской конгрегации были подтверждены, и положение православия в Польше должно было измениться к лучшему. Но начавшаяся война с Россией решила судьбу Речи Посполитой: скоро последовали второй и третий разделы Польши, и последняя была вычеркнута из списка европейских государств, но нетерпимое отношение ее к православию и перенесенные православными стеснения за веру никогда не будут забыты историей.

---

¹ Соб. соч. С. М. Соловьева, 176

² Smoleński W, Ostatni rok... , 400

Послесловие

Предлагаемая вниманию читателей книга принадлежит перу малоизвестного ученого-исследователя и публициста Василия Алексеевича Беднова. В подобных исследованиях сегодня общество нуждается как никогда. Они предельно объективно и точно раскрывают ключевые, большей частью неблагоприятные для нас и наших предшественников исторические обстоятельства, раскрывают причины многовековых бед и страданий нашего народа, служат компетентными ориентирами при анализе трудновоспринимаемых исторических хитросплетений на исторически западнорусских землях.

Вот и переиздаваемый раритетный труд также не потерял своей актуальности. Богатое убедительной фактурой и полнотой содержание книги позволяет доказательно осмыслить во всем многообразии сложное прошлое восточнорусских славянских народов. Хотя это и далекое прошлое, тем не менее, порожденные им проблемы остаются.

Церковно-историческая направленность исследования predetermined самим его названием — «Православная церковь в Польше и Литве». Центром внимания автора стали судьбы народов нынешних Украины и Беларуси. Добавление к заглавию «по Volumina Legum» обращает внимание читателя на весьма добротный источник используемой информации — официальное издание Свода Законов Речи Посполитой и Великого княжества Литовского.

Книга издавалась лишь однажды — в середине 1908 года. Сегодня она в силу ограниченного тиража — библиографическая редкость.

I. СЛОВО ОБ АВТОРЕ

В последнее время внимание к жизни и деятельности автора книги Василия Беднова возрастает. После более чем полувекового забвения он предстает перед нами самобытным и неординарным ученым. Уверенное и доказательное мнение компетентного церковного и гражданского историка, историографа, краеведа, педагога и духовного наставника через толщу лет прорывается в наше время.

... Предки Василия Алексеевича вышли из курских крестьян. В середине XIX века они, как и многие другие, гонимые безземельем и нищетой крестьяне, бросили родину и перебрались на Нижнее Поднепровье — богатое и почти не используемое тогда степное Причерноморье. Поначалу остановились на Полтавщине, затем переехали на Екатеринославщину, в местечко Широкое (ныне — райцентр Днепропетровской области).

Здесь, 21 декабря 1873 (2 января 1874) года и родился Василий Беднов. Нелегкая крестьянская жизнь закалила и воспитала мальчика.

Тогдашние колонисты глубже иных категорий оседлых крестьян центральных губерний понимали растущее значение образования. Вот и Васи-

лий был пристроен к дьякону в местную школу. С учетом проявленных одаренности и старательности, по рекомендации духовных лиц мальчик продолжил учебу со стипендией в Херсонском Духовном училище.

После успешного окончания в 1889 году этого заведения Василий Беднов был зачислен на казенное содержание в Одесскую Духовную семинарию. Уже тогда Василий проявил склонность к наукам. Не ограничиваясь семинарским курсом, изучал историю, литературу, этнографию. Во время учебы переболел оспой и частично потерял зрение.

По окончании в 1896 году семинарии В. Беднов работал учителем Закона Божиего в Кладбищенской церковно-приходской и других школах города Николаева, вел занятия в воскресной школе для взрослых.

Необходимость продолжения духовного образования была поддержана духовными лицами и близкими. В 1898 году В. Беднов поступил в Киевскую Духовную академию на историческое отделение с изучением греческого и немецкого языков. Преподаватели отзывались о молодом студенте похвально. Почти сразу же он попал под покровительство ведущих профессоров академии протоиерея Ф. Титова, В. Завитневича и Н. Петрова.

За хорошую успеваемость и успешно защищенную научную курсовую работу по истории православной церкви в Польше и Литве В. Беднов 7 июня 1902 года (здесь и далее до 1918 года даты по ст. ст.) был удостоен ученой степени кандидата богословия с правом получения степени магистра без дополнительных экзаменов, при условии доработки избранной им темы по

Богоявленский монастырь и здание Киевской Духовной академии

замечаниям рецензентов. Василий Алексеевич вспоминал: «Это был день моей большой радости по поводу того, что я, сын простолюдина, окончил Духовную академию».

Ко времени обучения в академии приходится и его знакомство с будущей женой Любовью Евгеньевной Шемплинской.

21 августа этого же года В.Беднов по распределению был определен преподавателем богословия, истории и изобличения раскола в Астраханскую Духовную семинарию. И сразу же выступил претендентом на должность помощника библиотекаря академии. Но состоявшийся 31 августа конкурс преодолеть не смог.

Печататься В.Беднов начал с 1900 года как под своим именем, так и под псевдонимами «В. Степовой», «В. Широчанский», «В. Поперешний», «К», иногда без подписи.

Первый его труд — рецензия на статью Г. Киприановича по истории церкви «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени» — опубликован в Записках научного общества им. Т. Г. Шевченко (здесь и далее см. библиографию трудов ученого).

В Астрахани В. Беднов изучал духовные архивы. Среди публикаций — исторический очерк Астраханской Духовной семинарии за ее столетие «Отношение Астраханских иерархов к местной семинарии» (1903 г.) — речь, произнесенная автором в мае 1903 года на юбилейном акте.

Рождение сына и ухудшение здоровья послужили Василию Алексеевичу поводом для ходатайства о переводе в Екатеринослав. В 1903 году он перемещается в Екатеринославскую Духовную семинарию на должность помощника инспектора. Вел в семинарии курс гомилетики, историю философии, психологию, немецкий язык, а кроме того — гражданскую историю в женской и мужской гимназиях.

Трудился В. Беднов в Екатеринославе до 1918 года. Вначале жил в здании семинарии, потом снимал жилье в разных местах города. Здесь родился его второй сын.

Состоя в Екатеринославской ученой архивной комиссии, ученый периодический публикуется в ее «Летописях». Брошюра «Материалы для истории Екатеринославской духовной семинарии» (1904 г.) содержит образцы сочинений бывших учеников этой семинарии из рукописного сборника семинарской библиотеки. «Столетний юбилей существования архиерейского дома и семинарии (1804-1904)» представляет собой конспективный обзор истории епархии и семинарии. Брошюра «Краткие исторические сведения об Екатеринославской духовной семинарии» (1904 г.) подготовлена по поручению правления последней к празднованию ее столетия и содержала малоизвестные события раннего периода этого заведения. Брошюра «Из прошлого Екатеринославской епархии» (1907 г.) включала подборку публикаций. Работа

«Преосвященный Феодосий, епископ Екатеринославский и Таганрогский, и его труды по истории Екатеринославщины» (1909 г.) продолжила тему.

В. Беднова заинтересовала история Запорожской Сечи. Поначалу его привлекала природная величественность запорожских порогов. Периодически он организует для своих знакомых к этим порогам нелегкие, но впечатляющие путешествия.

В 1903 году вышла брошюра В. Беднова «Последний кошевой Запорожья П. И. Калнышевский» — реферат, прочитанный автором в заседании Екатеринославской губернской архивной комиссии. «Материалы для истории церковного устройства на Запорожье (из архива Екатеринославской Духовной консистории)» освещают неразработанные и оспариваемые историками стороны жизни запорожского казачества.

Главной работой запорожского цикла В. Беднов считал «Запорожский зимовник». Заслуживают внимания изданные позже в Праге исследования: «Сечевой архимандрит Владимир Сокальский», «Разрушение Запорожской Сечи 1775 года», «Устное повествование Запорожца Н. Л. Коржа и его происхождение и значение». В этих трудах В. Беднов отказался от освещения деяний казачества в модном тогда ключе его идеализации. Он первым привлек внимание историков к экономической и социальной стороне жизни Запорожской Сечи.

Почти все труды екатеринославского периода, включая и помещенные в последующих (V, VI, VII) выпусках «Летописей», содержат сведения о воспитанниках Киевской Духовной академии, дополненные описанием их заслуг в духовном просвещении России.

Сотрудничая с общественными подразделениями академии, В. Беднов передает в 1908 году в Музей Церковного исторического и археологического общества при академии брошюры: «Сведения об архиве Екатеринославской Духовной Консистории (документы XVIII века)» и «Краткие сведения об архиве Самарского Пустынно-Николаевского монастыря», три бронзовые позолоченные бляхи с изображением герба из числа найденных в Никополе близ Запорожской Сечи, а также польский шостак 1626 года.

Одновременно В. Беднов продолжает дорабатывать свою кандидатскую диссертацию «Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum)», которую затем издает в Екатеринославе. 3 сентября 1908 года он высылает в Киевскую Духовную академию 60 экземпляров сочинения и просит принять его в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра богословия. Руководством академии диссертация направляется на заключение официальным оппонентам проф. протоиерею Ф. Титову и проф. В. Завитневичу.

12 марта 1909 года в академии состоялся коллоквиум по защите В. А. Бедновым магистерской диссертации. Ее результаты были признаны удовлетворительными. 22 мая 1909 года он утверждается в степени магистра богословия и ему вручается соответствующий диплом.

В силу высокой оценки научного уровня работа В. Беднова сразу же была выдвинута Киевской Духовной академией на престижную в церковном мире Макарьевскую премию, т.е. премию за лучшие труды в области церковной истории, учрежденную митрополитом Макарием (Булгаковым). В этой связи в № 11 «Церковного Вестника» за 1909 год была помещена в высшей степени похвальная рецензия П. Жуковича.

18 сентября 1909 года В. Беднов претендует на замещение кафедры новой гражданской истории Киевской Духовной академии. Однако закрытой баллотировкой ни один из кандидатов, включая и его самого, не прошел.

Уходя в 1911 году по выслуге лет с кафедры русской гражданской истории академии, проф. В. Завитневич рекомендовал на нее своего ученика В. Беднова. Проф. Ф. Титов поддержал это выдвижение. Как свидетельствуют протоколы заседания Совета академии от 14 июня 1911 года, по результатам обсуждения и голосования В. Беднов был избран на претендуемую кафедру в звании доцента.

Однако представленные в Синод итоги голосования действительными признаны не были, и в качестве преподавателя и доцента по кафедре гражданской русской истории был утвержден конкурент В. Беднова.

Василий Беднов продолжал вести историю в Екатеринославской Духовной семинарии, а с организацией в 1918 году Екатеринославского университета продолжил работу в нем, где был удостоен звания профессора.

Получив столь чувствительные отказы, В. Беднов, сам выпускник академии, все же сохранил на всю оставшуюся жизнь глубочайшее уважение к ее преподавателям, выпускникам, к академическим традициям. Тем не менее, случай непрохождения в академию был отражен через 17 лет в некрологе, посвященном памяти В. Завитневича.

А тогда, в 1911, против него, видимо, сыграло то обстоятельство, что петербургскому начальству стало известно об участии в 1905-1907 годах В. Беднова в общественно-политической деятельности. Действительно, с началом первой русской революции В. Беднов примкнул к просветительскому обществу «Просвита». По его поручению читал лекции, выступал в газетах. Позже вошел в «Товариство Українских Поступовців». Может быть, по этой причине окончилась провалом и его попытка занять в качестве приват-доцента кафедру в Харьковском университете.

Правда, с началом мировой войны В. Беднов приостановил всякую общественную деятельность. К ней вернулся уже в 1917 году непосредственным участием в революционных событиях. На Украине в те времена российский космополитический либерализм странным образом преобразался в автономизм. Национальная автономия вызывала к жизни и автономию церковную. На территории Украины возникла «Всеукраинская Православная церковь», существовавшая до 1934 года, в дальнейшем — в виде неформального движения в Польской автокефальной Православной церкви.

На родине В. Беднова революционные события протекали особенно бурно. Сам он примкнул к «Союзу украинских автономистов-федералистов (социал-федералистов)». Они ратовали за автономию Украины в составе России. Эту идею, прежде всего в сфере украинизации, проводил и Василий Алексеевич. На том этапе эта деятельность привела к избранию его от Екатеринослава в состав Центральной Рады Украины.

С оккупацией Екатеринослава австронемецкими войсками В. Беднов перебрался в г. Каменец-Подольск. Туда он был приглашен в октябре 1918 года для чтения лекций на Богословском факультете вновь созданного Украинского университета.

В середине октября 1919 года В. Беднов вошел в состав Украинского Церковного Синода. В последующем работал в министерстве исповеданий Директории. Судя по всему, его деятельность не выходила за пределы просветительной в рамках все той же «Просвिति». Главным его занятием оставалось введение украинского языка в практику церковного богослужения. Но вопросы украинизации, полонизации, как и белоруссизации (в меньшей степени), были всеобщим поветрием в те времена величайших испытаний.

После занятия Каменец-Подольска Красной Армией Директория, а вместе с ней и В. Беднов со старшим сыном, были интернированы в польские лагеря. Семья оставалась в Екатеринославе.

В Польше профессор читает в Тарнове, Ченстохове и др. городах лекции по церковно-религиозной тематике. От культурно-образовательной интеллигенции он входит в некоторые блоки и движения.

В 1917—1921 годах В. Беднов не создал сколько-нибудь значимых трудов. То, что печаталось, сводилось большей частью к проблематике украинизации богослужения. В Каменец-Подольске он опубликовал статью об историческом положении украинской церкви: «Церковное дело на Украине» (1919 г.). Этот труд был продолжен в Тарнове по периоду 1917—1920 годов. Тогда же появляются его «Колокола (история образования колоколов на Украине)», «Волынь в защите Православной церкви в XVI—XVII вв.», статья «Православная церковь» для «Української Загальної Енциклопедії».

«Украинская церковь» (1934 г.) — это короткая программа лекций по истории церкви от зарождения христианства до начала XX века.

В «Исследовании церковной истории в православных странах» дан обзор важнейших разработок по истории Православной церкви и о некоторых историках церкви. Им же написана работа «Одна из первых попыток перевода Библии на украинский язык».

Одно время В. Беднов преподавал в Кременецкой Духовной семинарии, но как деятель украинского движения был сослан польскими властями в город Маков.

В ноябре 1922 года В. Беднов переезжает в Прагу для работы в Украинской хозяйственной академии и в Украинском свободном университете.

Там, в Политехническом институте, к этому времени уже учился его сын Арсений.

В Праге В. Беднов отошел от политики и сосредоточился на научной работе. В ней впервые за долгие годы он находит свое успокоение. Именно на преподавательской работе им подготовлено серьезное мемуарное наследие — воспоминания о людях и событиях на его сложном пути.

Вопреки трудностям и поворотам судьбы, Василий Алексеевич оставался до конца дней своих глубоко верующим человеком, настоящим христианином, твердо и решительно отстаивающим позиции Православия. Он решительно выступал против возникавших предложений объединения Украинской Православной и протестантской церквей, считая, что такое «объединение было бы изменой нашим освященным почти тысячелетним традициям нашей Православной церкви». Отказался он в 1924 году и от сотрудничества с католиками на их униатском съезде, говоря: «Я не еду принципиально: это съезд католиков-папистов, которые стремятся расширить унию среди славян, а значит, и среди украинцев».

Бедствия преследовали Василия Алексеевича. В середине 1926 года утонул его сын Арсений. Стремясь уйти от прошлого, он переезжает в Варшаву для преподавания в Варшавском университете на Православном богословском отделении (оно было основано стараниями митрополита Дионисия весной 1924 года). Преподавал историю и философию.

Но испытания продолжались — одолевали болезни. В 1934 году Василий Алексеевич перенес сложнейшую операцию. Болезнь прогрессировала, и 1 апреля 1935 года он скончался в Варшаве. В. Беднов похоронен на Вольском кладбище. Для почитавшего его окружения уход из жизни столь разносторонней творческой личности стал большой потерей.

Могила В. Беднова на Вольском кладбище в Варшаве

Научная деятельность В. Беднова продолжалась в течение 35 лет в самых различных направлениях — истории церкви, церковного права, образования и культуры, историографии, биографии, библиографии, архивистики, мемуаристики, исторического краеведения. Научный метод исследователя основывался неизменно на использовании твердых, проверенных и систематизированных фактов. События 1917—1922 годов привели его в малопродуктивную сферу общеполитической и организаторской деятельности, мешая тем самым реализовать в полной мере богатый творческий потенциал.

Всего В. Беднов подготовил и издал около 140 научных публикаций. Последняя его работа «Церковная анафема на гетмана Ивана Мазепу» вышла в Варшаве, в сборнике «Мазепа» в 1938 году уже после кончины автора.

В сложный период общественных колебаний Василию Беднову удалось избежать серьезных ошибок. Он не запятнал себя ни крайностями национализма, ни шовинизмом. Из-за отсутствия сколько-нибудь систематизированных личных воспоминаний оправдателями его жизненной позиции, его реабилитантами могут стать близкие ему по духу и убеждениям люди.

К ним следует отнести высоко ценившего В. Беднова главу Польской Православной церкви митрополита Дионисия. В положении декана он принимал В. Беднова на работу в Варшавский университет. Именно митрополиту принадлежат замечательные слова Первосвятительского послания по случаю нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года: «В этой борьбе служить нам должен пример отважных и преданных сынов Речи Посполитой, наших предков — победоносного гетмана Константина Острожского, доблестного воеводы Киселя и др., совершивших для Отечества великие и памятные подвиги».

Иван Иванович Огиенко, пригласивший В. Беднова на работу в Варшавский университет, занимался переводом богослужебной литературы на украинский язык. В Предсоборном собрании 1930 года проводил идею восстановления во всей полноте соборного и выборного начал в жизни Православной церкви.

Особого внимания заслуживают близкие отношения В. Беднова со старейшим пастырем, протопресвитером Митрополичьей церкви Марии-Магдалины на Праге в Варшаве — отцом Терентием Теодоровичем, лицом с высшим богословским образованием, выдающимся проповедником, стойким защитником Православия, делегатом Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 годов. Он в ряду лучших представителей столичного городского духовенства в противовес сторонникам автокефалии отстаивал идею соборности в церкви. Включался в состав Предсоборного собрания 1930 года (этот Собор Польской Православной церкви так и не состоялся). О. Терентий доказывал, что церковно-славянский язык не может быть исключен из богослужения, ибо для православных он является символом единства.

Близкий по духу В. Беднову и известный ему еще по Украине проф. Богословского отделения университета, член Предсоборного собрания Александр Игнатьевич Потоцкий выступал в защиту притесняемого в Польше украинского языка. Он взял на себя расходы по похоронам умершего в крайней бедности В. Беднова и принял опеку над «находящейся за пределами Польши» женой покойного (по некоторым сведениям она и его брат Митрофан были репрессированы в 1932 году в Харькове).

В семи номерах за 1935 год парижского еженедельника украинской эмиграции «Тризуб» помещено немало теплых, проникновенных, полностью свободных от политики печалований по случаю ухода из жизни Василия Алексеевича Беднова. Именно они дают возможность неформально восстановить отошедший за давностью лет образ скромного, бескорыстного и очень дружественного человека. Близких к нему людей привлекали благородство его личности, доброта и любовь к соратникам-христианам.

II. ГЛАВНАЯ КНИГА ЖИЗНИ

Римская церковь и ее честолюбивые папы, стремящиеся встать даже над германскими императорами, активно расширяли сферу влияния католической религии. Эта экспансия в конце первого – начале второго тысячелетий проходила под знаком распространения христианской веры, не останавливалась и перед применением оружия. Атака велась в первую очередь в направлении Ближнего Востока, Византии.

Меньше известно орденское монашеско-рыцарское продвижение на восточные славянские и прибалтийские земли. Папа Римский освобождал отдельные немецкие и ливонские ордена от походов на Ближний Восток, обязывая их уничтожить всякое сопротивление иноверцев Римской церкви в Европе. Таким образом, сложилось восточное экспансионистское направление со своего рода местными крестовыми походами.

Немцы, продвигаясь с каждым годом все глубже на Восток, занимали все новые славянские земли. Аннексия дошла таким образом до поляков и чехов. Их встречные амбиции в западном и прибалтийском направлениях были приостановлены.

Принятый Польшей католицизм вытеснил Православие и послужил перед лицом объединенной западной цивилизации своего рода предусловием сохранения ее от полной экспансии. С самого своего возникновения польское государство основывалось на несовместимых принципах соединения на зависимых землях славянского Православия и латинства. Эта уязвимость польской государственности приводила к тому, что оно от зарождения теряло западные земли и одновременно подталкивалось меркантильной латинской иерархией к продвижению на Восток.

Великое княжество Литовское родилось в полосе конфликтов и столкновений на линии разлома между Западом и Востоком Европы, став в то же

время и связующим звеном между ними. Оно, вместе с Польшей, оставалось столетиями перекрестком борьбы вероисповеданий, идей, амбиций. Земли Польши и Великого княжества Литовского стали на века землями раздора.

Центр Великого княжества Литовского приходился на территорию Беларуси. Бóльшую же его часть составляла территория нынешней Украины. Правящая династия исходила из литовских княжеских семей, породненных с русскими княжескими домами, а после XIV века — с польской королевской династией.

В Великом княжестве Литовском преобладало Православие. Христианская вера вводилась здесь добровольно. Даже чужеродный латинский принцип, вторгаясь в русскую жизнь, мало ее затрагивал. Идея «Чья власть — того и вера» на здешних землях не получала развития. Более того, вера оказывалась способной порой разрушать власть.

Польское законодательство не было единым. Католическая церковь руководствовалась римским каноническим правом, польская шляхта — корпоративными привилегиями и интересами, города — немецким магдебургским правом, а коренной славянский народ жил по своим извечным традициям и обычаям.

Хрупкое религиозное равновесие в Великом княжестве Литовском было нарушено подписанием в 1385 году унии Великого княжества и Польши с принесением на земли княжества католичества. Это были первые «похороны» княжества. Христианская религия представителями западного общества здесь творчески адаптировалась и преобразовывалась, отражая национальные, политические, государственные и мировоззренческие интересы Запада.

Проводниками католицизма в Литве выступили иезуиты. По их инициативе православные засчитывались в опасные еретики. Для подавления таковых в 1436 году введена инквизиция.

Кревская, Городельская, Люблинская и Брестская (церковная) унии постепенно привели к колонизации Польшей Великого княжества. После Люблинской политической унии 1569 года и Брестской церковной унии 1596 года свершились вторые «похороны» Великого княжества Литовского.

Исходя из принципа главенства папы Римского, западная церковь требовала подчинения ему Патриарха. Но после того как литовско-русские православные отказались принять латинство, им предложили что-то среднее между латинством и Православием — унию. Ее идею разработал римско-католический теолог, ректор Виленской иезуитской школы Петр Скарга.

Ходом событий история церкви, ее полемическое осмысление выдвигались на передний план. Она во многом определяла приоритеты общей гражданской истории. С истории церкви начиналась и кончалась всякая история. Пользуясь хорошо налаженным архивным делом, католические проповедники выработали специфический стиль наступательной литературной полемики, научились на основе одностороннего подхода обставлять сужде-

ния фактурой, уводящей читателя и слушателя от главных причин церковно-канонического расхождения, отступлений от святоотеческих преданий. Борьба с православной «схизмой» принимала характер долгосрочной пропаганды всеми возможными средствами: через воспитание, образование, проповеди, диспуты, издание печатных трудов и т.п.

Латинская пропаганда с идеями приведения Православия к папизму была развернута задолго до Брестской унии. Появились даже «доказательства» неизбежности такого подчинения. Иезуит П. Скарга издал в 1577 году в Вильне книгу «О единстве церкви Божией под единым пастырем и о греческом отступлении от этого единства, с предостережением и увещанием русским народам, держащимся греков». В ней автор превозносит монархизм как идеальную форму церковного правления с одним всеобщим правителем.

Брестская уния особенно увеличила поток религиозно-оправдательной литературы, которая ныне представляет не только важный исторический источник для изучения эпохи XVI—XVII веков, но дает возможность непосредственно постичь социально-политическую и идеологическую обстановку того времени в западнорусских районах.

Несмотря на недостаточное противостояние трудам латинистов, у русских православных нарастала твердая неприязнь ко всему католическому. В 1588 году в Остроге (там в 1580 году было основано греко-славянское училище) напечатано православное сочинение «О единой истинной православной вере и святой соборной апостольской церкви...», известное больше под названием «Книжицы клирика Острожского Василия».

В «Соборе Брестском» Петр Скарга пытался обосновать законность Брестского униатского собора и его постановлений. На это православные опубликовали «Экстезис» и «Апокризис, альбо отповедь на книжки о соборе Брестском, именем людей старожитной религии Греческой». Автор последней Христофор Филалет доказательно разрушил аргументы иезуита и нанес тем ему сокрушительное поражение.

В результате произошло не объединение Православия и Католичества, а перевод части Православной церкви в разряд униатской. Уния не соединила христиан, а разделила русскую церковь на православную и униатскую. Сама по себе уния не нужна была ни иезуитам, ни Польше, так как образование унии не имело целью соединение вер. Униатская церковь стала лишь промежуточным звеном на пути перехода от Православия к Католицизму.

На месте православной возникли две веры: одна привилегированная католическо-униатская, другая — собственно православная и уже тем «схизматическая». Беларусь не оставили в покое даже тогда, когда при помощи церковной унии почти весь ее православный народ был приведен к послушанию папе Римскому. Латино-польская партия принялась истреблять самое унию, на этот раз обращая униатов в латинство.

На новом этапе у поборников папизма вызрел план доказать, что Брестская уния — простое возобновление старины, защитниками которой они всего лишь выступают. А именно — они искренние поборники и продолжатели униатского Флорентийского Собора 1439 года. Последовали лихорадочные поиски в архивах. На эту попытку откликнулся предположительно епископ Мелетий Смотрицкий «Историей о илистрийском, т.е. разбойническом Феррарском, или Флорентийском Синоде, вкратце правдиво описанной» (Острог, 1601 г.).

Против сочинения Л.Кревзы «Оброна Унии» (1617 г.) и книги И. Потя «Уния» (1595 г.) выступил архимандрит З. Копыстенский в рукописи «Палинодия» или книга оброны кафолической святой апостольской Восточной церкви и святых патриархов и о Греках и о Россах Христианех...». Автор утверждал превосходство православного вероисповедания, выступал против полонизации, за культурную самобытность славян.

Полемическое противостояние продолжилось и в дальнейшем. Опуская последующую по этому вопросу литературу, обратим внимание читателя на то, что и в начале XIX века Православие еще не было достаточно защищено. В 1805 году историк Н. Бантыш-Каменский издал книгу «Историческое известие о возникшей в Польше унии», получившую значительный резонанс в обществе. После подавления восстания 1863 года генерал М. Муравьев переиздал ее для безвозмездной рассылки в епархии западного края России. «Книга эта, заключающая в себе точное и достоверное повествование о действиях римско-католической пропаганды в течение нескольких веков к искоренению Православия в стране искони Русской и Православной, — даст восчувствовать Православному здешнему народу необходимость противодействия козням этой пропаганды, которая еще и ныне пытается разными средствами пагубно влиять на народ, — а Православному духовенству нашему, которое во время печальных событий минувшего года, выказало достойное самоотвержение и преданность Православию, послужит источником для приобретения новых сил к противоборству с враждебным Православию началом и к укреплению в своих прихожанах преданности вере предков»¹, — говорится в сопроводительном к архипастырям письме.

Представляют также интерес сочинения архиепископа Могилевского Анатолия «Об отношении Русской церкви к другим христианам» (1857 г.), историка М. Кояловича «История воссоединения западнорусских униатов старых времен» (1873 г.) и ряд других.

Речь Посполитая, восстав из чужеродных частей, так и не смогла стать единым целым. Необходимость ограничения аппетитов католической церкви в Речи Посполитой ясно сознавалась всеми здравомыслящими людьми.

---

¹ Национальный исторический архив РБ Фонд 136, оп 1, ед.хр. ЗIII9, лл. 1,1об,2,2об.

Раскол в вере раскалывал и государство. Пропать пролегла через умы и сердца, через все Великое княжество. А это уже была трагедия державы: религиозная борьба тесно переплеталась с национальной и классовой. Шли в полном смысле религиозные войны. Национально-освободительная война во главе с Богданом Хмельницким не была просто домашней ссорой, а непримиримой борьбой двух цивилизаций — Русско-православной и Западно-латинской. Постепенно углублялась великая трагедия, которая предопределила крах объединенных королевства и княжества.

Во внутригосударственный и внутрирелигиозный конфликт все более вторгались внешние силы. Защищающие православную веру устремлялись за помощью на Восток, а сторонники протестантизма — за тем же на Запад. Противостоящие между собой польские конфедераты также просили протекции то у России, то у Швеции, Пруссии, а то у Дании и Англии.

В итоге Пруссия, Австрия и Россия признали необходимым сокращение Польши, правителям которой стало не под силу справляться с положением на собственной территории. Назревал распад страны.

Прусский король Фридрих II внес проект раздела Польши и 5 августа 1772 года состоялся его первый этап. Из 780 тыс. кв. км бывшей польской территории за Польшей оставалось 554 тыс. кв. км. Россия гарантировала на предполагаемых к передаче ей землях свободу католической и униатской религий.

Однако и раздел не образумил магнатов. Вскоре последовали второй и третий разделы Польши и она надолго оказалась вычеркнутой из списка европейских государств.

Таким образом, Брестская уния, эта знаменитая затея иезуитов, принесла, без сомнения, громадный и непоправимый вред. Она внесла глубокое разделение в среду населения; вызвала вследствие насильственных методов ее введения небывалые смуты в государстве; была причиной страшных по обоюдной жестокости казацких войн и создала стихийное влечение православного населения к православной Москве. Казацкие войны привели к отпадению от Польши Малороссии, к новому объединению Киевской и Московской митрополий, к постоянному заступничеству московских царей, а затем петербургских императоров и императриц за угнетаемое православное население в Польше и, наконец, к разделам Польши. Но так случилось, что и последующая Польша не смогла учесть исторические уроки и избежать повторения ошибок...

Если польское государство виновно в вековом преступлении перед православной церковью, то не следует забывать, что главная ответственность за его действия падает все же на Ватикан, управлявший королями и разжигавший их фанатизм. Папа и Римская курия, а не пресловутый русско-польский антагонизм или империализм царей, ответственны за злодеяния и кощунства, соделанные в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой.

В новые времена, особенно после 1863 года, требовался новый подход в осмыслении этого государственного и религиозного противостояния. И он вызрел в конце XIX века в стенах Киевской Духовной академии. Сейчас нельзя с полной уверенностью утверждать, кем была предложена студенту академии Василию Беднову для разработки в качестве курсовой тема «Православная церковь в Польше и Литве». Есть лишь некоторые указания на профессора академии Николая Ивановича Петрова.

Сущность нового научного подхода заключалась в том, что в правовой оценке тогдашнего положения православной церкви в этом регионе автор обращался к сугубо официальному, никем не оспариваемому изданию — собранию законов Речи Посполитой и Великого княжества Литовского за четыре, начиная с XIV, века, т.е. апеллировал к документам своих же оппонентов. Именно в этих историческо-временных пределах опробывались методы и средства наступления католической церкви на православный Восток. Поэтому в самой постановке темы заведомо содержалась бесприкрытость разработки в случае, разумеется, достаточно полного ее раскрытия. Эта вначале курсовая работа переросла затем в магистерскую.

Автором широко использованы многочисленные документальные источники, в том числе и рукописные, тщательно перепроверенные и продублированные. Исследуя один из центральных вопросов русской гражданской и церковной истории, молодой ученый тщательно изучил историю не только своих соотечественников, но и польского народа, польского государства. Естественно, он апеллирует и к признанным авторитетам, например, к трудам польского историка Я. Длугоша, российских историков М. Кояловича, П. Жуковича, И. Чистовича, митрополита Макария (Булгакова), В. Антоновича, М. Грушевского и др. Помимо того, разработчик использует многочисленные архивные своды по истории Великого княжества Литовского и Польши, изданные русским правительством после восстания 1863 года.

В итоге вызрела всеобъемлющая история польско-литовского законодательства в широком историческом освещении. Автор оказался достаточно компетентным в интерпретации и подаче юридических сведений.

Использованный в труде В. Беднова Свод Законов Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, иначе по-латыни, «*Volumina Legum*», был собран, обработан группой частных энтузиастов и дважды издан. В первом издании (восемь томов в 1733—1782 гг.) охвачен период с 1347 по 1782 годы, т.е. до четырехлетнего сейма включительно. Первый том вышел на латинском языке, остальные, за малым исключением — на польском. В 1859–1860 годах Свод был переиздан со включением в него в 1889 году еще одного тома по периоду 1782—1792 годов.

Только лишь сослаться на документы *Volumina Legum* было бы недостаточно. Автору разработки следовало ввести это собрание законов в конкрет-

ную историческую обстановку, представленную нами вкратце выше. Законы нужно было связать с материалами польской католической и православной церквей, восстановить положение дел на всех уровнях польского общества, от рядовой провинциальной шарачковой шляхты до королевского двора.

Сеймовые конституции Свода законов дополнялись сведениями из королевских грамот, присяг, конфедерационных актов, постановлений провинциальных сеймиков, которые давались послам на главный сейм. Сеймовые конституции В. Беднов рассматривает непременно в связи с ходом предшествующей государственной жизни. Освоение темы ведется при попутном изучении всех проявлений жизни, не исключая ее закулисных тайн и интриг.

Разработке содействовало значительное пополнение к тому времени монографической церковно-исторической литературы. Во время доработки сочинения автор ежегодно приезжал в Киев для изучения дополнительных источников, в том числе на польском и других иностранных языках, как древних, так и новых.

Суждения автора — плод вдумчивого изучения предмета. Непростой, до мельчайших подробностей уточненный материал исследуется в развитии тех или иных событий. Ни одного домысла, неподтвержденного вывода или мнения в нем не имеется. На всем протяжении работы ход событий подчинен строгому хронологическому порядку.

Развитие польского законодательства применительно к православной церкви прослеживается неразрывно с деятельностью представителей церкви. Документы общего порядка сопоставляются с частными проявлениями неурегулированности отношений Православной церкви. Автор приводит полный перечень всех несправедливостей, которым подвергалась православная вера в рассматриваемый период.

Самый ранний в Своде документ о Православии датируется 1413 годом. Наибольшее же их количество приходится на XVII век — время борьбы с унией. Общий вывод из этих материалов таков: правовое положение Православной церкви в Польше на протяжении четырех веков рассматриваемого периода неизменно ухудшалось.

Таким образом, лицо власти в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой постепенно обрело конкретное выражение, выявилось истинное положение Православной церкви в польско-литовском государстве. Эта сторона вопроса выступала самой важной, вместе с тем самой жгучей и спорной. Между историками возникали самые принципиальные разногласия.

До В. Беднова в большинстве случаев положение Православной церкви объяснялось всего лишь исторически сложившимися противоречиями неких отдельных группировок и прослоек, выступающих будто бы стихийно и поэтому не зависящих от правящей верхушки власти Речи Посполитой. Исследование же показало, что это положение — результат вполне конкретных долговременных и целенаправленных действий и поступков влас-

ти, иначе — ее политики. В этом смысле книга В. Беднова может оказаться полезной для противодействия тем сегодняшним полемистам, которые не желают сосступать в новых притязаниях на бесконечный передел религиозного сознания.

Предлагаемая читателю книга — в первую очередь документ юридический, но в то же время и светский, религиозный. Именно в таком качестве ее и следует воспринимать.

С падением Польши потеряли значение постановления ее сеймов, т.е. упоминаемый нами неоднократно *Volumina Legum*. Соответственно, исчерпал себя предмет исследований В. Беднова. На этом этапе завершился компетентный экскурс в историю религиозного противостояния на западно-русских землях.

Написанию книги предшествовала ясность задумки и строгое следование ей в последующем. В этом сложном процессе требовались исключительные внимательность и скрупулезность. Автор охватил столетия, наполненные бурной динамикой событий реальной жизни. Он впитал в исследование все главное и не затерялся в подробностях.

Через такое усердное, любовно-тщательное, вдумчивое и в то же время критическое изучение обширной литературы при спокойном, вполне литературном, достаточно легком изложении В. Беднов приходит к своим доказательствам. В целом диссертация получилась весьма солидным плодом многолетнего усердного труда.

Вторгаясь в область достаточно обследованную, центральную сторону вопроса автор разработал совершенно самостоятельно с великолепной полнотой. При этом он проявил незаурядный организаторский талант, являющийся неизменным спутником истинно научного таланта.

Наиболее развернутую характеристику исследованию, проведенному В. Бедновым, дали после его выхода из печати профессора Духовных академий В. Завитневич, протоиерей Ф. Титов и П. Жукович. Они еще раз подтвердили свое прежнее мнение об авторе как трудолюбивом и работоспособном исследователе, проявляющем особый интерес к занятиям историческими науками.

П. Жукович подчеркивал, что у автора в работе прослеживаются, конечно, и свои особые, гораздо более широкие научные задачи. Он исторически объясняет факты издания той или иной конституции. Исследует картину правового творчества, как назревшую потребность жизни в тот или иной момент.

Совершенно особым, удивительным по точности и аргументации выступает вклад В. Беднова в периодизацию исторического положения Православной церкви в Польше и Литве. Разделение на периоды истории Русской православной церкви существенно облегчает восприятие достаточно сложного материала. Ныне эта периодизация воспринимается само собой

разумеющейся, однозначной и бесспорной. Но этот вывод дался ученому далеко не просто. Достаточно добавить, что в курсовой работе эта периодизация ограничилась четырьмя этапами.

Пятьсот двадцать восемь страниц текста первого издания книги В. Беднова «Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum)» включает в свою структуру введение и пять глав, соответствующих установленным им пяти периодам. Подытоживание-резюме по каждому разделу — не простой повтор сказанного. Каждое слово в филигранно отполированном тексте несет свою нагрузку. Речевое течение исследования везде ровное, спокойное и точное. Язык сочинения — самой тщательной отделки. Все слова, даже знаки препинания, стилевое построение несут смысл. В работе нет ничего наносного.

Кроме всего, книга наполнена богатым старорусским, весьма приближенным к белорусскому, языком. Использовалась еще одна возможность пропаганды ценностей русскости, доходящей к нам из средневековья...

Рецензенты отмечали и некоторые недостатки диссертации. Так, слишком обширными казались отступления, характеризующие общий фон общественно-политической и религиозной жизни того времени. Автор иногда уходил за пределы, очерченные Volumina Legum. Это просматривается в описании западнорусской церковной унии, истории южнорусского казачества.

Другие же, наоборот, оправдывали широту постановки, приданную автором изучаемому вопросу. Благодаря этому представлена живая картина той борьбы, которую приходилось вести в течение веков православным людям за церковь и свое существование.

Не подкрепленным в должной степени оказался взгляд В. Беднова на деятельность митрополита Киевского Иосифа Болгариновича как сторонника унии. Он, как и его предшественник Григорий Цамблак, был признан Константинопольским Патриархом и почил узаконенным, предположительно на нашей земле — в Новогрудке.

Под конец внимание автора как бы ослабевает, сообразно с этим работа получает характер беглого очерка. В четвертой и пятой главах ощущается нехватка исходного материала, часть литературы обойдена вниманием автора, особенно ее православная составляющая, как и деятельность некоторых русских православных иерархов. Не всегда обоснованно выдвинуты на первое место польские источники.

Однако эти отдельные замечания несколько не умаляют важности выполненного исследования.

... Книга В. Беднова не для отупляющих книжных развалов нашего времени. Нынешнему исследователю-историку, радетелю Православия, придется принять на себя дополнительный труд домысливать ее положения применительно к сегодняшнему дню и дню завтрашнему. Опыт нового прочтения страниц новейшей истории почти неизбежен. Он предопределен. Име-

ются в виду последовавшие за падением Польши два столетия и тенденции к нарастанию обкатанной иезуитами борьбы в будущем. Все методологические основы опыта наступления на Православие, а вместе с ним и на Восток, были отработаны и проверены на практике именно в охваченные исследователем годы. Проявления прошлого исторического опыта мы находим и в сегодняшнем полемическом (и не только) задоре.

Освоение труда В. Беднова — нелегкое занятие. Это испытание ума и совести сегодняшнего, да и будущего читателя, особенно отягощенного многочисленными искушениями и извращениями последнего времени. Для его полного и неискаженного восприятия, полноценного дальнейшего использования требуется некоторая предварительная подготовка в области истории Православной церкви и особенностей ее развития в Западной Руси.

Важно обратить внимание и на то, что во времена В. Беднова (как и ныне) только узкая часть русской общественности владела знаниями политической и религиозной ситуации на западных окраинах бывшей Российской империи.

Проникновение со времен Петра I на Русь материалистических веяний постепенно отдалило нашу интеллигенцию от русской культуры. Она предпочитала увлекаться и восхищаться присущим определенной части западного общества бунтарством. Святой праведный Иоанн Кронштадтский призывал по этому случаю: «Отойдите вы, противящиеся Божию велению. Не вам распорядиться престолами царей земных. Прочь, дерзновенные, не умеющие управлять и сами собою, но препирающиеся друг с другом, и ничего существенного для России не сделавшие!»

Для пропаганды и распространения бунтарства в российской столице существовали определенные условия. Здесь не учитывались непредсказуемость и коварство его носителей. Именно в российскую столицу через прозападных экзальтированных пропагандистов был привнесен и распространен заряд революционности, принесший позже немало бед России.

Консерваторы в самом положительном смысле слова в обстановке перманентных потрясений оказались обойденными вниманием общества, их опыт и суждения были поспешно отвергнуты заполняющим все ниши либеральным нашествием. Западно-руссисты М. Коялович, П. Жукович, В. Завитневич, И. Чистович — эти «переводчики», «расшифровщики» и толкователи сущности духа западного бунтарства как носителя необузданного своеволия, эгоизма, духа нетерпимости и религиозного противостояния, к сожалению, остались неслышанными и не востребованными.

Духовное неблагополучие русского общества, его идейный разлад были вовремя подмечены передовыми обеспокоенными мыслителями. Их старания были направлены на более глубокое освещение жизни граничащих с Западом российских окраин. Опасность проникновения разрушительных

тенденций в извечные русские устои получила свое отражение в ряде художественных произведений того времени.

В 1863 году писатель Алексей Писемский издал роман «Взбаламученное море». В нем он осудил разлагающую деятельность радикально-революционных представителей. Глубоко патриархальный в своей основе роман получил в тогдашнем последекабристском, послечаадаевском обществе оценку «реакционного».

Непосредственно перед событиями 1863 года западные районы России посетил в поездке начинающий литературную деятельность Николай Лесков. После восстания сразу же по горячим следам он выпустил под псевдонимом Н. Стебницкий «реакционные антинигилистические» романы «Некуда» (1864 г.) и «На ножах» (1870—1871 гг.). В них автор якобы с извращением показал революционных разночинцев-бунтарей.

Знаковым явлением стал выход в 1869 году в журнальном варианте романа «Кровавый пуф» популярного тогда, да и теперь, писателя В. Крестовского. В нем глазами непосредственного участника событий 1863 года раскрыта изощренная иезуитская техника формирования в России подстрекательских настроений, извечного непонимания определенными кругами и общественным мнением источающейся от Запада угрозы внутренней стабильности.

К этой же категории предупредительной литературы, неверно относимой либеральным мнением к *охранительной*, можно причислить роман В.П.Клюшников «Марево», роман Ф.М.Достоевского «Бесы», романы И.С.Тургенева «Дым» и «Новь».

Этим литераторам можно было верить. Но кто к ним тогда прислушался?

Во внушительном перечне книг-предупреждений ныне займет достойное место и переизданная научная книга В. Беднова «Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum)». Труд сей может оказаться весьма своевременным и полезным справочным пособием для тех, кто интересуется проблемами состязательности в лоне христианских церквей. Думается, что эта книга пригодится и молодым, делу воспитания молодой смены в святоотеческих традициях, совращаемой ныне многочисленными расстригами от религии и политики. Тем самым ее актуальность не потеряет своего значения и для будущих исследователей и поколений читателей.

Каждому серьезно мыслящему (независимо — русскому, украинскому или белорусскому) читателю будет полезно рано или поздно перечитать эти и другие произведения подобного ряда. Узнав из столь авторитетных источников, что происходило на наших западных рубежах прежде, мы будем лучше представлять, что зреет на них ныне.

... В 30-е годы В. Беднов, обращаясь к главному труду своей жизни, советовал на его «не востребованность». Действительно, книга разошлась очень скоро, поскольку была издана на средства автора ограниченным тиражом, и

далее желающие с ней ознакомиться обращались уже непосредственно к нему самому. А он, ведя «учет», шутил: «Вы будете шестым читателем моей книжки». И уточнял, кто же ее предыдущие пятеро читателей. Оказывается, это были его официальные оппоненты и рецензенты Ф. Титов и В. Завитневич. Затем его книгу изучали сотрудники Санкт-Петербургской Духовной академии П. Жукович и К. Харлампович — рецензенты по случаю выдвижения книги на Макарьевскую премию (премия В. Беднову была утверждена, но последовавшие события начавшейся мировой войны не дали возможности Василию Алексеевичу получить ее). Пятым читателем был упоминавшийся нами варшавский протопресвитер Терентий Теодорович.

В. Беднов скромно умолчал, что 22 мая 1909 года по его сочинению давали заключение Преосвященный Варшавский Николай и профессор Варшавского университета Н. А. Любович. Они в официальном порядке скрупулезно изучили диссертацию. Было, кроме того, немало и тех, кто пользовался книгой самостоятельно в библиотеках Киевской и Санкт-Петербургской Духовных академий, ряда Духовных семинарий, включая и Минскую. Ныне же для переиздания книги ее оттиск был выполнен с экземпляра, находящегося в фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Нет, не обойдена вниманием книга Василия Алексеевича Беднова! Почти через столетие после выхода в свет ее изучили сотрудники Белорусского государственного университета и авторы настоящего послесловия. Увидели в ней много ценного и непреходящего, поразились ее злободневности. О чем с благодарностью свидетельствуем ее автору и рецензентам.

Сентябрь, 2001 год.

*Владимир КИСЕЛЕВ (г. Минск)
Игорь САЛАМАХА (г. Запорожье)*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научные публикации В. А. Беднова

Отношение Астраханских иерархов к местной Духовной Семинарии. Астрахань, 1903. 56 с.

Как Астраханская Духовная семинария готовилась к встрече А. Гумбольдта. Астрахань, 1903. 6 с.

Столетний юбилей существования архиерейского дома и Семинарии в Екатеринославе // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. 1904. №23. С. 685–700.

Столетний юбилей Екатеринославской духовной семинарии (1804–1904). Екатеринослав, 1904. 108 с.

Краткие исторические сведения о Екатеринославской духовной семинарии. Екатеринослав, 1904. 95 с.

Материалы для истории Екатеринославской духовной семинарии. Образцы ученических сочинений 1830 г. (Стихи). Екатеринослав, 1904. 11 с.

Последний кошевой Запорожья П. И. Калнышевский // Летопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссии / Под ред. А.С.Синявского (далее – ЛЕУАК). Екатеринослав, 1904. Вып.1. С. 18–32.

Рождественский Александр (некролог) // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Екатеринослав, 1905. Ч.ч. 13–14.

Несколько документов XVIII столетия // Киевская старина. 1905. Ч. 10.

Краткие сведения об Архиве Самарского Пустынно-Николаевского монастыря // ЛЕУАК. 1908. Вып.; С.337–356.

Сведения об архиве Екатеринославской Духовной Консistorии (Документы XVIII в.) // ЛЕУАК. 1908. Вып. 4. С.315–335.

Письмо полтавского полковника А. Горленка к киевскому митрополиту Тимофею Щербацкому // Киевская старина. 1906. Ч.3/4.

Из прошлого Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1907. 87 с.

Материалы для истории церковного устройства на Запорожье (Из архива Екатеринославской Духовной Консistorии) // ЛЕУАК. 1908. Вып.4 С. 31–129.

Перенесение архиерейской кафедры из Новомиргорода в Екатеринослав: Страницы из прошлого Екатеринославской епархии // ЛЕУАК. 1908. Вып.4. С. 273–314.

Яновский П. Я. (некролог). // ЛЕУАК. 1908. Вып.4. С.366–367.

Автобиография протоиерея Карла Павловского // ЛЕУАК. 1909. Вып.5. С. 115–129.

Православная церковь в Польше и Литве. Екатеринослав, 1908.

Два письма архиепископа Никифора Феотоки к Елисаветградскому протоиерею Димитрию Смолодовичу // ЛЕУАК. 1909. Вып.5. С. 130–132.

Краткое историческое известие о Славенской епархии, ныне именуемой Екатеринославскою, ея архиереях и семинарии. Примечания автора «Известия» // ЛЕУАК. 1909. Вып.5. С. 133–156.

Письмо князя Г.А. Потемкина-Таврического к архиепископу Амвросию (Серебренникову) // ЛЕУАК. 1910. Вып.6. С.210–211.

Письмо князя Г.А.Потемкина к архиепископу Никифору Феотоки. 9 февраля 1786 г. // ЛЕУАК. 1909. Вып.5. С.112.

Письмо правителя Екатеринославского наместничества И.М.Синельникова к архиепископу Никифору Феотоки // ЛЕУАК. 1909. С. 113–114.

Из переписки Дюка де-Ришелье с архиепископом Иовом (Потемкиным) // ЛЕУАК. 1910. Вып.6. С.206– 209.

Из переписки Одесского протоиерея Феодора Огинского с архиепископом Екатеринославским Платоном (Любарским) // ЛЕУАК. 1910. Вып.6. С. 198–205.

«Определение» архиепископа Платона (Любарского) касательно порядка замещения приходских должностей // ЛЕУАК. 1910. Вып.6. С.212–213.

Письмо митрополита Гавриила (Бонулеско-Бодони) к архиепископу Платону (Любарскому). // ЛЕУАК. 1910. Вып.6. С.214– 215.

Преосвященный Феодосий, епископ Екатеринославский и Таганрогский, и его труды по истории Екатеринославщины//ЛЕУАК. 1910. Вып.6. С.89–115.

Путевые заметки ректора екатеринославской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовского, архиепископа Нижегородского // ЛЕУАК. 1910. Вып. 6. С.38–88.

Новый период в истории Екатеринославской епархии // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. 1911. №14, с.341–347.

К перемещению преосвященнейшего Симеона из Екатеринославской епархии в Самарскую // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. 1911. №30. С.742–744.

Последние дни пребывания преосвященного Симеона в Екатеринославе // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. 1911. №31. С.782–820.

О построении в с. Анновке деревянной церкви графом А. Безбородко // ЛЕУАК. 1911. Вып.7. С.250.

Распоряжение о прекращении болезни // ЛЕУАК. 1911. Вып.7. С. 246–247.

Указ архиепископа Иова о произнесении проповедей наизусть// ЛЕУАК. 1911. Вып.7. С.251.

Документы, относящиеся к истории Екатеринославской духовной семинарии // ЛЕУАК. 1912. Вып. 8. С. 185–260.

К биографии Лазаря Глобы // ЛЕУАК. 1912. Вып. 8. С.317–320.

О деньгах, зарытых в землю // ЛЕУАК. 1912. Вып. 8. С.299–300.

«Предложения» князя Г.А. Потемкина-Таврического екатеринославской казенной палате (1788 гг)// ЛЕУАК. 1912. Вып. 8. С. 1–31.

Распоряжение князя Г.А.Потемкина-Таврического относительно раздачи земель. 24 декабря 1786 г. // ЛЕУАК. 1912. Вып. 8. С.314–316..

С.А.Никитин и его «Екатеринославская старина». К характеристике местных литературных нравов// ЛЕУАК. 1912. Вып. 8. С.265–288.

Про запорожський зимовник // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.1. С. 10–13.

Відношення нашого громадянства до пам'яті Т. Г. Шевченка // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.5. С.72–75.

- М.Ф.Комаров (некролог) // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.15-16. С.237–240.
- І.Котляревський (з приводу 75 роковин його смерті) // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.23-24. С.338–342.
- Пам'яті Г.А.Залюбовського//Дніпрові хвилі. 1913. Ч.2. С.17–21.
- Майбутній Шевченківський ювілей // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.18. С. 267–269.
- Засідання Катеринославської Архівної Комісії// Дніпрові хвилі. 1913. Ч.19-20. С. 301–302.
- Матеріали для історії колонізації бивших запорожских владений // ЛЕУАК. 1913. Вып.9. С. 168–215.
- До історії Задунайської Січі (Документи 1778–1780 р.р.) //Україна. 1914. Кн.3. С.73–94.
- К історії бивших запорожских старшин и козаков // ЛЕУАК. 1915. Вып.10. С.217–253.
- К історії немецкой колонізації Юга России // ЛЕУАК. 1915. Вып.10. С.351– 355.
- Список иерархов Екатеринославской епархии // ЛЕУАК. 1915. Вып.10. С.330–350.
- Посещение Екатеринослава особами царской фамилии (страницы из історії Екатеринослава). Екатеринослав, 1917. 65 с.
- Дніпрові пороги. Топографічні відомості. Екатеринослав, 1919: Видання Катеринославського Союзу споживачів. 75 с.
- Що читати по історії України (Коротка історіографія України); 3 викладів на учительських курсах українознавства. Кам'янець-Подільський, 1919. 72 с.
- Церковна справа на Україні // Життя Поділля (Кам'янець-Подільський). 1919. 14–15 січня.
- Большевики і українська справа // Новий шлях (Кам'янець-Подільський). 1919. 14–15 червня.
- Культурний рух на Україні в часи революції // Наш шлях (Кам'янець-Подільський). 1919. 4, 7, 11 грудня.
- Коли треба святкувати Новий рік // Наш шлях. 1920, 14 січня.
- Пам'яті Івана Пулюя // Наш шлях. 1920. 4 лютого.
- Пам'яті О.О.Русова // Наш шлях. 1920. 20 лютого.
- «19 февраля» // Наш шлях. 1920. 3 березня.
- В. М. Білозерський // Наш шлях. 1920. 4 березня.
- Шевченко та справа українізації церкви // Наш шлях. 1920. 10 березня.
- Підготовка Великої Російської революції // Наш шлях. 1920. 12 березня.
- 20 березня 1920 р. Треті роковини заснування української Центральної Ради // Наш шлях. 1920. 21 березня.
- Пам'яті Костянтина Михальчука // Наш шлях, 1920. 21 квітня.
- Пам'яті Н. І. Костомарова // Наш шлях Літературно-науковий додаток. 1920. Ч.8.
- Українська школа//Життя Поділля, 1918. 26 грудня.
- Перший Універсал Центральної Української Ради // Трудовий шлях. 1919. 29 червня.

- Влада і народ// Трудовий шлях. 1919. 30 липня.
- Освіта на Україні // Свято Поділля (Кам'янець-Подільський). 1918, 22 жовтня.
- Справа розмосковлення богослуження Православної Церкви // Релігійно-науковий вісник (далее – РНВ). 1921 Ч.1. С.1–12.
- Церковна справа на Україні. Тарнів, 1921. 47 с.
- Дбаємо про автокефалію своєї церкви // РНВ. 1922. Ч. 4-5. С. 2–17.
- Великий князь український Святослав Перший. Кремінець, 1921.
- Коронування Б. Хмельницького та І. Виговського // РНВ. 1923. Ч.11/12. С.28–31.
- Спомини про А.Кащенко // Літературно-науковий вісник (далее – ЛНВ). 1923. Ч. 7. С. 229–237.
- Нова праця з обсягу української історіографії (проф. Д. Дорошенко. Огляд української історіографії, Прага, 1923.) // ЛНВ. 1924. Ч.3/4 С.292–307.
- Спогади про М.Петрова (з нагоди 40 роковин видання його «Очерков истории украинской литературы XIX в.») // ЛНВ. 1924. Ч. 11. С.125–137.
- Українське Історично-Філологічне Товариство в Празі // Тризуб (Париж). 1925. Ч .8. С. 9–13.
- Забутий діяч (пам'яті О.Кониського) // ЛНВ. 1925. Ч.7/8. С. 294–298.
- «Атакування» Січи Запорозької 1775 р. // ЛНВ. 1925. Ч.9. С.51–70.
- Д. Еварницький (1855-26 жовтня 1925) // Студентський вісник (Прага). 1925. Ч.11. С.1–3.
- Д. Еварницький (з нагоди 70 літ його народження) // ЛНВ. 1925. Ч.12. С. 354–361.
- Професор О.О.Ейхельман (з нагоди 50-літнього ювілею наукової діяльності) // Діло. 1925. С. 263–264.
- 40 літ наукової діяльності праці академіка С. Смаль-Стоцького // ЛНВ. 1926. Ч.3. С.256–258.
- Ліга української культури // Тризуб. 1926. Ч. 31. С. 9–12.
- Січовий архімандрит Володимир Сокальський в народній пам'яті та освітленню історичних джерел // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка Т. Г. Т. 147. С.81–102.
- З історії грошових знаків на Україні // Записки Української Господарської академії в Подєбрадах. Подєбради, 1927. Видавництво УГА. Т. 1. С.78–96.
- Релігійні видання на Україні // Книголюб (Прага). Кн.!. 1927. С. 38–43.
- П. Куліш і його переклад Святого Письма // Книголюб. 1927. Кн.2. С.1– 10.
- Олександр Лазаревський (з нагоди 25-літньої річниці його смерті) // ЛНВ. 1927. Ч.5. С.49–62.
- Д. Антонович (1877 – 15 листопада 1927) // ЛНВ. 1927. Ч. 2. С.256–269.
- Життя й наукова діяльність професора В. Б. Антоновича // Студентський вісник. 1928. Ч.1. С.1–6.
- Володимир Завітневич//Записки Наукового Товариства ім. Шевченка Т. Г., т. 149. Львів, 1928.

Перші два академічні роки Українського Державного Університету в Кам'янець-Подільському // ЛНВ. 1928. Ч.11. С.233–240; Ч.12. С.325–333.

Праці академіка М.Петрова з історії українського письменства // Книголюб. 1929. Кн.1-2. С.1–18.

Перші роки літературної діяльності Симона Петлюри (1902-1907) // Тризуб. 1929. Ч.22. С.12–19.

З минулого. Протоієрей Степан Опатович та його «Оповідання з Св. Писання» // Духовний Сіяч (Кременець). 1929. №№ 31–32.

Християнська добротність (історичні відомості) // На память о первом 5-летиі Митрополитальнаго Благотворительнаго Общества в Варшаве. Варшава, 1929. С. 14–19.

Праці професора С. Голубева з історії України // Книголюб. 1930. Кн.1. С. 1–23.

Професор Київської Духовної Академії С. Т. Голубев (з нагоди 10-х роковин його смерті) // Духовний Сіяч. 1930. Ч.12–14.

Український астроном Олександр Аленич (1890–1923) // ЛНВ. 1931. Ч.1. С. 80–85.

Одна з спроб перекладу Біблії на українську мову // Книголюб. 1931. Кн.11. С. 53–77.

Відношення громадянства до пам'яті Шевченка // 1931. Ч.11. С.4–11.

Дослідження церковної історії в православних країнах // Духовний Сіяч. 1931. Ч.8–10.

Дзвони // Elpis (Варшава). 1931. Кн.V. С. 96–117.

Волинь в обороні Православної Церкви в XVI-XVII ст. // За соборність. 1932. Ч.1. С. 12–18.

Московський митрополит Макарій (Булгаков) // Elpis. 1932. Кн.1-2. С. 222–273.

Православна Церква // Українська Загальна Енциклопедія. Т.3. Львів, 1930–1934. С.914–925.

Шкільництво // Українська Загальна Енциклопедія. Т. 3. Львів, 1930–1934. С.841–848.

Гроші на Україні // Українська Загальна Енциклопедія. Т. 3. Львів, 1930–1934.

К. В. Харлампович (1870-1932) // Elpis. Кн.11. С.106–119.

Ад.Зерникав і його догматичні трактати. Варшава, 1934: Видавництво «Elpis». 48 с.

Аполон Скальковський як історик Степової України // Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі, присвячений п.Президентові Чесько-словенської республіки проф. Т. Г. Масарикові. Прага. 1925, Видавництво УВУ. Т.1. С.291–356.

Українська Церква//Українська культура: Зб. лекцій. Подебради, 1934. С. 129–142.

Школа й освіта на Україні // Українська культура: Зб. лекцій. Подебради, 1934. С. 16-38.

Церковна анатема на гетьмана Івана Мазепу // Мазепа. Варшава, 1938. Т.2. С.38-56.

До біографії К. Шейковського й О. Русова // Праці Українського Історично-Філологічного Товариства. Прага, 1939.

Ukrainskie Towarzystwo Historyczno-Filologiczne w Pradze (1923—1933) // Biuletyn Polsko-Ukrainiski. 1933. №8. С.6—7.

Michal Gruszevski // Pszeglad Współczesny. 1935. №1. С. 134—136.

Wasilij Ijicz Ekzemplarski // Elpis. 1933. № 4.

Рецензии на научные труды

Киприанович Г. И. «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени», 2-е изд., Вильно, 1899 г., 288 с. // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка Т. Г. 1900. Т.33. С.8-10.

Еварницький Д. Матеріали до біографії Шевченка, Катеринослав, 1908, 47 с. // Рада (Київ), 1909. С.194.

Записки Українського Наукового Товариства в Києві. Кн.Х., 1912 // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.8. С. 130-131.

Проф. Д. И. Багалий. Очерки из русской истории, Т.2. Харьков, 1912, 374 с. // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.8. С. 130-131.

Антонович В. Бесіди про козацькі часи на Україні, 2-е видання, Чернівці, 1912, 232 с. // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.10. С.174-175.

Єфремов С. Співець боротьби і контрастів. Спроба літературної біографії і характеристики І. Франка., Київ, 1913., 208 с. // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.21-22. С.325-326.

И. Ф. Павловский. Очерк деятельности малороссийского генерал-губернатора, князя А. Б.Куракина (1802-1808)., Полтава, 1913 // Дніпрові хвилі. 1913. Ч.23-24. С.349-350.

Свята служба Божа св.отця Нашого Іонна Злотоустого мовою українською., Львів, 1922 // Православна Волинь. 1922. Ч.4.

А.Кашенко. Мандрівка на Дніпрові пороги., 1922. // ЛНВ. 1923. Ч.1. С. 86-87.

Український Археографічний збірник, Київ. Т.1 // ЛНВ. 1927. Ч.3. С. 279-284.

А.Кашенко. Оповідання про православне Військо Запорізьке Низове. 1923 // ЛНВ. 1923. Ч.2. С.82-86.

Слав'янська книга., Прага, 1925 // ЛНВ. 1926. Ч.1. С.92-94.

В.Кордт. Чужоземні подорожі по Східній Європі до 1700 р. // ЛНВ. 1927. Ч.9. С.89-91.

Акад. Д. Багалий. Автобіографія., 1927, 170 с. // ЛНВ. 1928. Ч.9. С.93-94.

Є. Рудинська. Листи В.Горленка до П. Мирного // ЛНВ. 1929. Ч.10. С. 187-189.

Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI-XVII в.в., Ленинград, 1928, 234 с. // Elpis. 1930. Кн.V. С. 186-189.

Бібліографія подготовлена Саламахой И.В.

Важнейшие источники и пособия

Volumina Legum, Przedruk zbioru praw staraniem xx. Pijarow, wydanego, tt. I—VIII. Petersburg, nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1859—1860.

Volumina Legum, t. IX; wydawnictwo komisji prawniczej Akademii umiejętności w Krakowie (z funduszu s. p. ks. Adama Jakubowskiego). Kraków, nakładem Akademii umiejętności, 1889.

Рукопись Софийской библиотеки, № 423. Prawa i wolności obywatelom Korony Polskiej u W.X. Litewskiego religii greckiey orientalney wyznawcem służące... roku pańskiego 1767.

Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией, тт. I—III.

Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией, тт. I—V.

Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией, тт. II, III, IV, VIII, XIII, XXIII...

Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе, — часть I, тома I, IV, VI, VII, X; часть II, тома I и II; часть III, тт. I и V.

Collectanea ex archivo Collegii Juridici, t. VII, Cracoviae, 1900.

Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше. СПб., 1865.

Daniłowicz Jg., Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich... Wilno, t. II, 1862.

Długosz, senioris canonici Cracoviensis opera omnia, cura Alex. Przezdziecki edita, t III-IV, Cracoviae, 1876.

Działyński, Zbiór praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529, Poznań, 1841.

Aug. Theiner, Vetera monumenta, Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia, t. I (1217-1409), t. II (1410-1572), t III (1585-1696). Romae, 1760, 1863.

Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia, t.t. II, XII, XIV (continent codicem epistolarum saeculi decimi quinti), Cracoviae, 1876, 1891, 1894.

Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г., тт. I, II, XVIII, XXII, XXV.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическою Комиссиею, тт. IV, VII.

Supplementum ad historica Russiae monumenta. (Дополнения к актам историческим... изданы Археографическою Комиссиею), СПб., 1848.

Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690, t. II, wydanie biblioteki polskiej w Paryżu, 1864.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества тт. 35, 47, 48, 51, 57, 97.

Археографический Сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного окру-

га, тт. II, V, XI.

Бантыш-Каменский Н., Историческое известие о возникновении в Польше унии, Москва, 1805. Макарий (Булгаков), История Русской Церкви, тт. IV, V, IX-XII.

Чистович И., Очерк истории западно-русской Церкви, ч. I и II СПб., 1882 и 1884 гг.

Жукович П., Кардинал Гозий и Польская церковь его времени, СПб., 1882.

Жукович П., Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (до 1609 г.), СПб., 1901.

Жукович П., ряд статей в «Христианском Чтении» за 1902-1908 гг.

Голубев С., Петр Могила и его сподвижники, т. I, Киев, 1883; т. II, Киев, 1898.

Голубев С., Материалы для истории западно-русской православной церкви (XVI и XVII вв.) приложение к журналу «Труды Киевской духовной Академии» за 1878 г.

Титов Ф. И. (протоиерей), Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве в XVII и XVIII вв., т. I — первая половина тома (1654-1725 гг.), Киев, 1905; 2-я пол. тома (1725-1761 гг.), Киев, 1907.

Крыловский А., Львовское ставропигиальное братство, Киев, 1904.

Сцепуро Д., Виленское Свято-Духовское братство в XVII и XVIII столетиях, Киев, 1899.

Buliński M., *Historya kościoła Polskiego*, тт. I-III, Kraków, 1873-1874.

Рункевич С., История минской архиепископии (1793-1832 гг.), СПб., 1893.

«Киевские Епархиальные ведомости» 1861 г., № 3, 5 и 7 (статья П. Лебединцева «Виктор, епископ Переяславский и Бориспольский, архимандрит Слуцкого монастыря, коадьютор Киевской митрополии») и № 12 и 14 (статья того же П. Лебединцева «Состояние православной церкви в Польше по взятии преосвященного Виктора под арест в Варшаву»).

Коялович М., Литовская церковная уния, тт. I, СПб., 1859 и II, СПб., 1861.

Коялович М., История воссоединения западно-русских униатов старых времен, СПб., 1873.

Czermak Wiktor, *Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432-1563)*, Kraków, 1903 (osobne odbicie z. t. XLIV Rozpraw Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie).

Розов А.В., Исторический обзор сеймовых конституций и королевских декретов (бывшей) Польской Речи Посполитой касательно диссидентов («Труды Киевской духовной Академии» 1867 г., т. II, 170-216 и IV, 389-462).

Добрянский А., История епископов трех соединенных епархий: Перемышльской, Самборской и Саноцкой от наивдавших времен до 1794 г., Львов, 1893.

Pelesz J., *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart*, Band II, Wien, 1880.

Петрушевский А.С. Сводная галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год, Львов. 1874.

Narasiewicz M., *Annales ecclesiae Ruthenae*, Leopoldis, 1862.

Антонович В.Б. Монографии по истории западной и юго-западной России, т. I, Киев, 1885.

Бобржинский М., Очерки истории Польши (перевод под редакцией Н.И. Кареева), СПб., т. I, 1888 и т. II, 1891.

Brodowicz T., Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете», 1868 г., кн. IV; русский перевод там же, 1868 г., кн. III.

Горбачевский Н., Словарь актового языка северо-западного края и царства Польского, Вильно, 1874.

Грушевський М., Історія Украпини-Руси, т. IV, Київ-Львів, 1907, т. V, у Львові 1905.

Грушевский М., Очерк истории украинского народа, изд. 2-е, СПб., 1906.

Kalinka W., Sejm czteroletni, tt. I-II, wydanie czwarte w Krakowie, 1895.

Кареев Н., Исторический очерк польского сейма, Москва, 1888.

Korzon Tadeusz, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764-1794). Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego, Kraków, tt. I-IV.

Костомаров Н.И., Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования (издание «Литературного фонда»), СПб., кн. I (том I и II) и кн. VII (тт. XVII и XVIII), 1905.

Крипякевич Иван, Львівська Русь в першій половині XVI віку («Записки наукового товариства імени Шевченка у Львові, 1907 р., кн. III-V).

Lewicki A., Dzieje narodu Polskiego w zarysie, Warszawa, 1899.

Lewicki A., Powstanie Swidrygielly (ustęp z dziejów unii Litwy z Korona), Kraków, 1892.

Любавский М., Литовско-русский сейм, Москва, 1901.

Любович Н., История реформации в Польше, Варшава, 1883.

Смоленский В., История польского народа, перевод Г. Ф. Львовича, СПб., 1900.

Smolenski W., Ostatni rok sejmu wielkiego, wydanie drugie, Kraków, 1897.

Соловьев С.М., История России с древнейших времен, издание товарищества «Общественная Польза», в шести книгах, СПб.

Соловьев С.М., Собрание сочинений, издание товарищества «Общественная польза», СПб.

Szujski Józef, Dzieje polski podług ostatnich badań, Lwów, t. II-1862, t. III-1864, t. IV-1866.

Трачевский А., Польское безкорольевье по прекращении династии Ягеллонов, Москва, 1869.

Шмитт Г., История польского народа, тт. I-III (перевод с польского Шрейера), СПб., 1864-1866.

Якубовский И.В., Земские привилеи Великого Княжества Литовского («Журнал Министерства народного просвещения» 1903 г., апрель (239-278) и июнь (245-303).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. От Казимира Великого до Сигизмунда III	12
ГЛАВА II. Времена Сигизмунда III	127
ГЛАВА III. С 1632 по 1686 годы	206
ГЛАВА IV. От 1686 года до четырехлетнего сейма	288
ГЛАВА V. Эпоха четырехлетнего сейма	357
ПОСЛЕСЛОВИЕ	402
ПРИЛОЖЕНИЕ	422
Научные публикации В. А. Беднова	422
Рецензии на научные труды	427
Важнейшие источники и пособия	428

Приглашаем в киоск по продаже православной литературы нашего и других издательств в фойе Национальной Академии наук РБ (станция метро «Академия наук» с 9.00 до 18.00 в будние дни).

Оказываем услуги по компьютерному набору и оформлению оригинал-макетов книг и брошюр.

Тел. В Минске: (8-10-372-17) 284-14-58

Тел./ факс: 264-30-76

E-mail: inovikov@inbox.ru